

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ VI.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Путь Григорьевичъ Оршанскій. Биографическій очеркъ	А. Л.	***
II. Къ предыдущей статьѣ	А. Л.	
III. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства	В. В. Стасова.	
IV. Римское Гетто. Путь воспоминаній Э. Кастелара	Петра Вейдберга.	
V. Исторія выключки	И. Г. Оршанскаго.	
VI. Евреи въ средніе вѣка съ точки зрѣнія торговой политики	В. Рошера.	
VII. Коробочный сборъ	М. Г. Моргулис.	
VIII. Мордаехъ Иерусалима	Г. В. Богрова.	
IX. Взглядъ на юридическое положеніе евреевъ въ Россіи и заграничій	Л. З. С—скій.	
X. Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія наукъ	М. I. Шлейден.	
XI. Безъ надписи. Разказъ	К. Э. Францова.	
XII. Дѣла испугленія. Разказъ	К. Э. Францова.	
XIII. Каратъ Эмилъ Францовъ	А. Л.	
XIV. Наши домашнія дѣла. Письмо изъ сѣверо-западнаго края	IV.	
XV. Христиане въ защиту евреевъ	Л. Л.	
XVI. Памятникъ И. Г. Оршанскому	В. В. Стасова.	
XVII. Забѣты	А. Л.	
XVIII. Judaica. Виблюграфическое сообщеніе	А. Я. Гаркави.	

При этомъ томѣ прилагается портретъ и факсимиле покойнаго И. Г. Оршанскаго.

Содержание первых ПЯТИ томовъ
„ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ.“

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА

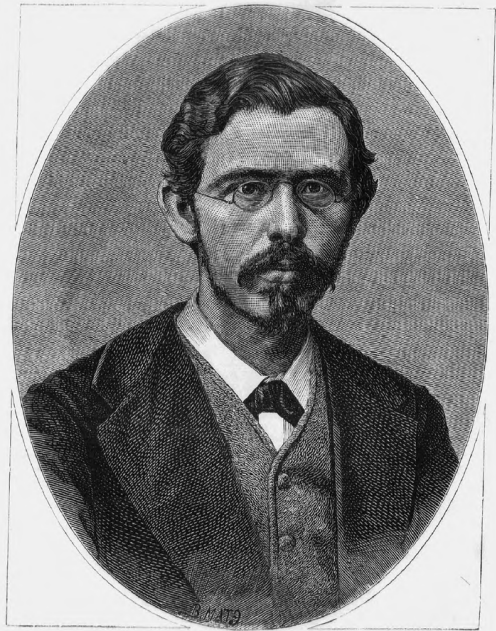
I. Отъ издателя	
II. Горячее время. Романы. Часть первая.	Л. Леванды.
III. Коммемориалъ псалм. Писанъ. Стихотвореніе.	Л. Мандельштама.
IV. Барри о христіанствѣ. Стихотвореніе	П. Вейнберга.
V. Мисси о халдеевѣ.	И. Орнанскаго.
VI. Выблеенное государство	Л. Мандельштама.
VII. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Периодъ первый.	М. Моргулица.
VIII. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. Очеркъ бѣды польско-русскихъ евреевъ во второй половинѣ XVIII вѣка.	По Гретцу.
IX. Революціи и Реформаторство. Борба шваба Калкута. Страница изъ исторіи евреевъ.	А. Штротмана.
X. Молодая Валестина. Изъ книги „Жизнь и сочиненія Гейна“.	П. Вейнберга.
XI. Подслушанное. Изъ литературныхъ стихотвореній Гейне	М. Гутмана.
XII. Что такое Еврейскіе	Г. Гордона.
XIII. Обзоръ современной еврейской литературы	Р. Гулинера.
XIV. Русский переводъ Псалма Завла	Л. Мандельштама.
XV. Псаломъ. Предсмертная записка Моисея.	

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА

I. Отъ издателя	
II. Горячее время. Романы. Часть 2-ая. Двѣнадцатый дождь и еврей. Часть 3-ья. Царь Талмидени	Л. Леванды.
III. Барри и халдеевъ. Время раззаконенія Талмуда.	Альберта Говили.
IV. Изъ позднейшей исторіи евреевъ въ Россіи	И. Орнанскаго.
V. Изъ автобіографіи Соломона Маймона.	
VI. Къ вопросу о земледѣліи у евреевъ въ Россіи	В. Леванды.
VII. Еврейская Псалма (Изъ Барри Корнуаи). Стихотвореніе.	Д. Минаева.
VIII. Цвѣта Иудей. (Изъ Франкель). Стихотвореніе	Д. Минаева.
IX. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Периодъ второй.	М. Моргулица.
X. По поводу постройки синагоги въ Петербургѣ.	В. Стасова.
XI. Обзоръ еврейской литературы	Г. Гордона.
XII. Слѣсокъ подлинныхъ на I томъ „Еврейской Библиотеки“.	

СОДЕРЖАНІЕ III-го ТОМА

I. Моисей. Восточная поэма Альбрехта де-Винья	Д. Минаева.
II. Горячее время. Романы. (Окончаніе).	Л. Леванды.
III. Братство. Изъ народныхъ стихотвореній А. О. Гордона.	Д. М.
IV. Субботняя псалм. Изъ Франкель.	Д. Минаева.
V. Русское законодательство о евреяхъ.	И. Орнанскаго.
VI. Мордохъ Вилновичъ. Рассказъ.	М. Брандштетера.

M. Spivakov

1001

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

E 86 [1 шорт] / 247

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ VI.

ИЗДАНИЕ

А. Е. ЛАНДАУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія и Литографія А. Е. Ландау. Площадь Божья. Театра, д. № 2-32.

1878.

ИЛЯ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРШАНСКІЙ.

5 Сентября 1875 скончался на двадцать девятомъ году жизни въ своей родинѣ, въ Екатеринославѣ, *Илья Григорьевичъ Оршанскій*.

Русская печать съ замѣчательнымъ единодушіемъ напутствовала раннюю смерть покойнаго, хотя немногими, но глубоко прочувствованными словами. Не смотря на бѣдность, поверхностность и даже нѣкоторую казенность замѣтокъ, явившихся по поводу смерти Оршанскаго, тѣмъ не менѣе уже изъ одного ихъ сопоставленія само собою выясняется, хотя лишь въ общихъ чертахъ, отношеніе русской литературы къ Оршанскому и мѣсто, принадлежащее въ ней послѣднему, какъ писателю и какъ личности. Прежде всего наше вниманіе останавливается на замѣтномъ противорѣчьи въ различныхъ отзывахъ объ Оршанскомъ, какъ писателѣ. Такъ „Москов. Вѣд.“, первыя извѣстившія о его смерти, говорятъ о немъ какъ о русскомъ юристѣ, мимоходомъ и какъ бы краснѣя упоминая о дѣятельности Оршанскаго въ пользу его единовѣрцевъ. Напротивъ того, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ весьма подробно остановились на литературной дѣятельности Оршанскаго въ защиту своихъ единовѣрцевъ и удѣлили весьма немного мѣста его обще-русской юридической и литературной дѣятельности.

Во всѣхъ безъ исключенія некрологахъ отдано было должное покойному, какъ безупречной въ нравственномъ отношеніи личности; при этомъ было указано на то, что покойный Оршанскій, не смотря на свою физическую слабость, перешедшую въплоть до

6969-0

2011121599

въ болѣзнь, не согласился однакожь промѣнять незавидное, но свободное положеніе литературнаго батрака и пролетарія на спокойное положеніе профессора и привлекательную карьеру юриста-практика. Въ одномъ изъ некрологовъ на послѣднее обстоятельство не безъ нѣкоторой наивности было даже указано, какъ на доказательство того, что и еврей можетъ быть честнымъ труженикомъ науки и преданнымъ отечеству гражданиномъ. Далѣе въ некрологахъ объ Оршанскомъ поражаетъ удивительная скудость фактической стороны его жизни, какъ будто бы его жизнь вся заключалась въ его литературной дѣятельности и только въ одной послѣдней сферѣ и проявилась. Вотъ все, что мы можемъ извлечь изъ того, что написано о жизни и дѣятельности Оршанскаго.

Пытаясь собрать въ одно все извѣстное намъ о жизни и дѣятельности покойнаго Оршанскаго для того, чтобы подѣлиться этими свѣдѣніями со всѣми тѣми, кому извѣстны его произведенія и кто уважаетъ его имя, мы уже съ самаго начала наталкиваемся на крупныя затрудненія. Читатель могъ уже замѣтить, что Оршанскій извѣстенъ съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ, по двумъ сторонамъ своей дѣятельности, въ двухъ различныхъ сферахъ нашего общества. Для русскаго еврея Оршанскій—представитель, въ извѣстномъ смыслѣ даже глава партіи, требующей реформы русско-еврейскаго міра внутри и эманципации извнѣ. Для русскаго читателя, если онъ юристъ или просто человекъ серьезно слѣдящій за текущими общественными и государственными вопросами, Оршанскій честный и талантливый труженикъ, не мало поработавшій въ теченіи своей краткой жизни для разрѣшенія нѣсколькихъ крупныхъ вопросовъ и задачъ, интересующихъ русское общество. Оба эти разряда читателей, будучи знакомы съ Оршанскимъ съ одной лишь стороны, съ той именно, которая входитъ въ кругъ ихъ преобладающихъ интересовъ, совершенно игнорируютъ другую сторону дѣятельности покойнаго. Это раздвоеніе дѣятельности Оршанскаго и двойственность среды, въ которой онъ пользуется извѣстностью, для которой, стало быть, и пишется биографія, налагаютъ особенныя условія на составителя послѣдней въ данномъ случаѣ.

Биографія Оршанскаго должна поэтому не только удовлетворить любознательству его читателей и почитателей той и другой среды

по также пополнить даже съ нѣкоторой насильственностью, кругъ свѣдѣній и объемъ возрѣвій тѣхъ и другихъ читателей на жизнь и дѣятельность Оршанскаго.

Другое затрудненіе, встрѣчающееся при составленіи биографіи Оршанскаго и на которое также было уже выше указано, заключается въ скудости фактической, внѣшней стороны жизни покойнаго. Хотя нами собранъ весь матеріалъ, могущій имѣть какое-либо значеніе для жизнеописанія Оршанскаго, включая сюда почти всю огромную переписку его, записныя книги, тетради и т. п. документы, тѣмъ не менѣе приходится сознаться, что жизнь покойнаго Оршанскаго почти исключительно выразилась въ его трудахъ. Внѣшняя же, бытовая сторона играла въ ней лишь весьма незначительную роль. Съ большей яркостью, чѣмъ талантъ, проявился въ его трудахъ внутренний складъ его характера, его нравственное міросозерцаніе, насколько послѣднее вообще отражается въ сферѣ интеллектуальнаго развитія человѣка. Нѣкоторые страницы изъ статей Оршанскаго рисуютъ его душевный складъ лучше и полнѣе, чѣмъ могла бы это сдѣлать цѣлая куча фактовъ изъ его жизни. Вотъ это то обстоятельство еще болѣе, чѣмъ вышеупомянутая двойственность литературной дѣятельности Оршанскаго, обязываетъ биографа смотреть на бытовую, фактическую матеріалъ лишь какъ на форму и какъ-вѣ для жизнеописанія Оршанскаго. Главное же вниманіе биографа въ данномъ случаѣ должно быть сосредоточено на разборѣ произведеній Оршанскаго съ той именно ихъ стороны, съ которой они могутъ выяснять личность Оршанскаго, предоставляя другимъ сдѣлать объективную и всестороннюю оцѣнку его трудовъ.

Илья Григорьевичъ Оршанскій родился въ 1846 г. въ Екатеринославѣ, въ небогатой, но зажиточной семьѣ. О—скіе хотя уже около столѣтія живутъ въ Малороссіи, но сами выходцы изъ западнаго края, изъ м. Орши, Могилевской губ. Въ предѣлахъ Малороссійскаго края изъ этого семейства вышло нѣсколько членовъ, которые въ качествѣ равниновъ и общественныхъ дѣятелей играли въ мѣстномъ районѣ немалую роль. Въ новѣйшее время дѣды и дядя Оршанскаго съ опочившей стороны, какъ равнины и обществ. дѣятели, пользовались репутаціей ученыхъ гебраистовъ и либераловъ. Вообще же основательное знакомство съ древней

и новой еврейской литературой традиціонно передавалось и подерживалось въ этой семьѣ, при чемъ однако послѣдняя никогда не отличалась слѣпымъ фанатизмомъ, не принадлежала къ сектѣ „хасидовъ“ и всегда проявляла нѣкоторый либерализмъ при строгой преданности основнымъ началамъ иудаизма. Для болѣе полной характеристики этого семейства слѣдуетъ прибавить, что въ немъ особенно часто попадались типъ людей замкнутыхъ, честолюбивыхъ съ развитыми интеллектуальными наклонностями къ отвлеченнымъ занятіямъ, но мало общительныхъ и не особенно впечатлительныхъ. Родственники Оршанскаго по материнской сторонѣ напротивъ того рѣзко отличались своимъ живымъ темпераментомъ, воспримчивостью, остроуміемъ, энергіей, обладала порядочными способностями. Что касается непосредственно родителей покойнаго Оршанскаго, еще живыхъ въ настоящее время, то, выражая каждый довольно рѣзко типъ своего семейства, они хотя и представляютъ въ значительной степени контрастъ другъ съ другомъ, но въ многомъ взаимно попопняютъ одинъ другаго. Оба они физически совершенно здоровы, обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и въ отношеніи наследственности не было ни малѣйшаго повода къ той страшной болѣзни, которая унесла въ могилу Оршанскаго. Покойный П. Г. представляя собою, какъ это увидимъ послѣ, сочетание чертъ отцовскихъ и материнскихъ, болѣе приближался впрочемъ къ типу Оршанскихъ.

И. Г. былъ первымъ ребенкомъ Оршанскихъ. Обладая крѣпкимъ сложеніемъ, онъ ребенкомъ и въ дѣтствѣ никогда не болѣлъ, если не считать тѣхъ незначительныхъ, случайныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянныхъ прихвариваній, которыя каждый, даже самый здоровый ребенокъ переноситъ въ первую пору своей жизни.

Уже довольно рано—въ первые годы, въ ребенкѣ стало замѣтно основная черта его характера—ровность и спокойствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе живости и того непрерывнаго, безразличнаго, такъ сказать разсѣяннаго любопытства, вслѣдствіе котораго дѣти, въ первые года своей жизни, такъ безпокойны, ни минуты не остаются на мѣстѣ и приводятъ въ восторгъ окружающихъ своей шаловливостью, принимаемой обыкновенно за проявленія ума ребенка. Оршанскій-ребенокъ, напротивъ того, отли-

чался флегматичностью, игралъ онъ обыкновенно одинъ, а лучшими забавами для него служили мелкія вещи, которыя онъ любилъ перебирать. Между прочимъ онъ очень рано проявилъ чрезвычайно тонкую скромность, и необикновенную, совершенно не дѣтскую стыдливость. Такъ, когда его отняли отъ груди,—а ему не было еще тогда года—достаточно было ему сказать „нельзя“, или „вехорошо“, чтобъ онъ совершенно успокоился и не дѣлалъ больше никакихъ попытокъ вернуть счастье пропало. Ребенокъ не любилъ дѣтскихъ игръ съ животными, сопровождающихся обыкновенно порядочнымъ истязаніемъ послѣднихъ. Его трогало и доводило до слезъ жестокое обращеніе съ домашними животными. Не менѣе бросалась въ глаза въ ребенкѣ любовь его къ порядку и аккуратности. Въ поведеніи ребенка рано проявилась извѣстная доля самостоятельности; онъ неохотно уступалъ, часто оказывая упорное сопротивленіе, но не капризничалъ. Онъ пользовался тщательнымъ уходомъ и попеченіемъ, но его не портили излишнимъ баловствомъ. Такимъ-то образомъ и безъ особенныхъ приключеній протекли первые 4 года его дѣтства.

4-хъ лѣтъ отъ роду онъ былъ отданъ въ еврейскую школу (хедерь). Здѣсь онъ сначала не только не выказалъ ни малѣйшей охоты къ ученю, но нѣкоторое время оказывалъ даже значительное сопротивленіе—каждый разъ, когда его брали и водили въ школу. Любимымъ и обыкновеннымъ его вопросомъ въ такихъ случаяхъ было—„зачѣмъ это мнѣ“, „что это такое“. Очевидно, что причиною этой нелюбови къ школѣ и ученю было съ одной стороны отвращеніе ребенка къ шумнымъ собраніямъ, съ другой стороны—отсутствіе того безцѣльнаго любопытства, которое обыкновенно побуждаетъ дѣтей бросаться въ первое время на ученю какъ на новинку.

Маленькому Оршанскому нужно было прежде хотя отчасти узнать и понять то, что называлось его уму, для того чтобы получить охоту къ новому занятію. Родители разумѣется были несказанно огорчены такой тугостью своего первенца къ ученю и чуть-ли не серьезно стали побавляться не выйдетъ ли изъ него „амъ-гоорецъ“, т. е. невѣжда и туица. Но недоразумѣнія скоро разсѣялись. Лишь только ребенокъ—хотя насильно—былъ введенъ въ новую для

него сферу, онъ быстро пристрастился къ учебнымъ занятіямъ, и съ этой минуты занятія его пошли успѣшно и непрерывно. Послѣ азбуки учитель прямо перешелъ съ нимъ къ изученію пятинкини, которое ребенокъ въ два года прошелъ со всѣми комментаріями. Ребенокъ впрочемъ не довольствовался тѣмъ, что ему давала школа. Потребность въ умственной работѣ, была у него такъ сильна, что даже въ свободные часы по пятницамъ и субботамъ онъ не упускалъ случая и читалъ разные, доступныя его пониманію, книги, которыя онъ находилъ дома и которыя онъ даже отправлялся читать къ родственникамъ. Любимой его книгой въ это время была настольная книга всякой набожной еврейки „Цеена-у-Реена“, изобилующая легендами и рассказами о чудесахъ. Здоровье его все это время было хорошее; впрочемъ, онъ уже въ эти годы и съ этихъ поръ навсегда обладалъ блѣднымъ цвѣтомъ лица. Характеръ его шелъ въ направленіи дальнѣйшаго развитія выше-сказанныхъ чертъ. Онъ былъ постоянно кротокъ и тихъ, выходилъ изъ себя только, когда его трогали или при немъ обижали когонибудь, или даже какое-бы то ни было животное. Съ товарищами не водился, не любилъ гулять, если же и гулялъ, то обыкновенно одинъ. Уже въ этомъ раннемъ возрастѣ онъ не любилъ играть и часто говорилъ что „изъ этого ничего хорошаго не можетъ выйти“.

Десяти лѣтъ отъ роду Оршанскій обладалъ уже большою начитанностью въ древне-еврейской литературѣ, въ особенности въ еврейской философской литературѣ, оригинальной и переводной. Десяти лѣтъ онъ приступилъ къ изученію Талмуда, которымъ онъ съ тѣхъ поръ продолжалъ заниматься непрерывно, но разумѣется, не исключительно, втеченіи десяти лѣтъ, прекративъ это занятіе только въ битность свою студентомъ на одномъ изъ высшихъ курсовъ.

Суда по тѣмъ многочисленнымъ примѣчаніямъ, которыя остались послѣ него на поляхъ фольянтовъ довольно богатой библиотеки его отца, видно, что уже въ 15—16 лѣтъ онъ основательно изучилъ талмудическую и вообще древне-еврейскую литературу. Изъ тетрадей, оставшихся послѣ Оршанскаго и относящихся къ этому періоду его жизни, можно убѣдиться, что голова его сильно

работала въ это время. Плодомъ этой работы была оставшаяся послѣ него масса примѣчаній къ разнымъ запутаннымъ мѣстамъ изъ Талмуда и философскихъ сочиненій, равно какъ и множество филологическихъ замѣтокъ, преимущественно заключающихся въ объясненіи многихъ непопулярныхъ и неопредѣленныхъ словъ, такъ часто встрѣчающихся въ Талмудѣ, путемъ сравненій съ другими языками. Люди, знакомые съ древне-еврейской литературой и филологіей и имѣвшіе случай видѣть рукописи Оршанскаго, утверждаютъ, что эти первые продукты мысли покойнаго представляютъ немалый интересъ для сравнительной филологіи и для исторіи Талмуда. По этимъ же рукописямъ можно видѣть, какъ рано Оршанскій научился пользоваться научнымъ матеріаломъ и извлекать изъ послѣдняго максимумъ возможнаго. Ни одна книга не была имъ прочитана безъ того, чтобы тутъ же на мѣстѣ онъ не извлекъ изъ нея наиболее интересныя мѣста въ формѣ цитатъ, переводовъ или извлеченій. Впослѣдствіи онъ усовершенствовалъ эту систему въ томъ смыслѣ, что, прочитавъ какуюнибудь книгу, онъ отмѣчалъ, на какой страницѣ книги трактуется о томъ или другомъ предметѣ. Такимъ образомъ уже на первыхъ ступеняхъ своего развитія Оршанскій, читая, тутъ же писалъ. Эти извлеченія изъ читаннаго и замѣтки по поводу приобритеннаго, сначала, какъ видно по рукописямъ, не носили на себѣ слѣдовъ какаго,нибудь опредѣленнаго плана, не выражаютъ собою преслѣдованія какихъ либо опредѣленныхъ цѣлей, исканія отвѣтовъ на вопросы. Но по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся дальше по этимъ тетрадкамъ, мы видимъ, какъ безцѣльное собраніе матеріаловъ замѣняется болѣе систематическимъ группированіемъ усвоеннаго, какъ послѣднее сортируется, такъ сказать канализуется на избвѣстныя мысли и по опредѣленному плану. Такая система чтенія и изученія показываетъ, что молодой Оршанскій довольно рано сознательно приступилъ къ изслѣдованію и предусмотрительно заготовлялъ себѣ матеріалъ для будущей самостоятельной умственной дѣятельности. Въмѣстѣ съ тѣмъ эта система объясняетъ, почему Оршанскій впослѣдствіи въ своихъ работахъ имѣлъ обыкновеніе и возможность подкрѣплять свои положенія массой данныхъ, почерпнутыхъ изъ источниковъ, изъ которыхъ большая часть вовсе не была у него подѣ

руками в данную минуту. Такъ напримѣръ, когда въ послѣдніе годы своей жизни онъ, живя заграницею, присылалъ въ Россію статьи, въ которыхъ на каждомъ шагѣ указывалъ на различные, иногда довольно рѣдкіе, источники, часто удивлялись и спрашивали, откуда онъ досталъ материалы. Но ознакомившись съ его манерой, выработанной имъ довольно рано, такъ сказать вынасывать прочитываемое, мы больше не станемъ удивляться этому обилію источниковъ въ его позднѣйшихъ работахъ.

Въ тоже время онъ ревностно изучалъ иностранные языки, литературу и предметы общеобразовательные. Первые свои познания въ русскомъ языкѣ онъ приобрѣлъ самъ, безъ помощи учителей, когда ему было лѣтъ десять. Родители однажды совершенно случайно замѣтили, что онъ читаетъ русскую книгу. Немедленно ему навяли учителя для преподаванія языковъ русскаго и нѣмецкаго, равно какъ и для общихъ предметовъ: арифметики и географіи. Съ учителемъ Оршанскій занимался впрочемъ не долго, всего два года, такъ какъ въ это время дѣла его родителей пришли дурной оборотъ, и они вынуждены были на годъ выѣхать въ деревню (не свою разумѣется). Все это время, т. е. цѣлый годъ, молодой Оршанскій оставался въ городѣ, у еврейскаго учителя, своего дяди, имѣвшаго большое влияние на умъ мальчика и способствовавшаго тому, что послѣдній еще больше прежняго пристрастился къ изученію еврейскихъ философовъ. Официально поэтому общеобразовательные предметы отошли въ это время на второй планъ, но мальчикъ продолжалъ самъ упорно заниматься ими. Товарищей-приятелей у него въ это время почти не было; кругъ его знакомства ограничивался только 2—3 школьными товарищами, съ которыми онъ имѣлъ мало общаго, такъ какъ они проводили время обыкновенно далеко не въ такомъ серьезномъ и усидчивомъ трудѣ. Тѣмъ не менѣе, если у него не было друзей въ тѣсномъ смыслѣ слова, зато онъ ко всѣмъ своимъ школьнымъ товарищамъ относился хорошо, отчасти впрочемъ игнорируя ихъ. Между русскими у него лѣтъ до 15-ти не было ни одного знакомаго. Онъ также не зналъ дамскаго общества и вообще отличался большою робостью и скромностью, если онъ случайно попадался въ общество. Въ рѣдкіе свободные часы, которые мальчикъ себѣ да-

валъ, онъ любилъ рыться въ лавчонкахъ и закупать на тѣ мѣдныя гроши, которыя были въ его распоряженіи, рѣдкія, преимущественно старыя книги. Въ оставшейся послѣ него библиотекѣ сохранилось много такихъ книгъ, приобретенныхъ этимъ путемъ. Тѣмъ-же путемъ онъ приобреталъ, по собственному выбору, не имѣя указаній со стороны свѣдущихъ людей, учебныя книги по языкамъ и общеобразовательнымъ предметамъ. Родители въ то время уже опять вернулись въ Екатеринбургъ, и маленький Оршанскій, разумѣется, опять жилъ у нихъ. Онъ, имѣя всего 15 лѣтъ, уже пользовался въ это время въ городѣ славою очень свѣдущаго въ гебраизмѣ молодого человѣка, подающаго надежды сдѣлаться современемъ знаменитымъ раввиномъ и быть звѣздой въ іудействѣ. Къ тому времени относятся его спеціальныя занятія съ мѣстнымъ раввиномъ по самымъ важнымъ и труднымъ отдѣламъ Талмуда, каббалѣ и еврейской философіи.

Здѣсь мы должны отмѣтить обстоятельство, имѣвшее большое влияние на развитіе Оршанскаго. Дѣло въ томъ, что въ это время, т. е. началу 60-хъ гг. относится возникновеніе новаго умственнаго и культурнаго движенія въ средѣ южно-русскихъ евреевъ.

Нѣтъ надобности конечно говорить о томъ, что движеніе это было до известной степени отраженіемъ той волны, которая пронеслась по всей Руси, глубоко возмутивъ ту тишь и гладь, которую Россія представляла въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ. Эти годы были для всей Россіи годами обновленія, возбужденія, пробужденія отъ долгаго сна, и надеждъ на лучшее будущее. Это всеобщее движеніе не могло не отразиться на евреяхъ, томившихся въ вынужденной, невольной замкнутости, въ невѣдѣніи всего того, что вошло въ плоть и кровь всѣхъ европейскихъ культурныхъ народовъ. Евреи естественно стали ожидать отъ общаго обновленія Россіи участія своей участи, допущенія ихъ въ среду русскаго общества, на правахъ русскихъ гражданъ. Евреи юга, болѣе своихъ западныхъ братьевъ разбѣянные среди русскаго населенія, уже давно сдѣлали значительныя шаги на пути своего обрусѣнія. По этому на нихъ раньше отразилось новое вѣяніе времени. Движеніе приняло двойное направленіе: внѣшнее и внутреннее. Выбѣ-

евреи потянулись къ окружающему населенію, принялись за изученіе русскаго языка, начались робкія сначала попытки отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія. Это вѣншее движеніе впрочемъ было уже второй стадіей развитія. Въ самомъ же началѣ движеніе имѣло болѣе внутренней характеръ и выразилось въ попыткѣ и стремленіи еврейской мысли выйти изъ тѣхъ узкихъ и довольно тѣсныхъ предѣловъ, которыя Талмудъ и традиція отвели для еврейскаго ума. При этомъ еврейская мысль не прервала связи съ прошлымъ, а оставалась на легалькой почвѣ иудаизма, стремилась расширить предѣлы послѣдняго и воспринять въ себя зародыши новыхъ началъ. Плодомъ этого движенія явилась на югѣ и западѣ Россіи новая еврейская литература, переводная и оригинальная, естественно-научная и беллетристическая, поэзія и критика, явились газеты съ новымъ направленіемъ, появилась литература брошюръ, даже самъ казался, уже окаменѣвшій древне-еврейскій языкъ обновился, выказавъ удивительную эластичность и способность дальнѣйшаго роста и развитія. — Среди екатеринославской еврейской молодежи тоже образовался небольшой кружокъ, горячо отозвавшійся на новое движеніе и тщательно слѣдившій за новой литературой. Разумѣется молодой Оршанскій былъ изъ первыхъ, которые примкнули къ возникавшему движенію. Это обстоятельство само собою послужило сильнымъ толчкомъ, оторвавшимъ его отъ той сухой умственной пищи, которая и до того вѣроятно уже недостаточно удовлетворяла пытливый умъ молодого Оршанскаго. Вторымъ обстоятельствомъ, немало способствовавшимъ укрѣпленію связи между Оршанскимъ и новой умственной сферой, послужило знакомство, завязанное имъ съ нѣкоторыми гимназистами высшихъ классовъ екатеринославской гимназіи. Это знакомство было для молодого Оршанскаго въ высшей степени полезно: оно въ извѣстной степени открыло ему тотъ новый еще для него міръ, въ который онъ до сихъ поръ, благодаря случайно приобрѣтаемымъ имъ книгамъ, лишь изрѣдка заглядывалъ. Благодаря этимъ знакомствамъ, онъ вдругъ узналъ, что онъ уже далеко ушелъ въ своихъ занятіяхъ по предметамъ гимназическаго курса. Хотя не осталось никакихъ достовѣрныхъ данныхъ относительно характера этихъ новыхъ знакомствъ и отношеній, но одно несом-

нѣнно, что они ему указали на легкую для него возможность поступить въ университетъ. Его теперь стали снабжать разными учебными книгами, и по совѣту своихъ новыхъ друзей онъ занялся латынью, которой онъ до сихъ поръ не зналъ. Къ сожалѣнію намъ не осталось никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы судить о той внутренней борьбѣ, которая несомнѣнно должна была происходить въ 16-ти лѣтнемъ Оршанскомъ во время крутаго перехода въ совершенно новую среду. Впрочемъ, судя по общему характеру покойнаго и по нѣкоторымъ фактамъ, можно думать, что переходъ совершился въ сущности весьма медленно и постепенно. Такъ извѣстно, что не только въ это время, но еще въ первый годъ своего студенчества, Оршанскій былъ глубоко набоженъ, т. е. строго-принципально, и не любилъ въ этомъ отношеніи послабленій и компромиссовъ. И это неудивительно. Напротивъ, еслибъ мы даже не имѣли никакихъ свѣдѣній и а этотъ счетъ мы также имѣли бы полное право предположить это, зная какой устойчивостью отличались вообще убѣжденія покойнаго Оршанскаго и какъ медленно они видоизмѣнялись, разъ будучи приняты, разумѣется вполне сознательно и не безъ нѣкоторой трудности. Такимъ же образомъ новые занятія только отбѣснили, сказали прежнія чисто еврейскія занятія, но несовершенно исключили ихъ. Оршанскій съ прежнимъ жаромъ продолжалъ изученіе древне-еврейской литературы, писалъ свои замѣчанія къ Талмуду, хотя начиналъ относиться уже критически къ тому, что прежде слѣпо поглащало его, и въ душѣ мечталъ о широкомъ будущемъ и свѣтлой наукѣ—и, какъ увидимъ ниже, уже одумывалъ свои первыя литературныя произведенія.

Въ 16 лѣтъ, въ 1862 г., мы застаемъ его въ этомъ положеніи. Родителямъ его, горячо любившимъ своего даровитаго сына, было извѣстно желаніе его поѣхать въ какой нибудь университетскій городъ для поступленія въ университетъ. Но это не такъ то легко было привести въ исполненіе. Вопервыхъ для того времени это было такимъ смѣлымъ шагомъ, который могъ вызвать—и дѣйствительно вызвалъ—негодование значительнаго большинства екатеринославскаго общества. Для того, чтобъ охарактеризировать степень образованія тогдашняго еврейскаго общества въ Екатеринославѣ,

достаточно здѣсь будетъ сказать, что въ то время въ Екатеринославской гимназіи былъ всего одинъ или два еврейскихъ ученика, на которыхъ общество смотрѣло какъ на совершенно погибшихъ для еврейства людей. Вышеупомянутое либеральное движеніе только что возникло, аденты новаго ученія пока еще смотрѣли робко въ глаза ортодоксамъ. Само собою разумѣется, что родителямъ Оршанскаго трудно было разстаться съ долго лелѣемой мечтой о блестящей раввинской карьерѣ ихъ сына, и имъ приходилось долго и серьезно призвѣдываться надъ невѣстной и даже несомнѣнною понятной судьбой ихъ любимца. Родные, окружающіе, общественное мнѣніе, относились неодобрительно къ затѣѣ молодого человѣка, осланивали потерю его для іудаизма, пугали родителей страшной отвѣтственностью. При такихъ условіяхъ представляется даже несомнѣнно понятнымъ, что помогло родителямъ его преодолѣть всѣ затрудненія и отправить сына учиться. Это тѣмъ болѣе странно, что въ семьѣ Оршанскаго мать также не сочувствовала этому плану, который былъ приведенъ въ исполненіе лишь благодаря настойчивости отца Оршанскаго. Есть основаніе думать, что послѣднему въ этой борьбѣ помогло, кромѣ прирожденнаго расположенія къ просвѣщенію и желанія удовлетворить наклонностямъ сына, еще и нѣкоторое честолюбіе, желаніе увидѣть сына знаменитымъ, оправдывающимъ тѣ надежды, которыя на него возлагались. Но, кромѣ того, встрѣтились еще другаго рода затрудненія, болѣе прозаическія, но не менѣе дѣйствительныя, со стороны тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыя для этого пришлось принести родителямъ Оршанскаго. Дѣла ихъ въ это время были весьма незавидны, и жились имъ очень плохо. Несмотря на всѣ эти повидному непреодолимыя затрудненія, увеличившіяся еще горечью разлуки съ любимымъ сыномъ, отъѣздъ его былъ рѣшенъ, и въ августѣ 1863 г. отецъ отвезъ молодого Оршанскаго въ Харьковѣ.

Ему въ это время было безъ малаго 17 лѣтъ. Росту онъ былъ выше средняго, волосы имѣлъ темпорусые, глаза свѣтлокаріе, близкіе къ сѣрымъ. Уже въ этомъ возрастѣ взглядъ его отличался нѣкоторой сухостью, слегка тускло-стального блеска. Цвѣтъ кожи у него былъ блѣдно-матовый, немного смуглый, прямой носъ съ

слегка раздвинутыми поздырями и сжатыми полными губами придавалъ лицу не то задумчивый, не то слегка сердитый видъ. Вслѣдствіе сидячей жизни, грудь его, отъ природы не особенно объемистая, развилась недостаточно и неравномѣрно и представлялась уже на первый взглядъ немного впавшей, причѣмъ правое плечо онъ держалъ всегда ниже лѣваго. Ходилъ онъ скоро, немного согнувъ на сторону голову, и сутуловато. Вообще видъ имѣлъ робкій, немного болѣзненный. Нѣтъ надобности повторять здѣсь, что жизнь онъ велъ крайне однообразную. Выходилъ рѣдко, да и то развѣ сбѣгаетъ куда нибудь за книгой, чтобъ опять засѣсть за чтеніе. Несмотря на кажущуюся суровость, онъ былъ въ дѣйствительности мягче, нежели казалось. Но не говоря уже о томъ, что онъ способенъ былъ питать самыя нѣжныя чувства въ своимъ близкимъ, какъ это онъ не разъ доказалъ, въ его характерѣ были тавія черты, которыя несомнѣнно доказывали изобиліе и богатство его натуры нѣжными чувствами. Онъ страстно любилъ маленькихъ дѣтей, горячо вступался за каждого попавшагося шалуна, котораго даже черезъ чуръ строго карали, очень гуманно относился даже къ животнымъ, всегда готовъ былъ услужить, чѣмъ могъ и т. д. Попавъ въ общество пріятелей, онъ иногда бывало расходится и громко хохочетъ надъ собственными островами—причемъ, надо замѣтить, у него, когда онъ выросъ, развилась страсть, сохранившаяся въ извѣстной степени на всю жизнь, къ островамъ. Предметомъ этихъ остроутовъ бывали нерѣдко окружающіе, надъ которыми П. Г. подтрунивалъ, большей частью добродушно. Тавовъ былъ средній т. с. нормальный характеръ Оршанскаго въ томъ періодѣ. Но при этомъ надо замѣтить, что уже и тогда, хотя еще въ весьма слабой степени, замѣчалась по временамъ кака-та болѣзненная раздражительность, вспыльчивость, вносѣдствіи еще болѣе развивался. Онъ не выносилъ шуму, раздражался, когда его прерывали во время занятій, приставали и т. п. Но будучи разсерженъ, онъ обыкновенно сдерживался и большею частью ограничивался только тѣмъ, что удалялся къ себѣ и зарывался въ свои книги. Нечего говорить, разумѣется, о томъ, что о женскомъ обществѣ онъ не имѣлъ понятія и краснѣлъ при одной встрѣчѣ съ знакомой барышней, даже родственницей. Между

прочимъ не лишне замѣтить, что въ характерѣ молодаго Оршанскаго какъ то странно сочетались неподдѣльная скромность и сознательное пониманіе своей силы. Сквозь его, на первый разъ видимому, кроткій взглядъ, уже тогда по временамъ проглядывало выраженіе не то пролическое, не то пыливое, не то саркастическое, тутъ же смѣнявшееся выраженіемъ спокойнымъ, задумчивымъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, какъ онъ смотрѣлъ на себя въ эту эпоху, чего онъ ожидалъ отъ себя,—на все это мы найдемъ указаніе лишь въ дальнѣйшемъ періодѣ его жизни. Такимъ же застаемъ его въ первый его прїѣздъ въ Харьковъ.

Отецъ привезъ его въ Харьковъ для окончательнаго подготовленія его въ теченіи зимы къ вступительному экзамену въ университетъ. Не теряя времени, Оршанскій поступилъ пока вольнослушателемъ на юридическій факультетъ. Обстановка, въ которой онъ провелъ эту зиму, первую послѣ того, какъ онъ оставилъ родительскую кровлю, была не особенно привлекательна. Отецъ пристроилъ его на квартирѣ у одного своего знакомаго, мѣстнаго раввина, повидимому, слѣдовательно чловѣка почтеннаго, заслуживающаго довѣрія. Въ семействѣ этого послѣдняго молодого Оршанскій жилъ на правахъ пансіонера, разумѣется, за предварительно условленную плату. Но Оршанскій не имѣлъ на своей квартирѣ отдѣльной комнаты, что конечно должно было нерѣдко мѣшать его занятіямъ и при его характерѣ доставлять ему не мало огорченія. Далѣе дѣла отца его въ теченіи этой и слѣдующей зимы были очень и очень нехороши. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ послабля денегъ для сына не отличались ни особенной щедростью, ни особенной аккуратностью, что не могло не отразиться печально на положеніи Оршанскаго въ Харьковѣ. Тѣмъ не менѣе занятія его шли не прерываясь, и къ этому времени относятся первые его шаги на литературномъ поприщѣ. Въ эту зиму онъ написалъ „Историческія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ“, и „Былъ, разсказъ моего пріятели“. Оба эти произведенія были имъ отправлены въ С.-Петербургъ, въ комитетъ „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями“. Первая статья была напечатана въ 1864 г. вторюю ему возвратили, мотивируя отказъ независимыми отъ редакціи причинами, другими

словами черезъ чуръ рѣзкимъ и обличительнымъ характеромъ статьи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить подробно о работахъ Оршанскаго, о постепенномъ развитіи его мысли; здѣсь величше пока замѣтить, что уже въ этой „Былѣ“, его первой попыткѣ высказать свои воззрѣнія на „еврейскій вопросъ“, мы находимъ въ зародышѣ всѣ тѣ черты, которыя впоследствии такъ рѣзко характеризуютъ его работы постоу предмету. Уже и здѣсь мы встречаемъ наклонность замѣнять, гдѣ только возможно риторикой—анализомъ дѣйствительности, объяснять настоящее прошлымъ, сводить причины тѣхъ или другихъ явленій въ области внутренней организаціи еврейскаго міра—на вѣшнія бытовья условія. Одно только выдаетъ крайнюю юность автора: невыдержанность, прорывающійся мѣстами наеосъ, и наконецъ нѣкоторая шероховатость и невыработанность языка. Зима эта прошла для Оршанскаго въ самыхъ разнообразныхъ занятіяхъ: приведеніе въ порядокъ своихъ частю учебныхъ знаній по предметамъ гимназическаго курса, слушаніе университетскихъ лекцій, чтеніе на дому, наконецъ поддержаніе старыхъ связей съ еврейской литературой—все это поглощало его время, которое слѣдовательно уходило такъ же монотонно и антигигиенчески для молодаго Оршанскаго, какъ и въ Екатеринбургѣ. Весной 1864 году онъ выдержалъ вступительный экзамень въ университетъ при одной изъ Харьковскихъ гимназій. Лѣтомъ онъ посѣтилъ родителей въ Екатеринбургѣ, провелъ у нихъ канікулярное время, осенью опять вернулся въ Харьковъ, гдѣ былъ принятъ на 1-й курсъ юридическаго факультета. Этотъ годъ уже прошелъ для Оршанскаго въ матеріальномъ отношеніи немного лучше предыдущаго. Въ этомъ 65 году онъ напечаталъ нѣсколько легкихъ статей на древне-еврейскомъ языкѣ въ различныхъ еврейскихъ изданіяхъ. Содержаніе этихъ статей заключалось въ переводахъ и популяризаціяхъ естественно-научнаго содержания. Судя по этимъ работамъ его, можно заключить, что въ немъ уже тогда зародилось стремленіе къ литературной дѣятельности, но онъ еще не выяснилъ себѣ отчетливо ни своихъ стремленій, ни характера своего таланта. Переходя на 2-й курсъ, Оршанскій опять на лѣто прїѣхалъ къ своимъ. Въ это время онъ получалъ отъ одного одессита приглашеніе переѣхать къ нему въ Одессу и поселиться въ

его домъ въ качествѣ наставника и репетитора дѣтей. Предложеніе это пришлось по сердцу молодому Оршанскому, такъ какъ Одесса, какъ болѣе важный, сравнительно съ Харьковомъ, культурный центръ, обладающая нѣсколькими литературными органами, должна была привлекать его и обѣщала болѣе простора какъ для его умственного развитія, такъ для его начинающейся литературной дѣятельности. Въ послѣднемъ отношеніи для него большое значеніе должно было имѣть то обстоятельство, что Одесса издавна считалась центромъ еврейскаго просвѣщенія на югѣ и представлялась поэтому наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для подвизанія на поприщѣ специально еврейской и еврейско-русской публицистики. Въслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Оршанскій принялъ приглашеніе, перевелся въ 1865 г. на 2-й курсъ въ новороссійскій университетъ, и переѣхавъ въ Одессу, поселился въ домѣ С. Я. Трахтманна, сдѣлавшаго Оршанскому вышеупомянутое предложеніе. Въ этомъ домѣ Оршанскій прожилъ все время своего студенчества до окончанія курса и даже нѣкоторое время послѣ окончанія. Условія жизни его съ этихъ поръ были несравненно лучше, чѣмъ въ Харьковѣ. Вскорѣ по переходѣ его въ Одесскій университетъ, онъ сдѣлался стипендіатомъ университета. Пользуясь уваженіемъ и расположеніемъ семьи, въ которой онъ жилъ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ тѣ удобства, какія семейство это могло ему доставлять. Эти-то три года, которыя онъ провелъ здѣсь, будучи студентомъ, были для него наиболѣе важными годами жизни въ отношеніи его развитія. Въ то время успѣла окончательно высклестись его наклонность къ публицистической дѣятельности, и путь, по которому онъ впоследствии пошелъ, былъ уже здѣсь намѣченъ. Къ этому времени относятся его: „О замкнутости евреевъ“ и „Простонародныя Пѣсни русскихъ евреевъ“. Въ этихъ статьяхъ Оршанскій высказалъ свое „profession de foi“ относительно еврейскаго вопроса. Указавъ на главную причину ложныхъ понятій, существующихъ въ русскою обществѣ о еврейскомъ мірѣ—на свободу свѣдѣній, которая первое имѣетъ о послѣднемъ, скудость, обусловливаемую между прочимъ отдаленностью мѣстожителства евреевъ отъ центровъ русской жизни, Оршанскій обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то неблагопріятное для евреевъ обстоя-

тельство, что они знакомы русскому населенію съ одной только стороны, и притомъ наименѣе привлекательной, съ экономической. Въ заключеніе онъ высказываетъ надежду, что „отъ подрастающаго тебѣ поколѣнія, которому суждено осуществить великое дѣло обрусѣнія нашихъ единоплеменниковъ, можно ожидать между прочимъ и всесторонняго обсужденія путемъ печатнаго слова судебъ еврейскаго народа въ Россіи“. Втеченіе этихъ трехъ лѣтъ Оршанскій писалъ въ мѣстныхъ газетахъ „Одесскій Вѣстникъ“, „Новороссійскій Телеграфъ“, а также въ еврейской газетѣ „Гамелицъ“. Въобщемъ частью это были юридическія замѣтки, или корреспонденціи изъ Еватернослава, куда онъ ѣзжалъ каждое дѣло къ родителямъ. Отношенія его къ послѣднимъ, какъ это между прочимъ видно изъ его перепишкы съ ними, были въ это время такъ же нѣжны и проникнуты искренней преданностью и заботливостью, какъ и во всѣ послѣдующіе годы его жизни. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ отвѣтъ родителямъ, упрекавшимъ его въ нежеланіи пріѣхать къ нимъ надолго, онъ пишетъ, „что хотя крѣпко любить всѣхъ людей, но своихъ соотечественниковъ болѣе другихъ, а родителей и близкихъ всего болѣе“. Сохранилось очень много его писемъ, относящихся къ тому времени, въ которыхъ онъ даетъ самыя подробныя и обстоятельныя наставленія своимъ младшимъ братьямъ, находившимся тогда у родителей, какъ и чѣмъ имъ заниматься, указываетъ имъ руководство, поправляетъ имъ ошибки въ ихъ письмахъ, радуется ихъ успѣхамъ и т. д. Въ особенности много переписывался онъ съ старшимъ изъ этихъ братьевъ, который нерѣдко жаловался на невозможность правильныхъ занятій въ Еватернославѣ, и просилъ старшаго брата помочь ему остаться Еватернославѣ и попасть въ Одессу. Въ отвѣтъ на эти жалобы, Оршанскій въ своихъ письмахъ изъ Одессы постоянно ободрялъ младшаго брата, обѣщавъ ему въ будущемъ помочь, совѣтовалъ ему терпѣть и указывалъ на способъ извлечь пока изъ своего времени все возможное при тогдашнихъ условіяхъ. И дѣйствительно въ 1864 г. Оршанскій, проведя дѣло у своихъ родителей, взялъ съ собою, возвращаясь въ Одессу, младшаго брата, которому онъ помогъ пристроиться въ Одессѣ, съ которымъ онъ не мало возился и на развитіе котораго имѣлъ большое вліяніе.

Благодаря своему пребыванию въ семействѣ съ довольно обширнымъ кругомъ знакомыхъ, Оршанскій въ это время успѣлъ нѣсколько освоиться съ обществомъ и сталъ немного общительнѣе. Въ томъ же направленіи вліяло на него его литературныя занятія и трех-лѣтнее пребываніе въ университетѣ, гдѣ ему приходилось часто сталкиваться съ товарищами и такимъ образомъ невольно хотя на короткое время выходить изъ своей замкнутости. Впрочемъ, въ главномъ Оршанскій сохранилъ прежній характеръ и склонность къ уединенію. Между товарищами у него, пожалуй, были приятели, но не было друзей. Онъ велъ очень регулярную, однообразную жизнь. Физически онъ немного развился за эти годы, выросъ, но смотрѣлъ худощавымъ, блѣднымъ, и если не больнымъ, то по крайней мѣрѣ слабымъ.

Въ теченіи послѣдняго года его университетскаго курса у него уже открылись первые симптомы той болѣзни, отъ которой онъ впоследствии умеръ; около времени окончанія курса появилось у него впервые кровохарканье, но онъ это тщательно скрывалъ отъ окружающихъ, хотя повидному вполне понималъ всю важность этого симптома и даже не заблуждался насчетъ своей недолговѣчности. Ниже мы приведемъ данныя, которыя характеризуютъ его отношенія къ своему здоровью. Къ этому же времени Оршанскій, еще не имѣя и полныхъ 22 лѣтъ отъ роду, уже успѣлъ приобрести въ еврейскомъ обществѣ значительную извѣстность. Такъ мы видимъ, что еще въ 1865 г., онъ, будучи еще во 2-мъ курсѣ, получилъ приглашеніе отъ Петербургскаго комитета „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями“—заняться составленіемъ очерка Талмудическаго семейнаго права, но Оршанскій почему-то не принялъ этого приглашенія, по причинамъ намъ неизвѣстныхъ. Въ 1867 г. Одесское отдѣленіе этого „Общества“ избрало его въ члены, выразивъ этимъ ему свое уваженіе и возлагавшія на него обществомъ надежды на его полезную дѣятельность въ пользу своихъ единовѣрцевъ.

Въ 1868 г. онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ. Ему было предложено остаться при университетѣ для усовершенствованія и занятія кафедры, но при этомъ отъ него потребовали, чтобы онъ принялъ православіе. Оршанскій,

не задумываясь и ни минуты не колеблясь, отвѣтилъ на это предложеніе отказомъ. Въ виду важности и значенія этого факта для всей дальнѣйшей судьбы Оршанскаго, не лишне будетъ остановиться здѣсь немного на внутренней сторонѣ, моральной подкладкѣ этого поступка. Между евреями, а можетъ быть и между русскими, найдутся люди, которые станутъ объяснять этотъ отказъ, если не религиозными, то по крайней мѣрѣ національными, племенными мотивами. Но всякій, знавшій покойнаго, найдетъ, разумѣется, такое объясненіе невѣрнымъ. Для Оршанскаго еврей хотя и былъ единоплеменникомъ по происхожденію, но наврядъ-ли онъ, какъ племя, сознательно ставилъсь имъ выше другихъ расъ. О религиозной преданности іудазму съ его стороны не можетъ быть и рѣчи. Связь, соединявшая Оршанскаго съ еврейскимъ міромъ, принадлежала къ совершенно другой категоріи. То были узлы, связывающія сильнаго съ слабымъ, связывающія жалкую и забытую среду съ тѣми счастливыми, которымъ удалось выдѣлиться изъ этой среды. Словомъ, то было связъ моральная, то было сознание обязанностей, лежащихъ на старшемъ братѣ по отношенію къ младшимъ. Оршанскій, выросшій въ еврейской средѣ, зналъ весь гнетъ, подавляющій ее извнѣ, и мракъ, покрывающій ее внутри. Его чувствительной натурѣ было противно мысль воспользоваться преимуществами своихъ способностей и своего положенія для одного себя. Онъ считалъ своимъ первымъ долгомъ удѣлить часть своихъ мыслей, заботъ и трудовъ той части людей, страдающей которой онъ зналъ по личному опыту, которымъ онъ желалъ помочь въ ихъ безсильныхъ до сихъ поръ попыткахъ выбиться изъ мрака къ свѣту. Понятное дѣло, что принатіе православія поставило бы его въ такія натянутыя отношенія къ своимъ единоплеменникамъ, что наврядъ-ли между ними были бы возможны искреннія отношенія, необходимыя для общей дѣятельности въ ихъ пользу. Вотъ главная причина, по которой Оршанскій отклонилъ отъ себя перемѣну вѣроисповѣданія. Но была еще одна и не безынтересная причина. Дѣло въ томъ, что при томъ нерасположеніи, которое существуетъ въ русскомъ обществѣ по отношенію къ евреямъ, перемѣна евреями своей религіи, хотя бы перемѣна эта происходила изъ самыхъ возвышенныхъ побужденій, но разъ она сопровож-

дается приобретением земных благъ, бросаетъ нехорошій свѣтъ на данное лицо и служитъ какъ бы новой опорой для ходячаго мнѣнія о еврейской продажности. Подобное соображеніе должно сильно дѣйствовать съ чисто-личной точки зрѣнія на такого впечатлительнаго и шекотливаго въ нравственномъ отношеніи человѣка, какъ покойный Орнанскій. Въ заключеніе сообщимъ здѣсь ту крайне-характерную для его личности форму, въ которой онъ сообщалъ родителямъ объ этомъ событіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ послѣднимъ, осенью 1868 г., онъ между прочимъ въ концѣ письма сообщаетъ имъ слѣдующее: „Мнѣ предложили здѣсь (т. е. въ Одессѣ) остаться при университетѣ, для занятія кафедръ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы я принялъ христіанство. На дняхъ я купилъ себѣ шубу. Вольше нечего писать. Будьте здоровы“ и т. д.

Около этого-же времени зачатки его болѣзни стали уже обнаруживаться довольно явственно. У него нерѣдко бывало провахарканье, хотя въ незначительныхъ размѣрахъ. Тщательно скрывая свое болѣзненное состояніе немного отъ родныхъ, но и отъ окружающихъ, отъ семьи, въ которой онъ жилъ, онъ рѣшился, для укрѣпленія своего здоровья, съѣздить въ Крымъ. Повѣдку эту онъ совершилъ лѣтомъ слѣдующаго года; лѣто-же 1868 г. онъ посѣтилъ родителей, у которыхъ написалъ свою кандидатскую диссертацию, представленную имъ въ университетъ осенью, когда онъ вернулся опять въ Одессу.

Зима 1868—69 гг. застаётъ его на перепутьи, въ колебаніи. Внутренно онъ уже впрочемъ не колебался и ясно начерталъ себѣ ту дорогу, по которой ему хотѣлось пойти. Онъ уже давно не сомнѣвался въ своемъ призваніи къ научной и литературной дѣятельности. Даже нѣкоторыя детали были имъ уже начертаны. Онъ уже имѣлъ въ виду обѣ сферы дѣятельности, въ которыхъ впоследствии протекала его жизнь: научная дѣятельность на попринципъ русской юриспруденціи и болѣе специальная публицистическая дѣятельность въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Въ тетрадяхъ его, относящихся къ этому времени, мы уже находимъ массу матеріала, вошедшаго въ его первыя крупныя работы. Мало того, мы знаемъ, что, однажды, въ веселую минуту, онъ какъ бы невольно

прорвавшись, высказалъ лицу, совѣтовавшему ему заняться адвокатурой, свое убѣжденіе, что онъ не пойдетъ по практической дорогѣ, а что ему суждено приобрести извѣстность на попринципъ болѣе почтенномъ — научномъ. Но поставить себѣ ясно цѣль и путь не значить еще быть въ состояніи двинуться прямо къ этой цѣли и пойти по намѣченному пути. Орнанскому предстояло еще одна задача, болѣе скромная, но не менѣе важная—обезпечить себѣ независимое матеріальное положеніе. А такъ какъ ни наука сама по себѣ, ни случайное и неправильное литературство въ Одесскихъ изданіяхъ не могли этого доставить Орнанскому, то ему пришлось позаботиться о другихъ занятіяхъ. Съ этой цѣлью онъ взялъ занятія въ уѣздномъ судѣ, за что впоследствии получалъ вознагражденіе по 30 р. въ мѣсяцъ. Жить онъ продолжалъ еще въ семьѣ Трахманыхъ.

Но недолго продолжалось для него такое неопредѣленное положеніе. Въ теченіи этой зима шли подготовительныя работы по организаціи газеты „День“, въ которой онъ впоследствии принималъ такое дѣятельное участіе. Мы уже выше говорили о томъ движеніи, которое пережили русскіе евреи въ 60 гг. Однимъ изъ наиболее важныхъ и естественныхъ послѣдствій этого движенія было стремленіе образованнаго еврейства—центр котораго Одесса — имѣть на русскомъ языкѣ свой органъ, задачей котораго было бы знакомить русскій міръ съ тѣмъ малозвѣстнымъ уголкомъ его, который зовется еврейство, и сблизать эти два разрозненные и отчужденные элемента. Журналы „Сіонъ“ и „Разсвѣтъ“, одинъ за другимъ появившіеся и также одинъ за другимъ быстро исчезнушіе, служили выразителями этой потребности времени. Различныя внѣшнія и внутреннія неблагопріятныя обстоятельства были причиною недолговѣчности этихъ изданій. Но неудачи не останавливали Одесское еврейское общество, живо чувствовавшее потребность имѣть свой органъ въ печати. Въ началѣ 1869 г., рѣшено было приступить къ изданію въ Одессѣ газеты, „органа русскихъ евреевъ“, подъ названіемъ „День“. Въ этомъ изданіи съ матеріальной стороны принималъ участіе, кромѣ Одесскаго общества, и Петербургскій комитетъ „Общества, для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“. Редакти-

рование этого органа было поручено г. Орнштейну, бывшему сотруднику „Библиотеки для чтения“. Одним из первых по времени сотрудников этого издания был Орманский, который и был между прочим уже в виду при основании газеты. Газета продержалась два года, окончив свое существование в 1871 г., после одесских беспорядков, когда совершенно естественным со стороны „Дня“ выражения сочувствия к пострадавшим во время беспорядков еврейам усилили, и до того сильное давление цензуры на редакцию. Орманский был самым видным представителем того нового направления, которое пришла еврейская публицистика в газетѣ „День“. Ея предшественники „Сіонъ“ и „Разсвѣтъ“, служили какъ бы введеніемъ въ „День“. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ еврейскій вопросъ былъ впервые поставленъ въ Россіи. Поэтому въ нихъ мы видимъ преобладаніе гуманитарной, общечеловѣческой стороны вопроса надъ частной, надъ спеціальной—анализомъ условий положенія евреевъ въ Россіи. Въ газетѣ „День“ мы видимъ еврейскій вопросъ уже на болѣе высокой степени развитія. Обица фразы, быть можетъ возвышенныя, замѣняются изученіемъ различныхъ сторонъ еврейской жизни. Главная защита евреевъ обращается въ болѣе объективное изслѣдованіе, подѣ часть переходящее въ обвиненіе. Существенная услуга, оказанная русскому еврейству газетой „День“, заключается въ основательномъ изслѣдованіи главныхъ экономическихъ элементовъ жизни русскихъ евреевъ. Работа эта почти цѣлкомъ сдѣлана Орманскимъ. Онъ подвергнулъ тщательному критическому анализу ходячія возрѣнія о пресловутомъ богатствѣ еврейскомъ, о специфической еврейской эксплуатаціи, о врожденной будто бы отвращенности къ труду и въ особенности земледѣльческому. Въ изслѣдованіяхъ своихъ Орманскій пользовался статистическимъ и этнографическимъ матеріаломъ, собраннымъ авторитетами русской экономической науки. Такимъ образомъ изслѣдованія эти, при той искренности и безпристрастности, которая Орманскій вносилъ въ свои работы, имѣютъ характеръ строго научный; поэтому значеніе тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ, для еврейскаго вопроса громадно. Самый банальный изъ этихъ выводовъ

тотъ, что еврейская эксплуатація, не говоря уже о томъ, что размѣры ея преувеличены, коренится съ одной стороны въ общіяхъ условіяхъ русской жизни, въ умственной и экономической неравности крестьянскаго люда въ Россіи, что даетъ богатую почву для всякаго рода эксплуатаціи. Съ другой стороны корень зла лежитъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя ограничиваютъ сферу дѣятельности евреевъ въ Россіи, невольно заставляя ихъ высасывать по возможности больше изъ отведеннаго имъ района. На ряду съ экономическими работами, шло изслѣдованіе Орманскаго о внутренней организаціи еврейской общины въ Россіи. При этомъ онъ въ особенности остановился на разборѣ самыхъ выдающихся сторонъ этого вопроса, именно характера еврейской солидарности и корпоративности съ одной стороны, ихъ замкнутости и отношенія къ обрусѣнію съ другой стороны. Въ отношеніи послѣдняго пункта Орманскій желалъ выяснитъ между прочимъ вліяніе чисто внѣшнихъ государственныхъ условій на характеръ внутренней организаціи еврейскаго міра и крѣпость послѣдней.

Резюмируя свои выводы относительно замкнутости евреевъ и медленнаго хода ихъ обрусѣнія, авторъ резюмируетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: обрусѣніе евреевъ можетъ быть достигнуто не искусственными мѣрами, стало быть, не путемъ, котораго до сихъ поръ придерживалось наше правительство, но одной лишь притязательной силой русскаго народа, въ среду котораго евреи должны войти какъ полноправные граждане.

Кромѣ этихъ работъ по еврейской публицистикѣ, отнимавшихъ у Орманскаго много времени, онъ въ то же время, хотя медленно, выступалъ на поприщѣ русской юриспруденціи. Онъ въ то время написалъ много мелкихъ юридическихъ статей въ Одесскихъ періодическихъ изданіяхъ, и одну большую юридическую статью въ начавшемъ въ то время въ Одессѣ выходить „Юридическомъ Сборникѣ“. Въ теченіи 1870—71 г. онъ также началъ работать въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ и „Журналѣ Гражданскаго Права“.

Въ матеріальномъ отношеніи дѣла его были въ это время неблестящи. Его усиленные занятія давали ему сравнительно ничтожное вознагражденіе, такъ что за удовлетвореніями весьма непріхотливыхъ требованій его скромной жизни, ему почти ни-

чего не оставалось. Онъ сдѣлалъ попытку въ компаніи съ однимъ своимъ бывшимъ товарищемъ по университету и теперь со товарищемъ по занятіямъ въ редакціи—открыть адвокатскую контору въ Одессѣ, но дѣло не пошло; притомъ-же онъ крайне вяло относился къ тому практическому дѣлу, къ которому онъ не чувствовалъ никакой наклонности. Жилъ онъ въ то время въ семействѣ редактора, гдѣ пользовался внимательнымъ уходомъ. Онъ велъ очень аккуратную, однообразную жизнь. Хотя кругъ его знакомыхъ значительно расширился, и онъ сталъ уже далеко не такимъ нелюдимымъ и подчасъ развлекался въ обществѣ, однако размѣры его занятій несомнѣнно превышали его физическія силы.

Поэтому, несмотря на споспую обтаговку, которой онъ пользовался, здоровье его несколько не улучшилось; онъ видимо слабѣлъ. Болѣзнь, хотя медленно, но непрерывно развивалась.

Въ видахъ поправленія своего здоровья, онъ предпринялъ лѣтомъ 1863 г. поѣздку въ Крымъ. Родители, ожидавшие его въ это лѣто къ себѣ, были встревожены этой поѣздкой въ Крымъ, подозревая, что состояніе его здоровья неудовлетворительно. При этомъ же родители выражали ему свое желаніе видѣть его болѣе обеспеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи, и средство для этого они видѣли въ адвокатурѣ. Чтобы успокоить ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ изъ Крыма пишетъ имъ, что здоровье его совершенно удовлетворительно; поѣздку же онъ предпринялъ лишь для отдыха и развлечения; что же касается его матеріальнаго положенія, то онъ желаетъ всегда имѣть только необходимое и приобретать это трудами рукъ своихъ. Вообще онъ тщательно, на сколько могъ, скрывалъ свое нездоровье отъ окружающихъ, даже отъ младшаго брата, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Причины этой скромности крайне характерны. Отъ родителей онъ скрывалъ свою болѣзнь изъ желанія не причинять имъ огорченій и страданій, которыя бы ни къ чему не привели. Скрытность же его по отношенію къ окружающимъ, къ той семьѣ напримѣръ, въ которой онъ жилъ, и гдѣ къ нему отлучно относились, можно объяснить лишь его нелюбовью къ услугамъ, его нежеланіемъ видѣть себя предметомъ вниманія, уваженія, и что еще хуже, сочувствія и

сожалѣнія. Поэтому онъ всегда избѣгалъ разговоры о своемъ здоровьѣ, на которое онъ смотрѣлъ довольно мрачно, хотя повидимому спокойно, считая себя ненадежнымъ. Онъ однако тщательно слѣдилъ за своимъ здоровьемъ, соблюдая строго тотъ режимъ, который былъ ему назначенъ пользовавшимся его врачомъ и пріятелемъ д-мъ Чапкинскимъ. Лѣтомъ 1870 г. онъ однако, уступая просьбамъ родителей, предпринялъ поѣздку въ Екатеринбургъ и прогостилъ у нихъ порядочное время.

Лѣтомъ 1871 г. прекратила свое существованіе газета „День“, а съ нею и то дѣло, которое удерживало Орманскаго въ Одессѣ. Выше уже было упомянуто о такъ наз. Одесскомъ беспорядкѣ, сдѣлавшихъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе въ Одессѣ еврейскаго органа съ сколько нибудь независимымъ направленіемъ. Какъ извѣстно беспорядки эти закинулись въ томъ, что на святую недѣлю въ теченіи нѣсколькихъ дней толпа народа, состоявшая преимущественно изъ грековъ, занималась систематическимъ грабежомъ мѣстнаго еврейскаго населенія, который прекратился лишь благодаря вмешательству военной власти. Событіе это произвело сильное, даже потрясающее впечатлѣніе на Орманскаго. Такия неслыханныя пощрапія закона и справедливости, совершавшіяся среди бѣлаго дня на улицахъ, въ присутствіи многочисленной толпы такъ наз. образованнаго общества, любовавшегося такимъ зрѣлищемъ, не могло не поразить такого кроткаго и чувствительнаго человѣка, какъ Орманскій.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ негодованіи, котораго былъ перенесенъ Орманскій по поводу этихъ событій, было гораздо больше общечеловѣческаго, чѣмъ узко-національнаго чувства. Подъ вліяніемъ свѣжаго еще впечатлѣнія изъ подъ его пера вылились горячія слова протеста, такъ и оставшіяся въ портфель автора по различнымъ, „независимымъ отъ редакціи“ причинамъ. Впоследствии онъ посвятилъ этому предмету статью подъ заглавіемъ: „Одесскій погромъ“, вошедшую въ его книгу „Евреи въ Россіи“. Но Орманскій не остановился на одномъ кабинетномъ протестѣ и выраженіи негодованія. Какъ только беспорядки прекратились, въ „Днѣ“ явилась статья, въ которой указывалась Одесскому еврейскому обществу какъ на его право, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на свя-

ценную его обязанность, привлечь къ суду виновниковъ безпорядковъ и искать законнымъ путемъ вознагражденія пострадавшимъ отъ безпорядковъ. Изъ лицъ, принадлежащихъ къ Одесской интеллигенціи, составился комитетъ, задавшійся цѣлью изсѣдывать точно характеръ и размѣры убытковъ, причиненныхъ безпорядками мѣстному населенію. Оршанскій принималъ самое живое участіе въ трудахъ этого комитета, о чемъ свидѣлствуютъ между прочимъ оставшіеся въ его портфель между бумагами матеріалы, собранныя имъ и другими членами комитета, и касающіяся исторіи безпорядковъ. Но, кажется, хлопоты Одесскаго общества о вознагражденіи пострадавшихъ не увѣщались успѣхомъ, и дѣятельность комитета прекратилась на половинѣ пути. Прекращеніе „Дня“ застало Оршанскаго врасплохъ и заставило его призадуматься надъ болѣе солидной и широкой организаціей своей дѣятельности. Онъ уже давно чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ тѣмъ кругомъ дѣятельности, въ которомъ онъ вращался два года. Съ одной стороны, онъ уже въ значительной степени успѣлъ разочароваться относительно той пользы, которую можетъ принести евреямъ спеціальныи органъ—представитель ихъ интересовъ. Между прочимъ Одесса, какъ мѣсто, въ которомъ еврейскій вопросъ имѣетъ слишкомъ мѣстный характеръ, оказалась далеко не подходящей для защиты евреевъ почвою.

Далѣе онъ начиналъ все больше и больше чувствовать потребность и сознавать за собою право выступить на болѣе широкую дорогу — русскаго ученаго публициста. Послѣдней потребности разумеется крайне трудно было удовлетворить въ самой Одессѣ; еще менѣе удобно было для начинающаго завязать сношенія съ Петербургскими редакціями, хотя, какъ мы уже видѣли, онъ уже дѣлалъ подобнаго рода посылки. Но обстоятельства на этотъ разъ начинали складываться для него благоприятно. Бывшій редакторъ „Дня“, поддерживаемый Одесскимъ еврейскимъ обществомъ, задумалъ войти въ сношенія съ какой нибудь столичной газетой, которая на извѣстныхъ условіяхъ согласилась бы быть представительницей евреевъ въ журналистикѣ. Такой газетой оказалась „Новое Время“, купленная г. Устряловымъ. Глубокой осенью 1871 г. Орштейнъ переехалъ въ Петербургъ для завѣдыванія практи-

Устряловъ

ческой стороны редакціи „Новаго Времени“, предложивъ, разумеется, Оршанскому поѣхать вмѣстѣ съ нимъ для участія въ новой газетѣ.

Не трудно догадаться послѣ всего вышесказаннаго, какъ должно было прійтись послѣднему по сердцу это предложеніе. Одно только заставляло его призадумываться надъ своей поѣздкой—климатъ петербургскій, отъ котораго онъ не могъ ожидать ничего хорошаго для своего здоровья. Но и это не могло остановить его, въ виду осуществленія его старой мечты—попасть въ Петербургъ. Какъ онъ смотрѣлъ на свою поѣздку, видно изъ одного его письма къ родителямъ, въ которомъ онъ пишетъ имъ изъ Одессы о своемъ намѣреніи поѣхать въ Петербургъ „завяться русской литературой“.

Въ октябрѣ 1871 г. Оршанскій вмѣстѣ съ семействомъ г. Орштейна пріѣхалъ въ Петербургъ. Пребываніе его въ Петербургѣ было весьма непродолжительное, такъ какъ дурное вліяніе петербургской зимы скоро отразилось на его здоровьѣ и заставило его навсегда покинуть этотъ городъ. Но тѣмъ не менѣе эти 3—4 мѣсяца, проведенные имъ здѣсь, имѣли для него большое значеніе, такъ что съ момента его пріѣзда въ Петербургъ можно справедливо считать начало новаго, и притомъ самаго важнаго, самаго плодотворнаго періода въ его жизни. Вскорѣ послѣ его пріѣзда начала выходить въ свѣтъ газета „Новое Время“, подъ редакціей Устрялова и Орштейна, о которой было уже выше говорено. Оршанскій принималъ въ ней весьма дѣятельное участіе. Ему принадлежить въ ней рядъ передовыхъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр. о раскольничихъ, о стачкѣ извозчиковъ въ Таганрогѣ, въ свое время обратили на себя вниманіе. Замѣчательно, что въ этихъ и другихъ передовыхъ статьяхъ онъ какъ бы намѣтилъ тотъ путь, по которому онъ впоследствии его лучше юридическія работы. Такъ онъ посвятилъ нѣсколько статей вопросу о церковно-судебной реформѣ и востановленію суда. И странное дѣло! Извѣстно, что въ теченіи всей своей дальнѣйшей юридической дѣятельности ему пришлось главнымъ образомъ имѣть дѣло съ этими-же самими вопросами. Сопоставленіе это невольно наводитъ на мысль, что на-

правление, въ которомъ шла юридически-литературная дѣятельность Оршанскаго, не зависѣла по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени отъ внѣшнихъ вліяній, но прямо вытекало изъ его внутренней духовной сферы, изъ міросозерцанія его, доказательство чему мы увидимъ ниже.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ круга дѣятельности Оршанскаго, какъ публициста, замѣчаемъ поворотъ и въ его отношеніяхъ къ еврейскому вопросу.

Въ „Новомъ Времени“ онъ ничего не писалъ по еврейскому вопросу, отдавшіеся исключительно болѣе общимъ задачамъ и интересамъ русской жизни. Сверхъ своихъ занятій въ „Новомъ Времени“, онъ началъ было работать въ „Гражданинѣ“, который тогда только что появился и направленіе котораго еще тогда не выяснилось. Но послѣ первыхъ номеровъ этой газеты, когда духъ и характеръ ея уже успѣли достаточно опредѣлиться, Оршанскій прекратилъ свое сотрудничество въ ней. Въ это-же время онъ познакомился лично съ редакторами тѣхъ органовъ, въ которыхъ онъ работалъ съ этимъ поръ до самой смерти—съ редакторами „Журнала Гражданскаго Права“, „Судебнаго Вѣстника“ и „Недѣли“. Вообще надо замѣтить, что въ это время онъ сдѣлалъ не мало знакомствъ и много сознавая, какъ вредно дѣйствуетъ на него сидячій образъ жизни, болѣе прежняго слѣдилъ за своимъ здоровьемъ, гулялъ, бывалъ въ обществѣ и т. д. Жилъ онъ въ первое время по пріѣздѣ у Орштейновъ, затѣмъ нанялъ отдѣльную квартиру, гдѣ поселился вмѣстѣ съ братомъ, тогда студентомъ медицины.

Но всѣ предосторожности, предпринятыя имъ, не могли его защитить отъ пагубнаго вліянія петербургскаго климата. Въ исходѣ января 1872 г. онъ повидимому безъ всякой причины получилъ сильное кровохарканье, отъ котораго онъ слегъ и пробылъ въ постели нѣсколько недѣль. Это было у него первый сильный припадокъ кровохарканья. Во время болѣзни его навѣщала профессоръ Эйхвальдъ. Благодаря внимательному леченію и хорошему уходу, онъ сравнительно скоро поправился и по настоянію медиковъ оставилъ Петербургъ, избравъ на первый разъ мѣстою для своего пребыванія городъ Гейдельбергъ, пользующійся теплымъ и ровнымъ климатомъ. Онъ оставилъ Петербургъ въ марѣ

1872 г. Съ этимъ поръ до самой смерти своей, стало быть въ теченіи 3-хъ съ половиною лѣтъ, онъ продолжалъ жить заграницей, перѣзжая съ мѣста на мѣсто. Лѣто онъ обыкновенно проводилъ въ Гейдельбергѣ; осенью уѣзжалъ въ Швейцарію; зиму проводилъ въ Тиролѣ, или въ Сѣверной Италіи. За все это время онъ только одинъ разъ, лѣтомъ 1874 г., посѣтилъ Россію, погостилъ немного у родителей и немедленно же уѣхалъ снова въ Германію.

Но даже и кратко-временный пріѣздъ его въ Россію дорого стоилъ его здоровью. На обратномъ пути изъ Екатеринослава въ Гейдельбергъ, онъ, проѣзжая черезъ Кіевъ, заболѣлъ здѣсь кровохарканьемъ и принужденъ былъ недѣли двѣ остаться въ этомъ городѣ, вѣрнѣе пролежать, пока онъ не окрылн на столько, чтобы быть въ состоянн снова продолжать путь. Въ Германіи Оршанскій принялся за работу съ новой энергіей. Онъ слушалъ въ Гейдельбергѣ лекціи политики и психологии народовъ, даже записался въ студенты тамошняго университета. Богатая Гейдельбергская университетская бібліотека поглотила его. Она произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ во время пребыванія своего у родныхъ въ 1874 г., неоднократно говорилъ о пей брату. Здоровье его однакожъ вовсе не было такъ хорошо, чтобы онъ могъ безнаказанно много работать.

Въ особенности былъ для него тяжелъ первый годъ пребыванія заграницей. Онъ нѣрѣдко хворалъ и иногда по цѣлымъ недѣлямъ долженъ былъ не покидать постели, причемъ онъ однакожъ не прекращалъ своихъ занятій. Внѣшнимъ доказательствомъ его напряженной работы служить длинный рядъ его статей, явившихся въ то время въ печати. Только счастливыя климатическія и гігеническія условия германской жизни поддерживали его здоровье.

Зимнія поѣздки на югъ, въ Швейцарію и Италію, дѣйствовали на него благотворно, такъ что въ теченіи 1874—75 гг. онъ себя чувствовалъ сравнительно лучше. Онъ даже на видъ поправился, хотя постарѣлъ, но немного пополнилъ. Само собою разумѣется, что это улучшеніе было только кажущееся; болѣзнь дѣлала свое и непрерывно развивалась. Не смотря на благопріятныя для его

здоровья условия заграничной жизни, Оршанского тянуло въ Россію. Онъ искренно любилъ свою родину; его старой мечтой было работать для русской науки, что было крайне затруднительно живя за границей. Во время предшлѣдшаго прїѣзда его въ Россію, въ 1874 г., однажды въ разговорѣ съ братомъ, когда они обсуждали этотъ вопросъ, онъ высказался, что не чувствуетъ ни охоты, ни возможности примннуть въ какой нибудь другой странѣ, напр. Германіи. Онъ считаетъ нравственной обязанностью всякаго развитаго русскаго еврея работать для Россіи, причеъ надо еще имѣть въ виду и то обстоятельство, что условия полезной дѣятельности гораздо легче въ Россіи, гдѣ еще такъ мало сдѣлано и такъ много остается сдѣлать во всѣхъ сферахъ общественной жизни и науки. Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ, онъ долженъ былъ скучать въ Европѣ и мечтать о возвращеніи на родину. И дѣйствительно онъ неоднократно высказывалъ брату свое намѣреніе, лишь только его здоровье немного поправится, поселиться въ какомъ нибудь южномъ уголкѣ Россіи; онъ мечталъ о Бессарабіи и о Кавказѣ.

А между тѣмъ случаетъ вернуться въ Россію и такъ сказать „присстроиться“ было у него нѣсколько въ послѣдніе годы. Такъ въ 1872 г. ему предлагали вернуться на зиму въ Одессу для редактиврованія статистическаго изслѣдованія еврейскаго населенія Одессы, причеъ ему предложены были довольно выгодныя условия отъ 2 — 3 тыс. р. Это же предложеніе было повторено и въ слѣдующемъ 1873 г.

На это предложеніе онъ отвѣтилъ отказомъ, мотивируя послѣдній безполезностью или вѣрнѣе безуспѣшностью этого дѣла для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя имѣлись при этомъ въ виду. Изъ этого отвѣта можно видѣть, что жизнь научила Оршанскаго уже смотрѣть иными глазами на „еврейскій вопросъ“ и на способы его разрѣшенія. Впрочемъ объ этомъ рѣчь ниже. Въ 1873 году ему также предложили изъ Одессы редактивровать вновь устраиваемаго тогда юридическаго органа; въ то-же время „Общество для распространенія просвѣщенія между евреями“ предложило ему написать сочиненіе о еврейскомъ уголовномъ правѣ. Послѣдняго приглашенія Оршанскій не принималъ, а первое дѣло почему-то не сос-

тоялось. Вообще онъ не имѣлъ особенной охоты поселиться снова въ Одессѣ, боясь ея климата.

Какъ мы уже говорили выше здоровье Оршанскаго въ послѣднее время на видъ будто бы улучшилось. По крайней мѣрѣ онъ чувствовалъ себя значительно лучше, да и выглядѣлъ крѣпче прежняго. Это кажущееся улучшение было Оршанскаго въ заблужденіе. Онъ считалъ себя въ такой степени поправившимся, что началъ мечтать объ осуществленіи своей старой мечты — вернуться въ Россію. Работая уже давно надъ большимъ сочиненіемъ по философіи права, онъ для окончательной его обработки нуждался съ одной стороны въ русскихъ матеріалахъ, съ другой стороны онъ считалъ необходимымъ прекратить на время, по крайней мѣрѣ на годъ, журнальную работу для того, чтобъ исключительно предаться своему труду. Въ виду этихъ то цѣлей, и руководствуясь такими соображеніями, Оршанскій въ іюлѣ 1875 года вернулся въ Россію. Предполагая остаться на зиму въ Одессѣ, онъ предварительно забхалъ въ родителямъ погостить. Разумѣется, восторгу родителей не было конца. Они нашли его значительно здоровѣе прежняго на видъ и, не подозрѣвая какаю страшную болѣзнь таплась въ немъ, окончательно отказались отъ своихъ прежнихъ подозрѣній на счетъ его здоровья. Онъ втеченіе этого своего послѣдняго посѣщенія велъ себя въ отношеніи своего образа жизни какъ совершенно здоровый человѣкъ, ѣлъ больше прежняго, не отказывался отъ вина, много ходилъ, словомъ — ни что не могло подать хотя бы малѣйшій намекъ на ту катастрофу, которая была уже такъ близка.

Это дѣло было на югѣ Россіи вообще и въ частности въ Екатеринославѣ необыкновенно знойное. Къ тому-же въ августѣ непрерывно свирѣпствовали сухіе вѣтры, которые при обилии на улицахъ Екатеринослава пыли, дѣлалъ воздухъ убійственнымъ. Одновременно съ этой перемѣной погоды и состояніе здоровья Оршанскаго рѣзко измѣнилось. Сначала у него появилось общее недомоганіе, слабость, по временамъ легкій жаръ, которому еще не придавали никакого значенія, пока всѣ эти предвѣстники не разразились тяжкимъ заболѣваніемъ. Это случилось около половины августа. День былъ знойный, воздухъ душливый, пыльный.

Оршанскій въ этотъ день вечеромъ долго гулялъ въ мѣстномъ городскомъ саду и вернулся домой въ необыкновенно хорошемъ и веселомъ расположеніи духа. Онъ видимо былъ въ болѣзненно-лихорадочномъ состояніи, хотя ни онъ, ни его окружающіе не подозревали этого. Поужинавъ по обыкновенному, онъ отправился спать, но долго не могъ заснуть... Около часа по полуночи у него сдѣлалось сильнѣйшее кровохарканье.

Изначинѣ было бы говорить здѣсь о томъ впечатлѣніи, которое это произвело на родныхъ. Но что всего поразительнѣе, это то полное невѣдѣніе, въ которомъ даже послѣ этого родители Оршанскаго находились относительно настоящаго смысла и значенія болѣзни ихъ сына. Когда приступъ кровохарканья къ утру утихъ, родители успокоились, приписывая кровохарканье случаю, геммороею и т. п. Въ этомъ отношеніи больной въ значительной степени способствовалъ своимъ поведеніемъ такому самообольщенію родныхъ. Онъ ихъ все успокаивалъ, говорилъ имъ, что это съ нимъ уже не въ первый разъ и всегда оканчивалось благополучно, что это даже облегчаетъ его и т. д. въ этомъ родѣ. Немудрено, что они, незнакомые съ значеніемъ этого симптома и не будучи сверхъ того въ силахъ допустить мысль, что ихъ сыну угрожаетъ серьезная опасность — до такой степени онъ былъ для нихъ дорогъ — успокоились насчетъ его болѣзни.

Нужно однакожъ замѣтить, что съ ихъ стороны были приняты немедленно всѣ тѣ мѣры, какія были въ ихъ распоряженіи. Одинъ изъ лучшихъ мѣстныхъ врачей былъ къ нему приглашенъ въ ту же ночь, когда онъ заболѣлъ. Врачъ этотъ тщательно слѣдилъ за больнымъ во все время болѣзни. Больного немедленно уложили въ постель, съ которой онъ уже не вставалъ болѣе. Ему запрещено было говорить, такъ что всѣ свои желанія и требованія онъ передавалъ на бумагѣ. Благодаря этому распоряженію, онъ уже до самой смерти не разговаривалъ съ окружающими и только нѣсколько отрывочныхъ словъ вырвались у него за всѣ эти дни...

Немедленно, по заболѣваніи Оршанскаго, семья телеграфировала младшему сыну, въ это время занимавшему должность земскаго врача въ С.-Петербургской губерніи. Тотъ, подозрѣвая серъ-

езную опасность для жизни больного, поспѣшилъ на помощь къ брату, отъ постели котораго онъ не отходилъ до послѣдней минуты.

Съ его прїѣздомъ больной и семья приободрились, надѣясь, если не на искусство, то на уходъ роднаго врача. Но доктору-брату не суждено было долго радовать своихъ... Онъ засталъ больного уже безнадежнымъ. Непрерывное отдѣленіе кровяной мокроты, постоянно высокая температура, все болѣе и болѣе усиливающаяся одышка—все это указывало на глубокое пораженіе легкихъ, что вполнѣ подтверждалось при слѣдованіи больного.

На долю молодаго Оршанскаго-врача выпала такимъ образомъ тяжелая задача: убѣжденный въ безнадежномъ положеніи больного, онъ долженъ былъ по немного готовить родителей къ ожидающему удару и отнимать у нихъ постепенно и понемногу надежду на выздоровленіе. Болѣзнь между тѣмъ быстро шла впередъ; печаль смерти лежала уже на лицѣ больного, который однако не терялъ еще надежды на выздоровленіе. Послѣдніе два дня болѣзнь приняла какъ будто лучшій оборотъ: температура пала, кровохарканье также уменьшилось, родные опять стали надѣяться, но это кажущееся улучшеніе было лишь слѣдствіемъ начинавшагося упадка силъ. Въ день наканунѣ смерти больной почувствовалъ себя настолько лучше, что ему позволено было не надолго прїесть на постели. Но онъ не переставалъ жаловаться на боль и стѣсненіе въ горлѣ, которое все болѣе и болѣе усиливалось. Въ ночь съ четверга на пятницу, больной въ 12 часовъ, выпивъ не много молока, заснулъ. На разсвѣтѣ въ 5 часовъ спавшій возлѣ него братъ былъ разбуженъ звономъ колокольчика, находившагося возлѣ постели больного. Подойди къ больному, онъ былъ пораженъ его блѣднымъ, синеватымъ, холоднымъ лицемъ. „Меня душитъ“, проговорилъ больной, указывая на свое горло. „Пойдетъ кровь“, прибавилъ онъ. Видно было, что онъ боялся повторенія приступа кровохарканья. Но не въ этомъ уже было дѣло... Приложивъ ухо къ груди больного, братъ понялъ, что все кончено: отекъ обоихъ легкихъ былъ уже въ полномъ развитіи. Немедленно послано было за врачами и прїѣхли къ возбуждающимъ средствамъ; но все было напрасно. Одышка быстро шла впередъ, и не прошло и де-

сяти минут, какъ больной уже потерялъ сознание, которое вернулось потомъ снова, но не надолго. Въ семь часовъ утра 5-го сентября его не стало, а черезъ два часа толпа народа провела его на ложе вѣчнаго покоя...

Время, прожитое Оршанскимъ за границей, было самой плодотворной въ литературномъ отношеніи эпохой его жизни. Къ этой эпохѣ относятся какъ самыя капитальныя его труды по еврейскому вопросу, такъ и вся, можно сказать, его юридическая литературная дѣятельность. Посмотримъ сначала что было имъ сдѣлано въ первомъ отношеніи, т. е. по еврейскому вопросу. Последнія его произведенія, сюда относящіяся, носятъ на себѣ печать новаго направленія въ его воззрѣніяхъ на этотъ предметъ.

Имѣя предъ глазами собраніе работъ Оршанскаго по еврейскому вопросу и читая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, читателю легко прослѣдить въ какомъ направленіи развивалось и мѣнялось отношеніе покойнаго къ еврейскому вопросу, что весьма характерно для хода его общаго развитія. Несомнѣнно, что въ первое время онъ придавалъ большое значеніе ходячимъ воззрѣніямъ на еврейскій вопросъ, какъ на вопросъ экономической. Онъ всѣ свои усилія направилъ на борьбу съ тѣми банальными мотивами и доводами, которыми русское общественное мнѣніе прикрываетъ и оправдываетъ свое отношеніе къ евреямъ. Но съ теченіемъ времени онъ убѣдился, что суть ненормальнаго отношенія къ евреямъ вовсе не заключается въ этихъ такъ сказать фививныхъ, подставныхъ воззрѣніяхъ, что здѣсь значительную роль играютъ или традиціи или менѣе сознательныя и болѣе истинныя элементы, для подкрѣпленія которыхъ сознание русскаго общества призываетъ на помощь довольно шаткіе доводы. Онъ убѣдился, что для разъясненія еврейскаго вопроса нужно обратиться съ одной стороны къ далекому прошлому, съ другой стороны, игнорировать общераспространенныя воззрѣнія, спуститься въ глубину и пориться въ менѣе сознательныхъ сторонахъ общественной жизни, словомъ обратиться къ національной и религіозной сторонѣ еврейскаго вопроса. вмѣстѣ съ развитіемъ этихъ взглядовъ росло и крѣпло въ Оршанскомъ убѣжденіе, что гражданское по-

ложеніе евреевъ, само по себѣ какъ фактъ, имѣеть громадное влияние на воззрѣнія и сужденія русскаго общества объ этомъ вопросѣ. Такимъ образомъ въ міросозерцаніи Оршанскаго центръ тяжести еврейскаго вопроса постепенно перешелъ отъ настоящаго къ прошлому, отъ внѣшней, формальной стороны дѣла къ болѣе глубокой, такъ сказать антропологической сторонѣ, наконецъ, отъ общества къ государству. Плодомъ этого новаго направленія и явился рядъ статей о юридическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Въ этихъ статьяхъ, безспорно составляющихъ самое капитальное изъ всего того, что Оршанскій сдѣлалъ по еврейскому вопросу, онъ разработалъ не столько фактическую сторону русскаго законодательства о евреяхъ, сколько мотивы и условія историческаго развитія законодательства. Здѣсь-то и выяснилась та громадная роль, которую играли и къ сожалѣнію еще продолжаетъ играть религіозный элементъ въ происхожденіи и развитіи законодательства о евреяхъ. Несомнѣнно, что продолжая идти по этому направленію, покойный Оршанскій рано или поздно долженъ былъ подойти къ самой глубокой и темной сторонѣ еврейскаго вопроса, къ расовой сторонѣ. Но преждевременная смерть помѣшала ему совершить это дѣло, въ высшей степени многообѣщающее, но въ тоже время многотребующее отъ того, кто за него возьмется.

Вышесказанное относится главнымъ образомъ къ крупной и послѣдней статьѣ Оршанскаго по еврейскому вопросу: „Русское законодательство о евреяхъ“. Въ этой статьѣ авторъ сначала даетъ читателю общее и весьма опредѣленное понятіе о характерѣ русскаго законодательства о евреяхъ. Затѣмъ авторъ, не довольствуясь опредѣленіемъ современнаго состоянія этого отдѣла нашего законодательства, обращается къ отдаленному прошлому для разъясненія настоящаго. Эти историческія изъясненія, крайне интересные уже по однимъ матеріаламъ, собраннымъ и обработаннымъ Оршанскимъ, приводятъ автора ко многимъ весьма любопытнымъ открытіямъ относительно общаго хода нашего законодательства. Нѣкоторые изъ этихъ выводовъ бросаютъ интересный свѣтъ на многія стороны нашего историческаго прошлаго, которыя съ перваго взгляда кажутся столь отдаленными отъ еврей-

скаго вопроса, что повидимому трудно было бы ожидать найти здѣсь какую нибудь связь. Поэтому мы не можем удержаться, чтобы не привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.* Во первыхъ изъ этихъ исследований Орнанскаго оказывается, что современное юридическое и социальное положеніе евреевъ въ Россіи не представляетъ собою какой либо особенности русской жизни, а что мы встрѣчаемъ аналогичные періоды въ исторіи развитія положенія евреевъ въ любой европейской странѣ; при этомъ разумѣется надо прибавить, что въ Европѣ вездѣ евреи пережили уже этотъ періодъ. Дальѣйшія изысканія приводятъ Орнанскаго къ болѣе общему положенію, что вообще весь историческій ходъ юридическаго и социальнаго развитія еврейскаго вопроса у насъ въ Россіи совершенно совпадаетъ съ тѣми метаморфозами, которымъ подверглась этотъ вопросъ во всей Европѣ. Подобное положеніе, разъ оно будетъ принято и признано, а не принять его трудно, сразу возвышаетъ читателя надъ тѣми узкими воззрѣніями, господствующими у насъ объ этомъ предметѣ, которыя приучиваютъ еврейскій вопросъ къ какимъ то частнымъ, мѣстнымъ и повидимому случайнымъ явленіямъ русско-еврейской жизни. Станъ на такую историческую точку зрѣнія, читатель заподозрѣваетъ шаткость ходячихъ сужденій о какой то специально-еврейской испорченности, о какихъ-то будто бы необходимыхъ и дѣлебныхъ специальныхъ мѣрахъ противъ евреевъ и т. п. Читатель начинаетъ смутно догадываться, что предъ нимъ явленіе болѣе глубокаго пошпа и что корни и нити этого явленія принадлежатъ съ одной стороны отдаленному прошлому, а съ другой—глубокимъ и темнымъ сторонамъ культуры. Покойный Орнанскій посвятилъ значительную часть своихъ изысканій нахожденію этихъ корней и нитей и пришелъ въ этомъ отношеніи къ весьма интереснымъ выводамъ. Оказывается, что судьба евреевъ въ Россіи подвергалась частнымъ и значительнымъ колебаніямъ. Колебанія эти имѣютъ характеръ наступательныхъ и возвратныхъ волнъ, совершенно соответствующихъ общему характеру колебаній всего хода русской жизни. Выясненная такимъ образомъ связь между такимъ повидимому

* Читатели «Еврейской Библиотеки» впрочемъ хорошо знакомы съ этой статьей, которая была напечатана въ III, IV и V томахъ этой «Библиотеки».

частнымъ явленіемъ, какъ еврейскій вопросъ, и общимъ строемъ русской жизни, имѣетъ важное теоретическое и практическое значеніе. Теоретически это еще разъ подтверждаетъ истинность всякихъ попытокъ познать какое нибудь общественное явленіе отъ окружающихъ его условій. Практически же, пониманіе этой связи укрѣпляетъ въ умахъ евреевъ и неевреевъ идею солидарности ихъ интересовъ, ровнымъ образомъ сплачиваетъ обѣ стороны въ одно гражданское и моральное дѣло. Въ еврейскіе же сверхъ того это воззрѣніе должно стимулировать стремленіе къ сліянію съ окружающимъ населеніемъ, къ отождествленію своихъ частныхъ интересовъ съ интересами общественными. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ ознакомленію съ тѣми элементами, которые обуславливали развитіе русскаго законодательства о евреяхъ, мы изъ труда Орнанскаго узнаемъ слѣдующее: Религіозный элементъ всегда пралъ видную, едва-ли не первостепенную роль въ соображеніяхъ русскаго правительства о евреяхъ. Экономическая сторона еврейскаго вопроса также фигурировала уже издавна въ качествѣ очень вліятельнаго фактора въ русскомъ законодательствѣ о евреяхъ. Но эта сторона дѣла, на перекоръ общепринятымъ теперь воззрѣніямъ, дѣйствовала далеко не всегда въ ущербъ евреямъ. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ явленіемъ. Тогда какъ купеческое сословіе почти вездѣ было противъ евреевъ и домогалось возможно большихъ ограниченій правъ евреевъ, земледѣльческое сословіе, помѣщики и крестьяне, относилось несравненно лучше къ евреямъ и нерѣдко брало послѣднихъ подъ свою защиту. Это борьба между интересами различныхъ сословій отразилась, въ формѣ колебаній, въ нашемъ законодательствѣ. Здѣсь же мы наталкиваемся на слѣдующее, крайне оригинальное положеніе Орнанскаго. Онъ доказываетъ, что крѣпостничество, въ такой степени подчиняло себѣ всю русскую жизнь, что имѣло громадное вліяніе даже на такую повидимому чуждую область явленій какъ бытъ евреевъ и еврейскія общины, что авторъ подтверждаетъ массой фактовъ. Разобравъ главные элементы русскаго законодательства о евреяхъ, авторъ въ заключеніе доказываетъ, что этой, такъ сказать, положительной стороной дѣла еще не исчерпывается вся сумма вліянія

нашего закона на бытъ русскихъ евреевъ. Регулируя въ одномъ направленіи еврейскую жизнь черезъ чужъ узко и усердно, законъ игнорируетъ въ тоже время цѣлыя области еврейской жизни, какъ семейныя отношенія и религіозную организацію евреевъ. Это игнорированіе объясняется тѣмъ, что правительство само по себѣ постоянно руководствовалось по отношенію къ евреямъ часто фискальными соображеніями; поэтому, неудивительно, что такія стороны еврейскаго быта, какъ семейная и религіозная, не затронула непосредственно интересовъ правительства, не обращала на себя его вниманія. А между тѣмъ это игнорированіе было одной изъ главныхъ причинъ той изолированности и замкнутости еврейскаго быта, въ которыхъ евреевъ такъ усердно упрекаютъ.

Практическіе выводы своихъ изслѣдованій Орманскій резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: Русское законодательство о евреяхъ пуждается въ такихъ преобразованіяхъ, которыя отняли бы у него его специфическій характеръ и поставили бы его въ уровень и въ связь съ общимъ духомъ нашего законодательства. Поэтому одинаково желательны какъ уничтоженіе тѣхъ ограниченій правъ евреевъ, которыя (ограниченія) противорѣчатъ духу времени и права, такъ съ другой стороны не менѣе желательно, чтобы нашъ законъ распространялъ свое вліяніе и на тѣ стороны еврейской жизни, которыя онъ считаетъ нужными и достойными регулировать у другихъ своихъ подданныхъ.

Но наиболее плодотворной была эта эпоха въ отношеніи дѣятельности Орманскаго на поприщѣ русской юриспруденціи. Юридическія работы его въ это время настолько обращали на себя вниманіе юристовъ, что каждая статья Орманскаго подавала въ свое время поводъ къ серьезной критической оцѣнкѣ ея со стороны специалистовъ. Здѣсь поэтому было бы излишне, да и не удобно, входить въ подробную оцѣнку его трудовъ въ этой области. Укажемъ лишь здѣсь на нѣкоторыя стороны, имѣющія біографическое значеніе. Во первыхъ, необходимо строго различать два элемента. Работая въ періодическихъ изданіяхъ, предсѣдующихъ извѣстныя практическія дѣла, Орманскій долженъ былъ нѣрѣдко писать о вещахъ, мало его интересовавшихъ, напр. ре-

цензировать извѣстныя юридическія работы, или затрагивать нѣкоторые вопросы юридической практики и съ той именно стороны, которая въ данную минуту почему либо составляла злобу дня. Мало того, ему нѣрѣдко приходилось прерывать работу, такъ какъ то направленіе, которое онъ желалъ дать своему труду, т. е. болѣе теоретическое, не соответствовало практическимъ требованіямъ изданій, помѣщавшихъ его статьи. Такъ случилось напр. съ статьей „Свобода воли въ предѣлахъ права“. Далѣе по содержанію можно въ его юридическихъ произведеніяхъ отмѣтить двѣ категоріи: одну группу общаго содержания, по различнымъ вопросамъ философіи права, и другую группу изслѣдованій, по различнымъ вопросамъ русскаго законодательства. Если въ первомъ отношеніи имъ сдѣлано сравнительно мало, то причина этого заключается, какъ мы уже на это выше указали, въ томъ, что онъ не могъ свободно располагать выборомъ предмета для своихъ изслѣдованій, будучи постоянно заваленъ журнальной работой, на которую русская юридическая жизнь такъ сказать давала запросъ.

Но достовѣрно извѣстно, что всѣ симпатіи его тяготѣли, въ особенности въ послѣднее время его жизни, къ теоретическимъ работамъ. Ходъ развитія его теоретической мысли можно до извѣстной степени прослѣдить по его тетрадямъ. Просматривая ихъ, нетрудно убѣдиться, какъ мысль автора, по мѣрѣ его развитія, непрерывно шла къ обобщенію того огромнаго запаса знаній, которымъ онъ обладалъ. Тогда какъ въ его первыхъ тетрадяхъ мы находимъ группировку матеріала, относящагося къ болѣе или менѣе частнымъ юридическимъ вопросамъ, въ самой послѣдней тетради, оставшейся послѣ него, мы находимъ уже матеріалъ сгруппированнымъ около большихъ центровъ болѣе философскаго характера. Такъ напр. масса матеріала собрана подъ рубриками „Собственность“, „Утилитаризмъ въ исторіи“, „Законъ и Воля“ и т. п.

Что касается второй группы работъ, изслѣдованій по различнымъ частнымъ юридическимъ вопросамъ, то наше вниманіе невольно поражается слѣдующимъ обстоятельствомъ. Всматриваясь въ тѣ вопросы русской жизни, которыя разрабатывались Орман-

скимъ, мы убѣждаемся, что ключъ къ объясненію этой стороны его литературной дѣятельности находится съ одной стороны въ его еврейскомъ происхожденіи и образованіи, съ другой въ его спеціальной дѣятельности въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Извѣстно, что покойный Оршанскій посвятилъ значительную часть своей юридической дѣятельности религиозному элементу русскаго законодательства—въ его различныхъ проявленіяхъ. Онъ былъ горячимъ защитникомъ раскольниковъ, онъ принялъ живое участіе въ вопросѣ о духовно-судебной реформѣ, онъ настаивалъ на преобразованіи брачнаго института въ смыслѣ болѣе гражданскомъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ участіе, принимаемое евреемъ-публицистомъ, притомъ же евреемъ-патріотомъ, въ русскіхъ церковныхъ вопросахъ, но когда вдумываешься глубже, чувствуешь тутъ роковую органическую законность. Съ одной стороны Талмудъ былъ первой духовной книгой, которой попался въ первые годы своей юности покойный Оршанскій. Неудивительно поэтому, что этотъ классическій памятникъ церковнаго законодательства, въ которомъ преобладаетъ семейно-гражданскій элементъ, оставилъ глубокіе, неизгладимые слѣды въ умѣ молодаго Оршанскаго и надолго опредѣлило направленіе его литературной дѣятельности. Затѣмъ изученіе еврейскаго вопроса привело Оршанскаго, какъ мы уже это говорили выше, къ убѣжденію, что религиозный элементъ игралъ и еще играетъ громадную роль какъ факторъ, опредѣляющій юридическое и общественное положеніе евреевъ въ Россіи.

Такимъ образомъ происхожденіемъ, воспитаніемъ и образованіемъ покойнаго объясняется въ нѣкоторой степени одно изъ крупнѣйшихъ чертъ его литературнаго направленія.

Питаюсь свести въ одно цѣлое все извѣстное намъ объ Оршанскомъ и опредѣлить его значеніе, какъ человѣка, публициста и общественнаго дѣятеля, мы наталкиваемся на слѣдующія препятствія.

Прежде всего было-бы въ высшей степени несправедливо оцѣнивать значеніе и талантъ покойнаго Оршанскаго по тому, что онъ сдѣлалъ. Стоитъ только припомнить, какъ рано роковая смерть сразила его—на самомъ порогѣ его начинавшейся жизни

и дѣятельности. Далѣе слѣдуетъ принять въ соображеніе тѣ условія, при которыхъ онъ работалъ. Его еврейское происхожденіе помѣшало ему получить кафедру, что было-бы въ высшей степени благопріятно для его научной дѣятельности. Будучи такимъ образомъ поставленъ въ необходимость работать для куска хлѣба, такъ сказать *журнально*, онъ послѣдніе годы своей жизни вдобавокъ долженъ былъ оставить свою родину, климатъ которой была для него вреденъ. И вотъ онъ, оторванный отъ своей родины, безъ русскихъ книгъ подъ рукою, часто похварывая, вѣчно мѣняя мѣсто-пребываніе, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи пишетъ свои журнальныя статьи по текущимъ вопросамъ русской жизни, далеко не всегда и не одинаково его интересовавшимъ. И если при такихъ условіяхъ онъ внесъ столько жизни, таланта и сердца въ свое дѣло, то чего-же можно было ожидать отъ него при другихъ, болѣе счастливыхъ условіяхъ! Самъ онъ постоянно жаловался на свое положеніе, на невозможность предаться любимымъ—болѣе теоретическимъ—трудамъ и не придавалъ никакого значенія всему, имъ написанному.

Послѣдніе 3—4 года онъ собиралъ матеріалы для большаго теоретическаго труда по философіи права. Трудъ этотъ долженъ былъ носить заглавіе „Заковъ и воля“. Его послѣдній пріѣздъ въ Россію и былъ связанъ съ этимъ трудомъ. Покойный думалъ было оставить на время журнальную дѣятельность, чтобы заняться исключительно *писаніемъ* этого сочиненія. Мы говоримъ *писаніемъ*, а не *обработываніемъ*, такъ какъ Оршанскій обыкновенно писалъ на бѣло свои статьи, имѣя предъ глазами только сухой матеріалъ въ формѣ выписокъ, цитатъ, цифръ, даже не приведенныхъ въ порядокъ, а записанныхъ у него въ тетрадкахъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ онъ извлекалъ ихъ изъ книгъ, журналовъ и т. п. матеріала.

Но негостепримная родина приняла его въ свои нѣдра и не дала ему довершить заготовленный и долго ледяной трудъ. Отъ послѣдняго остался намъ только скелетъ, сухой матеріалъ, ключъ къ которому покойный унесъ съ собою въ могилу.

Болѣе правильной и всесторонней оцѣнки дѣятельности покойнаго Оршанскаго мѣшаетъ ей двойственный характеръ. Первые

годы литературной его деятельности принадлежать всецѣло дѣлу свободы и эманципации евреевъ въ Россіи. Но вступивъ затѣмъ на поприще русскаго юриста и публициста, онъ тѣмъ не менѣе непрерывно, хотя уже не такъ исключительно какъ прежде, продолжалъ защищать то племя, къ которому онъ принадлежалъ.

Благодаря той пропасти, которая еще и теперь къ несчастію отдѣляетъ евреевъ отъ остальныхъ русскихъ гражданъ, дѣятельность покойнаго Оршанскаго раздѣлилась. Для евреевъ онъ остается главнымъ образомъ, если не исключительно, борцомъ за ихъ свободу. Для русскаго читателя Оршанскій—юристъ-публицист. Изъ этого само собою вытекаетъ, что какъ та, такъ и другая точка зрѣнія, будучи одинаково неполною, одинаково не можетъ давать вѣрнаго понятія объ Оршанскомъ, какъ дѣятелѣ.

Но должно сознаться, что если ужъ выбирать для характеристики Оршанскаго ту или другую часть его литературной дѣятельности, то болѣе правильная оцѣнка окажется на сторонѣ тѣхъ, которые мѣрили для своихъ сужденій избирать преимущественно его работы по еврейскому вопросу. Несмотря на то, что—насколько дѣло касается его таланта—лучшія его статьи по еврейскому вопросу (напр. „Русское Законодательство о евреяхъ“) уступаютъ лучшимъ его обще-юридическимъ статьямъ, однако, для ознакомленія съ Оршанскимъ-человѣкомъ его дѣятельность на поприщѣ еврейскаго вопроса въ высшей степени характерна. Кто привыкъ судить Оршанскаго по его юридическимъ статьямъ и знакомъ съ его яснымъ, строгимъ и немного сухимъ языкомъ, тотъ будетъ на каждомъ шагу пораженъ и удивленъ, прочитавъ вѣкторія изъ его еврейскихъ статей. Однѣ страницы дышатъ глубокимъ сочувствіемъ къ несчастному еврейскому народу, другія пропитаны искренней скорбью о тѣхъ недостаткахъ евреевъ, которыхъ покойный никогда не скрывалъ. Языкъ этихъ статей—обыкновенно сдержанный, какъ бы сдвоенный, но въ немъ ужъ нѣрѣдко замѣчается скрытая скорбь; онъ подъ часъ возвышается до лиризма и очень часто также дѣлается саркастическимъ, язвительно-рѣзкимъ.

Какъ нравственная личность, Оршанскій заслуживаетъ одного изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между русскими евреями. Немало было у Оршанскаго предшественниковъ и товарищей, работавшихъ въ

пользу своихъ единовѣрцевъ; немало также въ Россіи евреевъ и „въ евреевъ“, честно и съ усилѣхомъ подвизавшихся въ различныхъ сферахъ на благо своего русскаго отечества. Но нравственно-гражданское значеніе Оршанскаго заключается именно въ томъ, что онъ соединилъ обѣ эти стороны. Въ немъ мы видимъ блестящее доказательство того, что всякій еврей можетъ быть честнымъ гражданиномъ своего отечества и въ тоже время сознавать нравственную обязанность, лежащую на немъ по отношенію къ своимъ единоплеменикамъ. Какое знаменательное совпаденіе въ виду тѣхъ обвиненій въ изолированности и замкнутости, которыя такъ щедро сыплются на евреевъ!

Такова-то была немногосложная, но полная трудовъ, кратковременная, но многопользная жизнь, — и такова была безвременная кончина молодого, талантливаго, если можно такъ выразиться, русско-еврейскаго публициста. Неживучесть лучшихъ русскихъ людей сказала и на И. Г. Оршанскомъ, хотя онъ и не былъ русскимъ по происхожденію. Но такова уже у насъ участь евреевъ: они раздѣляютъ тягости и горести своихъ русскихъ соотечественниковъ, но рѣдко, очень рѣдко могутъ пользоваться удобствами и радостями, которыя родина предоставляетъ другимъ сынамъ своимъ. И покойный Оршанскій не избѣгнулъ этой участи. Какъ сынъ своего отечества, какъ истинно русский—онъ, что касается обязанностей, далъ послѣднему все, что онъ былъ въ силахъ дать ему: свои лучшія силы, всю свою жизнь. Но, какъ еврей, онъ не могъ достигъ того положенія, на которое имѣлъ неотъемлемое право, къ которому онъ былъ призванъ по всему складу своей умственной и нравственной личности, на которомъ онъ, безъ сомнѣнія, принесъ бы гораздо больше пользы и которое, кто знаетъ, можетъ быть предотвратило бы его преждевременную смерть. Выше, въ біографическомъ очеркѣ покойнаго Оршанскаго, было изложено нѣсколько мыслей, почему Оршанскій, когда ему предлагали каедрю съ условіемъ, чтобы онъ перешелъ въ христіанство, не рѣшился сдѣлать это. Намъ кажется, что этими мыслями далеко не исчерпываются всѣ мотивы, которые удержали

Орнансаго отъ этого шага. По нашему мнѣнію сильнѣе всего отъ этого поступка должна была удержать Орнансаго необходимость, такъ сказать, всенародно и публично сказать ложь. „Я могу смѣло увѣрить, что я не еврей, но я безъ лжи не могу увѣрять, что сдѣлаюсь христіаниномъ.“—говоритъ Фердинандъ Лассаль въ своей „Исповѣди“*—и намъ кажется, что въ этихъ немногихъ, но чрезвычайно мѣткихъ словахъ заключается главная причина, почему очень многие образованные евреи, въ сущности имѣющіи столько же мало общаго съ еврействомъ, какъ и съ христіанствомъ, не рѣшаются однако отречься отъ перваго и признать второе, не рѣшаются потому, что это люди—себя уважающіи, и что никакіи земныя блага не могутъ заставить ихъ публично произнести ложь. Вообще все мѣсто въ „Исповѣди“ Лассала, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ вопросѣ, заключаетъ въ себѣ столь много характеристическаго и вѣрнаго по отношенію къ образованному еврейству, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь. „Исповѣдь“ эта написана въ формѣ письма къ русской аристократической дѣвушкѣ, которую Лассаль полюбилъ и которой онъ предложилъ свою руку. Вотъ что онъ говоритъ въ ней по поводу своего еврейства:

«Но перенесете ли вы второй ударъ, который я вамъ нанесу? Софи, я—еврей. Мой отецъ и мать моя—евреи! И хотя внутренно я такъ же мало еврей, какъ и вы,—даже меньше, если это возможно,—я однако еще не оторвался отъ этой религіи, потому что не хотѣлъ принять другой.

«Я могу смѣло увѣрять, что я не еврей, но я безъ лжи не могу увѣрять, что сдѣлаюсь христіаниномъ.

«У насъ уже ничего не значитъ быть евреемъ; потому что у насъ въ Германіи, во Франціи, въ Англіи—это вопросъ только религіи, а не національности. Говоря о человѣкѣ, что онъ еврей, у насъ опредѣляется только его религія, какъ говорить о протестантѣ, о католикѣ. У насъ, въ особенности, имѣя, подобную мою, репутацію ума и таланта, дѣлаешься равнымъ всѣмъ, и

* Романовской знаменитости изъ жизни Фердинанда Лассала, Вѣстникъ Европы, 1877, Ноябрь.

нѣтъ должности, которую я бы не могъ занять, если бы согласился сойтись съ правительствомъ.

«Но все это совершенно иначе у васъ, въ Россіи; вы сами сказали мнѣ это: *еврейство — національность, а не религія только*. Правда, вы любите моего друга Гейне, хотя онъ также былъ еврей, но все же существуетъ большая разница между поэтическимъ обожаніемъ и супружествомъ въ мірѣ дѣйствительномъ. Ваши соотечественники, Софи, станутъ презирать васъ за бракъ съ евреемъ! Вы, потомокъ князей,—выдти за человѣка, который... Правда, если происхожденіе даетъ право гордиться, мнѣ бы слѣдовало гордиться болѣе васъ всѣхъ, происходя отъ народа, древнѣйшаго всѣхъ князей и дворянъ, существовавшихъ нѣсколько вѣковъ; отъ перваго народа-цивилизатора, бывшаго первымъ народомъ исторіи и происходившаго отъ древнихъ царей сирійскихъ.

«Правда, я бы могъ принести вамъ жертву—принять христіанство, хотя по нашимъ законамъ въ этомъ нѣтъ надобности, и браки христіанъ съ евреями дозволяются. И если бы это было неизбѣжнымъ условіемъ, я бы это сдѣлалъ, но это дорого бы мнѣ стоило, Софи. Я скажу вамъ почему. Я вовсе не люблю евреевъ, я даже вообще ненавижу ихъ. Я вижу въ нихъ лишь весьма переродившихся сыновъ великаго, но давно-давно исчезнувшаго прошлага. Эти люди приняли отъ вѣковъ, проведенныхъ въ рабствѣ, свойства рабовъ; вотъ почему я имъ сильно враждебенъ. И поэтому я не имѣю съ ними никакихъ сношеній. Между моими друзьями, въ обществѣ, окружающемъ меня здѣсь, нѣтъ почти ни одного еврея*. Слѣдовательно, не личная деликатность сдѣлала бы для меня тяжелою эту переимѣну.—Но, Софи, я человѣкъ политикъ и что еще важнѣе, я нахожусь въ положеніи главы партіи. И партія моя служить принципу, никогда не уступать никакому предразсудку, считая это низостью, и никогда не дѣлать лицемернаго поступка.

«Какимъ же образомъ я буду выполнять христіанскіе обряды, когда всѣмъ извѣстно,—да я никогда и не стану скрывать этого,

* Лассаль тутъ не много пересказываетъ: нѣтъ дальнѣйшаго влеченія видно, что самые лучшіе, самые преданные друзья его были два еврея: Менделсъонъ и Оппенгеймъ.

что у меня въ душѣ такъ же мало христіанской религіи, какъ и еврейской? Не буду ли я имѣть вида, уступающаго предрасудку, стремиться къ наружнымъ выгодамъ! Въ этомъ есть излишній ригоризмъ, и ригоризмъ, лично мнѣ присущій, такъ какъ партія моя не окажетъ ни малѣйшаго сопротивленія моему крещенію; я могу объяснить его достаточно всѣми причинами, тѣмъ болѣе, что крещеніе въ подобныхъ случаяхъ принимается, какъ простая формальность. Я, въ случаѣ необходимости, приму крещеніе, не допуская мысли отречься отъ вашей любви, ради какого бы то ни было предрасудка.

«То-есть, я сдѣлаю это, если вашъ отецъ или мать настоятельно того пожелаютъ. Но я этого не сдѣлаю ни за что, если вы сами того пожелаете. Моя жена не должна имѣть никакихъ предрасудковъ.»

Извиняясь предъ читателями за это отступленіе, мы снова возвращаемся къ памяти покойнаго Орнанскаго. Но собственно прибавить къ тому, что высказано въ биографическомъ очеркѣ, намъ остается не много. Намъ остается лишь заявить здѣсь, что для насъ и нашихъ читателей особенно горестна и тягостна безвременная кончина Орнанскаго, такъ какъ въ немъ «Еврейская Библіотека» лишилась самаго дѣятельнаго, самаго дѣльнаго сотрудника, статьи котораго были самыми интересными, самыми капитальными въ нашемъ изданіи. Мы смѣло можемъ заявить здѣсь—и полагаемъ, что никто не станетъ и оспаривать—что помѣщенные въ «Евр. Виб.» статьи покойнаго: «Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи» и «Русское законодательство о евреяхъ»—были самыми лучшими, самыми капитальными произведеніями всей русско-еврейской публицистики. Статьи эти, вмѣстѣ съ нѣкоторыми юридическими замѣтками Орнанскаго, касающимися еврейскаго быта въ Россіи, вышли теперь отдѣльнымъ изданіемъ въ особомъ томѣ подъ общимъ заглавіемъ «Русское законодательство о евреяхъ». Хотя статьи эти никакимъ измѣненіямъ при перепечаткѣ не подвергались, тѣмъ не менѣе мы обращаемъ на нихъ вниманіе нашихъ читателей, равно какъ и на другіе, недавно вышедшіе два тома сочиненій Орнанскаго. Изъ нихъ одинъ томъ также посвященъ специально еврейскому вопросу въ Россіи и содержитъ въ

себѣ двѣ группы статей, касающихся общественнаго и экономическаго быта русскихъ евреевъ, подъ общимъ заглавіемъ «Евреи въ Россіи». Очерки экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ*». Другой томъ заключаетъ въ себѣ статьи общеправныя, семейнаго и наследственнаго*. Хотя всѣ эти три тома заключаютъ въ себѣ статьи, перепечатанныя безъ всякаго измѣненія, но тѣмъ не менѣе всякій образованный русский еврей, уже изъ одного уваженія къ памяти покойнаго, столь много сдѣлавшаго для разъясненія такъ называемаго еврейскаго вопроса въ Россіи, долженъ имѣть у себя эти сочиненія Орнанскаго, тѣмъ болѣе, то всѣ эти статьи разбросаны были по всевозможнымъ изданіямъ, а между тѣмъ онѣ въ высшей степени важны и интересны для всѣхъ тѣхъ, кто интересуется положеніемъ евреевъ въ Россіи, для которыхъ собраніе статей Орнанскаго должно служить настольною книгою.

Еще при жизни покойнаго имѣлось въ виду собрать и издать вмѣстѣ всѣ его произведенія; но Орнанскій хотѣлъ еще разъ переработать свои статьи раніе вторичнаго ихъ печатанія. «Я не хочу—пишетъ онъ намъ между прочимъ по этому поводу—валить въ одну кучу все, что я печатаю о самыхъ разнообразныхъ предметахъ... Я вообще не люблю простыхъ перепечатокъ безъ переработки... Я хочу прежде переработать часть статей, свести въ едино и дополнить ихъ, такъ чтобы составить нѣчто цѣльное»—и при этомъ онъ изложилъ планъ изданія юридическихъ его статей о евреяхъ, котораго и держались издатели. Но конечно переработать и пополнить ихъ, какъ это имѣлъ въ виду покойный, они не могли, хотя нѣкоторые матеріалы уже были собраны покойнымъ—какъ онъ пишетъ въ томъ же письмѣ. Точно также имъ были собраны матеріалы для статьи о еврейскихъ сборахъ, которую онъ

* Тутъ кстати будетъ дать читателямъ нѣкоторое объясненіе по слѣдующему поводу. Въ этомъ томѣ «Еврейской Виб.» помѣщена статья Орнанскаго: «Исторія выключенія». Между тѣмъ статья эта уже помѣщена въ изданіемъ недавно собранія статей подъ заглавіемъ: «Евреи въ Россіи»—и выходить, какъ будто у насъ является простая перепечатка. На дѣлѣ же это вовсе не такъ. Статья эта была передана намъ для помѣщенія въ «Евр. Виб.» задолго до печатанія собранія соч. Орнанскаго. Но заѣвъ издатели, не предпринявъ насъ объ этомъ, помѣстивъ ее въ то же время въ этотъ собраніи. Между тѣмъ статья эта у насъ была уже помѣщена вмѣстѣ съ другими, и выкинуть ее теперь было сопряжено съ большими типографскими затрудненіями.

хотѣлъ приготовить для предлагаемаго VI-го тома „Еврейской Библиотеки“.

Но безвременная кончина Оршанскаго помѣшала окончанію этого труда и зарожденію еще очень и очень многихъ полезныхъ работъ для разъясненія еврейскаго вопроса въ Россіи.

За Ильей Григорьевичемъ Оршанскимъ во всякомъ случаѣ, не смотря на его столь молодые годы, остается та огромная заслуга, что онъ извлекъ еврейскій вопросъ въ Россіи изъ области отвлеченностей, въ которой онъ до тѣхъ поръ преимущественно вращался, и поставилъ его на почву реальную, на почву цифръ и неопровержимыхъ фактовъ. А эти цифры и данныя онъ умѣлъ группировать съ такимъ безпристрастіемъ и въ тоже время съ такою неумолною логикой, что всякій, какой ни былъ предубѣжденный человѣкъ, если онъ только добивался истины, по неволѣ долженъ былъ подчиняться силѣ его выводовъ и заключеній.

Русскіе евреи потеряли въ Оршанскомъ одного изъ лучшихъ — лучшаго — полезнѣйшихъ, талантливѣйшихъ и честнѣйшихъ дѣятелей — они потеряли въ немъ своего Габріэля Риссера.

Чтобъ почтить память покойнаго Ильи Григорьевича и дать возможность нашимъ читателямъ ознакомиться съ внѣшней его фizioноміей, мы прилагаемъ здѣсь портретъ его, выполненный однимъ изъ лучшихъ граверовъ по этой части, г. Матѣ.

Съ глубокою скорбью мы должны занести тутъ еще одну огромную потерю, которую понесло русское еврейство со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго тома «Евр. Библ.» Мы говоримъ о бывшемъ редакторѣ «Сіона», *Еммануилѣ Михайловичѣ Соловейчикѣ*, тоже много и честно трудившемся на пользу своего отечества вообще и своихъ единовѣрцевъ въ особенности. Болѣе обстоятельную его біографію, представляющую глубокой интересъ по многимъ, связаннымъ съ его эпохой законодательнымъ и другимъ преобразованіямъ въ жизни евреевъ, мы надѣемся дать въ слѣдующемъ томѣ «Еврейской Библиотеки».

А. Л.

ЕВРЕЙСКОЕ ПЛЕМЯ ВЪ СОЗДАНІЯХЪ ЕВРОПЕЙСКАГО ИСКУССТВА.

XI.

Послѣдняя моя статья была писана въ 1875 году *, и я остановился на иллюстраціяхъ еврейскихъ сюжетовъ французскаго художника Видя. Съ тѣхъ поръ, появилось на свѣтъ двѣ его работы въ этомъ-же родѣ, столько-же замѣчательныхъ, какъ и предыдущія. Это, во первыхъ: „Книга Руувъ“ (1876), и во вторыхъ: „Исторія Юсифа“ (1878). Окончивъ свои превосходныя иллюстраціи къ Евангелію, получивши въ короткое время громадную извѣстность въ цѣлой Европѣ, Видя задумалъ приступить къ подобной же иллюстраціи Библии. Если однимъ изъ самыхъ первыхъ условій для этого, со стороны художника, является глубокое знакомство съ Востокомъ, съ его жизнью, природой, людьми и нравами, то ваврядъ-ли кто былъ лучше и больше Видя подготовленъ къ этому. Какъ я уже говорилъ въ предыдущей своей статьѣ, онъ употребилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на путешествія по Востоку, всего болѣе по Палестинѣ и Сиріи, и портфѣли его наполнены съ тѣхъ поръ громаднымъ количествомъ рисунковъ и этюдовъ, воспроизводящихъ съ талантомъ и жаромъ пейзажи, сцены и типы посѣщенныхъ мѣстъ.

Иллюстрированная Библия Видя не выйдетъ вся разомъ, въ видѣ одного или нѣсколькихъ томовъ. Онъ придумалъ выискуать отдѣльными книгами то ту, то другую часть, безъ всякой систематической послѣдовательности, смотря лишь по сюжету, на этотъ разъ особенно его заинтересовавшему. Значить, для выполненія этого плана потребуются годы, и мнѣ не при-

* Еврейская Библиотека, Томъ V.

ходится ждать так долго, чтобы сказать мое мнение о вышедших до сих пор частях.

«Книга Руоэ» и «История Иосифа» — это два малюшких, изящных идиалли из истории древних евреев, и навряд-ли многие с ними могут сравниться, из того, что в том же роде существует в литературѣ всѣхъ другихъ народовъ, по граціи, красотѣ и проткому чувству. Къ тому-же, внутреннее разнообразіе мотивовъ въ этихъ двухъ книгахъ такое, что онѣ не могутъ не представляться самою благодарною и самою пріятною задачей для художника.

Надо прямо признаться, Биддъ не обладаетъ великою творческою способностью, его фантазія не обширна и не глубока, онъ рѣдко является творчимъ и правдивымъ психологомъ, и создавать великія сцены душевной и вѣншей жизни — онъ не призванъ. Но онъ очень поэтиченъ по натурѣ своей, онъ удивительно схватываетъ все картинное, характерное и изящное, что представляла ему проносившаяся передъ глазами жизнь Востока, и онъ съ удивительною способностью запоминанія усваивалъ себѣ видѣнное, чтобы потомъ многія изъ этихъ формъ и житейскихъ мотивовъ употребить для воспроизведенія сценъ, событій и типовъ древней еврейской истории. Востокъ туго мѣняется въ своихъ формахъ, и что совершалось тамъ тысячи лѣтъ назадъ, какія тогда были фигуры и лица, складъ тѣла, позы и движенія — то можно встрѣтить и теперь на улицахъ и площадяхъ, по городамъ и селамъ Востока. Стоить только сравнить нынѣшнюю жизнь съ дошедшими до нашего времени барельефами и скульптурами древняго Востока. И никто такъ не воспользовался этими материалами, какъ Биддъ. Правда, его иллюстраціи Библии не въ состояніи удовлетворять виоліѣ; но какъ онъ подвинулъ впередъ дѣло этой иллюстраціи, дѣло изображенія великихъ, важныхъ, или граціозныхъ и изящныхъ мотивовъ, представляемыхъ, великою книгою «человѣчества», какъ часто называютъ Библию! Дорѣ только способствовалъ разрушенію старой рутинѣ, и замѣнилъ прежніе безхарактерные, безличныя мотивы (хотя-бы выполненные даже рукою талантливыхъ мастеровъ) — мотивами уже въ сильной степени съ характеромъ восточнымъ, хотя еще въ значительной степени идеальными. Дорѣ по натурѣ своей идеалистъ, и, хотя лично знакомъ съ Востокомъ, послѣ путешествій своихъ, но рисуетъ всегда, въ своихъ сочиненіяхъ, не дѣйствительную природу, но такую какъ она есть и какою онъ видѣлъ ее собственными глазами, а такую, какою она представляется его могучей фантазіи, и какою

она соответствуетъ его всегдашнему страстному стремленію къ грандіозности, поразительности и оригинальности въ пейзажѣ. То-же самое всегда бываетъ съ Дорѣ и въ представленіи сценъ и типовъ: онъ и тутъ все-таки остается прежде всего идеалистомъ, представляетъ все очень характерно и красиво, оригинально и живописно, но слишкомъ часто — все это у него не оригинальность, самостоятельность и краснота самихъ сценъ и типовъ, а выраженные имъ оригинальность, краснота и самостоятельность настроенія лично самого автора. Виддъ представляетъ явленіе совершенно противоположное: онъ реалистъ съ головы до ногъ, и, кромѣ исключеній очень рѣдкихъ (о которыхъ я уже говорилъ въ предыдущей статьѣ), его личность точно будто ступневывается, и передъ нами только мѣстности, люди и сцены самого Востока.

Чтобы почувствовать всю глубину пропасти, отдѣляющей старинное искусство отъ нынѣшняго, когда то и другое предпринимать иллюстрировать сюжеты Библии, я хочу сравнить сцены изъ исторій «Руоэ» и «Иосифа» въ созданіяхъ прежняго и новаго искусства. И при этомъ, подъ рубрику стараго искусства я долженъ отнести не только картины или рисунки такихъ художниковъ, которые жили лѣтъ 300 тому назадъ: вѣтъ, мнѣ приходится выводить на сцену даже такія произведенія, авторы которыхъ еще очень недавно были живы, дѣйствовали кистью и красками еще въ самыхъ послѣднихъ годахъ, на нашихъ глазахъ. Все старое ужасно упорно, и какинь-бы параллелью ни было разбито, оно сидитъ недвижимо въ старинномъ полиняломъ вольтеровскомъ своемъ креслѣ, кричитъ и кашляетъ, почти даже не поводя потухающими глазами, и изъ этой позиціи холодющаго умирания не скоро его выжишь! Всякое дѣло на свѣтѣ вѣчно застановлено вольтеровскими креслами съ тѣмъ-то умирающимъ внутри, среди кожаныхъ объятий и цуховыхъ подушекъ. Наше дѣло — ничего не давить, ничего не душить, но указывать на это умирающее или потухшее.

Вотъ возьмите, напримеръ, хоть «Библію» Шнорра. Этотъ художникъ — одинъ изъ самыхъ великихъ любящихъ современныхъ гнѣдцевъ. Онъ въ немъ души не слышать, въ немъ они чувствуютъ и прославляютъ одну изъ самыхъ крупныхъ славъ своего отечества. Особенно всѣмъ имъ драгоценны его фрески на сюжеты изъ поэмы «Нибелунги» въ мюнхенскомъ дворцѣ, а также изъ жизни Карла Великаго, Варбароссы и Рудольфа Габсбургскаго, тамъ-же. Онъ для нихъ классикъ, и еще мало того — классикъ

нѣмецко-національный, и вотъ что необыкновенно, вотъ что непостижимо: классикъ-классикомъ, а тутъ-же въявь онѣмъ и реалистъ! Какъ все это укладывается разомъ въ одной нѣмецкой головѣ. въ одною критическомъ опредѣленіи художника, наизъ, русскимъ, конечно никогда этого не понять. Для нѣнца достаточно, чтобы съ натуры, *съ реальности* были скопированы шлемы, мечи, кафтаны, подвѣшники или рюмки—и тогда уже вся картина или весь рисунокъ становятся для него реальными. Такъ-то вотъ было и со Шнорромъ. Онъ столько же реалистъ, какъ Корнелиусъ или Каульбахъ, т. е. у него встрѣтишь, правда, кое-что вѣрно взятое съ натуры, въ мелочахъ или второстепенныхъ вещахъ, но все главное — условно, выдуманно и сочинено; но это ни въ чемъ не помѣха для нѣмецкаго глаза и ощущенія, и у нихъ Шнорръ записалъ на вѣки, въ книгахъ, великимъ искателемъ той самой правды, отъ которой онъ, на самомъ дѣлѣ, вѣчно бѣжитъ за тысячу верстъ. Такъ вотъ это-то самый великій классикъ, реалистъ и народный художникъ посвятилъ, между прочимъ, два листа въ своей „Вибліи“ исторіи Руон.

На первомъ листѣ передъ нами разставаніе Нозини съ ея снохами. Представлена дорога, окаймленная нѣсколькими жиденькими деревьями, вдали у подошвы горъ какіе-то городки или селенія, это вѣрно гѣмоабитскія мѣстности, откуда обѣ снохи родомъ. Вдаль уходитъ, спиной къ зрителю, одна изъ снохъ, Орфа. Одной рукой она опирается на палку, другую держитъ у лица—это она плачетъ послѣ тяжкаго прощанья; она такъ быстро удаляется, что отъ шестеста вѣтра летаетъ по воздуху покрывало головы ея. Между тѣмъ, лицомъ къ зрителю, направляются вправо, вдоль тощихъ деревьевъ, Нозини съ Руою — это онѣ идутъ въ Вилоземъ. Обѣ онѣ — красивыя фигуры, прекрасно задрапированныя, прекрасно поставленныя, съ прекрасными лицами, руками, ногами и складками. Все соблюдено, все прилично, все прекрасно. Но все ихъ костюмы — условный, какъ принято еще со времени итальянскихъ, и на Руонъ какаія-то круглая соломенная шляпа (какія увидишь сто разъ на библейскихъ картинахъ и у Рубенса, и у Мурильо, и у любимыхъ французовъ и итальянцевъ); черты лица — столько же „общегривейскія“, лишеныя всякой индивидуальности и характеристичны, какъ и жесты: Нозини указываетъ назадъ („нѣтъ, ты-дескать, Руонинка. вестакъ ужъ поиди назадъ, вонъ какъ Орфушка!“), а Руою, продолжая классическую свою позу и посадку, протягиваетъ полную голую руку впередъ („нѣтъ, дескать, мамама, туда, туда, туда поидемъ!“). Во всемъ этомъ нѣтъ ни на единую йоту ничего еврейскаго, взятаго изъ Вибліи, и въ самомъ дѣлѣ

ей принадлежащаго. Равнодушіе и нѣмецкая академичность царствуютъ тутъ полными хозяевами, отъ А и до Z. Другая картинка изображаетъ встрѣчу Руон и Вооза на полѣ. Слошная рожь — это фонъ картины, и въ этомъ фонѣ выскладываютъ кое-гдѣ маленькія фигурки жнецовъ и жницъ, которые даже повернули глаза сюда, къ главной сценѣ. А главная сцена изъ того состоитъ, что та-же Руою, въ той-же Рубенсовской шляпѣ, и съ античными грудями своими подъ гипсовыми драпировками, показываетъ только что подобранныя ею съ земли колося поточному Воозу (къ удивленію, впрочемъ человѣку вовсе не старому) и состоящему единственно изъ прекрасна прилаженныхъ складокъ верхняго плаща и маленькаго колпачка, обмотаннаго жиденькими платочкомъ на манеръ тюрбанчика. Вотъ и весь Воозъ. Лицо его, въ профиль, такое ничтожное и казенное, что оно просто не въ счетъ; движеніе руки по направленію къ жнецамъ, которое должно бы высказывать: „Послушай, дочь моя, неходи подбирать на другомъ полѣ, и не уходи отсюда; будь съ моими служанками. Я приказалъ слугамъ своимъ не трогать тебя“, — это движеніе у Шнорра въ картинкѣ вышло совершенно незначуще и безцвѣтно. Лишнее прибавлять, что опять и тутъ нѣтъ ровно ничего ни библейскаго вообще, ни еврейскаго въ частности.

Другой нѣмецъ, тоже изъ новѣйшихъ, тоже изъ очень прославленныхъ въ Германіи, Шраудольфъ, тоже трактовалъ одинъ изъ эпизодовъ книги „Руою“. И именно, у него въ картинѣ представлено разставаніе Нозини съ Орфой, на перекресткѣ, и мужественная рѣшимость Руон, идущей съ Нозинью въ чуждую ей Палестину. Но всѣ три фигуры до того безцвѣтны и условны, до того пересахарены и безличны, что даже сами академики нѣмецкіе осуждали ихъ.

Перехода отъ новыхъ нѣмцевъ къ новымъ французамъ, мы переносимся въ новый міръ. Передъ нами совершенно иное настроеніе и стремленія. Начнемъ съ Дорѣ. У него для исторіи Руонъ всего двѣ композиціи, но обѣ прелестныя. Въ особености первая: „Разставаніе Нозини со снохами.“ У Дорѣ мѣсто дѣйствія — пустыня, разстилающаяся на границахъ земли Моавитской и Іудей. Нозини и Руою взошли на маленькую возвышенность, и здѣсь, окруженныя полумракомъ ранняго утра, эти двѣ величественныя фигуры, въ чудесныхъ еврейскихъ широкихъ одеждахъ, слились въ одно горячее объятіе: Руою еще спрашиваетъ свою тещу не отсылать ее назадъ, глубокое чувство выразилось въ ея милой головкѣ, протянувшейся со скорбью

и моленієм къ лицу Ноэминя, а та, прекрасная восточная матрона, наклонилась къ ней свою смиреннѣй дышащую голову, освѣщенную изящнымъ покрываломъ, и жестомъ любящей матери кладетъ ей руку на плечо, притягиваетъ ее къ своей груди. Орфа, оставшаяся внизу пригорка, стоитъ обращенная къ горизонту, гдѣ начинаетъ брезжить заря: она тяжело пригорюнилась и оперла плачущую голову на локоть. Всѣ три фигуры исполнены самого искренняго чувства, Ноэминь—величавая и спокойная, въ сознаниіи своего долга, Руоэ, центр картины—вся кроткій и благоуханный порывъ, Орфа—вся скорбь.—На другой картинкѣ, нѣсколько менѣе талантливой, какъ я уже сказалъ, Руоэ опять составляетъ центръ композиціи. Она одѣта по-еврейски, на головѣ у ней маленькая чалма, съ покрываломъ, спускающимся на плечи, и, граціозно опустившись на одно колѣно, она съ грустной и покорной миной зависима отъ другихъ, богатыхъ, подбираетъ колосья, вынашиая изъ снопа, уносимаго въ глубину картины однимъ изъ слугъ Вооза. Самъ Воозъ, красивый старикъ-еврей, въ сѣрыхъ, въ чалмѣ съ разсыпанною поверху кистью, и опирающийся на палку, строго приказываетъ красивой молодой служанкѣ, босоногой, и въ покрывалѣ, подвязанномъ на головѣ поверхъ широкихъ колецъ, вдѣтыхъ въ уши, не мѣшать бѣдной нищей, и дать ей подобрать колосьевъ, сколько она хочетъ. За спиной Вооза, его кони нетерпѣливо мотаютъ головами, ожидая хозяина; еще далѣе, наполняя весь фонъ,—верблюды со взгромоздившимися на пирамидальныхъ сѣдахъ людьми прислуги.

Объ эти картинки очень изящны и исторически правдивы. Жаль только одного: зачѣмъ Дорѣ такъ мало воспользовался богатымъ сюжетомъ, и посвятилъ ему только двѣ картины. Бидѣ поступилъ уже иначе: у него цѣлыхъ *десять* большихъ картинъ представляютъ разнообразныя сцены этой легенды, и сверхъ того нѣсколько маленькихъ картинокъ являются передъ началомъ и въ концѣ каждой главы: одна—какъ вступительная, другая—какъ заключительная ея вѣтвѣтка; наконецъ, сцены очень маленькаго формата составляютъ фонъ каждой изъ большихъ буквъ, начинающихъ всякую главу. Такъ подробно еще никогда книга „Руоэ“ не была трактована искусствомъ. И навѣрное съ этимъ согласится каждый, кто увидитъ рисунки Бидѣ. Въ этихъ сочиненіяхъ своихъ Бидѣ затронулъ множество такихъ интересныхъ мотивовъ Библии и древне-еврейской жизни, о какихъ не имѣли ни малѣйшаго понятія большинство живописцевъ, выбирающихъ себѣ сюжеты по какой-то все одной и той-же проторенной

дорожкѣ, по одному разѣ навсегда составленному и закрѣпленному казенною печатью списку.

Первою картиною въ изданіи Бидѣ является—какъ фронтисписъ, какъ резюме, какъ экстрактъ всего творенія—фигура во весь ростъ Руоэ, значительныхъ размѣровъ ($4\frac{1}{2}$ вершка отъ вершины головы и до пятки). Это красивая молодая еврейка, съ сильно обозначеннымъ семитическимъ типомъ, съ чудесными голыми руками, выходящимъ изъ подъ короткихъ рукавовъ рубашки и украшенными тонкими браслетами; ея стройную талью перетягиваетъ широкій поясъ, на головѣ длинное покрывало, придерживаемое на лбу металлическимъ обручемъ. Она идетъ, босоногая, тою легкою, смѣлою и красивою походкой, какою всегда и вездѣ ходитъ рабочая крестьянка безъ обуви,—и несетъ въ подолѣ ворохъ колосьевъ; кругомъ нея цѣлое поле густой ржи. Такой еврейской фигуры, вѣрной до послѣдней подробности и исторіи и этнографіи, не увидать во всѣхъ своихъ картинахъ ни одинъ изъ художниковъ прежнихъ школъ. Она такъ рельефна, что скульптору хотъ сейчасъ прямо такъ и лѣпить съ нея, и такъ изящна, что каждому еврейскому сердцу только радоваться на это чудесное воплощеніе одной изъ интересныхъ древне-еврейскихъ личностей.

Тотчасъ за этимъ листомъ идетъ заголовкомъ I-й главы, и тутъ изображена Ноэминь у гробницы своего мужа, Елимелеха. Это начало исторіи Руоэ: всѣ три женщины остались вдовами въ моавитской землѣ, одинокія, безъ помощи, безъ поддержки—значитъ, онѣ часто приходили плакать и жаловаться, каждая на мужнину гробницу. Но еврейскаго древняго кладбища никогда еще никто не представлялъ, а тоже и древней еврейки, оплакивающей дорогаго покойника. Бидѣ первый вздумалъ испробовать эту тему, и результатъ вышелъ превосходный. Ничто не можетъ быть живописнѣе и изящнѣе этого кусочка древняго кладбища, заросшаго высокой травой; среди нея возвышаются еврейскіе мавзолеи, похожіе на какія-то громадныя каменные кровати съ высокими прорѣзными спинками, и тамъ на этихъ ложахъ смерти стоитъ всякій разъ каменный гробъ, низкій домикъ съ покатою крышей. На ступеняхъ одного изъ этихъ монументовъ простерта Ноэминь, въ черныхъ траурныхъ одеждахъ, босоногая и съ закутанною въ черное покрывало головою; прислонясь лбомъ къ каменной пьедесталу, она въ отчаяніи ломаетъ себѣ руки, и глава ея закрылась, лицо, полное выраженія, подернуто мертвеною бѣдностью. Вся

картинка, необыкновенно колоритная и живописная, дышит невыразимую прелестью.

Большая заглавная буква, на той-же первой страницѣ текста, содержитъ прощанье Нозими со снахами. Сцена дѣйствія—красивый пейзажъ съ пальмами; время—ясный солнечный день. Всѣ три женщины—красивыя еврейскія фигуры; поза умоляющей Руон—полна чувства.

Вторая большая картина: переселение Елимелеха съ Позминой въ мавритскую землю. Олягъ ясный солнечный день, но онъ освѣщаетъ уже не богатую растительностью, а пустынную мѣстность; мужъ и жена въ простяхъ, но необыкновенно живописныхъ еврейскихъ одеждахъ, она—полосатыхъ, онъ одноцвѣтныхъ, со множествомъ длинныхъ кистей на синѣй, оба съ чудесно своеобразною драпировкою покрывалъ на головахъ. Вокругъ нихъ, двое молодыхъ рабовъ, гонящихъ ослика и козу, и нагруженныхъ пожитками. Весь этотъ маленький караванъ, спускающійся съ земли въ бродъ, съ кувшинами и дорожными посохами въ рукахъ—все это вмѣстѣ образуетъ чудесную сильно-національную картину.

Слѣдующая картина—„Прощаніе Нозими“, и въ этой сценѣ Видѣ не только не былъ превзойденъ ни однимъ изъ своихъ предшественниковъ, но ни одинъ изъ нихъ даже не приблизился къ той талантливости и даже (вопреки общей его къ тому малой способности) къ той глубокой психологич., какую онъ тутъ выказалъ. Сцена дѣйствія—это ущелье въ горахъ, поросшее хмелемъ, съ блещущимъ вдаль крайемъ рѣки или озера. Трое путничъ остановились тутъ на распутии; маленький, навьюченный пожитками, осликъ, смиренно и терпѣливо стоитъ, съ повисшимъ поводкомъ, всѣ его забыли, и онъ въ ожиданіи дальнѣйшаго пути кротко щуритъ свои кроткіе глазки. Руонъ занимаетъ главное мѣсто въ картинѣ, и хотя она повернута спиной къ зрителю и лица ея не видать, но ничто не можетъ сравниться съ трагичностью ея рыданій; кажется, видишь, какъ тѣло ея выдрагивается, пока она, приложивъ голову къ груди Нозими, охватила обѣими руками ея плечи, плачетъ во весь голосъ и упрямивается, чтобъ ей дали идти въ Палестину. Фигура ея, въ живописномъ платьѣ, съ двумя огромными кистями, спускающимися по синѣй до земли, наклонъ ея тѣла, ея руки, ея чуть-чуть отдѣляющаяся отъ полу нога—все это верхъ красоты. Нозимъ съ добрыми, глубокими глазами, до бровей закрытая свѣтлымъ покрываломъ, возвышающимся надъ какой-то восточной скуфейкой или шапочкой, тихо обнимаетъ свою дорогую, свою вѣрную снаху, но она уже на

нее не смотритъ, она теперь слишкомъ уже въ ней увѣрена, между ними все уже рѣшено—она повернулась къ уходящей Орфѣ, самой молодой и можетъ легкомысленной изъ всѣхъ, и тихо выпускаетъ ея руку изъ своей руки, пусть-дескать она теперь плачетъ и убивается, а все таки идти—къ своимъ, роднымъ. Это картинка, которая стоила-бы не одной, а многихъ, и самыхъ большихъ золотыхъ медалей.

Въ картинѣ „Руонъ передъ Воозомъ“ всего лучше фигура Вооза—лучшее его изображеніе изъ дѣлой книгъ. Это въ самомъ дѣлѣ, тутъ передъ нашими глазами древній еврей, богатый хозяинъ, въ живописномъ, какъ все восточное, шерстяномъ, расшитомъ востомъ съ широкими рукавами и широкимъ поясомъ, съ добротой и кротостью въ глазахъ, съ рукою, простертою надъ головою колѣнопремененной Руон, точно для благословенія.

Я пропущу нѣсколько другихъ пьесъ, столько-же оригинальныхъ, сколько и изящныхъ, напримѣръ: „Полдникъ всѣхъ рабовъ Вооза въ полѣ“, „Руонъ, ночью, у ногъ спящаго подъ навѣсомъ Вооза“, „Воозъ, спящающій Руонъ зерно изъ кадучки въ передникъ“, „Воозъ, сидящій у воротъ города со старшинами и обращающійся къ проходящему мимо жениху Руон“,—и прямо перейду къ двумъ послѣднимъ картинкамъ: „Руонъ молотитъ“, и „Нозимъ кормитъ свою собственною грудью маленькую вучку“. Первая—улыбающаяся сельская картина, полная граціи, и здѣсь Руонъ, наклонившаяся на колѣняхъ и усердно хлопающая по колосьямъ, на землѣ, колотущая, такая ясная, такая прелестная, такая наивная фигура, что въ будущемъ спискѣ созданий на еврейскіе сюжеты должна занимать одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Другая картина—сцена домашняя. Нозимъ—теперь уже пожилая женщина, со строго обозначившимися еврейскими, даже немного суровыми (какъ почти всегда у пожилыхъ евреекъ) чертами лица; у ней на головахъ темная скуфейка подъ покрываломъ, стянутымъ подъ подбородокъ; штатъ узорами рубашка раскрыта на груди, по общему восточному обыкновению, длиннымъ треугольникомъ; передъ нею пустая люлька (съ очень оригинальными спинкамъ)—ребенокъ оттуда высунутъ, и коится на колѣняхъ у Нозими, которая собирается дать ему сосать грудь свою, полную и прекрасную *. Руонъ, молодая, красивая, въ длинной рубашкѣ и

* Въ еврейскомъ текстѣ сказано, что Нозимъ играла тутъ роль бабки (акхурки) а не мамы. Видѣ вѣроятно писалъ свою картину по французскому переводу. Но весьма странно, что художникъ могъ допустить, что старая женщина, уже много летъ не рождавшая, могла бы еще кормить грудью. *Изд.*

изящномъ головномъ уборѣ, оперлась локтемъ на колѣно своей матери, и съ любовью разсматриваетъ свое дитя. Эта интимная, полная удивительной благости и кротости сцена, достойно вѣнчаетъ и заканчиваетъ все созданіе Видѣ.

Другая его иллюстрація „Библии“, самая послѣдняя по времени—„Исторія Іосифа.“ Это, въ свою очередь, лучшая изъ всѣхъ появившихся до сихъ поръ, у насъ въ Европѣ, иллюстрацій на эту тему. А сколько разъ она была брава всѣмъ художникамъ всевозможныхъ школъ! Какъ, казалось бы, не проявиться на этомъ богатомъ и разнообразномъ сюжетѣ, всему таланту художниковъ, и однакоже, очень страшное дѣло! никто изъ насъ, даже изъ самыхъ замѣчательныхъ и знаменитыхъ, вплоть до нашего времени, не создалъ ничего путнаго, стоящаго серьезнаго вниманія.

Вотъ наприм: хоть бы самъ Рафаэль въ знаменитыхъ „Ложахъ“ своихъ, въ Ватиканѣ. Не станемъ требовать отъ него ни реальности представленія, ни національныхъ типовъ и сценъ, ни истиннаго еврейскаго ландшафта—куда! Все это были тогда вещи глубоко неизвѣстныя и въ Италіи, да и во всей Европѣ. Но все таки, если даже согласиться на условную, академическую, царствовавшую тогда повсюду систему художественнаго представленія, все таки у него, въ этихъ самыхъ „Ложахъ“, встрѣтишь вещи хорошія, талантливыя. Напримѣръ, взгляните на „Явленіе Саваоа Моисею въ горящей купинѣ“: поза колѣнопреклоненнаго Моисея, его страхъ и ужасъ передъ явленіемъ самого Господа, его глубокое обожаніе передъ говорящимъ къ нему голосомъ, заставившее его закрыть лицо руками, его поза—все это красиво и даровито. Можно въ этихъ самыхъ иллюстраціяхъ встрѣтити не мало и другихъ создатей грандіозныхъ, величавыхъ и изящныхъ. Но „Іосифу“ какъ-то особенно не посчастливилось у такъ называемаго живописца-живописцевъ, у князя и царя художниковъ. Исторія Іосифа у него отведена четыре картины, и всѣ онѣ одна другой плоше, ничтожѣе и некрасивѣе. Въ первой—„Толкованіе сновъ Іосифомъ братьямъ“—вы видите на лѣво какой-то неопытный большой клубокъ, составленный изъ человѣческихъ тѣлъ. Это братья Іосифа, аккуратно нагроможденные, въ нѣсколько этажей, въ углу,—по всѣмъ правиламъ формальнаго, условнаго искусства, и слушающіе, съ разными приличными жестами удивленія, рѣчь младшаго брата, стоящаго посрединѣ картины, почти въ классической позѣ Венеры Медицискійской (конечно въ знакъ стыдливой скромности и юношеской робости). Направо, опять академическая группа, сложенная изъ трехъ, прилично обнявшихся братьевъ. Въ фонѣ какія-то небывалыя, невозмож-

ныя деревья, на небѣ круги съ влывающимися снопами и звѣздами (вотъ дескать, о чѣмъ именно рѣчь идетъ въ этой сценѣ)—вотъ и все. Никакой не то что уже правды душевной, выраженія, но даже простой маной красоты тутъ нѣтъ, такъ все здѣсь обыкновенно и ничтожно. —Слѣдующая картина: „Продажа Іосифа братьями“—одна изъ самыхъ незначущихъ изъ всей вообще массы Рафаэлевскихъ картинъ. Стоятъ безличные, ровно ничего не выражающіе, натурашки какиихъ то непріятныхъ вертикальнымъ частотоломъ, посрединѣ вало плачущій Іосифъ—тоже одна изъ рѣшительно вертикальнаго частотолома; сбоку верблюды, съ небывалыми головами и тѣлами, съ еще болѣе небывалыми лошадиными копытами на оконечности ногъ; напередѣ, по срединѣ, вѣнчающій овалъ пустаго колодца—и вотъ въ чѣмъ единственно состоитъ вся композиція. —Третья картина: „Іосифъ и Путифарова жена.“ Это чисто композиція для „живой картины“ на театрѣ. Натуры, естественности, правды въ позахъ и движеніяхъ—и тѣни нѣтъ. Все придумано и прилажено, все расчитано въ линіяхъ и углахъ, ничего созданнаго чувствомъ и настоящей творческой фантазіей. И сидящая „въ позѣ“ обольстительница, и бѣгущій „въ позѣ-же“ обольщаемый, такъ и застыли въ той положеніи, какое приняты, точно въ классѣ, по приказанію профессора, передъ толпой срисовывающихъ учениковъ. —Четвертая и послѣдняя картина: „Іосифъ толкуетъ сны Фараону“—опять классъ, опять академія; фонъ—это какіе-то итальянскія аркады, съ балюстрадами, и надъ ними, въ воздухѣ, опять круги, чтобъ напомнити зрителю о видѣнныхъ снахъ; только на этотъ разъ это тучныя и топкія колосья и коровы. Царь, въ зубчатой своей коронѣ, сидитъ въ креслѣ, приставивъ палецъ къ губамъ—это понимай, что онъ глубоко задумался и глубоко озадаченъ. Позади него, для приличія кое какая фигура съ бородой; направо, весь уголокъ наполненъ группой „слушающихъ и удивляющихся“, по общепринтому старинному рецепту: поднятые указательные персты, повернутыя одна къ другой головы—однихъ словомъ, тѣ самые жесты и позы, какиими и до сихъ поръ прорабатываютъ по наслѣдству, бездарные хористы итальянскихъ (да иной разъ и не однихъ итальянскихъ) оперъ. По срединѣ, проповѣдующій Іосифъ. Поза и жестъ—общепринятые и приличные, но ничего не заключающіе.

Триста лѣтъ спустя, т. е. въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, цѣлая компанія нѣмецкихъ художниковъ, занимались рисованіемъ, ал fresco—способомъ тогда только что впервые воскресающимъ, послѣ многихъ

столбят старгического сна, залы нѣмецкаго консула въ Римѣ. Бартольдъ, и сюжетомъ для этихъ композицій выбрана была—Исторія Іосифа: вопервыхъ потому, что самъ хозяинъ былъ еврей, во вторыхъ потому, что слинкомъ „серьезныхъ“ темъ для этой залы брать не хотѣли: требовалось что нибудь граціозное, пріятное и не очень тяжелое. Художниковъ было четверо: Корнелиусъ, Овербекъ, Фейтъ и Шадовъ, и всѣ они, не задумываясь еще въ то время ни о какой собственной кудрявой, корявой, или паточной манерѣ, только объ однохъ и заботились: какъ-бы поближе, хорошенько, приблизиться къ великимъ старикамъ-итальянцамъ, передъ которыми они стояли съ утра до вечера на колѣняхъ. Рафаэлями и Микель-Анджелами они не сдѣлались, но на этотъ разъ имъ по крайней мѣрѣ удалось воплотить исполнить свое желаніе: они всѣ четверо обезличили и перепортили свои естественныя способности до такой степени, что живаго и естественнаго уже ровно ни единой черточки не осталось. Они, въ своемъ идолопоклонствѣ, въ такой мѣрѣ не понимали истинныхъ задачъ художества, что одинъ изъ нихъ, и не изъ худыхъ, Фейтъ, вздумалъ (даромъ, что самъ былъ родомъ еврей и, значитъ, долженъ былъ-бы особенно крѣпко держаться за слово и букву Вибліи), вздумалъ представить аллегорію о семи плодородныхъ годахъ—средствомъ аллегоріи, изображающей полную цвѣтущую женщину, окруженную семью такими-же, какъ и она цвѣтущими, полными и пышущими здоровьемъ мальчиками. Положимъ, во всѣхъ этихъ фигурахъ есть извѣстная смазливость, даже красивость и изящество, но—аллегорія (уже сама по себѣ форма холодная и далекая), выраженная посредствомъ еще другой аллегоріи, такъ сказать аллегорія въ два этажа, выросшихъ одинъ на другомъ, какъ грибы! Что про это сказать? годится-ли это куда нибудь, и не образчикъ-ли это самой вопіющей анти-художественности?—Лучшею изъ всѣхъ 8-и композицій, была признана да и теперь признается у нѣмцевъ (впрочемъ, ничуть не во общду и прочимъ 7-ми картинамъ, всетаки и до сихъ поръ высоко чтимымъ) композиція Корнелиуса: „Встрѣча Іосифа съ братьями“. Про эту вещь ничего янаго нельзя сказать, какъ только, что она—слыветъ классическою у нѣмцевъ, какъ весь ихъ Корнелиусъ со всеми своими работами. Но классическая она тутъ еще — „на итальянскій манеръ“, тогда какъ впоследствии—Корнелиусъ сталъ и на свои собственные ноги, вѣтурная и кривая, и сдѣлался классикомъ „на нѣмецкій манеръ.“ Фонъ наполненъ итальянскими аркадами, съ итальянскими старо-флорентинскими перспективами; напередѣ группы „удивляющихся,

братьевъ: кто руку приложилъ къ шеѣ, кто положилъ голову на плечо другому, кто руки и ноги разставилъ—все по настоящему, по-классически, съ устроенными какъ не надо лучше складками, позами и группами; на дѣло четыре брата на колѣняхъ передъ Іосифомъ, въ плащахъ и съ дудками (въ знакъ своего пѣлзанства еврейскаго, и своего истинно-сельскаго состоянія)—пренесносныя и прениточныя фигуры, и изъ всего этого сброда классическихъ, впрочемъ довольно красивыхъ по внѣшности мотивовъ, только двѣ фигуры въ самомъ дѣлѣ и выдѣляются: самъ Іосифъ и братъ его Веніаминъ. Іосифъ (впрочемъ въ какой-то уморительной куафюрѣ-корзиночкѣ, должно быть египетской, но мнѣнію Корнелиуса, въ самомъ дѣлѣ стремительно соскочилъ со своего классическо-римскаго сѣдлаща. Такъ стремительно, что складки визу длиннаго платья засѣли гдѣ-то подъ кресломъ и не успѣли оттуда высвободиться. И онъ одной рукой горячо обнимаетъ мальчачка Веніамина, а другую подаетъ почти безсознательно, на цалованье четверемъ братьямъ, брошшимся на колѣна. А Веніаминъ? Онъ въ самомъ дѣлѣ горячо и страстно бросился въ объятія старшему противъ себя Іосифу, и, поднявъ голову и объятія, старается достать до лица и до губъ любимца своего, теперь важнаго вельможи—до этого ему дѣла нѣтъ! Еслибъ Корнелиусъ въ состояніи былъ удержаться на высотѣ этого чувства, выраженія и талантливости, изъ него вышель-бы, конечно, потомъ великій настоящій художникъ. Къ несчастію, ему понадобилось сдѣлаться чѣмъ то такимъ, что онъ забралъ себѣ въ голову, и онъ весь въкъ свой потомъ прочудилъ, дѣлая картины свои все только рогатѣ и несноснѣе,—все болѣе и болѣе съ каждымъ шагомъ отдалялся отъ правды, простоты и естественности.

Нѣмецкій классикъ болѣе поздняго времени, Шноррь, нарисовалъ, въ своей „Вибліи“, шесть картинъ на сюжеты изъ „Исторіи Іосифа“. Ни одна изъ нихъ не самостоятельна и не удовлетворительна, а нѣкоторые напоминаютъ такъ-таки прямо чужіе мотивы. Такъ наприимѣръ, обнимающіеся Веніаминъ и Іосифъ ничто иное, какъ довольно близкая, едва-едва газированная перафраза превосходнаго мотива Корнелиуса. Дѣло доходитъ до того, что не говоря уже о позахъ и движеніи обоихъ главныхъ дѣствующихъ лицъ, Іосифъ точно также, какъ у Корнелиуса, одною рукою обнимаетъ Веніамина, а другую отдаетъ на поцѣлуи колѣнопреклоненнымъ братьямъ. Сцена Іосифа съ Туттифаровой женой лишена всякой естественности въ движеніяхъ, совершенно «прибрана», а всѣ остальные сцены—ничтожны.

Въ „Библии“ Дорé, картины на сюжеты изъ «Исторіи Иосифа» не принадлежатъ къ числу лучшихъ. Однѣ изъ нихъ, каковы напр., „Иосифъ толкуетъ сны Фараону“, и „Иосифъ открывается братьямъ своимъ“, содержатъ очень хорошо переданную великолѣпную и богатую архитектуру египетскихъ дворцовъ, но всѣ массы фигуръ, наполняющихъ эту роскошную декорацию, въ высшей степени театральны, напыщенны, худельны, а поэтому и вовсе не интересны; другія, наприм., „Иосифъ продаваемый измаилтянцѣмъ братьями“—представляютъ несравненно болѣе интереса, и наполнены прекрасной еврейской обстановкой всякаго рода (возомъ, караванъ на верблюдахъ, невольники, всѣ типы), но психическій мотивъ тутъ совершенно ничтоженъ, почти отсутствуетъ; при томъ же, ибѣлыхъ дѣвъ фигуры картины близко повторяютъ такихъ же точно двѣ фигуры во второй картинѣ изъ книги „Руевъ“. А именно: богатый измаилтянскій купецъ почти черта къ черту одно и тоже съ фигурою Вооза, отдающаго приказъ на счетъ Руевъ, одной изъ своихъ невольницъ; а оглядывающійся братъ Иосифа, въ фонѣ, почти черта въ черту повторяетъ фигуру, позу и поворотъ молодого раба Вооза, уносящаго сонъ и оборачивающагося на Руевъ.

Картины Видá выше, оригинальнѣе, талантливѣе и интереснѣе всего этого. Конечно, не всѣ подрядъ таковы. Напротивъ, въ ихъ числѣ есть нѣсколько довольно посредственныхъ, даже мало удачныхъ (таковы, напр.: „Иосифъ и Путифарова жена“; „Продажа Иосифа“, „Темница и толкованіе сновъ“, „Найденный кубокъ“, „Иосифъ открывается братьямъ“, „Яковъ передъ Фараономъ“ и др.); но ихъ всѣхъ 20 (не считая картинокъ передъ главами и въ концѣ ихъ, а также картинокъ въ большихъ заглавныхъ буквахъ), и каждый, кто радуется на красоту, правду, глубокую народность и историчность, найдетъ здѣсь очень много прекраснаго.

Между истинно хорошими я упомяну слѣдующія: „Старикъ Якову приносить ложку вѣсть о смерти Иосифа“. Отчаяніе бѣднаго старика, поднявшаго въ отчаяніи руки вверхъ и опрокинувшаго назадъ наивно любовитство маленькаго босоногаго, кудряваго еврейчика въ шапочкѣ, стоящаго подле, участіе красивой молодой еврейки, въ изящной курткѣ и покрывалѣ, выглянувшей изъ дверей, наконецъ жестокая, очерствѣвшая лица двухъ братьевъ истуховъ, показывающихъ отду окровавленныя пестрыя одежды Иосифовы, собака слизывающая кровь, и все это въ свѣтломъ каменномъ домѣ, наполненномъ горячимъ палестинскимъ солнцемъ—это картина прекрасная.

Другая тоже прекрасная картина—это „Пиръ въ Фараоновомъ дворцѣ“. Фараонъ возлежитъ на богатомъ ложѣ наверху ступеней, среди узорчатыхъ колоннъ: это мѣсто прохладное, въ тѣни, и сюда достигаютъ солнечные лучи. Но ими наполнена остальная зала, гдѣ пируютъ гости Фараоновы, которымъ прислуживаютъ черные невольники, въ короткихъ бѣлыхъ рубашкахъ, съ голыми руками и ногами, и въ египетскихъ свѣтлыхъ гладкихъ колпакахъ на головахъ. Фараонъ смотритъ на нихъ, и только, немного повернувшись на своемъ ложѣ, милостиво принимаетъ чашу изъ рукъ дрожащаго на колѣняхъ виночерія, того самаго, которому Иосифъ напроорочилъ скорое возвращеніе царской милости. Въ этой картинѣ пропасть живописности всякаго рода: въ свѣтѣ и тѣняхъ, въ архитектурныхъ формахъ, въ перспективѣ залы, взятой наискось, наконецъ въ общемъ впечатлѣніи.

Далѣе, прелестный солнечный пейзажъ египетскаго города, отражающагося въ волнахъ тихой рѣки; напередѣ, изъ этой рѣки выходятъ живописной вереницей—семь тушакъ, великолѣпныхъ египетскихъ коровъ, и онѣ идутъ прямо на зрителя, освѣщенные сади восходящимъ изъ-за города великолѣпнымъ солнцемъ.

Потомъ еще, столько же прелестна картина, представляющая отправление Яковомъ сноповъ его въ Египетъ, за пшеницей. Передъ нами наружный фасадъ каменнаго дома, какихъ много до сихъ поръ еще въ Палестинѣ и Сиріи: съ толстыми неуклюжими столбами, выступающими по сторонамъ входной двери, съ навѣсомъ; онѣ поддерживаютъ верхній крытый балконъ съ красивымъ балюстрадамъ, сбоку висячая деревянная лѣстница, по сторонамъ окна съ выступающими впередъ ставнями, словно закрытыми рѣзными шкапчиками. Кругомъ этого входа въ ихъ домъ, братья Иосифовы хлопочутъ въ разнообразныхъ позахъ со своими ослами, ибѣшками, дорожными колымаги. Старикъ Яковъ появляется въ дверяхъ, и словно настояцій патріархъ или первосвященникъ, онъ протягиваетъ впередъ, изъ подъ широкихъ рукавовъ, руки,—благословляя и приказывая.

Чудесный пейзажъ—это берегъ рѣки или озера, гдѣ, у подошвы низенькихъ каменныхъ скалъ встрѣтились Яковъ, окруженный челядью, и Иосифъ, выхваченный къ нему съ блестящею египетскою святою. Песчаный берегъ, сверкающая вдали вода, ярко освѣщенная восточная процессія, коня, колесница, верблюда, пестрая одежды израильтянъ, бѣлые рубахи черныхъ египетскихъ всадниковъ—это составляетъ, вѣстѣ, великолѣпное колоритнѣйшее зрѣлище.

„Похороны Рахили“, при факелах, съ процессией, спускающейся вниз по ступеням темной пещеры; „Смерть Иакова“—чудная поэтическая картина съ могучею свѣто-тѣнью совершенно на манеръ гениальныхъ гравюръ Рембрандта; „Путешествіе Иосифа со свитой въ Палестину, на погребеніе отца“—великолѣпное торжественное шествіе по горнымъ извивающимся тропинкамъ, среди скалъ, стоящихъ градками, словно окаменѣвшія волны, наконецъ нѣсколько другихъ еще картинъ равнаго съ этими достоинствомъ— таково главное содержаніе главныхъ изъ числа превосходныхъ иллюстрацій Видѣ.

Но выше и лучше всѣхъ остальныхъ картинъ у Видѣ здѣсь, мнѣ кажется, та, которая представляетъ «Поѣздку Иосифовыхъ братьевъ изъ Египта въ Иудею», съ хлѣбомъ, полученнымъ отъ Иосифа. Караванъ ихъ тянется гуськомъ, по гребню горы; одинъ идетъ, со своими высокими посохами, около остова, нагруженныхъ мѣшками, по прямой дорогѣ; другіе спускаются, по разпадающимся тропинкамъ, внизъ, туда, гдѣ валяются по сторонамъ ряды камней и растетъ тощая трава. Надъ ними стоитъ чистое небо, съ маленькими рябинками тучъ, и весь этотъ рядъ путниковъ, съ ихъ выючнымъ скотомъ, необыкновенно красивымъ силуэтомъ вырѣзывается, надъ темной горой, на ясномъ горизонтѣ. Это на мои глаза одно изъ красивѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ представленій еврейской древней жизни.

Таковы повѣщія созданія Видѣ. Конечно, много еще другихъ будетъ художниковъ, которые будутъ изображать сцены Библии съ такимъ же талантомъ, этнографическою вѣрностью и національной правдой; можетъ быть на это дѣло скоро выступятъ даже и такіе художники, которые пойдутъ еще дальше и глубже, возысаятъ еще болѣе современное историческое искусство, но несомнѣнно то, что Видѣ много-много сдѣлалъ уже и теперь, и потому-то за нимъ навѣрное останется навсегда честь и слава одного изъ самыхъ первыхъ, самыхъ рѣшительныхъ и талантливыхъ начинателей.

В. Стасовъ.

РИМСКОЕ ГЕТТО.

Изъ „Воспоминаній объ Италіи“ Э. Кастеляра.

Съ недосигаемой высоты приходится спускаться въ глубокую пропасть—съ Ватикана въ Гетто *. Гетто называется тотъ кварталъ Рима, который населенъ евреями. Народъ въ народѣ—явленіе, могущее удивить кого угодно, только не насъ, испанцевъ. Столѣтія за четыре назадъ мы изгнали евреевъ и удержали за собою право сожигать на кострѣ всѣхъ, соблюдавшихъ еврейскіе обычаи или подражавшихъ имъ; но въ тоже время мы оставили въ нашихъ городахъ неприкосновенными и какъ бы привилегированными тѣ кварталы, куда не можетъ находить себѣ доступъ свиное мясо—кварталы еврейскіе. Вспомните Толедо. Вспомните на холмахъ вблизи Камбронскихъ воротъ и моста Св. Мартина церковь Св. Іоанна съ ея аркообразными окнами и поломъ изъ маюлики, съ ея сводами изъ кедроваго дерева, густо покрытыми золотомъ и слоновою костью, съ написанными на ея стѣнахъ по еврейски псалмами; воскрейте въ вашемъ воспоминаніи и другую церковь—Santa Maria la Bianca, съ ея осьмиугольными колоннами, ассирійскими капителями, арками въ формѣ лошадинаго копита; оба эти храма, прежде бывшіе синагогами, свидѣтельствуютъ всѣми своими подробностями, что нѣкогда здѣсь жили дѣти Израиля, непоколебимыя поклонники чисто-

* Въ предыдущей главѣ авторъ говоритъ о Ватиканѣ и его обитателяхъ.

семитического Бога, преслѣдовавшіеся готами и отомстившіе при Гвадалетѣ за понесенныя обиды, миллионеры-купцы, неутомимые работники, люди, распространившіе по южной Франціи и всей Италиі идеи арабскихъ школъ Кордовы, Севильи и Толедо, — доказавшіе дону Алоисо VI, что они не принимали никакого участія въ смерти Спасителя. — бывшіе сотрудниками дона Алоиса Мудраго. — испывавшіе на себѣ мечъ Генрика Тростамара, — люди, которыхъ оплевывалъ и зашамъ Св. Влчченно Ферреро, которыхъ выгнала на чужбину набожность Изабеллы Католической, — однимъ словомъ, толедскіе евреи.

Еврейское племя — дѣйствительно необыкновенное племя. Мы потребили безчисленное множество категорій боговъ. Боги финикійскія, грековъ и римлянъ, точно также какъ и первобытныя божества, проникали въ самыя заповѣдныя глубины человѣческой совѣсти и потомъ снова исчезали безслѣдно, уступая мѣсто другимъ. Даже великая католическая теологія, составляющая, такъ-сказать, основу нашего духа, исчезаетъ и разлагается въ наше время. Наша душа измѣчива, потому что она не перестаетъ идти впередъ. Народы запада, усиленно работающіе разумомъ, не вѣруютъ и не молятся, и на оборотъ; вторую половину жизни мы проводимъ въ томъ, что пытаемся разрушать разумомъ вѣру, внушенную намъ воспитаніемъ въ первую половину ея; наше поколѣніе совсѣмъ не религиозное. А эти евреи до сихъ поръ говорятъ такъ, какъ говорилъ Авраамъ, они шепчутъ тѣже псалмы, чтѣ пѣлъ Давидъ, хранятъ въ себѣ идею Бога, какъ собранную въ пустыя ману души, повинуются даннымъ на Синаѣ законамъ, не падаютъ подъ гнетомъ вавилонскаго плѣненія, сопротивляются несравненной лести Александра, неодолимому могуществу Рима, жестокимъ преслѣдованіямъ Тита, проклятіямъ папъ, гоненіямъ королей, гнѣву народовъ, огню инквизиціи, ветеринарности сектъ; — стоя вмѣстѣ съ другими въ безконечномъ водоворотѣ, непрерывномъ потоцѣ человѣческихъ идей, они, однако, живутъ какъ бы внѣ своего времени и возсоздаютъ въ своихъ мысляхъ разрушенный храмъ, въ которомъ неизменно хранится ими старая вѣра съ ея благодатными надеждами.

Побуждаемый двойственнымъ чувствомъ — состраданія и любвиобщества, я посѣтилъ еврейскій кварталъ въ Римѣ. Четверою

вѣчный городъ вообще не можетъ похвалиться. Кучи сору и грязи останавливаютъ васъ на каждомъ перекресткѣ; прекрасныя массы воды, доставляемая издалека великолѣпными водопроводами и потомъ распределяющіяся по монументальнымъ бассейнамъ и колодцамъ, ничего не очищаютъ, ничего не моютъ, какъ будто имъ приходится течь и пропадать глубоко подъ землею. Тябрь — въ полномъ смыслѣ слова рѣка помоевъ; его желтоватая вода придаетъ ему видъ громаднаго свопленія вышлеванной желчи; вѣчный городъ — очень грязный городъ. Кто не хочетъ вдыхать въ себя тѣ духовныя ароматы, отъ которыхъ кружится въ упоеніи душа набожнаго Луи Вельо, пусть затякаетъ носъ какъ можно покрѣче. А между тѣмъ, даже въ такомъ городѣ еврейскій кварталъ его приводитъ въ ужасъ своей нечистою. Ноги вьзнуть въ мягкомъ слоѣ грязи, который кажется ложемъ свиней или бегемотовъ.

Полунагія дѣти, покрытыя цѣлою корою грязи, похожею на ракообразныя струпы, выползаютъ изъ всѣхъ отверстій. Нѣсколько старухъ съ морщинистой и пожелтѣвшей кожей, сѣдыми волосами, стеклянными глазами, жалкими и ищенискимъ видомъ, стоятъ, удбляясь какъ привидѣнья, у дверей домовъ — сушихъ крысѣихъ норъ, изъ которыхъ бьетъ въ носъ невыносимая вонь. Съ еврейскимъ племенемъ смѣшиваются здѣсь упавшіе съ такой-же высоты и отягощенные такимъ-же проклятіемъ цигане. Оборванные женщины, которыхъ инквизиція наивѣрное сожгла бы за ихъ танцевенное ремесло, особенно по субботамъ, выкидываются на васъ и на непонятномъ нарѣчій предлагаютъ погадать на картахъ о вашемъ будущемъ. На грязныхъ камняхъ сидятъ группы людей, ведущіе игру всевозможными, употребительными въ южной Испаніи, картами. При малѣйшемъ затрудненіи, мошенничествѣ или ошибкѣ они поднимаютъ крикъ и шумъ на весь кварталъ; одинъ скредещетъ зубами, другой сжимаетъ кулаки, всѣ остальные принимаютъ угрожающія позы и все повидимому предвѣщаетъ сильную свалку. Дѣти пристають къ этой сумятицѣ и тоже кричатъ. Женщины высовываются въ окна, принимаютъ участіе въ общемъ волненіи и вмѣшиваются въ споръ, при чемъ руководятся не справедливостію и истинною, а субъективнымъ чувствомъ, которое говорить имъ, что право на сторонѣ ихъ ближайшихъ родственни-

ковъ. Вы можете присутствовать при этой дракѣ, но Боже васъ упаси вмѣшиваться въ нее, потому что вамъ грозитъ опасность быть схваченнымъ, израненнымъ и убитымъ этими бѣшенными людьми. Въ Гетто вы должны ограничиться созерцаніемъ влажныхъ камней, грязныхъ улицъ, отвратительныхъ трущобъ, оборванныхъ и измозженныхъ людей, вывѣшенныхъ изъ каждаго окошка трипокъ, и выдыхаемъ въ себя зараженнаго всевозможными миазмами воздуха, который наполняетъ этотъ адъ, гдѣ представителями живучей расы искупается столь достолюбезная папамъ добродѣтель—вѣра въ невѣроятные принципы.

А при нынѣшнемъ царѣ положеніе этихъ людей еще значительно улучшилось. Желѣзные цѣпи, отдѣлявшія евреевъ отъ остальнаго населенія и сковывавшія ихъ, какъ узниковъ, упали, благодаря великодушію Піа IX. Теперь они уже не обязаны удаляться съ наступленіемъ ночи въ свои хлѣва, но могутъ сколько угодно ходить по всему городу. Такъ называемой кровавой подати, въ 50 центезимовъ съ души ежегодно, они теперь уже не платятъ. Правомъ жить во всеѣхъ частяхъ Рима евреи однако не пользуются, потому что нигдѣ не могутъ они жить такъ дешево, какъ въ своемъ кварталѣ, гдѣ цѣны на квартиры, въ силу старинныхъ папскихъ постановленій, стоятъ необыкновенно высокія.

И чего только не выстрадали, не вынесли евреи! Тащить избираетъ ихъ предметомъ своихъ горькихъ укоризнъ, а Лукіанъ изощряетъ на нихъ свое прелестное остроуміе. Императоры часто наказывали ихъ и кидали въ циркахъ дикимъ звѣрямъ; они вытѣвали ихъ и въ тѣ гоненія, которыя воздвигались на христіанъ, не смотря на то, что евреи ненавидѣли нововведенія, сдѣланнаго христіанствомъ въ ихъ вѣрѣ; обратившіеся въ христіанство варвары обогащались ихъ имуществомъ; папа раздѣлилъ ихъ съ остальнымъ міромъ. А между тѣмъ есть народы, отъ которыхъ еврейское племя вытерпѣло еще больше, чѣмъ отъ Рима, — народы, у которыхъ сохранились о томъ только историческія свидѣтельства. Мы удивляемся силѣ вѣры евреевъ; на одного отсутствіе ли является тысяча преданныхъ послѣдователей. Даже глубочайшіе ихъ мыслители убѣждены, что человѣчество сошло съ пути истинны тѣмъ, что вмѣстѣ съ христіанствомъ ввело въ теологическій домъ единства Вождяго и въ серьезно-возвышенный Моисеевъ де-

калогъ идей греческой метафизики. Они думаютъ, что евреи отречутся отъ своего притязанія на авторитетъ въ качествѣ народа жрецовъ, народа левитовъ, когда христіанскіе сектаторы отречутся отъ антропоморфическихъ идей Греціи, и человѣчество, соединившись въ одномъ и томъ же направленіи духа, изъ котораго возникнетъ одно, общее для всѣхъ, право, получить возможность очистить свою совѣсть въ человѣческомъ принципѣ божественнаго единства и свою волю—въ строгихъ предписаніяхъ декалога. Эти идеи, само собою разумѣется, не живутъ въ головахъ бѣдныхъ обитателей Гетто, поверженныхъ въ глубокое невѣжество подозрительнымъ правительствомъ. Но ихъ души проникнуты твердою, непоколебимою вѣрой. Для меня непонятно, почему нѣкоторые духовные писатели удивляются еврейской неподвижности. Какъ будто въ Римѣ вы не встрѣчаете на каждомъ шагу ту же неподвижность! Развѣ есть на землѣ другая страна, мнившая исторію которой сохранилась бы въ такой живости? Въ пещерѣ Нузы Помплія до сихъ поръ слышится голосъ нимфы Эгеріи; но Авентинскому холму до сихъ поръ проходятъ тѣни трибуновъ. Когда вы сходите въ катакомбы, вамъ кажется, что вы садитесь за трапезу гонимыхъ христіанъ, а выйдя оттуда на Via Arria вы испытываете такое ощущеніе, какъ будто только что вернулись съ древне-римскаго кладбища. Изъ опустошенной, благодаря промахамъ предковъ, Кампанія до сихъ поръ еще выходятъ тѣ же самыя смертоносныя испаренія. Императоры-жрецы все еще живутъ въ садахъ Нерона; древне-римскій архитектурный стиль продолжаетъ господствовать надъ католическимъ духомъ. Дворянство не утратило той слабости, въ которую оно ввало во время имперіи, когда у него было отнято оружіе, а вмѣстѣ съ этимъ—и всякое значеніе. Духовенство глухо къ требованіямъ разума, враждебно всякому прогрессу, сопротивляется всякой реформѣ точно также, какъ языческіе жрецы Бахуса гордо махали своими золотыми жезлами и вѣнчаныя головы цѣпями въ то время, когда готскіе легіоны были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и не смотря на то, что сенатъ Феодосія провозгласилъ христіанство господствующею религіею римской имперіи. И если вы внимательно взглянете въ наружность низшаго класса, то отличите въ ней черты лица древняго народа, — отличите это сходство не только въ греческомъ профилѣ и дѣйствительно рим-

ской мускулатурѣ, но и въ той смѣси небрежной безпечности и гордости, что составляетъ особенность народа, который привыкъ, чтобъ о немъ заботился и имъ руководилъ тотъ или другой властитель и которому въ тоже время всѣ остальные народы земли служили для развлечения.

Источникъ непоколебимой твердости евреевъ заключается въ ихъ совѣсти и ихъ религій. И сколько жестокихъ гоненій вызывала эта твердость! Въ Римѣ пытають къ нимъ такое-же отвращеніе, какое въ Майоркѣ къ хуэрасамъ. Въ наше время религіозной терпимости и демократическихъ государственныхъ учреждений два гражданина были прогнаны съ общественного бала только потому, что принадлежали къ племени хуэрасовъ, т. е. потому, что они произошли отъ евреевъ.

Католицизмъ, который во взглядѣ на это племя доходить до крайняго фанатизма, не снявъ съ него вины его происхожденія: на Майоркѣ есть люди, гордящіеся тѣмъ, что въ ихъ домѣ никогда не была нога хуэраса, и нѣкоторые изъ этихъ хуэрасовъ подписали въ 1854 г. протестъ противъ религіозной свободы, подписали въ то время, когда такъ сказать еще дымялись костры, на которыхъ сожгли кости ихъ отцевъ. Не имѣеть ли каталонскій культъ, практикующійся въ настоящее время въ одной изъ четырехъ синагогъ Гетто, нѣкоторой аналогіи съ проклятымъ племенемъ острова Майорки? На этотъ счетъ мнѣ не удалось узнать ничего опредѣленнаго; но я никогда въ жизни не видѣлъ такой любви къ отечеству, какаю одушевляють испанскихъ евреевъ; всѣ претерѣнныя несправедливости не могли поселить въ нихъ отвращенія къ родинѣ, сдѣлавшейся для нихъ мачихою. Я познакомился во Флоренціи съ молодою еврейскою четой, путешествовавшею по Европѣ и въ то время только что прибывшею изъ Дамаска. У жены былъ чудесный восточный типъ; блѣдное лице, оживленное черными, глубокими и огненными глазами, на которые опускались длинныя и густыя рѣсницы, рѣзко отбѣнялось длинными и тонкими кудрями, блестящими какъ шелкъ. Носъ былъ греческій, какъ у Венеры Милосской, губы пурирно-яркаго цвѣта. Вся эта красота поразила меня точно также, какъ обладательницу ея поразило, когда я заговорилъ съ нѣкоторыми испанцами и американцами на туземномъ нарѣчій; она точчасъ-

же обратилась къ мужу и сказала ему нѣсколько словъ по испански. Родной языкъ, когда изгнанникъ слышитъ его на чужбинѣ, пѣлнвательнѣе самой очаровательной музыки. Я не могъ удержаться, чтобы не спросить: не испанка-ли вы? Тутъ она рассказала мнѣ, что она еврейка, родомъ изъ Лиорны, и вышла за грека, живущаго въ Дамаскѣ; что она выучилась по испански въ синагогѣ своей родины и говорить на этомъ языкѣ со своими единобратями, обитающими на востокѣ и изъ которыхъ многие держатся испанской рѣчи, какъ набожнаго воспоминанія о своемъ происхожденіи, какъ славнаго атрибута своего племени. Подавленные чувства всегда самыя сильныя. Какъ ни велика моя любовь къ родинѣ, но она показала мнѣ ничтожною въ сравненіи съ патриотизмомъ этого племени, — племени, которое травлило какъ дикаго звѣря, подвергало всевозможнымъ поруганіямъ, выгнало изъ отечества, и которое однако, спустя четыре вѣка послѣ этого изгнанія, продолжаетъ съ любовью обращать взоры на страну, гдѣ заходитъ солнце, — и все еще говорить на языкѣ своихъ гонителей, какъ древніе израильтяне пѣли пѣсни своихъ пророковъ на берегахъ Евфрата, подъ плакучими ивами Вавилона.

Среди этихъ размышленій мнѣ представился, какъ бы въ поэтическомъ видѣніи, политическій переворотъ, долженствовавшій разбить цѣпи старыхъ традицій моего отечества, и я поклонялся, что если довѣрие моихъ согражданъ когда нибудь облечетъ меня высокими достоинствами законодателя, то я буду неустоимо ратовать и бороться до тѣхъ поръ, пока мы не перестанемъ, благодаря нашей негернимости, составлять печальное исключеніе въ нинѣшнемъ обществѣ. — пока мы не откроемъ границъ нашего отечества всѣмъ идеямъ и всѣмъ исповѣданіямъ, — пока не утвердится у насъ то право, безъ котораго всѣ остальные бесполезны, т. е. право не прятать своей совѣсти и, какъ публично, такъ и тайно, поклоняться тому богу, который живетъ въ нашемъ сознаніи.

И какъ много содѣйствовало исполненію этой клятвы, данной моему сердцемъ и моею головою, воспоминаніе о блѣдномъ и печальномъ, погрязшемъ въ нищетѣ и невѣжествѣ еврейскомъ населеніи Гетто! Възвѣдая въ панскія владѣнія, я не могъ удержаться отъ сравненія между ихъ таможенными стѣсеніями и системою свободной торговли республиканской Швейцаріи; точно такъ-

же теперь, проходя по грязному еврейскому кварталу Рима, и невольно вспоминал вѣротерпимость Женевы, широкія права, которыми тамъ пользуются всѣ вѣроисповѣданія, и проносимыя дѣтьми Израиля на республиканскомъ языкѣ древнихъ пророковъ молитвы о томъ, чтобы Богъ сохранилъ свободныя учрежденія этой Швейцаріи, гдѣ религіозныя убѣжденія не прячутся, а блестятъ, какъ звѣзды на безпредѣльномъ сводѣ неба.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ не паумляться тому, что евреи удержались въ резиденціи верховныхъ главъ католицизма, тогда какъ католическіе народы или мучили ихъ, или убивали, или изгоняли. Но если это обстоятельство свидѣтельствуеетъ съ одной стороны о терпимости папъ, то съ другой оно служитъ доказательствомъ жизненности евреевъ. Они удержались, это правда, но только въ состояніи нищеты. Запрещеніе приобретать поземельную собственность обрело ихъ навсегда на занятіе торговлею; но торговля бесплодна безъ экономическихъ сбереженій, а эти послѣднія бесплодны, когда ихъ не превращаютъ въ собственность. Какъ только римскому еврею удастся собрать малую толику денегъ, онъ отправляется туда, гдѣ законы мягче тѣхъ, которые дѣйствуютъ въ его хлѣбѣ. Оттого въ Гетто остаются только бѣдные, голодающіе евреи, торгующіе старымъ желѣзомъ, и заработки которыхъ едва хватаютъ на то, чтобы поддерживать жалкую жизнь и отъ времени до времени закипать огонекъ на темномъ и печальномъ очагѣ своихъ лачужекъ.

Безспорно, что Пій IX значительно улучшилъ положеніе евреевъ; но они тѣмъ не меньше чувствуютъ на себѣ тяжесть предрасудковъ и бичъ католической теократіи. Для того, чтобы понять это явленіе, не слѣдуетъ ограничиваться исключительно рационалистическими революціонными писателями. Нужно читать и католическихъ авторовъ. На первыхъ порахъ представляется очень труднымъ почерпнуть истину въ рѣзко противрѣчащихъ другъ другу мнѣній двухъ непримиримыхъ школъ — католической и рационалистической. Теперь уже не тѣ времена, когда жрецы, какъ верховный жрецъ Гити, и католики, какъ Гуртадо ди Мендоза, бичевали Римъ. Теперь католицизмъ для многихъ не религія, а партія, и потому его ученіе не столько собраніе догматовъ, нуждающихся въ объясненіи, сколько поле-

мика, требующая доказательствъ и доводовъ разума. Для многихъ другихъ, напротивъ того, католицизмъ есть власть, которую надо разрушить во что бы то ни стало, какъ узникъ стремится разбить свои окопы. Первые видятъ въ столицѣ католицизма только добродѣтели, вторые — только гнусные пороки. Въ подобныхъ противоположностяхъ, имѣющихъ мѣсто даже въ самыхъ незначительныхъ вещахъ, трудно доискаться истины. Либеральная газета сообщила намъ, что въ папскомъ Римѣ находится 2000 женщинъ, занимающихся опаснымъ ремесломъ натурщицъ, а журналъ духовный возражаетъ, что злоба враговъ прибавила въ этой цифрѣ два нуля. Journal des Débats разсказаетъ намъ слѣдующій ужасъ: Римляне до такой степени спотыкаются кровожадны, что обыкновенно собираются въ большой залѣ и, погасивъ всѣ свѣчи, удовлетворяютъ своей кровожадности тѣмъ, что въ темнотѣ поражаютъ другъ друга вишжалами. Эту страшную болюю они называютъ ciciata*. Набожный же католикъ, апостолическій протонотаріусъ, докторъ каноническаго права, опровергаетъ это извѣстіе слѣдующими словами, приводимыми мною буквально: „Патеръ Каравита основалъ не залу, какъ разсказываетъ вольтеріанская газета, а молеблюю. Этотъ патеръ былъ іезуитъ стараго общества. Въ этой молеблю, посвященной его имя, онъ собиралъ людей, добровольно приходившихъ туда для того, чтобы сообщая молиться объ обращеніи грѣшниковъ на путь истины. Это набожное собраніе скоро распалось на нѣсколько отдѣловъ, каждый подъ своимъ особеннымъ названіемъ, распространенныхъ по всему христіанскому міру. Молеблю ночью открыта для мужчинъ, днемъ для женщинъ. При открытіи собранія, пять или шесть патеровъ садятся въ свои исповѣдальни, выслушиваютъ признанія въ совершенныхъ грѣхахъ и отпускаютъ ихъ во имя божье. Такихъ отпущеній насчитывается въ годъ около 50 тысячъ для лицъ, которыя пользуются темнотою, чтобы идти исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ и успокоить свою совѣсть. Но этимъ дѣло не ограничивается. Между тѣмъ какъ одинъ исповѣдывается или готовится къ исповѣди, другіе, стоя на колѣняхъ, возносятъ молитвы въ Богоматери и поютъ хоромъ псалмы. По окончаніи молитвы, одинъ изъ „братьевъ“ сходитъ внизъ изъ алтара и надѣляетъ желающихъ веревками съ плотными узлами. Въ слѣдъ за

тѣмъ тупатся всѣ свѣчи, водаряется глубочайшая темнота, и среди ея священникъ громкимъ голосомъ призываетъ къ покаянію. Его слова провозвѣщаютъ на аудиторію потрясающее дѣйствіе, и какъ только онъ окончить говорить, вѣрующіе начинаютъ бить себя по плечамъ веревками и дѣлаютъ это все время, пока поется *Nunc dimittis* до словъ *Ad revelationem*, послѣ чего снова зажигаютъ свѣчи*.

Если сравнить между собою оба эти разсказа, то не трудно доискаться истины. У одного почтеннаго писателя я читалъ, что папы обязывали евреевъ ходить по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю въ католическую церковь и слушать тамъ проповѣди, направленные противъ нихъ и противъ ихъ религіи.—обязывали для того, чтобы тронуть сердце этихъ грѣшниковъ и обратить ихъ на путь истины. Я не вѣрилъ такимъ чудовищнымъ вѣщамъ.

Возможно-ли вообще посягательство на неприкосновенность человѣческой совѣсти? Какъ! Я убѣжденъ, что въ этомъ храмѣ тьма, а не свѣтъ, что это ученіе—заблужденіе, а не истина, а вы заставляете меня ходить въ этотъ храмъ, присутствовать при этихъ обрядахъ, слушать эти проповѣди,—вы такъ пелсханано мучите мою душу и мою совѣсть! И вы не только дѣлаете то, что уже само по себѣ есть невыносимое тиранство, какъ всякое насильственное привитіе мыслей и чувствъ,—нѣтъ, вы, кромѣ того, лишаете меня подъ самыми ничтожными предлогами права отвѣчать или возражать, оскорбляете болѣе или менѣе чувствительно то, что есть душа моей души, кровь моего сердца, эссенція моихъ идей.—вы ругаетесь надъ тѣмъ задушевнымъ вѣрованіемъ, подѣ влияніемъ котораго я живу и надѣюсь умереть, надъ религіею, которая служитъ мнѣ моимъ національнымъ закономъ, моею связью съ жизнью, моею надеждою на будущее! Какъ ни сильно напрягаю я свою фантазію, но все таки не могу представить себѣ, какія страданія испытывали бы уважаемые мною набожные люди, еслибы ихъ заставляли еженедѣльно ходить въ храмъ, гдѣ говорились бы проповѣди противъ Иисуса Христа и Богоматери, гдѣ издѣвались бы надъ писаніемъ, питающимъ ихъ души и потому поддерживающимъ ихъ физическія и нравственныя силы! Такой образъ дѣйствій, по моему мнѣнію, есть нарушеніе завета евангельскаго, повелѣвающаго намъ желать другимъ того, чего

мы желаемъ самимъ себѣ именно, — мира семьи и мира души, ненарушимости совѣсти и сохраненія человѣческаго достоинства.

Для меня совершенно непостижимо, какъ можно съ такою жестокостью относиться къ евреямъ. Даже полемика между ими и христіанами представляеть большія затрудненія. Мы вѣруемъ во всѣ главнѣйшіе догматы ихъ, ихъ Богъ — нашъ Богъ, ихъ законъ — нашъ законъ, ихъ священное писаніе — наше священное писаніе; мы присоединили къ библіи евангеліе, къ единому семитическому Богу пустыни — слово и духъ греческой метафизики. Разница состоитъ только въ томъ, что мы вѣруемъ въ уже пришедшаго Спасителя, а они все еще ожидаютъ своего Мессію; для насъ искупленіе уже совершилось, для нихъ — еще нѣтъ; они не могутъ понять, что обѣтованіе божье уже исполнилось, видя, что народъ израильскій все еще разсыянъ по міру, а храмъ Господа лежитъ въ развалинахъ. Попробуйте-ка убѣдить ихъ, — если они не убѣдились собственнымъ размышленіемъ, — что бѣдный пазарининъ, сынъ простыхъ родителей, единственный войско котораго составляли апостолы, найденные Имъ на берегу озера Тиверіадскаго, единственное оружіе — разносящееся по воздуху слово, единственный престоль крестъ, единственная награда — смерть, — убѣдите ихъ что именно онъ — тотъ Мессія, который пришелъ освободить ихъ народъ изъ рабства. Вы этимъ не удврили бы, а только оскорбили ихъ, и они отошли бы отъ васъ больше обиженные вашими словами, чѣмъ проникнутые ихъ назидательностью, и ихъ живая вѣра сдѣлала-бы для нихъ почти необходимою — проклинать вашу вѣру.

Тѣмъ не менѣе, въ существованіи вышеупомянутаго стараго обычая нельзя сомнѣваться, когда читаешь, напримѣръ, „*Roma Vendicata*“ — сочиненіе апостольскаго протонотарія, монсеньора Гессія. Авторъ сообщаетъ не просто, какъ фактъ, но съ особенною гордостью и удовольствіемъ, что католическіе проповѣдники сочиняли объясненія и комментаріи на псалмы, которыя потомъ, въ продолженіе нѣкой недѣли, читались и пѣлись раввинами. Монсеньоръ подтверждаетъ, что за все время этихъ „бесѣдъ“ еврей не позволили себѣ ни малѣйшаго выраженія неудовольствія, доказавъ этимъ если не трусость свою, то, по крайней мѣрѣ, благоразуміе; онъ же разсказываетъ, что они въ концѣ концовъ стали благодарить этихъ проповѣдниковъ, между тѣмъ какъ въ

душѣ, само собою разумѣется, негодовали на ихъ враждебное отношеніе къ догматамъ, глубоко укоренившимся въ сердцѣ еврейскаго народа. Къ чести Пія IX надо сказать, что онъ отмѣнилъ этотъ обычай, навѣрное не вызвавшій тѣхъ обращеній въ лоно католической церкви, о которыхъ съ такою гордостью разсказываютъ „вѣрующіе“ — plus royalistes que le roi, plus papistes que le pape. Если же такое установленіе, столь радикально противорѣчащее духу евангелія, дѣйствительно существовало, то мы не можемъ сомнѣваться въ существованіи и другихъ обычаевъ, — напримеръ поднесенія библии всякому новозбранному папѣ, въ моментъ прибытія его въ триумфальной аркѣ Тита, напоминающей о разрушеніи Иерусалима этимъ императоромъ, или уничтоженіи въ 1848 году «кровавой» данн и подати съ иностранцевъ, которыя ежегодно, накануне карнавала, уплачивались римскимъ сенаторамъ, чтобы услышать отъ нихъ за это нѣсколько обидныхъ и оскорбительныхъ выраженій.

Нашими словами руководитъ чувство искреннѣйшаго безпристрастія. Доказательствомъ, что папское законодательство до сихъ поръ еще допускаетъ непростительныя жестокости, служить намъ исторія того еврейскаго ребенка, который былъ тайно окрещенъ стараніями одной фанатички, оторвавъ отъ божественнаго, естественнаго и ничѣмъ незамѣнимаго авторитета отца и матери, лишены всякихъ сообщеній со своимъ семействомъ и упрятавъ въ монастырь, чтобы получить тамъ воспитаніе, на которомъ, такъ какъ оно противорѣчитъ естественному праву, никакъ не можетъ почтить и благословеніе божье. Развѣ вы не боитесь, что когда этотъ ребенокъ подростетъ и, встрѣтивъ мать—если она до тѣхъ поръ будетъ еще жива—услышитъ отъ нея, какъ сильно она страдала, когда ее разлучили съ священнымъ предметомъ ея любви, плодомъ ея тѣла, ея ангеломъ-утѣшителемъ,—вы не боитесь, что онъ съ негодованиемъ отречется отъ религіи, стоявшей его матери столькожъ горькихъ слезъ и мученій?..

Въ виду этого примѣра я не колеблюсь придавать вѣру и тѣмъ другимъ фактамъ, которые сообщаются революціонными писателями и доказываютъ, что римскіе евреи, въ случаю перехода къ католицизму, имѣютъ (подобно древнимъ мавраамъ въ Испаніи) законное право освобождаться отъ естественнѣйшей власти—власти

отца, и отъ священныхъ обязанностей относительно своего семейства,—обязанностей, не нарушимыхъ какъ съ гражданской, такъ и съ нравственной точки зрѣнія, и о неприкосновенности которыхъ апостольской власти папы слѣдовало бы заботиться строжайшимъ образомъ.

Необходимо положить предѣлъ всякому преслѣдованію идей. Я порицаю римское правительство, когда оно притѣсняетъ евреевъ, точно также, какъ осуждаю правительство прусское, когда оно изгоняетъ иезуитовъ. Преслѣдовать идею, по моему мнѣнію, тоже, что преслѣдовать свѣтъ, воздухъ, электричество, магнитный токъ,—потому что идея избѣгаетъ всякаго преслѣдованія и побѣдно борется со всякою силою. Но если я не понимаю, какъ возможно преслѣдовать идею, то еще менѣе могу постигнуть гоненіе на тѣ общества, которыя ставятъ своею задачею уясненіе и распространеніе извѣстнаго принципа, религіознаго или политической системы. Идеи своей собственною силою осуществляются въ человѣческомъ обществѣ. Идея и ея практическое примѣненіе находятъ въ полномъ согласіи и соединеніи между собою, какъ тѣло и душа, свѣтъ и теплота. Еще менѣе, однако, понимаю я, какъ можно преслѣдовать цѣлыя племена подъ предлогомъ, что за одинъ поступокъ даннаго племени должны расплачиваться всѣ послѣдующія поколѣнія его. Если даже всѣ, приписываемые еврейскому народу, недостатки и пороки дѣйствительно существуютъ, если справедливо, что въ немъ до послѣдней крайности развита страсть къ важнѣй и любостыжанію, то все таки его бѣдствія превосходятъ его недостатки.....

На землѣ не должны болѣе существовать никакія проклятія племена. Настало время, когда каждый долженъ имѣть право высказывать свои убѣжденія и свободно служить своему Богу,—когда заблужденіе должно признаваться за болѣзнь, а не за преступленіе. Будемъ справедливы и станемъ обращать вниманіе на то, въ какой степени тотъ или другой народъ содѣйствовалъ съ своей стороны воспитанію и развитію человѣческаго рода. Вспомнимъ, что эти, проищаемые католическимъ законодательствомъ, евреи—тотъ самый народъ, который принесъ намъ идею о единомъ Богѣ и отъ котораго мы получили по нѣскольку десятъ заповѣдей, замечательныхъ въ сердцахъ нашихъ семействъ и въ святыхъ

наших жилищъ. — что они — тѣ сны старыхъ пророковъ, тѣ потомки Давида, псалмы которыхъ мы до сихъ поръ поемъ въ нашихъ церквяхъ,—поданные того Соломона, притчи котораго составляютъ основаніе нашихъ народныхъ вѣрованій,—пштомцы того Исаи и того Іереміи, которыхъ мы считаемъ въ числѣ и нашихъ пророковъ,— люди вообще способствовавшіе образованію эссенціи нашихъ идей и дрожжей нашей жизни. Проходи по грязнымъ улицамъ Гетто и видя на лицахъ его обитателей признаки ихъ религіознаго и нравственнаго упадка, я думалъ: какъ много выигралъ бы въ настоящемъ его критическомъ положеніи католицизмъ, еслибъ человѣческая совѣсть сообразила, какія услуги оказали воспитанію человѣчества всѣ учрежденія и всѣ народы.

II. Вейбергъ.

ИСТОРИЯ ВЫКЛЮЧКИ *.

(БЫЛЬ, РАЗСКАЗАННАЯ МОИМЪ ПРЯТЕЛЕМЪ).

Пронесеніе, которое я хочу рассказать здѣсь, случилось въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, въ одну изъ самыхъ печальныхъ эпохъ исторіи русскихъ евреевъ.

Положеніе евреевъ въ губерніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Польшѣ, съ давнихъ поръ было незавидное; да иначе и быть не могло: всѣ тѣ причины, которыя обусловливали жалкое и безнадежное положеніе евреевъ въ западной Европѣ вообще, существовали и въ Польшѣ, и чуть ли не въ большихъ еще размѣрахъ. Польское шляхетство, гордое и своевольное, глубоко презирало бѣднаго жида—бездомнаго скитальца, безъ роду и племени. Къ чувству презрѣнія тѣмъ чаще присоединялась ненависть, что шляхтичъ, сознавая все свое превосходство надъ бѣднымъ жидомъ, однако хорошо понималъ, что не можетъ безъ послѣдняго обойтись. Католическое духовенство, вообще склонное видѣть въ еврей упрямаго еретика и врага Христова, въ свою очередь не мало способствовало униженію евреевъ, тѣмъ болѣе, что его вліяніе въ Польшѣ было сильное и могущественное. Крестьяне, подавляемые и угнетаемые банами чрезъ посредство арендаторовъ-евреевъ, вымещали свое негодованіе и злобу на жидѣ. Правда, ихъ ненависть, при безпомощности ихъ положенія, казалась не очень опасною для

* Эта статья принадлежитъ къ первымъ опытамъ литературной дѣятельности покойнаго И. Г. Оршанскаго, а потому просимъ читателей не относиться къ ней съ особенною строгостью.

евреевъ, но на самомъ дѣлѣ она была въ сто разъ опаснѣе того чувства полу-презрѣнія, полу-ненависти, съ которымъ обыкновенно относились къ еврею польскій панъ. Шляхтичъ любилъ потѣшиться надъ евреемъ, всячески унижалъ и оскорблялъ его, но въ тоже время бросалъ ему подачку; но онъ никогда не склонялся былъ совершенно лишиться еврея, потому что послѣдній служилъ для пана бездонной бочкой, въ которую онъ опускалъ руку по мѣрѣ надобности. Не такова была ненависть народная, постоянно усиливавшаяся вълѣдствіе новыхъ тѣсеней евреевъ-арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, и долго скрываемая, питаемая вѣтхомолку, а потому тѣмъ ужаснѣе прорывавшаяся наружу при первомъ удобномъ случаѣ. Эти взрывы народнаго мнѣнія, правда, случались не часто, но когда они случались, они угрожали совершенной гибелью сынамъ Израиля, и горько поплачивались тогда послѣдніе за користолюбіе и безчеловѣчность пановъ, которые своими постоянными и безчестными поборами съ евреевъ побуждали послѣднихъ безъ зазрѣнія совѣсти обирать крестьянъ, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть чѣмъ удовлетворить алчности пана.

Таково было положеніе евреевъ въ Польшѣ и западнорусскихъ губерніяхъ, во время ихъ самостоятельности; оно не улучшилось по присоединеніи ихъ къ Россіи. Къ прежнему гнету шляхетства присоединился еще гнетъ административный, тѣмъ болѣе тяжкій, что прикрывался згндой законности. Всякій, сколько вѣбуде власть имѣющій, сидѣлъ рѣшительнымъ сатрапомъ въ еврейскомъ городишкѣ. „Владычество исправниковъ, становыхъ приставовъ и засѣдателей въ жидовскихъ мѣстечкахъ не имѣло предѣловъ, алчность не знала границъ“ *. — Подъ этимъ гнетомъ польскій еврей искался въ то уродливое, жалко-трусливое и въ тоже время безгранично-алчное существо, которое у насъ привыкли называть жидомъ, и котораго послѣднимъ—надѣмся—представителемъ въ русской литературѣ служить тургеневскій „Жидъ“.—При такихъ условіяхъ влчали свою жалкую жизнь польскіе евреи до восшествія на престолъ императора Николая, когда къ прежнимъ страданіямъ, съ которыми евреи уже

* Слова О. А. Рабиновича.

немного свыклись, присоединились новыя. Русское правительство обратило тогда въ первый разъ вниманіе на ненормальность экономическаго быта западнаго края, гдѣ сильнѣйше по производству давили и угнетали слабѣйшихъ. Оно вѣрно оцѣнило всю громадность вреда, наносимаго евреями интересамъ сельскаго населенія, но не вышло въ причинѣ, породившей это явленіе, а потому, вмѣсто того чтобы вырвать зло съ корнемъ, и посредствомъ расширенія гражданскихъ правъ евреевъ и дозволенія имъ селиться во всей Россіи сдѣлать ихъ полезными гражданами, давъ имъ возможность жить честнымъ трудомъ,—вмѣсто всего этого правительство прибѣгло къ насильственнымъ мѣрамъ, и такимъ образомъ, и безъ того жалкое положеніе польскихъ евреевъ сдѣлалось просто невыносимымъ. Самой важной изъ этихъ мѣръ должно считать изгнаніе евреевъ изъ деревень и запрещеніе имъ селиться въ нихъ вѣрде. Эта мѣра отняла у значительной доли еврейскаго населенія всѣ средства къ жизни и, ступивъ безъ того густое населеніе еврейскихъ мѣстечекъ, породило повальное нищенство и ту изумительную способность жить ничѣмъ, которая и до сихъ поръ составляетъ главную черту жизни польскихъ евреевъ, и которымъ по справедливости удивляются всѣ имѣвшіе случай посѣтить западный край.

Не менѣе поразили евреевъ указы, клонившіеся къ сближенію ихъ съ нееврейскимъ населеніемъ, какъ-то: о снятіи ихъ національной одежды и замѣненіи ея европейской, о сбитіи пейсовъ и т. п. Они смотрѣли на эти мѣры недоумчиво и враждебно, видѣли въ нихъ явное намѣреніе перекрестить всѣхъ евреевъ, то есть лишить ихъ религіи. Ходили слухи о томъ, что правительство будто-бы намѣрено помѣстить всѣхъ взрослыхъ еврейскихъ дѣвухъ на фабрики, а мальчиковъ забрать въ солдаты,—вълѣдствіе чего спѣшили выдавать маленькихъ дѣвчонокъ замужъ; это событіе пзвѣстно у евреевъ подъ именемъ „Бегулецъ“ (терроръ)—словомъ, евреи были страшно напуганы этими указами: да и могло ли быть иначе при томъ жалкомъ суевѣртіи, въ которомъ они воспитаны и которое необходимо вытекало изъ ихъ гражданскаго и экономическаго положенія? Но самымъ ужаснымъ изъ всѣхъ несчастій, перенесенныхъ тогда евреями, была, безъ сомнѣнія, рекрутчина. Давно отвыкшіи пользоваться правами гражданства, а

потому и не считавший себя никогда гражданином родной земли, — еврей естественно должен был военную службу считать для себя большим несчастьем, даже при выгоднейших условиях; но при невозможности выслуги, при частых и усиленных наборах, причем брали и детей, при законах о кантонистах, в силу которых дети солдата со всем их будущим потомством обречены были на вѣчную службу; при законѣ „о пойманникѣ“, по которому каждый еврей, обязанный идти в солдаты, могъ вмѣсто себя поставить перваго встрѣчнаго еврея безъ паспорта—при всѣхъ этихъ условияхъ рекрутчина приводила евреевъ въ отчаяніе и еще болѣе укрѣпила ихъ въ мысли о якобы враждебныхъ противъ нихъ дѣлахъ правительства.

Въ началѣ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія наборы рекрутъ изъ евреевъ сдѣлались особенно часто и жестоки. Случалось по два раза и болѣе въ годъ давать по 10 съ тысячи. Ущипы и отчаяніе распространились повсемѣстно. Ловцы—или *ловчики*, какъ ихъ называли евреи, посланные отъ многихъ кагаловъ для отысканія и скрывающихся очередныхъ и приекая пойманниковъ, такъ и сновали по всемъ заселеннымъ евреями мѣстамъ Россіи. Они дѣйствовали съ неимовѣрною жестокостью, крадя детей, хитростью или силой отнимая у перваго попавшагося простака паспортъ, чтобъ потомъ сдѣлать его пойманникомъ. Можно себя представить, какъ сильны были страданія евреевъ, породившія такія уродливыя общественныя явленія, какъ „ловцы“!... Я самъ чуть было не сдѣлался жертвой этой рекрутчины, и исторія о томъ, какъ я вынужденъ изъ этого незавиднаго положенія, настолько интересна и поучительна, что ее стоить передать. Я расскажу ее безъ всякихъ прикрасъ, съ вѣрностью малѣйшимъ подробностямъ, глубоко вѣзавшимся въ мою память.

Отецъ мой жилъ въ Ростовѣ на Дону, честно занимался торговлей, и хотя не былъ богатъ, но пользовался общимъ довѣріемъ и уваженіемъ, и мы были бы вполне счастливы, еслибы надъ головами нашими не висѣлъ постоянно, какъ дамокловъ мечъ, „страхъ идущаго вдали *пріема*“. Дѣло было вотъ въ чемъ. Отецъ

мой былъ уроженцемъ западнаго края и былъ приписанъ въ еврейскому мѣщанскому обществу (Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи) мѣстечка Златополя; семейство наше стояло на очереди. Зная это, мы были въ постоянномъ страхѣ. Рокочья слова: пріемъ, очередь, рекрутъ не выходили изъ нашей памяти и служили тѣмой для нескончаемыхъ разговоровъ и предметомъ горькихъ думъ и опасеній для нашей семьи. Но думами да опасеніями отдѣлаться было невозможно: объ этомъ все чаще и чаще начали напоминать намъ грозныя отношенія златопольскаго кагала, по поводу новаго набора въ 185... году. Отецъ мой рѣшивъ ѣхать въ Златополь хлопотать, сколько хватить силъ; но если хлопоты не помогутъ? Нужно будетъ отдать сына:—потому что о пойманникѣ отецъ мой, какъ человекъ честный и притомъ мягкосердечный, не хотѣлъ и слышать. Приходилось отдать сына, но у отца моего ихъ было двое—я (мнѣ было тогда 19 лѣтъ) и старшій братъ мой, за годъ предъ тѣмъ женившійся. Родители мои хотѣли лучше жертвовать, въ случаѣ крайности, старшимъ сыномъ: онъ былъ простоватъ, скорѣе обѣщавъ быть *батланомъ**, чѣмъ человекомъ дѣловымъ, да и женился-то онъ не совсѣмъ съ ихъ согласіемъ; между тѣмъ какъ я былъ мальчикомъ живымъ и бойкимъ и тогда уже принималъ значительное участіе въ дѣлахъ моего отца. Начинаясь старѣться родители стали видѣть во мнѣ подмогу на старости лѣтъ. Но я рѣшительно воспротивился такой вопиющей несправедливости, представлялъ различныя доводы, между которыми главный былъ тотъ, что я холостъ и что, слѣдовательно, съ моею жизнью не связана ничья другая, а потому мнѣ легче будетъ переносить мои страданія; между тѣмъ какъ отдача брата въ рекруты навѣки погубитъ его и въ чемъ неповинную жену и единственное дитя. Родители долго не соглашались; особенно много пришлось мнѣ бороться съ матерью, которая никакъ не могла помириться съ мыслью о вѣчной разлуцѣ со мной, ея любимымъ сыномъ. Но я былъ непреклоненъ и настоялъ таки на своемъ. Заласкивъ деньгами, на сколько могли, мы поѣхали съ отцомъ въ Златополь. На дорогѣ намъ то-и-дѣло встрѣчались ловчики, зорко слѣдившіе за всеми пробѣжавшими евреями, вѣтъ-ли

* Батланъ—непрактичный, недѣловый, иногда ученый человекъ.

между ними бѣглихъ, безпаспортныхъ и т. п.? Съ ужасомъ и внутреннимъ содроганіемъ выматривался я въ ихъ злобѣщія лица, не предвѣщавшія мнѣ ничего хорошаго...

Наконецъ мы прѣѣхали въ Златополь, и первой нашей заботой, разумеется, было вѣстись за дѣло. А дѣла было много: нужно было склонить на свою сторону съ одной стороны ближайшее начальство, преимущественно доктора, а съ другой — кагалъ, озлобленный на моего отца за то, что послѣдній вырвался изъ своей прежней среды и жилъ гдѣ-то на лучшей сторонѣ. Кагалъ не могъ простить моему отцу и того, что послѣдній намѣревался сдѣлаться купцомъ, чтобъ избѣгнуть рекрутчины. Меня самого кагалъ тоже не долюбывалъ. До него дошли слухи о моей европейской одеждѣ и свободномъ образѣ мыслей. Все это нужно было уладить, успокоить, а кой гдѣ и подмазать. Отецъ мой, мало знавшій русской языкъ и не привыкшій таскаться по присутственнымъ мѣстамъ, досталъ себѣ ходатая, иѣмого ребѣ Шлеймеле, славившагося въ мѣстечкѣ своимъ знаніемъ русскаго языка. Они раздѣлили между собою работу. Отецъ мой взялъ на себя переговоры съ кагаломъ, а р. Шлеймеле обѣщаль уладить дѣло съ начальствомъ. Наступило мучительное время для моего отца: какъ шальной бѣгалъ онъ по городу по цѣлымъ днямъ, бросаль деньгами, кланялся и унижался предъ всемогущими *вирами* (богачами), власть которыхъ въ еврейскихъ городкахъ и мѣстечкахъ не имѣла тогда границъ. Они кормили его обѣщаньями, но ничего не дѣлали. Я между тѣмъ сидѣлъ взаперти и никуда не выходилъ, опасаясь насильственныхъ мѣръ со стороны кагала. Я проводилъ время въ грустномъ одиночествѣ, томительно ожидая исхода моего печальнаго положенія. Насталь день пріема. Наканунъ я мало спалъ ночью и всталъ рано утромъ. Я вспомнилъ, что этотъ день навѣки рѣшить мою участь, что отъ него зависитъ—быть ли мнѣ свободнымъ человѣкомъ, или навѣки разстаться съ моимъ семействомъ. Хотя р. Шлеймеле и увѣрялъ, что дѣло идетъ какъ нельзя лучше, что мѣстныя власти на нашей сторонѣ, а докторъ обѣщаль меня забракать, но я сильно беспокоился. Я началъ припоминать все слышанное мною о ходѣ дѣла: двусмысленные отвѣты кагала, лукавые и запутанные рассказы нашего ходатая, и сомнѣнія мои еще болѣе усилились. Скоро пришелъ р. Шлеймеле вести

меня къ пріему. Я далъ ему понять мои опасенія и высказаль желаніе самому побывать у доктора — увѣриться, дѣйствительно-ли онъ держитъ нашу сторону. Желаніе это очень не поправилось моему ходатаю; онъ лѣзь вонъ изъ кожи, чтобъ доказать мнѣ бесполезность и даже вредность такого поступка. „Кагалъ можетъ узнать — говорили онъ между прочимъ — о вашемъ посѣщеніи доктора, дать знать властямъ и забракровка признана будетъ недѣйствительной“. Разумеется, его адвокатское краснорѣчіе несколько меня не убѣдило, но напротивъ возбудило во мнѣ еще больше подозрѣнія. „Р. Шлойме — сказалъ я — если вы со мной не пойдете, то я самъ пойду къ доктору“. Хитрый р. Шлойме не сталъ болѣе противорѣчить, и мы отправились къ доктору. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій курсъ въ университетѣ. Когда мы вошли къ нему, я съ отцомъ сѣли въ передній, а р. Шлойме — въ первый разъ, какъ я узналъ постѣ — зашелъ къ нему въ комнату. Онъ пробылъ тамъ около четверти часа, а потомъ вышелъ къ намъ вмѣстѣ съ докторомъ. Посмотрѣвъ на меня, докторъ бросилъ недоумѣвающей взглядъ на р. Шлойме, увѣрявшаго его, что я калѣка, больной и никуда не годусь. Онъ велѣлъ мнѣ раздѣться, что я и исполнилъ. Осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ и не нашедъ во мнѣ никакого тѣлеснаго недостатка, докторъ обратился къ моему ходатаю, стоявшему тутъ-же въ углуку повѣсь голову. „Да какъ ты смѣлъ, мерзавецъ, меня обманывать? Съ чего ты взялъ, что я измѣню моей присягѣ царю и отечеству и забракую такого здороваго парня? Вы хотите, чтобъ меня подъ судъ отдали?! Долго говорилъ онъ еще въ этомъ тонѣ и заключилъ слѣдующими словами: „Вонъ отсюда, и не смѣйте мнѣ показаться на глаза до пріема!“ Можете себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа мы вышли оттуда. По выходѣ отъ доктора сердце р. Шлойме видимо было тронуту; онъ сознавалъ всю свою виновность предъ нами и, подумавъ темного, сказалъ: „есть еще средство уладить дѣло, попробуемъ“. Средство состояло въ томъ, чтобъ дѣйствовать на доктора черезъ странчаго, который жилъ въ его, р. Шлойме, домѣ и оказываль ему всякое покровительство.

На этотъ разъ р. Шлойме не обманулъ насъ, и старанія его, при помощи всемогущаго золота, увѣнчались успѣхомъ. Докторъ обѣ-

щаль забраковать меня, и я тогда только пошел к приему, когда в этом вполне убедился. Большая комната, назначенная для приема была полна рекрутами; на дворѣ и на улицѣ раздавались крики, вопли и рыдания ихъ отцов, матерей, жевъ и дѣтей. Почти на всѣхъ лицахъ выражалось уныніе и отчаяніе. Наконецъ пришелъ докторъ. Рекруты начали раздѣваться и онъ ихъ осматривалъ. Одни съ восторгомъ отходили прочь, а другихъ отдавалъ цирюльнику... Любовь! любовь! любовь! — раздавалось, по комнатамъ. Слова эти всякій разъ сопровождался раздражающими сердце воплями въ передней, воплями, отъ которыхъ замирали сердца присутствующихъ, не исключая самихъ чиновниковъ. Одинъ только цирюльничекъ, привыкшій къ подобнымъ сценамъ, и сердце котораго, казалось, было холоднѣе стали его бритвы, безчувственно принималъ рекрутъ и молча дѣлалъ свое дѣло, не обращая никакого вниманія на происходящее вокругъ него... Наконецъ очередь дошла до меня, и докторъ, такъ наугававшій меня утромъ, ловко сыгралъ свою новую роль. Осмотрѣвъ меня, онъ обратился къ чиновникамъ и патетически произнесъ: „какихъ негодныхъ рекрутъ они приводятъ! Чемъ ему только не подверженъ?“ продолжалъ онъ, указывая на меня, и пошелъ исчислять всѣ тѣ болѣзни, которымъ я подверженъ. Само собою разумѣется, что его слова были для меня и для всего присутствія китайской грамотой. Докторъ еще долго говорилъ на эту тему, но мнѣ было не до его сценическихъ способностей. Не считая себя безопаснымъ въ Златополь, такъ какъ кагалъ имѣлъ право представить меня въ другой приемъ, гдѣ меня бы конечно не забракowali, я изъ всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобы поскорѣе достать свидѣтельство о забракoвкѣ, и такъ какъ мнѣ нужно было укрыться отъ кагала, который, зная о мѣстѣ моего пребыванія, при каждомъ наборѣ могъ меня вытребовать, то я поѣхалъ отсюда съ первой оказіей въ Кременчугъ, о которомъ зналъ тогда столько же, сколько о Парижѣ.

Прошло два года. Я началъ уже забывать о Златопольѣ и моемъ пребываніи въ немъ; но златопольское еврейское общество не дремало и не забыло обо мнѣ. По существовавшему тогда закону, если очередной подвергался троекратной отмѣткѣ въ неавгѣ къ очереди по вызову кагала, то кагалъ имѣлъ право *безотчетно*

отдать его въ рекруты. Пользуясь этимъ правомъ и желая имѣть во мнѣ вѣрнаго рекрута на будущее время, златопольскій кагалъ, не вызывая меня, ставилъ мнѣ роковыя отмѣтки. Насталъ 185... годъ. Слухи о повахъ еще болѣе усиленныхъ наборахъ и опасенія пагубныхъ отмѣтокъ не на шутку исполнили нашу семью. Желая разъ навсегда покончить съ высшею надъ нашимъ домомъ грозой, отецъ мой рѣшился еще разъ поѣхать въ Златополь и, во что бы то ни стало, выхлопотать себѣ выключку и сдѣлаться ростокиемъ кушомъ. Онъ поѣхалъ, взявъ съ собою весь свой незначительный капиталъ, состоявшій изъ 800 рублей. Прошло три мѣсяца со времени его отъѣзда. Въ письмахъ своихъ онъ извѣщалъ насъ, что дѣло идетъ хорошо, что кагалъ согласился отдать ему выключку за 600 рублей, что эти деньги онъ уже отдалъ имъ, но что выключка по нѣкоторымъ обстоятельствамъ еще не готова. Но судя по тому какъ долго тянулось дѣло и основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ письма отца, я начиналъ догадываться, что отецъ мой, человѣкъ прямой и неопытный въ кляузахъ, просто напросто обманутъ кагаломъ. Чѣмъ болѣе длилось дѣло, тѣмъ болѣе росли и крѣпли мои подозрѣнія. Мучимый неизвѣстностью, я—тогда комми въ одномъ значительномъ торговомъ домѣ въ Одесѣ—рѣшился бросить мои дѣла и самому поѣхать въ Златополь. Извѣстивъ объ этомъ отца и взявъ съ собою сколько возможно денегъ, я пустился въ путь. Для развлеченія на дорогѣ я взялъ съ собою двухъ оставшихъ солдатъ изъ евреевъ,шедшихъ домой съ Кавказа. Я сказалъ уже, что кагалъ имѣлъ право насильно отдать меня въ рекруты, а потому я рѣшился пріѣхать въ Златополь инкогнито. Съ этой цѣлью я выѣхалъ въ городъ ночью, и на еврейскомъ постояломъ дворѣ—другихъ не было въ городѣ—я выдалъ себя за русскаго кушца, ѣдущаго въ Смѣлу (мѣстечко въ Киевской губерніи) покупать сахаръ для арміи, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть разспросовъ. Средство это однако оказалось недостаточнымъ; хозяинъ неудовлетворенный моимъ показаніемъ и осведомляясь у солдатъ, моихъ спутниковъ: кто я и чѣмъ занимаюсь. Но я и это предвидѣлъ и строжайше наказалъ имъ—не проболтаться. Въ полночь я расплатился съ хозяиномъ и выѣхалъ со двора. Чтобы еще болѣе увѣрить хозяина въ томъ, что я ѣду въ Смѣлу, я спросилъ у него до-

рогу. Недовольствуясь объясненіемъ, онъ вышелъ за ворота показать мнѣ дорогу—очевидно для того, чтобы посмотреть, куда я ѣду. Я поѣхалъ въ указанную имъ сторону и проѣхалъ по этому направлению нѣсколько верстъ, а потомъ уже повернулъ назадъ, направился въ городъ съ другой стороны и заѣхалъ къ знакомому мнѣ еврейскому купцу. Такимъ образомъ, я, кажется, принялъ всевозможныя предосторожности, чтобы остаться невѣстнымъ златопольскимъ евреямъ; но пытность и догадливость польскаго еврея по истинѣ изумительны, и никакія предосторожности не скроютъ отъ него того, что онъ захочетъ узнать. Рано утромъ отецъ мой—котораго я черезъ одного изъ солдатъ увѣдомилъ о моемъ приѣздѣ—входитъ ко мнѣ съ встревоженнымъ видомъ и говоритъ, что трое десятскихъ ожидаютъ моего пробужденія, чтобы вести меня къ становаму приставу. Дѣло объяснилось потомъ слѣдующимъ образомъ. Хозяинъ постоялаго двора, не смотря на всѣ мои предосторожности, смекнулъ, что придуманный мною предлогъ путешествія ложень, что для русскаго купца нѣтъ выгоды ѣздить въ Смѣлу покупать сахаръ; къ тому же, хотя я былъ бритъ и носилъ европейскую одежду, онъ узналъ во мнѣ еврея. Вслѣдствіе всего этого, когда онъ указалъ мнѣ ночью дорогу, онъ слѣдлъ за нами, видѣлъ какъ мы повернули въ городъ и куда заѣхали. Потомъ, разумѣется, подозрѣнія его еще болѣе усилились. Ему пришло на мысль, что я промышляю фальшивыми ассигнаціями. Онъ далъ знать объ этомъ становаму писарю, который послалъ за мной солдатъ. Не зная еще обо всемъ этомъ, я поспѣшно одѣлся и отправился. Войдя къ становаму на дворъ, я былъ неприятно изумленъ, увидѣвъ весь дворъ наполненный евреями, прибѣжавшими посмотреть, какъ „Одесситъ“ ускользнетъ изъ рукъ грознаго писаря. Вхожу я въ домъ и вижу въ передней моихъ солдатъ, только что надѣвающихъ штаны. Ясно, что ихъ обыскивали. Меня такъ и взорвало. Разгнѣанный вхожу въ присутствіе. Писарь, занятый надъ бумагами, поднялъ на меня глаза и видимо смутился. Онъ ожидалъ встрѣтить польскаго *бабура* (молодого еврея), съ длинными пейсами, въ длинномъ халатѣ, въ башмакахъ и чулкахъ, и, увидѣвъ меня, оробѣлъ. Онъ не зналъ какъ начать рѣчь и молчалъ. Я простоялъ нѣсколько минутъ передъ нимъ. Мнѣ это наскучило, и я обратился къ нему за объ-

ясненіемъ: „Зачѣмъ вы меня звали“? спросилъ я. Писарь, оскорбленный этой неожиданной отъ еврея дерзостью, принялъ строгій видъ и сказалъ: „кто вы“?— „Если вы не знаете, кто я, зачѣмъ же вы меня звали“? спросилъ я опять.— „Я знаю, конечно, кто вы, но мнѣ нужно узнать это отъ васъ“—сказалъ писарь.— „Я Янкель Б., златопольскій мѣщанинъ, въ чемъ удостовѣряетъ мой паспортъ“. При этихъ словахъ я подалъ писарю паспортъ. Пробѣжавъ его глазами, онъ окончателно растерялся. Считая меня уроженцемъ далекихъ странъ, ѣдущимъ Богъ вѣсть откуда и Богъ вѣсть куда, онъ думалъ съ этой стороны начать атаку; узнавъ же, что я здѣшній, онъ не зналъ что дѣлать со мной.— „Однакожь проговорилъ онъ нерѣшительно, послѣ нѣкотораго молчанія—что значатъ ваши разбѣды, и откуда назвали вы, ѣдучи изъ Ростова, этихъ двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ идетъ изъ Сухумъ-Кале, а другой изъ Ставрополя? Тутъ что нибудь да кроется“—прибавилъ онъ. „Очень просто—отвѣчалъ я: я ѣду сюда изъ Ростова на родину по своимъ дѣламъ. Что касается солдатъ, то идущій изъ Сухумъ-Кале нашолъ другаго въ Ставрополѣ, и оба нагнали меня въ Ростовѣ. Я взялъ ихъ съ собой для компаніи. Вотъ и все“.— „Хорошо, можете пойти себѣ домой, сказалъ писарь, а когда будетъ надобность мы пошлемъ за вами“—прибавилъ онъ, не желая совсѣмъ уронить себя. Я поклонился и вышелъ. Таковъ былъ мой дебютъ въ Златополѣ—дебютъ, не предвѣщавшій мнѣ ничего особенно хорошаго. Присутствіе это исполнило златопольскій кагалъ, знавшій свою виновность передо мной и увидѣвшій теперь, что я не изъ робкаго десятка. Въ тотъ-же день кагалъ прислалъ за мной своего десятскаго, еврейскаго солдата, позвать меня на сходку. Рѣшившись принять въ отношеніи къ кагалу независимое положеніе, я не пошелъ ни въ первый, ни во второй разъ, отговариваясь тѣмъ, что не имѣю никакого дѣла; на самомъ же дѣлѣ я думалъ дѣйствовать чрезъ отца и невидимо руководить дѣло. Но кагалъ далъ мнѣ понять, что онъ проникъ мои намѣренія, и, уступая необходимости, я пошелъ на сходку послѣ третьяго приглашенія. Сходка происходила въ домѣ одного изъ кагалныхъ, содержавшаго тутъ-же въ своемъ домѣ кабакъ. На скамьяхъ, вокругъ длиннаго стола, сидѣлъ кагалъ, а хозяинъ дома прохаживался по комнатамъ, засунувъ руки въ надѣтый

къ тому же, здѣсь еще со мной трое русскихъ, которые ни за что не уйдутъ отсюда безъ нихъ". Дѣлать было нечего. Я всталъ изъ за стола, а за мной и добрый мой хозяинъ. Онъ наспу выпростилъ у солдатъ, чтобы они позволили мнѣ идти съ нимъ по другой сторонѣ улицы. Мы вошли къ исправнику и просидѣли нѣсколько минутъ въ передней, дальше которой не проникнулъ еще ни одинъ златошольскій еврей. Но я дерзнулъ однакожь проникнуть дальше въ святинище начальства, отворилъ дверь и смѣлой ногой вошелъ въ приемную. Въ ожиданіи исправника я сѣлъ на диванъ; я терялся въ догадкахъ—зачѣмъ могъ меня призвать исправникъ, и имѣетъ ли это какую-нибудь связь съ рыжымъ евреемъ, такъ напугавшимъ меня своей неотызвизчивостью?

Но вотъ послышались твердые, скорые шаги; дверь отворилась, вошелъ исправникъ. Признаюсь, я струсилъ при видѣ его, и было отъ чего. Онъ былъ мужчины сильнѣй и дороднѣй, съ гордой походкой, повелительнымъ и жестокимъ выраженіемъ лица; я слышалъ, что онъ имѣлъ сильную склонность давать пощечины своимъ подчиненнымъ, особенно евреямъ; видъ его подтверждалъ эти слухи. Я замѣтилъ, что онъ приготовился встрѣтить меня кулаками, но здѣсь повторилась та же исторія, что съ становымъ писаремъ: видъ мой нѣсколько обезоружилъ его. Нѣсколько времени смотрѣлъ онъ на меня молча и потомъ сказалъ: „Такъ это вы тотъ господинъ?“—„Какой господинъ?“—спросилъ я.—„Знаю, прѣхалъ сюда штуки творить, все знаю“—„Помилуйте, В. В., отфѣтилъ я, никакихъ штукъ я не творю, а прѣхалъ сюда загнѣтъ, чтобы исключиться изъ здѣшняго мѣщанскаго еврейскаго общества, чтобы сдѣлаться купцомъ“. — „Ишь, купцомъ хочеть сдѣлаться, да не думаешь ли ты,—онъ поперебѣнно говорилъ мнѣ то „ты“, то „вы“—что и тебя такъ пропущу... Все знаю“—прибавилъ онъ значительно. Эти постоянные намеки на знаніе чего-то въ сущности указывали на подлѣйшее незнанье, но мнѣ было не до того, чтобы сообразить это. Постоянно занятый мыслью о козняхъ кагала и роковыхъ отбѣткахъ, мнѣ почувдилось, что исправникъ узналъ отъ кагала объ отбѣткахъ. Я отозвалъ въ сторону моего хозяина, присутствовавшаго при всей этой сценѣ, выразилъ ему мои опасенія и необходимость подмазать исправника. Онъ вызвался быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, отозвалъ исправника въ другую ком-

нату и обѣщалъ дать ему 25 рублей, чтобы онъ отпустилъ меня.

Услышавъ это, исправникъ, до сихъ поръ ничего не знавшій обо мнѣ положительнаго, повялъ, что у меня есть грѣхъ на душѣ, отказался на-отрѣзъ отпустить меня менѣе, чѣмъ за 300 рублей. Я хотѣлъ дать уже 50 руб., но исправникъ твердилъ одно: „дай, дескать, 300 руб., а не то—я все знаю“ и т. д. Я началъ наконецъ догадываться, что онъ ничего не знаетъ, и присталъ къ нему за объясненіями: зачѣмъ онъ требовалъ меня; онъ кричалъ, шумѣлъ, отфѣкивался, и наконецъ велѣлъ мнѣ пойдти въ канцелярію, ждать его тамъ. Пометъ я въ канцелярію, а за мной десятскіе, чтобы показать дорогу; къ величайшему моему изумленію, я замѣтилъ, что мы минули двери канцелярїи, и что солдаты ведутъ меня куда-то дальше. Спрашиваю: куда? — „Въ тюрьму“—говорять.—„Да какъ вы смѣете—вѣдь исправникъ велѣлъ въ канцелярію идти!“—„Намъ, говорять, велѣлъ въ тюрьму вести васъ“.—„Хорошо, говорю, пойдемъ къ исправнику“. Я думалъ, что здѣсь недоразумѣніе.

Вхожу къ исправнику, начинаю жаловаться; „да я, говорить, въ канцелярію велѣлъ вести васъ“. Вышелъ я торжествующимъ; подходимъ мы къ канцелярїи, я хочу войти, солдаты оианъ ведутъ меня дальше. Я вышелъ изъ себя, началъ кричать, ругать солдата, самовольно сажаящихъ меня въ тюрьму, и метаться изо всѣхъ силъ. Но тутъ одинъ изъ десятскихъ, еврей, возмолился „не погубите, говорить—отецъ родной! Вы не знаете его (исправника), какой это злодѣй; вамъ онъ говоритъ въ канцелярію, а намъ мигнулъ въ темную, значить, его; и если мы не поведемъ васъ туда теиерь, онъ засѣчетъ насъ до смерти“. Вижу, дѣлать нечего; я сдался; десятскій отворилъ тюрьму, втолкнулъ меня туда со словами: „на, вотъ тебѣ, Степанъ!“ Степанъ, рослый, здоровый сѣдой солдатъ, лѣниво поднялся со скамьи, полюбопытствовалъ взглянуть на меня, подошелъ къ стѣнѣ, снялъ большой заржавлѣный ключъ, подошелъ къ массивной дубовой двери и отворилъ ее. Ворвавшись полоса свѣту освѣтила длинную, совершенно темную комнату, которой стѣны и потолокъ были совершенно мокры и покрыты отвратительными бѣлыми тараканами и разными насѣкомыми... Сначала я подумалъ, что это ужасное мѣсто, совер-

менно необитаемо, но звонъ цѣпей разувѣрилъ меня въ этомъ. Я всмотрѣлся ближе и увидѣлъ въ глубинѣ сцены лежащаго на полу человѣка, связаннаго по рукамъ и ногамъ. Услышавъ скрипъ отворяющейся двери, онъ повернулъ къ намъ свое лицо; оно было страшно изнуренное. Но между тѣмъ какъ я предавался грустнѣмъ размышленіямъ о судьбѣ этого несчастнаго, сторожъ подошелъ ко мнѣ, безцеремонно взявъ меня за руку и, указывая на отворенную дверь, произнесъ монотонно: ступай! Можете себѣ вообразить, какое ужасное впечатлѣніе произвело на меня это одно слово. Какъ, я, ни въ чемъ неповинный, по крайней мѣрѣ предъ тѣмъ, кто засадилъ меня сюда, долженъ лежать Богъ знаетъ сколько въ этой отвратительной конурѣ, въ обществѣ этого ужаснаго человѣка, вѣроятно, уголовного преступника. Я рѣшительно объявилъ сторожу, что не пойду туда, что просижу сколько ему угодно, только въ передней комнатѣ. Онъ прежде ничего было не хотѣлъ и слышать: „знаемъ, говоритъ, про то; коли къ намъ кто попался, то не прогнѣвайся; нанявъ тутъ нема“. Но я твердо стоялъ на своемъ, и то просьбами, то угрозами убѣдилъ его оставить меня здѣсь покамѣстъ. Но что-то будеть ночью, думалъ я. Сторожъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что на ночь онъ запретъ тебя въ тюрьмѣ. „Хиба не спать ми цѣлу ночь сторожить тебе“, резонно прибавилъ онъ. Мысль о предстоящемъ ночлегѣ не покидала меня; я ни о чемъ другомъ не думалъ, и готовъ былъ отдать что только могъ за то, чтобы не почевать въ ужасной тюрьмѣ. Думалъ я дать о себѣ вѣсть кому нибудь, да не съ кѣмъ было. Я не видѣлъ средства избѣгнуть страшнаго ночлега, а мнѣ казалось, что я не переживу этой ночи. Но Богъ послалъ мнѣ помощь въ лицѣ добраго моего хозяина. Видя, что я долго не возвращаюсь, онъ заперъ лавку, пошелъ къ исправнику, узнавъ тамъ отъ десятскихъ о мѣстѣ моего пребыванія и пришелъ меня утѣшить. Я рассказалъ ему о вѣроломствѣ исправника и объ ужасномъ моемъ ночлегѣ. Такъ какъ начинало уже темнѣть, то мы рѣшили дальнѣйшія хлопоты оставить до завтра; что касается ночлега, то хозяинъ мой нашелъ хорошее средство. Здѣсь же на дворѣ жилъ волостной писарь, хорошій человѣкъ, съ которымъ мой хозяинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Послѣ усиленныхъ просьбъ моего патрона писарь согласился дать

мнѣ переночевать, взявъ съ меня честное слово, что я не уйду, и что никому не скажу потомъ, чтобы не навлечь на него гнѣвъ исправника. Немалого труда стоило намъ уговорить непреклоннаго Степана, чтобы онъ согласился выпустить меня; наконецъ и это было улажено, когда волостной писарь поручился за меня. Такимъ образомъ я переночевалъ у писаря и чуть свѣтъ возвратился на свое мѣсто. Между тѣмъ хозяинъ мой не дремалъ и нашелъ новое средство спасти меня изъ рукъ исправника. Въ то время, да и теперь еще отчасти, въ Златополѣ процвѣтала фамилія богатыхъ кушцовъ-евреевъ Н. Пользуясь значительнымъ вліаніемъ, которое дается деньгами въ этомъ бѣдномъ краю, кушцы Н. часто помогали въ нуждѣ бѣднымъ собратьямъ, особенно въ дѣлахъ тяжбныхъ, такъ какъ они имѣли большое вліаніе на весь чиновный людъ. Вотъ къ этимъ-то Н. обратился мой хозяинъ, при содѣйствіи ихъ бухгалтера, прекрасно образованнаго человѣка, принимавшаго во мнѣ живѣйшее участіе. Выхлопотали у одного изъ Н. записку къ исправнику. Записка, какъ видно, была грозная, потому что при полученіи ея исправникъ встрепетнулся и испуганно самъ увидѣлъ меня о моемъ освобожденіи. Онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ меня сидящимъ въ передней, а не въ темной, какъ онъ велѣлъ; я думаю, сторожу хорошо досталось потомъ за меня; но онъ еще болѣе былъ удивленъ, когда я, утѣдомленный уже о ходѣ дѣла моимъ хозяиномъ, при входѣ его не всталъ съ мѣста и не поклонился ему. Онъ покраснѣлъ со злости, и еслибъ не записка Н., то рука его навѣрно очутилась бы на моей щекѣ. „Вы можете пойдти себѣ“—произнесъ онъ скороговоркой, и вышелъ изъ дворя. Но я не спѣшилъ. Замѣтивъ, что я еще не вышелъ, исправникъ, поскорѣй хотѣвшій отдѣлаться отъ меня, чтобы снять отвѣтственность передъ Н., зашелъ ко мнѣ и нетерпѣливо, но сдержанно-кротко проговорилъ: „да вѣдь я вамъ сказалъ, что вы можете ийти себѣ“.—„Да у меня есть время, отвѣчалъ я, еще пойдутъ“, и, погодя еще немного, ушелъ домой. Теперь только узналъ я, что рыжій еврей, слѣдшій за мною вчера утромъ, состоялъ мосеромъ (доносчикомъ) при исправникѣ; узнавъ о моемъ дѣлѣ съ кагаломъ и о моемъ будто бы богатствѣ, онъ посоветовалъ исправнику подъ какимъ нибудь предлогомъ взять да прижать меня!

„человѣкъ, молъ, съ амбиціей, осрамиться не захочеть, ну и дасть сотнягу, другую, не покусится“.

На другой день я, чтобы колнуть исправника, пошелъ къ нему благодарить за оказанныя мнѣ услуги. Вхожу я къ нему и вижу на лицѣ его промелькнуло неудовольствіе и досада: ему было жаль 50-ти рублей, которые я хотѣлъ уже дать ему ни за что, ни про что. „Что вамъ угодно?“ спрашиваетъ онъ меня. „Чувствуя, говорю, вашу доброту ко мнѣ, пришелъ отблагодарить васъ“, при этомъ вынимаю полуимперіалъ, и тычу ему въ руки. Онъ началъ щупать. „Что вы щупаете?“ спросилъ я. „Я думалъ, чтѣ здѣсь по крайней мѣрѣ два“, отвѣчалъ онъ. „Было бы, говорю, и больше, еслибъ вы знали, какъ обходиться съ людьми, да теперь только одинъ...“ Съ этими словами я, не поклонившись, вышелъ вонъ. Такъ кончилось это пріятное *приключеніе*.

Между тѣмъ прошли три недѣли со времени отъѣзда моего отца съ депутатомъ отъ кагала въ Кіевъ, а отъ нихъ ни слуху, ни духу. Я начиналъ тревожиться и думать о томъ, чтобы самому ѣхать въ Кіевъ. Но сдѣлать это открыто было невозможно, потому что стоглазый аргусъ-кагала слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ и, узнавъ о моей поѣздкѣ въ Кіевъ, которая, натурально была противна его интересамъ, онъ не преминулъ бы задержать меня, пользуясь закономъ данной ему властью надъ очередными. Вотъ почему я никому не сообщалъ своей мысли о поѣздкѣ. Поручивъ моему хозяину слѣдить за ходомъ дѣла здѣсь и увѣдомлять меня о намѣреніи кагала, я въ одно воскресенье до вара выѣхалъ изъ Златополя въ Кіевъ. Опасаясь погони со стороны кагала и желая какъ можно скорѣе быть въ Кіевѣ, я гналъ лошадей немилосердно и нигдѣ не останавливался, такъ что одна лошадь упала на дорогѣ, а остальные двѣ насилу дотащили меня до Кіева и тамъ легли. Первымъ долгомъ моимъ по приѣздѣ въ Кіевъ было отыскать квартиру моего отца. Это было не трудно, такъ какъ евреи могли жить тогда въ Кіевѣ только въ одномъ подворьѣ, но видѣться съ нимъ было гораздо труднѣе, потому что я не хотѣлъ, чтобы депутатъ-ходатай, посланный отъ кагала съ моимъ отцомъ, и жившій вмѣстѣ съ нимъ, — узналъ о моемъ приѣздѣ. Переждавъ около воротъ въ скритномъ мѣстѣ болѣе двухъ часовъ, я улучилъ минуту, когда отецъ вышелъ со дво-

ра одинъ. Я разговорился съ нимъ о дѣлѣ. Онъ увѣрялъ меня, что оно идетъ хорошо; что всѣ тѣ, отъ которыхъ оно сколько-нибудь зависитъ, на нашей сторонѣ, за исключеніемъ одного совѣтника, который, невѣзливо почему, не хочетъ подписать выключку, что поэтому онъ не писалъ мнѣ, ожидая окончания дѣла. Наученный горькимъ опытомъ не довѣрять кагалу и его представителямъ, я спросилъ отца, былъ-ли онъ самъ у этого совѣтника? Онъ отвѣтилъ утвердительно, но какъ то сквозь зубы, такъ что я усумнился. Мы просидѣли до поздней ночи, соображая и обдумывая, что дѣлать. На другой день утромъ я пошелъ къ нѣкоторымъ лицамъ, которые могли помочь мнѣ въ дѣлѣ; между прочимъ я былъ въ конторѣ куцовъ Н., къ управляющему которой я имѣлъ рекомендательное письмо отъ моего хозяина въ Златополь. Прогулявшись такимъ образомъ по городу, я около полудня воротился на квартиру и засталъ тамъ моего отца. Съ встревоженнымъ видомъ отецъ сообщилъ мнѣ, что здѣсь былъ господинъ въ квартирѣ и спрашивалъ меня. По описанію отца я узналъ въ этомъ человѣкѣ управляющаго конторой Н. Сѣшу въ контору. Управляющій выходитъ ко мнѣ на встрѣчу и съ сострадательнымъ видомъ вручаетъ мнѣ письмо, только что полученное съ нарочнымъ изъ Златополя. Раскрываю печать и читаю слѣдующее: „Милый другъ Я. В.! Увѣдомляю тебя, что нашъ кагалъ, узнавъ спустя день о твоёмъ отъѣздѣ, пришелъ въ ярость и послалъ за тобой поговю съ тѣмъ, чтобы, во что бы то ни стало, отыскать тебя и немедленно отдать въ рекруты безотчетно, какъ отмѣченнаго въ нелицѣ и укрывательствѣ отъ рекрутчины; а потому по полученіи сего *лемана Гашель* (ради Бога) немедленно уѣзжай изъ Кіева куда нибудь. При семъ прислаю письмо отъ Н. къ управляющему его конторой въ Кіевѣ. Онъ будетъ помогать тебѣ чѣмъ можетъ. Твой другъ М. Л.“ Замѣтивъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на меня это письмо, управляющій съ участіемъ сказалъ: „Такъ какъ Н. поручилъ мнѣ помогать вамъ всѣми зависящими отъ меня средствами, то будьте столь добры и объясните мнѣ ваше дѣло“. Я рассказалъ ему отъ начала до конца. Управляющій выразилъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли совѣтникъ, о которомъ шла рѣчь, не хочетъ подписать выключку, такъ какъ онъ знаетъ его съ хорошей стороны. Мы вмѣстѣ съ управляющимъ поехали

къ ходатаю отъ кагала, отобрали отъ него надлежащія свѣдѣнія о ходѣ дѣла, потомъ отправились къ совѣтнику. Оказалось, что ходатай не былъ у него вовсе, чтобы оставить лазейку и не дать намъ ускользнуть изъ рукъ кагала. Когда совѣтнику объяснили въ чемъ дѣло, онъ, не медля ни минуты, подлисалъ требуемую бумагу, разумѣется за порядочный кушъ. Я сейчасъ же выѣхалъ изъ Кіева окольной дорогой, боясь встрѣчи съ сыщиками кагала, которые и теперь еще могли оковать и увести меня, такъ какъ у меня еще не было купческаго паспорта. Я поспѣшилъ въ Звенигородку (къ уѣзду которой принадлежить Златополь). Сѣвшу въ думу и показываю выключку писарю, моему дальнему родственнику, который не мало повредилъ мнѣ въ моемъ дѣлѣ, и прошу у него паспортъ для меня и отца. Понимая, что они мнѣ нужны какъ можно скорѣе, онъ говоритъ, что ему нѣкогда, чтобы я пришелъ завтра. Онъ очевидно желалъ подарочка, но кошелекъ мой совершенно былъ истощенъ, и я рѣшился ждать завтрашняго дня. На другой день я пришелъ въ думу и нашелъ тамъ бахура, стоящаго у стола возлѣ писаря, пишущаго что-то. Я взглянулъ въ бумагу; вижу—паспортъ на имя Лев-Ицка Файтельса. Я присталъ къ писарю, опять отъиживанья и откладыванья. Раздосадованный пошелъ я домой и рассказалъ отцу, который между тѣмъ тоже пріѣхалъ. „Какому-то Лев-Ицку Файтельсу, говорю, даютъ паспортъ, а намъ не даютъ.“ — „Что ты говоришь? воскликнулъ отецъ:—Лев-Ицекъ Файтельсъ мѣсяцъ тому назадъ умеръ въ Златополѣ, и я самъ былъ на его похоронахъ!“ Я тотчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло. „Постойте же, думаю себѣ. Научу я васъ“, и сейчасъ пошелъ въ думу. Я засталъ еще писаря за прежней бумагой. Улучивъ минуту, когда писарь отвернулся, я схватилъ бумагу и закричалъ „Дадите-ли вы мнѣ паспортъ, а не то я васъ... Фальшивые паспорта выдаете, а мнѣ не хотите дать!“ Услышавъ это, бахуръ убѣждалъ, секретарь поблѣднѣлъ, а писарь затрясся всѣми членами. „Да мы дадимъ вамъ паспортъ сейчасъ же, только“... „Нѣтъ, сказалъ я, паспортъ вы и безъ того должны дать мнѣ, а не угодно ли вамъ выслушать меня“; при этомъ я отвелъ писаря въ сторону. „Вы знаете началъ я, что я потратилъ на вашу-братію кагалъ болѣе 1000 рублей, теперь я остался безъ копѣйки, а намъ нужно пробѣжать

на малую дорогу. Я даю вамъ избрать одно изъ двухъ: или возвратите намъ изъ взятыхъ у меня и отца моего денегъ—пятьдесятъ рублей, и я вамъ возвращу фальшивый паспортъ, и больше ни слова объ этомъ; или же я представлю эту бумагу (я указалъ на фальшивый паспортъ) куда слѣдуетъ, и тогда—вы знаете что будетъ!“ Смущенный писарь пошелъ къ секретарю; они посоветовались; потомъ онъ побѣжалъ домой, и что-жъ вы думаете?—принесъ 50 рублей и отдалъ ихъ мнѣ вмѣстѣ съ изготовленными сейчасъ же паспортами; я отдалъ ему фальшивый паспортъ, и мы расстались.

На другой день я навѣкъ распростился съ ненавистнымъ мнѣ Златополемъ. И конецъ! безъ сомнѣнія думаете вы. Не совѣмъ. Прошли два года. Отецъ мой, сильно потрясенный этимъ несчастнымъ дѣломъ, умеръ годъ спустя. Я между тѣмъ женился, переселился въ К. и завелъ собственную торговлю. Вотъ сижу я разъ въ своей лавкѣ, да svoju счеты. Входитъ знакомый мнѣ частный приставъ: „Къ вамъ, говоритъ, Яковъ Григорьевичъ, дѣло есть“. — Спрашиваю: что за дѣло? — „Отношеніе отъ златопольскаго еврейскаго кагала о взыманіи подати съ мѣщанина Янкеля Б. за нѣсколько лѣтъ.“ — „Да Богъ съ вами, говорю, вѣдь я уже два года купецъ, прежде ростовскій, а теперь здѣшній.“ — „Знаю, говоритъ, да вѣдь вы Я. В.“ — „Я“, говорю. Пошли толки. Я какъ-то отдѣлался на этотъ разъ. Но чрезъ нѣсколько дней частный приставъ опять у меня. „Пишите, говоритъ, отъ себя отвѣтъ златопольскому обществу“. Я зналъ, конечно, что мнѣ стоить только послать отъ себя грозное отношеніе, и дѣло затихнетъ; но не хотѣлось опять заводить дѣло съ кагаломъ. Однако отношенія кагала дѣлались все болѣе и болѣе грозными, а частный приставъ слишкомъ часто сталъ показываться въ моемъ домѣ, и я придумалъ средство разомъ отдѣлаться отъ нихъ обоимъ. Разъ частный приставъ пришелъ ко мнѣ съ новымъ отношеніемъ изъ Златополя, и по обыкновенію началъ убѣждать меня въ необходимости завести тяжбу съ кагаломъ. „Хорошо, говорю; до сихъ поръ дѣла не позволяли мнѣ заняться этимъ, но теперь я свободенъ и напишу отвѣтъ кагалу. Но чтобы знать что писать, мнѣ нужно просмотрѣть дѣло; принесите мнѣ всѣ отношенія кагала, и я напишу отвѣтную грамотку“. Частный приставъ согла-

сился, и вечером принесъ мнѣ дѣлую кипу бумагъ. Я сдѣлалъ пуншъ и мы покутили до поздней ночи за окончаніе Златопольскаго дѣла. Потомъ приставъ ушелъ; я немедленно взялъ все „дѣло“ и.л. сжегъ его. Частный приставъ приставалъ, пристава къ мнѣ потомъ на счетъ отъѣта. Наконецъ, я сказалъ ему, что сдѣлалось съ „дѣломъ“. Онъ разсердился и вмѣстѣ съ тѣмъ испугался: онъ не могъ жаловаться на меня, такъ какъ не имѣлъ права выдать мнѣ дѣло. Еще нѣсколько дней частный приставъ не давалъ мнѣ покоя, но наконецъ затихъ.

Съ тѣхъ поръ сношенія мои съ Златополемъ совершенно прекратились.

Ил. Орманскій.

ЕВРЕИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ.

Статья профессора В. Рошера.

I.

Тяжкія *униженія и преслѣдованія евреевъ*, оскверняющія многія страницы даже самаго послѣдняго періода средневѣковой исторіи обыкновенно приписываются двумъ факторамъ: неперимости иерархій, ставшей деспотической, и всеобщей неразвитости полуварварской народной жизни.

Существованіе этихъ двухъ факторовъ никто не станетъ отрицать. Но не подлежитъ также сомнѣнію, что папъ своими декретами, (какъ это доказываетъ напримѣръ прекрасный декретъ Александра III, обнародованный на латеранскомъ соборѣ 1179 года и повторенный затѣмъ Елементіемъ III и Инокентіемъ III въ декретахъ Gregor. V, 6, 9), старались скорѣе ограничить чѣмъ поощрять преслѣдованія евреевъ. Извѣстный еврейскій историкъ Гретцъ охотно признаетъ это (т. V, стр. 41; т. VI, стр. 281), хотя онъ далеко не съ кротостью относится ко всемъ тѣмъ, которыхъ онъ считаетъ врагами евреевъ. Гретцъ даже Лютера напр. называетъ слабоумнымъ, потому что тотъ какъ-то объявилъ отиѣненными всѣ законы Ветхаго Завета, даже запрещеніе кражи и прелюбодѣнія (т. IX, стр. 333). Напротивъ, великій и во многихъ отношеніяхъ дѣйствовавшій въ новомъ духѣ противникъ папства, императоръ Фридрихъ II, прямо объявилъ, что императорская власть

У Истории 1009 Вилья?

наложила на евреевъ perpetuam servitutem ad perpetuam judaici sceleris ultionem *. И еще важнѣе тотъ фактъ, что *въ первую, болѣе суровую, эпоху среднихъ вѣковъ съ евреями обыкновенно обращались гораздо лучше, чѣмъ во вторую половину, въ общемъ результатѣ болѣе цивилизованную. Можно сказать, что политика относительно евреевъ въ средніе вѣка находилась въ обратномъ отношеніи къ общей экономической культурѣ.*

Такъ напримѣръ Гретцъ съ похвалою отзывается о любезности Карла Великаго къ евреямъ и приписываетъ ее торговымъ видамъ (Гретцъ т. V, стр. 217 и слѣд.). Часто повторяемыя церковныя постановленія, что евреямъ запрещается вступать въ бракъ съ христианами и держать у себя христіанскую прислугу, что евреи не должны ѣсть вмѣстѣ съ христианами,—доказываютъ по крайней мѣрѣ, что народъ вовсе не питалъ къ евреямъ никакой національной ненависти. Знаменитое сочиненіе *Агобарда: De insolentia Judaeorum* ясно доказываетъ, что при Людовикѣ Благочестивомъ евреи находили сильную защиту у императора противъ жѣстной вѣтхости. Надо думать, что по крайней мѣрѣ очень трудно было осуществить постановленія о запрещеніи евреямъ покупать христіанскихъ рабовъ и продавать ихъ за границей, или законъ, что евреямъ запрещается жѣшать христіанской прислугѣ строго соблюдать праздники и посты**. Изъ другихъ анти-еврейскихъ сочиненій *Агобарда* видно, что его неуспѣшная заботливостъ удерживать христіанъ отъ сношеній съ евреями, главнымъ образомъ вытекаетъ изъ опасеній, чтобы неразумные христіане не соблазнились хвастовствомъ евреевъ своимъ происхожденіемъ отъ Авраама и пророковъ, милостью, которою они пользуются у двора, своимъ богатствомъ и т. д. Самъ Агобардъ требуетъ, чтобы еврейскому господину, который вслѣдствіе принятія христіанства его рабомъ вынужденъ будетъ отпустить его на волю, возвращена была полностью сумма, залоченная имъ за подобнаго раба (р. 101). При Карлѣ Лысомъ извѣстный *Edictum Pistense* 864 г. (сар. 23) опредѣляетъ тѣлесное наказаніе за продажу нечистаго золота или серебра, если это будетъ совершенно подчиненнымъ (Höbiger) или крѣпостнымъ, и только

* Грамота 1237 года. Huilard Bréholleis V, 1, р. 57.

** Agobardi Opera ed. Baluz. р. 62 и слѣд.

денежный штрафъ, если это будетъ совершено свободнымъ чело-вѣкомъ или евреемъ. Еще краснорѣчивѣе говоритъ слѣдующій фактъ. При Генрихѣ II (святотѣмъ) вѣкто Вецелинъ, капланъ герцога Копрада, перешелъ въ иудейство, что ужасно возмутило императора, но что однако не повлекло за собою никакого другаго наказанія, кромѣ ученаго опроверженія *. О подобномъ-же случаѣ при Людовикѣ Благочестивомъ рассказываетъ *Грануусъ Маруусъ* въ своемъ сочиненіи *Contra Judaeos* (сар. 42). Въ слѣдующіе вѣка такой чело-вѣкъ неперемѣнимъ былъ бы преданъ сожженію.—Еще даже при Генрихѣ IV, т. е. непосредственно предъ началомъ крестовыхъ походовъ, императорская власть была благосклонна и расположена къ евреямъ. Императорская привилегія, данная городу Вормсу въ 1074 г., говоритъ объ *Judaei et ceteri Vormatienses* (о евреяхъ и другихъ жителяхъ Вормса), и притомъ въ такомъ актѣ, гдѣ жители Вормса восхваляются и ставятся въ примѣръ всѣмъ прочимъ гражданамъ. Привилегія, данная Генрихомъ IV городу Шпейеру въ 1090 году, опредѣляетъ за изувѣченіе еврея большую пеню, чѣмъ «Саксонское Зеркало» (*Sachsenspiegel*—законодательный сборникъ), за изувѣченіе въ рыцарствѣ рожденнаго: за изувѣченіе еврея — тамъ 1 фунтъ золота, здѣсь за изувѣченіе рыцари — только 9 фунтовъ серебряныхъ пфениговъ. Шестъ лѣтъ до этого епископъ Шпейерскій прямо объявилъ за честь — имѣть у себя еврейскихъ согражданъ. *Cum ex Spirensi villa urbem facerem, putavi melius amplificare honorem loci nostri, si et Judaeos colligerem.* Въ этихъ привилегіяхъ евреямъ положительно предоставляется пріобрѣтать недвижимости всякаго рода, имѣть у себя христіанскую прислугу, христіанскихъ мамокъ и рабовъ, торговать свободно и безошлочно и имѣть свой собственный судъ **. При Людовикѣ Благочестивомъ уже знавали многихъ евреевъ, владѣвшихъ недвижимоствами ***; такъ точно много времени спустя почти половина города Парижа принадлежала евреямъ †. Въ сѣверной Франціи только при Филиппѣ Августѣ отмѣнено

* *Hertzog Monumenta Histor. Germ.*, Scribtt VI, р. 704, 720 и слѣд.

** *Wardteyde Nova Subsidia Diplomatica* I, р. 135. и слѣд.

*** Де Розьеръ *Recueil général des formules* I, № 27 и слѣд.

† Буке *Scriptores* XII р. 215.

было право свободного передвиженія евреевъ. И во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ въ эпоху отъ 1404—1616 г. было принято принципомъ предоставлять евреямъ право жительства лишь на нео-предѣленное время, они, въ главную эпоху среднихъ вѣковъ, были фактическими собственниками большей части домовъ, въ которыхъ они жили *.

Этимъ однако я ни чуть не думаю утверждать, что первая половина среднихъ вѣковъ совершенно свободна отъ всякаго жестокаго обращенія съ единичными евреями. Несправедливостей, къ сожалѣнію, было много во всякое время. Я только утверждаю вотъ что: у германскихъ народовъ, въ первую эпоху среднихъ вѣковъ, съ евреями, какъ таковыми, обращались гораздо лучше, чѣмъ въ послѣдствіи, во вторую половину среднихъ вѣковъ. Это впрочемъ очень легко объясняется. Дѣло въ томъ, что *евреи въ то время удовлетворяли великой потребности народнаго хозяйства, которая долгое время не могла быть удовлетворена никѣмъ другимъ: потребности въ промышленно-торговой дѣятельности.* Германскіе и отчасти также и романскіе народы уже чувствовали эту потребность, но вслѣдствіе своей недозрѣлости не были въ силахъ удовлетворить ее собственными средствами, между тѣмъ какъ евреи тогда уже вполне соответствовали этой потребности и были вполне способны удовлетворять ее.

II.

Еврейскій народъ, неуступающій никакому другому народу въ богатствѣ умственныхъ дарованій, во время своей политической самостоятельности, подъ строгостью Моисеева законодательства, весьма односторонне долженъ былъ ограничиваться лишь двумя отраслями народнаго хозяйства: земледѣліемъ и скотоводствомъ. Торговлю отвергали тогда съ тѣмъ большею силою, чѣмъ болѣе опасались духовнаго слиянія съ сосѣдними идолопоклонниками. Такимъ путемъ парализовано было сильное влеченіе народа *

* *Крикъ* Frankfurter Bürgerwiste, стр. 447.

къ праздности: это доказываетъ развитіе столь родственныхъ евреямъ финикійцевъ.

Съ потерей своей политической самостоятельности, съ которою, какъ извѣстно, евреи разсѣяны были на громадномъ пространствѣ, *отношеніе еврейскаго народа къ торговлѣ сдѣлалось иное.* Эвальдъ, изъ разныхъ мѣстъ книги Товія I, 13, Исаія 58, 3 и слѣд. Эдры 2, 65, выводитъ заключеніе: что евреи уже во время ассирійскаго изгнѣнія съ усилѣніемъ занимались торговлею и подобными промыслами. Весьма вѣроятно, что скорѣе затѣмъ многие евреи переселились на западъ, по примѣру финикійцевъ, какъ это легко заключить по нѣкоторымъ мѣстамъ книги Иеремія (31, 10; 26, 21 и слѣд.) и позднѣйшихъ главъ книги Исаія, гдѣ такъ часто говорится объ островахъ и берегахъ. При преэминикахъ Александра Великаго мы находимъ еврейскія колоніи во всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ Малой Азіи и Греціи, о чемъ и свидѣтельствуетъ разсказъ, какъ азіатскіе евреи, опасаясь нападенія Митридата, скрыли свои капиталы на островѣ Хиосѣ *. Въ Египтѣ Филонъ насчитываетъ не менѣе милліона евреевъ, а въ Александріи, состоявшей изъ пяти кварталовъ, два квартала были еврейскіе. Египетскіе евреи не занимались однимъ только земледѣліемъ, но и торговлею и ремеслами—это и безъ многихъ указаній вѣроятно. Но Филонъ (adv. Flaccum II, p. 523 и слѣд.) положительно подтверждаетъ это; и Юсифъ Флавій говоритъ даже о порученномъ имъ государствомъ надзорѣ за судоходствомъ (adv. Arion. II, 5). Еврейская община въ Римѣ безъ сомнѣнія тоже возникла ранѣе триумфальнаго шествія Помпея. Иначе трудно было бы себѣ объяснить, какимъ образомъ Цицеронъ уже въ 59 году до Р. X. приписываетъ живущимъ въ Римѣ евреямъ громадное влияние въ народныхъ собраніяхъ, правда, не только по ихъ многочисленности, но и по ихъ твердой солидарности между собою. (Quanta sit manus, quanta concordia, quantum valeat ut concionibus: pro Flacco 28). Трудно было-бы также понять, какимъ образомъ посольство Пирода къ Августу могло быть сопровождаемо слишкомъ 8000 живущихъ въ Римѣ евреевъ. (Joseph.

* Josephus Antiquit. XIV, 7, 2; ср. XIV, 10, 8.

Antiquitt. XVII, 11, 1). Император Клавдій, вслѣдствіе многочисленности евреевъ, считалъ опаснымъ провести рѣшеніе объ изгнаніи ихъ изъ Рима *. По Страбону на всемъ земномъ шарѣ трудно было найти мѣсто, гдѣ-бы не находились евреи; а Юсіфъ Флавій спрашиваетъ, *идь существуетъ на землѣ народъ*, среди котораго не поселились бы евреи? (Antiquitt. XIV, 7, 3; Bell. Jud. II, 16, 4). Что большая часть ихъ занималась торговлею и промышленностью, въ этомъ ни одинъ экономистъ не станетъ сомнѣваться.

Но съ этимъ *разсыпаніемъ* въ извѣстной степени было соединено и величественная *концентрація*. Въ Иерусалимѣ, куда на пашу стекались со всѣхъ сторонъ безчисленное множество единоплеменниковъ и едноровѣдцев **, существовало 380 синогоговъ для однихъ только иногороднихъ евреевъ. И если Цицеронъ въ упомянутой выше рѣчи горько оплакиваетъ золото, которое ежегодно вывозится въ Иерусалимъ изъ Италіи и всѣхъ другихъ римскихъ провинцій, то это во всякомъ случаѣ въ извѣстной степени характеризуетъ меркантильную сторону національной связи евреевъ.

Великое переселеніе народовъ часто сравнивали съ потономъ, а на христіанскую церковь смотрѣли при этомъ какъ на Ноевъ ковчегъ, который изъ каждой отрасли древней культуры спасъ столько, чтобы сдѣлать возможнымъ ея дальнѣйшее произрастаніе. Какъ ни справедливо это можетъ быть относительно высшихъ жизненныхъ отношеній, но не подлежитъ сомнѣнію, что относительно среднихъ и болѣе низменныхъ отношеній необходимы были еще и другіе мосты, *при помощи которыхъ возможенъ былъ бы переходъ къ новымъ народамъ элементарной цивилизаціи античнаго міра*.

Я причисляю къ нимъ и Византійскую Имперію, которая почти во все продолженіе среднихъ вѣковъ сумѣла удержать свою нераздѣльность, и лишь уже въ эпоху возрожденія окончательно погасла. При этомъ слѣдуетъ не забывать, какъ во все это время, со времени Константина Великаго и до окончательнаго распаденія Византійской Имперіи, главная золотая мо-

* Dio Cass. LX, 6; ср. Sueton. Claud. 25.

** По Юсіфу Флавію (Bell. Jud. VI, 9, 3) туда собирались слыхомъ 2.700.000 человекъ—безъ сомнѣній колоссальное превращеніе, которое тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ значительную долю истины.

нета—византійскій солидъ—всегда оставалась одна и таже: она равнялась именно $\frac{1}{2}$ фунта чистаго золота.—Но за Византійской Имперіей въ этомъ отношеніи тотчасъ слѣдуетъ еврейство, котораго удивительная смѣсь живучести и гибкости дала возможность цѣлому народу противостоять всѣмъ бурямъ среднихъ вѣковъ и почти всецѣло сохранить свою національность, свою религію, свой языкъ, свое право и всю свою культуру. И напротивъ того, какимъ страшнымъ пережѣвкамъ подвергались во время переселенія народовъ всѣ прочие жители Италіи, Галліи, Испаніи, Британіи, а равно и альпійскихъ и прирейнскихъ областей, пережѣвкамъ, которыя ихъ хоти и оживили и придали имъ новыя силы, но однако еще больше повлекли назадъ во всемъ томъ, что называется культурой! Такъ напримѣръ относительно путей сообщенія и средствъ передвиженія, вся первая эпоха среднихъ вѣковъ представляетъ собою неизомѣримый регрессъ, въ сравненіи съ позднѣйшими вѣвами древности, которые гораздо скорѣе подходятъ къ нашимъ временамъ. Тѣмъ болѣе пріятны должны были быть для новыхъ народовъ *торговыя услуги евреевъ*. Далеко нельзя назвать простымъ случаемъ то, что въ нижней Саксоніи напримѣръ, какъ это доказалъ Шауманъ, первое появленіе торговли и евреевъ было одновременно. Ихъ дѣятельность преуспѣвала въ христіанскомъ и магометанскомъ мірахъ не только вслѣдствіе того, что они одни обладали необходимыми для торговли познаніями, обычаями и капиталами, но и вслѣдствіе ихъ столь же тѣсной, какъ и великой между собою связи—выгода, которую въ мѣнѣ широкихъ раздѣлахъ можно замѣтить и у другихъ незначительныхъ религіозныхъ корпорацій, и на которыхъ напримѣръ преимущественно основывались коммерческія успѣхи гугенотовъ во Франціи и квакеровъ въ Англіи. *Salvianus*, (De gubernatione Dei, IV) упоминаетъ о значительномъ числѣ сирійскихъ, христіанъ, жившихъ въ V-омъ вѣкѣ въ Марселѣ въ качествѣ купцевъ; точно также они въ VI-омъ вѣкѣ находились въ Галліи вообще, гдѣ они посредствомъ подарковъ приобрѣли для себя епископство парижское и помѣстия своихъ земляковъ на многія другія духовныя должности. (Лебаль, Gregor von Tours, p. 196.) Точно также греческія купцы еще въ VII вѣкѣ играють значительную роль въ Испаніи: ср. corpus Inscriptt. Hisp. s.

v. Hispalia и Malacca, а также статью Дана в Zeitschrift für Handelsrecht Гольдшмидта XVI, p. 388. Но что влияние всѣхъ этихъ элементовъ далеко уступало въ значеніи глубинѣ и продолжительности влияния евреевъ происходитъ отъ недостатка у первыхъ религіозной исключительности, почему они не были крѣпко связаны ни между собою, ни съ своими единоземниками, находившимися въ другихъ странахъ.

Новые народы обязаны средневѣковымъ евреямъ главнымъ образомъ тремя великими экономическими успѣхами.

I. Изобрѣтеніемъ *интересовъ на капиталъ*, безъ чего не мыслимо никакое развитіе кредита, не мыслимо было бы даже и самое образованіе капиталовъ и раздѣленіе труда.

II. Защитою владѣнія bona fide неправильно отчужденной вещи, которая повидимому возникла впервые вълѣдствіе привилегіи шпейерскимъ евреямъ въ 1090 году, но на самомъ дѣлѣ уже имѣеть свое основаніе въ Талмудѣ *. Всякому понятно, на сколько важенъ этотъ принципъ для высшихъ ступеней денежныхъ сношеній и оборотовъ, напримѣръ *для бумагъ на предъявителя*. Правовая система Талмуда и въ этомъ пунктѣ оказывается болѣе близкою къ современному праву, торговому, чѣмъ система проникнутыхъ средневѣковыми и земледѣльческимъ духомъ Моисеевыхъ законовъ. — Если оба эти успѣхи были отчасти только повтореніемъ того, что уже известно было въ эпоху блестящаго состоянія грековъ и римлянъ, за то

III. Введеніе *всесая* слѣдуетъ признать всемирноисторическимъ нововведеніемъ: это—изобрѣтеніе инструмента, который для денежныхъ сношеній имѣеть почти тоже значеніе, что желѣзныя дороги для передвиженія грузовъ, и что телеграфъ для сообщенія извѣстій. Замѣчательно, что мы уже въ Талмудѣ находимъ совершенно ясное понятіе о бумагахъ на предъявителя. И уже даже въ древней книгѣ Товія говорится о долговыхъ обязательствахъ, возникающихъ между лицами, лично другъ друга незнающими, и играющихъ важную роль въ международныхъ сношеніяхъ.

* Ср. Штоббе, Die Juden in Deutschland während des Mittelalters, стр. 120, 242.

III.

Цѣля столѣтія еврей были, такъ сказать, коммерческими опекунами новѣйшихъ народовъ, въ пользу сихъ послѣднихъ и безъ признанія съ ихъ стороны этой пользы. Но всякая опека дѣлается тягостною, если ее хотятъ удержать долѣе, чѣмъ продолжается незрѣлость опекаемаго. И цѣль народы эманципируются, какъ это обыкновенно бываетъ между людьми, только въ борьбѣ противъ опекающей ихъ власти другихъ народовъ. *Преслѣдованія евреевъ въ послѣднія эпохи среднихъ вѣковъ суть болѣею частью продуктъ коммерческой зависти*. Они имѣють тѣсную связь съ первымъ возникновеніемъ національнаго торговаго сословія *.

У большей части народовъ это совпадаетъ, правда, съ эпохою крестовыхъ походовъ: въ Германіи, гдѣ двѣнадцатое столѣтіе и начало тринадцатаго составляютъ собою періодъ значительнаго экономическаго процвѣтанія, сопровождаемаго основаніемъ безчисленнаго множества городовъ, колонизаціями и т. д., какъ извѣстно, произошло первое значительное преслѣдованіе евреевъ въ 1096 году, и именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше чѣмъ въ другихъ созрѣло *городское устройство и бюргерство*, какъ напримѣръ въ прирейнскихъ областяхъ. Но и помимо этихъ насильственныхъ взрывовъ, жестокая нетерпимость вообще господствовала цѣлымъ столѣтіемъ. Имперскій основной законъ, золотая булла, ставитъ еврейскую регалію курфирстовъ на ряду съ ихъ горными и таможенными регаліями! (сар. 9). Но что главный корень зла кроется въ городахъ—это самымъ яснымъ образомъ подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ великую войну городовъ въ 1385 году, которая велась именно съ цѣлью политическаго возвышенія импер-

* Нельзя не придать типичнаго значенія тому факту, что въ Англіи первое значительное общество для развитія вышней торговли, именно общество „Merchant-Adventurers“, возникло въ 1296 году, т. е. при томъ же королѣ, который впервые изгналъ евреевъ. Зачатки развиваемаго здѣсь нами возрѣнія мы находимъ уже у Гельмана, въ его Geschichte des Ursprungs der Regalien, стр. 54.

скихъ городовъ противъ помѣщиковъ-вассаловъ, не только Нюрнбергъ, но и многіе другіе города денежныя средства для веденія войны добывали преимущественно взисканіемъ значительной части слѣдовавшихъ евреямъ долговъ въ пользу городской кассы. Еще въ концѣ XV столѣтія знаменитый гуманистъ (!) Конрадъ Чельтесъ въ своемъ похвальномъ словѣ городу Нюрнбергу говоритъ слѣдующее о евреяхъ: *excindenda profectogens aut ad Caucasum et ultra Sauromatas perpetuo exilio releganda que per universum orbem in se totiens iram numinum concitat, humani generis societatem violans at conturbans.*

Гдѣ развитіе національнаго бюргерства и купеческаго сословія началось раньше или позже эпохи крестовыхъ походовъ, тамъ обыкновенно и преслѣдованіе евреевъ началось раньше или позже. Такъ Гретцъ полагаетъ, что *Византія* была исходною точкою преслѣдовавшаго евреевъ въ средніе вѣка (VIII стр. 213). И это объясняется тѣмъ, что въ Византіи культурныя преданія древняго міра никогда окончательно не изжили, и самый городъ Византія, во всю первую эпоху среднихъ вѣковъ, былъ первымъ торговымъ пунктомъ всего христіанскаго міра! Въ *Италіи*, этомъ раньше всѣхъ созрѣвшемъ на западѣ народѣ, уже въ 855 году упоминается о громадномъ изгнаніи евреевъ изъ королевства, послѣ того какъ шесть лѣтъ раньше воспрещено было взискать повинности и творить судъ надъ христіанами чрезъ еврейскихъ чиновниковъ *. Венеціанцы въ 945 запретили судоходявкамъ брать съ собою еврейскихъ пассажировъ **, что уже очень ясно указываетъ на торговую зависъ, какъ на побудительную причину. Въ *юго-восточной Франціи*, развившейся ранѣе сѣверо-восточной, уже въ шестомъ столѣтіи относились къ евреямъ враждебно; точно также какъ и впоследствии самыя раннія систематическія преслѣдованія евреевъ начались въ Безьерѣ и Тулузѣ. Я вспоминаю тутъ презрѣнный обычай, что въ Тулузѣ во всякій праздникъ пасхи какой нибудь еврей долженъ былъ публично получить пощечину, обычай продолжавшійся до 1018 года,

* Conv. Ticin. I, a. 850. II, a. 855. *Пертис Leges* I, p. 405, 437.

** Законъ этотъ приведенъ у Дешинга въ его *Histoire du commerce entre le Levant et l'Europe*. II, p. 22.

когда фанатическій исполнитель этого возмутительнаго обряда убилъ своимъ ударомъ несчастную жертву! *

Съ другой стороны *германскій востокъ* долѣе нуждался въ средневѣковой торговой дѣятельности евреевъ, и поэтому долѣе щадилъ ихъ. Въ Стендалѣ въ 1297 году всякій еврей, который имѣлъ состояніе въ 10 марокъ серебра, получалъ права бюргера. Въ Силезіи въ 1204 году были еще евреи, владѣвшіе недвижимою собственностью **. Въ Швейдницѣ и Глогау въ концѣ XIII столѣтія еврейская присяга на судѣ имѣла такое же значеніе какъ и присяга христіанская. Никакой христіанинъ не допускался въ качествѣ единственнаго свидѣтеля противъ еврея. Евреи стояли непосредственно подъ юрисдикціей герцога. Если кто нибудь изъ евреевъ, находясь въ опасности, кричалъ о помощи, и христіанскіе сосѣди ему не помогали, то они штрафовались 30 марками. Оклеветаніе еврея въ убійствѣ христіанина наказывалось тѣмъ же наказаніемъ, какому подвергся бы еврей, еслибы обвиненіе было доказано ***. Легко догадаться, что общественное мнѣніе уже было заражено ненавистью къ евреямъ, господствовавшюю въ западной и средней Германіи, но что правительственная власть еще сопротивляется полному взрыву болѣзни! Въ Вѣнѣ постановленіе собора 1267 предписывало евреямъ внести въ казну десятину изъ своихъ полей и т. д.: изъ чего съ достовѣрностью можно заключить, что они могли владѣть тамъ недвижимою собственностью †. Если мы обратимся еще далѣе на востокъ, то намъ представляются *польскіе* короли, которые, какъ извѣстно, формально сами призывали евреевъ въ свои земли, дабы они—между дворянствомъ и крестьянствомъ—образовали собою родъ гражданскаго сословія, менѣе опаснаго для государства, чѣмъ нѣмецкіе переселенцы. Извѣстно, какъ поздно и съ какими трудностями славянскіе народы

* *Букс Scriptores* X, p. 154.

** *Титце и Штисель* Urkundensammlung, стр. 68.

*** *Штенцель* Geschichte des preussischen Staates I, стр. 85 и слѣд.

† Когда Марія Терезія въ 1746 году хотѣла изгнать евреевъ изъ Богеміи, то Штатталтерство сопротивлялось этому въ виду того, что между христіанскимъ населеніемъ Праги едва ли найдется два или три посредственныхъ купца. (*Штенцель*, Prag wie es war und ist I, стр. 345).

вообще достигают образования у себя своего собственного истинно-национального гражданского сословия! Правда, что евреи в Польшу, где они сдѣлались многочисленнѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, все еще не могутъ окончательно слиться съ главною массою народа и, можетъ быть, были даже однимъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ, препятствовавшихъ образованию національно-политического гражданского сословия. Уже король Болеславъ далъ имъ въ 1264 году привилегію, которая въ 1334 году подтверждена была Казиміромъ Великимъ, а затѣмъ въ 1447 году возобновлена была Казиміромъ IV. Въ окончательной редакціи этой привилегіи еврейямъ, между прочимъ, положительно предоставляется имѣть одну общую съ христианами баню и признается за ними право удерживать и передавать въ наслѣдство доставшіяся имъ дворянскія имѣнія. Ихъ воспрещено было также когда либо продать духовному христіанскому суду.—Съ приведенною нами выше теоріею совершенно совпадаетъ и то обстоятельство, что жившіе тогда уже въ Польшу нѣмецкіе купцы и ремесленники принадлежали къ самымъ яркимъ противникамъ этихъ привилегій*.—Весьма благосклонно относились къ еврейямъ *османскіе* султаны, которые даже и иностранныхъ евреевъ принимали подъ свое дипломатическое покровительство. Ваизеть I былъ очень радъ, когда изгнанные изъ Испаніи евреи искали у него убѣжища. Правда, что они для турокъ были гораздо менѣе опасные подданные, чѣмъ греки и армяне, мѣсто которыхъ они заняли.

Во многихъ странахъ евреи, изъ за зависти національныхъ купцовъ вынужденные отказаться отъ торговли товарами, все таки еще долгое время играли первенствующую роль въ такъ называемой *торговлѣ деньгами* или банковскихъ оборотахъ: такъ напримѣръ архіепископъ Кельнскій обѣщалъ имъ, кромѣ нихъ, никому не позволять ссуду денегъ на проценты**. Фактъ совершенно понятный: съ одной стороны торговля деньгами обыкновенно развивается гораздо позже, чѣмъ торговля товарами, тѣмъ болѣе что она больше нуждается въ международныхъ спо-

* Грѣць IX, стр. 69, 462.

** Энгельс, Geschichte von Cöln II, стр. 327.

шевыхъ; а съ другой стороны потому, что почти всѣ стоящіе на высокой ступени развитія торговые народы, когда младшіе соперники начинаютъ превосходить ихъ въ торговлѣ товарами, удаляются съ своими капиталами на порище денежной торговли. Когда евреи сдѣлали тоже самое, то конечно вскорѣ успѣло обнаружиться новое зло: къ прежнимъ причинамъ или предложениямъ питаемой къ нимъ ненависти присоединились еще антагонизмъ между заимодавцемъ и заемщикомъ, пауперизмъ противъ капитализма. Многія преслѣдованія, которымъ евреи подвергались въ послѣднюю эпоху среднихъ вѣковъ, причтемъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду уничтоженіе накопившихся въ ихъ рукахъ долговыхъ обязательствъ, слѣдуетъ разсматривать какъ кредитныя кризисы самаго варварскаго свойства, какъ средневѣковую форму того, что мы въ настоящее время называемъ социальную революцію.

Извѣстно преданіе о *вѣчномъ жидѣ*, которое—изъ за довольно ничтожнаго оскорбленія—влагаетъ мстительное проклятіе въ уста того, кто, по историческимъ источникамъ, молился за своихъ убійцъ въ то время, когда его вели на казнь! Это мрачное преданіе есть олицетвореніе всеобщей судьбы еврейскаго народа со времени разрушенія Іерусалима, сопровождаемаго его многовѣковыми странствованиями изъ страны въ страну и его страшного гнетущаго безпріятностью въ послѣдній періодъ среднихъ вѣковъ. Но именно потому преданіе это и могло себѣ найти особенный отголосокъ только въ послѣднюю эпоху среднихъ вѣковъ. Впервые оно, кажется, упоминается въ XIII столѣтіи Матіемъ Парисомъ.

Впрочемъ національное гражданское сословіе повѣйшихъ народовъ, достигнувъ высшихъ ступеней культуры, старается съ избыткомъ вознаградить причиненную еврейямъ въ средніе вѣка несправедливость. Какъ подъ много употребляемыми выраженіями „цивилизация“ и „права гражданина“ подразумеваются высшая образованность и полноправная принадлежность къ государству вообще, такъ и стремленіе этого класса къ господству въ государствѣ идетъ обыкновенно рука объ руку съ другимъ его стремленіемъ—впитать въ себя по крайней мѣрѣ всѣхъ состоятельныхъ и образованныхъ жителей государственной территоріи. Вотъ почему повѣйшая эманципація евреевъ нашла себѣ противниковъ

преимущественно в тѣхъ классахъ, которые въ среднѣе вѣка всего менѣе были расположены преслѣдовать евреевъ, именно въ дворянствѣ и духовенствѣ, между тѣмъ какъ гражданскому сословию собственно принадлежить инициатива этой эманципаціи. Въ Италіи напримѣръ, которая въ концѣ среднихъ вѣковъ въ экономическомъ, политическомъ и литературномъ отношеніи достигла уже такой степени культуры, какую голландцы приобрѣли лишь въ XVII. а большая часть европейскихъ народовъ только въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, мы находимъ, что уже въ XV вѣкѣ многіе города рѣшительно поощряли банкирскую дѣятельность евреевъ, что король Фердинандъ неолитанскій даже повелѣ въ дворянство своего еврейскаго лейбъ-медика, при чемъ общественное мнѣніе этимъ нисколько не шокировалось *. Какъ Кромвель разрѣшилъ возвращеніе изгнанныхъ при Эдуардѣ I (этомъ доброжелателѣ городовъ) евреевъ, такъ точно и Голландія, въ эпоху своего процвѣтанія, была классическою страной терпимости относительно евреевъ. Вліяніе, которое имѣли на разбираемый нами предметъ революціи 1789 и 1848 гг., равно какъ еще ранѣе дѣйствіе немецкой литературы со времени Лессинга и Гердера, слишкомъ извѣстно, чтобы здѣсь еще болѣе останавливаться на этомъ.

IV.

Разсматриваемое нами явленіе *находитъ себѣ аналогію у весьма многихъ народовъ*: именно, что они первоначальную свою торговлю представляютъ иноплемяну, болѣе развитому въ культурномъ отношеніи племени, но затѣмъ, соврѣвъ сами для этой дѣятельности, стараются, иногда не безъ тяжкой борьбы, освободиться отъ этой опеки. Это явленіе поистинѣ можетъ быть возведено въ законъ исторіи.

Я имѣю здѣсь въ виду главнымъ образомъ отношеніе *финикійцевъ къ грекамъ*. Въ Греціи безъ сомнѣнія уже во времена Гомера довольно сильно была развита торговля, какъ это показываетъ описываемые имъ, при изображеніи греческой жизни,

* Ср. Греція VIII, стр. 246 и слѣд.

роскошь и значительное судоходство. Но не существовало еще тогда въ Греціи національнаго купеческаго сословія. Крупный землевладѣлецъ или возвратившійся съ богатою добычею воинъ большею частью самъ привозилъ свои вазилки на рыновѣ и самъ покупалъ то, что ему было нужно. (Odys. I, 260 и слѣд., 183 и слѣд. Pias XXI, 40, 80.) Какъ съ одной стороны уважали морскаго разбойника, такъ съ другой стороны напротивъ даже у самыхъ идеализированныхъ мореходныхъ народовъ, какъ напримѣръ у жителей Фіаки. (Od. VI, 270, VII, 37) считалось оскорбленіемъ въ разговорѣ именовать иностранца купцомъ (Od. VIII, 159 и слѣд.) Купцы по профессіи, — у Гомера большею частью иностранцы *: жители Тира, Тапкия, въ особенности же финикійцы и тѣсно связанные съ послѣдними критяне и лемниня. Точно также какъ и всѣ топкія издѣлія, о которыхъ упоминаетъ Гомеръ, суть преимущественно финикійскія (или египетскія). Финикійцы преимущественно устранили свои торговыя факторіи тамъ, гдѣ море образовало глубокую бухту, закрытую съѣди взаимнѣе островкомъ. Гдѣ они не имѣли постоянныхъ факторій, тамъ они по дѣльнымъ годамъ оставались въ одной и той-же гавани, чтобы по мелочамъ продать свой товаръ и исподоволь собирать обратный фрахтъ. (Odys. XV, 554 ff.) Привезенный товаръ выставляли на берегу, иногда подъ шалашами, и заманивали покупателей трубными звуками или-же разносили свои товары по домамъ **. Въ особенности финикійцы занимались торговлею невольниками, который обыкновенно при возникновеніи международныхъ сношеній играетъ самую важную роль. Но и другіе эстетреніе случаи были эксплуатиремы. Такъ напримѣръ, жители Самоѳракія, Имброн и Лемнин продавали вино осаждавшимъ Трою грекамъ и позунали у нихъ вмѣсто этого военнопленныхъ. (Pias. VII, 467 и слѣд. XXI, 40 и слѣд. XXIII, 746 и слѣд. XXIV, 752 и слѣд.)

Какъ косо однако греки, не смотря на всѣ эти услуги, смотрѣли на финикійскихъ купцовъ, можно заключить по слѣдующимъ

* К. О. Миллеръ въ своемъ Aeginitia p. 75 замѣтъ однако нѣсколько далеко съ этимъ утверженіемъ, потому-то оцъ впоследствии въ своемъ сочиненіи: Orghomenos und die Myner, стр. 299 выступаетъ уже гораздо осторожнѣе.

** Scylax Peripl p. 54. Apollodor. Bibl. III, 13, 8.

эпитемам, которые они имъ придавали. Греки называли ихъ „грязунами“ или „продавными“, „обманщиками, дѣлающими людямъ много зла“. (Odys. XIV, 288 и слѣд. XV 416, 419). Во время появленія гезиодическихъ пѣсней, греческая національная торговля вѣроятно уже начала развиваться. Гезиодъ (Дни и дѣла, 644) смотритъ на торговое судоходство какъ на весьма выгодное ремесло. И въ то время какъ у Гомера имѣется лишь одно общее названіе для торговли (правда у него вообще нѣтъ также специальныхъ названій и для земледѣльца и земледѣлія), мы у Гезиода находимъ уже множество техническихъ коммерческихъ терминовъ. (Дни и дѣла 606, 616, 636 и 639). Въ этомъ промежуткѣ времени греки по всей вѣроятности уже успѣли освободиться отъ опекушества финикійцевъ въ торговомъ отношеніи, но безъ сомнѣнія не безъ долгой и тяжелой борьбы, о которой въ сказочной исторіи остались глубокіе слѣды. Я припомню лишь служеніе Зевсу Лафистіоскому въ Иолкѣ, въ гавани Фессалии, медейскій культъ съ его человѣческими жертвами, Перадуловъ въ Коринѣ, борьбу Тезея съ прибившимъ съ Крита мароонскимъ быкомъ, съ минотавромъ, съ амазонками—чѣмъ афиняне столь долго гордились. Даже въ сказаніи о Троянской войнѣ проглядываютъ подобныя воспоминанія, каково напримѣръ предположеніе о происхожденіи Тевкроса изъ Сидона*.

Изъ другихъ явленій древняго міра, которыя могутъ быть подведены подъ этотъ-же историческій законъ, я укажу лишь на слѣдующія три.

Лидійцы, какъ описываетъ Геродотъ, во время Креза стояли въ культурномъ развитіи выше всѣхъ другихъ западно-азиатскихъ народовъ и въ особенности персовъ, и не только вслѣдствіе ихъ многобожсваденнаго богатства, но и вслѣдствіе ихъ промышленной дѣятельности, ихъ роскоши (Геродотъ I, 71), ихъ многочисленныхъ изобрѣтеній (94), соединенныхъ, правда, съ тою легкостью нравовъ, которая часто оскверняетъ высокую экономическую культуру (93). Геродотъ убѣждаетъ, что они первые между всѣми извѣстными народами стали чеканить золотую и серебряную монету, и также

первые стали заниматься мелочною торговлею (т. е. стали торговать съѣстными принасами (I, 94). Когда Киръ покорилъ ихъ, то запретилъ имъ владѣть оружіемъ и напротивъ предписалъ имъ посвящать дѣтей музыкѣ и торговлѣ, желая такимъ образомъ извѣжить ихъ (155). И въ самомъ дѣлѣ они съ тѣхъ поръ совершенно измѣнили свой образъ жизни (157). Весьма интересный примѣръ, какъ они вслѣдствіи являются уже не войнами, а лишь поставщиками и маркитантами въ персидскомъ войскѣ, приводитъ Ксенофонтъ въ своей исторіи Кира Младшаго (I, 5, 6).

Греческіе колонисты на сѣверномъ берегу Чернаго моря долгое время вели торговлю скнвовъ, правда съ частыми перерывами, вызывавшимися варварствомъ туземцевъ. Когда геты разрушили Эбю, то скновъ жаловались, что теперь греческіе купцы уже не будутъ больше прѣзжать къ нимъ, между тѣмъ какъ они безъ нихъ не могутъ обойтись. Поэтому, какъ рассказываетъ Дій Христомъ въ своей борисеенской рѣчи (р. 75 и слѣд.), они уже въ своихъ собственныхъ интересахъ должны были желать восстановления этого города.

Что-же касается наконецъ *римлянъ* въ эпоху цвѣтущаго состоянія ихъ экономической культуры, то число ихъ купцовъ въ Нумидіи напримѣръ и Мавританіи было такъ значительно, что во время югуртинской войны городъ Цирта преимущественно защищался только ими*. Во времена Таверія мы находимъ также и въ столицѣ южногерманскаго короля Марбода римскихъ отовыхъ и мелочныхъ торговцевъ (negotiatores, lixae), которые первоначально вели свою торговлю на основаніи торговаго договора (jus commercii), но вслѣдствіи, увлеченные жадностью забыли свое отечество и поселились тамъ окончательно**.

Между новыми народами торговля факторіи *итальянцевъ* въ Левантѣ въ послѣднюю эпоху среднихъ вѣковъ не подходитъ къ нашему предмету. Находясь преимущественно на самомъ театрѣ войны во время крестовыхъ походовъ, онѣ съ своими морскими караванами и т. д. составляли собою именно ту форму, подъ ко-

* Салюстій. Bell. Juguth. 26.

** Тацитъ Ann. II, 62.

* Виргиль, Aeneid. I, 619 и слѣд.

торой городской республики Пиза, Генуя, Венеция принимали участие в крестовых походах—участие, едва-ли менее значительное, чѣмъ участие западно-европейской церкви и рыцарства. А что касается болѣе мирныхъ эпохъ и отдаленныхъ отъ театра войны мѣстностей, то ничуть нельзя утверждать, что Малая Азия, Сирія или Египетъ стояли на высшей ступени экономической культуры чѣмъ тогдашняя Италия. Предметы ихъ вывозной торговли составляли отчасти сахаръ, хлопковъ, южные плоды, но болѣею частью однако предметомъ вывоза были также фабричныя произведенія. Съ особенності Египетъ въ концѣ XIV столѣтія, когда тамъ путешествовалъ Фрескобольди, отличался своею высокою культурностью: я укажу здѣсь на введенную уже тамъ тогда въ употребленіе золотую монету, на значительную массу женскихъ торговыхъ фирмъ въ Каирѣ, на колоссальную величину столицы, доставлявшихъ жителей, чѣмъ вся Тоскана, на тысячи верблюдовъ, доставлявшихъ въ дома воду изъ Пизы и т. п. — Гораздо болѣе подходит къ нашему предмету положеніе, которое итальянская торговля занимала въ Константинополѣ въ послѣдніе вѣка существованія Византийской Имперіи. Разница только въ томъ, что здѣсь это было не юшеская незорѣлость, а напротивъ, второе дѣтство старческой незорѣлости, которое мѣшало византийцамъ самимъ воспользоваться своимъ неоцѣненнымъ торговымъ положеніемъ. Характеристично то, что генуезцы въ половинѣ XIV столѣтія закрыли крѣпостной выходъ Босфора, взымали тамъ пошлины и запретили грекамъ свободный проѣздъ въ Черное море *. Изъ этого легко можно видѣть, какъ опасна иногда такая торговая опека можетъ сдѣлаться для политической самостоятельности опекаемаго. Венеціанскія торговля факторіи повели къ учрежденію въ Константинополѣ Латинской Имперіи, а факторіи генуэзскіи—къ тому, что богатый мастиковый островъ Хиосъ, а квасцами островъ Фокеа, въ началѣ XIV столѣтія сдѣлались частною собственностью одной могущественной генуэзской фамиліи, а затѣмъ два вѣка средю, начиная съ 1346 года принадлежали одной генуэзской акционерной компаніи.

* Nicephorus Gregoras II, p. 844, 877.

Напротивъ, совершенно подходитъ подъ нашъ взглядъ положеніе, достигнутое венеціанцами въ Константинополѣ при Махомедѣ II. Эти разнобразныя привилегіи слѣдуетъ, можетъ быть, приписывать отчасти тому негодванію, которое султанъ ниталь къ генуэзцамъ, принимавшимъ такое геройское участіе въ предсмертной борьбѣ Византийскаго царства. Но болѣею частію привилегіи эти обязаны однако своимъ происхожденіемъ сознанию, что Турція, какъ великая держава, необходимо нуждается въ торговой дѣятельности, но что она еще далеко не созрѣла для созданія своего собственнаго національнаго торговаго сословія. Ничто подобное можно сказать и объ итальянскихъ торговыхъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, изъ которыхъ, напримѣръ Каффа, по словамъ путешественника Шильдбергера (стр. 106) въ началѣ XV столѣтія считала уже 21,000 домовъ, а въ половинѣ того-же вѣка уже почти была такъ населена и такъ богата, какъ сама Генуя. Татарскій ханъ совѣтовался съ итальянцами при назначеніи новаго намѣстника; итальянскіе судьи въ извѣстномъ районѣ могли судить даже и его собственныхъ подданныхъ. Конечно все это прекратилось, когда въ 1475 году городъ этотъ былъ взятъ османами.

Особенно блестящимъ образомъ воспользовались своею торговою зрѣлостью сѣверо-и средне-итальянцы въ началѣ XIV столѣтія, гдѣ многіе изъ нихъ явились двигателями денежной торговли въ земляхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Италии. Вслѣдствіе этого-то такъ много итальянскихъ торговыхъ терминовъ и выраженій укоренились въ языкахъ сѣверной Европы, равно какъ и имена многихъ улицъ, какъ напр. Lombard-Street въ Лондонѣ и др. обязаны этому обстоятельству своимъ происхожденіемъ. Въ Кельнѣ *ломбардская* колонія стала образоваться еще въ 1300 г. *. Въ Англіи зависъ мѣстныхъ купцовъ въ итальянскимъ торговцамъ обнаружилась съ неменьшею почти силою, чѣмъ въ еврействѣ, такъ что въ 1289 году городъ Лондонъ почти формально требовалъ изгнанія ломбардійцевъ. Но король Эдуардъ I, который дѣйствительно изгналъ евреевъ, отказалъ въ этой просьбѣ,

Елленс. Geschichte von Cöln. p. 327.

замѣчая, что „иностранные купцы оказываютъ пользу сановникамъ государства“. Во Франціи они въ 1315 г. эдиктомъ Людовика X были уравнены въ правахъ съ коренными гражданами въ четырехъ главныхъ городахъ, а также и налоги съ нихъ были ясно опредѣлены; въ другихъ городахъ они, правда, за исключеніемъ Ярмарокъ, вовсе не имѣли права производить торговлю.

Изъ многочисленныхъ ганзейскихъ факторій, англійскія и нидерландскія не имѣютъ тутъ для насъ значенія, такъ какъ эти страны стояли на одинаковой и Фландріи даже на высшей культурной ступени, чѣмъ сѣверная Германія. Но ганзейцы очень долгое время были торговыми опекунами Скандинавіи и восточнаго берега Балтійскаго моря, причѣмъ централизація ихъ все увеличивалась и въ тоже время усиливалась зависимость мѣстныхъ агентовъ отъ власти ихъ метрополіи. Такъ первоначально ольдермана Новгородскаго двора прямо избирали тѣ, которые зимою и лѣтомъ отправлялись въ Новгородъ, и избирали его тогда, когда они вступали въ Неву; но въслѣдствіи ольдерманъ назначались то городомъ Любекомъ, то городомъ Висби. Вообще общества, отправлявшіяся въ Новгородъ, въ особенности „обыкновенные купцы“ на Готландъ, первоначально были совершенно почти внѣ всякой зависимости отъ ганзейскихъ городовъ, но въслѣдствіи все больше и больше поддавали вліянію сперва Любека, а потомъ и всего Ганзейскаго союза *. Изъ этого также легко видѣть, какъ меркантильная опека со стороны чужаго народа, если она во время не свергается, въ концѣ концовъ можетъ повести къ поробоченію этимъ народомъ. Поэтому мѣстныя власти уже въ самыя раннія времена всегда стремились препятствовать слишкомъ прочному укорененію чужеземныхъ опекуновъ. Гаконъ Магнусенъ въ Норвегіи въ 1297 году запретилъ ганзейцамъ всякую разносную торговлю; въ 1348 году имъ запретили вообще всякія сношенія съ мѣстностями, лежащими въ сѣверу отъ Бергена. И даже въ самомъ Бергенѣ, гдѣ они имѣли свою громадную факторію, жители первоначально относились къ нимъ далеко неблагожелательно. Городскій совѣтъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы имъ не продавали

* *Ризенкампфъ*, Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ, стр. 50 и сл.

недвижимости, и чтобы имъ не отдали таковыхъ въ наемъ болѣе чѣмъ на нѣсколько недѣль. Только когда разбойникъ Баргель Фотъ сжегъ Бергенъ, и ганзейцы ссудили жителямъ капитала для возведенія новыхъ построекъ, они получили въ залогъ городскія земли и стали расширять тамъ свои владѣнія. Норвежскіе короли, равно какъ и датскіе, неоднократно пытались освободиться, даже при помощи войны, отъ торговаго преобладанія ганзейцевъ, но это ни къ чему не повело. Такой примѣръ мы видимъ еще при Христіанѣ II въ началѣ XVI столѣтія, и лишь во второй половинѣ этого вѣка это дѣйствительно удалось сдѣлать національно-окрѣпшему государству.—Такъ точно и литовці, чтобы эманципироваться отъ прусскихъ купцовъ, отняли у нихъ право селиться въ Литвѣ и запретили имъ вести торговлю, кромѣ только съ жителями города Ковно, а въ 1444 году изгнали даже и преподававшихъ нѣмецкій языкъ прусскихъ учителей *.

Заключенный въ XVI столѣтіи Иваномъ IV торговый договоръ съ англійскою королевою, основанъ главнымъ образомъ на стремленіи добиться для выгодъ тогдашней Россіи торговой опеки народа, стоящаго на болѣе высокой культурной ступени, опеки, только что благообразно свергнутой съ себя Скандинавіей. Такого дальновиднаго властителя какъ Иванъ IV не безъ основанія могъ думать, что допущеніе англичанъ чрезъ Архангельскъ будетъ для Россіи въ политическомъ отношеніи менѣе опасно, чѣмъ нѣмецкія поселенія, которыхъ мосты въ Псковѣ и Новгородѣ надѣлали столько хлопотъ двумъ его предшественникамъ да и ему самому.

Еще въ наше время въ Азіи существуютъ три народа, которые дѣлаютъ довольно обширнаго круга сосѣднихъ народовъ имѣютъ такое же значеніе, какое имѣли евреи въ наши средніе вѣка.

На первомъ планѣ стоятъ *армяне*, значительная часть которыхъ постоянно находится на пути между Индіей и западной Европой, лишь съ довольно продолжительными періодическими остановками въ Константинополѣ. Они во всей сѣверной Азіи почти единственные, занимающіеся денежною торговлею, т. е. банкиры-

* *Гирше*, Исторія данцигской торговли, стр. 169 и слѣд.

скими оборотами. Въ передней Индіи они оказываютъ англичанамъ полезныя торговыя услуги, между тѣмъ какъ въ Персіи они долгое время соперничали съ ними, какъ арабы на Малабарѣ съ португальцами. Въ Персіи, Египтѣ и др. они играли и отчасти теперь еще играютъ роль государственныхъ банкировъ; въ южной Россіи, на низовьяхъ Дуная, равно какъ и въ оазисахъ Туркестана они производятъ оптовую торговлю. Это напоминаетъ намъ евреевъ, которые въ своей первоначальной родинѣ занимались преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, а на чужбинѣ—ремеслами, торговлей и денежными оборотами; точно также и они считаютъ свой языкъ древнѣйшимъ въ мірѣ (именно со времени Ноя). Меркантильное состояніе армянъ по всей вѣроятности находится въ связи съ положеніемъ ихъ страны, образующей собой нѣчто въ родѣ передне-азиатской Швейцаріи и бездѣлствіе своей альпійской природы почти вынуждающей жителей въ періодическимъ выселеніямъ. Другое ея сходство съ Швейцаріей оставляетъ незначительность ея дворянства и широкое значеніе ея мѣстнаго самоуправленія. Къ этому присоединятся еще и то, что армянская культура, какъ и еврейская, связана съ древнею эпохою цѣлѣю почти непрерывныхъ традицій. Швейцарцы имѣютъ въ своемъ сосѣдствѣ народы, стоящихъ съ ними на одной культурной ступени, армяне же имѣютъ сосѣдей, стоящихъ на гораздо низшей ступени развитія, среди которыхъ торговля возможна пока еще только въ видѣ каробейничества.

Банане, индійская каста, уже болѣе тысячи лѣтъ имѣютъ въ своихъ рукахъ значительную часть индѣйской торговли, точно также они играютъ въ этомъ отношеніи важную роль въ Мозамбикѣ и на берегу Гвардафуи до Бабельмадба. Они ссужаютъ Оманскому имаму капиталы для его коммерческихъ предпріятій и взамѣнъ снимаютъ на аренду его удѣлы и таможенные сборы. Торговля жемчугомъ находится почти исключительно въ рукахъ этихъ людей. Въ 1835 году ихъ было въ Маскатѣ около 1500 человекъ, жившихъ безъ всякаго общенія съ женщинами, почему они послѣ 15—20 лѣтняго пребыванія обыкновенно возвращаются на родину. Свое богослуженіе они могутъ отправлять лишь въ тишинѣ, вдали отъ свѣта; при увѣчьяхъ со стороны арабовъ они

могутъ требовать лишь денежнаго вознагражденія и лишены права кровной мести. Но они часто дѣлаютъ фальшивыя банкротства, за что обманутые мстятъ имъ ударами. Въ Йеменѣ они для отличія должны носить особую одежду. Даже въ Дамаскѣ, въ Меккской гавани, большая часть банкировъ суть баніане. Ихъ громадное меркантильное значеніе уже доказываетъ то обстоятельство, что въ приморскихъ арабскихъ городахъ языкъ ихъ сдѣлался общимъ торговымъ языкомъ (*lingua Franca*!).

Все вышеупомянутое станетъ еще яснѣе, если вспомнимъ, что въ самой Остѣ-Индіи каста баніанъ еще въ доисторическую эпоху занимала подобное же положеніе*.

Наконецъ *китайцы* распространены на всемъ юго-востокѣ Азіи. На островѣ Ява, гдѣ число ихъ въ 1857 г. было 276,946, они играютъ роль банкировъ, сборщиковъ податей и арендаторовъ горныхъ рудниковъ. На островѣ Банка они главные предприниматели и производители работъ по добыванію цинка, а на островѣ Борнео они же эксплуататоры золотыхъ и діамантовыхъ рудъ, при чемъ они, кромѣ того, еще занимаются ремеслами и торговлей. Также самое слѣдуетъ сказать относительно Авама и Сіама, гдѣ въ настоящее время живетъ ихъ тамъ до полутора милліоновъ, и столица на половину населена китайцами. Бездѣлы они главнымъ образомъ бросаются на роль посредниковъ между малайцами и европейцами, обѣщаютъ первымъ большую цѣну за ихъ продукты, чѣмъ берутъ съ европейцевъ, но при этомъ ни сколько не теряютъ, такъ какъ они заставляютъ говорить въся*. Кромѣ того они отличаются особенною ловкостью въ запрашиваніи и выторговываніи, къ чему европейцевъ вовсе не имѣетъ времени. Они живутъ въ строгой исключительности отъ другихъ народностей, и тѣсная ихъ связь между собою, выражающаяся нѣрѣдко въ формѣ объѣмовъ связанныхъ корпорацій, придаетъ имъ не только большую экономическую силу, но дѣлаетъ ихъ небезопасными для правительства въ политическомъ отношеніи.—Для раз-

* Ср. *Цибуръ*, Описание Аравіи, стр. 305. *Веллштедъ* Путешествіе въ цѣмъ перев. Редигера I стр. 18 и слѣдъ *Фрагера*, Narrative p. 6. *Бурр-гардъ*, Travels, p. 22. *Риттера*, Землеописаніе XII, стр. 501, 514 и слѣдъ. 630. XIII, стр. 16. VI, стр. 268 и слѣдъ.

янения этих отношений слѣдуетъ имѣть въ виду не только черъ-чуръ густую населенность нѣкоторыхъ китайскихъ провинцій и вытекающее отсюда стремленіе къ выселенію, связанное однако съ глубокою привязанностью къ родной землѣ, но и древнѣйшую въ неизмѣнной особенноти продолжающуюся высокую культуру китайскаго народа. Нѣтъ ничего нелѣпѣ утвержденія, будто китайцы — народъ „необразованный“. Напротивъ они, по своимъ значительнымъ, хотя и одностороннимъ, природнымъ способностямъ, скорѣе *перестыли* и принадлежатъ болѣе старческому состоянію народовъ, чѣмъ младенческому. Начиная съ Гюв. Ботеро и кончая физиократами, всѣ значительнѣйшіе европейскіе изслѣдователи государственнаго права обращались къ Китаю. Такой человекъ, какъ Лейбницъ думалъ подстѣпить французамъ, называя Францію европейскимъ Китаемъ, а Китай — азиатскою Франціей. И на самомъ дѣлѣ многія изъ важнѣйшихъ китайскихъ особенностей суть каррикатуры обыкновенныхъ явленій высокой культуры. Для европейцевъ и христіанъ это должно служить предостерегающимъ примѣромъ — куда можетъ повести одностороннее развитіе и придаше слишкомъ большой цѣны уму, непосредственно практической пользѣ, вишнему спокойствію и порядку, централизаци и полиціи.

КОРОБОЧНЫЙ СБОРЪ.

I.

Значеніе коробочнаго сбора для еврейскаго вопроса. — Отношеніе къ нему русской журналистики. — Краткій очеркъ положеній о коробочномъ сборѣ по нашему законодательству. — Три группы предметовъ коробочнаго сбора и значеніе ихъ для прошлой, современной и грядущей жизни русскихъ евреевъ.

Въ нѣсколькихъ строкахъ одной изъ статей свода законовъ, частности которой развиты въ заброшенномъ гдѣ-то приложеніи, содержится установленіе особаго съ евреевъ сбора, въ которомъ, на нашъ взглядъ, до настоящаго времени заключается центръ тяжести такъ называемаго еврейскаго вопроса. Не только русское, но и еврейское общество очень мало знакомо съ существеннымъ характеромъ этого сбора, въ особенности же съ историческими моментами его развитія, между тѣмъ какъ это единственное, быть можетъ, установленіе, въ которомъ рельефно выступаетъ картина борьбы — съ одной стороны правительства съ ничтожною цѣлаго класса населенія, а съ другой — еврейскихъ обществъ съ своими членами, въ средѣ которыхъ происходятъ подчасъ серьезныя смуты и волненія. Независимо отъ этихъ явленій, сборъ этотъ узаконилъ для еврейскихъ обществъ обязанность, источникъ которой коренится въ началѣ среднихъ вѣковъ, но сохраненную до настоящаго времени какъ лежать, доставшія русскому правительству послѣ политической смерти католическихъ монастырей присоединенныхъ къ Россіи западныхъ губерній. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ правительство серьезно имѣло въ виду произвести измѣненія въ специальномъ съ евреевъ сборѣ и учредило особую Комиссію для пересмотра существующаго о немъ положенія; но, къ сожалѣнію, труды Комиссіи по этому предмету не при-

вели ни къ какимъ результатамъ, и весь материалъ, ею разработанный, остался, такимъ образомъ, никому не известнымъ. Восполнить этотъ пробѣлъ могла бы русская журналистика; но она въ еврейскомъ вопросе дальше общихъ выраженій и развѣ установленнаго односторонняго направленія не идетъ: углубляясь въ серьезное изученіе гражданско-общественной жизни евреевъ — не ее дѣло. Одины только «Кіевлянинъ», наталкиваясь ежедневно на тѣ или другія явленія общественной жизни различныхъ національностей, населяющихъ юго-западный край, довольно серьезно разработать вопросъ о коробочномъ сборѣ, во конечно, не безъ примѣси своего особеннаго запаха.

По нашему закону, кромя всѣхъ податей и сборовъ, которые взимаются съ евреевъ по состояніямъ городскихъ и сельскихъ обывателей, для нихъ установленъ еще особый сборъ, подъ названіемъ *коробочнаго* или *кружечнаго*. Онъ предназначается на общественныя потребности евреевъ, какъ напримѣръ на облегченіе средствъ къ бездонному взносу *податей* и исправному отбыванію *повинностей*, на уплату *общественныхъ долговъ*, на учрежденіе и содержаніе училищъ, на пособия евреямъ, поступающимъ въ земледѣльцы, и на предметы *общественнаго призванія и благотворительности*.

По предметамъ и способамъ взиманія коробочный сборъ раздѣляется на общій, или повсемѣстный, и на частный; или вспомогательный, которые равно обязательны для еврейскихъ обществъ.

Общему сбору подлежатъ убой скота и рѣзаніе птицъ на кашеръ и продажа каширнаго мяса.

Вспомогательному сбору подлежатъ извѣстный процентъ: 1) съ доходовъ отъ найма принадлежащаго евреямъ недвижимаго имущества; 2) съ промышленности евреевъ въ различныхъ видахъ; 3) съ денежныхъ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ — и 4) сборъ за носшеніе еврейскаго платья.

Для установленія таксы съ предметовъ, обложенныхъ коробочнымъ сборомъ, городскихя учрежденія, которымъ подвѣдомственны хозяйственныя дѣла евреевъ, по совѣщаніи съ зажиточными и осѣдлыми членами еврейскаго общества, составляютъ на четырехлѣтне смену раскладамъ, необходимымъ на удовлетвореніе общественнымъ надобностямъ, и табель тѣмъ изъ означенныхъ выше предметовъ еврейской кружки, которые предполагаются обложить коробочнымъ сборомъ. Затѣмъ, по соображеніи действительныхъ средствъ и надобностей еврейскихъ обществъ, составляется въ томъ же по-

рядкѣ такса на каждый предметъ коробочнаго сбора и выводится общее соображеніе о количествѣ ожидаемыхъ доходовъ.

Для соблюденія же, при установленіи таксы, извѣстной уравнительности, принимается во вниманіе съ одной стороны количество еврейскаго населенія и степень его достаточности, а съ другой количество имѣющихся въ виду расходовъ. Въ этомъ отношеніи еврейскія общества каждой губерніи распределяются на группы по числу душъ не ревизскаго, а дѣйствительнаго населенія, съ которымъ прямо пропорціонально идетъ и размѣръ таксы съ общаго и процентовъ со вспомогательнаго коробочнаго сбора.

Способъ взиманія устанавливается различный для общаго и вспомогательнаго сбора: первый отдается въ откупное содержаніе, а второй взимается непосредственно съ тѣхъ евреевъ, которые ему подлежатъ.

Коробочный сборъ каждаго еврейскаго общества отдается въ откупное содержаніе на 4 года, при чемъ въ отступленіе отъ общихъ правилъ о залогахъ, представляемыхъ въ обезпеченіе обязательствъ частныхъ лицъ съ казною, откупщикамъ дѣлаются различныя облегченія, каковы напримѣръ представленіе въ залогъ каменныхъ домовъ, находящихся въ мѣстечкахъ, и даже деревянныхъ домовъ и лавокъ, или же совершенное освобожденіе отъ залога подъ условіемъ представленія поручительства третьей части еврейскаго общества, которому принадлежитъ отдаваемый въ откупъ сборъ, и другія облегченія. Кромя того, въ охраненіе интересовъ откупщика, предоставляется ему право надзора надъ *неутайкою* евреями сбора и взиманіемъ пошлынъ съ предметовъ, привозимыхъ изъ другаго коробочнаго района въ его откупную черту, и въ этомъ отношеніи полиція вѣшается въ обязанность оказывать откупщикамъ законное содѣйствіе. Откупщики же обязаны не дѣлать никакого стѣсненія евреямъ подъ видомъ надзора за коробочнымъ сборомъ и заботиться о томъ, чтобы городскіе жители изъ христіанъ (въ западныхъ лишь губерніяхъ) не имѣли недостатка въ трешномъ мясѣ, а въ случаѣ нарушенія этихъ обязанностей, подвергаются денежному штрафу каждый разъ въ болѣе возвышенномъ размѣрѣ, который въ пятый разъ доходитъ до 25 руб. Всѣ жалобы на неправильныя дѣйствія откупщиковъ разбираются въ полиціи, и лишь губернское правленіе можетъ обратитъ дѣло къ судебному порядку.

Къ этой характеристикѣ остается еще добавить, что при извѣстности условій изъ коробочнаго сбора удовлетворяются также обязательства ев-

рейских обществ, ильющия свое основаніе въ вотчинномъ правѣ владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ западной Россіи *.

Изъ сдѣланнаго очерка видно, что предметы, удовлетворяемые изъ суммъ коробочныхъ сборовъ, составляютъ главнымъ образомъ три группы: 1) долги еврейскихъ обществъ, 2) государственныя подати и повинности и 3) еврейскія общественныя надобности.

Каждая изъ этихъ группъ представляетъ немаловажный интересъ для судьбы еврейскихъ обществъ. Первая группа характеризуетъ расчетъ еврейскія обществъ съ тою историческою ихъ жизнью, которая въ душѣ каждаго, сознательно относящагося къ своей народности, еврея вызываетъ одни лишь мрачныя воспоминанія. — Вторая обнимаетъ *современныя* отношенія государства къ миллионной массѣ населенія, оправдываемая взглядомъ на необходимость удержанія общественной формы, въ основаніи которой лежитъ круговая отвѣтственность евреевъ въ уплатѣ податей и повинностей.

Третья выражаетъ собою обособленность внутреннего быта евреевъ и вѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ взоры каждаго мыслящаго чловека на будущее съ тревожнымъ вопросомъ: что въ немъ скрывается для еврея? — Черезъ всѣ же группы, вѣстѣ взятыя, проходитъ одна основная, довольно поучительная мысль, что жизнь еврейскихъ обществъ такъ тѣсно и продолжительно соединяетъ въ себѣ самое отдаленное прошлое съ самымъ далекимъ будущимъ, что въ ней очень рѣдко встрѣчается рѣзко отдѣляющихся другъ отъ друга историческихъ моментовъ. По этому не лишено будетъ интереса уясненіе себѣ хоть сколько нибудь того, въ какомъ порядкѣ постепенно расширялся кругъ предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ средствъ такъ называемой, выражаясь языкомъ нашего закона, еврейской коробики.

II.

Историческій ходъ постепеннаго развитія трехъ группъ предметовъ коробочнаго сбора — источникъ нашего законодательства и „Книги Кагала“ г. Брафмана по этому предмету.

Нѣтъ сомнѣнія, что до присоединенія западныхъ губерній къ Россіи еврейскія общества должны были выдерживать тяжелую борьбу съ предразсудками той среды, въ которой имъ приходилось стоять на стражѣ своихъ правъ. Это доказывается тѣмъ, что въ отношеніи къ евреямъ долго

не принимались общіе принципы справедливости и что человѣческія права ихъ каждый разъ должны были защищаться особыми грамотами и привилегіями польскихъ королей, которыя, вслѣдствіе постоянныхъ нарушеній, должны были подтверждаться въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Евреи долго носились съ этими грамотами и доказывали, что въ силу ихъ они имѣютъ право на неприкосновенность прирожденныхъ имъ челоуѣческихъ правъ. Къ этому времени, въ которомъ господствовала хаотическая смѣсь различныхъ народныхъ правъ и въ которое вдобавокъ евреи всѣми сторонами своей жизни разсматривались какъ одна сплошная религіозная единица и были, поэтому, предоставлены въ полное распоряженіе католическаго духовенства, — къ этому золотому времени относится образованіе большей части еврейскихъ долговъ католическимъ монастырямъ, о происхожденіи которыхъ мы скажемъ ниже, и которые удовлетворялись общими средствами еврейскихъ обществъ. За тѣмъ, съ присоединеніемъ западныхъ губерній къ Россіи, правительство того времени, предоставляя еврейскія общества самимъ себѣ, позаботилось лишь объ установленіи обязательныхъ способовъ вниманія съ евреевъ податей и повинностей. Но, убѣдившись вѣстѣ съ тѣмъ, что учрежденный евреями коробочный сборъ служить достаточною гарантіею въ уплатѣ долговъ еврейскихъ обществъ, правительство вносилъ ствѣнъ подчинило этотъ сборъ своему контролю и внесло въ статьи его расходъ на удовлетвореніе государственныхъ податей и повинностей и долго смотрѣло само на эти статьи какъ на добавочныя; ибо законодательство наше признавало преимущественное право на удовлетвореніе изъ коробочнаго сбора за общественными долгами, а затѣмъ лишь обращало остатки на удовлетвореніе податей и повинностей. Естественно, что еврейскія общества должны были сдѣлать послѣдній шагъ въ этомъ дѣлѣ и ходатайствовать объ удовлетвореніи изъ суммъ коробочнаго сбора и всѣхъ общественныхъ потребностей. Этотъ шагъ совершенно оправдывается съ одной стороны тѣмъ, что, употребляя всѣ икры, чтобы изъ кровныхъ народныхъ средствъ удовлетворить долги и подати, еврейскія общества имѣли полное право желать, чтобы и ихъ потребности удовлетворялись изъ тѣхъ-же средствъ; а съ другой — тѣмъ, что, при обязанности, возложенной на нихъ закономъ, какъ на отдѣльное городское сословіе, содержать всѣ свои заведенія благотворительности и общественного призрѣнія, еврейскія общества, подобно католическимъ монастырямъ и правительству, стали смотрѣть съ иль-же точки зрѣнія на коробочный сборъ, т. е. какъ на обязательный способъ удовлетворенія потребностей, тѣмъ болѣе, что по закону кагалы

* Приложение къ ст. 281 Т. V Св. законовъ.

отвѣчали предъ правительствомъ за исполненіе закона по отношенію къ хозяйственнымъ интересамъ еврейскихъ обществъ, и они въ возложеніи на коробочный сборъ удовлетворенія общественныхъ надобностей евреевъ видѣли полную возможность сложить свою отвѣтственность на круговую поруку еврейскихъ обществъ.

(Высказанный здѣсь взглядъ вполнѣ подтверждается историческими обзоромъ постановленій о коробочномъ сборѣ.)

Въ полномъ собраніи законовъ до 1-й четверти XIX ст. сохранилось очень мало слѣдовъ о коробочномъ сборѣ. Извѣстны только постановленія объ учрежденіи кагаловъ и обложеніи евреевъ поголовною податью *, ходатайства евреевъ о расчисленіи на части лежащихъ на нихъ долговъ ** и установленіе въ 1818 г. порядка надзора за взаиміемъ коробочнаго сбора †. Но изъ всѣхъ этихъ постановленій нельзя уяснить себѣ, какіе именно предметы удовлетворялись изъ коробочнаго сбора, хотя повидимому коробочнымъ сборомъ покрывались одни лишь долги, ибо въ 1807 г. было даже предположеніе, по уплатѣ всѣхъ долговъ, вовсе отменить коробочный сборъ ††. Лишь въ 1828 г., вслѣдствіе возникшаго въ Общеземномъ Собраніи Правительствующаго Сената разногласія, Государственный Совѣтъ поставилъ къ разрѣшенію вопросъ: „на уплату-ли состоящихъ на еврейскихъ обществахъ домогов, или на платежъ казенныхъ податей и недоимокъ обращать коробочные еврейскіе сборы?“ и постановилъ слѣдующія правила для всѣхъ губерній, въ которыхъ существуетъ коробочный сборъ: 1) преимущественно уплачивать изъ коробочнаго сбора проценты на долги безсрочные, а по долгамъ срочнымъ проценты и часть капитала, сколько слѣдуетъ. 2) За уплатою преимущественно процентовъ и части срочныхъ долговъ, обращать потомъ коробочный сборъ на уплату казенныхъ податей за евреевъ неимущихъ, умершихъ и въ неизвѣстныхъ отлучкахъ находящихся. 3) Остатки коробочнаго сбора каждое общество можетъ обратить въ уплату податей и за прочихъ евреевъ, т. е. и за тѣхъ, кои въ состояніи платить сами собою подати. 4) Въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ вовсе нѣтъ еврейскихъ общественныхъ долговъ, весь коробочный сборъ обращать на платежъ казенныхъ податей *†. Затѣмъ въ Высочайшемъ утвержденномъ 4 Марта 1835 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта встрѣчается постановленіе, касающееся удовлетворенія долговъ по коробочному сбору

* П. С. З. Т. XX. № 14,822. ** П. С. З. Т. XXII. № 15,391. † В. П. С. З. Т. I. № 334. †† Кіевлянамъ 1808 г. № 105. *† В. П. С. З. Т. I. № 438.

Виленской губерніи. По силѣ опредѣленія ликвидаторскаго суда въ Вильнѣ 1793 г., безспорные долги должны быть уплачиваемы по мѣрѣ накопленія суммъ, для сего изъ коробочнаго сбора назначенныхъ; а потому поставлено Виленскому Губернскому Правленію въ обязанность, чтобы, по поступленіи упомянутыхъ денегъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, были вызываемы для уплаты долговъ заимодавцы (въ томъ числѣ и духовенство) для пріема слѣдующихъ имъ суммъ *. Что же касается назначенія, даннаго самими евреями коробочному сбору, то на это мы имѣемъ два указа: одно, косвенное, видно изъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 18 Октября 1829 г., коимъ разрѣшено нѣкоторымъ Губернскимъ Правленіямъ производить изъ еврейскихъ коробочныхъ сборовъ расходы, относящіяся къ исполненію обрядовъ еврейскаго вѣроисповѣданія. Необходимость удовлетворенія этихъ расходовъ изъ суммъ коробочнаго сбора подтверждается въ сказанномъ мнѣніи тѣмъ, что „безъ выдачи на сіи расходы части коробочныхъ сборовъ не является ко взятію ихъ на откупъ желающихъ“ **. Второе, положительное, видно изъ актовъ, обнаруженныхъ г. Графманомъ въ „Книгѣ Кагала“, гдѣ говорится, что Минскій кагалъ въ 1795 г. вынужденъ былъ на чрезвычайномъ общемъ собраніи постановить объ учрежденіи коробочнаго сбора съ рѣзки скота „для покрытія извѣстныхъ суммъ домогов, которые кагалъ долженъ уплатить монастырямъ (актъ № 9). Точно также къ концу XVIII столѣтія относится учрежденіе Минскихъ кагаломъ коробочнаго сбора, съ цѣлью покрытія изъ него повинностей, и трехрочнаго налога на лошадину для уплаты государственныхъ податей (акты № 36 и 122). Объ этихъ сборахъ мы высказали слѣдующее въ статьѣ нашей „Кагалъ и Учрежденія Магдебурскаго права“ †: <Къ источникамъ доходовъ, предназначенныхъ для покрытія государственныхъ податей, кагалные представители относятся весьма серьезно: въ правилѣ о контролѣ доходовъ съ коробочнаго сбора и предупрежденія злоупотребленій постановляется, что коробочный сборъ назначается на покрытіе государственныхъ податей за всѣхъ жителей г. Минска, и пріятномъ подѣ строжайшимъ херимомъ воспрещается повѣреннымъ кагала употреблять хотя малѣйшую сумму, хотя бы полшунку, изъ этого сбора, даже въ пользу такихъ интересовъ, которые касаются евреевъ всего края. Весь этотъ налогъ долженъ быть обращенъ исключительно на государственныя подати“ (актъ № 88 п. 5). Далѣе мы высказали въ той же статьѣ, что

* В. П. С. З. Т. X. № 7,919. ** В. П. С. З. Т. IV. № 3,195. † Дель органъ русскихъ евреевъ 1871 г., № 14.

и этот взгляд на источники покрытия государственных податей проходит по всем актам кагала, так что, обезпечивая кредиторами своим долги всеми своими доходами, кагал всегда дѣлает, однако, исключение относительно трехчетвертаго коробочнаго сбора, предназначеннаго для уплаты государственных податей (актъ № 153), и во многих мѣстах считает его доходом *не прикосновенным*.

Такимъ образомъ очевидно, что и правительство и евреи смотрѣли первоначально на коробочные сборы, какъ на источникъ удовлетворенія преимущественно долговъ и затѣмъ государственныхъ податей и повинностей; (то къ концу XVIII столѣтія евреи и не смѣли думать объ удовлетвореніи своихъ общественныхъ надобностей изъ коробочнаго сбора; что въ первый разъ мы встрѣчаемъ въ 1829 г. уступку со стороны правительства въ отношеніи насчетъ коробочныхъ сборовъ расходовъ, касающихся исполненія обрядовъ еврейскаго вѣроисповѣданія; что уступка эта была вынуждена, какъ мы видѣли выше, протестомъ со стороны евреевъ, выразившимся въ неликъ къ торгамъ на коробочный сборъ, когда между расходами, изъ него удовлетворяемыми, не были помѣщены расходы на исполненіе еврейскихъ обрядовъ. Затѣмъ слѣдуетъ заключить, что послѣ 1829 г. евреи постепенно хлопотали о расширеніи круга общественныхъ надобностей, удовлетворяемыхъ изъ коробочныхъ сборовъ, и въ положеніе о коробочномъ сборѣ 1839 г. впервые вошло въ наше законодательство постановленіе объ удовлетвореніи изъ короби расходовъ на дѣла благотворительности, общественного образованія и призрѣнія. Но, воспользовавшись желаніемъ евреевъ объ удовлетвореніи изъ коробочнаго сбора общественныхъ ихъ потребностей, правительство постепенно стало относить къ этимъ послѣднимъ потребности общаго государственнаго управленія (содержаніе Раввинской Комисіи, Ученыхъ Евреевъ и т. п.), такъ что въ положеніе о коробочномъ сборѣ 1844 г. встрѣчается уже нѣкоторые изъ указанныхъ статей.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что первоначально сами евреи изыскивали способы къ удовлетворенію долговъ и государственныхъ податей, и что затѣмъ правительство, узаконивъ существующій фактъ, съ самаго начала смотрѣло на коробочный сборъ какъ на установленіе, не требуемое, а лишь допускаемое закономъ для пособія еврейскимъ обществамъ въ платежъ долговъ и податей, а на самый сборъ, поступающій въ казну, не какъ на казенную подать, а какъ «на складку, взимаемую съ евреевъ по назначенію ихъ собственныхъ обществъ» (В. П. С. З. Т. XI, № 9799). Этотъ

взглядъ 1863 г. удержанъ по настоящее время въ положеніи о коробочномъ сборѣ, изъ котораго видно, что сборъ этотъ узаконился какъ утвержденный незапамятно давности въ средѣ нашихъ еврейскихъ обществъ, но онъ постепенно измѣняется подъ вліяніемъ четырехъ давностей, прошедшихъ съ 1839 г., въ теченіи которыхъ, подъ вліяніемъ строгаго административнаго контроля, перестали смотрѣть на коробочный сборъ какъ на обичай, установленный самими еврейскими обществами и какъ на складку, взимаемую съ нихъ по ихъ собственному назначенію: инициатива по всемъ вопросамъ коробочнаго сбора принадлежитъ всецѣло администраціи, а за еврейскими обществами сохраненъ лишь голосъ совѣтательный при участіи городскихъ общественныхъ управленій.

III.

Первая группа — *Общественные долги евреевъ*.—Значеніе этой группы по мнѣнію «Кіевлянина».—Источники происхожденія общественныхъ долговъ евреевъ.—Иностранные и русскіе источники по этому предмету.—Взглядъ на эти долги Высочайше учрежденной въ 1863 г. комисіи для просмотра положеній о коробочномъ и сѣточномъ сборахъ съ евреевъ.

Познакомивъ читателя съ историческою частью нашего предмета, перейдемъ къ опредѣленію значенія и практическихъ послѣдствій каждой группы расходовъ, покрываемыхъ коробочнымъ сборомъ, въ отдѣльности.

Прежде всего обратимся къ такъ-называемымъ *долгамъ* еврейскихъ обществъ. Они раздѣляются на долги безсрочные, кредиторами по которымъ преимущественно состоитъ католическое духовенство, и долги срочные. «Кіевлянинъ», разбирая вопросъ о коробочномъ сборѣ, очень мало останавливается на общественныхъ долгахъ евреевъ и, сознавая, какъ видно, неосновательность обремененія евреевъ долгами, происхожденіе которыхъ само по себѣ темно, онъ, однако, ограничивается лишь замѣчаніемъ, что за давностью времени нельзя провѣрить доказательствъ, а потому нѣтъ достаточнаго повода теперь отрицать ихъ основательность. Вообще же «Кіевлянинъ» полагаетъ, что коробочный сборъ, установленный первоначально для уплаты долговъ, впоследствии получилъ совершенно другое назначеніе, а потому, на его взглядъ, весь вопросъ о долгахъ лишенъ практическаго значенія и имѣть лишь интересъ историческій. Другими словами, «Кіевлянинъ» смотритъ на долги какъ на историческій моментъ въ развитіи статей коробочнаго сбора, какъ «на поводъ, давшій основаніе этому сбору,—не болше». («Кіевлянинъ» 1868 г. № 105). Ни «Кіев-

ляний», единственный орган занимавший исследование этого вопроса, ни Комиссия 1858 г., имевшая свою задачу пересмотр положения о корабочный сборъ, ничего не говорят о самом происхождении долговъ католическихъ монастырей. Поэтому мы считаем своимъ долгомъ доказать весьма важное практическое значение общественныхъ долговъ евреевъ и подробно остановиться на этомъ вопросе и выяснить его указаніемъ на происхождение этихъ долговъ еврейскихъ обществъ въ провинціяхъ бывшей Польши, и на приемы, которые духовенство употребило въ отношеніи къ евреямъ, и ссылками на источники, мало у насъ извѣстные, но которыми развѣ у насъ пользовались въ «Кіевлянинѣ» поляки-ренегаты для опредѣленія политической лисси одной еврейской секты, и на нѣкоторые намеки, сохранившіеся по этому поводу въ источникахъ нашего законодательства.

Въ 1870 году прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ Палату Депутатовъ проектъ объ уничтоженіи долговъ еврейскихъ общинъ бывшей польской провинціи Познанской. Кредиторами по этимъ долгамъ были католическіе монастыри. Въ одной корреспонденціи изъ Познани, помѣщенной въ «Zeitung des Judenthums» за 1869 г., говорится по поводу этихъ долговъ: «*Если въ старопольскія времена, вслѣдствіе обвиненія, выдуманно главнымъ образомъ іезуитами, началось преслѣдованіе евреевъ, то эти послѣдніе, доведенные до крайности, вынуждены для облегченія своей виновности къ выкупу въ формѣ долговыхъ обязательствъ на имя іезуитскихъ монастырей*». Объ источникѣ же происхожденія этихъ долговыхъ обязательствъ мы имѣемъ драгоценный матеріалъ въ исследованіи г. Вейля: «*Къ исторіи преслѣдованія евреевъ и кроваваго юбилея*». * Сочиненіе свое г. Вейль основываетъ на отрывкахъ изъ исповѣди нѣкой дѣвки Анны, на актахъ о долготѣннѣмъ процессѣ между евреями и монастырями, и на провѣренныхъ этими актами, разсѣянныхъ въ польской литературѣ данныхъ изъ жизни лица, вызвавшего преслѣдованія евреевъ и возникшіе вслѣдствіе этого долги. Познанская исторія до того поучительна, что мы не можемъ не привести изъ нея нѣсколькихъ подробностей. Еще наканунѣ XIX столѣтія, въ 1799 г., духовенство создало въ Познани 20,000 человекъ для отпразднованія достойной in majorem Dei et ecclesiae gloriam годовщины избиенія евреевъ Познани въ 1370 г. Избиеніе это произошло по слѣдующему поводу.

* Beilage zur «Zeitung des Judenthums» 1870 №№ 41—43: «Zur Geschichte der Juden-erfolgungen und der Blutjubilien».

Евреи имѣли несчастье выстроить свою синагогу какъ развѣ насупротивъ самой доминиканской монастыря. Не будучи въ состояніи претяствовать самой постройкѣ, основанной на правѣ, предоставленномъ евреямъ грамотой Казимира Великаго, доминиканцы рѣшились, во что бы то ни стало, отомстить евреямъ за то, что синагога бросала тѣнь свою на зданіе доминиканскаго монастыря. Одинъ изъ доминиканцевъ, Ричиволь, получивъ разрѣшеніе епископа и избравъ удобное время, обратился къ народу съ проповѣдью, которую онъ выдалъ за откровеніе Божіе и въ которой онъ доказывалъ, что христіанское населеніе сорбвваетъ на груди своей идоломатого змѣя, умерщвляющаго невинныхъ христіанскихъ дѣтей. Вызвавъ изнеможъ Бога къ народу, Ричиволь выражалъ свое удивленіе тому, что онъ такъ хладнокровно допускаетъ, чтобы тѣнь синагоги зачѣняла блескъ христіанской церкви, и заключилъ проповѣдь слѣдующими знаменательными словами: «*Очистиайте плетна вашихъ христовъ въ хиліиной крови безбожниковъ и пожертвуйте ихъ имущество Богу*». Дикая, разъяренная толпа бросилась въ еврейское Гетто, стала разрушать синагогу и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ совершала во имя религіи грабежи и убійства, остановленные благородными рыцарями и человеколюбивыми гражданами. Набожннй польскій король Людвигъ I Венгерскій, къ которому познанскіе евреи обратились для огражденія себя отъ своеволия духовенства, не считало себя въ правѣ вмѣшаться въ дѣло евреевъ съ духовенствомъ, и объявилъ имъ рѣшительно, что всякую жалобу на духовенство слѣдуетъ обратитъ прямо къ престолу Св. Петра. Папа Григорій XI принялъ у познанскихъ евреевъ прошеніе и объявилъ имъ чрезъ кардинала, чтобы они чрезъ 10 дней явились въ особу учрежденную комиссію, въ присутствіи которой они должны будутъ не только оправдать себя во всѣхъ обвиненіяхъ, но и диспутировать по нѣкоторымъ важнымъ религіознымъ пунктамъ. 16 дней продолжались пренія въ коллегіи, въ которой искусно и умно защищали евреевъ по всѣмъ пунктамъ выборный депутатъ Эйкона. Возраженія евреевъ заносились въ протоколъ, но представленіи котораго на усмотрѣніе папы, послѣдовало слѣдующее распоряженіе, обращенное ко всѣмъ дворямъ и властямъ: «*Чтобы средѣ евреевъ считались оправданными отъ всякаго возводимыхъ на нихъ слѣплыми предрассудками и суевѣрными обвиненій и чтобы духовенство отнынѣ имѣло въ виду проповѣдывать любовь ко всѣмъ людямъ, уваженіе и миръ не только относительно христіан, но и евреевъ*». Людвигъ I подтвердилъ евреямъ грамоту казимира III во всѣхъ пунктахъ и прибавилъ еще одинъ, по которому, въ

случае доказанности насилия, причиненного евреям дворянами и гражданами страны, имущества этих последних поступают в казну. Доминиканцы поневоле должны были подчиниться распоряжению папы и грамоте короля. Но чрез 30 летъ тотъ-же Ричиволь вновь воздвиг преследование на евреев, отъ которого они отблались уже не такъ дешево. Какъ-то дѣвка Анна на исповѣди созналась Ричиволу въ томъ, что она украла деньги у еврея, у котораго присуждала въ субботние дни Ричиволь объяснилъ ей, что двадцать разъ совершенная кража у еврея и не еврея ничего не значить противъ грѣха служить у еврея. Подъ вліяніемъ этого наиданія та-же Анна украла въ доминиканской церкви серебряную утварь и кубокъ, въ которомъ лежали гости, и побѣжала въ поле, что бы спрятать тамъ украденное. Но наступъ замѣтилъ, какъ она закопывала вещи въ землю и сообщилъ объ этомъ своему отцу, родственнику Анны, у котораго она прожила. Допросивъ ее объ этомъ, отецъ пастуха узналъ, что, по живію Ричиволя, кража не преступна, и продалъ всѣ серебряныя вещи, закопавъ одні лишь гости. Между тѣмъ въ тоже время случился падежъ скота, который свирѣствовалъ въ окрестностяхъ Познани. Отецъ пастуха, приписывая падежъ совершенной Анною кражѣ, побѣжалъ къ Ричиволу на исповѣдь. Какъ только послѣдній узналъ, что гости закопаны въ полѣ, онъ объяснилъ Аннѣ, что она можетъ искупить свой грѣхъ лишь тогда, когда она подтвердитъ предъ всѣми, что старшіиши евреевъ съ равниномъ во главѣ говорили ей украсть гости изъ церкви. Заручившись ея согласіемъ, Ричиволь, въ сопровожденіи самаго епископа и многихъ доминиканцевъ, отправился въ поле, вырылъ гости и возвратился въ городъ, гдѣ равнинъ и старшіиши были тотчасъ арестованы и преданы суду. Евреи разбѣжались изъ Познани и многие отправились въ Вильно, гдѣ въ то время находился Владиславъ V, и умоляли о назначеніи строгаго слѣдствія по этому дѣлу и огражденіи евреевъ отъ насиія. Защита была дана, но не подошла во время. Гонцы, посланные королемъ для приостановленія смертной казни заключенныхъ, прибыли въ Познань, когда уже дымился пепель костра, на которомъ евреи преданы были ярости пламени и собакъ. Начался процессъ между евреями и духовенствомъ о судебномъ убійствѣ, который продолжался 120 днѣтъ и окончился слѣдующимъ замѣчательнымъ рѣшеніемъ: Познанское еврейское Общество не только должно ежегодно платить известный налогъ (800 злотыхъ) въ праздникъ гѣла Христова, но высылать ежегодно отъ себя трехъ представителей, которые, одѣвшись въ черныя кожан, наложивъ на себя оковы и неся боль-

шую доску, на которой изображена исторія о трехъ гостяхъ, должны идти впереди торжественной процессіи. 170 лѣтъ евреи исполняли эту позорную церемонію, которая послѣ замѣнена было новымъ налогомъ въ пользу доминиканскаго монастыря, состоявшимъ въ доставленіи известнаго количества пороха, деревяннаго масла, воска и растопленнаго сала. Въслѣствие невозможности исполненія этихъ повинностей, образовались значительныя недоимки, тяготѣвшія надъ Познанскимъ обществомъ. Лишь во второй четверти XVIII вѣка ликвидационная комисиія, назначенная польскимъ сеймомъ для регулированія долговъ Познанскаго еврейскаго общества, пришла къ заключенію, что, по причинѣ значительнаго возрастанія этихъ долговъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, освободить общество отъ ежегодныхъ взносовъ въ пользу доминиканской церкви. По сложеніи этихъ взносовъ, одни доли, образовавшіеся по прежнимъ недоимкамъ, составили—ко времени ходатайства прусскаго министерства объ уничтоженіи всѣхъ долговъ познанскаго еврейскаго общества—сто тысячъ талеровъ.

Такия же обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови возведены были на нихъ въ Львовѣ еврейскою сектою франкистовъ, которые домогались у короля и архіепископа публичнаго диспута по составленной ими заранее программѣ. Первоначально ходатайства франкистовъ были отклонены на томъ основаніи, что насиліе и наказанія, которымъ франкисты желаютъ подвергнуть своихъ противниковъ, противны свободѣ и милосердію Евангелія. Но послѣдствіи, когда львовскую епископскую кафедру занялъ Манкульскій, назначенъ былъ диспутъ между франкистами и талмудистами, которые обязаны были явиться подъ страхомъ уплаты штрафа въ тысячу талеровъ. Диспутъ продолжался три дня (съ 16 іюля 1759 г.) въ присутствіи духовенства, свѣтскихъ лицъ и дамъ, которыя дорого платили за входные билеты. Дѣло окончилось ничѣмъ, потому что диспутъ шелъ на еврейскомъ языкѣ, непонятномъ польскому духовенству, а потому оно не могло постановлять никакого рѣшенія по дѣлу. Замѣчательно, что на этомъ диспутѣ переводчикомъ франкистовъ былъ приближенный самого представителя секты Франка — Игнатій Молвда, русскій, который именвалъ себя оберъ-лейтенантомъ и принадлежалъ прежде къ русской сектѣ филишовцевъ.

Болѣ печальныя послѣдствія для евреевъ-талмудистовъ имѣлъ диспутъ въ Каменецъ-Подольскій, назначенный архіепископомъ Дембовскимъ 20 іюня 1757 г., тоже по настоянію и по программѣ франкистовъ. Результатомъ диспута было то, что евреи-талмудисты объявлены были врагами христіанства, жаждущими ихъ крови и стоющихъ виѣ закона. Эдиктомъ Дембов-

скаго, отъ 14 октября 1757 г., повелѣно было рукою палача сжечь всѣ экземпляры Талмуда въ главномъ городѣ Подолии, анти-талмудистамъ разрѣшено было всюду диспутировать съ талмудистами, а эти послѣдніе приговорены были къ уплатѣ всѣхъ издержекъ въ суммѣ 5,000 польскихъ злотыхъ и сверхъ того 154 злотыхъ на починку каедральной церкви въ Каменецъ-Подольскѣ. Независимо отъ этого, евреи были обложены за пеняку къ диспуту значительными штрафами, которые взскивались духовенствомъ.* Неудивительно, что на Каменецъ-Подольскомъ еврейскомъ обществѣ лежатъ съ начала XIX столѣтія долги католическимъ монастырямъ въ суммѣ болѣе 14,000 руб. Мы не имѣемъ прямихъ данныхъ, подтверждающихъ, что и въ другихъ губерніяхъ долги католическимъ монастырямъ образовались тѣмъ же путемъ, потому что немногія данныя, нами собранныя, сохранились въ историческихъ изслѣдованіяхъ по поводу другихъ, болѣе важныхъ событий, представляющихъ для историка несомнѣнный интересъ, какъ напр. исторія о франкистахъ и кровавыхъ юбилеяхъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ Гродненской губерніи долги католическимъ монастырямъ въ суммѣ 120,609 руб. тоже возникли не вслѣдствіе займа со стороны еврейскихъ обществъ.** Католическіе монастыри едвали оказывали помощь еврейскимъ обществамъ во время общественныхъ бѣдствій и едвали также располагали такими громадными капиталами для ссуды ими евреямъ, платящимъ несостоятельность которыхъ имъ была хорошо извѣстна. Долги эти, какъ видно, ведутъ свое начало съ того времени, когда въ періодъ борьбы польской королевской власти съ аллодіальными владѣльцами, духовенство, не желая стать ниже дворянства, тоже пожелало обратитъ евреямъ въ источникъ доходовъ путемъ религіозной, если можно такъ выразитъ, контрбучіи. Долучи во всѣхъ странахъ Европы кредиторами, евреи въ Польшѣ сдѣлались должниками и данниками духовенства: «одна Краковская академія имѣла обезпеченнаго на разныхъ кагалахъ капитала въ 550,000 польскихъ злотыхъ, а въ другихъ провин-

* См. Frank und die Frankiten, Eine Sectengeschichte aus der letzten Hälfte des vorigen Jahrhunderts von D-r H. Gratz, Breslau 1868 г. Милодомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ сочиненіи русской издательницей можетъ найтись весьма интересныя свидѣнія о дѣяніи Франкъ или о племенѣ Таракановой. Свидѣнія эти бросаютъ, въ сущности, еще болѣе темный свѣтъ на таинственную судьбу ея, но они могутъ быть разъяснены другими источниками, въ томъ же сочиненіи указанными, къ которымъ авторъ относится такъ же пристрастно, какъ и въ своей личной Франкѣ.

** Такъ напр. на еврейскъ Гродненскій губ. считается долгъ съ 1881 г. Балыжскаго (нынѣ Борисоглебскій дѣяніи монастыря) въ 3,800 р. Въ той же губерніи числалась статья о долгахъ Эдуалдовской Комиссіи въ краѣ Гродненскихъ изюговъ на 7,771 р. 65 к., но такъ какъ, въ случаѣ несправности евреямъ въ уплатѣ долговъ, польское правительство отдавало корабельный сборъ въ вознагражденіе кредиторамъ или особымъ распоряженіемъ до совершенной уплаты долга, то для

цѣяхъ великой и малой Польши разныя суммы дворянскія и духовныя, обезпеченныя на еврейскихъ кагалахъ, простиралась до 6,000,000*.

* У насъ въ русскомъ законодательствѣ также сохранился одинъ Сенатскій Указъ царствованія Екатерины, который, правда, скупится на подробное изложеніе дѣла, но изъ котораго однако ясно видно, что долги еврейскихъ обществъ ни въ какомъ случаѣ не возникли изъ займовъ. 9-й пунктъ этого указа гласитъ: „въ просьбѣ ихъ (евреевъ Вѣлорусскихъ губерній) о расчисленіи состоящихъ на нихъ разныхъ кредиторовъ нажитыхъ по показаннымъ ими *бывшимъ* на нихъ *гонениямъ* долговъ на части и о предписаніи требовать съ нихъ тѣхъ долговъ въ разные сроки, а не вдругъ, отказать“. Очевидно, что евреи жаловались на то, что долги эти произошли вслѣдствіе воздвигнутыхъ на нихъ гоненій; но, къ сожалѣнію, въ указѣ не приводится самого содержанія прошенія, изъ котораго можно было бы видѣть, въ чемъ состояли эти гоненія. Въ указѣ приводится также основаніе отказа въ расчисленіи долговъ, заключающееся въ томъ, что «платежъ тѣхъ долговъ зависитъ отъ *обязательствъ* евреямъ, а въ случаѣ какихъ либо измѣненій или отягчительныхъ въ противность законовъ тѣмъ кредиторами *требованій*, могутъ они приносить на нихъ жалобы установленнымъ порядкомъ гдѣ подлежатъ». Представляется вопросъ, какимъ образомъ долги, возникшіе изъ гоненій, основаны на обязательствахъ; но мы видѣли выше, какимъ образомъ Познанскіе евреи вынуждены къ выкупу въ формѣ долговыхъ обязательствъ на имя иезуитскихъ монастырей. Точно также и Подольскіе евреи, присужденные за неуспѣшное опроверженіе обвиненій франкистовъ къ платежу указанныхъ выше штрафовъ, по всѣмъ вѣроятностямъ при выисканіи выдавали долговую обязательства на имя католическихъ монастырей. Наконецъ, изъ кагалныхъ постановленій, изданныхъ г. Врѣфганомъ, видно, что долги монастырямъ получили громкую популярность между евреями, и что ихъ достаточно было именовать «*долгами извѣстными*», чтобы соединитъ съ этимъ выраженіемъ понятіе объ исключительности ихъ происхожденія. Это подтверждается приведенною выше выпиской изъ акта

выисканія ссужаемаго долга управленіе корабельнымъ сборомъ отдамъ было изъему подспорію Тызенгаузену. Завѣдывая сборомъ въ теченіе 14 лѣтъ, онъ выручилъ 613,000 злотыхъ, такъ что послѣдствіи рѣшеніемъ ексцизнодорожнаго суда отъ 20 сентября 1780 г. присуждено съ него въ возмездіе Кагалу 225,000 злотыхъ. Во время этого же управленія расстрчено изъ сбора ассигнаціи 17,900 злотыхъ, и удержаны уйдшими судомъ изъисчлительныя суммы. См. журналъ комисіи 1858 г.

* См. Обсужденіе прошенія еврейскаго народа въ Европѣ. Переводъ съ польскаго 1846 г. перепечатано изъ Вол. Губ. Вѣд. 1845 г. съ утвержденія губернскаго начальства, стр. 122 и 123.

подъ № 9 о томъ, что Минскій кагалъ учредилъ коробочный сборъ съ боя скота „для покрытія *известныхъ* *всѣмъ* долговъ, которые кагалъ долженъ уплатить *монастырямъ*“. Если бы долги вытекали изъ обязательствъ займа, то незачѣмъ было бы кагаламъ обозначать ихъ выраженіемъ „*известныхъ* *всѣмъ*“, сразу доказывающимъ несправедливость ихъ возникновенія. Кромѣ того къ этому заключенію можно придти еще и потому, что всѣ почти безсрочные долги (210,000 руб.), по которымъ кредиторами состоятъ преимущественно католическое духовенство, возникли въ началѣ XVIII столѣтія, а самая большая половина изъ нихъ, падающая на одну Гродненскую губ. (120,000 руб.), относится еще къ XVII столѣтію. Всѣ же почти долги основаны на судебныхъ рѣшеніяхъ, изъ которыхъ большая часть состояло еще въ XVIII столѣтіи на основаніи дѣйствовавшихъ въ польскихъ провинціяхъ узаконеній.* Общественности же и справедливости рѣшеній судебныхъ мѣстъ, дѣйствовавшихъ въ періодъ господства Магдебургскаго Права, хотеть судить всякій, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ тою безурядицею, которая характеризуетъ судебно-административную власть того времени и ея несправедливыя отношенія не только къ евреямъ, но и къ коренному населенію. Въ неумолимой борьбѣ различныхъ народныхъ силъ, отстаивавшихъ въ этомъ періодъ крайнюю произвола другъ предъ другомъ свою самостоятельность, евреи должны были выдерживать напоръ всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ, и защищаться въ своемъ безправіи противъ духовенства, вочинниковъ, цеховой корпораціи и другихъ, враждовавшихъ между собою, но единодушно дѣйствовавшихъ противъ евреевъ, элементовъ. Изъ безчисленныхъ жалобъ приведемъ жалобы Литовскихъ евреевъ на то, что „ихъ продають въ ихъ спорахъ и судахъ, нарушаютъ ихъ правила и вольности, не хотять справлять ихъ и судить по ихъ стародавнимъ правамъ, отъ чего они терпятъ *многія тягости* и приходять *въ убожество*“.** При такихъ условіяхъ, намъ кажется вѣтъ надобности доказывать, что рѣшенія такихъ судебныхъ мѣстъ въ дѣлахъ между евреями и католическимъ духовенствомъ XVIII в. могутъ страдать такими существенными недостатками, которыя лишаютъ ихъ на нашихъ глазахъ силы рѣшеній судебныхъ.

* См. журналъ *Вѣстникъ*, учрежденной для переписки пашаго на коробочномъ и сѣкулярномъ сборѣхъ съ евреевъ 1855 г.

** См. статьи наши: 1) „Историческое происхожденіе Кагала“, „Лена“, органъ русскихъ евреевъ, 1871. №№ 4—6 и 2) „Кагалъ и учрежденіе Магдебургскаго Права“, тамъ-же №№ 11, 13, 14, 19, 23. Ф. Леонтовича. Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи, Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ.

Долги *срочные* возникли въ началѣ девятнадцатаго столѣтія и имѣли въ своемъ основаніи займы, совершенные по случаю народныхъ бюджетовъ,—неурожаевъ, пожаровъ и т. п., или для уплаты государственныхъ повинностей. Эти долги менѣе значительны и уменьшаются ежегодно въслѣдствіе уплаты, кромѣ процента, и части капитала. Самый значительный срочный долгъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ считался за Минскую губ. (45,388 р.).

Относительно основаній нѣкоторыхъ изъ долговъ еврейскихъ обществъ, упомянутая выше коммисія нашла: 1) что искъ большею частью основаны на документахъ, юридически недостаточныхъ*, а иногда на документахъ лицъ, которыя не могли считаться представителями цѣлаго общества**; 2) что всѣ почти претензіи получили обогащеніе свое въ первыхъ инстанціяхъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ, и весьма немногія только восходили на ревизію высшихъ установленій; 3) что въ числѣ долговъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора, встрѣчаются и такіе, которые рѣшительно ни на чемъ не основаны, т. е. ни на судебныхъ рѣшеніяхъ, ни на документахъ †. Имѣютъ-ли всѣ эти долги одинъ лишь историческій или практической интересъ,—представляется теперь вопросомъ, легко разрѣшимымъ: по срочнымъ долгамъ, еврейскія общества съ начала XIX вѣка платятъ проценты и части капиталовъ и до сихъ поръ еще не уплатили даже этихъ долговъ. Мы выше видѣли, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ на одной Минской губ. считалось 45,388 р. По безсрочнымъ же долгамъ евреи уплачиваютъ какъ вѣчную дань одинъ лишь процентъ, начиная съ XVII вѣка, а капитальная сумма долга въ размѣрѣ 210,000 р. остается непогашенною. Очевидно, что нельзя такъ легко относиться къ такимъ платежамъ, тяготящимъ на евреяхъ въ теченіе двухъ вѣковъ, и что невозможно, добросовѣстно относясь къ дѣлу, отрицаться отъ этихъ долговъ дешевою фразою въ родѣ той, что о нихъ и говорить не стоитъ, потому дескать, что они составляютъ лишь историческій моментъ въ развитіи вопроса о коробочномъ сборѣ, одинъ лишь поводъ, давшій начало

* Ревенскіи сборщики въ податей и мѣстныхъ повинностей въ заставѣ, выданыи подлѣ предлогами употребленій залогой сумми на уплату податей, на исполненіе ревизуемой или вчергуемой повинности и т. под.

** Долгъ коммисіи Генишевскаго въ суммѣ 8,375 р., по которому съ 1765 по 1832 г. уплочено изъ коробочнаго сбора однихъ процентовъ 9038 р., основанъ на документѣ, выданномъ и на к в а р а н т и и и изданныи нигдѣ не розписанныи.

† Тѣмъ нар. въ вѣдомостяхъ по долгамъ: одного уѣзда Подольской губ. на 8060 р. и одного вѣда Гродненской губ. на 6464 р. изъяснено объясненіе, что долги эти возникли на чемъ основаніи.

коробочному сбору, не больше. Комиссия, ближе ставшая къ материалу въ вопросѣ о коробочномъ сборѣ, высказываетъ о беспрочныхъ долгахъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «При бѣдности евреевъ, при отягощающихъ ихъ постоянно недоимкахъ государственныхъ повинностей, долги *отныне* составляютъ для нихъ *тягостное бремя*, тягостное *тѣмъ* болѣе, что, требуя ежегодно для уплаты процентовъ значительныя суммы, капиталы эти остаются въ прежнихъ размѣрахъ».)

IV.

Вторая группа—*подати и повинности еврейскихъ общинъ*.—Современное экономическое положеніе западно-русскихъ евреевъ.—Историческій обзоръ правительственныхъ мѣръ, направленныхъ и къ установленію обезпечительности въ исправномъ платежѣ еврейми податей и повинностей и къ освобожденію Россіи отъ чрезмѣрнаго разноможія еврейскаго пролетаріата.—Картини крайней бѣдности еврейскихъ массъ, открытыя приведеніемъ этихъ мѣръ въ исполненіе.— Источники этой бѣдности.

Переходя къ другой группѣ расходовъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора, мы главнымъ образомъ должны остановиться на вопросѣ—правильно-ли мнѣніе, по которому обращеніе къ такому способу взиманія податей и повинностей, какимъ представляется коробочный сборъ, оправдывается не платежною несостоятельностью евреевъ, а упорною ихъ неисправностью?

Разработка этого вопроса представляется дѣломъ необходимости въ виду того, что до настоящаго времени указанная выше мысль служить единственнымъ средствомъ для маскированія необходимости удержанія коробочнаго сбора въ нынѣ существующей формѣ. Вотъ почему мы считаемъ долгомъ остановиться нѣсколько подробнѣе на историческихъ фактахъ, открытыхъ и изслѣдованныхъ по поводу желанія правительства констатировать экономическое положеніе и производительныя силы евреевъ съ цѣлью опредѣленія степени ихъ благонадежности въ отношеніи податного.

Въ статьѣ И. Орманскаго: «Благоденствуютъ-ли евреи въ западномъ краѣ», собраны изъ изслѣдованій и корреспонденцій русскихъ и польскихъ писателей, какъ расположенныхъ, такъ и не расположенныхъ къ евреямъ, всѣ данныя, которыми богатѣйшимъ образомъ подтверждается пауперизмъ большей части евреевъ, разсматриваемый сравнительно съ бѣдностью другихъ классовъ кореннаго населенія. Выводъ, сдѣланный Орманскимъ изъ описаній экономическаго быта евреевъ, состоитъ въ слѣдую-

щемъ: «Въ жизни западно-русскихъ евреевъ замѣчаются всѣ симптомы общественаго недуга, известнаго подъ именемъ пролетаріата: бездомность, скитальчество и выселеніе, плачевныя санитарныя условія и какъ слѣдствіе ихъ—значительная смертность, упадокъ нравственности, недостатокъ платежныхъ средствъ въ фискальномъ отношеніи и ничтожная цифра заработка и дохода». Но выводы, сдѣланные писателемъ-евреемъ, хотя-бы на основаніи данныхъ, приводимыхъ не еврейскими публицистами, могутъ, по естественному порядку вещей, быть заподозрены въ пристрастіи. По этому мы постараемся подтвердить всѣ эти выводы русскими законодательными актами, въ которыхъ разсматриваются мѣры къ улучшенію быта евреевъ. Изъ этихъ мѣропріятій видно будетъ, въ какомъ положеніи находились евреи каждый разъ, когда правительство, въ видахъ обезпеченія себя исправнаго платежа податей и повинностей, приводило въ извѣстность количественность ихъ населенія и ихъ платежныя средства, или же когда оно принимало мѣры къ освобожденію Россіи отъ чрезмѣрнаго разноможія еврейскаго пролетаріата.

Первыя мѣры, принятая правительствомъ XVIII в. въ отношеніи уплаты евреями податей, уже доказываетъ, что въ то время, когда оно еще имѣло смутное понятіе о положеніи присоединенныхъ евреевъ, отъ которыхъ прежде и нежелательно было имѣть и интересной прибыли, оно въ общихъ чертахъ составило себѣ понятіе о личной платежной несостоятельности евреевъ, и вслѣдствіе этого постаралось прикрѣпить ихъ къ кагаламъ, которые должны были платить за евреевъ подать. «Давъ сборъ съ нихъ (жидовъ) въ казну върнѣе поступать мотъ, то учредить кагалы, въ которыхъ всѣхъ ихъ и записать, такъ чтобы каждый изъ жидовъ, когда онъ куда для промысловъ своихъ ѣхаетъ, или гдѣ жить и поселиться захочетъ, отъ кагала получалъ паспорта. Поголовныя-же деньги платить долженъ кагалъ и вносить оныя въ провинціальную канцелярію *. За тѣмъ, замѣтивъ скитальчество евреевъ по селамъ, правительство, съ цѣлю приученія евреевъ къ торгамъ, къ разноможію рукодѣлій и ремеслъ, прибѣгаетъ къ мѣрамъ, имѣющимъ свою задачу прикрѣпленіе евреевъ къ городамъ **. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда возникла необходимость въ приведеніи въ извѣстность положенія курляндскихъ евреевъ, оказалось, что „они живутъ весьма бѣдно и почти дневной пищи не имѣютъ, и по тому большая часть изъ живущихъ въ городахъ питаются мелочною тор-

* П. П. С. З. Т. XX № 14522. ** П. П. С. З. Т. XXII № 17327—и. 3.

говлею, продажей старых вещей и недозволенным маклерством⁴⁴. Тѣмъ не менѣе признано было возможнымъ переселять курляндскихъ евреевъ изъ селъ и мѣстечекъ въ города съ обложениемъ ихъ двойною противъ христіанъ податью *. Понятное дѣло, что при описанной выше бѣдности городскаго еврейскаго населенія, скученіе всего остальнаго еврейскаго населенія въ городахъ, гдѣ они все могли заниматься лишь городскими промыслами, еще болѣе должно было довести до самого низкаго уровня экономическое положеніе евреевъ. Мысль о закрѣпощеніи евреевъ къ городамъ еще ярче проявляется въ положеніи 1804 г., которое вынуждаетъ евреевъ въ обязанность въ теченіе 3-хъ лѣтъ оставить жилище въ селлахъ и деревняхъ. Несостоятельность этихъ мѣръ обнаружилась тотчасъ при ихъ осуществленіи. Мѣстныя губернскаго начальства донесли, что «пожѣлчики пограничныхъ губерній, гдѣ наиболѣе евреи ищутъ жилище, бывъ заняты въ теченіе сего времени отправленіемъ разныхъ временныхъ и необычайныхъ повинностей, не могли сдѣлать никакихъ распоряженій къ переселенію людей сихъ (евреевъ) въ назначенный срокъ; что по тѣмъ-же самымъ обстоятельствамъ и сами евреи, по крайней бѣдности большей ихъ части, при платежѣ двойныхъ податей и при возвысившихся на хлѣбъ, и другія потребности цѣнахъ, не могли, среди отправленія разныхъ повинностей, войною усугубленныхъ, принять достаточныхъ мѣръ къ присканію земель, къ заведенію фабрикъ, къ совершенною переходу ихъ изъ селъ и деревень». Во вниманіе къ этимъ причинамъ постановлено было отсрочить переселеніе еще на 3 года съ тѣмъ, чтобы «кагалы учинили въ помощь бѣднымъ переселенцамъ денежныя склады, чтобы пожѣлчики и евреи, которые заведутъ колоніи и фабрики для доставленія переселенцамъ занятій, получали пособія и суды отъ правительства и чтобы затѣмъ мѣры переселенія приводились въ дѣйствіе безъ всякаго послабленія» **. Цѣль правительства какъ видно, состояла въ томъ, чтобы всѣхъ евреевъ, независимо отъ средствъ, выходящихъ существующихъ экономическихъ условий, превратить въ торгово-промышленное сословіе, которое было-бы въ состояніи и себѣ прибыль и казѣ пользу приносить. Но на сколько эти мѣры дѣйствительно соответствовали насущнымъ потребностямъ времени, доказываетъ тѣмъ, что въ 1809 г. правительство пришло къ убѣжденію, что палліативныя мѣры, вызванныя необходимостью въ обезпеченіи пла-

* П. И. С. З. Т. XXV № 18889. ** П. И. С. З. Т. XXIX № 22651.

тежной состоятельности евреевъ въ отношеніи податей, могутъ еще болѣе ухудшить экономическое положеніе евреевъ, и что гораздо цѣлесообразнѣе будетъ предпринять радикальное устройство гражданскаго ихъ быта. На этомъ основаніи правительство приостановило впредь до особаго повелѣнія все прежнія мѣры переселенія евреевъ изъ селъ и деревень и учредило особый Комитетъ для совокупнаго рассмотрѣнія положенія еврейскихъ дѣлъ. Для нашего предмета любопытнѣе всего мотивы, по которымъ правительство отказывается отъ исполненія своихъ рѣшительныхъ мѣръ. Въ именномъ указѣ, данномъ дѣйствительному тайному совѣтнику Попову, говорится: «Во вниманіе къ тому стѣсненію, коему, по донесеніямъ Губернскихъ начальствъ, народъ сей (еврей), при исполненіи доселѣ изданныхъ о переселеніи онаго положеній, неминуемо долженъ подвергнуться, я приказалъ за благо дѣйствіе 34 ст. положенія 1804 г., равно какъ и указа о постепенномъ переселеніи евреевъ 19 Октября 1807 г. остановить впредь до повелѣнія». За тѣмъ далѣе въ томъ-же указѣ говорится: «Невозможность сія (т. е. переселенія) не отъ чего иного главнѣйше происходитъ, какъ только отъ того, что евреи, по нищету своей, не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жилища, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ, кои избрать они должны» *.

Между тѣмъ годъ лишь назадъ утверждёнъ былъ докладъ министра объ устройствѣ фабрикъ для выдѣлки солдатскихъ суконъ, на которыхъ предполагалось обратить въ рабочее сословіе еврейскій пролетаріатъ и такъ называемую „чиншевую шляхту“ польскихъ губерній. О евреяхъ въ этомъ докладѣ говорится: „Великое число ихъ, не имѣя по бѣдности средствъ къ построенію себѣ жилищъ и къ прокормленію себя съ семействами въ городахъ и мѣстечкахъ, охотно обратятся на фабрики, гдѣ вѣрная работа доставитъ имъ тотчасъ вѣрное пропитаніе.... Ибо какъ изъ дѣлъ о евреяхъ извѣстно, многие изъ нихъ, чтобы исполнить положеніе о переселеніи, въ нищету требуютъ отъ правительства пособій, которое не имѣетъ способовъ переселить въ столь короткое время не только всѣхъ тѣхъ, кои впредь на то изъявятъ желаніе, но и тѣхъ однихъ, кои до нынѣ о томъ просили» **. Негодность этой утопіи объ устройствѣ на протекціонныхъ заводахъ фабрикъ, имѣющихъ цѣлью не удовлетвореніе дѣйствительной потребности, а занятіе рабочихъ рукъ, обнаружилась уже въ первый годъ,—

* П. И. С. З. Т. XXX № 23435. ** П. И. С. З. Т. XXX № 23182.

и правительство таким образом убедились, что для улучшения быта какой-либо народности недостаточно одно теоретическое устройство ее положений по известной мере одним изданием закона, а необходимо прежде всего убедиться, на сколько оно коренится в действительных условиях той среды, которую хотеть назвать къ новой, лучшей жизни, и въ общихъ экономическихъ условияхъ страны.

Но особенно рельефно выступила печальная картина бѣдности, когда правительство приступило къ повѣркѣ послѣ 7-ой ревизіи прописныхъ душъ изъ евреевъ по всѣмъ губерніямъ, гдѣ имъ жить дозволено. Рассмотрѣвъ въ 1817 г. дѣло о повѣркѣ прописныхъ въ 7-ой ревизіи евреевъ и принявъ въ уваженіе бѣдное ихъ состояніе, Государь Императоръ повелѣлъ: вѣнжить кагалънымъ въ обязанность до 1 Юля 1818 г. привести въ извѣстность все количество прописныхъ евреевъ, и въ уваженіе бѣднаго ихъ состоянія, извѣститъ ихъ отъ взыскапія пени по 500 р. за душу, равнымъ образомъ отъ штрафныхъ и двойной подати, положенной за прописку душъ, и не высказывать также настоящей по званію каждаго прописнаго еврея подати за прошедшее время. Но эти льготы въ сущности не привели къ ожидаемымъ результатамъ; ибо, не желая послѣ окончательнаго срока (1 Юля 1818 г.) подвергнуться взысканіямъ, которыя постановлено производить безъ малѣйшаго послабленія, прописные евреи стали являться въ большемъ числѣ для записки въ ревизію изъ кагаламъ. Эти послѣдніе же, не имѣя возможности принять на себя отвѣтственность въ платежѣ податей за цѣлыя массы бездомныхъ и неспособныхъ ни къ какой работѣ скитальцевъ, отказывались отъ приниски ихъ къ своимъ сословіямъ. Вслѣдствіе этого возникла та нескончаемая борьба между кагалами и бѣдною массою, которая, независимо отъ разрѣшенія возбуждаемыхъ ею вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ, дала начало той усиленной казуистикѣ еврейскаго суда, разбиравшаго дѣла о переселеніи и принискѣ, о которой говорится въ статьѣ нашей „Кагалъ и учрежденія Магдебургскаго права“. Но судъ еврейскій мало помогая дѣлу, въ виду настоятельной необходимости въ официальномъ разрѣшеніи вопроса. Надъ еврейскою массою висѣлъ мечъ обоюдострой: съ одной стороны громадный штрафъ съ души за необъявленіе ея въ дополнительной сказкѣ, а съ другой нежеланіе кагаловъ приписать ее къ своимъ сословіямъ. Выходъ изъ этой дилеммы масса нашла въ податѣ отъ себя, а не чрезъ кагалъныхъ, дополнительныхъ ревизскихъ сказокъ. Объ этихъ сказкахъ въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 1819 г. говорится слѣдующее: „Кромя кагалъныхъ,

на конѣ возложена обязанность подачи ревизскихъ сказокъ, явились въ большемъ числѣ евреи старые, дряхлые, въ крайнемъ убожествѣ находящіеся обоего пола и дѣти разнаго возраста, которые всѣ за себя и семейства свои, подавая ревизскія сказки, изъявили, что подачу сію сдѣлаютъ сами по причинѣ непріятія ихъ кагалъными въ свои сословія“. - Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ такимъ образомъ, что одну часть еврейскихъ сословій велѣно приписать къ обществамъ, и къ коимъ кто изъ нихъ окажется по родству принадлежащимъ⁴¹, а остальную часть безродныхъ распределить по кагаламъ всей губерніи по соразмѣрности числа душъ, съ тою цѣлію, чтобы отвѣтствовать въ повинностяхъ за убогихъ и къ работамъ неспособныхъ сдѣлалась болѣе уравнилельною*.

На тотъ-же самый вопросъ правительство наталкивается въ 1824 г., когда кагалы отказываются принять въ свое сословіе безчисленныя массы заграничныхъ выходцевъ изъ евреевъ, перешедшихъ въ Россію, частью для избѣжанія рекрутской повинности, которой они подлежали по законамъ соседнихъ державъ, частью же увлекаясь льготою отъ платежа государственныхъ податей, которою они пользовались въ Россіи въ первое десятилѣтіе наравнѣ съ прочими иностранными выходцами. Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ, изданное въ разрѣшеніе возбужденнаго по поводу размноженія евреевъ вопроса, важно въ томъ отношеніи, что оно съ одной стороны признаетъ несостоятельность всѣхъ предшествовавшихъ ему мѣръ правительства, предпринятыхъ въ томъ же направленіи относительно наилучшей обеспеченности въ платежѣ евреями государственныхъ податей, а съ другой подтверждаетъ платежную ихъ несостоятельность. „Самыя мѣры, говорится въ сказанномъ положеніи, которыя принимало правительство къ извлеченію изъ сего племени (евреевъ) пользы для государства составленіемъ для управленія онаго особаго положенія и изысканіемъ средствъ къ переведенію евреевъ изъ селеній въ города, не могли имѣть доселѣ желаемого успѣха; а повторительныя постановленія, изданныя въ облегченіе ихъ отъ уплаты значительныхъ недоимокъ, или къ устраненію утайки душъ въ ревизіи, доказываютъ, что и со стороны увеличенія казенныхъ доходовъ евреи не приносятъ той пользы, которую слѣдовало-бы ожидать по ихъ числу и промышленности, каковую имѣть государство отъ прочихъ жителей“. За тѣмъ говорится далѣе въ томъ-же положеніи. „Выходцы сіи, обыкновенно бѣдные, въ желаніи сво-

* И. П. С. З. Т. XXXIV № 26805; Т. XXXVI № 27700.

Таким образом, открывая съ каждым разом все болѣе ужасающую картину крайней бѣдности еврейскихъ массъ, правительство, поближе ознакомившись съ податнымъ контингентомъ евреевъ и убѣдившись, что при всей круговой отвѣтственности кагаловъ востаніе не откуда извлечь пользы для государства, останавливалось на разныхъ мѣрахъ устройства быта бездомныхъ скитальцевъ такимъ образомъ, чтобы они полезны были обществу добровольнымъ или принудительнымъ трудомъ. Сверхъ указанной уже выше мѣры объ устройствѣ суконныхъ фабрикъ, правительство начало переселять въ значительномъ числѣ бѣдныхъ еврейскія семейства въ Новороссійскій край. Для этой цѣли назначены были въ пособіе евреямъ и чиншевой платѣ 300.000 р. и переселилось 600 еврейскихъ семействъ изъ 3.640 душъ обоего пола и еще 300 семействъ ожидали переселенія. Но вдругъ это переселеніе было приостановлено вслѣдствіе донесенія Херсонскаго военного губернатора, что „по непривычкѣ евреямъ къ хлѣбопашеству и по нечистотѣ въ жизни ихъ, смертность между ними весьма велика и что переселять ихъ болѣе не должно, развѣ чрезъ два или три года по испытаніи склонности ихъ къ сему роду жизни“*. За тѣмъ изъ дальнѣйшихъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ въ отношеніи улучшенія быта Новороссійскихъ поселенцевъ ихъ евреямъ, видно, что въ 1820 году по министерствамъ духовныхъ дѣлъ и финансовъ сдѣлано было предположеніе, чтобы евреямъ, за упущенія въ платежѣ податей, обращать въ нестроевую военную службу, и что „въ уваженіе къ неустроенному положенію еврейскихъ поселенцевъ Новороссійскаго края отъ потерѣнныхъ ими съ самаго начала водворенія болѣзней и смертностей, надежа скота и вообще непривычки къ земледѣльческимъ упражненіямъ,“ десятилѣтняя льгота отъ податей была въ 1817 г. продолжена еще на 5 лѣтъ, а взыскаіііе казенныхъ долговъ по водворенію евреевъ на 30 лѣтъ, по примѣру Данцигскихъ колонистовъ. Кромѣ этого видно, что вслѣдствіе представленія главнаго попечителя и председателя комитета о колонистахъ Южнаго края Россіи генералъ-лейтенанта Инзова и ходатайства управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, признано было живая невозможность взыскаіііе съ еврейскихъ поселенцевъ Новороссійскаго края подати наравнѣ съ казенными крестьянами, и на этомъ основаніи допущены были облегченія въ податяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу ходатайства того-же попечителя объ освобожденіи еврейскихъ поселенцевъ отъ рекрутской повинности, министерство признало возможнымъ

* И. П. С. З. Т XXXI № 24185.

образовать изъ евреевъ пятисотнаи роты съ употребленіемъ ихъ для исправленія земляныхъ работъ, общественныхъ или дорожныхъ, подъ надзоромъ военно-рабочихъ офицеровъ. При этомъ министръ выразилъ мысль, что считается вообще учрежденіе этихъ еврейскихъ военно-рабочихъ ротъ весьма полезнымъ не только для прекращенія бродяжничества, праздности и бѣдности между евреями, но и для укорененія въ нихъ любви къ порядку и къ благоустройству въ гражданской жизни*. Хотя осуществленіе этой послѣдней мѣры было отложено до учрежденія общаго положенія о евреяхъ, но она достаточно характеризуетъ тѣ средства, которыя въ высшихъ правительственныхъ сферахъ того времени считались цѣлесообразными, въ смыслѣ искорененія бѣдности еврейскихъ массъ.

Но правительство не останавливалось на однихъ приведенныхъ выше мѣрахъ, ибо необходимо было уменьшить неблагонадежное въ экономическомъ смыслѣ населеніе евреевъ. Въ этихъ видахъ въ 1828 г. воспрещено было водворяться въ Россіи евреямъ Царства Польскаго, какъ говорится въ положеніи Комитета Министровъ, „дабы преградить чрезвычайное размноженіе въ Россіи сихъ людей (евреевъ) болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ для государства“**. Затѣмъ, когда въ 1829 г. возникъ вопросъ объ уменьшеніи числа курляндскихъ и ливонскихъ евреевъ, было указано на то, что и при самомъ учрежденіи Еврейскаго Комитета въ число его обязанностей именно было постановлено, чтобы онъ имѣлъ въ виду „мѣры къ уменьшенію евреевъ вообще въ государствѣ и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не слишкомъ умножились“ †, — и чтобы покончить развѣ навсегда съ еврейскимъ скитальческимъ населеніемъ, постановлено было, изъ прописныхъ евреевъ всѣхъ способныхъ отдавать въ военную службу, а неспособныхъ съсылать въ Сибирь на поселеніе ††. Эта послѣдняя мѣра, хотя очень мало содѣйствовала искорененію бѣдности евреевъ, но она по-свѣдательно вытекала изъ задачи правительства уменьшить число евреевъ въ Россіи.

Но смотря, однако, на неудачу всѣхъ изложенныхъ временныхъ и частныхъ мѣръ, или быть можетъ въ силу этой неудачи, правительство озачебно было вплоть до начала пятидесятыхъ годовъ одною мыслию о томъ, какія болѣе постоянныя и общія или, лучше сказать, радикальныя мѣры предпринять противъ еврейскаго пролетариата. Нужно было создать общее положеніе, въ силу котораго можно было бы, по особымъ развѣ на всегда

* И. П. С. З. Т I № 52. ** И. П. С. З. Т III № 2358. † И. П. С. З. Т IV № 2848. †† Тамъ же.

установленным признакам, выдѣлить изъ еврейскаго племени все бездомное и безродное сакилотство и образовать изъ него особое сословіе съ крайне ограниченными юридическимъ положеніемъ. И дѣйствительно, въ указѣ 22 ноября 1851 г. говорится слѣдующее: «Желаю обратитъ ихъ (подданныхъ еврейскаго исповѣданія) къ правильнымъ занятіямъ по части торговли, ремеслъ и мануфактурной и земледѣльческой промышленности. Мы признали за благо издать въ послѣднее время многія узаконенія для достиженія изъясненной цѣли. Съ тою же цѣлю, по повелѣнію Намему, мѣстныхъ начальства губерній, въ которыхъ постоянное жительство евреевъ дозволено, оповѣстили въ 1846 г. особымъ объявленіемъ всѣхъ евреевъ, чтобы они не откладывали далѣе вступленія своего въ указанная имъ сословія, предаривитъ ихъ, что въ случаѣ безуспѣшности сей мѣры, правительство само произведетъ имъ разборъ; причесть, отдѣливъ евреевъ, *неимѣющихъ производительнаго труда*, подвергнуть ихъ, какъ тягостныхъ для общества, разнымъ ограниченіямъ. Принимая во вниманіе, что съ того времени протекло болѣе 5 лѣтъ, и всякій, кто желалъ, могъ безъ малѣйшаго стѣсненія избрать себѣ одно изъ упомянутыхъ сословій, Мы признали нужнымъ предположенную въ 1846 г., относительно окончательнаго разбора еврейскаго населенія, мѣру привести въ дѣйствіе къ 1 июля 1852 г.»*.

Мѣра эта состояла въ раздѣленіи евреевъ на 5 разрядовъ, которое въ то время наводило паничскій страхъ, потому что болѣе $\frac{1}{3}$ еврейскаго населенія должны были бы перейти въ разрядъ узаконенныхъ туземцевъ, объ ограниченномъ положеніи которыхъ имѣли весьма смутное понятіе, такъ какъ она должна была опредѣлиться лишь по разборѣ всѣхъ евреевъ въ теченіе указанного въ законѣ срока. Всѣ евреи, по утвержденнымъ временнымъ правиламъ объ ихъ разборѣ, должны были раздѣлиться на 5 разрядовъ: 1) купцовъ, 2) земледѣльцевъ, 3) ремесленниковъ, 4) мѣщанъ осѣдлыхъ, и 5) *мѣщанъ неосѣдлыхъ*. Ко 2 разряду должны были принадлежать всѣ евреи, дѣйствительно занимающіеся лично хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ или сельскою промышленностью на земляхъ собственныхъ, казенныхъ или владѣльческихъ, если воздѣлываемая или употребляемая подъ скотоводство земля, или-же содержимое сельско-промышленное заведеніе стоятъ не менѣе 80 рублей. Къ 3 разряду должны были принадлежать евреи, записанные въ установленные цехи. Къ 4—евреи, которые имѣютъ недвижимую собственность цѣною не ниже въ губернскихъ городахъ 300, въ портовыхъ

* В. И. С. З. Т. XXVI, № 25, 786.

250, въ уѣднскихъ 200, а въ мѣстечкахъ 80 руб. Къ этому же разряду должны были принадлежать и всѣ служащіе евреи, а также имѣющіе ученую степень и знаки отличія. Затѣмъ всѣ прочіе евреи должны были составить 5-й разрядъ мѣщанъ неосѣдлыхъ, которые, «какъ неимѣющіе производительнаго труда, подвергаются, на основаніи особаго о томъ положенія, разнымъ въ правахъ состоянія ограниченіямъ, и въ томъ числѣ усиленной рекрутской повинности»*. Но чрезъ годъ сроки для разбора евреевъ были продолжены, и самая мѣра о распределеніи евреевъ на разряды по ихъ экономическому положенію, не будучи приведена въ дѣйствіе, какъ всѣ прочія временныя мѣры, осталась одною мертвою буквою. Мы имѣемъ положительное основаніе думать, что правительство, приведши по спискамъ мѣстныхъ начальствъ въ извѣстность численность еврейскаго пролетаріата, убѣдилось въ невозможности образовать изъ громадной массы немущихъ и физически истощенныхъ людей какое нибудь сословіе, которое въ случаѣ установленія его, потребовало бы прежде всего немовѣрныхъ расходовъ на содержаніе, даже въ томъ случаѣ, когда бы изъ этого, долженствовавшего подлежать усиленной рекрутской повинности, сословія сформировали задуманныя въ двадцатыхъ годахъ военно-работчія пяти-сотныя еврейскія роты.

Въ то же время, когда правительство думало осуществить мысль о разборѣ евреевъ по разрядамъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало къ жизни законъ, который оказалъ немалое вліяніе на усиліе бѣдности въ низшемъ классѣ евреевъ затрудненіемъ ему пути ко многимъ тяжелымъ занятіямъ, считавшимся до того свободными для всѣхъ классовъ населенія Россіи безъ различія исповѣданія. Таковыя занятія мостовщиковъ, землекоповъ, каменичниковъ, камнетесцевъ, плотниковъ, штукатуровъ, чернорабочихъ, поденщиковъ и др. Евреи, желавшіе обратиться къ этимъ занятіямъ, петробоавшимъ вообще записки въ цехъ, должны были образовать особое, такъ называемое *неремесленные* цехи, для вступленія въ которые установлены были довольно стѣснительныя условія, въ родѣ удостовѣренія полицейскихъ и городскихъ мѣстъ, а также подрячниковъ въ дѣйствительномъ исполненіи сказанныхъ работъ, или-же—въ къоторыхъ случаяхъ—и особаго одобрительнаго свидѣтельства мѣстнаго общества. При этомъ и записавшіе въ неремесленные цехи, для евреевъ установленные, не должны превышать числомъ установленной по числу дворовъ данной мѣстности нормы (въ

* Тамъ-же.

губернских и уездных городах—трех человекъ, а въ городахъ заштатныхъ и въ мѣстечкахъ—двухъ на каждый дворъ). Независимо отъ этихъ условій постановлено также выдавать всѣмъ записавшимся въ перемесленные цехи евреямъ особые годовые билеты съ установленіемъ особыхъ сроковъ выдачи ихъ и переѣзды, и учрежденъ также контроль надъ занятіями въ теченіи года съ обязательною отмѣткою времени, въ теченіи котораго еврейской работѣ не производилъ работъ по болѣзни. За ложныя свидѣтельства и удостовѣренія хозяева и подрядчики передаются уголовному суду и наказываются по уложенію о наказаніяхъ.* Очевидно дѣло, что законъ этотъ, существующій по настоящее время, имѣлъ своею цѣлю устранить конкуренцію евреямъ въ наиболее употребительныхъ и распространенныхъ занятіяхъ, помощью которыхъ можно снимать себя во всякое время средства къ существованію, и что онъ, быть можетъ, вызванъ жалобами христіанскихъ рабочихъ о стѣснительности еврейской конкуренціи на поприщѣ подрядныхъ работъ, какъ это не разъ было при столкновеніи интересовъ еврейскихъ и нееврейскихъ ремесленниковъ въ Житомирѣ, Митавѣ и др. городахъ.** Какъ бы то ни было, вслѣдствіе регламентаціи правилъ о еврейскихъ перемесленныхъ цехахъ, цѣлѣный классъ рабочаго населенія евреямъ долженъ былъ оставить свой родъ занятій, потому что никакой хозяйнѣ и никакой подрядчикъ не станетъ имѣть дѣла съ еврейскимъ рабочимъ, за котораго онъ долженъ выдавать удостовѣренія и дѣлать различныя отмѣтки и быть вѣчно подъ страхомъ уголовного наказанія. Единственно гдѣ нибудь въ Россіи существуетъ хоть одинъ перемесленный цехъ для евреямъ установленный; между тѣмъ тѣ обстоятельства, которыя въ 1852 г. живо интересовали многочисленный классъ еврейскаго рабочаго населенія и служили источникомъ борьбы двухъ конкурирующихъ между собою элементовъ, въ настоящее время, чрезъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ, совершенно забыты, — и, сверхъ исключенія евреямъ отъ извѣстнаго разряда занятій, законъ этотъ, не только не получившій никакой популярности, но врядъ ли кому либо извѣстный, при жизни еще оставилъ евреямъ упрекъ въ томъ, что они не занимаются тяжелымъ трудомъ мостовщика, землекопа, каменщика, плотника, штукатурщика и проч. Но этотъ несправедливый упрекъ еще не такъ важенъ какъ то, что законъ о перемесленныхъ еврейскихъ цехахъ, исключивъ евреямъ отъ занятія самыми многочисленными и

часто-производящими работами, обратилъ ихъ къ занятіямъ ремесленнымъ, вслѣдствіе чего еврейскіе ремесленники стали переполнять мѣста осѣдлости евреямъ, предложеніе ремесленного труда стало превышать естественные предѣлы запроса, самъ трудъ лишился необходимыхъ условій усовершенствованія, и въ концѣ концовъ это положеніе повело къ столкновенію съ интересами христіанскихъ ремесленниковъ и къ развитію крайней бѣдности въ средѣ еврейскаго ремесленнаго сословія. Чрезъ 13 лѣтъ послѣ изданія закона о перемесленныхъ еврейскихъ цехахъ, правительство убѣдилось въ томъ, что «еврейскіе ремесленники, скопленные въ мѣстахъ ихъ постоянной осѣдлости среди населенія, болѣею частью бѣднаго, нуждаются въ заказахъ, запрашиваютъ за работу крайне низкую плату, въ ущербъ прочности и изяществу отдѣлки, стараются лишь о томъ, чтобы дешевиною издѣлій сдѣлала ихъ доступными массѣ потребителей, стремленіе христіанскихъ ремесленниковъ къ той же цѣли и тѣми же путями порождаетъ между ними и евреями преувеличенное соперничество, вредно дѣйствующее на благосостояніе тѣхъ и другихъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и постоянное накопленіе на евреяхъ непоплатныхъ недоимокъ, и не смотря на то, что подушная подать съ мѣщанъ отмѣнена еще съ начала 1863 г. и что съ коробоचनाго сбора отчисляются ежегодно значительныя суммы на покрытіе слѣдующихъ съ евреямъ казенныхъ платежей, податныя недоимки не уплачены еврейскими общинами и по настоящее время».*

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ выше причинъ бѣдности еврейскаго населенія, самую главную слѣдуетъ считать тяжелый гнетъ сборовъ и повинностей, которыми обложены евреи во всѣхъ владѣльческихъ городахъ западныхъ губерній на основаніи вотчинныхъ правъ ихъ владѣльцевъ (въ одномъ Юго-Западномъ краѣ 347 владѣльческихъ городскихъ поселеній). Сборъ эти довольно разнообразны: торговый, аржарочный, мостильный, рогатковый, копытковый, каменный, дышловый, въездный, полѣнный и пр. Затѣмъ существуютъ различныя повинности, денежная и издѣльная; разныя монополіи при возведеніи построекъ, молотбѣ хлѣба, устройствѣ фабричныхъ заведеній; данины, лаудеи и т. п. Въ Бердичевѣ, напримѣръ, доходы владѣльца простираются въ настоящее время до 70000 р. въ годъ, а въ прежнее время составляли гораздо болѣеую сумму. Самыя статьи сбора въ разныхъ городахъ Юго-Западнаго края доходять до 28 и болѣе **. Такимъ образомъ, евреи, сверхъ государственныхъ податей и по-

* В. П. С. З. Т. XXVII № 28,171; т. XI Т. II Уст. Ремесл. Св. Зак. ст. 4 примѣч. I.

** В. П. С. З. Т. XXI № 20021; Т. XXIII № 22,348.

* В. П. С. З. Т. XL № 42,364, ** Евреи въ Россіи И. Оршанскаго

винностей, сверх особых, специально для них установленных сборов—коробочного и свѣчнаго, обременены еще налогами и повинностями въ силу ихъ крѣпостныхъ отношеній къ владѣльческимъ городамъ и мѣстечкамъ, которая въ 1866 г. уничтожены въ одномъ царствѣ Польскомъ и продолжаются еще по нынѣ въ западныхъ губерніяхъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что правительство, проникнутое мыслью о необходимости обезпечить себѣ исправный платежъ податей и повинностей со стороны евреевъ, съ самаго начала присоединенія западныхъ губерній вело упорную борьбу съ еврейскимъ пролетариатомъ, прибѣгая къ различнымъ частнымъ и временнымъ, общимъ и постояннымъ—мѣрамъ, имѣвшимъ цѣлю прегражденіе чрезвычайнаго размноженія нищенствующихъ евреевъ—и извлеченіе изъ него пользы обращеніемъ ихъ въ особая сословія съ принудительною работою,—но что всѣ эти мѣры оказались безсильными противъ мутниваго глубокаго корня пауперизма еврейскихъ массъ, образовавшагося подъ вліяніемъ вѣковыхъ историческихъ условий. Все высказанное нами документально подтверждено указанными выше законодательными актами, несомнѣнно свидѣтельствующими, что евреи, какъ податное сословіе, всегда оказывались платежно-несостоятельными. При такихъ ясныхъ доказательствахъ бѣдности евреевъ въ массѣ и при такихъ очевидныхъ источникахъ образованія этой бѣдности, едва-ли можно будетъ согласиться съ основною мыслью «Киевлянина», что евреи собственно отличаются платежною состоятельностью, но вѣчески уклоняются отъ платежа податей и повинностей, и что по этому является необходимою примѣненія къ нимъ такого строгаго способа взиманія податей и повинностей, каковымъ представляется коробочный сборъ въ настоящей его формѣ.

Чтобы доказать, что евреи сравнительно не такъ бѣдны, «Киевлянинъ» приводитъ количество потребляемаго каждымъ евреемъ въ годъ мяса, которое составляетъ по его расчету 46½ фунтовъ, и восклицаетъ: «Такое отношеніе, не возможное ни въ какомъ другомъ изъ податныхъ сословій, можетъ служить мѣриломъ всеобщей бѣдности евреевъ»*. Но если проверить тѣ цифры, изъ которыхъ «Киевлянинъ» выводитъ 46½ ф. мяса на еврейскую душу въ годъ, то увидимъ, что онъ допустилъ невозможное предположеніе. За четырехдѣтніе (66—70 г.) коробочный сборъ получаетъ ежегодно 233.935 р., слѣдовательно, говоритъ «Киевлянинъ», евреи Киев-

ской губерніи потребляютъ не менѣе 11.696,777 ф. мяса, а такъ какъ евреевъ въ Киевской губерніи 250.804 человѣка, то на каждого приходится въ годъ 46½ ф. Но если на 233.935 р. положить 11.696.777 ф. мяса, то фунтъ мяса стоитъ 2 съ чѣмъ то копейки, а это именно невозможно, съ чѣмъ каждый согласится. Если-же принять, что фунтъ еврейскаго кашернаго мяса стоитъ 8 копѣекъ, ниже чего и быть не можетъ, то цифры измѣнятся: на 233.935 р. придется 2.924.187 ф., которые, по раздѣленіи на 250.804 души, дадутъ въ результатѣ невозможное ни въ какомъ другомъ податномъ сословіи отношеніе 11½ ф. на человѣка въ годъ. Но и это послѣднее отношеніе значительно измѣнится, если не считать такого мнимума, какъ мы положили (8 к.) и если принять во вниманіе, что каждый богатый еврей потребляетъ гораздо болѣе 11½ ф. мяса въ годъ.

Еще страннѣе другое доказательство «Киевлянина», состоящее въ томъ, что евреи составляютъ 10% всей массы населенія Западнаго края и имѣютъ въ своихъ рукахъ 36% всѣхъ фабрикъ и заводовъ, и что изъ 47 почтовыхъ станцій Киевской губ. 42 находятся въ рукахъ евреевъ. Это можетъ быть и вѣрно, но да не забудетъ «Киевлянинъ», что, говоря о всеобщей бѣдности евреевъ, нельзя говорить о тѣхъ евреяхъ, которые содержатъ фабричныя заведенія и почтовые станціи, точно также, какъ нельзя было бы намъ, при желаніи, положить, доказать завидное положеніе крестьянъ сосланы на Губонина, Овсянникова и друг. Подъ бѣдными евреями мы разумѣемъ тотъ несчастный пролетариатъ, которымъ переполненъ Западный край, на который указываетъ каждый честный изслѣдователь, имѣвшій случай съ нимъ встрѣтиться,—то именно жалкое, чалое, истощенное населеніе, которое можно упрятать въ карманъ развѣ лишь одному—«Киевлянину».

V

Третья группа—*общественная надобности евреевъ*.—Оправданіе существованія коробочнаго сбора религиозными и національными особенностями евреевъ.—Неосновательность этого взгляда.—Злоупотребленія коробочнымъ сборомъ и вызванная ими смута и волненія въ средѣ еврейскихъ обществъ.—Революція Алтера Залика.—Борьба еврейской массы съ мѣрдами.—Источники волненій.—Обязательность или необязательность расходовъ на еврейскія общественныя надобности въ связи съ вопросомъ: обуславливается-ли необходимость существованія отдѣльныхъ еврейскихъ общественныхъ учрежденій національною особенностью евреевъ, или установившимися противъ нихъ въ окружающей ихъ средѣ предрассудками?

На третью группу предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора, на такъ называемыя общественныя надобности, смотритъ какъ на

источник религиозных и национальных особенностей евреев. Обыкновенно говорят, что до подчинения коробочного сбора правительственному контролю, евреи уже пользовались им для удовлетворения своих надобностей, и так как он есть налог на *кошер*, употребляемый евреями с целью препятствовать слиянию их с другими народами, то они сами виноваты в том, что относительно их установлены исключительные налоги. За тѣмъ прибавляют, что, в виду существующих по коробочному сбору злоупотреблений, в которыхъ опять таки виновны одни евреи, необходимо исключить изъ числа обязательныхъ расхода на удовлетворение общественныхъ надобностей, представивъ эти послѣднія усмотрѣнію самихъ евреевъ и оставивъ коробочный сборъ лишь для удовлетворения общественныхъ долговъ и государственныхъ податей и повинностей.

Эти искусственно созданныя комбинаціи и сдѣланные изъ нихъ выводы не оправдываются ни исторіею коробочнаго сбора, ни современною дѣятельностью. Изъ вышеизложеннаго историческаго обзора постепеннаго развитія группъ предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора, ясно видно, что удовлетворение общественныхъ надобностей составляетъ послѣдній моментъ этого развитія. Стало бытъ учрежденіе коробочнаго сбора самими евреями имѣло первоначальную цѣлью удовлетвореніе долговъ и государственныхъ податей и керенитя, такимъ образомъ, не въ религиозныхъ и национальных особенностяхъ евреевъ, а въ ихъ гражданскомъ состояніи какъ подданныхъ государства.

Странно было бы думать опять, что еврею слѣдуетъ наказывать за то, что они употребляютъ *кошер*, т. е. мясо, приготовленное согласно съ обрядами и предписаніями ихъ религіи, и собственно потому, что этотъ *кошер* имѣетъ цѣлью разединеніе съ другими народами (это «Кіевлянинъ» слышалъ самъ изъ устъ образованнаго еврея—самый вѣрный источникъ). Это мнѣніе на столько же основательно, на сколько было бы основательно нааримиръ мнѣніе, что установленіе поста имѣетъ цѣлью разединеніе православныхъ съ другими народами и что предметы постной пищи слѣдуетъ облаживать, по этому, особымъ налогомъ. Цѣль *кошера* состояла прежде всего въ томъ, чтобы сохранить въ народѣ чистоту и нравственность, съ одной стороны—предохраненіемъ его отъ употребленія нездоровой мясной пищи и сосредоточеніемъ въ этихъ видахъ изслѣдованія скота въ рукахъ специалистовъ, а съ другой—устраненіемъ возможности развитія въ массѣ кроважадныхъ инстинктовъ. Первое предохраняетъ евреевъ отъ многихъ часто встрѣчающихся болѣзней, происходящихъ отъ зараженія мясною пищею, а

второе поддерживаетъ въ нихъ отвращеніе къ крови и служить одною изъ причинъ, что по уголовной статистикѣ самый незначительный процентъ убійствъ падаетъ на долю евреевъ. Если бы *кошер* даже не имѣлъ въ виду никакихъ гигиенически-нравственныхъ цѣлей, а составлялъ бы одну лишь догму, значеніе которой затерялось въ исторической древности, то и тогда было бы несправедливо облагать его налогомъ какъ религиозный обрядъ, котораго придерживаются евреи: разсуждая такимъ образомъ, уничтожаютъ идею о религиозной терпимости, которая по нашему законодательству пріимается и къ евреямъ. Если мясо облагается коробочнымъ сборомъ по нашему закону, то оно облагается не со стороны религиозной обрядности, а со стороны его удобности. Самымъ лучшимъ тому доказательствомъ служить то, что обложеніе мяса налогомъ изобрѣтено самими евреями, а они сами не стали бы облагать его налогомъ какъ предметъ религиозный. Слѣдовательно, несомнѣнно, что еврейское мясо обложено сборомъ просто по удобности его къ такому обложенію.

Если же учрежденіе коробочнаго сбора вызвано гражданскимъ состояніемъ евреевъ, а обложеніе имъ мяса объясняется удобностью его, то за евреями останется еще упрекъ въ томъ, что они злоупотребляютъ коробочнымъ сборомъ. Злоупотребленія эти, по мнѣнію «Кіевлянина», состоятъ въ занесеніи въ сѣбѣ такихъ расходовъ на несуществующія потребности, которые удовлетворяются изъ другихъ источниковъ. На этомъ основаніи онъ приходитъ къ заключенію, что необходимо уничтожить обязательность расходовъ на предметы благотворительности и что этимъ самымъ подожится конецъ всѣмъ волненіямъ и смутамъ, происходящимъ въ средѣ еврейскихъ обществъ*.

Общій недостатокъ всѣхъ русскихъ публицистовъ, подходящихъ къ еврейскому вопросу съ извѣстнаго рода предубѣжденіемъ, заключается въ томъ, что они дѣлаютъ неправильные выводы изъ констатируемыхъ ими фактовъ. Изъ того, что бывають злоупотребленія коробочнымъ сборомъ, а вслѣдствіе ихъ—волненія и смуты, вовсе не слѣдуетъ еще, что расходы на дѣла благотворительности должны быть исключены изъ числа обязательныхъ; а правдыѣ будетъ энергическими мѣрами содѣйствовать искоренѣнію злоупотребленій. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что злоупотребленія, допускаемыя евреями въ требованіи расходовъ на такія надобности

* «Кіевлянинъ» 1868 г. №20 105—107.

(каковы содержание синагог, бань), которые удовлетворяются своими собственными источниками, и предназначении их для незаконных цѣлей (выдача пособій цадикамъ и т. п.) не зависятъ отъ однихъ евреевъ. Волнения же и смуты еврейскихъ обществъ большею частью происходятъ не отъ узаконныхъ злоупотреблений, а совершенно отъ другихъ, коренящихся въ самомъ положеніи о коробочномъ сборѣ и въ социальныхъ условіяхъ нашей жизни вообще.

Какъ известно изъ приведенныхъ выше правилъ о коробочномъ сборѣ, смѣты по коробочнымъ сборамъ, составляемымъ евреями при участіи городскихъ учреждений, утверждаются губернскимъ начальствомъ. Неужели и ближайшее и отдаленное начальства дѣйствуютъ совершенно безсознательно, руководимы однимъ желаніемъ евреевъ въ опредѣленіи ихъ нуждъ и потребностей? Въ такомъ случаѣ пришлось бы вынести убѣжденіе, что установленный закономъ контроль остается жертвою буквы, а начальство превращается въ машину, дѣйствующую по прихотямъ еврейскихъ обществъ. Это было бы весьма печально. Но еще печальнѣе то, что во многихъ мѣстахъ значительная статья негласныхъ расходовъ, обращаемихъ въ смѣты на предметы, удовлетворяемые изъ своихъ собственныхъ источниковъ, не всегда составляютъ одни расходы на пособія цадикамъ и т. п. цѣли, но и другіе, имѣющие непосредственную задачу сообщить смѣтамъ силу законности, облечь ихъ въ формальную дѣйствительность. «Хотя на основаніи закона, говорится въ журналѣ упомянутой выше комиссіи, думы обязываются приглашать при обсужденіи предстоящихъ на наступающее четырехлѣтіе расходовъ, для совѣщанія, осѣдлыхъ и зажиточныхъ членовъ еврейскихъ обществъ; но известно, что мѣра эта практически не достигаетъ своей цѣли, или вовсе не приводится въ исполненіе. Отъ этого смѣты еврейскихъ обществъ, какъ видно изъ имѣющихся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣній, составляются, такъ сказать, машинально; ибо въ каждую смѣту вносятся предъ началомъ четырехлѣтія многообразные расходы, какъ напримѣръ: на содержаніе бѣдныхъ учениковъ, погребеніе умершихъ бѣдныхъ, содержаніе синагогъ и бань, а также на постройку и починку общественныхъ зданій и другія мѣстные потребности; однимъ словомъ, на всѣ статьи, узаконяемыя положеніемъ, безъ всякаго соображенія—будетъ ли предостать въ нихъ надобность, или нѣтъ, и тогда какъ многія изъ этихъ учреждений, какъ напр., синагоги, бани и т. д. имѣютъ свои собственные статьи дохода и не нуждаются вовсе въ пособіяхъ изъ суммъ коробочнаго сбора. Наконецъ, отпущенныя деньги, какъ извѣстно, не всегда

достигаютъ своей цѣли, и весьма часто остаются въ рукахъ лицъ, распоряжающихся еврейскими учрежденіями. Изъ сего явствуетъ, что при настоящемъ положеніи дѣла еврейскія общества совершенно устранены отъ наблюденія за употребленіемъ суммъ коробочнаго сбора по ихъ назначенію». Но въ весьма рѣдкихъ исключеніяхъ, гдѣ вслѣдствіе бдительности контроля противозаконныя стремленія еврейскихъ обществъ встрѣчаютъ отпоръ, самыя злоупотребленія не воспринимаютъ никакой силы, и расходы, такимъ образомъ, сокращаются вдвойнѣ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что только односторонность во взглядѣ можетъ приписывать существованіе сказанныхъ злоупотреблений исключительно однимъ евреямъ, игнорируя притомъ самую главную силу, обязательное содѣйствіе, которое необходимо для того, чтобы злоупотребленія изъ предположенія перешли въ дѣйствительную жизнь.

Но не въ одномъ маскированіи статей расходовъ заключаются злоупотребленія по коробочному сбору. Этотъ источникъ злоупотребленій, безъ сомнѣнія, въ своемъ результатѣ имѣетъ искусственное увеличеніе расходовъ, которые ложатся тяжелымъ гнетомъ на бѣдную массу евреевъ, эксплуатируемую вкоренившимися въ ихъ средѣ мѣрфодами. Но еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ злоупотребленія откупщиковъ и компаній, противъ которыхъ безсилны и начальство, и которые находятъ себѣ опору въ самомъ положеніи о коробочномъ сборѣ. Между тѣмъ, эти злоупотребленія касаются непосредственно одного изъ жизненныхъ вопросовъ—возможности или невозможности употребленія мяса. Не смотря на условія заключеннаго съ откупщикомъ договора, устанавлиющія обыкновенно максимумъ цѣны на мясо, послѣдній произвольно возвышается подъ разными предлогами въ той уѣзвенности, что въ самомъ крайнемъ случаѣ, когда даже воли массы дойдутъ до властей и будутъ ими услышаны, придется уплатить установленный положеніемъ незначительный штрафъ въ 5 р. Вотъ эти то дешево оплачиваемыя злоупотребленія и производятъ подчасъ въ средѣ бѣднаго класса еврейскаго населенія смуты, которыя вызываютъ иногда весьма серьезныя послѣдствія. Можно сказать, что во всѣхъ городахъ Западнаго края коробочный сборъ раздѣляетъ евреевъ на 2 рѣзкія группы—состоятельныхъ и бѣдняковъ. Состоятельные обязаны по коробочному сбору отвѣчать за всѣхъ немущихъ, а потому естественно, при настоящихъ условіяхъ общественной жизни, стремленіе со стороны болѣе состоятельныхъ къ увеличенію суммъ коробочнаго сбора на счетъ того населенія, за которое имъ вервѣю приходится расплачиваться. Кромѣ того, состоятельные евреи считаютъ, что на ихъ счетъ падаютъ всѣ средства, необходимыя на содержа-

ние бѣдныхъ евреевъ въ больницахъ и другихъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Бѣдники же, участвуя послѣдними силами въ коробочномъ сборѣ, съ своей стороны полагаютъ, что они въ своемъ лицѣ представляютъ и благотворителей, и благотворимыхъ, и что они, напротивъ, содѣйствуютъ почасъ своими кровными средствами сооруженію такихъ зданій, которыя полезны лишь для однихъ богатыхъ и въ которыя имъ даже прегражденъ доступъ. „Справедливо ли, замѣчаетъ бывшій Новороссійскій и Вессарабскій генералъ-губернаторъ графъ Строгоновъ, заставлять бѣдняка-еврея, посредство участія въ коробочномъ сборѣ, давать пособие на богоугодное заведеніе, т. е. заставлять давать пособие бѣднымъ того, кто самъ бѣденъ? Справедливо ли требовать отъ недостаточнаго человѣка жертвы на постройку весьма дорого-стоющаго зданія синагоги, возведеніе которой задумали представители общества—люди съ недостаточными средствами?“*

Сверхъ того, многочисленный классъ бѣдниковъ совершенно лишнею совѣщательнаго голоса въ дѣлахъ коробочнаго сбора—городскія учрежденія составляютъ смѣты расходамъ при участіи однихъ лишь зажиточныхъ и обѣдлыхъ евреевъ—и не имѣютъ даже права требовать отчетности въ расходованіи суммъ согласно ихъ смѣтному назначенію. Вслѣдствіе этого бѣдный классъ евреевъ считаетъ себя отданымъ на откупъ болѣе состоятельнымъ и не въ состоянн въ самомъ началѣ предупреждать возможность будущихъ злоупотребленій. Естественно поэтому, что ему остается одинъ путь для защиты своихъ правъ, путь жалобы по началству, а въ случаѣ неудачи—путь протеста противъ злоупотребленій откупщиковъ и міроѣдовъ, для котораго употребляются различныя средства, лишь бы привлечь вниманіе и вѣзвѣстельство властей. Чтобы убѣдить нагляднѣйшимъ образомъ въ томъ, до чего иногда доходятъ ухищренія въ стѣсненіяхъ со стороны откупщиковъ и въ чемъ выражается протестъ бѣднаго класса населенія, достаточно указать на получившаго въ юго-западномъ краѣ популярности Алтера Занку, горячаго протестанта во имя интересовъ бѣднаго класса, окруженнаго до сихъ поръ ореоломъ мученика, вызвавшего къ себѣ полное сочувствіе мѣстной печати и доставившаго народнымъ еврейскимъ писателямъ прекрасный матеріалъ для драматическихъ и беллетристическихъ произведеній (въ родѣ „Такса“, или „Шайна грабителей“, „Тайны такого города“ и т. п.). Дѣло въ томъ, что въ одномъ городѣ юго-западнаго края, въ которомъ откупщики до нельзя подняли цѣну на мясо, оставивъ

при этомъ неизмѣненно таксу на рѣзаніе птицъ, размножились въ значительномъ количествѣ такъ называемые калькутскіе пѣтухи, отличающіеся сравнительно большимъ вѣсомъ. Алтеръ Занка, дряхлый и бѣдный старикъ, по душею преданный интересамъ бѣднаго класса, пошелъ на мысль, вмѣсто волового мяса, употреблять калькутскихъ пѣтуховъ. Примеру его послѣдовали и всѣ другіе бѣдники, и этотъ маневръ имѣлъ послѣдствіемъ значительное уменьшеніе доходовъ съ коробочнаго сбора, ибо увеличенный въ размѣрѣ акцизъ, который приходилось-бы уплатить за нѣсколько фунтовъ говядины, значительно, быть можетъ вѣноро, перевышалъ таксу акциза, положенную на рѣзаніе птицъ, имѣющихъ тотъ-же вѣс. Расслѣдовавъ причину обнаруженнаго явленія, откупщики стали прибѣгать къ довольно хитрымъ уловкамъ, съ цѣлю не вооружить противъ себя массы. Они возбудили у духовнаго раввина общій вопросъ—дозволено-ли по предписаніямъ религіи употреблять въ пищу калькутскихъ пѣтуховъ. Равнинъ, по недоумѣнію-ли или по неточному знанію, запретилъ. Запрещеніе это возмутило Алтера, который тоже былъ посвященъ въ лабиринтъ еврейской религіозной письменности, и онъ отправился къ раввину и доказывалъ ему что калькутскій пѣтухъ не помѣщенъ въ спискѣ запрещенныхъ птицъ. Равнинъ, поставленный въ неловкое положеніе и не желая, можетъ быть, отхѣнить свой собственный приговоръ, посоветовалъ Алтеру обратиться за разрѣшеніемъ вопроса къ извѣстнымъ авторитетамъ религіозной науки въ Галиціи. Алтеръ, не сообщая даже своему собственному семейству о задуманномъ планѣ, пѣшкомъ отправился въ Галицію, и чрезъ два, три мѣсяца возвратился оттуда и появился на форумѣ съ калькутскими пѣтухомъ въ рукахъ. Собравшемуся народу Алтеръ прочелъ причитаемое къ пѣтуху же рѣшеніе галиційскихъ авторитетовъ, имена которыхъ извѣстны массѣ, по которому калькутскіе пѣтухи дозволены закономъ въ пищу. Какъ электрическая искра разнеслась по всему городу—эта вѣсть, живо интересовавшая весь бѣдный классъ населенія, который видѣлъ въ Алтерѣ безкорыстнаго борца за правду во имя народныхъ интересовъ. Но не долго продолжалось это торжество; нашли средство избавиться отъ Алтера самимъ безцеремоннымъ и дешевымъ образомъ. Откупщики и міроѣды откопали у какого-то еврея старый вексель на Алтера, и при посредствѣ подставнаго лица и на основаніи 655 ст. вексельнаго устава подвергли его личному задержанію. Всѣ хлопоты жены и дочери его, равно какъ и студентовъ-евреевъ Кіевскаго университета, у губернатора и генералъ-губернатора остались безъ послѣдствій, и печальный старикъ продолжалъ тожить-

* См. Журналъ Коммисіи 1856 г.

са въ заключеніи. Между тѣмъ въ городѣ, гдѣ Алтеръ содержался насчетъ содержателей коробочнаго сбора, случилась ревизія почты, и между прочимъ найдены были неотправленными въ теченіе года пакеты на имя начальствующихъ лицъ и центральныхъ учреждений, и, какъ оказалось, пакеты эти были поданы на почту Алтеромъ. Чиновникъ особыхъ порученій, ревизовавшій почту, желая собрать у него свѣдѣнія объ этихъ пакетахъ, розыскала семейство Алтера и узнала, что онъ содержится въ тюрьмѣ по искусственно-созданному вексельному взысканію. Чиновникъ до того тронуть былъ несчастнымъ положеніемъ Алтера и семьи его, что оказалъ послѣдней пособіе изъ своихъ собственныхъ средствъ, и сверхъ того, узнавъ, что студенты-евреи принимаютъ близкое участіе въ судьбѣ Алтера, общался также, по пріѣздѣ на мѣсто, повидаться съ ними и придумать какой-нибудь способъ освобожденія Алтера. И дѣйствительно, чиновникъ сдержалъ слово и, убѣдившись въ томъ, что всякія ходатайства, клонившіяся къ обнаруженію злоупотребленій, которыя подали поводъ къ самому взысканію, бесполезны, онъ вмѣстѣ со студентами остановился на спасительной мѣрѣ собрать пожертвованія для выкупа Алтера изъ неволи посредствомъ уплаты по взысканію. Первый пожертвовалъ свою ленту самъ чиновникъ, затѣмъ студенты въ нѣсколько дней сколотили остальную сумму и внесли ее губернатору съ просьбою, телеграфировать объ освобожденіи Алтера. Алтеръ былъ освобожденъ; но когда деньги прібыли въ полицію, не оказалось кредитора. Испугавшись огласки, которую получило злостное дѣло Алтера, подставной кредиторъ заявилъ, что ему Алтеръ ничего не долженъ, а содержатели коробочнаго сбора отклонили отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ *.

Алтеръ не единственный продуктъ коробочнаго сбора: такихъ жертвъ насчитывается много—и вотъ злоупотребленія, которыя достойны вниманія общества и которыя коренятся преимущественно въ безответственности, допускаемой положеніемъ о коробочномъ сборѣ.

Но какъ бы злоупотребленія ни были велики, нельзя же все-таки думать, что они искоренятся, если расходы на еврейскія общественныя надобности сдѣлать необязательными. Нужно устранять причины, способствующія развитію этихъ злоупотребленій, но не лишать евреевъ средствъ, необходимыхъ на удовлетвореніе ихъ общественныхъ потребностей, тѣмъ

болѣе, что еще далеко не рѣшено—обусловливается ли существованіе отдѣльныхъ еврейскихъ учреждений особенностью евреевъ, или же предрасудками, установившимися противъ нихъ въ окружающей ихъ средѣ? Можно-ли съ увѣренностію сказать, что евреи теперь находятъ себѣ легкій доступъ въ общія учрежденія, когда въ этомъ представляется надобность, по недостатку-ли мѣста въ специально еврейскихъ учрежденіяхъ, или же по нежеланію самихъ евреевъ помыслиться въ этихъ послѣднихъ? Напротивъ, не только—если есть жалѣемый предлогъ—евреямъ де факто отказываютъ въ пріѣмѣ въ общія учрежденія, гдѣ они де jure могутъ быть принимаемы, но уже нередко при самомъ основаніи общихъ заведеній устанавливаются правила, преграждающія къ нимъ доступъ евреямъ, даже и тогда, когда они своими пожертвованіями принимаютъ участіе въ ихъ учрежденіи. Такъ, напр. по уставу Киевскаго Александровскаго Ремесленнаго училища тамъ не принимаются дѣти *не христіанскихъ исповѣданій*, хотя заведеніе это вызвано къ жизни капиталомъ, пожертвованнымъ первоначально на учрежденіе въ Киевѣ Александровскихъ Воротъ, въ образованіи котораго значительное участіе принимали евреи.... Во вниманіе къ тому, что евреи содѣйствовали своими средствами основанію этого заведенія, слова: „за исключеніемъ евреевъ“ дипломатически замѣнили словами: „за исключеніемъ нехристіанскихъ исповѣданій“. Мало того, есть примѣры противоположнаго характера. Ремесленное училище общества „Трудъ“, учрежденное въ Одессѣ евреями, пожелало переимѣнить свой уставъ въ томъ смыслѣ, чтобы открыть туда доступъ и дѣтямъ не-еврейскихъ исповѣданій,—и въ этомъ было отказано. При этихъ условіяхъ, возможно-ли, положи руку на сердце, сказать, что существованіе специально-еврейскихъ учреждений вызывается замкнутостію еврейскаго быта, а потому имъ слѣдуетъ отказать въ средствахъ на удовлетвореніе нуждъ этихъ заведеній даже изъ суммъ коробочнаго сбора, составляющаго специально для евреевъ установленный налогъ? Независимо отъ крайней несправедливости самой мѣры, предлагаемой „Киевляниномъ“—мѣры, которая, вслѣдствіе очевиднаго нежеланія признать неопровержимые факты, представляется весьма серьезный вопросъ: что стало бы съ евреями, если бы предоставитъ ихъ самимъ себѣ въ дѣлѣ устройства общественныхъ учреждений? Самъ „Киевлянинъ“ указываетъ на примѣръ евреевъ Царства Польскаго, которые, по уничтоженію въ 1862 г. коробочнаго сбора, ходатайствовали о восстановленіи его, вслѣдствіе оказавшагося огромнаго недобора въ суммахъ, предназначавшихся собственно на общественныя надобности по раскладкѣ.

* „Киевлянинъ“ 1869 г. №№ 25 и 101.

Этому можно вполне поверить, потому что при бедности еврейской массы, немалой трудно поддерживать уже существующия специально-еврейскія заведения, а тѣмъ менѣе, слѣдовательно, можно думать объ учрежденіи новыхъ, въ которыхъ, однако, чувствуется насущная потребность. Изъ богатыхъ-же русскихъ евреевъ очень не многие задаются серьезною мыслию объ улучшеніи быта своихъ бѣдныхъ собратьевъ. У насъ нѣтъ пока ни Монтефоре, ни Якобсоновъ, которые сверхъ матеріальныхъ пожертвованій, проникались-бы мыслию о необходимости улучшить жалкую участь еврейскій массъ западнаго края Россіи. Даже въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій къ намъ на помощь являюся наши иностранные единовѣрцы, въ которыхъ національное чувство еще согрѣто любовью къ страждущимъ собратьямъ. Кому не памятенъ голодъ, свирѣтовавшій въ 1870 году въ Ковенской губерніи, истреблявшій тысячами русскихъ евреевъ? Не богатые русскіе, а иностранные евреи приняли близко къ сердцу дѣло русскихъ евреевъ, и они признали участіе русской правительственной власти въ обсужденіи общихъ нѣтъ, которая представлялась, по ихъ убѣжденію, необходимыми въ видахъ искорененія причинъ крайней бѣдности евреевъ. Сколько тогда потрачено было средствъ на переселеніе русскихъ евреевъ въ другія страны: независимо отъ непосредственной помощи, одни германскіе евреи пожертвовали болѣе 200,000 таллеровъ на улучшеніе быта эмигрантовъ-евреевъ; французскіе и англійскіе евреи также открывали подписки для той же цѣли, образовали комитеты, спорили изъ за насъ между собою, а мы были апатичны къ этому дѣлу и даже, быть можетъ, разовались тому, что тифозная горячка, спутница свирѣтовавшаго тогда голода, снесеть въ могилу массу тѣхъ бѣдняковъ, которые молятъ намъ глаза, и избавить насъ отъ лишнихъ заботъ; мы, кажется, смотрѣли на нашихъ иностранныхъ единовѣрцевъ, какъ на наивныхъ дурачковъ, переселяющихъ къ себѣ массу людей, которымъ самый лучший исходъ указала незабвенная теорія Мальтуса. При такихъ условіяхъ, можно-ли рассчитывать, что еврейскія учрежденія будутъ устраиваться и поддерживаться добровольными пожертвованіями богатыхъ евреевъ? Правда, они иногда ознаменовываютъ извѣстныя событія крупными пожертвованіями, но при этомъ, вслѣдствіе крайняго либерализма, или по другимъ причинамъ, предназначаютъ свои пожертвованія почти исключительно въ пользу общихъ учреждений. Мы, конечно, не имѣемъ ничего противъ пожертвованій богатыми евреями гражданами суммъ въ пользу общихъ учреждений, но мы склонны думать, что не слѣдуетъ при этомъ забывать и своихъ собственныхъ единовѣрцевъ,

которые въ большинствѣ случаевъ не допускаются въ общія учрежденія, хотя бы и основанныя отчасти и на еврейскія деньги, какъ указано было выше. Самъ „Кіевлянинъ“, опасаясь напавъ на евреевъ въ общія учрежденія, признастъ необходимымъ сдѣлать исключеніе для содержанія больницы, которое, по его мнѣнію, должно быть отнесено къ расходамъ обязательнымъ, хотя евреи платятъ наравнѣ съ другими подданными земскія повинности и имѣютъ, какъ слѣдуетъ полагать, право пользоваться общими учрежденіями. Но „Кіевлянинъ“ думаетъ, что коробочный сборъ необходимъ потому, что изъ него покрывается большая часть земскихъ повинностей (изъ 101,000 р. земскаго сбора Киевской губ. за 1868 г. 80,000 р. покрыты изъ суммъ взимаемаго съ евреевъ коробочнаго сбора)*. Согласно съ этимъ можно было бы полагать, что евреи могутъ уже пользоваться и учрежденіями земства, какъ участники въ сборѣ его. Между тѣмъ „Кіевлянинъ“ оправдываетъ необходимость существованія коробочнаго сбора еще и тѣмъ, что изъ него долженъ быть потраченъ обязательный расходъ на содержаніе специально-еврейскихъ больницъ. Другими словами это значитъ: еврей не долженъ обособляться, а долженъ платить повинности наравнѣ съ кореннымъ населеніемъ; если же еврей не имѣютъ тѣмъ платить, или, выражаясь языкомъ „Кіевлянина“, уклоняются отъ платежа повинностей, то для принудительной уплаты долженъ быть учрежденъ коробочный сборъ, изъ котораго и слѣдуетъ покрывать всѣ недомжки по земскому сбору; если же недомжки, благодаря Богу, уже покрыты изъ коробочнаго сбора, то неужгодно-ли евреямъ содержать для себя спеціальныя учрежденія въ видахъ большаго удобства для кореннаго населенія. Если подобныя разсужденія, на взглядъ „Кіевлянина“, и возможны сами по себѣ, то могутъ-ли они имѣть мѣсто рядомъ съ другимъ разсужденіемъ о томъ, что специально-еврейскія учрежденія вымываются національными и религіозными особенностями евреевъ? Одно изъ двухъ: или евреи должны считаться общими подданными и, уплативъ повинности, пользоваться общими учрежденіями, или же они должны считаться обособленными гражданами и сами содержать свои учрежденія; но въ такомъ случаѣ не должны платить повинностей на общія учрежденія. Иного выхода изъ этой дилеммы мы не видимъ.

И такъ очевидно, что третья группа предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ

* См. указанныя выше номера „Кіевлянина“ за 1868 г.

коробочного сбора, составляет результат не обособленности евреев, а неопределенности закона о коробочном сборе, — результат социальных условий нашего общественного быта вообще и предрассудков русского общества и печати в особенности.

VI.

Необходимость существования коробочного сбора и основания ее. — Необходимость изменения формы лишь действующей системы коробочного сбора. — Недостатки этой последней. — Средства для облегчения налога и достижения наибольшей уравнительности. — Улучшение системы представительства евреев по предметам коробочного сбора. — Окончательные выводы.

Ознакомив, таким образом, читателя с исторією происхождения коробочного сбора и с отдельными его частями: с отгиготительными долгами, с историческим ходом борьбы правительства с еврейским пролетариатом, с целью обезпечить уплату податей и повинностей, равно и с борьбою, происходящею в средѣ самых еврейских обществ, — мы можем перейти къ разрѣшенію вопроса о том: долженъ ли коробочный сборъ оставаться въ своей силѣ, а если долженъ, то можетъ ли онъ существовать въ той формѣ, въ какой онъ установленъ по нынѣ действующимъ о немъ положеніямъ?

Изъ того, что мы высказали при разсмотрѣніи вопроса объ общественныхъ надобностяхъ евреевъ и уплатѣ государственныхъ податей и повинностей, читатель могъ уже заключить, что мы стоимъ за удержаніе коробочного сбора. Хотя удовлетвореніе общественныхъ долговъ изъ коробочнаго сбора мы считаемъ несогласнымъ съ историческою правдою; хотя съ отбѣною подушныхъ податей съ жѣлчанъ, въ 1863 г., нѣтъ надобности въ удовлетвореніи ихъ изъ суммъ коробочнаго сбора, тѣмъ не менѣе мы готовы стать на сторону „Кіевлянина“ и признать необходимость его существованія. Но эту необходимость мы признаемъ не въ силу высказанныхъ „Кіевлянномъ“ соображеній, а руководствуясь лишь интересами бѣднаго населенія евреевъ. Если, вслѣдствіе отбѣны коробочнаго сбора, отвѣтственность въ уплатѣ повинностей, вмѣсто общественной, превратитъ въ личную, а содержаніе обществено-благотворительныхъ заведеній предоставлено будетъ усмотрѣнію самыхъ еврейскихъ обществъ, — то еврейское бѣдное населеніе будетъ поставлено въ довольно затруднительное положеніе. Громадная масса бѣдняковъ, за которую въ настоящее время уплачиваются повинности изъ коробочнаго сбора, была бы доведена до лишенія въ бук-

вальномъ смыслѣ скудныхъ средствъ къ существованію. Независимо отъ этого, все это безчисленное населеніе, которое въ настоящее время получаетъ первоначальное образованіе въ спеціальныхъ, вслѣдствіе существующихъ у евреевъ народныхъ школахъ (талмудъ-торахъ), приравненныхъ какъ нельзя лучше къ быту бѣднаго класса, лишено было бы возможности научиться русской и еврейской грамотѣ, а также надзора въ отношеніи нравственномъ, который такъ необходимъ въ дѣтскомъ возрастѣ и въ особености еще такихъ дѣтей, которыя дома, по бѣдности родителей и многочисленности еврейской семьи, остаются безъ всякаго почти надзора. Вся эта масса дѣтей не имѣла бы возможности посѣщать общія учебныя заведенія отчасти потому, что она, по самому положенію своему и незнанію русскаго языка, къ общимъ народнымъ школамъ не подготовлена; отчасти же потому, что народныхъ школъ у насъ не существуетъ въ такомъ количествѣ, чтобы могли принять все нуждающееся въ первоначальной грамотѣ еврейское населеніе. Кроме того, при господствующемъ настроеніи противъ евреевъ, при современномъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ представителей общихъ народныхъ школъ, еврейскія дѣти едва ли могли бы ждать человеколюбиваго обращенія, какъ со стороны христіанскихъ дѣтей, такъ и со стороны самихъ учителей. Независимо отъ всего этого, еврейскія дѣти вступаютъ въ еврейскія школы въ самомъ раннемъ возрастѣ, начиная съ 4 лѣтъ, по весьма естественной причинѣ, именно потому, что въ родительскомъ домѣ они остаются безъ всякаго надзора; между тѣмъ въ такомъ раннемъ возрастѣ они едва ли могли бы найти доступъ въ общія народныя училища. Такимъ образомъ, въ настоящее время, вслѣдствіе социально-экономическихъ, религіозно-національных и другихъ причинъ, представляется еще необходимость въ существованіи отдѣльныхъ еврейскихъ народныхъ училищъ. Съ отбѣною же коробочнаго сбора и уничтоженіемъ того источника, изъ котораго покрываются расходы на содержаніе народныхъ школъ, вся безчисленная масса еврейскихъ дѣтей бѣднаго класса обречена будетъ на неграмотство и на всѣ пороки, соединенные съ ирацидностью. Между тѣмъ извѣстно, что еврейскія народныя школы, пока ничѣмъ не замѣнямы, не только поддерживаютъ нравственный духъ евреевъ, но и доставляютъ имъ возможность, по выходѣ изъ нихъ, посѣщать общія училища, и бывали примѣры, что изъ еврейскихъ талмудъ-торъ доходили до высшихъ учебныхъ заведеній имперіи.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ общественно-благотворительныхъ учрежденіяхъ евреевъ, каковы больницы, богадѣльни, ремесленныя школы

и другія. Едва ли еврейское население могло бы, при общественных бѣдствіях—эпидемическихъ болѣзняхъ, голодѣ и т. п. рассчитывать на общія благотворительныя учрежденія, въ содержаніи которыхъ они, однако, участвуютъ: въ этомъ, по нашему убѣжденію, и сомнѣваться невозможно, и мы напрасно начали словами „едва ли“. Съ другой стороны нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что въ сказанныхъ случаяхъ нельзя было бы рассчитывать на энергію и щедрость богатыхъ евреевъ: въ этомъ насъ достаточно убѣдилъ голодъ въ Ковенской губ. Затѣмъ, неизвѣстно также, когда наконецъ рѣшится открыть для скученнаго въ Западномъ краѣ еврейскаго населенія двери внутреннихъ губерній; а если отворять, то неизвѣстно ошъ, найдется ли у насъ такихъ благодѣтелей, которые доставили бы переселенцамъ матеріальную помощь, или намъ нужно будетъ выжидать помощи отъ нашихъ западныхъ единовѣрцевъ? Все это вопросы будущаго; а условия настоящаго такъ неблагоприятны, что если всю массу бѣдныхъ евреевъ представить самой себѣ, то все еврейскія общественно-благотворительныя учрежденія прекратятъ свое существованіе. Спрашивается: можно ли обречь безчисленную массу бѣднаго класса на такое безвыходное положеніе? Конечно нѣтъ! Поэтому необходимо удержать коробочный сборъ. Но еще болѣе важенъ вопросъ о томъ, въ какой формѣ слѣдуетъ устроить его? Въ настоящее время коробочный сборъ лежитъ тяжелою гнетомъ на бѣдномъ классѣ евреевъ. Хотя въ нашомъ законѣ, сверхъ общаго коробочнаго, падающаго на предметы первой необходимости—на мясо—существуетъ еще, для уравнительности, и вспомогательный сборъ, падающій на доходы и промышленность, но вслѣдствіе того, что совѣщательный голось при составленіи четырехгодичныхъ сметъ имѣютъ по закону одни закиточные и осѣдые евреи, ко вспомогательному коробочному сбору рѣдко обращаются, такъ что привлеченіе къ участию въ коробочномъ сборѣ богатаго класса, которое законодатель имѣлъ въ виду установленіемъ вспомогательнаго сбора, остается мертвою буквою. Это тѣмъ болѣе несправедливо, что, по закону, для соблюденія надлежащей уравнительности, таксы на предметы общаго коробочнаго сбора и опредѣленіе извѣстнаго процента въ сборѣ вспомогательномъ соразмѣряются не только съ количествомъ душъ, но и съ степенью промышленности населенія. Слѣдовательно тамъ, гдѣ вспомогательный сборъ не устанавливается, соразмѣреніе таксы не только съ количествомъ душъ, но и съ степенью промышленности, значительно возвышаетъ его,—а между тѣмъ она возвышается несправедливо, ибо падаетъ на предметъ первой необходимости, слѣдовательно, на одинъ бѣдный классъ.

Кромѣ всего этого, при установленіи таксы на предметы общаго коробочнаго сбора, принимается во вниманіе число душъ дѣйствительнаго населенія безъ всякаго соображенія ихъ платежной состоятельности. Между тѣмъ, участки, которые отличаются большимъ количествомъ душъ, но болѣе бѣдныхъ, облагаются вышешю таксою: стало быть, размѣръ таксы болѣею частью идетъ обратно пропорціонально платежнымъ средствамъ населенія. Положеніе это становится еще тѣмъ болѣе тягостнымъ для бѣднаго класса, что, не участвуя въ самомъ установленіи таксы, онъ остается бессильнымъ противъ злоупотребленій содержателей коробочнаго сбора, вслѣдствіе установленной закономъ незначительной отвѣтственности, далеко не соразмѣрившейся съ безграничною властію и преимуществами, имъ по законамъ предоставленными. До судебного же порядка споры евреевъ о злоупотребленіяхъ откупщиковъ могутъ доходить не иначе какъ по усмотрѣнію губернскихъ правленій. Такимъ образомъ, неисполненіе коробочнаго сбора во всѣхъ частяхъ и неудовлетворительность его правилъ усиливаетъ въ значительной степени его отвѣтительность для бѣднаго населенія евреевъ. Поэтому слѣдуетъ преобразовать коробочный сборъ на такихъ началахъ, которыя бы на самоъ дѣлѣ гарантировали уравнительность его. Въ этихъ видахъ, слѣдуетъ прежде всего уменьшить кругъ предметовъ, удовлетворяемыхъ изъ коробочнаго сбора. Необходимо прежде всего исключить изъ него общественныя долги, по крайней мѣрѣ безсрочныя. Сама исторія происхожденія ихъ указываетъ на то, что они должны быть исключены какъ ирраціональныя и вѣчныя свидѣтельства средневѣковыхъ гоненій. Описанія „Кіевлянина“, что съ уничтоженіемъ этихъ долговъ придется покрыть расходы духовенства насчетъ остальнаго населенія, ни сомнѣ, ни духомъ не повиннаго въ долгахъ евреевъ,—полагаетъ, ничего не значать въ сравненіи съ тѣми тягостями, которыя падаютъ на евреевъ, ни сомнѣ, ни духомъ тоже не повинныхъ въ возложенныхъ на нихъ католическимъ духовенствомъ XVII и XVIII столѣтій долговъ. Независимо отъ этого, удовлетвореніе расходовъ по содержанію благотворительныхъ учреждений католическихъ монастырей, населенія имѣнія которыхъ приняты были въ управленіе казны въ первую половину XIX столѣтія, вслѣдствіе общей политической мѣры, должно пасть на всѣхъ подданныхъ государста, а не на однихъ евреевъ. Мы думаемъ, что противъ этого исключенія никто изъ людей здравоомишляющихъ ничего имѣть не можетъ. Изъ долговъ же срочныхъ, по которымъ погашаются ежегодно сверхъ процентовъ еще и извѣстныя части капиталовъ, необходимо оставить одинъ лишь тѣ, рѣшенія по которымъ состоялись или

утверждены были въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ. Точно также, по нашему мнѣнiю, слѣдуетъ исключить изъ коробочнаго сбора расходы по содержанию раввинскихъ комиссій и ученыхъ евреевъ при генераль-губернаторахъ и губернаторахъ, такъ какъ эти учрежденiя вызываются необходимою государственнаго управления, расходъ по которому удовлетворяется изъ общихъ государственныхъ средствъ. Затѣмъ, въ отношенiи платежа изъ суммъ коробочнаго сбора чинша за земли и плацы, занимаемые еврейскими общественными зданiями и вообще въ отношенiи закрѣпощенiя евреевъ къ землѣ вотчинныхъ владѣльцевъ западныхъ губерній, слѣдовало бы, разумѣется, предпринять общую коренную реформу, съ цѣлью прекращенiя этихъ аномальныхъ отношенiй на тѣхъ же началахъ, на какихъ это сдѣлано было въ Царствѣ Польскомъ. Но къ сожалѣнiю, мѣры, принятыя правительствомъ въ этомъ отношенiи въ Западномъ краѣ, приостановлены, и вопросъ о прекращенiи сборовъ, взимаемыхъ владѣльцами съ евреевъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, остается нерѣшеннымъ по настоящее время. Между тѣмъ съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ также вопросъ объ удовлетворительномъ устройствѣ системы коробочнаго сбора. Съ исключенiемъ же нѣкоторыхъ расходовъ, покрываемыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора, возможно будетъ исключить также и кругъ нѣкоторыхъ предметовъ, облагаемыхъ коробочнымъ сборомъ, потому что въ такомъ случаѣ имъ будетъ покрываться лишь расходы на нѣкоторые срочные долги, на государственныя повинности и на общественныя надобности евреевъ. Для удовлетворенiя же этихъ потребностей достаточно будетъ изъ 57 предметовъ общаго сбора оставить сборъ съ ризанiя птицъ на кошерь, а изъ 11 предметовъ вспомогательнаго сбора — одинъ лишь сборъ въ видѣ извѣстнаго процента съ денежныхъ капиталовъ, оставшихся послѣ умершихъ евреевъ. Общiй сборъ съ убоя скота и продажи мяса, равно и вспомогательный сборъ съ предметовъ, приносящихъ доходъ, и съ различныхъ статей промышленности слѣдуетъ замѣнить сборами съ кучества и промысла, равно и сборами по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ, т. е. такими сборами, которые и сами по себѣ, и по способу взиманiя не такъ чувствительны, и сверхъ того допускаютъ возможность примѣненiя большей уравнительности между богатымъ и бѣднымъ населенiемъ. Такимъ образомъ возможно опредѣлить разъ на всегда установленную норму %о взиманiя сбора съ куча 1-й и 2-й гилдiй при запискѣ въ нихъ, или при вносѣ гильдейскихъ повинностей, а также съ ремесленниковъ при вступленiи въ цѣхъ и во время производства своего ремесла, а также съ лицъ, занимаю-

щихся мѣщанскимъ промысломъ. Съ евреевъ, занимающихся свободными профессiями, хотя бы и принадлежащихъ къ ученому сословию, нынѣ освобожденно отъ участiя въ коробочномъ сборѣ, слѣдуетъ взимать ежегодно опредѣленную сумму въ разъ на всегда установленномъ размѣрѣ; но лишь съ тѣхъ, которые дѣйствительно имѣютъ въ рукахъ своихъ какое-либо завѣтiе. Кромѣ того долженъ быть установленъ сборъ съ рожденiй, бракосочетанiй, разводовъ, при запискѣ въ метрическiя книги этихъ актовъ. Это самый значительный сборъ, который могъ бы, вмѣстѣ съ другими, нами оставляемыми и вновь указанными, совершенно покрывать всѣ признанные нами необходимыми расходы. Но въ этомъ отношенiи слѣдовало бы городскимъ учрежденiямъ, въ началѣ каждаго четырехлѣтiя, установить таксу съ распределенiемъ евреевъ по ихъ званiю, причемъ установить самый низкiй размѣръ сбора для бѣднаго класса населенiя, не принадлежащаго ни къ купеческому, ни къ ремесленному сословию и ни къ сословию лиги, занимающихся свободными профессiями. Но при этомъ надобно постановить непримѣнимымъ условiемъ, чтобы каждое четырехлѣтiе ни одинъ изъ предметовъ сбора не исключался изъ суммъ, дабы одновременнымъ привлеченiемъ къ участiю въ коробочномъ сборѣ всѣхъ классовъ населенiя сдѣлать его наиболѣе уравнительнымъ. Всѣ сборы взимаются въ тѣхъ учрежденiяхъ, въ которыя они непосредственно вступаютъ и затѣмъ сосредоточиваются въ городскихъ общественныхъ управленiяхъ, которымъ принадлежитъ и ближайшiй контроль надъ правильнымъ взиманiемъ и расходованiемъ сборовъ. Сборъ же извѣстнаго процента съ капиталовъ, остающихся послѣ умершихъ евреевъ, взимается также городскими учрежденiями по сообщенiямъ прокурорской власти судебныхъ мѣстъ при утверженiи въ правахъ наследства, или же при утверженiи къ исполненiю духовныхъ завѣщанiй. Но при отсутствiи духовнаго завѣщанiя и при вступленiи въ управленiе наследственнымъ имуществомъ съ цѣлью извлеченiя изъ него выгоды въ свою пользу безъ ходатайства объ утверженiи въ правахъ наследства, или же въ случаѣ такого ходатайства, когда не будетъ наследниками указанъ размѣръ наследственнаго имущества, городское общественное управленiе, по указанiю законнаго представительства еврейскихъ обществъ, имѣетъ право самъ взыскивать опредѣленный закономъ процентъ съ наследственнаго имущества, размѣръ котораго по совѣсти опредѣляется самими наследниками. Взыскиваемый сборъ съ наследственныхъ имуществъ относится къ тому 4 лѣтнему періоду, во время котораго послѣдовала

смерти наследодателя. Точно также городских учреждений непосредственно взимают сборы с лиц, принадлежащих къ ученому сословию.

Затѣмъ сообразно съ правилами коробочнаго сбора, установленными для евреевъ, жителействующихъ въ Ригѣ и въ городахъ Курляндской губернии, всѣ численные выше предметы, за исключеніемъ сбора съ капиталовъ, остающихся по смерти умершихъ евреевъ, слѣдуетъ отдавать въ откупное содержаніе. Для откупщиковъ слѣдуетъ оставлять всѣ преимущества, предоставленныя имъ положеніемъ о коробочномъ сборѣ относительно залоговъ. Что же касается злоупотребленій по коробочному сбору, то слѣдуетъ замѣтить, что при указанной нами системѣ коробочнаго сбора, по которой сборы поступаютъ непосредственно, или посредственно въ городскія учреждения и оттуда выдаются откупщику, прекращается всякій путь къ злоупотребленіямъ, такъ какъ при этой системѣ не имѣтъ болѣе мѣста ни какое непосредственное дѣйствіе откупщиковъ. Правда, откупщикамъ остается еще поле для злоупотребленій при сборѣ съ рѣзанія птицъ; но во первыхъ, они будутъ имѣть дѣло съ болѣе достаточнымъ классомъ населенія, который въ состояніи будетъ отстаивать свои права, и во вторыхъ кругъ этихъ злоупотребленій достаточно суженъ, такъ что имъ возможно противодействовать установленіемъ наказанія за нарушение откупщиками правилъ о коробочномъ сборѣ, какъ за обманъ, и предоставленіемъ каждому, чьи интересы будутъ затронуты дѣйствіемъ откупщика, права на возбужденіе непосредственно обвиненія, не ожидая разрѣшенія городскихъ учреждений. Затѣмъ, въ виду того, что при этой системѣ уничтожается сборъ съ убоя скота и продажи мяса, который требовалъ предоставленій откупщикамъ гарантіи въ исправномъ взыманіи сбора и устраненія злоупотребленій общества относительно тайнаго провоза мяса и сала, слѣдуютъ вовсе устранить внимательство полиціи въ дѣло о коробочномъ сборѣ, такъ какъ содѣйствіе ея оказывается совершенно излишнимъ.

Съ преобразованіемъ системы коробочнаго сбора, необходимо также реорганизовать представительство евреевъ, которому законъ предоставляетъ обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся коробочнаго сбора. По нынѣ дѣйствующему положенію, какъ мы видѣли, городскія учреждения совѣщаются по всѣмъ предметамъ коробочнаго сбора съ зажиточными и осѣдлыми жителями изъ евреевъ. Такой порядокъ неумѣстенъ не только потому, что при немъ совѣщательный голосъ имѣютъ лишь болѣе или менѣе состоятельные евреи, которые, по естественнымъ побужденіямъ, дѣйствуютъ всегда пристрастно, но и потому, что вслѣдствіе самой неопредѣленности понятій „зажиточные

и осѣдлые⁴ допускается произволъ городскихъ учреждений, отъ усмотрѣнія которыхъ всегда зависитъ приглашать тѣхъ или другихъ евреевъ. Поэтому необходимо установить на болѣе твердыхъ началахъ самое представительство евреевъ. Это весьма важно потому, что при установленіи четырехгодичной смѣты, слѣдуетъ сообразоваться съ необходимыми расходами и доходами, а также съ платежными средствами населенія, и согласно съ этимъ устанавливать такса на предметы общаго и вспомогательнаго сборовъ. Это право на составленіе смѣты до того существенно въ коробочномъ сборѣ, что обладаніе той или другой партіи всегда наклоняетъ всѣмъ въ одну или другую сторону; между тѣмъ какъ болѣе справедливо было бы, чтобы каждый классъ населенія равномѣрно участвовалъ въ совѣщаніи по предметамъ, представляющимъ для всѣхъ одинаковый интересъ. Для достиженія этой цѣли необходимо установить одну общую норму представительства отъ 100 до 150 человекъ, смотря по численности общества, а въ эту общую норму должны входить представители всѣхъ классовъ общества пропорціонально ихъ численности. Такъ напр. въ обществѣ многочисленномъ, имѣющемъ высшую норму представительства изъ 100 человекъ, если въ немъ есть 5.000 купцовъ, 25.000 мѣщанъ, 3.000 ремесленниковъ и 100 человекъ ученаго сословія, — купцы должны имѣть 15 представителей, мѣщане 75, ремесленники 9, а ученые 1. — Точно также должно образоваться представительство и въ обществахъ съ меньшими нормами. При такомъ порядкѣ возможно будетъ достигнуть одинаковаго представленія интересовъ всѣхъ классовъ населенія при самомъ установленіи смѣты, при которомъ обсуждаются весьма важные вопросы, касающіеся самыхъ кровныхъ интересовъ населенія. Представитель каждаго класса, ближе всего зная экономическое его положеніе, въ состояніи будетъ отстаивать его интересы, когда рѣчь пойдетъ объ имущественной его состоятельности, и всегда будетъ имѣть возможность указывать на ту или другую норму, которую слѣдуетъ принять въ основаніе при установленіи таксы на тотъ или другой предметъ, подлежащій обложенію коробочнымъ сборомъ. Эта система представительства искоренитъ въ самомъ основаніи возможность злоупотребленій и сразу положитъ конецъ всѣмъ тѣмъ смутамъ и волненіямъ, которыя по настоящее время поднимаютъ подчасъ цѣлыя общества, или жь поддерживаютъ въ нихъ духъ интриги и доноса, деморализующій ихъ до мозга костей.

Такимъ образомъ мы признаемъ:

1) Что существованіе коробочнаго сбора необходимо не только въ интересахъ фиска, но и въ интересахъ бѣднаго населенія евреевъ, и не

столько вследствие религиозно-национальной обособленности евреев, сколько по причине укоренившихся против них предрассудков русского общества и по социальным условиям нашей общественной жизни вообще, которые не могут не отразиться на общественной жизни русских евреев.

2) Что коробочный сбор в форме, установленной нашими законодательством, ложится тяжелым гнетом на самый бедный класс евреев и производит крайний разлад между богатыми и нуждающимися населением, вследствие неуравновешенности налога, искусственно направляемого исключительно на предметы первой необходимости.

3) Что предстоит, потому, насущная потребность в изменении ныне действующей системы коробочного сбора в новую, при которой возможно было бы достигнуть уравнивания прав и обязанностей, т. е. одинакового, равноправного участия всех классов еврейского населения в праве пользоваться совещательным голосом по всем предметам, касающимся коробочного сбора, равно и обязанности платежа, установленного для евреев специального сбора.

4) Что для облегчения евреям тягости сбора необходимо: а) совершенно сложить с еврейских обществ все безсрочные долги католическим монастырям, как получившие начало в средневековой религиозной вражде, а из долгов срочных сложить все долги сомнительные, и б) исключить из числа расходов, покрываемых из сумм коробочного сбора, расходы на предметы государственного управления.

5) Что в виду обременения евреев специальными налогами для достижения целей государственных и общественно-благотворительных, необходимо также, посредством реформы прав вотчинников западных губерний, освободить евреев, составляющих самый значительный контингент городского населения того края, от вичного платежа чинна и разнобразных до крайности сборов с различных предметов потребления и промышленности и тем самым доставить им возможность сдѣлаться болѣе исправными в уплатѣ государственных податей и повинностей и в удовлетворении своим общественным потребностям.

Вот те основные начала, которые слѣдует имѣть в виду при установлении новой системы коробочного сбора. Они составляют результат ближайшаго изучения предмета по источникам законодательства, истории и современной действительности. Наша задача состоит в томъ, чтобы пособить правильному разрѣшеню вопроса, интересующаго все еврейское население России. Мы не впадаем ни в крайности комиссиа, учрежденной

для пересмотра положенія о коробочномъ сборѣ, пришедшей къ заключенію о необходимости совершеннаго его уничтоженія; ни въ крайности „Киевлянина“, предлагающаго обращеніе коробочнаго сбора исключительно на уплату общественныхъ долговъ и государственныхъ податей и исключеніе изъ него обязательности расходовъ на общественныя надобности евреев. Мы не принадлежимъ къ разряду богачей, которымъ ничего не стоитъ провозгласить коробочный сборъ постыднымъ налогомъ на бѣдняковъ и которые въ тоже время, при невозможности самовластно уничтожить его, пресерьезно задумываются, когда имъ предлагаютъ обратитъ этотъ сборъ на доходъ съ недвижимаго имущества и промышленности, для раздѣленія тягости съ бѣдняками. Мы не принадлежимъ также къ классу оправдывающихъ ныне действующую систему коробочнаго сбора и приписывающихъ всю неудовлетворительность ея лишь соединеннымъ съ нею злоупотребленіямъ, для уничтоженія которыхъ предлагаютъ паллиативныя мѣры. Мы не остановились также на мѣрахъ, предлагаемыхъ тою или другою партіею, съ цѣлю составленія изъ нихъ на выборку чего либо въ родѣ золотой середины. Мы разработали вопросъ о коробочномъ сборѣ на основаніи положительныхъ данныхъ, которыя по самому существу своему, независимо отъ духа партій, привели насъ къ изложеннымъ выше выводамъ, и надѣемся, что разработанный нами матеріалъ останется не безъ пользы для всехъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ сообщить то или другое направленіе разрѣшенію одного изъ серьезнѣйшихъ для русскаго еврейства вопросовъ.

М. Моргулисъ.

МОРДАХЕЙ ПЕРУСАЛЕМИ.

Время переагнуло уже за полдень, когда я остановился у парадного подъезда великодушного отеля на одной из аристократических улиц матушки Москвы. Отель этот, некогда достояние древнего аристократического рода, ведущего свою генеалогію чуть-ли не съ Мономаха, нынѣ занималъ одинъ изъ первоклассныхъ тузовъ коммерческаго міра, который несповѣданными путями судьбы въ короткое время изъ бѣднаго и никому невѣдомаго Йоселя Лейбовича Блехера превратился въ миллионера и повсюду гремящего *Осина Львовича Блехера*.

Весь отель, передѣланный въ новыя стѣлы, не смотря на его обширные размѣры, занималъ Блехеръ для своей хотя немногочисленной семьи, но тѣмъ болѣе многочисленной прислуги, и подѣ конторы и канцеларіи его разнообразныхъ коммерческихъ дѣлъ. Въ этихъ конторахъ и канцеларіяхъ засѣдали все люди съ чинами, съ именами, своимъ собственнымъ вѣсомъ, оплачиваемымъ громадными гонорарами, придававшими вѣсъ и своему патрону. Занимались тамъ впрочемъ и много простыхъ смертныхъ, тѣмъ или другимъ путемъ добывшихъ рекомендаціи къ Блехеру: русскихъ, нѣмцевъ, поляковъ—не было лишь тамъ евреевъ, которыхъ Блехеръ не особенно жаловалъ, не желая вѣрно на блестящемъ своемъ зенитѣ въ образѣ какого нибудь еврейскаго служащаго вспоминать свое далеко не блестящее прошлое. Евреи за глазами продолжали называть его по прежнему *Блехеромъ*, ибо такъ назывались его пращѣ, дѣды и отецъ, ремесло которыхъ создало эту фамилію: все они были жестянниками (по еврейски: *Блехеры*). Благородный отпрыскъ благороднаго рода Блехеровъ не принимаетъ и

свои многочисленныя дѣла евреевъ и потому еще, что, по мнѣнію его, евреи—самые хитрые, проницательные и, потому, самые опасные люди; еврей-служакай, по мнѣнію Блехера, непремѣнно всмотрится въ самую суть дѣлъ своего патрона, во все изгибы сокровенныхъ махинацій и за тѣмъ непремѣнно провѣдаетъ какими молотами и на какихъ наковальняхъ выковываются тѣ финансовыя звѣзды, изъ которыхъ изготавливаются золотыя дѣйи для предпринимателей, а желѣзныя—для окружающей толпы, и, конечно, подобныя любознательныя служакае со вѣмъ не съ руки Осипу Львовичу Блехеру...

Не долговливая своихъ единоплеменниковъ, Блехеръ, тѣмъ не менѣе, всеми тайногласными или подпольными путями, доискивается популярности между ними. Онъ наружно придерживается всеѣхъ еврейскихъ обрядовъ, осѣивая ихъ въ душѣ и уклоняясь отъ нихъ втайнѣ; онъ, для вида, принимаетъ горячее участіе въ интересахъ своей націи, жертвуетъ иногда даже крупными кушами, но дѣлаетъ все это не изъ сочувствія къ благому дѣлу, а изъ тщеславнаго стремленія прослыть покровителемъ своего племенни, іудейскимъ насаи, русскимъ дочъ-Исаакомъ-Абарбанелемъ. Блехерскіе евреи, не анализируя ни его характера, ни его дѣйствій, дѣлыми ролями осаждаютъ его парадныя-лѣстницы, его переднія, его пріемныя. Блехеръ въ душѣ гордится вѣчною толпою просителей. Онъ *никогда, никому ни въ чемъ не отказываетъ*, а кормитъ вѣчными завтраками, разсыпая, въ то же время, въ любезностяхъ и живыхъ обѣщаніяхъ. Просители приходятъ ежедневно какъ на службу, толкаются, стончики принимаютъ грубыя дерзости отъ наглой прислуги, получаютъ новыя обѣщанія отъ самого Блехера и—уходятъ. Процедура этого безплоднаго хожденія длится до тѣхъ поръ, пока не проѣдается послѣдній грошъ, пока въ концѣ не износится послѣдняя пара сапогъ, пока нужда и голодъ не переговарятъ по напрасну чающихъ и алчущихъ изъ переди *осеткого* Блехера... Одроченные эскъ-Блехерскіе просители не стѣуютъ на одурчившаго ихъ богача, а на горькую свою бѣдность, лишившую ихъ возможности *дождаться до утишнаго конца*. Одна волна просителей укатить, а другая нахлынетъ. У широкихъ береговъ блехеровской популярности—вѣчный прибой и отбой, вѣчный рокотъ просительской мольбы, вѣчное ублаживаніе живыхъ обѣщаній, вѣчная радуга разноцвѣтныхъ надеждъ. Съ безучастностью гранитной скалы стоитъ Блехеръ среди прибой и отбой и приобрубаетъ славу любезнаго, милаго, добродушнаго и мягкосердечнаго человѣка: *Блехеръ никому никогда не отказываетъ*.

Такую же густую толпу просителей-завсегдатаев увидѣлъ я, когда открылись предо мною парадныя двери блестящаго блюхеровскаго отеля. Десятки изможденных, подобострастныхъ лицъ образовали живую, но грустную цѣпь вокругъ одного изъ самыхъ откормленныхъ, щедроватыхъ и, съ виду, самыхъ наглыхъ швейцаровъ, какихъ мнѣ когда либо приходилось видѣть. Безцеремонно и грубо расталкавъ толпу, швейцаръ этотъ, мѣрными шагами, не торопясь, приблизился, окинулъ меня бѣлыми взоромъ съ головы до ногъ и, лакейскимъ своимъ инстинктомъ почувавъ, что я не проситель, удостоилъ однимъ изъ тѣхъ дерзко-почтительныхъ поклоновъ, которые такъ искусно усваиваютъ себѣ разжирѣвшіе слуги великихъ магнатовъ. Отвѣтивъ утвердительно на мой вопросъ: у себя ли баринъ? онъ повелъ меня на верхъ, по изящной, витой лѣстницѣ, покрытой яркимъ ковромъ, уставленной великолѣпными растениями и многочисленными статуями. На платформахъ лѣстницы не большія группы томнаго люда бесѣдовали полупротожъ; болѣе смѣлые сидѣли на разставленныхъ тамъ и сямъ рѣзныхъ дубовыхъ стульяхъ съ высокими спинками. Пасмурная, печальная фізіономія этихъ людей далеко не гармонировала ни съ изящною и веселой обстановкой, ни съ самодовоольной рожей швейцара, ни съ яркимъ, полуденнымъ солнцемъ, изливавшимъ цѣлые потоки свѣта сквозь цѣльныя стекла громадныхъ оконъ.

Я взглянулъ мимоходомъ на многочисленныхъ просителей, и мой взоръ внезапно остановился на одномъ субъектѣ, совсѣмъ не походившемъ на прочихъ ни лицомъ, ни покроемъ платья, ни манеромъ. Между двумя олимпійскими, полунагими богинями, сидѣлъ, подобравъ подъ себя ноги, поазіатской привычкѣ, высокой, худощавый старикъ, въ простомъ, но очень опрятномъ турецкомъ костюмѣ, съ красной феской на головѣ, но безъ тюрбана. Выразительное, задумчивое, блѣдное лицо, черныя, большіе, грустные глаза, ослѣпленныя нависшими съдмами бровями, своеобразное, характеристичное наклоненіе головы, патриаршья длинная сѣдая борода, посадка и вся вообще фигура напоминали собою праведнаго муллу, или муфтія.

— Кто этотъ человекъ, — спросилъ я сопровождающаго меня швейцара.

— Турка, надо быть. Онъ это въ другой разъ приходитъ. Даже въ кабинетъ барина его допускаютъ; должно быть не изъ простыхъ.

Швейцаръ ввелъ меня въ elegantную приемную и сѣлъ на руки фракированному лакею. Приемная была набита народомъ. Обо мнѣ доложили.

Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ въ приемную самъ Осипъ Львовичъ, припомаженный, надушенный, прилизанный, облеченный въ тяжелый бар-

хатный халатъ съ огромными шелковыми кистями. Окинувъ юпитеровскимъ взглядомъ весь сонмъ вскочившихъ со своихъ мѣстъ просителей и удостоивъ ихъ однимъ общимъ кивкомъ головы, онъ приблизился ко мнѣ. На его мясистыхъ, но блѣдноватыхъ губахъ заиграла самая пріятливая улыбка, маленькіе, прыгающіе, черные глаза обдали меня ласковымъ взглядомъ. Онъ подавъ мнѣ руку, украшенную громаднымъ брильянтовымъ перстнемъ.

— Очень радъ васъ видѣть, привѣтствовалъ меня Блюхеръ скороговоркою, нѣсколько захлебываясь. Прошу извиненія, что принимаю васъ въ такомъ непріятномъ видѣ. Больно поздно заснулъ сегодня. Шутка-ли, почти до бѣлаго дня меня задержали на балѣ у свѣтлѣйнаго князя N. Что будешь дѣлать? Не отпускаютъ и конецъ. Прошу заарсто въ столовую. Кстати, я познакомлю васъ съ моимъ семействомъ. Мы только что сѣли завтракать.

Въ столовую, безъ сомнѣнія, вѣлъ кратчайшій путь, но чванливый хозяинъ повелъ меня туда черезъ цѣлую длинную афиладу комнатъ, съ цѣлою беснуей предо мною своихъ величьемъ и роскошью. И въ самой дѣлѣ, роскошь обстановки по своей высокой цѣнности и своему изобилію, была поразительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась тою развоярактрею яркостью и простотою, тѣмъ тѣжельнымъ вкусомъ, по которому тотчасъ узнаешь, что здѣсь безконтрольно распоряжался не привычный глазъ хозяина, а цѣлая стая модныхъ обойщиковъ, мебельщиковъ и приващниковъ фешенебельныхъ магазиновъ. Кучи шелка, бархата, бронзы, мельхиора, серебра, позолоты, цѣлыя коллекціи драгоцінной мебели, картины и эстамповъ, толстые во всю комнату ковры, множество предметовъ, отдѣланныхъ инкрустаціей, усыянныхъ чудною мозаикой, безчисленные зеркала въ золоченныхъ рамкахъ во всю стѣну, вычурныя люстры и канделябры, враморная статуя, малахитовыя статуэтки, японскія вазы бросались въ глаза на каждомъ шагѣ. Но при видѣ всѣхъ этихъ элгантныхъ предметовъ, глазъ наблюдателя какъ-то бессознательно, по какому то внутреннему чутью, отыскивалъ этикетки на каждомъ изъ предметовъ и изумлялся, не находя ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ привыкъ видѣть ихъ въ магазинахъ, куда невольно переносился онъ воображеніемъ—до того здѣсь было наставлено и нагромождено, до того вся масса предметовъ лишена была всякой гармоніи и домотности...

Столовая также была роскошно меблирована. У стола сидѣло въ полномъ сборѣ все небольшое семейство Блюхера: его счастливая подруга жизни, болѣзненная, худая, измелта-блѣдная, въ кашемировомъ съ разво-

дама каюль, старшая дочь Лидия, рослая, свѣженькая дѣвочка лѣтъ пятнадцати, въ красивомъ утреннемъ нарядѣ, младшая дочь Жени, съ живыми личикомъ, лѣтъ десяти, и Джонъ, болѣзненный мальчикъ лѣтъ восьми, послѣдній отпрыскъ мужескаго пола благороднаго рода Блюхеровъ. Три чопорныхъ, накрахмаленныхъ гувернантки и столько же гувернеровъ сидѣли у краевъ стола. Два фракированныхъ лакея, въ безукоризненныхъ бѣлыхъ галстукахъ и перчаткахъ, суетились вокругъ завтракавшихъ и метались во все стороны.

Хозяинъ представилъ меня своей супругѣ и старшей дочери, поименовавъ меньшихъ дѣтей, усадилъ возлѣ себя и любезно предложилъ раздѣлить съ ними семейный завтракъ.

— Иозефъ!—обратился м-ше Блюхеръ къ мужу съ какой-то кислой миной въ лицѣ. Представь себя, вѣдь Джона и сегодня не вывозили за городъ. Ты вѣдь слышалъ, какъ докторъ третьего дня наказалъ.

— Отчего же ты не распорядилась? рѣзко спросилъ Блюхеръ жену.

— Я вѣдь ей разъ навѣгда приказала вывозить утромъ ребенка, оправдывалась м-ше Блюхеръ, указывая гнѣвными глазами на одну изъ гувернантокъ, услуживавшую мальчику въ продолженіи всего завтрака.

— М-ше Клеансъ? строго спросилъ Блюхеръ ту же гувернантку, покрасившую до ушей.

— Клянусъ вамъ, monsieur, что я тутъ невиновата. М-г Джонъ заупрямился, не захотѣлъ. Что же я могу съ нимъ дѣлать?

— Джонъ, голубчикъ, что же это такое? перевелъ Блюхеръ глаза на сына и ласково поглядѣлъ его по щекѣ.

— Папа, какъ же я могу ѣхать безъ перчатокъ? Мужикъ я развѣ? вскинулъ мальчикъ свои рысьи глазки на отца.

— Какъ такъ, безъ перчатокъ? изумился Блюхеръ. Что такое Джонъ говорить, м-ше Клеансъ?

— М-г Джонъ потребовалъ непременно новыхъ перчатокъ, хотя ихъ у него цѣлая дюжина. Гдѣ же я могла достать ихъ въ восемь часовъ утра?

— Не вѣрь ей, папа. Все мои перчатки стары и грязны; я ихъ уже изнасилъ.

— Какъ вамъ не совѣстно говорить неправду, М-г Джонъ? Вы и половинъ вашихъ перчатокъ еще не изнасили.

— Вы сами ждете, м-ше Клеансъ, озлился мальчикъ.

— Увидимъ кто лжеть! я вотъ сейчасъ принесу все ваши перчатки сюда, съ досадою возразила гувернантка, поднимаясь съ мѣста.

— Оставьте! грозно прикрикнулъ на нее Блюхеръ. Вы своего дѣла не знаете. Вы всегда жили вѣроотно при мѣщанскихъ дѣтяхъ, которыхъ обувать въ лапти, которые щеголяютъ въ кучерскихъ рукавицахъ. Прошу не забывать, что вы имѣете честь... да, имѣете честь служить Блюхерамъ... Джону Блюхеру.

Гувернантка, сконфуженная до нелзя, встала и вышла, едва удерживая слезы.

— Невѣжи—крикнулъ ей вслѣдъ окончательно взбѣшенный Блюхеръ. Неучи... дармоеды...

— Мой другъ, произнесла г-жа Блюхеръ, взявъ мужа за руку. Успокойся, тебѣ вѣдь вредно. Проглатъ бы ее лучше, чѣмъ портить себѣ кровь.

— Папа, вскинула старшая дочь свои красивые глаза на отца, насмѣшиво улыбаясь. Папа! твое лице и такъ уже все въ морщинахъ, а когда начинаешь сердиться, то оно дѣлается старше еще на двадцать лѣтъ. Берегись, папа, никогда не сердись, или перестань ухаживать за... ты вѣдь знаешь кого я разумѣю?...

— Лидія! при чужихъ? любовно погрозилъ Блюхеръ пальцемъ своей дочери, сразу успокоившись и разсмѣявшись. Извольте видѣть, самодовольно обратился ко нѣ Блюхеръ, извольте видѣть, какое свободное воспитаніе я даю своимъ дѣтямъ. У меня нѣтъ... знаете... того родительскаго тиранства... новые времена. Я вѣдь...

— Полно, папа, не хвастай покаялуста. Попробовалъ бы ты меня стѣснять! перебила Лидія.

— И чтожь было-бы?

— Не послушалась бы, и конецъ!

— А если бы я тебя заставилъ?

— Меня заставить, сверкнула Лидія глазами, скорчивъ презрительную гримаску. Посмотрѣла бы я, какъ вы умуудились бы это сдѣлать!

— Что жъ бы ты сдѣлала?

— Бросила бы тебя и ушла!

— Какова, а? слегка толкнулъ меня Блюхеръ локтемъ, указывая на эманципированную дочь. Куда же ты ушла бы отъ меня, Лидія?

— Безъ шутокъ, папа. Времена родительскаго и супружескаго деспотизма прошли уже. Дѣти не рабы, женщины не игрушки. Я увѣрена, что женскій вопросъ...

— Ну, затанула свою любимую пѣсенку!

— Да, мой бѣдный папа, если бы ты прочелъ какъ я, Бѣкля, Прюдона, Милля и...

— Не читалъ я ихъ и читать не желаю. Дураки они, всё твои Бѣкли и Пардоны.

— Ха, ха, ха, залилась дѣтскимъ звонкимъ хохотомъ Жени. Не Пардоны, папа, а Прюдоны.

— Бѣдный папа! сострадательно качачала головой Лидя.

— Бѣдвенкій папочка! пискнуть и въ свою очередь маленький Джонъ.

Гувернеры и гувернантки, хорошо понявшіе къ кому Блюхеръ адресовалъ лестный эпитетъ въ множественномъ числѣ: „дармоѣды“, злорадно улыбаясь, уткнувъ носы въ тарелки. М-ше Блюхеръ, ровно ничего не понимая изъ всего, что тутъ было сказано, смѣялась, восторгаясь, повидящему, умомъ и развязностью своихъ милыхъ дѣтѣкъ. — Но мнѣ эта сцена стало чрезъ чуръ уже противною, и я рѣшилась обратить разговоръ въ другую сторону.

— Я удивляюсь вамъ, Осипъ Львовичъ, какъ вы успѣваете управляться съ такимъ множествомъ просителей, началъ я.

— А ихъ тамъ, внизу, много? спросилъ Блюхеръ, самодовольно улыбаясь.

— Да, толпа огромная.

— Вотъ, какъ видите, каждый божій день. Одни мѣсть служебныхъ просить, другіе доискиваются protekci и рекомендацій, нѣкоторые — дѣла и сдѣлки предлагаютъ, иные за добрымъ совѣтомъ, или просто за денежнымъ пособіемъ. Да, тяжела ты шапка Мономаха! какъ выражается на мой счетъ одинъ изъ моихъ генераловъ.

— И неужели вы всёхъ можете удовлетворить? спросилъ я не безъ ироніи.

— По крайней мѣрѣ, я стараюсь по мѣрѣ силъ моихъ. Прислушайтесь, что обо мнѣ всюду говорятъ: „Блюхеръ никому не отказываетъ“.

— Да, согласился я многозначительно.

— Папа, — вѣхнулась Лидя, — отчего не прикажешь своимъ нищимъ энтамъ являться къ тебѣ по черной лѣстницѣ?

— А что?

— Да то, что совѣстно, право, проходить по парадной лѣстницѣ. Тамъ всегда столько ошарпанныхъ, противныхъ уродовъ, что тошно дѣлается, глядя на нихъ. На дняхъ я чуть не сгорѣла со стыда, обратила Лидя свое личико ко мнѣ. Представте себѣ, пріѣзжаю съ книжной Marie Belsky — прохода вѣтъ, должна была проталкиваться. Шумъ и тамъ какъ въ жи-

довской школѣ. Какой-то чесночный запахъ... Мерзость! Кто-то изъ этой сволочи даже осмѣлился обратиться прямо къ намъ... ко мнѣ и книжѣ!... со своимъ хныканіемъ. Фи!

— Фи, папочка! подтакнула Жени.

— Фи, фи! съобезьяничалъ и любимецъ Джонъ, комично потнувъ головой.

Гувернеры и гувернантки беззвучно засмѣялись, залились смѣхомъ и счастливые супруги Блюхеры. Мнѣ пришлось прервать и эту противную тему, внушавшую мнѣ неодолимое отвращеніе.

— Между вашими просителями, сказалъ я Блюхеру, тамъ на лѣстницѣ, замѣтилъ я довольно типичную личность, азіята какого-то.

— Это на самомъ дѣлѣ азіятецъ, изъ Палестины.

— Вели, папа, позвать его сюда, попросила нѣсколько повелительно Лидя; я хочу видѣть этого турка. Они всё такіе забавные, смѣшные.

М-ше Блюхеръ поднялась съ мѣста, а за нею и педагоги. Послѣдніе позвали съ собою меньшихъ дѣтей.

— И я турка видѣть хочу, грубо оттолкнувъ руку своего гувернера, вскрикнула Жень.

— Оставьте ихъ въ покоѣ! распорядилась м-ше Блюхеръ. Педагоги вышли одни.

— Ну, чего вы пристааете? урезонивалъ Блюхеръ избалованныхъ дѣтей.

— Мы турка видѣть хотимъ, потребовали хоромъ дѣти.

— Съ чего вы взяли? какой онъ турокъ? Онъ — еврей изъ Палестины; обыкновенный еврей, только въ иныхъ лохмотьяхъ.

— Ахъ, еврей? разочаровалась Лидя и поднялась съ мѣста.

— Ха, ха, ха. Отлегло? Прощо любопытство, Лидочка? Она евреевъ не очень то жалуетъ, сообщилъ мнѣ Блюхеръ на ухо очень яснымъ шопотомъ и не безъ отеческой гордости.

— Такъ ли? пожелалъ я узнать отъ самой Лиди.

— А вы? неужели вы ихъ любите?

— Вопросъ не отвѣтъ, м-ше Лидя, усмѣхнулся я. Вотъ видите-ли, вы евреевъ не любите; хотите быть на нихъ не похожи, а между тѣмъ безсознательно усвоили себѣ ихъ весьма характеристичную, діалектическую манеру.

— Какъ такъ? изумленно подняла Лидя свои глаза и гордо откинула назадъ голову.

— Еврей рѣдко отвѣтитъ прямо, не уклончиво, на заданный ему во-

прост; чаще всего онь отвѣтитъ вопросомъ же. Такимъ же точно образомъ отвѣтили и вы на мой вопросъ: любите-ли евреевъ?

Лидя сконфузилась, но заставила себя улыбнуться.

— Это не болѣе какъ случайность. Извольте, я вамъ отвѣчу прямо: я евреевъ терпѣть не могу!

— Можно узнать почему?

— Потому что ихъ никто терпѣть не можетъ.

— Никто! возразилъ я съ невольной досадой. Сообразили-ли вы, m-Ne Лидя, что тѣ, которыхъ вы разумѣте подъ этимъ словомъ—люди другихъ религиозныхъ убѣждений, люди другой народности, искони и традиціонно-враждебной скитавшемуся повсюду еврейскому племени; словомъ: люди совсѣмъ чужіе, по крови, по социальному положенію...

— Я тоже хочу быть чужою для нихъ, хочу принадлежать къ другой сферѣ.

— А будетъ-ли для васъ лучше такъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Скъю думать, что вы горько ошибаетесь.

— Докажите.

— Я могъ бы вамъ доказать одной, полного смысла, басней.

— Расскажите, въ чемъ же дѣло?

— Но иждите въ виду, что басня эта принадлежитъ еврею, хотя и великому мыслителю, рабби Акивѣ бенъ-Иосифу, игравшему важную роль въ началѣ втораго столѣтія; а такъ какъ вы не жалуете ничего еврейскаго, то...

— Все равно, расскажите пожалуйста, попросила Лидя, опять усаживаясь на свое мѣсто.

— Расскажите, расскажите, настояли также Жени и Джонъ.

— Слушайте же, m-Ne Лидя, и вникните хорошенько въ слова моего разсказа. Кумушка-Лиса, прохаживаясь по берегу рѣчки, замѣтила необыкновенное въ ней волненіе. „Что за чудо!“ думаетъ Лиса. Въ воздухѣ такая тишина, вѣтра нѣтъ ни малѣйшаго, а вода такъ волнуется. Подходить Лиса ближе къ рѣчкѣ, всматривается и видитъ, какъ дѣлая массы рыбъ плещутся, мчутся, суетятся, а иныя даже чуть совсѣмъ не выскакиваютъ изъ воды. „Тутъ что-то не ладно“—думаетъ Лиса и ласково обращается къ рыбакамъ. „Милыя рыбки, что такое случилось у васъ, что вы такъ волнуетесь и мечетесь?“—„Мы въ страшной бѣдѣ, лисанька,“ отвѣчаютъ простодушныя, добрычныя рыбки. „Насъ преслѣдуетъ дѣлая шапка жадныхъ, жестокихъ рыболововъ; на каждомъ шагу невода, тенета,

удочки; мы боимся передвинуться съ мѣста на мѣсто, чтобы не попасть въ сѣти, страшимся каждаго кусочка пищи, опасаемся малѣйшаго червячка, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не проглотить и крючка предательскаго. Вотъ мы и мечемся въ смятеніи, не находя себѣ ни мѣста, ни пищи“. — „Вѣдныя рыбкиче, какъ мнѣ жаль васъ!,“ заохала Лиса. — „Что дѣлать намъ, что дѣлать? посоветуй, лисанька, вѣдь ты такая умная“—возмолились тронутыя чужимъ сочувствіемъ рыбы. — „Знаете ли что, обѣдженчеки? Выплывайте-ка всѣ ко мнѣ на берегъ. Я васъ укрою и защищу. Я буду вамъ сестрою, родною матерью. Выплывайте же голубушки!“ Юныя рыбки, тронутыя ласкою и дружбой, имъ предлагаемою, дѣлою гурьбой устремились на берегъ къ сердобольной Лисѣ. „Стой, глупшия!“ прергадила имъ путь старая, опытная рыба, и обратилась къ лисѣ. „Ты—умна и хитра, Лиса, но мы тоже уже не такъ глупы, чтобы не сообразить, что если мы въ нашей родной стихіи не можемъ освободиться отъ опасностей и преслѣдованій, то что-же будетъ съ нами въ чужой стихіи, въ которой мы и дышать-то не умѣемъ? Если мы боимся сомнительной опасности, какъ же намъ идти на вѣрную смерть къ тебѣ въ пастъ? Правда, тутъ мы можемъ погибнуть, но зато погибнуть невинно, отъ чужаго насилія; выходя-же изъ своей родной стихіи въ совершенно чуждую пастъ, мы погибнемъ отъ собственной глупости“.—Мораль этой басни, m-Ne Лидя...

— Мораль этой басни, вслѣдствіе Жени ручками,—мораль этой басни та, что ты, Лидочка, преглупенькая рыбака.

— Да, да. Ты очень глупенькая рыбака, Лидя, захотѣлъ Джонъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самъ Блюхеръ.

— Merci за любезный комплиментъ! иронически поклонилась мнѣ Лидя, надуть губки.

— Барышни, читающія Беклей, Прудоновъ и Миллей, мечтающія о равноправности и свободѣ, интересующіяся женскимъ вопросомъ, должны прежде всего научиться смотрѣть истинѣ прямо въ глаза и не гоняться за пустыми комплиментами.

— Этого палестинскій еврей, котораго я велѣлъ позвать и изъ за котораго вы чуть не поссорились съ моею непокорною дочкою, обратился ко мнѣ Блюхеръ, называется Мордахеємъ Иерусалеми. Онъ привезъ мнѣ длинное посланіе отъ дальнаго какого-то родственника, тридцать лѣтъ уже тому назадъ удравшаго отъ рекрутчины въ Константинополь.

— Что же онъ сообщаетъ вамъ новенькаго изъ святыхъ мѣстъ?

— Какъ будто эта набожная крыса можетъ знать, что вокругъ него

происходит! Онъ забрался въ святой Иерусалимъ, уткнувъ върутно голову въ пузатую книгу и молится. Постъ и молитва вѣрно приѣлись уже ему, вотъ и вздумалъ попросить у меня подачки. По правдѣ сказать, я его письма и не читалъ.

— Почему же?

— Мнѣ нѣтъ времени читать всякую гиль. Притомъ длинное письмо это написано еврейскими каракулями, да въ добавокъ еще на древне-еврейскомъ языкѣ, въ которомъ я и не шибко силенъ.

— Такъ расспросите этого... Иерусалимъ. Видъ это интересно.

— Съ этимъ палестинскимъ чурбаномъ я совсѣмъ нѣмой человѣкъ; онъ говоритъ только на турецкомъ или древне-еврейскомъ языкѣ. Тутъ не разговоришься. Пробовалъ я объясняться знаками, но ничего не вышло.

— Въ такомъ случаѣ я могу служить вамъ переводчикомъ. Я порядочно владѣю еврейскимъ языкомъ.

— Ну, вотъ и отлично. Узнаемъ чего отъ меня хотятъ и покончимъ съ этимъ; пусть убирается въ свои палестины. Представьте себѣ, и тамъ уже пронохали о Блюхерѣ, какъ о какомъ нибудь русско-еврейскомъ Ротшильдѣ, хвастливо соскроничалъ Блюхеръ своей всевѣтной славой.

— Чтось, это должно быть вамъ приятно и лестно.

— Конечно, приятно, но черезъ-чуръ уже накладно.

— Слава не приобретается безъ жертвъ.

— Жертвую я уже и такъ столько, что...

Мордахай Иерусалимъ появился въ дверяхъ. Обводя медленнымъ взглядомъ всю столовую и общество у стола, онъ, не торопясь, сдѣлалъ два-три шага впередъ и поклонился по азиатскому обычаю, приложивъ правую руку ко лбу и поточъ къ сердцу.

Лидія улыбнулась. Жени и Джонъ прислули со смѣха. Палестинецъ покраснѣлъ, но спокойно обратилъ свои глаза на смѣющихся дѣтей. Во взорѣ его было вѣроятно много достоинства. Даже дѣти поняли это и прекратили свой неумѣстный смѣхъ. Блюхеръ любезно его усадилъ.

Я заговорилъ съ нимъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Звукъ этого языка мгновенно оживилъ его. Спокойное лицо старика приняло радостное выраженіе. Онъ привсталъ и безцеремонно подаль мнѣ руку.

— Да благославить васъ Иегова за то, что вы порадовали мою душу роднымъ, святымъ языкомъ моихъ предковъ. Наконецъ Господь посылаетъ мнѣ человѣка, съ которымъ я смогу душу свою отвести. А то, тутъ, въ Россіи, я угодился ослицѣ Валаама до совершенія чуда. Извините ста-

рину за вопросъ. Можетъ быть у васъ подобные вопросы считаются невѣжливостью. Вратъ ли вы мнѣ по вѣрѣ, или вы такъ... ученый?

— Я еврей.

— Да будетъ благословенно имя великаго Иеговы во вѣки вѣковъ! Отчего же тотъ... гвиръ,* не говорить на священномъ языкѣ? Онъ вѣдь тоже еврей!

— Онъ забылъ этотъ языкъ.

— Забылъ?! изумился Иерусалимъ. Кто забываетъ языкъ Господа нашего, тотъ—не служителю Его святаго имени, сурово произнесъ онъ.

— Что онъ ворчитъ тамъ? полюбилъ-ли Блюхеръ, замѣтившій не совсѣмъ дружескій взглядъ старика. Не на мой ли счетъ?

— Да, онъ проситъ васъ передать, что время его расчитано, онъ торонится уѣхать, а потому, если вы наѣхрены...

— Я, вотъ, принесу вамъ письмо родственника. Вы прочтете и сообщите мнѣ его содержаніе. Тогда мы постараемся сдѣлать что нужно.

Съ этими словами Блюхеръ отправился къ себѣ въ кабинетъ. Дѣти, въ томъ числѣ и Лидія, не находя ничего особенно интереснаго въ палестинцѣ, вышли вслѣдъ за своимъ отцомъ.

Пока Блюхеръ рылся въ кабинетѣ, отменяя письмо, я успѣлъ разговориться съ Иерусалимъ и узнать отъ него много интереснаго, но и грустнаго, изъ жалкаго быта евреевъ въ Турціи, Египтѣ и Сиріи. Онъ говорилъ языкомъ не простолюдина и говорилъ плавно, толково, пересылая свою рѣчь восточными метафорами и поэтическими образами, которыми такъ изобилуютъ древніе языки вообще, а библейскій въ особенности. Всѣ его сужденія и предположенія о русско-еврейскомъ строѣ жизни обличали мыслящаго, умнаго и не лишенаго образованія человѣка, горячо любящаго свою націю, но не считающаго ее непогрѣшимою. Прибылъ онъ, въ Россію, по его словамъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ нѣкоторыхъ восточныхъ еврейскихъ общинъ, для сбора пожертвованій у русскихъ братьевъ, въ пользу голодающихъ и нищихъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ предъявилъ мнѣ весьма лѣстные для него, по содержанію своему, открытыя письменныя воззванія къ еврейскому народу отъ имени многихъ извѣстныхъ раввиновъ и вліятельныхъ представителей евреевъ на Востока.

Письмо, которое принесъ Блюхеръ и далъ мнѣ для перевода, было

* Гвиръ, магнатъ.

полно достоинства и личного безкорыстия. Писавший для себя лично ничего не просил. Онъ въ очень теплыхъ выраженіяхъ рекомендовалъ благочестиваго своего друга и набожнаго брата, Мордахея, обрешающаго себя на долговременное скитаніе по міру для блага нуждающагося восточнаго еврейства. Онъ молилъ своего счастливаго родственника, Иосифа *Блехера*, удѣлить щедрую лепту изъ тѣхъ сокровищъ, которыми великій *Иегова* *замышля* ему, не для траты на плотскія наслажденія, не на удовлетвореніе мелочливой гордости, а для поддержанія голодающихъ, нагихъ и босыхъ. „Такимъ же образомъ, говорилъ въ письмѣ—какъ Богъ тебѣ заявилъ, займи и ты своимъ бѣднымъ ближнимъ. Каниталъ, которымъ ты соужаешь дѣтей Вожіемъ, ты сторией получишь еще на этотъ свѣтъ, а процентами Господь вознаградитъ тебя въ мірѣ будущемъ“. Что же касается лично его и его семьи, то родственникъ сообщалъ, что онъ совершенно *сомагъ бе-хемой* (доволенъ своей участью), ибо чувствуетъ невыразимое блаженство въблизи святыхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда красовался священный храмъ, который вновь возведется въ близкомъ будущемъ, когда придетъ Мессія; гдѣ нѣкогда виталъ духъ *Иеговы* надъ главою избраннаго народа; гдѣ низпущался святой огонь небесный для сожиганія богу-угодныхъ жертвъ, приносившихся на алтарѣ Вожіемъ великими жрецами Іудей. О матеріальномъ своемъ положеніи родственникъ сообщалъ *Блюхеру*, что онъ имѣетъ кусокъ хлѣба благодаря своему большакому ремеслу; что богатства онъ никогда не жаждалъ, такъ какъ оно рѣдко даетъ счастье и часто отклоняетъ отъ благочестиваго пути. Въ заключеніи онъ просилъ гвира *Блехера* не стыдиться своимъ родственничкомъ-ремесленникомъ. Честный трудъ, какъ бы грубъ и простъ онъ ни былъ, не позоритъ человека и благогоуденъ Богу. Для примѣра онъ исчислялъ многихъ еврейскихъ знаменитостей, на богословскомъ и философскомъ поприщахъ, которые поддерживали свое существованіе самыми грубыми ремеслами и нѣрѣдко даже поденною физическою работою. „Вспомни, братъ мой,—говорилось между прочимъ въ письмѣ,—вспомни про великаго учителя Гиллеля, вспомни, что и нашъ единовѣрецъ, великій философъ новѣйшаго времени, *Барухъ Спинода*, былъ шлейфовщикомъ; что, наконецъ, твой собственный дѣдъ и даже отецъ были жестианниками, и это ничуть не мѣшало имъ быть благочестивыми и всѣми чтимыми евреями“. Последняго замѣчанія я конечно не сталъ переводить вслухъ, щадя чванливость богача и опасаясь повредить интересамъ миссіи *Иерусалима*.

— Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ родился, я встрѣчаю еврея,

особенно родственника, который не канючилъ бы чего нибудь для себя, прихвативъ *Блюхеръ*. Впрочемъ, все равно: не просить для себя, такъ просить якобы для другихъ. Пѣсня таже, только на другой притѣвѣ. Особаго рода тактика. Но дать все таки дамъ. Въ томъ вѣдѣ и состоитъ моя непростительная слабость, что я не умѣю никому отказывать.

Блюхеръ порхалъ въ бумажничѣ, таинственнымъ образомъ всучилъ что то въ руку наестинцу и, простиившись съ нимъ небрежнымъ кивкомъ головы, повлекъ меня за собою въ кабинетъ для дѣловой бесѣды. Я въ дружескихъ выраженіяхъ попросилъ *Иерусалима* обождать меня внизу хоть четверть часа.

Окончивъ кабинетную бесѣду съ *Блюхеромъ*, я спустился внизъ и нашелъ моего *Иерусалима* сидѣть спокойно сидящимъ въ своей любимой позѣ. Но, посмотрѣвъ на него попристальнѣе, я нашелъ въ немъ поразительную перемену. Его обыкновенно спокойное, серьезное лицо было взволнованно, краснобагрово, черные глаза метали искры негодованія и гнѣва. При моемъ появленіи онъ вскопчилъ на ноги съ юношескимъ порывомъ.

— Представьте себѣ, братъ мой, сообщилъ онъ мнѣ съ замѣтною дрожью въ голосѣ, представьте себѣ, этотъ гвиръ, заставляющій задать своихъ родныхъ братьевъ въ свѣныхъ по цѣлымъ днямъ, этотъ *Иудейскій* паша не далъ мнѣ, то есть сотнямъ своихъ голодающихъ единовѣрцевъ, и пятой доли того, во сколько обошлась мнѣ побѣдка къ нему. Одна изъ этихъ голыхъ гурій, (онъ презрительно указалъ пальцемъ на одну изъ множества статуй) одинъ изъ этихъ мерзостныхъ, противныхъ нашей вѣрѣ, идоловъ стоитъ ему навѣрно въ двадцать разъ болѣе того, что онъ жертвовалъ мнѣ. И этого медоточиваго, подраженнаго еврея прославили за наводна (щедрога, благотворителя)?

— Успокойтесь, братъ мой, понитался я умиротворить разгнѣваннаго оріенталя. Развѣ вы не знаете, что *лашперороки* прославляются всегда гораздо болѣе настоящихъ? Развѣ вы не знаете, что пустой сосудъ звонитъ громче полнаго? Вѣдники еврей для общаго блага зачастую жертвуютъ пропорціонально гораздо болѣе, чѣмъ прославленные богачи, и шмуу никакого не дѣлаютъ. Повѣрьте, что каждый изъ этихъ нищихъ, вотъ которые обиваютъ пороги у этого гвира—щедрѣе его.

Я звалъ *Иерусалима* къ себѣ и дружески принималъ его, чувствуя къ нему непреодолимую симпатію.

— О, братъ мой, такъ гораздо лучше, кивнулъ онъ мнѣ головою, пріятно улыбаясь и указывая рукою на мою простую обстановку.

— Вы враг богатства, замѣтилъ я, улыбаясь въ свою очередь.

— Нѣтъ, богатство—даръ божій. Я только непримиримый врагъ чересъмѣрной, неразумной роскоши. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, евреи, да проститъ меня Господь, заслуживаютъ свой долговѣчный голубъ (изгнаніе). Этотъ народъ, чудомъ выплывшій изъ рабства, никакъ не можетъ освободиться отъ него и понять. Ницѣй раболовствуетъ предъ богатымъ, богачъ — предъ жидомъ, подражая иновѣрческой распущенности и расточительности. Евреи ни въ чемъ не знаютъ предѣла, ни въ чемъ не знаютъ мѣры: въ бѣдѣ они нагибаются какъ болотный тростникъ, въ счастья они надменно задираютъ головы какъ кедръ Ливана.

— Чтожъ! это доказываетъ только, что евреи умны и умѣютъ сообразоваться съ обстоятельствами, возразилъ я, съ единственною цѣлью заставить старика волноваться. Меня приятно поражала нелюбовь съ которою онъ высказывалъ свои мнѣнія.

— Умны, говорите вы? Да, они умны. Но именно въ этомъ умѣ, вѣчно дѣятельномъ, часто стремящемся по ложному пути ненасытнаго стяжанія земныхъ благъ, въ этомъ умѣ, доводящемъ многихъ изъ нихъ до мелкаго себелюбія, до кичливости, заносчивости и надженности, въ этомъ умѣ и кроется причина справедливаго гнѣва предвѣчнаго Іеговы, обрекающаго свой избранный народъ на долготѣнее скитаніе и страданіе. Унадокъ того вреднаго ума будеть вѣрнымъ предтечей временамъ Мессіи, первымъ символомъ милосердія карающаго великаго суды.

— О, вы черезъ чуръ уже строги, почтенный братъ мой. Зачѣмъ же вы обрекаете сами себя въ жертву для тѣхъ, которыхъ вы такъ нещадно осуждаете?

— Какъ! Развѣ сознаніе недостатковъ своей семьи уменьшаетъ горячую любовь къ ней? Я страдаю отъ своего безсилія исправить эти недостатки моихъ братьевъ, но, тѣмъ не менѣе, продолжаю любить ихъ. Если вы знакомы хоть сколько нибудь съ исторіею евреевъ въ блаженныя времена ихъ народной самостоятельности; если вамъ извѣстно общественная и частная ихъ жизнь, сначала разрушенія Іерусалима до нашихъ временъ; если вы слотрѣли на своихъ братьевъ не только глазами любящаго собрата, но и безпристрастнаго суды, то вы, надѣясь, моего справедливаго живія не опаривать не станете.

— А какъ исторія нашего народа хорошо знакома? удивился я.

— Кому же изъ насъ, любящихъ свою націю, не извѣстна исторія нашего народа? Развѣ только подобнымъ Блехерамъ, которымъ статуи го-

лыхъ женщинъ дороже всякихъ національныхъ интересовъ... Да, кстати, братъ мой, скажите мнѣ, что такое нашли во мнѣ избалованныя дѣти Блехера, что такъ обидно осмѣяли? Во мнѣ кажется ничего особенно смѣшнаго нѣтъ.

— Дѣти вѣдь они, неразумныя.

— Дѣти! У насъ неразумныя дѣти не присутствуютъ при бесѣдѣ старшихъ. Какой разумный отецъ позволитъ неразумнымъ дѣтямъ осмѣивать почетныя сѣдины старика-гостя!

— Вы вѣдь замѣтили, что Блюхеръ живетъ не по еврейски. Ну, онъ и дѣтой воспитывается по другому образцу, не еврейскому.

— Не еврейскому! Да, это должно быть такъ. Эта султанская роскошь, это надменное обращеніе, эта фальшивая улыбка, эта безумная расточительность и грязная скарденость въ одно и тоже время... Да, вдругъ сосредоточенно прервалъ онъ нить своихъ мыслей—тамъ, гдѣ нарождаются подобные надутые глупцы, тамъ начинаются и самыя страшныя бѣдствія націи. Я по боковой линіи происхожу изъ рода великаго Юсіфа Флавія, продолжалъ съ нескрываемою гордостью старикъ. Многие изъ нашего рода съ сердечнымъ трепетомъ слѣдили за переѣвичивою судьбою нашего народа...

— А! Теперь мнѣ понятно близкое знакомство ваше съ исторіей Израіля. Вашъ предокъ—первый еврейскій историкъ.

— Да, продолжалъ задумчиво и грустнымъ голосомъ Іерусалимъ. Тотъ мятежный духъ, та ненасытность и жажда почестей, которая до сихъ поръ порождаетъ въ евреяхъ непожѣрную гордость и бѣшенное стремленіе къ удовлетворенію мелкаго тщеславія, были главною причиною уничтоженія ихъ царства и вызвали множество страшныхъ бѣдствій, гоноенъ и кровопролитій, обрушивавшихся на нихъ. Вражда двухъ надменныхъ братьевъ изъ дома Маккавеевъ, Аристовула и Гирсана, наложивша на еврейскій народъ тяжелое иго римское; она, эта вражда, вытекшая изъ преступной гордости, навегда уничтожила народную самостоятельность и самую династію Маккавеевъ.

— Подобныя столкновенія личнаго самолюбія и человѣческихъ страстей часто встрѣчаются во всемірной исторіи. У всѣхъ народовъ повторялось одно и тоже. За это евреевъ укорять нельзя: это общая участь человечества.

— Многие народы явились какъ утренняя роса и исчезли безслѣдно, какъ она же, съ восходомъ яркаго солнца другихъ народовъ, а нашъ народъ сохранился до сихъ поръ; но, къ несчастію, вѣстѣ съ нимъ сохра-

нились и тѣ вѣковые недостатки, которые разлучили его съ его обѣтованною землею, съ его царствомъ, съ его счастьемъ. Еврейское племя—живой историческій урокъ всему человѣчеству. Его исторія, его бѣдствія достойны вниманія, достойны изученія.

— Къ чему вспоминать печальное прошлое?

— Нѣтъ, расходился старикъ. Я хочу вамъ доказать хоть нѣсколькими историческими фактами, что подобные *Блюхеры* были всегда главною причиною несчастья множества честныхъ Блюхеровъ.

— Ну, хорошо, говорите.

— Веру на выдержку нѣкоторые примѣры, какіе случайно вспомяну, скажетъ онъ. При Филиппѣ Августѣ, въ началѣ XII вѣка по христіанскому лѣтоисчисленію, евреи благоденствовали въ Парижѣ, занимали своими домами полгорода, были равноправные граждане, но увлеклись роскошью до того, что возбудили всеобщую зависть, преданы корыстолюбію и преступному ростовщичеству и тѣмъ возбудили всеобщую смертельную къ себѣ ненависть и сами создали свою будущую горькую участь. Въ Вріе забывшіеся въ счастіи евреи дерзнули собственнымъ самосудомъ казнить терновымъ вѣтникомъ и смертью мншаго вора, христіанина. Филиппъ Августъ, возбѣшенной дерзостью припелельцевъ, отправился самолично въ Вріе и велѣлъ сжечь всѣхъ тамошнихъ евреевъ, не разбиравъ даже дѣла. Въ царствованіи Ричарда I евреи благоденствовали въ Англіи, но замечались до того, что построили въ Лондонѣ такіе королевскіе дворцы, обнаружали такую бѣшенную роскошь, что возбудили животные инстинкты англійской черни, которая, наконецъ, въ 1189 году, ограбила и перебила всѣхъ евреевъ. Въ Англіи, точно также какъ и во Франціи, евреи престалились легкою наживою посредствомъ ростовщичества и довели чернь до иступленія. Въ 1264 году эта чернь убила болѣе пятисотъ евреевъ за то, что одинъ изъ жадныхъ ростовщиковъ вздумалъ содрать два лишнихъ пенса процентовъ съ своего бѣднаго должника.—Въ Саксѣ въ 1205 году еврейскіе разорбѣна была постройка новой синагоги. Надменные евреи построили ее вблизи христіанской церкви, взвели свою синагогу гораздо выше послѣдней, шумѣли и горлавили въ синагогѣ до того, что заглумали, какъ бы съ умысломъ, христіанскую литургію. Дошло наконецъ до того, что папа Иннокентій III пожаловался на нихъ королю. Съ тѣхъ поръ участь евреевъ въ Саксѣ сдѣлалась самою горькою.—Въ Кастиліи въ XIII вѣкѣ, евреи пользовались полною свободою и жили спокойно, пока не вышли изъ предѣловъ умѣренности и скромной простоты. Какъ только они зажили на

барскій образецъ, стали щеголять въ дорогихъ нарядахъ, одѣвать своихъ женъ въ кружева, украшать ихъ жемчугомъ и брилліантами, ихъ начали стѣснять и жестоко преслѣдовать.—Въ Вейсендорфѣ евреи до того зазнались, что вздумали обевѣличать и подражать могущественному тогда благородному рыцарству. Они, въ 1384 году, устроили еврейскій рыцарскій богатый турниръ, при стеченіи множества вознегодовавшаго народа. Мекленбургскіе дворяне напали на еврейскихъ рыцарей, ограбили и перебили ихъ.—Я могъ бы вамъ привести еще дѣльную сотню подобныхъ примѣровъ, если бы...

— Это, однакожъ, не оправдываетъ ихъ жестокихъ преслѣдователей съ точки зрѣнія права и человѣческаго чувства.

— Кто объ этомъ говоритъ! Оправдывать ихъ мучителей невозможно, нѣ, тѣмъ не менѣе, ихъ самихъ нельзя не упрекнуть въ пустомъ тщеславіи и заносчивости, свойственныхъ хотя всѣмъ вообще народамъ, но непрестительныхъ именно для евреевъ, къ которымъ примѣняется роковое правило, что всякое единичное лице отвѣтствуетъ за всѣхъ и всѣ за одного, вслѣдствіе чего это тщеславіе и чванство неоднократно, во время ихъ долготѣннаго скитанія, ухудшало ихъ и безъ того горькую участь. Вы говорите о правѣ и человѣческомъ чувствѣ? Но тогда царствовало одно право, право сильного, и одно чувство — инстинктъ самосохраненія и удовлетворенія своего личнаго я. Да и сами евреи не всегда были овечками, гдѣ дѣло касалось ихъ личныхъ интересовъ. При императорѣ Траянѣ, евреи возстали въ Сиренѣ и на островѣ Кипрѣ, умертвили множество мирныхъ жителей, совершенно опустошили Ливію и разрушили до основанія городъ Саламинъ. При Аппіѣ Руффѣ, во времена лжеименіи Баръ-Кохбы, за то, что толпа пыльных римлянъ отвязла пѣтуха и курицу, которыхъ, по еврейскому обычаю, несли предъ новобрачными, евреи напали на римлянъ и многихъ умертвили. Исторія послѣднихъ Маккавеевъ представляетъ собою длинную дѣль всевозможныхъ происковъ, кровавыхъ междусобой, страшныхъ убійствъ и отвратительныхъ предательствъ. У евреевъ были и свои Нероны и свои Калигулы. Александръ Янай въ 104 году перерѣзалъ своихъ же братьевъ иудеевъ болѣе 50,000 человекъ. Въ Вастоніи этотъ извергъ, во время своей веселой трапезы, у того самаго стола, гдѣ онъ скотски пресмычался, велѣлъ распять 800 фарисеевъ и во время ихъ смертной агоніи, пока они еще не успѣли потерять сознание, онъ, въ глазахъ этихъ мучениковъ, велѣлъ перерѣзать ихъ жевъ и дѣтей. У евреевъ были и свои инквизиціи и свои Торквемады. Симонъ-бенъ Шотакъ, глава Синедріона, осудилъ на мучи-

тельную смерть 80 женщин, обвиненных въ чародѣйствѣ, осудилъ на смертную казнь еврей за то, что онъ однажды поѣхалъ верхомъ въ субботній день. Низкая жадность и грубые инстинкты благоденствовавшихъ евреевъ дѣлали ихъ жестокосердными относительно своихъ же братьевъ. Когда несчастные евреи, изгнанные изъ Англіи и Гасконіи, пріютились во Франціи, то французскіе евреи, опасаясь соперничества и конкуренціи, угрожавшихъ ихъ несчастной жадности, разными средствами и путями исходятайствовами жестокое повелѣніе Филиппа IV объ изгнаніи бездомныхъ ситальцевъ. Да на что намъ погружаться въ глубь давно прошедшей старины, когда мы можемъ почерпнуть назидательные прикрѣпы и изъ очень недавняго прошлаго.

— Укажите, пожалуйста, попросилъ я Иерусалимъ. Я изумился его историческимъ свидѣніямъ и громадной памяти.

— Указать не трудно. Въ Польшѣ, напримѣръ, евреи жили счастливо и спокойно въ то время, когда въ другихъ государствахъ ихъ грабили, убивали, изгоняли, предавали рабству. Болеславъ, герцогъ польскій, въ 1264 году, издалъ законъ, которымъ предоставилъ евреямъ всѣ человѣческія права, оградилъ ихъ святини отъ поруганія, обезпечилъ ихъ личность и имущество и, подѣ страхомъ смертной казни, воспретилъ обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови, зная, что нелѣпое это обвиненіе болѣе всего возбуждало темныя массы народа противъ евреевъ. Въ 1354 году король польскій Казиміръ утвердилъ въ Краковѣ хартію Болеслава. И что-жъ! Евреи ужались въ Польшѣ, разбогатѣли, завладѣли всею торговлею и, злоупотребляя своимъ счастьемъ, мало по малу начали забываться, предавались жадности и испортили свою жизнь. Сдѣлавшись отвратительнымъ орудіемъ польскаго панства, орудіемъ безчеловѣчно выжимавшихъ бѣдныхъ хлопковъ разными прямыми и косвенными циннами, они въслѣдствіи призвали на свою виновную голову всѣ ужасы въ лицѣ кровавыхъ мстителей—Хмельницкаго въ XVII и Желѣзняка и Гонтя, въ XVIII вѣкѣ.

— Вамъ знакомы и эти событія, совершившіяся на теперешней русской землѣ? удивился я.

— Миѣ даже извѣстно много такого, что никому не извѣстно изъ этихъ событій, улыбнулся самодовольно Иерусалимъ.

— Какимъ же это образомъ?

— Видите ли, въ нашей многочисленной роднѣ, какъ я уже сказалъ вамъ, находились люди, записывавшіе все, что ни являлось достопримѣ- чательнаго въ современной имъ исторіи нашего народа. Не даромъ въ на-

шихъ жилахъ течетъ благородная кровь Іосифа Флавія. Что же касается событій времени Хмельницкаго, то я обладаю рукописью одного изъ моихъ дальнихъ родственниковъ, обратившагося, въ концѣ своей печальной жизни, въ лоно іудейства и умершаго въ Іерусалимѣ въ рукахъ одного изъ моихъ предковъ, въ концѣ XVII столѣтія. Рукопись эта переходила изъ рукъ въ руки и наконецъ досталась миѣ.

— Что же заключается въ той рукописи? заинтересовался я.

— О, тамъ разсказывается грустная, очень грустная исторія. Хотите ее прочесть?

Я горячо поблагодарилъ Іерусалимъ.

— Я вижу, что вы близко принимаете къ сердцу судьбу нашего народа. Я предлагаю вамъ эту рукопись въ подарокъ, на память отъ старика Іерусалимъ. Вы, можетъ быть, сдѣлаете изъ нея что либо полезное. Я же старъ и ничего изъ нея сдѣлать не могу.

На другой день рукопись была уже въ моихъ рукахъ. Толстая тетрадь была истрепана; веткая бумага распалзалась отъ неосторожнаго прикосновенія пальцевъ. Во многихъ мѣстахъ мелкія библейскія письмена сливались въ длинныя и широкія пятна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чернида пожеглась почти до полного исчезновенія. Многие листки были источены насѣкомыми, изгрызаны мышами.

Съ благоговѣннымъ чувствомъ къ памятнику давно прошедшихъ временъ я раскрылъ рукопись. Торжественно было ея начало:

«Во имя всесватаго Іегова, во имя великаго, всемогущаго, всестрашнаго Бога предковъ моихъ Авраама, Исаака и Іакова, я, ничтожнѣйшій изъ рабовъ его, съ трепетомъ сердечнымъ и съ душою сокрушенною, приступаю къ описанію происшествій, которыхъ я и отецъ мой (да упокоится душа его въ лонѣ Авраама) были очевидцами; также и тѣхъ событій о которыхъ мы слышали отъ правдивыхъ нашихъ братьевъ. Да одаритъ меня Господь языкомъ плавнымъ и памятью твердою, дабы я могъ ясно и правдиво повѣдать будущимъ поколѣніямъ Израиля о той карѣ небесной, которая постигла грѣшныхъ сыновъ великаго Господа нашего. И да обратятся братья мои къ лику Господа, да повернутся они въ прахъ предъ Нимъ и да воскликнуть: Восправедивимы! Свершилась святая воля твоя и да будетъ имя твое, о Іегова, благословенно во вѣки вѣкомъ. Аминь!»

Даніилъ сынъ Мигола Гасбарди.

Усиленно и долго рылся я в этой рукописи. Не смотря на горячую молитву, предосланную историческому труду, великий Иегова не надблбилъ лѣтописца ни плавнымъ языкомъ, ни памятью твердою. Разсказъ оказался сбивчивымъ, во многихъ мѣстахъ не яснымъ, непоследовательнымъ. Форма лѣтописи была тоже измѣнчива. Лѣтописецъ являлся то дѣйствующимъ лицомъ, то повѣствователемъ. Относительно географіи и этнографіи лѣтописи страдала значительными пробѣлами. Хронологическаго порядка въ разсказѣ тоже не оказывалось. Чтобы создать изъ этой лѣтописи нѣчто хоть сколько нибудь стройное, пришлось совершенно измѣнить во многихъ мѣстахъ форму и порядокъ; пробѣлы, насколько оказалось возможнымъ, пришлось пополнять изъ другихъ европейскихъ лѣтописей и хроникъ.

Вотъ какой счастливой находкѣ обязанъ я возможностью заглянуть хоть нѣсколько за кулисы той народной сцены семнадцатаго столѣтія, на которой разыгралась кровавая драма; сцены, на которой представляется изумленному взору нынѣшняго человѣчества сотысячная гора изуродованныхъ труповъ, дѣлая рѣки человѣческой крови, дѣлае море пламени, покрывающей долготѣніе трупы мирныхъ народонаселеній; сцены, на которой раздаются, съ одной стороны, дикий, побѣдоносный крикъ остервенившаго изувѣрства, а съ другой—волье отчаянія и мольба мучимымъ жертвѣ; сцены, на которой люди, созданные по подобію Возю, подъ вліяніемъ жажды мести, стремленія къ независимости и легкой наживѣ, по напѣтю эгоистическихъ, бышвенныхъ страстей, превращаются въ хищныхъ, кровоядныхъ звѣрей; словомъ: сцены извѣстной подъ многознаменательнымъ названіемъ «Хмельничина» *.

Г. Богровъ.

* Содержаніе самой рукописи Даниела Гасфарди авторомъ изложено въ его сочиненіи «Еврейскій Манускриптъ» первая часть котораго уже вышла въ свѣтъ отдѣльной книжкой.

ВЗГЛЯДЪ НА ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ

въ Россіи и за-границей.

(ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.)

Давно уже замѣчено историками, что устойчивость и долговѣчность извѣстныхъ общественно-историческихъ явленій не находятся вообще ни въ какой необходимой зависимости отъ силы и продолжительности дѣйствія тѣхъ причинъ, которыми явленія эти были вызваны впервые. Мотивы, послужившіе поводомъ къ установленію того или другого порядка вещей, обыкновенно не долгу удерживаются въ общемъ сознаніи въ своемъ первоначальномъ видѣ и во многихъ случаяхъ даже совершенно исчезаютъ изъ памяти людей; прежнія дѣйствительныя причины незамѣтно вытѣсняются другими, которыя въ свою очередь подвергаются съ теченіемъ времени всевозможнымъ измѣненіямъ и метаморфозамъ, безъ ущерба однако для самого факта, прочность котораго нисколько не страдаетъ отъ измѣнчивости его логическаго фундамента. Исторія представляетъ не мало прихворъ замѣчательной стойкости установленій и обычаевъ, происхождение и разумное основаніе которыхъ извѣстно только ученымъ изслѣдователямъ и публицистамъ; еще больше встрѣчается институтовъ, которые, утративъ свою первоначальную дѣлу и свое прежнее значеніе, сохраняютъ тѣмъ же менѣе полную силу въ нѣсколько измѣненной формѣ и по совер-

* Предлагаемый этюдъ имѣетъ быть первоначально для одного изъ обществъ научныхъ изданій, чѣмъ и объясняется самый характеръ его изложенія.

шенно другим основаниям, соответствующим изменившемуся характеру окружающих условий.

Къ этому послѣднему разряду явленій съ постепенно изменяющеюся логической подкладкой принадлежатъ между прочимъ обширная группа тѣхъ принимавшихся въ разное время и въ различныхъ государствахъ законодательныхъ мѣръ, разсмотрѣнію и оцѣнкѣ которыхъ посвящена настоящая статья.

I.

Спеціальныя законоположенія о евреяхъ имѣли вездѣ почти своимъ первоначальнымъ источникомъ мотивы *чисто-религіозныя*; мотивы эти побуждали законодателей то совершенно изгонять евреевъ изъ предѣловъ страны, то отдѣлять ихъ строго отъ остального населенія и придумывать для нихъ самые странные исключительные законы, то наконецъ подвергать ихъ жестокимъ преслѣдованіямъ и казнямъ.

Впоследствии, къ религіозному элементу начинаютъ мало по малу приѣшиваться *соображенія экономическія* и финансовыя, парализующія на первыхъ порахъ вліяніе религіозныхъ мотивовъ: евреи и ихъ денежные обороты становятся источникомъ государственныхъ доходовъ и берутся поэтому подъ охрану власти. Законъ прямо объявляетъ евреевъ принадлежностью казны (*servi fiscales, Kammerknechte*), даетъ имъ значительныя права по торговлѣ и превышенности и взаи́мъ этого налагаетъ на нихъ массу разнообразныхъ податей и повинностей*.

Дѣйствія повидому въ противоположныхъ направленіяхъ, религіозныя и экономическія мотивы съ теченіемъ времени сливаются между собою и образуютъ вѣчто среднее, неопредѣленное и колеблющееся; вмѣстѣ съ тѣмъ и политика правительствъ относительно евреевъ, прямая и рѣшительная до тѣхъ поръ, пока она имѣла исключительно религіозный характеръ, дѣлается, подъ вліяніемъ финансовыхъ соображеній, двуличною, колеблющеюся и нерѣшительной, оставаясь впрочемъ въ сущности всею безъ измѣненія. Стремленіе примирить, на сколько возможно, интересы религіи съ выгодами государей и народовъ сообщило юридическому быту евреевъ въ государствахъ средневѣковой Европы крайне-своеобразныя, отчасти сби-

* Значеніе евреевъ какъ „робовъ казны“ объяснено впервые въ приписки кн. Фридриха II (1238 г.); но преданію, породающему между прочимъ въ „Шибскомъ сорахѣ“ (§ 146), евреи были модернамъ фиску еще римскимъ императоромъ Траянъ. См. С. а. в. к. i. Тоденз, *Roopnaam o' joodsch*, 1807, стр. 60 и сл.

чивыя и неясныя очертанія; въ положеніи евреевъ, при двойственности относившихся къ нимъ правительственныхъ соображеній, не могло быть ничего прочнаго и опредѣленнаго. Признанные въ данной странѣ полезными для другихъ классовъ населенія и между прочимъ для казны, евреи никогда не могли считать себя гарантированными отъ возможныхъ въ этомъ отношеніи переи́мъ въ взглядахъ правительства или отъ внезапныхъ порывовъ религіознаго рвенія, неоднократно бравшаго верхъ надъ всякаго рода посторонними расчетами. Нерѣдко, въ случаѣ какихъ-либо финансовыхъ затрудненій, призывали евреевъ на льготныхъ для нихъ условіяхъ, съ тѣмъ, чтобы при первой возможности удалить ихъ обратно, лишивъ ихъ предварительно имущества; особенно часто практиковался этотъ способъ обогащенія государственной казны въ Испаніи и во Франціи въ продолженіе первой половины среднихъ вѣковъ.*

Ослабивъ на первыхъ порахъ силу религіознаго элемента, экономическіе интересы дѣлаются вскорѣ главной его опорой и въ свою очередь выдвигаются уже на первый планъ въ качествѣ основанія, оправдывающаго необходимость ограничительныхъ узаконеній и мѣропріятій относительно евреевъ. Коммерческія занятія послѣднихъ, усилившіяся особенно въслѣдствіе односторонняго направленія законодательства и въслѣдствіе затруднительности и даже невозможности другихъ занятій при непрочности связей, соединившихъ евреевъ съ жѣсткостью ихъ пребыванія, дали новую, болѣе осязательную пищу общей ненависти противъ евреевъ. Ненавистъ эта получаетъ отчасти экономическую подкладку, которая въ соединеніи съ религіозными мотивами на долго обезпечиваетъ господство прежней исключительной относительно евреевъ политики.

Прекранный характеръ законодательства упрочивается еще болѣе по мѣрѣ того, какъ выясняются и выступаютъ наружу *результатами производствъ* *мнѣръ*, направленныхъ къ обособленію и отчужденію евреевъ отъ христіанскаго міра. Обязанные жить отдѣльными замкнутыми въ себѣ общинами, въ отведенныхъ имъ кварталахъ и улицахъ, носить особо установленную для нихъ одежду и заниматься только извѣстнаго рода промыслами, преимущественно денежными оборотами и ростовщичествомъ, евреи со всѣми своими племенными и бытовыми особенностями дѣлаются предметомъ суетвѣрнаго отвращенія и даже страха; имъ присписываются сношенія съ нечистой силой и всевозможныя злодѣянія, изъ которыхъ нѣкоторыя до но-

* См. *Béaudeau, Les juifs en France, en Italie et en Espagne*, Paris 1867, pp. 478—9, 357 sq. и др.

вѣйшаго времени соединяются въ понятіяхъ народныхъ съ представленіемъ объ еврейской вѣрѣ.* Типическія свойства и наклонности евреевъ, пріобрѣтшія необыкновенную силу и оригинальность, благодаря, между прочимъ, недолученію брачныхъ общеній съ другими племенами, являются таинкимъ образомъ неслыханнымъ матеріаломъ въ дѣлѣ упроченія враждебныхъ еврейскихъ особенностей въ сферѣ средневѣковаго законодательства.

Таковы, въ общихъ чертахъ, главные составные элементы того фундамента, на которомъ въ теченіе многихъ столѣтій держалось строгое зданіе специальныхъ узаконеній о евреяхъ. При всей измѣчивости и разнохарактерности этихъ элементовъ, практическое дѣйствіе ихъ оказывается однако довольно однороднымъ; и однородность эта достигается не сразу, а послѣ дѣлаго ряда колебаній и временныхъ уклоненій, отражавшихся весьма чувствительно на отношеніяхъ правительствъ къ евреямъ. Не смотря на частую смѣну однихъ соображеній другими, релігиозные мотивы все-таки не теряли никогда своего рѣшающаго значенія; переѣна релігій всегда считалась вполнѣ достаточнымъ поводомъ къ игнорированію всякаго рода племенныхъ и экономическихъ особенностей, какъ бы значительны и рѣзки онѣ ни были.

Построенный на такихъ основаніяхъ юридическій бытъ евреевъ могъ измѣниться только подъ влияніемъ общегосударственныхъ идей и потребностей, выражавшихся съ особенной энергіей въ концѣ прошлаго столѣтія. Первоначально понятіе о государствѣ имѣло еще церковный оттѣнокъ, нашедшій себѣ выраженіе въ теоріи „христіанскаго государства“, въ силу которой еврействъ не было вѣста въ нормальномъ общественномъ строѣ. Евреи оказывались чуждымъ, большей частью вреднымъ наростомъ, могущимъ претендовать только на терпимость, а никакъ не на какія-либо обще-гражданскія права; терпимость-же должна была оплачиваться специальными налогами (taxe de tolerance, Schutzgeld), почему евреи и назывались терпимыми, покровительствуемыми (Schutzjuden). Никакихъ общихъ правъ не

* Средневѣковыя понятія о евреяхъ находились въ тѣсной связи съ господствовавшей въ тѣ времена вѣрой въ колдовство, вѣдамъ и т. п. О измѣненіи этихъ суевѣрій на волненіяхъ еврейскъ собраній интересныя факты въ извѣстномъ соч. проф. Хельсона: „О измѣненіяхъ средневѣковыхъ общенійхъ противъ евреевъ“ (Спб. 1891). Что касается знаній евреевъ, то ростоичество сдѣлалось монополией ихъ съ тѣхъ поръ, какъ церковь, запрещая христіанамъ отдавать деньги въ ростъ, дозволяла заниматься этимъ однимъ только евреямъ; въ XIII и XIV вѣкахъ устанавливались даже для увеличенія государственнаго дохода особыя таксы, инае которыхъ евреи не могли брать проценты. Относительно оцѣнки евреевъ съ обязательными для нихъ особаго рода знаками см. статью г. Леонтова въ „Киевскій уѣзд. уѣзд. изв. 1864 № 3, стр. 35, а также Steinhilber, Versuch einer Geschichte der Juden in Polen 1860 S. 78.

предполагалось за евреями; за каждое представленное имъ право они должны были платить особо, тѣмъ и объясняется обиліе и разнообразіе лежавшихъ на нихъ податей.*

Съ распространеніемъ болѣе здравыхъ понятій о природѣ и задачахъ государства, должно было измѣниться и положеніе евреевъ. Евреи не могли уже разсматриваться, какъ чуждые пришельцы или иностранцы; въ странахъ, гдѣ они жили въ теченіе многихъ поколѣній, они были несомнѣнно также туземцы, какъ и остальное населеніе. Евреи уже слишкомъ давно утратили значеніе самостоятельнаго народа, чтобы происхожденіе ихъ могло еще служить основаніемъ для какихъ-либо исключительныхъ постановленій; понятно было также, что сохраненіе прежняго порядка вещей въ отношеніи къ евреямъ вело-бы лишь къ безцѣльному урѣковѣченію существовавшихъ особенностей и различій, которыя должны быть, напротивъ, сглаживаемы по возможности въ интересахъ общегосударственныхъ. Правительства начинаютъ сознавать, что ихъ дѣло—„объединять различія, а не санкціонировать ихъ“ и что несправедливо, при равенствѣ обязанностей, поддерживать неравенство въ правахъ **. Подобныя мысли стали высказываться въ политической литературѣ уже въ половинѣ прошлаго столѣтія; но первые серьезные шаги къ эмансипаціи евреевъ сдѣланы были гораздо позже.

Прежде всего старыя узаконенія о евреяхъ рушились, конечно, во Франціи, благодаря революціи 1791 года. Но въ этой странѣ, гдѣ въ продолженіе среднихъ вѣковъ евреи потерѣлись больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, актъ эмансипаціи, при малочисленности оставшихся тамъ евреевъ, не имѣлъ важнаго практическаго значенія, тѣмъ болѣе, что для Эльзаса съ его значительнымъ еврейскимъ населеніемъ оставлены были въ силѣ прежнія ограниченія. Для окончательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса созванъ былъ Национальнъ I въ концѣ 1808 г. „великій спедіюнтъ“, который, состоя изъ почетнѣйшихъ представителей евреевъ, разрѣшилъ съ надлежащимъ авторитетомъ все сомнѣніе законодателя. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе усиленныхъ, поступающихъ изъ Эльзаса жалобъ на тамошнихъ евреевъ, дѣло эмансипаціи замедлилось и было завершено только во время реставраціи хартіей Людовика XVIII, признавшей полную свободу вѣроисповѣданій. Совершенная равно-

* Мы не говоримъ здѣсь, разумѣется, о правахъ которыя были безусловно недоступны евреямъ, каковы напр. право владѣть недвижимою собственностью, имѣть въ услуженіи или работѣ христіанъ, жениться съ нами въ бракъ, занимать публичныя должности.

** См. объ этомъ прекраснѣе замѣчаніе Блюмента въ его „Staatsvertrabuch“, Bd. V., SS. 441—447 (Art. „Rechtliche Lage der Juden“).

правность, как юридическая, так и фактическая, осуществилась, впрочем, лишь при Люи-Филиппе, когда еврейское духовенство стало получать содержание от казны наравнѣ съ служителями церкви (законъ 8 февр. 1831).*

Другія государства не скоро послѣдовали примѣру Франціи. Нѣкоторые, правда, правительства, находившіяся въ зависимости отъ Наполеона, поспѣшили съ своей стороны принять начало равноправности въ примѣненіи къ евреямъ (напр. въ Вестфали, Баденѣ, герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ). Но въ Германіи не только равноправность, но и простая вѣротерпимость не находила еще никакого почти отголоска. Противъ эмансипаціи были такіе философы, какъ Фихте, и поэты, какъ Гёте. Еще въ 1818 г., по поводу спора евреевъ съ сенатомъ города Франкфурта, берлинскій юридическій факультетъ, во всемъ своемъ блестящемъ въ то время составѣ (Савиньи, Эйхгорнъ, Гемель, Винеръ и Шмальцъ), высказался въ томъ смыслѣ, что евреи всегда были въ Германіи чужіе, несвободные и крѣпостные и что въ такомъ качествѣ они принадлежали императору, отъ котораго эти обязательныя отношенія, на сколько они касались франкфуртскихъ евреевъ, перешли къ городскому управленію Франкфурта.**

Постановленія союзнаго акта 1815 г. (§ XVII) объ улучшеніи положенія евреевъ остались мертвой буквой; конституція 1849 г., осытившая впервые принципъ независимости гражданскихъ и политическихъ правъ отъ вѣроисповѣданія (§ 144), не удостоилась, какъ извѣстно, утвержденія. Въ отдѣльных германскихъ государствахъ, особенно въ небольшихъ, какъ напр. въ Мекленбургѣ, Гессенѣ и др., евреи подлежали еще до новѣйшаго времени весьма разнообразнымъ и крайне-тягостнымъ ограниченіямъ, которыя отмѣнены окончательно только закономъ 3 іюля 1869 г. Законъ этотъ, взлощенный въ единственной статьѣ, гласитъ, что «отмѣняются всѣ существующія еще ограниченія гражданскихъ и публичныхъ правъ, протекающія изъ вѣроисповѣдныхъ различій; въ особенности способность къ участию въ общественномъ и земскомъ представительствѣ и къ отравленію общественныхъ должностей не должна зависѣть отъ религіи»*** Нѣкоторыя

* Hagarides, p. 427 и сл. много поучительныхъ данныхъ и соображеній относительно еврейскаго вопроса содержится въ протосколахъ засѣданій синода (см. приложение въ книгѣ Бедаррика), а также въ протосколахъ государственнаго совета за 1805 г. (см. статью Гизо въ «Revue des deux Mondes», 1857 juillet).

** Gutzl., Geschichte der Juden Lpz. 1868 Bd. XI, S. 350 и сл.

*** Подробная исторія и разборъ этого закона, равно какъ и отчетъ о посвященіяхъ ему засѣданій рейхстага, напечатаны въ «Archiv des deutschen Reichs», v. Jungfermann, 1874, Bd. 1, Heft 3—5, S. 1089 sq.

изъ существовавшихъ ограниченій отмѣнены были еще ранѣе закономъ 1-го ноября 1867 г. (о свободѣ передвиженія); съ тѣхъ поръ вопросъ о правахъ евреевъ нѣсколько разъ обсуждался въ рейхстагѣ и откладывался каждый разъ вслѣдствіе успокоительныхъ обѣщаній и заявленій правительства, которыя однако не исполнялись, что и побуждало, наконецъ, рейхстагъ принять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ. Вслѣдствіи законъ 3 іюля 1869 г. принять былъ и южно-германскими государствами и получилъ такимъ образомъ силу общенѣмецкаго закона.* Что же касается предоставленія евреямъ права вступать въ бракъ съ христіанами и отмѣны спеціальной формы присяги для евреевъ, то эти два пункта не были включены въ приведенный законъ, такъ какъ они должны были войти уже въ законъ о гражданскомъ бракѣ и въ новый уставъ гражданского судопроизводства по принадлежности.

Въ такомъ-же смыслѣ какъ въ Германіи, разрѣшенъ былъ еврейскій вопросъ во всѣхъ безъ исключенія западно-европейскихъ государствахъ, большей частью въ теченіе послѣдняго дѣсятилѣтія. Своеобразный ходъ имѣлъ этотъ вопросъ въ Англіи, гдѣ послѣ неоднократныхъ изгнаній евреи стали прочно селиться только въ XVII в., при Карлѣ II и Кромвеллѣ. До конца прошлаго столѣтія англійскіе евреи находились въ положеніи иностранцевъ и не имѣли права натурализаціи; хотя уже въ 1753 г. и состоялся билль о дарованіи имъ этого права, но этотъ билль, вслѣдствіе вызваннаго имъ въ народѣ сильнаго возбужденія и противодѣйствія не могъ получить практическаго осуществленія. Мало по малу англичане смыслили однако съ мыслью о натурализаціи евреевъ, которые фактически давно уже допущены были къ приобрѣтенію правъ гражданства; а такъ какъ никакихъ различій или отгѣнковъ не существуетъ въ правахъ гражданъ по англійскому праву, то, разъ переставъ быть иностранцами и поступивъ въ великобританское подданство, евреи естественно сдѣлались полноправными гражданами страны. Фактическая равноправность англійскихъ евреевъ, благодаря высокому матеріальному и общественному положенію ихъ, упрочилась ранѣе и надежнѣе чѣмъ въ континентальныхъ государствахъ, за исключеніемъ развѣ Франціи. Только допущеніе евреевъ въ парламентъ сопряжено было съ значительными трудностями, имѣвшими, впрочемъ, преимущественно фор-

* Въ Баденѣ и Гессенѣ законъ этотъ получалъ силу на основаніи ст. 20 союзной конституціи, въ Виртембергѣ—по союзному договору 25 ноября 1870 (ст. 1 и 2), въ Баваріи по имперскому закону 22 апр. 1871 г.—См. Archiv v. Jungfermann, I c., S. 1098.

мальный характер; въ 1857 г., съ извѣщеніемъ формулы присяги по поводу выбора одного изъ Ротшильдовъ въ члены парламента, пало и это послѣднее ограниченіе. Теперь не возбуждаются уже ни въ обществѣ, ни въ печати никакія сомнѣнія или толки въ случаѣ назначенія еврея на какой-нибудь видный правительственный постъ; укажемъ для примѣра на сэра Джоржа Джесселя, который въ 1873 г., при лордѣ-канцлерѣ Сельборнѣ, назначенъ былъ на одну изъ высшихъ судебныхъ должностей въ королевствѣ—на должность „главнаго архиваріуса“ (Master of the Rolls) и въ этомъ званіи принялъ былъ въ члены тайнаго королевскаго совѣта (Privy Council). Сообщая по этому поводу обычными свидѣніи о личности и заслугахъ сэра Джесселя, журналы совершенно не обратили вниманія на еврейское происхожденіе его, выставленное на видъ нѣкоторыми изъ специально-еврейскихъ изданій.* Въ этомъ отношеніи Англія далеко опередила напр. Германію, гдѣ понятию еще сохранились явственныя слѣды прежнихъ стѣсненій евреевъ въ правахъ на занятіе общественныхъ должностей.

Каковы бы вообще ни были фактическия различія въ положеніи евреевъ въ государствахъ современной Европы, во всякомъ случаѣ въ смыслѣ юридическомъ, еврейскіе урѣзки уже уравнины съ послѣдователями другихъ религій; вѣтѣвъ съ тѣмъ, подъ объединяющимъ дѣйствіемъ общихъ законовъ, они все болѣе и болѣе теряютъ свои характерныя племенные особенности и склонности. Отличіе евреевъ отъ окружающаго населенія возвращается постепенно къ своему первоначальному исходному началу—къ началу чисто религіозному, изъятому изъ лоды прежней оцѣнки государственной и свободному уже отъ всякаго рода постороннихъ, чуждыхъ религій и не соответствующихъ ей достоинствъ, прирѣсовъ.

Единственная почти въ настоящее время страна въ Европѣ, сохраняющая еще массу исключительныхъ постановленій относительно евреевъ—Россія—уже съ начала нынѣшняго столѣтія дѣлаетъ замѣтныя попытки къ нѣкоторому объединенію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ. Правильное разрѣшеніе еврейскаго вопроса представляеть для нашего отечества несравненно болѣе важности, чѣмъ какую представляло оно въ другихъ государствахъ, ибо во первыхъ, въ предѣлахъ Россіи евреи находятся въ несравненно болѣе числѣ и образуютъ болѣе компактный, болѣе замкнутый и своеобразный слой, чѣмъ въ какой-бы то ни было другой странѣ; и во вторыхъ, ненормальныя условія юридическаго быта евреевъ, какъ объ-

яснено будетъ нами ниже, дѣйствуютъ у насъ въ высшей степени вредно какъ на самихъ евреевъ, такъ и еще въ большей мѣрѣ на общіе интересы западнаго края и всего вообще государства, между тѣмъ какъ въ западной Европѣ направленныя противъ евреевъ мѣры обыкновенно мало задѣвали другіе интересы, кромѣ еврейскихъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся въ краткомъ очеркѣ сгруппировать существенныя черты нашего законодательства о еврейскъ, причемъ остановимся главнымъ образомъ на основныхъ элементахъ вопроса въ ихъ послѣдовательномъ историческомъ развитіи.

II.

Политика, которой держалось наше законодательство по отношенію къ евреямъ, начиная съ прошлаго столѣтія, отличается замѣчательной послѣдовательностью и энергіей; въ ней не замѣтно ни рѣзкихъ колебаній, ни тѣхъ порывистыхъ скачковъ, которые были столь часты въ западно-европейскихъ государствахъ.

Направленіе этой политики характеризуется тѣмъ, что, не допуская вообще евреевъ въ предѣлы Россіи, правительство тѣмъ не менѣе мирилось съ фактомъ существованія еврейскаго населенія въ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ и старалось только сохранить этотъ фактъ въ его прежнемъ, повидимому безвредномъ для остальной имперіи видѣ, принимая въ то же время мѣры къ приученію евреевъ къ полезному труду и къ извлеченію изъ нихъ пользы для государствъ.

Основная особенность русскаго законодательства о евреяхъ, состоящая въ ограниченіи района ихъ осѣлости, составляетъ не что иное какъ сохранившійся по нынѣ остатокъ тѣхъ временъ, когда Польша была еще самостоятельнымъ государствомъ и когда на основаніи трактатовъ ея съ московскими царями евреямъ возбранялось пріѣзжать изъ польскихъ и нынѣшнихъ западно-русскихъ областей въ Россію. Такое запрещеніе существовало уже въ трактатахъ XVII столѣтія*. Получивъ Польшу въ свое

* См. анжуровской договоръ 11 января 1667 г. и 11, договоръ 8 августа 1678 г. и 8, трактатъ 26 апр. 1686 и 18 и др.—Еще въ первой половинѣ XVII ст., когда польское правительство вело въ Берескѣ съ московскими между прочимъ по вопросу о евреяхъ, послѣднее завязло въ спѣхъ, что „вѣдкамъ фидата въ Россію не угодно, да того что отравили гдѣя пріѣзжанъ въ Россію а россияны отъ христіанства отводима, а они-бы, короля, зарежь не пускахъ“. Также и при избраніи Владислава постановлено было условіемъ, чтобы „вѣдкамъ въ российское государство съ термомъ и некоторыми дѣлами не фидата“. Ср. ст. Леонтьева, № 4 „Кіевскихъ унив. изв.“ 1864, стр. 2 и слѣд.

* Ср. отзывы о Джесселѣ въ „Law Magazine“ (1874 № 1, р. 32 и сл.) и въ „Law Times“ за 1873 г.

владыи, русское правительство сохранило за нею, какъ известно, значительную долю автономии и въ отношеніяхъ къ ней руководствовалось даже прежними международными договорами, въ которыхъ именно и удержалось правило о недопущеніи евреевъ въ Россію въ собственномъ смыслѣ. Съ теченіемъ времени источникъ этого правила затерялся въ общемъ сознаніи и былъ совершенно забытъ, а самое правило между тѣмъ оставалось и остается въ силѣ до сихъ поръ, послѣ того какъ давно уже исчезли породившія его условія. Пока существовала еще независимость Польши, еврейскіе жители ея находились относительно Россіи въ качествѣ иностранцевъ, въ такомъ же положеніи, въ какомъ и нынѣ находятся иностранные евреи, которымъ по прежнему доступъ въ Россію затрудненъ, а въ русское подданство — совершенно закрытъ*; но, превратившись изъ международного закона въ законъ внутренней, упомянутое выше правило поставило законодателя на почву, неизбежно парализующую все его начинанія относительно евреевъ. Нигдѣ законодательная власть не занималась такъ много и старательно вопросомъ о положеніи евреевъ, какъ у насъ; количество изданныхъ у насъ въ разное время указовъ и постановленій о евреяхъ, по размѣрамъ своимъ, превосходить, быть можетъ, все, что было сдѣлано по этому предмету въ подобный же періодъ времени во всѣхъ другихъ странахъ въ совокупности **. Не смотря однако на такую плодотворность законодательной дѣятельности, дѣйствительное положеніе евреевъ нигдѣ не измѣнялось такъ слабо и медленно, какъ у насъ въ Россіи.

Систематическія законоположенія о евреяхъ являются у насъ впервые при Екатеринѣ II. До того времени преобладало чисто-отрицательное отношеніе къ евреямъ, истекшее исключительно изъ мотивовъ религіознаго свойства; законодательство ограничивалось періодическими изгнаніями евреевъ и подтвержденіемъ указовъ о недопущеніи ихъ въ Россію. Слѣдовать такой политикѣ оказывалось, разумѣется, крайне затруднительнымъ и даже невозможнымъ по мѣрѣ расширенія нашихъ границъ къ западу; невозможность эта вылилась уже при импер. Елисаветѣ Петровнѣ, когда подтвердительный указъ о высылкѣ евреевъ изъ Малороссіи и изъ другихъ мѣстъ встрѣтилъ весьма всѣмъ и настоятельныя возраженія со стороны мѣстныхъ властей и правительствующаго сената, съслывавшихся при

* См. указъ 29 апр. 1869 г. (Дополн. собр. Зап. № 49247).

** Вышедшій издавъ «Пятилѣтней хронологической обзорки законовъ о евреяхъ» г. Лешанки составляетъ обширный томъ большого формата, въ 1188 стр.; главная масса (съ 50-й стр.) содержащихся въ немъ законовъ о евреяхъ относится къ 1700-лѣтнему столѣтію.

этомъ на насущныя эконоическія нужды страны. * Если эти возраженія и отвергнуты были императрицей, какъ противорѣчія ея религіозному чувству, то въ нихъ все-таки сказывается уже сила фактическихъ условій и потребностей общегосударственныхъ, которыя рано или поздно должны были взять верхъ надъ личными чувствами законодателя. Чисто-государственные политическіе мотивы выступаютъ наружу только въ указахъ Екатерины II и между прочимъ въ законѣ 7 мая 1786 г., въ которомъ впервые высказано было начало полной въротеримости въ примѣненіи къ евреямъ. **

Отъ возрѣвій Екатерины не отступалъ на первыхъ порахъ и императоръ Александръ I. Положеніе 9 декабря 1804 г. «объ устройствѣ евреевъ» представляеть собою серьезную попытку осуществить эти возрѣвія на практикѣ и преобразовать внутренній бытъ евреевъ сообразно съ общими интересами страны. Евреи раздѣлены на четыре класса, изъ которыхъ наибольшія льготы и преимуществами пользуются земледѣльцы, а также фабриканты и ремесленники; прежнія двойныя подати оставлены только для кучества и мѣщанства, съ общаиеніемъ однако, что «когда все вообще еврей въ земледѣліи, мануфактуряхъ и кучествѣ окажутъ постоянное направленіе и прилежаніе, то правительство приметъ тогда мѣры къ уравниенію ихъ въ податяхъ со всѣми другими» (ст. 29). Предѣлы постоянной ослѣдности евреевъ опредѣлены точнѣе со включеніемъ въ нихъ, кромя губерній западныхъ и южныхъ, еще астраханской и кавказской; для огражденія же коренныхъ жителей, особенно поселятъ, отъ злоупотребленій и вреднаго вліянія евреевъ, ограничены права посѣдѣвшихъ по торговлѣ виномъ и по содержанію арендъ въ селеніяхъ. Установлены также мѣры къ распространенію между евреями просвѣщенія; имъ открытъ доступъ въ общія учебныя заведенія и университеты, гдѣ предоставлено имъ пріобрѣтать ученія степени на общемъ основаніи.

Не все, конечно, постановленія закона 1804 года могли рассчитывать на одинаково-успѣшныя практическіе результаты; такъ напр., выселеніе евреевъ изъ селъ и деревень, гдѣ они жили еще при польскомъ прави-

* Полн. собр. зак., I. № 8973 и 8849 (изъ 2 дек. 1742 и 16 дек. 1743); на доказательство силы положенія резолюціи: «отъ импер. Христовыхъ не желая интересной прибыли».

** И. С. З., № 16391; въ этомъ указѣ приводится слогъ императрицы, что «когда означенное сребряное законодательство люди возмужаютъ, изъ основанія указовъ Ея Величества, въ состояніи равнѣе съ другими, имъ и издаваться при всякомъ случаѣ подобныя права», Ея Величестваго установленію — что всѣмъ по завѣсу и состоянію своему должны пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа».

тельность, не могло быть осуществлено во всей строгости и по необходимости было приостановлено уже в 1808 г. Вслед затѣмъ учрежденъ былъ особый комитетъ для изысканія способовъ къ достиженію предположенной первоначально дѣли; въ 1818 г. онъ былъ закрытъ, не исполнивъ повидимому своей задачи. Въ 1823 г. (ук. 1 мая) учрежденъ былъ новый комитетъ, но уже съ болѣе обширной программой: дѣло шло уже о пересмотрѣ всѣхъ дѣйствовавшихъ законовъ о евреяхъ и о составленіи новаго положенія, въ замѣтъ прежняго, оказавшагося не практичнымъ.

Въ концѣ царствованія Александра I обнаруживается вообще нѣкоторый поворотъ въ политикѣ правительства относительно евреевъ. Надежды на прирученіе ихъ къ „полезному труду“ путемъ предписаній и указовъ замѣтно ослабли; является сознание, что измѣнить вѣковыя наклонности и привычки еврейскаго племени—не во власти закона. Религіозныя побужденія снова вступаютъ въ свои права, слышавъ отчасти съ государственнымъ и экономическимъ соображеніями; учреждается „Общество израильтянскихъ христіанъ“ съ обширными полномочіями и правами; принимающимъ христіанство евреямъ даются значительныя преимущества и пособия; издается указы о воспрещеніи евреямъ держать въ услуженіи христіанъ и брать въ аренду помѣщичьи имѣнія; дозволеніе селиться въ губерніяхъ астраханской и кавказской берется обратно. Въ 1825 г. дѣлается распоряженіе объ удаленіи на 50 верстъ отъ границъ всѣхъ вообще евреевъ, на томъ основаніи, что многие изъ нихъ подорывались въ вѣденіи контрабандной торговли. * Въ законодательствѣ удерживается такимъ образомъ взглядъ на евреевъ какъ на временный пришлый элементъ, связи котораго съ почвой могутъ быть порваны когда угодно; этимъ самымъ законъ, очевидно, подрывалъ въ самомъ корнѣ систему прирученія евреевъ къ земледѣлію, немелкому, разумѣется, безъ увѣренности въ прочномъ правѣ жительства въ странѣ.

Въ періодъ времени отъ 20-хъ годовъ до настоящаго царствованія правительство дѣйствовало у насъ неуклонно въ духѣ послѣдняго періода императора Александра I. Исходя изъ того возрѣнія, что евреи „болѣе вредны, нежели полезны для государства“**, законодатель старался поставить какія-либо преграды „чрезвычайною размноженію этого племени

* Постановленію это существовало уже съ 1812 г., но, какъ объяснено въ указѣ 30 іюня 1825 г., почти совсѣмъ не приводилось въ исполненіе.

** Слова указа 28 дек. 1828 (№ 2558).

въ Россіи“, для чего и устанавливалъ разнаго рода ограниченія, вызывавшія въ свою очередь новыя нѣпріятія и новые законы, которые между тѣмъ постоянно сталкивались съ дѣйствительностію и рѣдко могли быть исполняемы въ точности. Множество законовъ издано было о способахъ переселенія евреевъ изъ селъ въ города, а также о выселеніи ихъ изъ нѣкоторыхъ городовъ, напр. изъ Кіева (первый указъ объ этомъ—2 декабря 1827 г.); но всѣ эти законы, хотя и вели къ разоренію массъ еврейскихъ обывателей, никогда однакожъ не переходили окончательно въ дѣло. Само правительство вынуждено было давать постоянныя отсрочки и нѣрѣдко даже совершенно отказываться, по крайней мѣрѣ на время, отъ предпринятаго дѣла; такъ, выселеніе евреевъ изъ селъ, послѣ неоднократныхъ подтвердительныхъ указовъ, было наконецъ прекращено въ 1835 г., а въ Кіевѣ, гдѣ евреи жили еще во времена Владимира Мономаха, * они живутъ и доселѣ, не смотря на энергическія, понынѣ не прекратившіяся, старанія удалить ихъ отсюда. Такая же судьба постигла и законъ объ удаленіи евреевъ на 50-ти верстное разстояніе отъ границы: приостановленный въ своемъ дѣйствіи въ 1833 г., онъ былъ подтвержденъ въ 1839 г. и затѣмъ давалъ поводъ къ многочисленнымъ затрудненіямъ и вопросамъ, не допускающимъ по существу своему другого исхода, кромѣ отмены самого закона, очевидно несовѣтнаго съ принятымъ у насъ, какъ и во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, началомъ личной и общественной безопасности и неприкосновенности частныхъ лицъ, не провинившихся положительно предъ закономъ.

Главный продуктъ законодательства прошлаго царствованія относительно евреевъ есть новое о нихъ положеніе, выработанное упомянутымъ выше комитетомъ 1823 г. и изданное 13 апрѣля 1835 г. Положеніе это, сохранившее еще въ существенныхъ частяхъ силу дѣйствующаго закона, поднимаетъ юридическій бытъ евреевъ подробной регламентаціи, носящей на себѣ отбѣнокъ болѣе государственно-политической, чѣмъ религіозной. Подтверждая и отчасти только смягчая существовація для евреевъ ограниченія, законъ 1835 г. вмѣстѣ съ тѣмъ гарантируетъ евреямъ пользованіе

* См. Steinhilberg. Versuch einer Geschichte der Juden in Polen. S. 21, 26 и др.—Историческія постановки запрещенія евреевъ жить въ Кіевѣ служили параллелію, дарованнымъ польскими королями кіевскимъ евреямъ; объ этихъ ирландскихъ условіяхъ см. въ указѣ 2 дек. 1827 г. шукъ объ основаніи ирландской правительственной мѣры удаленія евреевъ изъ города. Подобныя-же параллели существовали и относительно другихъ городовъ, напр. Вильны (П. С. С., I, № 232 30 іюня 1638 г.).

нѣкоторыми правами и дать значительныя преимущества тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ «управляться въ полевныхъ занятіяхъ», особенно земледѣльческихъ. Евреямъ дозволено въ чертѣ ихъ общій общины не только переселяться съ одного мѣста на другое по общимъ правиламъ, но и приобретать недвижимую собственность всякаго рода, кромя имѣній населенныхъ (ст. 12); во внутреннихъ губерніяхъ они могутъ приказать на время, въ извѣстныхъ, определенныхъ закономъ, случаяхъ. Въ дѣлахъ общаго управления евреи рѣзко отдѣлены отъ обывателей-христіанъ: въ городахъ они образуютъ изъ себя особые кагалы, а въ селеніяхъ составляютъ отдѣльныя общества, стояція въ сторонѣ отъ остальныхъ поселеній, что не могло, разумеется, способствовать развитію въ евреяхъ охоты къ земледѣлію, которое можетъ вестись успѣшно только при постоянномъ общеніи съ крестьянской средою и при возможности содѣйствія съ ея сторонѣ. Эта отдѣленность еврейскихъ общинъ, прямо противорѣчащая цѣлямъ правительства, продлится еще и поддѣйшими узаконеніями, какъ напр. положеніемъ 26 декабря 1844 г. «о евреяхъ земледѣльцахъ», въ которомъ также содержится правило, что «при сѣянкѣ участковъ для поселенія евреевъ, усадебныя мѣста назначаются въ нѣкоторомъ по возможности отдаленіи отъ христіанскихъ поселеній» (ст. 15)*. Немаловажнымъ также недостаткомъ поощрительныхъ мѣръ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, является чрезвычайная суровость наказаній и штрафовъ, угрожавшихъ поселенцамъ за «неправдное» веденіе хозяйства.

Основныя начала положенія 1835 г. получили дальнѣйшее развитіе и подтвержденіе въ послѣдующихъ указахъ, изъ которыхъ нѣкоторые отдѣлены только недавно. Намъ нѣтъ никакой надобности останавливаться на всей этой массѣ постановленій, коренная слабость которыхъ состоитъ именно въ ихъ многочисленности и однородности; ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями объ общемъ ихъ характерѣ и направленіи.

III.

Всѣ постановленія о евреяхъ, издаваемыя въ прошлое царствованіе, распадутся на двѣ группы: въ одной преслѣдуется цѣль религіозная — обращеніе евреевъ въ христіанство, а въ другой — цѣль государственная и экономическая.

* Правило это было отменено указомъ 6 марта 1847 г. (н. 4).

Заботу о достиженіи первой цѣли этихъ цѣлей беретъ на себя не церковь съ ея служителями, а государство, дѣйствующее при этомъ не путемъ проповѣди и убѣжденій, а посредствомъ денежныхъ награждъ, пособій и общаго матеріальныхъ выгодъ *. Переходъ въ христіанство избавляетъ преступника отъ наказанія, рекрутъ — отъ военной повинности и всякаго вообще — отъ лежащихъ на немъ податей; супругъ освобождается отъ брачныхъ узъ, если они ему тяжелы, и отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ другому супругу **. Принимать православіе предоставлено не только взрослымъ людямъ, но и дѣтямъ, и притомъ не только съ согласія, но и безъ согласія родителей.

Эти и подобныя имъ мѣры, превративъ перемѣну религіи въ дѣло корыстнаго расчета, сдѣлали почти невозможнымъ переходъ въ христіанство для людей уважающихъ себя и не желающихъ бросить тѣмъ на свойство своихъ побужденій; главный контингентъ выростаетъ долженъ быть необходимо, по смыслу самого закона, состоятъ изъ разнаго рода темныхъ и даже преступныхъ личностей, отъ приобретенія которыхъ церковь едва-ли выигрывала.

Что касается мѣръ, основанныхъ на общегосударственныхъ соображеніяхъ, то онѣ имѣютъ своей исходной точкой понятіе о евреяхъ, какъ о «вредномъ» племени, которое надо держать подъ неусыпной полицейской опекой. Естественно, что проникнутыя такимъ взглядомъ мѣры, нарушавшія относительно евреевъ общія основанія общекритія и вторгавшіяся въ сферу самыхъ стойкихъ частныхъ интересовъ, производили, вмѣсто ожидаемыхъ закономъ послѣдствій, одно лишь крайнее разстройство въ хозяйственной и юридической жизни населеннаго еврейскаго края.

Тѣ-же постановленія, которыми только ограничивались права евреевъ и опредѣлялись условія ихъ внутренняго быта, имѣли большей частью свѣтлый результатъ не что иное, какъ только поддержаніе и утвержденіе обособленности и замкнутости еврейскихъ обществъ. Во всѣхъ отрасляхъ общаго управленія и профессиональныхъ занятій существовали для евреевъ особые исключительные законы; у нихъ были свои общества — кагалы, свои особые порядки въ дѣлѣ распредѣленія и отправленія повинностей, спеціальныя, сверхъ общаго, налоги (коробочный и свѣчной), свой

* Денежныя пособія (въ размѣрѣ отъ 15 до 30 р.) введены закономъ 2 ноября 1842.

** Объ этомъ вѣдѣтъ, какъ и вообще о юридическомъ бытѣ русскихъ евреевъ, вышесказанно много дѣльных замѣчаній въ статьяхъ И. П. Орловскаго въ «Юр. Библиотекѣ» т. III и IV 1872—3.

рекрутский устав, особые «неремесленные пехи»,—словомъ, евреи устроены были буквально въ видѣ особаго государства въ государствѣ. Въ качествѣ людей, платящихъ подати на общемъ основаніи, но все-таки «вредныхъ для страны», евреи, въ отношеніи къ государству не имѣли другихъ правъ, кромѣ положительно дарованныхъ имъ закономъ; на службу они, въ случаѣ окончанія университета, могли быть принимаемы только по особымъ высочайшимъ разрѣшеніямъ и по удостовѣреніямъ начальства о способностяхъ ихъ. Такъ-же точно евреи, служащіе въ рядахъ арміи, могли быть производимы въ унтеръ-офицеры не иначе какъ по особымъ высочайшимъ указамъ.

Значительнымъ переиначамъ подверглось наше законодательство о евреяхъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, хотя существенный характеръ его остался прежній. Прекде всего смягчена та рѣзкость, съ какою до тѣхъ поръ выступала въ законахъ религіозная сторона вопроса. Въ 1860 г. отмѣнено правило о выдачѣ вознагражденія военнымъ чинамъ изъ евреевъ за принятіе православія; въ общей своей формѣ правило это, распространенное въ 1859 г. на случаи перехода въ другія христіанскія вѣроисповѣданія, удержится вѣроятно также не долго. Въ 1861 г. постановленъ новый порядокъ присоединенія евреевъ къ христіанству, причѣмъ безъ согласія родителей предоставлено креститься только начиная съ 14-ти лѣтняго возраста; изъятія изъ этого правила допускаются лишь «по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія святѣйшаго синода». * Въ 1866 г. состоялась отмѣна закона о смягченіи наказаній ниневѣрцамъ, принимающимъ христіанство во время производства надъ ними слѣдствій или суда (указъ 24 марта). Въ правилѣхъ 29 іюня 1867 г. въ числѣ лицъ, освобождаемыхъ отъ рекрутской повинности, значатся еще «евреи, принявшие христіанскую вѣру до обнародованія распоряженія о предстоящемъ наборѣ» (п. 8); по указомъ 24 января 1872 законъ этотъ отмѣненъ. **.

Касательно района осѣлости евреевъ сдѣлано еще мало измѣненій; изъ относящихся къ этому предмету законовъ наиболее важными представляются два указа, которыми дозволено извѣстнымъ разрядамъ евреевъ селиться безпрятственно на всемъ пространствѣ Россіи. Оба эти указа,

* Указъ 4 декабря: см. также, указы 29 ноября 1859 и 25 марта 1860 (п. С. З. № 377) и 3510 и 40703).

** П. С. З. № 44875 и Собр. узак. и распоряж. правительствъ, 1872 № 58, стр. 102.

подобно предшествовавшимъ такого же рода узаконеніямъ, исходятъ изъ того воззрѣнія, что доступъ во внутреннія губернія можетъ быть открытъ евреямъ только въ видѣ награды за прилежаніе и усердіе въ «плодномъ трудѣ».

Законъ 27 ноября 1861 г. даетъ «нѣкоторыя преимущества евреямъ, получившимъ образованіе»; преимущества эти состоятъ въ томъ, что евреи, приобретшіе ученныя степени въ университетахъ, «допускаются въ службу во всемъ вѣдомствѣхъ, безъ ограниченія мѣстопребыванія ихъ чертою для постоянной осѣлости евреевъ опредѣленно», внѣ которой имъ, кромѣ того, можно имѣть постоянное пребываніе для заведенія торговли и промышленности. Законъ этотъ, касаясь незначительнаго числа лицъ, не могущихъ въ сущности считаться принадлежащими къ специально-еврейскому населенію, важенъ для еврейской массы скорѣе въ теоретическомъ, чѣмъ въ практическомъ смыслѣ, такъ какъ допущеніе евреевъ къ государственной службѣ было вездѣ однимъ изъ послѣднихъ и самыхъ тяжелыхъ звеньевъ въ исторіи еврейскаго вопроса.

Гораздо больше практическаго значенія долженъ былъ повидимому имѣть законъ 28 іюня 1865 г. о дозволеніи евреямъ-механикамъ, винокурамъ, пивоварамъ и вообще мастерамъ и ремесленникамъ проживать повсемѣстно въ имперіи. Изъ мотивовъ къ этому закону видно, что первоначально (въ 1856 г.) предполагалось приступить не къ какому либо частнымъ мѣстамъ, а къ «пересмотру всѣхъ существующихъ осѣлокъ постановленій, для согласенія ихъ съ общими видами слиянія сего народа съ коренными жителями, на сколько нравственное состояніе евреевъ можетъ это дозволить»; затѣмъ, по предложенію графа Киселева, передавашаго это Высочайшее повелѣніе состоявшему подъ его предѣлительствомъ еврейскому комитету, обращено было между прочимъ вниманіе на положеніе евреевъ ремесленниковъ въ западныхъ губерніяхъ. Въ фактическихъ данныхъ, собранныхъ объ этомъ предметѣ комитетомъ, бытъ всѣхъ вообще евреевъ, вслѣдствіе чрезвычайнаго, искусственнаго скопленія ихъ въ предѣлахъ отведенныхъ имъ мѣстностей, рисуется въ крайне печальномъ свѣтѣ; при этомъ начальники населенныхъ еврейми губерній съ особенной силой указывали на вредныя послѣдствія, происходящія для остальныхъ жителей отъ невозможности для множества евреевъ приписывать себѣ правильные заработки. Остзейскій генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ и новороссійскій—графъ Строгановъ предлагали совершенно отмѣнять исключительные законы о чертѣ осѣлости евреевъ, при чемъ послѣдній находилъ что «существованіе въ насто-

ящее время каковых бы то ни было ограничений въ гражданскихъ правахъ евреевъ, сравнительно съ христіанскимъ населеніемъ, не сообразно ни съ духомъ и направленіемъ времени, ни съ стремленіемъ правительства къ сближенію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ имперіи». Заявленія эти были однакоже отклонены въ силу высказанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ соображеній о несвоевременности столь обширной реформы, и въ результатѣ вышла частная мѣра, въ видѣ разрѣшенія евреямъ ремесленникамъ проживать по законнымъ паспортамъ и билетамъ во внутреннихъ губерніяхъ и въ столицахъ, а молодымъ евреямъ не старше 18 лѣтъ, хотя бы и не изъ ремесленного сословія,—прѣзжать туда же, для обученія мастерствамъ, на срокъ не свыше пяти лѣтъ. Сама по себѣ мѣра эта, очевидно, совсѣмъ не соответствуетъ силѣ тѣхъ мотивовъ, которыми она повидимому вызвана; съ другой стороны, даже въ нынѣшнемъ содержаніи своемъ, она слишкомъ слабо обезпечиваетъ прочность даруемаго ремесленникамъ права, чтобы побудить ихъ воспользоваться имъ въ желательныхъ размѣрахъ*.

Немного также новаго внесено въ юридическое положеніе евреевъ, собственно въ предѣлахъ ихъ постоянной осѣды. Политическія причины, заставившія правительство взяться энергично за дѣло усиленія русскаго элемента въ западномъ крайѣ, ухудшили отчасти состояніе еврейскаго населенія, какъ элемента неудобнаго и ненадежнаго въ государственномъ смыслѣ. Предоставленное евреямъ въ 1862 г. право пріобрѣтать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ взято назадъ въ 1864 г. (указъ 10 іюля). Лицамъ русскаго происхожденія, пріобрѣтшимъ имѣнія на льготныхъ условіяхъ, запрещено указомъ 23 іюля 1865 г. отдавать землю въ аренду евреямъ; и только во вниманіе къ интересамъ и нуждамъ самихъ земледѣльцевъ, дозволено было евреямъ въ 1867 г. (8 декабря) быть арендными содержателями и управителями состоящихъ при тѣхъ имѣніяхъ мельницъ и заводовъ. Впоследствии, именно закономъ 12 мая 1874 г., ограничены также въ значительной мѣрѣ права евреевъ по питейной торговлѣ; ограниченія эти относятся преимущественно къ раздробительной продажѣ напитковъ. Разумѣется впрочемъ само собою, что воспрещать евреямъ извѣстныя занятія, дававшія имъ пропитаніе, и въ тоже время не откры-

* Изъясненіе изъ прошествившихъ изслѣдованій и вопросовъ, порожденныхъ закономъ 28 іюня 1865 г. разсматривая въ статьѣ г. Гурлава въ «Среднѣмъ Истѣмкѣ» за 1870 г. № 34 и 35 («Имѣнія-ли евреи ремесленники право пріобрѣтать недвижимую собственность въ мѣстахъ изъ жительства за чертою общей осѣды евреямъ?»).

вать имъ выхода изъ края, въ которомъ они оказываются лишними и даже вредными,—значитъ дѣйствовать нецѣлесообразно и непоследовательно.

Независимо отъ приведенныхъ ограниченій, указами 1866 г. (18 февраля и 5 сентября) и 1869 г. (30 мая) воспрещено евреямъ и вообще не-христіанамъ пріобрѣтать имѣнія въ остзейскихъ губерніяхъ.

Система обращенія евреевъ въ земледѣльческое состояніе, послѣ нѣсколькихъ облегчительныхъ указовъ, отмѣнена окончательно постановленіемъ 30 мая 1866 г. Въ усилія и затраты, употребленныя законодательствомъ на ея осуществленіе, были повидимому безплодны. Отказываясь отъ прежнихъ задачъ, невыполнимыхъ, какъ по самому свойству своему, такъ и по обстоятельствамъ, при которой онѣ преслѣдовались, законъ остается при старой, такъ сказать оборонительной политикѣ относительно евреевъ, заботясь преимущественно объ уменьшеніи вреднаго ихъ вліянія и о поддержаніи вообще status-quo въ отношеніяхъ еврейской массы къ русскому населенію и къ государству. Подтверждается законъ о недовольствѣ принимаемыхъ иностранныхъ евреевъ въ подданство (29 апрѣля 1869 г.); сохраняются ограниченія въ правахъ евреевъ по участию въ общественномъ управленіи и въ службѣ въ выборахъ. Въ городскомъ положеніи 15 іюня 1870 г. удержано еще правило о томъ, что число выборныхъ изъ не-христіанъ не должно превышать одной трети общаго числа главныхъ, хотя бы евреи въ данномъ мѣстѣ и составляли большинство населенія; тоже самое постановлено относительно состава городскихъ управъ. Евреи не могутъ быть, кромѣ того избираемы въ городскіе головы, ни исправлять ихъ должностъ*. Интересы хозяйственнаго представительства имѣютъ, безъ сомнѣнія, мало общаго съ религіозными различіями, и подчиненіе еврейскаго большинства христіанскому меньшинству въ дѣлахъ чисто экономическихъ, при одинаковости податей и налоговъ для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, объясняется лишь, кромѣ силы преданія и привычки, общимъ ненормальнымъ положеніемъ евреевъ въ отведенныхъ имъ для жительства губерніяхъ.

Разсматриваемые вообще какъ чуждый элементъ, подлежащій оцѣнкѣ относительно полезности его для страны въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о пользованіи какими либо общегражданскими правами, евреи наши всегда признавались и признаются вполнѣ русскими подданными въ дѣлѣ отравленія общими государственными повинностями. Новое весьма важное

* Городское положеніе, ст. 32 и 77.

подтверждение получило этот взгляд на евреев, как на полных, со стороны обязанностей, граждан, в последнем воинском уставе, которым на еврейское население, как на всех вообще коренных жителей, возложена самая тяжкая из гражданских обязанностей—личная воинская повинность, не допускающая ни замѣны, ни выкупа. Призывная русским евреев къ равному съ другими подданными къ участию въ священномъ дѣлѣ защиты отечества,—въ предѣлахъ котораго имъ, впрочемъ, жить не дозволяется,—законъ принимать въ тоже время строгія спеціальныя мѣры къ предотвращенію случаевъ уклоненія евреев отъ рекрутчины и къ установленію правильного учета еврейскаго населенія по возрастамъ *. И въ этомъ отношеніи, согласно общему господствующему у насъ относительно евреевъ принципу, одна возможность злоупотребленій съ ихъ стороны считается достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы заранѣе подчинить всехъ вообще еврейскихъ жителей исключительнымъ стѣпеніямъ, въ видахъ облегченія задачи закона и его исполнителей, — хотя стремленіе къ избежанію личной воинской повинности присуще не только евреямъ, а и всемъ прочимъ классамъ населенія въ большей или меньшей мѣрѣ, сообразно съ ихъ понятіями, привычками, условиями хозяйственными, религиозными и иными **.

Примѣненіе къ евреямъ устава о воинской повинности и позднѣйшихъ дополнительныхъ къ нему постановленій, обнаруживъ какъ нельзя рѣзче ненормальность положенія евреевъ, какъ людей съ полными относительно государства обязанностями безъ соответствующихъ послѣднихъ правъ, должно несомнѣнно повести къ ускоренію окончательной развязки существующаго у насъ еврейскаго вопроса.

IV.

Проглѣдивъ въ историческомъ порядкѣ ходъ нашего законодательства о евреяхъ, начиная съ конца прошлаго вѣка по настоящее время, мы должны теперь указать на основаныя пункты того вопроса, который принято у насъ

* См. Указъ 9 января 1874, в. 3 и 3, а также Высочайше утвержденное 2 октября 1874 г. постановление комитета министровъ, в. 6 и 11.

** О снѣз этой возможности къ различію повинности, въ различныхъ слояхъ населенія, можно судить по слѣдъ размѣрамъ, наемъ получала у насъ торговля зачѣтными рекрутскими квитанціями кельды изъ общероссійскихъ уѣздовъ 1 января 1874 г. С., также позыльшия вересенію, по этому поводу, меконшатовъ, татаръ и др. за-границу.

называть еврейскимъ, по который въ сущности есть вопросъ обще-государственнаго свойства.

Пока существовала еще самостоятельность Польши, еврейскіе жители ея находились, относительно Россіи въ такомъ же положеніи, въ какомъ нынѣ находится иностранцы евреи, которымъ по прежнему доступъ въ Россію затрудненъ, а въ русское подданство совершенно закрытъ. Но въ настоящее время запрещеніе евреямъ въѣзда изъ присилонскихъ и западно-русскихъ губерній въ другія мѣстности, прикрѣпля значительную массу населенія къ опредѣленному пространству безъ вниманія къ экономическимъ средствамъ послѣдняго, есть несомнѣнно особаго рода крѣпостное право, съ тѣмъ только различіемъ, что обыкновенныя крѣпостныя отношенія даютъ обязаннымъ ими лицамъ извѣстную матеріальную обезпеченность, тогда какъ въ данномъ случаѣ евреямъ, прикрѣпленнымъ къ району ихъ осѣдлости, предоставлено только или покрывать самихъ себя или эксплуатировать на столько возможно, остальное населеніе.

Поэтому, что при такихъ условіяхъ заботы правительства о прирученіи евреевъ къ «полезному труду» должны были оказаться совершенно тщетными. Трудъ, какъ бы онъ ни былъ полезенъ вообще, обезпечиваетъ только тогда, когда на него существуетъ спросъ; при искусственной же скучности населенія и при простирающейся отсюда чрезмѣрности предложенія сравнительно съ спросомъ, можетъ быть бесполезнымъ и самый полезный трудъ *. Съ другой стороны, отрицательныя мѣры правительства, направленныя къ воспрещенію евреямъ извѣстныхъ вредныхъ для остальныхъ жителей промысловъ, еще болѣе усложняютъ положеніе дѣла, увеличивая и безъ того значительную трудность въ присканіи способовъ къ жизни въ отведенныхъ евреямъ предѣлахъ, что въ свою очередь ведетъ къ крайне невыгоднымъ экономическимъ послѣдствіямъ не для однихъ только евреевъ, но и для всего эксплуатируемаго ими края **.

* См. мотивы къ закону 28 июля 1895 г. относительно евреевъ-ремесленниковъ.

** Въ отчетѣ комитета англо-еврейской ассоціаціи г. Лейп, бывшего вѣстомъ 1874 г. въ Петербургѣ для собранія свидѣній о положеніи русскихъ евреевъ, содержится между прочимъ критико, но весьма полное описаніе общей, коальной націонъ еврейской массы, не доходящей до современнаго года (какъ было въ 1869 г.) только по своей собственной неосторожной виновности и способности ихъ доводить свои потребности до крайняго, невозможнаго почти минимуму. См. «Report of the Anglo-Jewish Association» for the year 1873—1874, London, pp. 97 и др. Отчетъ этотъ обходится однимъ молчаніемъ горенна причина зла: о чрезъ осѣдлости увеличивается только несомнѣнно (р. 65), а главное вниманіе обращено нолучено изъ религиознаго и образовательнаго нужды евреевъ, въ недостатокъ будто бы автономіи, а также на навалды журналистовъ и писателей, дѣлающихъ себѣ карьеру путемъ очерненія своихъ бывшихъ единоплеменн. (р. 64). Очевидно, свидѣнія г. Лейп не совсемъ точны.

Прикрѣпленіе евреевъ къ западной и отчасти южной окраинамъ имперіи, возникшее по случайнымъ, давно уже утратившимъ силу, историческимъ причинамъ, есть основной фактъ, въ которомъ всецѣло содержится еврейскій у насъ вопросъ со всеми его трудностями и особенностями. Остальные стороны вопроса составляютъ или необходимые послѣдствія и принадлежности или дальнѣйшія усложненія этого основного факта.

Устраненіе этого ненормального факта, находящагося въ очевидномъ разладѣ съ основаніями здравой государственно-экономической политики, пренятствуетъ главнымъ образомъ, какъ видно изъ мотивовъ къ закону 1865 г., опасеніе быстрого передвиженія и наплыва евреевъ во внутреннія губерніи, въ случаѣ открытія имъ туда свободнаго доступа. Между тѣмъ опасеніе это падаетъ само собою, въ виду фактической обстановки вопроса о мѣсто-пробываніи вообще; право повсемѣстнаго жительства не предполагаетъ, разумеется, дѣйствительнаго, постоянного пользованія этимъ правомъ, и какъ никто вообще не дѣлается кочующимъ, переходящимъ съ мѣста на мѣсто, только потому, что законъ позволяетъ ему проживать гдѣ угодно, такъ же точно и евреи не стали бы, безъ крайней нужды, бросать свои родныя мѣста для перехода въ новыя, невѣдомыя имъ мѣстности, гдѣ среди плотной массы чуждаго имъ населенія имъ приходилось бы разстаться съ своей своеобразной общинной замкнутостью и съ старыми привычками и условіями жизни. Что евреи, какъ и всѣ вообще люди, не легко отрываются отъ мѣста своей родины, можно видѣть изъ того слабого употребленія, какое сдѣлали они до сихъ поръ изъ закона 28 іюля 1865 года.

Не трудно, кромѣ того, понять, что забота объ охраненіи внутреннихъ губерній отъ еврейскаго элемента, еслибъ она и имѣла основаніе, должна рѣшительно ступаться предъ необходимостью освободить западныя край отъ лежащаго на немъ непоправимаго гнета, вълѣдствіе прикрѣпленія къ нему массы людей, которымъ тамъ нѣтъ мѣста и которые могутъ существовать тамъ только въ ущербъ другимъ и себѣ. Нѣтъ, очевидно, никакого мотива къ тому, чтобы жертвовать однимъ краемъ, западнымъ—одной изъ лучшихъ окраинъ Россіи,— ради охраненія другихъ мѣстностей отъ вообразимой опасности, угрожающей имъ будто бы отъ евреевъ. Опасность эта, къ тому же, была бы возможна только со стороны представителей дѣйствительной силы евреевъ, именно со стороны высшего купечества, которое однажды давно уже (съ 1859 г.) получило свободный доступъ внутрь Россіи; допустивъ же туда сильнѣйш., нѣтъ уже основанія закрывать входъ предъ слабыми.

Говоря о юридическомъ положеніи евреевъ, ставить нерѣдко вопросъ о пользѣ или вредѣ ихъ для другихъ жителей и для государства; во такой вопросъ, очевидно, не болѣе законенъ, чѣмъ обратный вопросъ о полезности какому бы то ни было другому классу населенія для остальныхъ обывателей страны и между прочимъ для евреевъ. Послѣдніе, живя въ своихъ теперешнихъ мѣстахъ жительства, въ теченіи длиннаго ряда поколѣній, начиная съ X и XI вѣка *, составляють такое же коренное населеніе, какъ и прочіе жители; перешедши же, со включеніемъ Польши въ составъ Россіи, въ русское подданство, они естественно должны считаться столь же коренными русскими подданными, какъ и все прочее населеніе бывшихъ польскихъ областей. Возбуждать же вопросъ о полезности для страны какой либо составной части ея населенія—значить становиться на почву, которой держались, напримѣръ, французскіе террористы 1791 г., осуждавшіе и разбивавшіе по своему вопросу о пользѣ и вредѣ невѣстными общественными классами и отдѣльными личьями для государства.

На основаніи всего сказаннаго нами выше, мы можемъ отмѣтить три основныя характеристическія черты, которыми опредѣляется юридическое положеніе евреевъ въ Россіи.

А) Вудучи прикрѣплены къ опредѣленному району осѣдлости, евреи, считаясь вообще русскими подданными, находятся еще въ особомъ, совершенно исключительномъ состояніи подданства по отношенію къ населеннымъ ими западнымъ и православнымъ губерніямъ, хотя послѣднія давно уже утратили значеніе самостоятельнаго государства.

Б) Относительно евреевъ законодательство наше во всѣхъ вообще случаяхъ держитъ непримѣимой ни къ какому другому классу жителей системы предположеній, въ силу которой всѣ безъ изятія люди, принадлежащіе по рожденію къ еврейской вѣрѣ, каковы бы ни были фактическія различія и особенности ихъ, разсматриваются, какъ безразличная, однородная масса лицъ, подозреваемыхъ въ противозаконныхъ наклонностяхъ и дѣйствіяхъ, безъ отдѣленія притомъ виновныхъ отъ виновныхъ. Въсѣтъ

* Въ Польшѣ евреи поселились впервые въ концѣ IX ст. Общее юридическое положеніе ихъ опредѣлено съ наибольшей подробностью и точностью въ уставахъ вышней привилегіи, дамой имъ Болеславомъ благочестивымъ въ 1294 г. См. Szasli, стр. 107—119. Въ австро-галльскихъ губерніяхъ евреямъ такое положеніе съ XI в. завѣ, въ концѣ того столѣтія оно подверглось измѣненію въ Рим. Sternberg S. 21. Ср. также „Mémoire sur la situation des Israélites en Pologne“, Paris, 1858.

съ тѣмъ, относительно евреевъ, законъ старается путемъ общихъ, надающихъ на всѣхъ одинаково, ограниченій, предупредить самую возможность незаконныхъ или вредныхъ дѣйствій (такъ напр. для предупрежденія совращенія въ христіанство—запрещеніе держать въ услуженіи христіанъ, для предупрежденія контрабанды—выселеніе на известное разстояніе отъ границы, для предупрежденія уклоненій отъ воинской повинности—особыя жѣры и правила и т. п.), тогда какъ по отношенію къ прочимъ подданнымъ, какія бы склонности они ни обнаруживали, дѣйствуютъ лишь общіе законы, имѣющіе преимущественно карательное, а не предупредительное направленіе.

В) Евреи признаются настоящими русскими подданными только съ отрицательной стороны, т. е. со стороны обязанностей, налоговъ и повинностей; въ положительномъ-же смыслѣ они считаются людьми только терпимыми, могущими рассчитывать на пользованіе тѣми лишь изъ соединенныхъ съ подданствомъ общими правами, которыя опредѣлительно дарованы или даруются имъ въ видѣ особыхъ преимуществъ.

Что касается логическихъ основаній и мотивовъ, лежащихъ въ основѣ проинкнутаго приведенными началами законодательства, то мотивы эти могутъ быть только тройкаго рода:

1) *Религіозныя*;—этотъ элементъ однакожъ не имѣетъ у насъ, въ настоящемъ случаѣ, большого значенія тѣмъ въ другихъ странахъ, что видно уже изъ безпрятственнаго допущенія евреевъ въ должностямъ, которыя даже въ такихъ государствахъ какъ Германія сдѣлались имъ доступными только въ послѣдніе годы. Если религія можетъ служить препятствіемъ къ чему-либо, то именно къ тому, чтобы довѣрять инновѣрцамъ правительственные посты, сопряженные съ властью надъ христіанами; по этому-то вездѣ почти главная суть еврейскаго вопроса состояла именно въ вопросѣ о предоставленіи евреямъ публичныхъ правъ и особенно правъ по государственной службѣ, такъ какъ обыкновенныя гражданскія права, каковыя права жительства, свободы занятій и промысловъ и т. п., рѣдко гдѣ подвергались въ новѣйшее время сомнѣнію или спору. Если-жео религіозныя различія не принимаются въ расчетъ при назначеніи на должности судей и прокуроровъ, то тѣмъ менѣе они могутъ служить основаніемъ для исключительныхъ стѣсненій въ дѣлѣ итэйной торговли, арендованія или пріобрѣтенія имѣній, отправленія повинностей, напр. воинской и т. п. Иско, что религіозный элементъ не можетъ у насъ считаться дѣйствительнымъ основаніемъ исключительныхъ законовъ о евреяхъ.

2) *Экономическія*;—но мотивы этой категоріи, какъ мы видѣли выше, требуютъ напротивъ того, чтобы отиѣнены были ограниченія, нарушающія нормальный порядокъ хозяйственной жизни и разстраивающія интересы не только евреевъ, но и самихъ населяемыхъ ими губерній со всѣмъ ихъ христіанскимъ населеніемъ. Еслибы евреи стѣснялись за то только, что они вредные эксплуататоры, то во-первыхъ, стѣсненія надали-бы только на дѣйствительно-виновныхъ въ вредной дѣятельности, а не на всю вообще массу, связанную лишь единствомъ происхожденія и вѣры, и во-вторыхъ, тогда существовали-бы не спеціальныя законы противъ евреевъ какъ евреевъ, а общія постановленія о разнаго рода эксплуататорахъ, которыхъ нашлось-бы безъ сомнѣнія много и среди послѣдователей другихъ вѣроисповѣданій. Иско поэтому, что и экономическіе мотивы сами по себѣ совсѣмъ не оправдываютъ ограничительныхъ узаконеній о евреяхъ.

Остаются еще 3) *расовая особенность* и происхожденіе евреевъ;—но въ Россіи существуетъ столько различныхъ по происхожденію и обычаямъ племенъ, пользующихся однако полной равноправностью съ коренными русскими, что и на этотъ племенной элементъ невозможно смотрѣть какъ на основаніе спеціальной законодательной политики относительно евреевъ.

Такимъ образомъ ни одинъ изъ указанныхъ нами трехъ элементовъ не въ состояніи самъ по себѣ объяснить фактъ существованія въ нашемъ законодательствѣ исключительныхъ жѣръ по отношенію къ лицамъ еврейскаго происхожденія; но всѣ эти элементы въ совокупности и составляютъ быть можетъ ту силу, которую безсознательно поддерживается издавна установившаяся у насъ стѣнительная для евреевъ система. Отиѣнить эту систему со всѣми ея несомнѣнно вредными для страны послѣдствіями,—такова задача законодателя, руководящагося въ своей дѣятельности не личными чувствами, симпатіями или антипатіями, а общими интересами государства; временныя неудобства, могущія возникнуть вслѣдствіе этой отиѣны, не должны препятствовать осуществленію необходимой во всякомъ случаѣ законодательной реформы. Спеціальныя узаконенія о евреяхъ должны рано или поздно исчезнуть, чтобы уступить мѣсто общему для всѣхъ подданныхъ законодательству, подобно тому какъ не существуетъ спеціальныя законы для проживающихъ въ Россіи татаръ или армянъ.

Л. З. С.—скій.

Автор жалуется, что труд его вышел не вполне окончательным, так как, по его мнению, к нему следовало бы прибавить исторический обзор „романтизма мариологии у евреев“, и сомневается, в виду преклонных лет своих, хватить ли у него времени и силы впоследствии сдать это дополнение. „Но и без меня“ — говорит он — „иудейство будет существовать и развиваться“. Исчисляя имена известных еврейских деятелей, составляющих так сказать связующее звено между средневековым и современным еврейством, начиная с Маймонида, Спиноцы, Моисея Мендельсона, Соломона Маймона и кончая современниками, Дейтшом, Сальвадором, Мунком, Франкелем, Гретцом и пр., автор говорит: „В пустынном хаосе великаго переселения народов, один древний еврейский ученый воскликнул: „Народы нарождаются и погибают, но Израиль существует вечно“ — и до сих пор по крайней мере история не противоречила этому изречению“.

Полагаем, что читатели „Еврейской Библиотеки“ не побоятся на нас за то, что мы здесь цѣликомъ передаемъ статью германскаго ученаго. Этимъ мы собственно могли бы заключить наше предисловіе. Но невольно завлекается вопросъ, почему это мы, в нашемъ достолюбезномъ отечествѣ, такъ счастливы, что на ея почвѣ, вмѣсто Рошеровъ*, Шлейденовъ и Амиторовъ**, проистають гг. Гриневичи, Брафманы, Лютестанскіе, и почему это въ то время, когда у насъ эти всероссійскіе ученые доказываютъ „тлетворное вліяніе евреевъ въ экономическомъ быту“ и пагубность,

* См. статью Рошера „Евреи въ средніе вѣка съ точки зрѣнія торговой политики“, въ этомъ же томѣ „Евр. Вѣст.“

** Gerhard von Amunig, авторъ книги „Nurochondrische Plaudereien“, написалъ вышедшее недавно въ Эльберфельдѣ сочиненіе подъ заглавіемъ „Randglossen zum Buche des Lebens“, въ которомъ одна глава посвящена такъ называемому „Еврейскому вопросу“. Авторъ, нишуя подъ этимъ псевдонимомъ, занимаетъ высокій постъ въ прусской административной іерархіи и принадлежитъ къ высшему аристократическому обществу.

зловредность и безчеловѣчность еврейскаго вѣроученія, въ Европѣ профессоръ политической экономіи свидѣтельствуетъ благотворное вліяніе евреевъ на торговлю, а ученый естествоиспытатель говорить о ихъ громадномъ значеніи для науки и высокой нравственности ихъ религиознаго міровоззрѣнія.... Не знаемъ, съумѣютъ ли читатели отвѣтить намъ на этотъ вопросъ; но намъ кажется, что отвѣтъ этотъ заключается въ другомъ вопросѣ, именно въ слѣдующемъ: почему это въ нашемъ достолюбезномъ отечествѣ, въ мірѣ литературномъ и въ-литературномъ, вслѣдствіе поощренія и покровительства такіе гг., какъ Брафманы, Лютестанскіе и Гриневичи, и совершенно игнорируются личности, какъ Шлейденъ, Рошеры и Амиторы....

Мои работы по исторіи ботаники необходимо заставили меня обратиться къ сочиненіямъ *Албрехта Великаго*. Его отношеніе къ *Томмъ Аквитанскому* и зависимость отъ *Аристотеля* и арабскихъ писателей невольно возбудили во мнѣ вопросъ: что служило посредствующимъ звеномъ между этими изслѣдователями и первоначальными источниками? Стремленіе разъяснить этотъ вопросъ влекло меня все далѣе и далѣе, и такимъ образомъ взгляду моему открылись наконецъ отношенія, которыя и въ нашихъ болѣе значительныхъ историческихъ сочиненіяхъ обходятъ совершеннымъ молчаніемъ, но которыя, однако, имѣютъ громадное значеніе въ исторіи развитія человечества. Въ предлагаемой статьѣ, я, въ сжатомъ обзорѣ, постараюсь передать то, что мною найдено.

Евреи были и остаются самымъ замѣчательнымъ народомъ, и если держаться известнаго символическаго выраженія, то ихъ не безъ основанія можно назвать „народомъ богоизбраннымъ“. Уже одно то, что несмотря на самыя тяжкія и кровавыя преслѣдованія, которыя претерѣвались ими отъ идолопоклонниковъ, персовъ, магометанъ и христіанъ, они почти цѣлыхъ двѣ тысячи

лѣтъ и до настоящей минуты не только сохранились какъ нація, вѣрная своему первоначальному духовному характеру, но и продолжаютъ распространяться и размножаться въ болѣе благоприятной пропорціи, чѣмъ всякій другой народъ, и притомъ во всякомъ климатѣ *—уже одно это дѣлаетъ ихъ однимъ изъ интереснѣйшихъ явленій исторіи, достойнымъ серьезнаго и глубокаго изученія. Это самый древній народъ, являющийся носителемъ чистаго

* Евреи умножаются вездѣ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ народы, среди которыхъ они живутъ, что существенно вытекаетъ изъ меньшей смертности, въ особенности дѣтей, т. е. изъ нравственныхъ причинъ, а не изъ большаго числа рожденій. Среднимъ числомъ въ бракъ рождено дитя приходится у протестантовъ на 10, у евреевъ на 47 въ бракъ рожденныхъ. Въ періодъ времени отъ 1836 по 1845 г. въ великомъ герцогствѣ Ваденскомъ было случаевъ самоубійствъ: у христіанъ 132, у евреевъ ни одного и т. д. Boudin, Traité de Géograph. et de Statist. medicales, Tom II, pag. 137 и слѣд. Paris 1857; C. von Hecker въ „Аугсбургской Всеобщей Газетѣ“ отъ 12 апрѣля 1876 г., стр. 1569.

Здѣсь встаетъ вопросъ привести характеристическую выписку изъ 235 № „Новаго Времени“ 1876 г. Румынская газета „Timporul“ передаетъ слѣдующій любопытный анекдотъ, свидѣтельствующій о страшныхъ понятіяхъ румынскаго министра внутреннихъ дѣлъ объ обязанностяхъ врачей. Давно уже въ Румыніи замѣчается весьма неутрадное явленіе — вымирание туземнаго населенія, мѣсто котораго мало по малу занимаютъ, благодаря своей удивительной плодовитости, евреи. Такое явленіе до нельзя встревожило г. Вернеску, который, призвавъ къ себѣ на дѣлахъ председателя медицинскаго совѣта, доктора Флейшера, поручилъ ему составить обстоятельный докладъ о причинахъ большей смертности среди румынскаго населенія, чѣмъ еврейскаго. Докторъ Флейшеръ поспѣшилъ исполнить возложенное на него порученіе, указавъ въ представленномъ имъ докладѣ на главную причину вымирания румыновъ—ихъ безнравственность. „Что это за причина“, воскликнулъ Вернеску. „Во всемъ этомъ виноваты врачи, потому что они не исполняютъ своихъ обязанностей“. Когда же почтенный докторъ сталъ требовать отъ министра, чтобы онъ съ точностью опредѣлилъ степень виновности румынскихъ эскулаповъ, его превосходительство изволилъ сказать: „Любезный докторъ, сознайтесь, что исключительно отъ васъ и отъ вашихъ собратьевъ зависитъ увеличить плодовитость румынскихъ женщинъ и постараться, чтобы жидовъ умирало какъ можно болѣе“. *Идетъ.*

монотеизма и, вслѣдствіе чистоты своего вѣроученія, установившій и твердо охранявшій принципъ, что нравственный законъ и его осуществленіе въ жизни и составляютъ сущность истиннаго религіознаго ученія. Вся Европа имѣла свои средніе вѣка, вѣка варварства, умственнаго и нравственнаго упадка, печальнѣе котораго невозможно себѣ ничего представить, одни лишь евреи составляютъ исключеніе. Не смотря на разсѣянность и гнѣть, лишавшіе ихъ часто не только самыхъ основныхъ человѣческихъ правъ, но даже нерѣдко и права на жизнь, они до конца среднихъ вѣковъ продолжали безпрерывно развиваться въ своей духовной жизни и сохранили и передали другимъ народамъ основы нравственности и умственной жизни. Какъ вообще люди съ духовно-благородными натурами, они иногда и спотыкались, когда счастливые моменты дѣлали имъ жизнь слишкомъ легкою; но всякая неудача, всякое горе, если они оставляли имъ только малѣйшую возможность человѣческаго существованія, вели лишь къ ихъ облагораживанію и поощряли ихъ еще болѣе къ умственному и нравственному усовершенствованію.

Опустошеніе еврейскихъ провинцій *ассирійцами и вавилонянами* имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ, что евреи сосредоточились въ своемъ духовномъ существѣ и соединили въ одно цѣлое все добытое ими въ продолженіе ихъ прошлой духовной жизни. Такимъ образомъ составились пятикнижніе *Моисея, Псалмы* и *Пророки*, которые еще въ настоящее время даже и для христіанъ содержатъ въ себѣ много возвышеннаго и священнаго. Все, что евреи такимъ образомъ добыли, они осуществляли въ своей жизни. Непокоробимая вѣра въ Бога и нравственная жизнь, на сколько они уже стали сознать ее долгомъ, дали имъ ту силу энтузіазма, съ которою этотъ маленькій народецъ почти цѣлыхъ столѣтъ боролся противъ римскаго колосса, который, чтобы одолѣть евреевъ, долженъ былъ дѣлать гораздо большія усилія, чѣмъ въ борьбѣ со всякимъ другимъ народомъ, какъ бы великъ онъ ни

быть. Геройский дух, обнаруженный евреями во времена *Маккавеев*, въ борьбѣ, кончившейся разрушеніемъ *Иерусалима* Титомъ, и еще даже въ двухлѣтнюю отчаянную борьбу при *Баръ-Кохбѣ* *, равно какъ и въслѣдствіи при защитѣ ими *Неаполя* противъ *Велларіа* и Пиренейскихъ проходовъ противъ франковъ **, ставить ихъ на ряду съ величайшими героями исторіи. Они были подавлены превосходившей ихъ громадною численностью физической силы, они, какъ *нація*, уничтожились; *народъ* былъ разсыянъ по всему міру отъ *Китая* и *Индіи* по *Африкѣ* и *Евротъ* до самаго крайняго запада извѣстнаго тогда свѣта. Но народъ все-таки остался *единымъ народомъ*, продолжалъ поддерживать непрерывную связь между всѣми своими членами и въ развитіи нравственной и умственной жизни всегда признавалъ одинъ центръ, который ихъ всѣхъ связывалъ между собою. Куда бы еврей ни прибылъ, онъ вездѣ находилъ единовѣрцевъ и единомышленниковъ и былъ увѣренъ, что ему окажутъ дружественный приемъ и дѣятельную помощь.

Три обстоятельства облегчили евреямъ развитіе и распространеніе во всемъ народѣ умственной дѣятельности и добытыхъ ею результатовъ.

На первомъ планѣ стоитъ здѣсь ихъ торговая способность. Древніе приписываютъ первыя проявленія торговой дѣятельности финикіянамъ. Я полагаю, что это выраженіе ни въ какомъ случаѣ нельзя считать—да оно никогда и не было—рѣзко разграниченнымъ въ географическомъ смыслѣ. Подъ *финикіянами* и *сирянами* подразумеваются все тѣ же семиты, только жившіе одни ближе къ берегу, а другіе внутри *Сиріи*. *Геродотъ* подъ „финикіянами“ повидимому

* S. Salvador, Histoire de la Domination Romaine en Judée et de la Ruine de Jérusalem, 2 Tom. Paris 1846.

** Concilium toletanum XVIII.

прямо разумѣть только *сиряны*, торгующихъ въ Средиземномъ морѣ. Онъ объѣздилъ Сирію приблизительно въ эпоху изгнанія, но не знаетъ вовсе никакого *Израиля*, никакой *Иудеи*; онъ знаетъ только однихъ *сиряны*; подъ палестинскими сирянами онъ подразумеваетъ тѣхъ, которые были ближе къ берегу и болѣе къ югу и которыхъ еврей называютъ *филлистимлянами*; упоминаемый имъ городъ „Кадитисъ“ есть безъ сомнѣнія, судя по описываемому имъ пути, *Газа*. Находившіяся долгое время въ союзѣ съ израильянами племена *Данъ* и *Асиръ*, навѣрное служили *финикіянамъ* на морѣ *.

Что израильяне вообще по природѣ были смѣлыми мореплавателями—это доказываетъ ихъ плаваніе въ Офиръ при *Озирѣ* ** въ VIII вѣкѣ, приблизительно въ эпоху *Одиссеи* †, равно какъ и коммерческая дѣятельность евреевъ въ средніе вѣка, когда въ ихъ рукахъ преимущественно сосредоточены были заморскія сношенія. Если мы все это примемъ во вниманіе, то едва-ли станемъ сомнѣваться, что между занимавшимися морскою торговлею финикіянами всегда находились израильяне, (которые и безъ того были родственны съ ними по духу, въслѣдствіе своего ранняго религіознаго развитія) и что въ заложенныхъ финикіянами колоніяхъ на сѣверо-африканскомъ побережьи, на Итальянскихъ островахъ, въ Марсели, Испаніи и т. д. уже съ самаго начала были и израиль-

* Геродотъ I, 1; II, 5, III, 5; Кн. Бытія XLIX, 13; Книга Судей V, 17. Эта полагка автора вполне оправдывается слѣдующими мѣстами Вѣблинъ: въ I кн. Цар. IX, 27 и кн. Паралипомъ прямо говорится: „И отправилъ онъ (финикіяне) со слугами Соломоновыми...“ (Слугами Соломоновыми въ этомъ случаѣ очевидно могли быть только еврей). Ср. также IX 26. „Корабли царя (Соломона) (слѣд. еврейскіе) ходили въ Фарисъ со слугами Храма (финикіянами). *Исамъ*.“

** Это было при *Озирѣ*, а при царѣ *Иосафатѣ*. См. кн. I царей XXII, 49 и II Парал. XX, 36, 37. *Исамъ*.

† Dr. K. E. von Baer, Reden und Aufsätze Bd. 3, S. 112 ff. Petersburg 1873. Bd. 2, S. XVIII ff, Petersburg 1876.

тине. Вследствие этого они приобрели себѣ много такихъ пунктовъ, куда могли обращаться каждый разъ, когда при неоднократныхъ покореніяхъ ихъ родины, вынуждаемы были къ переселенію. Такъ безъ сомнѣнія еще до начала христіанскаго лѣтосчисленія еврейскія общины находились уже на самыхъ крайнихъ пунктахъ европейскаго запада; что же касается ихъ поселеній въ эту эпоху въ *Ассиріи*, *Вавилоніи*, *Египтѣ* и *Римѣ*, то мы уже имѣемъ объ этомъ достовѣрныя историческія свѣдѣнія. *Павелъ* былъ въ *Римѣ* лишь на своемъ пути въ *Испанію* *, а его путешествіе въ Испанію не могло быть вызвано ни чѣмъ инымъ какъ только надеждой на дружественный приемъ со стороны своихъ единоплеменниковъ. Городъ *Тарокона* еще задолго до вторженія Сарациновъ уже называли „Еврейскимъ Городомъ“ **. Еще болѣе распространились и умножились эти еврейскія колоніи послѣ разрушенія Иерусалима Титомъ, и такимъ образомъ весь извѣстный тогда міръ былъ какъ бы окруженъ ихъ поселеніями, которыя при посредствѣ множества путешествовавшихъ купцовъ находились между собою въ непрерывной связи и распространяли между собою всѣ продукты своей умственной жизни также быстро какъ свои товары. Другіе же народы въ это время все болѣе и болѣе изолировались другъ отъ друга и совершенно отдѣлились отъ немногихъ послѣднихъ, и безъ того уже далеко не обильныхъ, источниковъ умственной жизни. Романскіе народы вырождались, германскіе еще долго оставались въ состояніи варварства, и такимъ образомъ возникла мрачная эпоха среднихъ вѣковъ, которыхъ еврей (въ умственномъ смыслѣ) никогда не знали. Они напротивъ, находились въ постоянной непрерывной связи съ центрами своей умственной жизни, гдѣ бы эти центры въ то время ни процвѣтали, и обращались туда

* Посланіе къ римлянамъ XV, 24. 28.

** Jter Benjamin ed. Ascher II 2. Not 5.

за совѣтомъ и разъясненіемъ, если въ извѣстные моменты сами не могли найти удовлетворительнаго разрѣшенія какого-либо важнаго вопроса*.

Второй моментъ, способствовавшій духовному развитію іудейства, составляли именно тѣ центры, школы и академіи, которыя еще за долго до начала христіанскаго лѣтосчисленія основаны были *Симономъ бенъ Шетахомъ* въ правленіе *Саломеи Александры* (79—70) во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ и въ которыхъ молодые люди получали религіозное и юридическое образованіе (съ установленіемъ обязательнаго обученія). Уже тогда въ *Иерусалимѣ* и другихъ городахъ *Иудеи*, равно какъ и въ *Александріи* въ *Египтѣ*, существовали многія частныя школы знаменитыхъ знатоковъ Писанія. Какъ высоко евреи цѣнили эти школы можно судить потому, что высшую изъ нихъ они называли „*Калла*“, т. е. „невѣста“. Лучшій изъ учениковъ *Гиллеля*, *Иохананъ бенъ Закай*, въ мудромъ предвидѣніи будущаго, тайкомъ ушелъ изъ осажденнаго Иерусалима къ *Веспасіану* и добылъ у него разрѣшеніе учредить школу въ *Ябнѣ* (Ямніи). Это было началомъ цѣлаго ряда учебныхъ заведеній, распространившихся всюду по всѣмъ странамъ, и изъ коихъ нѣкоторые достигли громадной научной славы и послужили основаніемъ для христіанскихъ академій. Въ *Ябнѣ* уже положено было начало разработкѣ *Талмуда* (*Мишны* и *Гемары*). Затѣмъ основаны были школы въ *Лидѣ*, *Бекитѣ*, немного позже въ *Низибѣ* и *Наардѣ*. Послѣ возстанія Варъ-Кохбы ученики *Акивы* учредили учебное заведеніе въ *Ушѣ* и нѣсколько позже основали школу въ *Сепфорисѣ*. Преподаватели въ этихъ школахъ назывались „*Танаиимъ*“. Въ началѣ III вѣка палестинскіе евреи, находившіеся

* Z. Frankel. Entwurf einer Geschichte der Literatur der nachaltmudischen Responen S. 3—5. Breslau 1865.

подъ гнетомъ печальныхъ политическихъ отношеній, нѣсколько отступаютъ на задній планъ; на ихъ мѣсто поднимаются пользующіеся болѣею свободою *авилонскіе* евреи. Жившіе въ Вавилонѣ ученые получили названіе „*Амораймъ*“, толкователи темныхъ мѣстъ *Мишны*. Въ эту пору еще процвѣтала школа въ *Тиверіадѣ*, но въ скоромъ времени учебныя заведенія въ *Пумбедитѣ*, *Магузѣ Силзѣ* и *Шаканъ-Цибѣ* получили гораздо болѣе значеніе. Усиліями *равъ Гуны* школа въ *Сурѣ* достигла громадной славы и долгое время соперничала съ тою, которая находилась въ *Пумбедитѣ* и при *Равѣ бенъ Нахмени* имѣла 1200 учениковъ. Въ *Сурѣ* именно р. *Аши* разработалъ весь Талмудъ. Однако писаннаго оставалось отъ него лишь нѣкоторое количество отдѣльныхъ отрывковъ и до 550 года все остальное передавалось на память, которая, вслѣдствіе постояннаго упражненія получила немовѣрное развитіе. Двое изъ учителей, извѣстныхъ подъ именемъ „*Сабуреовъ*“, р. *Гица* и р. *Симони* оковчательно составили и написали весь Талмудъ.

Уже очень рано евреи имѣли свои поселенія въ *Аравіи*, и колоніи ихъ особенно стали увеличиваться, когда и персидскіе царя превратились въ дикихъ преслѣдователей евреевъ *. Центромъ ихъ былъ *Ятрибъ*: (впослѣдствіи переименованный въ *Медину*), и они занимали среди арабовъ почетное, чуть ли не господствующее положеніе. Почти каждый еврей умѣлъ писать, каждый умѣлъ читать Св. Писаніе; поэтому арабы называли ихъ *Алульъ Кутабъ* ** („народъ письма“). Но умственное развитіе арабовъ имѣло благодѣтельное вліяніе на языкъ и научное и поэтическое образованіе

* Замѣтательно, что евреи во всѣхъ странахъ были преслѣдуемы лишь при нравственно испорченныхъ и умственно выродившихся правителяхъ, между тѣмъ какъ при правителяхъ нравственно и умственно развитыхъ они возвышались и пользовались большимъ почетомъ. Совершенно противное мы замѣчаемъ въ христіанскихъ государствахъ вплоть до 1200 г.

** Ихъ можно было бы такъ называть и теперь. Статистика Пруссіи

евреевъ. Ихъ учебное заведеніе въ *Ятрибѣ* находилось въ тѣсной связи со школою въ *Тиверіадѣ*. Лучшія мѣста въ *Корантѣ* принадлежатъ евреямъ.

Подъ управленіемъ Омара и школы въ *Сурѣ* и *Пумбедитѣ* вновь достигли блестящей славы и представители ихъ получили названіе *Гаоновъ* („сановниковъ“ на ученомъ поприщѣ). Вслѣдъ затѣмъ состоялось принятіе иудейства *хазарами* и въ тоже время основаніе школъ и въ хазарскомъ царствѣ.

Но теперь иудейство стало процвѣтать и на западѣ. Во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Испаніи, Франціи и Италіи быстро возникали однѣ за другими школы, учебныя заведенія и академіи, изъ которыхъ многія въ скоромъ времени достигли такой славы, что ихъ часто посѣщали и христіане и даже христіанское духовенство, которое, помимо этихъ еврейскихъ учрежденій, почти вовсе лишено было средствъ для своего умственнаго развитія. Въ тоже время подъ правленіемъ арабовъ стали процвѣтать еврейскія школы въ *Багдадѣ*, *Кайруанѣ* (въ сѣверной Африкѣ) и *Неру* (въ *Хорасанѣ*). Уже очень рано славились школы въ *Толедо*, *Гранадѣ*, *Кордовѣ* въ Испаніи, въ *Люнелѣ*, *Безьерѣ*, *Бокерѣ* и *Нарбоннѣ* во Франціи, въ *Моденѣ*, *Мантуѣ*, *Падуѣ*, *Генуѣ*, *Неаполѣ*, *Амалфи*, *Венецианѣ* и *Римѣ* въ Италіи, равно какъ и во многихъ другихъ городахъ. Основаніе медицинской школѣ въ *Монпельѣ* положено было евреями, равно и при учрежденіи *Салернитанской* школы они были главными дѣятелями.

дастъ намъ за 1875 годъ слѣдующія данныя. Число неграмотныхъ, неумѣющихъ ни читать ни писать, было въ слѣдующей пропорціи на 100 чловѣкъ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Евреевъ	3.9	5.8
Протестантовъ	6.6	11.4
Католиковъ	15.1	21.8

Но вмѣстѣ съ поднятіемъ учебныхъ заведеній на западѣ Европы, гдѣ они въ скоромъ времени достигли одинаковаго значенія со школами Гаоновъ и въслѣдствіи даже получили предъ ними первенство, — погастъ послѣдній остатокъ *отъиной* централизаціи іудейства, которому съ этого времени внутреннею связью служили лишь чистый монотеизмъ, Священное Писаніе и предписанія нравственнаго закона. Различіе между учителямъ и народомъ почти совершенно изгладилось, въслѣдствіе достигнутой послѣднимъ высокой степени образованія. Съ этого періода учитель былъ лишь учителемъ, не болѣе, и потому эту эпоху, приблизительно съ X вѣва, просто называютъ *раввинскою*.

Я указалъ здѣсь лишь на нѣкоторые главные пункты; въ дѣйствительности же число учебныхъ заведеній было громадно, потому что всякій маломальскій значительный городокъ имѣлъ свою школу, а иногда и нѣсколько. Число учениковъ у прославившихся учителей часто доходило до 2000, и сѣбжались они со всѣхъ концовъ. При этомъ не было въ обычаѣ, чтобы за преподаваніе платили гонораръ, такъ какъ учителя жили на свои собственные средства, весьма часто занимаясь какимъ нибудь ремесломъ. Чрезвычайно рѣдко случалось, что совѣсьмъ бѣдный, но извѣстный учитель получалъ плату за свое преподаваніе. Напротивъ, гораздо чаще бывало, что учителя сами материально поддерживали своихъ учениковъ, а иногда даже держали ихъ на полномъ своемъ иждивеніи.

Третій моментъ, значительно облегчавшій евреямъ возможность продолженія ихъ умственнаго развитія, слѣдуетъ искать въ ихъ знаніи языковъ, къ которому они, должно быть, имѣютъ природную способность. Еще до начала христіанскаго дѣтосчисленія было много евреевъ, которые говорили по еврейски и гречески, въ особенности въ *Александріи*, а во времена римскаго владычества къ этимъ языкамъ присоединился еще и латинскій;

въслѣдствіи они научились языкамъ сирійскому, затѣмъ арабскому и наконецъ испанскому, французскому и нѣмецкому. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ было лишь немного евреевъ изъ низшаго класса, которые не говорили бы по крайней мѣрѣ на двухъ языкахъ, и намъ извѣстны имена многихъ такихъ, которые вполне владѣли пятью и даже семью языками.

Религія евреевъ заключалась единственно въ вѣрованіи въ единого, лишь чисто-духовно представляемаго Бога, и въ обязанности жить по нравственнымъ законамъ, какъ единственно истинной формѣ богослуженія. Это высказано уже пророками. Поэтому никакіе споры о догматахъ не могли находить себѣ доступъ въ еврейскую среду и удерживать ихъ отъ плодотворнаго изслѣдованія, такъ какъ ихъ чистый монотеизмъ не находится въ противрѣчій ни съ какимъ продуктомъ разумаго мышленія. Напротивъ того, ихъ сильно развитое ученіе о нравственности, устанавливающее отношенія людей другъ къ другу, точно также какъ и основанное на историческихъ событіяхъ народныя праздники ихъ вмѣстѣ съ цикломъ этихъ послѣднихъ, образуютъ собою элементы ставящіе ихъ въ прямое соприкосновеніе со всѣми отраслями науки. Ихъ нравственное ученіе опредѣлило также, какъ должно обращаться съ больными и страждущими *. Изученіе закона, написаннаго большею частью на древнемъ, нелегко доступномъ еврейскомъ языкѣ, повело ихъ къ языкознанію и экзегетикѣ, а содержаніе его невольно сталкивало ихъ съ философіей и наукой права; опредѣленіе же времени праздниковъ

* Уже въ Талмудѣ заключаются весьма цѣнныя замѣчанія о медицинѣ. (Ginsburger, Medicina ex Talmudicis, Haller, Bibliotheca medicopractica lib. 2. „Въ Талмудѣ, въ которомъ заключаются преданія еврейскаго народа, высказано много возрѣній, доказывающихъ ихъ опытность и остроуміе“).

Систематическое описаніе медицинъ древнихъ евреевъ находится въ Biblisch-Talmudische Medicin Вундербара, которая имѣетъ въ скоромъ времени появиться и на русскомъ языкѣ. *Издан.*

ознакомило их съ астрономію и въслѣдствіи съ математикою*. Всякое новое развитіе человѣческой жизни, всякое новое отношеніе, въ которое ставились евреи въслѣдствіе своего повсемѣстнаго разсѣянія, невольно заставляло ихъ по необходимости расширять и развивать предназначенныя первоначально для опредѣленныхъ и простыхъ отношеній предписанія. Побужденные такимъ образомъ къ многостороннему изслѣдованію, они естественно въ скоромъ времени должны были осудить стремленіе найти для всего этого общую связь идей и общіе принципы, что и обратило ихъ къ философіи, какъ къ свѣтлѣющему центру всякаго умственнаго труда**. Къ этому присоединилось еще одно счастливое обстоятельство: такъ какъ у нихъ не было догматика, то имъ не нужно было и касты жрецовъ; хотя въ іерусалимскомъ храмѣ обрядами и жертвоприношеніями завѣдывали жрецы, но они не имѣли никакого вліянія на внутреннее содержаніе религіи. Кромя того, уже пророки значительно ослабили значеніе жертвоприношенія, а съ разрушеніемъ втораго храма оно совершенно прекратилось. Такимъ образомъ евреи въ своей умственной жизни и въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ были совершенно свободны отъ всякаго жреческаго вліянія. Чистота вѣры охранялась учителями, охранялась всею народомъ, который, отступаясь отъ единого Бога, вмѣстѣ съ тѣмъ отступился-бы и отъ самого себя.

* Авторъ могъ еще прибавить, что законы о смѣшанныхъ породахъ (Билеанъ) знакомятъ ихъ съ основаніями ботаники и зоологіи, законы о пространствахъ, проходившихъ въ праздникъ, съ началомъ геометріи и введевіемъ, постановленіемъ о кухнѣ съ понятіями объ анатоміи животнаго тѣла и т. п. *Идам.*

** Ср. обо всемъ этомъ превосходный трудъ Э. Дейтма: *Der Talmud*, переведенный на вѣнецкій языкъ, по седьмому англійскому оригинальному изданію Берлинъ 1869; спеціально для послѣдняго изложенія см. S 1—2 и 25—27.

Русскій переводъ соч. Дейтма вышелъ первымъ изданіемъ въ 1870 г., а вторымъ изданіемъ въ 1877. *Идам.*

Мы теперь весьма близки къ тому, чтобы обрисовать здѣсь въ полной картинѣ все умственное развитіе іудейства отъ періода александрійскаго до нашихъ временъ, и задача эта тѣмъ болѣе заманчива, что все наши историческія сочиненія совершенно игнорируютъ евреевъ, начиная съ того момента, когда они лишились возможности дѣйствовать мечемъ. Но это потребовало бы цѣлаго сочиненія, и поэтому я удовольствуюсь здѣсь краткимъ обзорніемъ выдающихся явленій, представляющихъ собою достаточныя доказательства, что умственная жизнь евреевъ не прекращалась во все продолженіе среднихъ вѣковъ, и что при возрожденіи наукъ труды ихъ существенно способствовали возможности этого возрожденія*.

Но прежде, чѣмъ перейти къ обзорнію, хотя и краткому, отдѣльныхъ явленій, я долженъ остановиться на *Талмудѣ* — произведеніи, о которомъ и образованные люди болѣею частью знаютъ только, что оно называется Талмудомъ и принадлежитъ іудейству. Это произведеніе во многомъ сходно съ т. н. Ветхимъ Заветомъ и составляетъ нѣкоторымъ образомъ его продолженіе но также какъ и онъ, не составляетъ-собой одной книги, проникнутой однимъ ду-

* Для болѣе глубокаго изученія этой столь интересной отрасли человѣческой исторіи, я долженъ указать на нижеслѣдующія сочиненія, которыя и мнѣ служили основаніемъ и руководствомъ во всехъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я не указывалъ отдѣльныхъ источниковъ. Bartolucci Bibliotheca rabbinica; Bagnage, Histoire de la religion des juifs depuis J. Chr. 5 томовъ. Rotterdam, 1707; Bédarride, Les juifs en France, en Italie et en Espagne etc. 3. édit. Paris, 1867; Ath. Bengnot, Les juifs d'Occident, ou recherches sur l'état civil etc. pendant le moyen âge. Paris 1824; Dr. Jul. Fürst. Cultur- und Literaturgeschichte der Juden in Asien. 1. Theil. Leipzig 1849; Dr. Abr. Geiger, Das Judenthum und seine Geschichte 1. bis 3. Abth. Breslau 1865 bis 1871; Dr. A. Graetz, Geschichte der Juden Bd. 3 bis 6. Leipzig, 1861 bis 1863; Plantavitius, Florilegium rabbinicum; Rossi, Dizionario degli autori ebrei; Otto Stobbe, Die Juden in Deutschland während des Mittelalters, Braunschweig, 1866.

хоть и такъ сказать вылитой изъ одной формы. Послѣ возвращенія евреевъ изъ изгнанія, *Эзра*, чтобы образовать общій центръ, собралъ всѣ древнія традиціи различныхъ палестинскихъ колѣнъ и сохранившіеся остатки ихъ литературъ и обработалъ ихъ, хотя не всегда съ особеннымъ успѣхомъ, съ точки зрѣнія теократической народной исторіи, созданной подъ руководствомъ единого Бога. Вскорѣ затѣмъ начался Талмудъ. Къ новымъ явленіямъ и отношеніямъ дѣйствительной жизни необходимо было приравнять традиціонныя законодательныя положенія, отчасти уже забытыя, отчасти-же амальгамированныя съ асирійскими, вавилонскими и персидскими воззрѣніями. Это исподоволь и совершилось трудами „*Знатковъ Писанія*“ (*Собринго*), преподавателей въ школахъ. Всѣ эти новыя изслѣдованія передавались по памяти, и лишь въ началѣ и впоследствии сдѣланы были нѣкоторыя письменныя замѣтки—и это продолжалось такъ цѣлыхъ 800 лѣтъ (до VI столѣтія), когда наконецъ было составлено и написано одно цѣлое. Этотъ сборникъ называли просто *Талмудъ*, „изученіе“ отъ *ламодъ* „учиться“. Въ немъ заключаются всѣ духовныя стремленія евреевъ въ разнообразнѣйшихъ направленіяхъ и по разнообразнѣйшимъ предметамъ, и его правильнѣе всего слѣдовало-бы назвать культурною хроникой названнаго періода іудейства. Только въ новѣйшее время стали обращать должное вниманіе на это колоссальное произведеніе, и только *Эм. Дейтши* * впервые далъ доступное и для непосвященныхъ ясное понятіе о сущности и содержаніи Талмуда. Дальнѣйшее развитіе іудейства было продолженіемъ этихъ

* Кроме Дейтша, и Штернъ (*Über den Talmud, Würzburg 1875*) говоритъ о Талмудѣ въ общедоступныхъ выраженіяхъ, и я заимствую у него слѣдующее мѣсто (стр. 21): „Слѣдуетъ указать еще на одну часть талмудическаго матеріала, которую не должно считать принадлежащею къ Агадѣ, это именно научная часть. Галахическія пренія веки нѣрадо къ различнымъ научнымъ темамъ: астрономіи, естествознанію, анатоміи, медицинѣ, геометріи, исторіи и проч. Талмудисты очень часто являются лич-

двухъ, обнимающихъ правда, всю человѣческую жизнь въ ея самыхъ высшихъ и самыхъ низшихъ отношеніяхъ и задачахъ, основъ: Библии и Талмуда. Впослѣдствіи обстоятельства времени позволили іудейству сохранять особо, если они того заслуживали по своему содержанію, и произведенія отдѣльныхъ изслѣдователей.

Едва-ли слѣдуетъ даже упомянуть здѣсь, что въ теченіе этого болѣе двухтысячелѣтняго періода въ развитіи іудейства не обшлось и безъ тѣхъ ложныхъ уклоненій, которыя, къ сожалѣнію, неизбежны въ стремленіяхъ человѣчества къ прогрессу. „Изслѣдовать—это обязанность, но ошибаться — не грѣхъ“, сказалъ уже тысяча лѣтъ тому назадъ карамъ *Венѣминъ бенъ Мосе*. Уже въ школахъ *Гиллелъ* и *Шамма*, до христіанскаго лѣтосчисленія, противутоили другъ другу кротость и строгость закона. Представленію Талмудомъ разработкѣ законодательныхъ вопросовъ и развитію ихъ воспротивился въ VIII столѣтіи *Ананъ бенъ Давидъ*. Онъ односторонне утверждалъ, что единственнымъ источникомъ іудейства могутъ лишь служить собранныя *Эздрою* древнія гниги Священнаго Писанія, и такимъ образомъ онъ основалъ еще не совсѣмъ умершую и теперь секту *Кириимовъ* (*Беней Микра*, „Сыны писанія“), противъ которыхъ выступили всѣ прочіе изслѣдователи, названные *раббинитами*. Подобная-же борьба возникла впоследствии между ограниченными умами, буйвально приписывавшими Богу все заключающееся о немъ въ Св. Писаніи, даже символы, замѣтованные у человѣческаго тѣла *, и тѣми, которые

ностами, стоящими на высотѣ науки, и берущими истину отовсюду, гдѣ она ее только находятъ. Они изготовили календарь, который и по настоящее время не обнаружилъ никакихъ промаховъ. Кости человѣческаго тѣла истислены въ Талмудѣ въ полномъ почти согласіи съ современной анатоміей. Многія мѣста въ Талмудѣ доказываютъ, что основой различныхъ постановленій Мишны служатъ геометрическія положенія, известныя тогда лишь немногимъ математикамъ.

* Зрѣніе, слухъ, глаза, руку, ноги и т. д.

держались болѣе свободныхъ воззрѣній и смотрѣли какъ на аллегорію на то, что допускало аллегорическое толкованіе. Послѣдніе, разубѣдивъ, въ скоромъ времени окончательно восторжествовали. Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще много, но не стоитъ труда, такъ какъ у евреевъ физическая сила не могла вѣднваться въ подобные споры, и это была лишь мирная борьба изъ за истины, проеходившая въ школахъ, почему побѣда, рано или поздно, должна была остаться за тѣми, на чей сторонѣ были болѣе правильныя воззрѣнія. Борьба эта имѣла еще ту хорошую сторону, что то воззрѣніе, которое въ цѣломъ осуждаемо было какъ одностороннее, все-таки обнаруживало свое дѣйствіе относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ заключались корни истины и которые такимъ образомъ плодотворно повліяли на дальнѣйшее развитіе.

Не надо упускать изъ виду еще одно обстоятельство. Въ Талмудѣ есть отрывки, въ которыхъ отдѣльныя личности стараются разъяснить серьезные предписанія и разсужденія философскими пощтками и поэтическими изображеніями, въ легендахъ и аллегоріяхъ. Въ этихъ отрывкахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Агада*, безъ сомнѣнія нерѣдко встрѣчаются проникнутые ненавистью мысли, вызванныя обыкновенно моментальнымъ враждебнымъ настроеніемъ, къ которому, въ сожалѣнію, слишкомъ часто существовали основательные поводы. Но эти мѣста суть только постороннія примѣсы, и по нимъ ни въ какомъ случаѣ нельзя судить о характерѣ и духѣ всего цѣлага.

Умственная работа еврейскихъ изслѣдователей, прежде всего, естественнымъ образомъ, началась съ священныхъ книгъ Ветхаго Заваѣта. Знать ихъ въ совершенствѣ и основательно понимать ихъ было первѣю задачею. Многие христіане невѣрно предполагаютъ, что такъ называемая библейская критика принадлежитъ имъ и составляетъ продуктъ новѣйшаго времени. Но если они

обратятся назадъ въ исторію столѣтій на пятнадцать, то уже нѣсколько ближе стануть къ колибели этой науки. Въ половинѣ III вѣка *Симеонъ бенъ-Лакинъ** утверждалъ: Іовъ никогда не жилъ, его исторія есть лишь продуктъ поэтического изображенія, а имена ангеловъ заимствованы евреями въ изгнаніи у чужаго народа. Еще значительнѣе была критика гениальнаго *Саадіи* въ IX столѣтіи. Онъ прямо ставилъ разумъ выше Вавліи и Талмуда и отрицалъ совершенно чуда, напр.: говорящую змѣю въ раю, ослицу Вилеама и т. д. *Саадіи* перевелъ также Ветхій Заваѣтъ на арабскій языкъ, который въ то время былъ наиболѣе распространенный. Его современникъ *Хива* изъ *Валки* былъ настоящимъ атеисто-раціоналистическимъ библейскимъ критикомъ. *Хофни*, въ началѣ XI вѣка, утверждалъ, что андорская волшебница и ослица Вилеама ничто иное, какъ сновидѣнія. Въ томъ же духѣ работалъ и *Іона Маршусъ* (извѣстный также подъ именемъ *Абульвалида*). Онъ поднялъ библейскую критику на степень самостоятельной науки. Почти въ то же время жилъ *Бенъ Іазусъ (Ицхаки)*, который доказывалъ, что эпизодъ объ идумейскихъ царяхъ (I кн. Моисея 36, 31—39) не принадлежитъ Моисею и даже не можетъ относиться къ его времени. *Абрагамъ Ибнъ Езра* въ началѣ XII столѣтія сочинилъ остроумный комментарий къ книгѣ *Исаи* и уже тогда намекалъ на неподлинность послѣднихъ 23 главъ, которая нынѣ признается всеми.

Не меньшую роль играютъ евреи въ экзегетикѣ Ветхаго Заваѣта. Уже переводъ *Саадіи* слѣдуетъ причислить къ замѣчательнымъ произведеніямъ этого рода, такъ какъ переводъ какаго-либо сочиненія, какъ справедливо замѣчаетъ *Гейгер*** , собствен-

* Ср. Бава Батра 15^с; Мидрашъ Берешитъ рабба гл. 30. *Идат.*

** Geiger. Das Judenthum und seine Geschichte, B. 2, S. 76f.

но невозможенъ безъ экзегетики, и онъ всегда передаетъ экзегетическое воззрѣніе переводчика, чему самымъ яснымъ доказательствомъ могутъ служить *Септуагинта* и *Вульгата*. Но еще до него строго придерживающіеся буквы Библии караимы многое сдѣлали на поприщѣ экзегетики. Ученый *фрульдскій* аббатъ VIII вѣка *Рабанусъ Маурусъ*, въ предисловіи къ своему комментарию къ Священному Писанію, охотно признаетъ, что въ дѣлѣ экзегетики онъ многому научился у евреевъ. *Р. Аронъ бенъ Моше* списалъ священныя книги, исправилъ ихъ по масоретскимъ правиламъ, и этотъ экземпляръ еще и въ настоящее время служитъ первообразомъ всѣхъ масоретскихъ свитковъ закона. *Соломонъ Гуцхаки* (обыкновенно называемый *Раши*) написалъ превосходный комментарий къ Библии и Талмуду. Его комментарий къ Библии былъ много разъ переведенъ и этими переводами часто пользовались и христіане.

Несравненно богаче еще еврейская литература комментаторами Талмуда, къ которому обращались всѣ изслѣдователи послѣ изученія Библии. Изложенное въ краткихъ положеніяхъ дальнѣйшее развитіе монсеевыхъ законовъ, извѣстное подъ именемъ *Галаха*, впервые собрано съ достаточною полнотою *рабби Акивой* еще во второмъ вѣкѣ, и этотъ сборникъ названъ *Мишна*. Съ какою вѣрностью и правильною поняли духъ изученія закона можно судить по слѣдующему изреченію *рабби Цадокъ*, жившаго еще ранѣе *Акивы*: „Не употребляй ученіе ни какъ вѣнецъ, чтобы блистать имъ, ни какъ лопату, чтобы копать ею“.

Талмудъ подвергнулся двойной обработкѣ. Сперва въ Иерусалимѣ, гдѣ *р. Меиръ* и *р. Юда Ганаси* заключили Мишну. Къ этому впоследствии *Гамліелемъ III* присоединены были приложенія (*Борайта*); обѣ эти части написаны по еврейски. — Евреи всегда оставались въ сношеніяхъ съ *Вавилономъ*, и послѣ разрушенія Иерусалима многіе изъ нихъ спаслись въ эту страну. Здѣсь

Равъ, послѣ того, какъ *р. Симлай* уже обработалъ *Агаду* въ философскомъ духѣ, закончилъ (165 — 247) весь Талмудъ (Мишну и Гемару послѣднюю на халдѣйскомъ языкѣ). Громадное первенство, достигнутое въ скоромъ времени вавилонскими школами надъ школами подвергавшейся страшному и позорному угнетенію Палестины, на многія столѣтія обезпечило среди евреевъ господство за вавилонскимъ Талмудомъ, окончательно заключеннымъ *р. Аши* и въ особенности *р. Авиной* и *р. Йозе*. Въ началѣ X вѣка *р. Хасдай* привезъ вавилонскій Талмудъ въ Испанію. Иерусалимскій-же Талмудъ только въ началѣ XI вѣка достигъ Испаніи чрезъ *Кайруанъ* при посредствѣ *р. Ханинея* и *р. Ниссимъ*. Сперва Талмудъ буквально изучали наизусть и передавали отъ поколѣнія къ поколѣнію. Только немногіе отрывки были написаны, и лишь въ 550 г. онъ окончательно былъ написанъ *р. Гисой* и *р. Силуной*. Большею частью съ спартанскою сжатостію составленные положенія (галахи) Мишны, равно какъ и фантастическая поэзія или глубокоскрытыя философскія воззрѣнія Агады было отчасти довольно трудно понять — и вотъ учителя наши себѣ задачу въ разъясненіи этихъ темныхъ мѣстъ. Первый значительный комментарий на Талмудъ написалъ *р. Гершонъ* въ началѣ X вѣка въ *Майнуръ*, между тѣмъ какъ братъ его *р. Махиръ* обработалъ словарь къ труднымъ мѣстамъ Талмуда, подъ названіемъ „*Альфа-Бета*“. Почти въ то-же время знаменитый ученый и поэтъ *р. Самуилъ Галеви ибнъ-Нагрега* изъ *Гранады* сочинилъ большой комментарий къ цѣлому Талмуду; за нимъ въ скоромъ времени послѣдовали съ такимъ-же превосходнымъ произведеніемъ *р. Соломонъ Гуцхаки* во Франціи. Закончить всѣ эти замѣчанія на Талмудъ долженъ былъ человѣкъ, служащій представителемъ умственнаго величія іудейства и его превосходства предъ всѣми современниками. Первое замѣчательное произведеніе, съ которымъ выступилъ *р. Моисей бенъ Маймонъ (Маймонидъ)*,

быть его чрезвычайно ясный и блестящий комментарий къ Мишиѣ, извѣстный подъ именемъ *Сираджэ*, „освѣщеніе“, и изданный имъ на 33 году жизни на арабскомъ языкѣ. Предисловія къ шести отдѣламъ этого комментарія были составлены впоследствии, обнаружены особо подъ названіемъ „*Врата Моисея*“ и часто переводились на латинскій языкъ. Но такъ какъ Маймонидъ не удовлетворился первымъ своимъ произведеніемъ, то пригласилъ въ этомъ дѣлѣ покое, еще болѣе значительное: *Миши-Тора* или *Іадъ-жазакъ*, „Мощная рука“. Это—произведение колоссальное, это полное систематическое изложеніе всего содержанія Талмуда въ четырнадцать отдѣлахъ (іадъ). Оно нѣсколько разъ, и цѣликомъ и частями, было переведено на латинскій языкъ. Сочиненіе это произвело громадный фуроръ, приобрѣло себѣ общее и весьма сильное вліяніе и угрожало почти совершенно вытѣснить Библию и Талмудъ, что могло-бы имѣть весьма пагубныя послѣдствія для іудейства, такъ какъ Маймонидъ увлекся и установилъ тринадцать правилъ вѣры, которыя легко могли-бы превратиться въ догматическія цѣпи.—Вотъ нѣкоторыя изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній о Талмудѣ; вся-же литература по этому предмету необозрима. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія (1520) впервые вышелъ изъ печати весь Талмудъ, а впоследствии онъ печатался весьма часто, хотя нерѣдко и въ сильно искаженномъ видѣ. Въ тщательно-просмотрѣнномъ критическомъ изданіи еще и по настоящее время чувствуется сильный недостатокъ, хотя составить такое изданіе весьма возможно, и Ренанъ серьезно ошибается, говоря: „On sait qu'il ne reste aucun manuscrit du Talmud pour contrôler les éditions imprimées.“ *

Какъ мы уже сказали выше, евреи повидимому, обладаютъ природнымъ дарованіемъ для изученія языковъ, и развитію этого

дарованія во всякомъ случаѣ должно было способствовать то обстоятельству, что они, будучи разбѣяны по всему свѣту, вынуждены были жить среди многихъ, говорящихъ на различныхъ языкахъ, народовъ. Но еще важнѣе этого была та серьезная нравственная черта, которая обнаружилась въ ихъ непоколебимой привязанности къ своимъ этическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ. Это заставляло ихъ обращать все свое остроуміе и энергію на изученіе восточныхъ языковъ, на которыхъ изложены основы ихъ вѣры, дабы въ совершенствѣ владѣть ими и сохранять ихъ живыми для себя и потомковъ. И если-бы евреи не обнаружили этого стремленія, то повѣйшая эпоха и возродившаяся умственная дѣятельность была бы въ началѣ, относительно еврейскаго языка, въ такомъ-же безпомощномъ положеніи, въ какомъ находились онѣ въ началѣ прошлаго столѣтія относительно іероглифовъ. Правда, что *Оригенъ* и, сто лѣтъ спустя, *Геронимъ* обучались у раввиновъ еврейскому языку, чтобы быть въ состояніи понять Ветхій Заветъ, но на этомъ и остановилось всякое серьезное и болѣе глубокое изученіе у христіанскаго духовенства. Удовольствовались жалкимъ латинскимъ переводомъ, да и тотъ не всегда умѣли читать и понимать какъ слѣдуетъ. Евреи почти уже 1200 лѣтъ тому назадъ положили начало болѣе серьезному языкознанію, тому, что мы теперь называемъ лингвистикой. *Іуда бенъ Корейишъ* еще при Саадіи доказалъ, что языкъ еврейскій, арабскій и халдейскій суть только три различныя вѣтви одного и того-же въ существѣ своемъ одинаково расположеннаго лингвистическаго корня. Немного поздѣе *Менахемъ бенъ Сарукъ* нашелъ корни еврейскаго языка и ихъ первичное составленіе изъ трехъ буквъ,—теорія, которую впоследствии развили и закончили *Іуда Хайугъ* (*Абу Сакарія Іохія*). Первоначальная еврейская письменность лишена было почти всякихъ знаковъ для гласныхъ звуковъ; поэтому читать ее было чрезвычайно трудно, и народу она почти была совершенно чужда. И вотъ (во всякомъ

* Renan, Les apôtres, p. 262; Deutsch. Der Talmud S. 7.

случаѣ позже 550), ассирійскіе равнины нашли систему вокальныхъ и приспособленныхъ для чтенія знаковь *. Затѣмъ въ половинѣ VII вѣта каранимъ *Моха* и его сынъ *Моисей*, который, какъ гласитъ преданіе, отъ этого получилъ названіе *Моисея ганадена* („пунктатора“) изобрѣли новѣйшую тиверіадскую систему, которая въ настоящее время употребляется вездѣ и называется нижнею системою. Все это ученіе составляетъ самую важную и самую значительную часть такъ называемой *Массоры*. Редактированный *Аронъ бенъ Ашеромъ* массоретскій, т. е. снабженный вокальными и приспособленными для чтенія знаками, библейскій текстъ былъ принятъ какъ основаніе для всѣхъ будущихъ копій еврейскаго Вѣтхаго Завета. Съ такою-же серьезною основательностью *Иона Мартинусъ* (*Абульвалидъ ибнъ Гамазъ*) составилъ въ XI вѣкѣ полную еврейскую грамматику и словарь. Оба эти произведенія послужили основаніемъ для всѣхъ будущихъ трудовъ на этомъ поприщѣ и еще въ настоящее время имѣютъ свою цѣну. Онъ первый возвелъ экзегетику на степенъ науки. Затѣмъ *Натанъ бенъ Гехиель* составилъ талмудическій словарь, который, вслѣдствіе полноты своего содержанія, употребляется еще и въ настоящее время. Евреи хотя также часто писали свои сочиненія на арабскомъ, какъ и на еврейскомъ языкѣ, но всегда заботились о томъ, чтобы они были переведены на еврейскій языкъ. *Самуиль Галсеи ибнъ Негрела* 998—1055 зналъ языки еврейскій, халдейскій, арабскій, берберійскій, кастильскій и латинскій. Уже при вѣсть-готахъ евреи весьма плавно писали полемическія сочиненія противъ христіанства на латинскомъ языкѣ ** и по справедливости презирали потомъ неразвитыхъ и невѣжественныхъ, жив-

* Знаки эти писались надъ словами, почему этотъ родъ письма назывался верхнею системою.

** Lex Visigothorum lib. XII, tit. 2, § 4, tit. 3, § 9—11.

шихъ среди арабовъ христіанъ (*муцарабовъ*), которые хотя и научились по арабски, но за то также скоро позабывали свою латынь, а вмѣстѣ съ нею отчасти и свою религію. Въ XIII столѣтіи знаменитый *Леви бенъ Герсонъ* (*Ралбагъ*) написалъ свое сочиненіе „Борьбы Бога“, (*Мильхамотъ Адонай*), въ которомъ заключается весьма остроумное изслѣдованіе о происхожденіи языка: онъ доказываетъ, что языкъ изобрѣтенъ людьми, не данъ имъ свыше и не присущъ имъ по природѣ, т. е. не установленъ законами природы. *Моисей бенъ Эзра* говоритъ по еврейски, арабски, сирійски, персидски, гречески и испански. Чтобы не вдаваться въ подробности, я назову здѣсь только фамилии *Кимхи*, *Тибоновъ*, *Калонимовъ*, которые въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній были извѣстны какъ лингвисты и переводчики. Мы имѣемъ также весьма цѣнный еврейскій словарь *Давида Кимхи* и грамматику *Моисея Кимхи*. Если послѣ всего этого обратить вниманіе на исторію реформаци и на необходимость для этого вновь вызвать къ жизни основательное знаніе всей Библии въ ея первобытномъ текстѣ, то по необходимости придется сказать: безъ еврейскаго языка немислима реформація, а безъ евреевъ немислимо знаніе еврейскаго языка, такъ какъ они были единственными учителями на этомъ поприщѣ.

Въ то время какъ въ *Герусалимѣ* умственные и нравственные силы евреевъ развивались въ борьбѣ школъ *Гиллеля* и *Шамая*, богатые евреи великой александрійской общины усвоили себѣ умственное образованіе грековъ. Здѣсь писалъ свои сочиненія *Аристей*, здѣсь сдѣлался извѣстнымъ *Филоно* и здѣсь-же въ первой половинѣ I столѣтія христіанской эры составлены были третья книга Маккавеевъ и Книга Мудрости; здѣсь, еще до начала христіанской эры, возникла еврейская *Севилла*, — *Псевдодоклиды*

* Bernays, Programm des jüdisch-theolog. Seminars. 1856.

и появились известныя сочиненія противъ язычества: книга Эсфирь, Бель и Драконъ въ Вавилонѣ, равно какъ и письмо Иереміи. Если *Филонъ* и позволилъ эпитомамъ греческой философіи увлечь его на весьма скользкій путь, то это имѣло лишь вредныя послѣдствія для возникающаго христіанства, но никакъ не для іудейства, которое уже цѣлыхъ 800 лѣтъ проникнуто было идеей чистаго монотеизма и жило въ ней. Но толчекъ къ философскому созерцанію высшихъ задачъ человѣчества все-таки данъ былъ изъ *Александріи* и неподолелъ, но вѣдѣтъ съ тѣмъ непрерывно развивался въ еврейскомъ народѣ, который, утративъ свою национальность, тѣмъ энергичнѣе предался умственному изслѣдованію. Во всякомъ случаѣ признаніе за іудействомъ высокаго достоинства уже слѣдуетъ видѣть въ преданіи, что *Аристотель* былъ ученикомъ іудаизма и впоследствии даже совершенно обратился въ іудейство*.

Во второмъ столѣтіи философіей занимался р. *Меиръ*, который былъ въ сношеніяхъ съ неоплатоникомъ *Нумениемъ*. Уже въ III столѣтіи р. *Симлай* сдѣлалъ первую попытку обработать Агаду съ философскою точкою зрѣнія. Въ IX столѣтіи представитель школы въ *Суръ* р. *Сидія бенъ Йосифъ* все еврейское религиозное воззрѣніе началъ устанавливать на философскихъ началахъ. Въ своемъ систематическомъ сочиненіи „Вѣра и вѣроученія“ (*Эмунотъ ве-Деотъ*) онъ прежде всего хотѣлъ поставить разумъ выше Библии и Талмуда и видѣлъ въ іудействѣ лишь подтвержденіе разумной истины, открытой Богомъ для того, чтобы менѣе даровитые въ умственномъ отношеніи скорѣе могли найти путь къ ней. Онъ отвергалъ телеологию, такъ какъ относительно божества понятіе о конечной цѣли вовсе непримѣнимо. Онъ требовалъ, чтобы слова

* Josephus contra Apionem lib. I. cap. 22; Eusebius praeparationes evangelicae lib. IV, cap. 3; Dr A. Schmiedl въ Monatsschrift Франкела годъ IX, стр. 98. Лейпцигъ 1860.

Св. Писанія всегда были истолковываемы въ ихъ натуральномъ смыслѣ, на сколько они не обнаруживаютъ какого-либо противорѣчія съ какими нибудь *чувственнымъ фактомъ*, съ *разумомъ* или *между собою*. Его принципы до сихъ поръ сохраняются еврейскими изслѣдователями, а ученые арабы придавали его сочиненію весьма высокое значеніе*.

Между послѣдними учителями *Пумбедита* отличался р. *Гай*. Онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ мистицизма, всякаго суевѣрія, чудотворства и волшебства. Все это онъ называлъ выдумками или обманомъ, а если такія дѣла совершались какъ бы именемъ Бога, то онъ прямо объявлялъ ихъ безбожіемъ. Онъ былъ человѣкъ вполне свободномыслящій и нерѣдко обращался къ тогдашнему ученому католику восточныхъ христіанъ въ Багдадѣ Маръ Эліи I за разъясненіемъ сомнительныхъ мѣстъ Вибліи. Когда раввины стали его упрекать за это, онъ отвѣтилъ имъ: „По Талмуду каждый еврей обязанъ принимать истину отъ кого-бы то ни было“. Въ XI столѣтіи являетея на свѣтъ два великихъ поэта и мыслителя *Гебирольтъ* и *Галеви*, произведенія которыхъ имѣли весьма сильное и продолжительное вліяніе.

Саломонъ бенъ Йегуда ибнъ Гебирольтъ (1021—1070) вдохнулъ юную жизнь и красоту въ посѣдѣвшую еврейскую поэзію. Печально проведенная молодость сдѣлала его грустнымъ и придавала его произведеніямъ серьезный характеръ. Уже въ юности онъ былъ знакомъ съ Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, неоплатониками и арабскими философами. Подъ ихъ руководствомъ онъ снова сталъ первымъ самостоятельнымъ мыслителемъ въ Европѣ, съ тѣхъ поръ какъ варварство *Юстиніана* потребовало закрытія философскихъ школъ въ Аѳинахъ и *Скотъ Оригенъ* (850) почти

* Sylvestre de Sacy, Chrestomatie arabe I. 350: Zeitschrift der deut. morgenl. Gesellschaft. S. 376. 1859.

совершенно былъ забытъ *. Главное его произведеніе было *Мекоръ Хамль* („Источникъ жизни“); оно было написано на арабскомъ языкѣ, переведено христіанскимъ священникомъ на языкъ латинскій, причѣмъ имя автора замѣнено псевдонимомъ *Авицебронъ*, а впоследствии переведено евреемъ и на языкъ еврейскій **. Многие пользовались мудростью, изложенною въ этой книгѣ и между прочимъ: *Вилгельмъ Овернскій*, *Албрехтъ Великій*, *Томъ Аквинскій* и *Дуній Скотъ* †.

Абульгасанъ Йегуда бейтъ *Самуиль Галеви* (1086—1142) †† былъ поэтомъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, превосходнымъ врачомъ и просвѣтителемъ іудейства. Въ философскомъ отношеніи его главное произведеніе составляетъ поэтическій діалогъ „*Хазари*“ (*Козри*). Онъ знакомъ и пользуется Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ, но не вполне проникаетъ въ ихъ сущность. Онъ не могъ подняться выше неудовлетворительной умственной работы прежнихъ временъ и поэтому снова вступилъ на печальный скользящій путь: вывести истину религіознаго убѣжденія изъ историческихъ фактовъ. Тѣмъ не менѣе онъ не рѣдко высказываетъ и глубокія мысли. Въ противоположность христіанскому ученію, онъ утверждаетъ, что добродѣтель свойственна человечеству по природѣ и перешла къ нему наследственно отъ *Адама*; великій аскетизмъ онъ отвергаетъ и считаетъ безнравственнымъ. Какъ ни поэтичны и вдохновенны вообще его воззрѣнія, но они, вслѣд-

* Ritter, Geschichte der christlichen Philosophie I. S. 640 ff. Göttingen 1858.

** Jourdain, Recherches critiq. sur l'âge et l'origine des traductions latines I, III. § 8.

† Munk, Melanges de philosophie juive et arabe p. 291 ff. Paris, 1857—1859.

†† Н. Heine, Romanzero: „Jehuda ben Halewi“ — поэтъ, воспѣтый поэтомъ.

ствѣ ихъ коренной неправоуности, никогда не производили никакого существеннаго вліянія на умственное развитіе евреевъ.

Блестящій періодъ философскаго развитія евреевъ образуетъ собою двѣнадцатое столѣтіе. Я назову здѣсь прежде всего книгу *Зоаръ*, относительно которой до сихъ поръ еще съ точностью нельзя опредѣлить, кто ея авторъ и когда именно она написана. Обыкновенно о *Каббалѣ*, принимая въ соображеніе лишь выродившіяся явленія ея, составляютъ себѣ весьма ложное понятіе. Стремленіе католической церкви (въ особенности схоластикомъ) въ эпоху среднихъ вѣковъ было направлено къ тому, чтобы реализовать идею о человѣкѣ-Богѣ, амальгамировать и идентифицировать чисто духовное міросозерцаніе религіознаго іудейства съ чисто чувственнымъ міросозерцаніемъ религіознаго язычества. Этимъ иногда заражалось и іудейство, въ особенности та школа, которая тѣлвенія представленія о Богѣ, по необходимости встрѣчающіяся въ изображеніяхъ пророковъ, не хотѣла принимать иначе какъ въ ихъ буквальномъ смыслѣ, и такимъ образомъ антропоморфизировала существо Бога. Это именно имѣло мѣсто и въ *Каббалѣ*. *Зоаръ*, принадлежащій къ этому направленію и составляющій важнѣйшее произведеніе Каббалы, даетъ объ этомъ совершенно иное понятіе, чѣмъ обыкновенно себѣ представляютъ. *Гейгеръ* уже чрезъ чуръ строго относится къ этому предмету, и *Франкъ* въ своемъ трудѣ о Каббалѣ, повидимому, изображаетъ многое въ болѣе правильномъ свѣтѣ *. *Зоаръ* ставитъ свободу мысли выше догмата и писанія. Единство и безгѣлность Бога, безсмертіе души и свобода воли составляютъ здѣсь господствующій принципъ и придаютъ этому воззрѣнію высокое значеніе.—Въ этомъ-же столѣтіи *Иосифъ* бейтъ *Цадикъ* ибнъ *Цадикъ* написалъ сочиненіе о логикѣ. *Абрагамъ* ибнъ *Давидъ* въ эту же эпоху сочинилъ свою книгу: „Высшая

* Frank, De la Cabbala.

Вѣра“, основную черту которой можно выразить въ немногихъ словахъ: „Стремленіе всякихъ философскихъ теорій состоитъ въ практическомъ осуществленіи нравственныхъ цѣлей—и въ этомъ состоитъ также задача іудейства“. Никакая философія ничего высшаго еще не произносила; это совершенно тоже самое, что 700 лѣтъ спустя *Фрисъ* подразумѣвалъ подъ школьнымъ терминомъ „Приматъ практическаго ума“.

Ограничимся этими указаніями и, не упоминая о сотнѣ другихъ философовъ, обратимся прямо къ величайшему уму, на который Европа вообще можетъ указать въ этомъ столѣтіи, къ *Маймониду*. Личная жизнь *Абу Амрамъ Муза бенъ Абдаллаха* или *Моисей бенъ Маймуна* (1135—1204), окруженная всевозможными легендами, не вполне известна: достоверно только то, что онъ проникнутъ былъ безупречною нравственностью и истиннымъ душевнымъ благородствомъ. Отецъ его, высокопоставленное лице въ *Кордовѣ*, былъ математикъ, астрономъ и знатокъ Талмуда, и уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ внушалъ своему сыну вдохновеніе и любовь къ наукамъ. Изгнанное фанатическими *Альмогадами*, семейство Маймониды долгое время вело безпкойную скитальческую жизнь. Маймонидъ научился у своего отца всему, чему только тотъ могъ его научить; магометанскіе учителя посвятали его въ естественныя науки, а также и медицину. Что онъ въ философіи былъ ученикомъ *Аверроа*—это давно уже разъясенная ошибка *. Маймонидъ всецѣло стоялъ на собственной почвѣ іудейства и на положившей основаніе всякой философіи — философіи греческой. Въ особенноти онъ слѣдилъ за Аристотелемъ, но совершенно самостоятельно, часто уклоняясь и даже опровергая его. Онъ, кромѣ того,

* Маймонидъ лишь въ позднѣйшіе годы своей жизни познакомился съ философскими трудами Аверроа. Munk в Journal asiatique p. 31 f. Juillet 1842; Renan, Averroes et l'Averroisme, p. 179.

пользовался Сократомъ въ изложеніи Ксенофона и Платономъ, затѣмъ стоиками, перипатетикомъ Александромъ Афродисійскимъ и эклектикомъ Ѳемистіемъ. Что обстоятельства того времени, окружающая его среда и тогдашнее угнетенное положеніе іудейства ограничили его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—за это его никто упрекать не можетъ, такъ какъ никто на свѣтѣ не въ состоянн совершенно высвободиться изъ подъ подобныхъ вліяній. Тѣмъ не менѣе онъ стоитъ высоко надъ равнинами, когда говоритъ, что „они находятъ въ Св. Писаннн сотню предметовъ, о которыхъ тамъ нѣтъ и помину“. Его главное философское сочиненіе называется *Морэ габухримъ* („Путеводитель заблудшихъ“). Онъ самъ между прочимъ такъ выражается объ этомъ сочиненн: „Однимъ словомъ, я уже таковъ; когда у меня является мысль, и я могу выразить ее только такимъ образомъ, что она можетъ удовлетворить и поощрить одного мыслящаго человѣка, одного хоть изъ десяти тысячъ, между тѣмъ какъ громадной толпѣ она показается невыносимой, то я все таки смѣло и открыто выскажу то слово, которое просвѣтитъ разумнаго, хотя бы неразумная толпа и осыпала меня за то упреками“. И онъ дѣйствительно обрадовалъ мыслящихъ и имѣлъ громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе философіи. *Скаликеръ* говоритъ: „Путеводитель Заблудшихъ“ никогда не можетъ быть достаточно восхваляемъ, а *Вазубонусъ* замѣчаетъ: „Относясьеся къ религнн онъ разсматриваетъ съ религіозной точки зрѣнн, къ философіи—съ философской, а къ Богу—съ божеской“. Въ этомъ духѣ поняла его ближайшая эпоха. Основнымъ его принципомъ было: „Человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ не долженъ руководствоваться вѣрою въ авторитеты, на то у него глаза на лицѣ, а не на плечахъ“*; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Цѣль

* На которыхъ послѣтъ ярмо.

религии состоитъ въ томъ, чтобы научиться мыслить и дѣйствовать согласно съ разумомъ и такимъ путемъ приближаться къ совершенству“. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ стоитъ гораздо выше католической схоластики, которая впрочемъ основана на заимствованныхъ у него началахъ *. — Его сочиненіе безчисленное множество разъ было переведено на латинскій, нѣмецкій, испанскій, англійскій и другіе языки. Что даже самъ *Спиноза* находился въ значительной зависимости отъ Маймонида — это неопровержимо доказалъ *Юэлъ* **.

По смерти Маймонида въ іудействѣ начались бурные споры о значеніи и правотѣности его ученія, и часто его предавали даже отлученію. Обнаружившіяся при этомъ односторонности очень часто самымъ бессмысленнымъ образомъ употреблялись впоследствии какъ орудіе противъ іудейства, узвать которое вполнѣ никто не далъ себѣ труда. Въ такой умственной борьбѣ одностороннія воззрѣнія, высказанныя одной какой либо партіей, не могутъ имѣть никакого значенія (развѣ только для того, чтобы судить о состояніи этой самой партіи), и важнѣе лишь исходъ борьбы, то, — что для всего народа становится наградою за побѣду; въ отношеніи къ Маймониду этотъ исходъ въ концѣ концовъ выразился во всеобщемъ признаніи величія его ума и въ энергическомъ слѣдованіи по указанному имъ пути къ чистой религіозности, строгой правотности и высокой умственной свободѣ.

Изъ эпохи ближайшей къ Маймониду я долженъ назвать здѣсь двухъ личностей. Сперва укажу на горячаго почитателя, защитника и продолжателя ученія Маймонида, *Леви* бенъ *Герсона*, который по истинѣ можетъ быть названъ продолженіемъ

* Ср. между прочимъ: M. Joel, Einfluss der jüdischen Philosophie auf die christliche Scholastik в Monatsh. Frankela стр. 210 ff. 1860.: Dr. M. Joel, Verhältniss Albert des Grossen zu Moses Maimonides. Breslau 1863.

** Ср. Dr. M. Joel, Spinoza's theologisch-politisches Tractat auf seine Quellen geprüft, Breslau, 1872.

Маймонида, и котораго главное сочиненіе „Мильхамотъ“ не только возбудило фуроръ среди евреевъ, но и заслужило почетное вниманіе *Пика Мирандолы*, *Рейхлина*, *Кепплера* и другихъ христіанскихъ мыслителей *. — За нимъ слѣдуетъ *Хасдай Крескасъ*, который, хотя и былъ отъявленнымъ противникомъ Маймонида, но достоинъ нашего вниманія потому, что онъ первый принципиально возсталъ противъ Аристотеля и его авторитета и съ большимъ остроуміемъ отвергалъ его міровоззрѣніе и физику въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи „*Оубъ Адонай*“ (Свѣтъ Божій), написанномъ въ 1410 г. т. е. еще за долго до того, какъ какой либо христіанскій изслѣдователь осмѣлился возстать противъ принудительной вѣры Аристотелевской **. И относительно философіи можно сказать: безъ іудейства не было бы схоластики и прогресса, не было бы, слѣдовательно, и дальнѣйшаго развитія философіи.

Что касается философіи, то я у конечной точки того пути, который я себѣ предназначилъ, и упомяну лишь еще о жившемъ около 1450 г. *Исаакъ* бенъ *Моисей Галеви* (называемомъ *Профіатъ Дуранъ*), который въ посланіи къ крещенному еврею, прігласившему и его обратиться въ христіанство, отвергнуть послѣднее въ самыхъ вѣдкихъ пролическихъ выраженіяхъ.

Я обращаюсь теперь къ спеціальной части философіи, къ этикѣ, которая уже потому достигла въ іудействѣ высокаго значенія, что послѣ прекращенія храмоваго служенія въ Іерусалимѣ, она осталась единственной формой богослуженія, которой евреи впрочемъ придерживались и раньше. Сперва я долженъ указать здѣсь на то начало, которое связываетъ этику съ религіозною филосо-

* Levi ben Gerson als Religionsphilosoph. Von Dr. M. Joel. Breslau, 1872.

** Don Chasdai Crescas religionsphilosophische Lehren. Von Dr. M. Joel. Breslau, 1866.

фией, именно на терпимость. Настоящая терпимость—это осуществление собственного душевного благородства, которое человечески и кротко относится ко великому без различия в вероисповедании. Что в этом отношении христиане еще и по настоящее время не заслуживают особенной похвалы—это достаточно известно, и, судя по этому, едва-ли можно было бы утверждать, что христианству присущ принцип общечеловеческой любви. Совершенно противное мы видим у евреев. Они никогда не стремились к обращению других в свою религию и, напротив того, всевозможным образом старались затруднять переход в иудейство. Один ученый раввин даже прямо говорит: „Остерегайся всякаго прозелита до десятого поколения“. Живший в IV столѣтїи р. *Абаи Насмани* говорилъ: „Живи въ мирѣ съ братьями и родственниками, со всѣмъ свѣтомъ, даже съ язычниками“, и съ того времени евреи собственно не признаютъ никакого различїя между правовѣрными евреями и исповѣдующими другую религію, и только раввины нѣкоторыхъ школъ пытались иногда доказывать свою истинную религіозность такими способами какъ предаваніемъ Маймонида потерявшему уже тогда всякое значеніе отлученію. Евреи никогда не избѣгали ни смѣшенїя съ язычниками и христианами, ни вообще сношенїя съ ними, какъ напримѣръ при общественныхъ пирахъ, пока все это не было запрещено христіанскимъ духовенствомъ. Въ X столѣтїи появилось сочиненіе анонимнаго еврейскаго автора, который, подъ страхомъ божескаго проклятія, учить обращаться благосклонно, справедливо и кротко съ людьми другаго исповѣданїя, — и какъ разъ въ то время, когда въ Испанїи, Франціи и Германїи свирѣпствовали самая гнусная преслѣдованїя евреямъ, французскій еврей *Леонда* сирѣ *Леонъ бенъ Исаакъ* (названный Га-Хасидъ „благочестивый“) составилъ поученіе для высшей религіозной жизни, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ:

„Ты долженъ поступать честно какъ съ твоимъ единовѣрцемъ,

такъ и съ христіаниномъ; если послѣдній ошибся во вредъ себѣ, ты обязанъ на это обратить его вниманіе: если еврей исправляетъ должность сборщика пошлины, то онъ не долженъ брать у христіанина болѣе, чѣмъ у еврея; еврей ни относительно своего единовѣрца, ни относительно христіанина, не долженъ ссылаться на ложный поводъ *, и даже ненадежному заемщику онъ не долженъ сказать, что не даетъ ему потому, что не имѣетъ денегъ; не слѣдуетъ присновать себѣ собственность христіанина, ибо Господь заступается за всѣхъ угнетенныхъ и т. д.“

Я полагаю, что приведеннаго уже достаточно для того, чтобы представить въ надлежащемъ свѣтѣ множество нелѣпыхъ и вызванныхъ недоброжелательствомъ предразсудковъ противъ евреевъ.

Останавливаясь теперь болѣе подробно на этикѣ, и прежде всего долженъ сказать, что слѣдованіе нравственнымъ велѣніямъ есть первая и почти единственная обязанность въ отношенїи къ Богу, богослуженіе въ собственномъ смыслѣ,—и если мы не будемъ обращать вниманіе на колеблющихся возрѣвїя отдѣльныхъ личностей, то должны будемъ признать, что для евреевъ принципъ нравственнаго закона состоитъ лишь въ присущемъ человѣку стремленїи къ совершенству, которому необходимо удовлетворить,—слѣдовательно, побужденіе самое чистое, самое благородное. Такъ какъ нравственность у евреевъ была возведена въ религіозный законъ, то у нихъ собственно не могло быть учителя, который не касался бы вопросовъ этики и болѣе или менѣе подробно не останавливался бы на нихъ. Я поэтому удовольствуюсь указаніемъ на нѣсколько особенно выдающихся личностей, которыхъ вліяніе обнимало болѣе обширный кругъ, или было болѣе продолжительно въ самомъ иудействѣ. И тутъ на первомъ планѣ и прежде всѣхъ еще разъ должны

* Христіанская церковь, напротивъ того, твердила въ то время: относительно еретиковъ нѣтъ надобности исполнять данное слово.

бить названы *Гиллель* и *Шамай*, нравственность которых и отношения къ людям были безупречны. *Шамай* отличается от своего знаменитаго современника лишь большею щепетильностью въ приснаніи законодательныхъ основаній для отдѣльныхъ предписаній. Но все таки гораздо важнѣе для насъ *Гиллель*, все ученіе котораго составляетъ собою школу чистой нравственности и любви и уже заключаетъ въ себѣ все лучшее изъ того, чему только впоследствии могло учить христіанство. Къ этой ранней эпохѣ слѣдуетъ отнести также и апокрифическую „Книгу Мудрости“, сочиненную въ *Александріи* въ правленіе *Камуллы* и которую неправильно приписывали *Филону*. Книга эта полемизируетъ противъ безнравственности и идолопоклонства язычниковъ. Такую-же цѣль преслѣдуетъ еврейскій авторъ, извѣстный подъ именемъ *Псевдофоклида*, рекомендующій грекамъ чистое нравственное ученіе иудаизма*. Я долженъ упомянуть здѣсь еще о патриархѣ втораго вѣка рабби *Симонъ*, отъ котораго сохранился слѣдующій его принципъ: „На трехъ основахъ покоится существованіе свѣта, на истинѣ, правѣ и мирѣ“. Благотворное вліяніе имѣлъ въ III столѣтіи *Маръ Самуилъ*. Уже пророкъ *Иеремія* проповѣдывалъ изгнаннымъ евреямъ: „Радѣйте о благѣ того города, куда переселили васъ“. *Самуилъ* возвелъ это въ общеобязательное предписаніе, по которому для еврея, гдѣ бы онъ ни находился, законы страны должны имѣть такую же силу, какъ его собственные. Такъ высоко стоятъ евреи надъ иными католическими епископами. Евреи повсюду усвоили себѣ этотъ принципъ и повсюду тоже вѣрно и слѣдовали ему.

Я оставляю въ сторонѣ довольно продолжительный періодъ и перехожу къ р. *Герсонъ* бенъ *Иегуда*, ученіе котораго достигло въ іудействѣ благотворныхъ результатовъ. Іудейство, по сокровенному внутреннему духу своему, могло только держаться моногаміи,

* Die Pseudophokyliiden. Von Bernays. Programm des jüdisch-theologischen Seminars. Breslau, 1856.

но прямого запрещенія полигаміи у него не существовало. Такое запрещеніе установить р. *Герсонъ* и добился, чтобы законъ этотъ формально былъ санкціонированъ цѣлымъ синодомъ. Съ этого времени моногамія осталась у евреевъ ненарушимой. Благотворное вліяніе имѣло также многочисленныя стихотворенія, воспѣвающія искреннюю привязанность между мужемъ и женой, и особый родъ составляли свадебныя пѣсни, которыми особенно отличился *Галеви* и въ которыхъ восхвалялись высокое значеніе и святость брака. Вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ р. *Гай*, жившій въ XI столѣтіи и написавшій поучительное стихотвореніе (*Муссаръ Гаскель*), проиницированное такою благородною нравственностью, какою онъ лично отличался во всю свою жизнь. Сочиненіе это было переведено на латинскій языкъ и часто издавалось*. Въ томъ же столѣтіи жилъ р. *Бахія* бенъ *Иосифъ* ибнъ *Даудъ*, который поставилъ себѣ сокровенной задачей придать большее значеніе внутреннему духу еврейскаго законодательства и поставить на задній планъ его внѣшнюю обрядовую сторону. Онъ былъ шетистомъ, но въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, и обнаруживалъ сильную наклонность къ аскетизму. Но этому послѣднему стремленію рѣшительно воспротивился въ слѣдующемъ столѣтіи *Иегуда*, сирѣчь *Леонъ* бенъ *Исаакъ*. Онъ отвергаетъ всякое отдѣленіе себя отъ общества и сношеній съ людьми и всякаго рода монашество прямо называетъ безнравственнымъ. Относительно молитвы мы находимъ прекрасное изреченіе, что она имѣетъ значеніе только на родномъ языкѣ, на чужомъ же оставляетъ сердце пустымъ. Наконецъ мы тутъ снова съ почетомъ должны остановиться на *Маймонидѣ*, который въ нѣсколькихъ словахъ своего комментарія къ *Мишнаѣ*, равно какъ и въ своемъ *Морѣ Ганебухимъ* систематически и философски, преимущественно держась *Аристотеля*, развиваетъ нравственное ученіе іудейства, котораго онъ, кромѣ того, часто

* Fürst, Bibliotheca judaica I, 356.

басается и въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Въ заключеніе я укажу здѣсь еще на одно значительное сочиненіе, излагающее нравственное ученіе іудейства; это именно сочиненіе жившаго въ XIV столѣтіи р. *Исаи*, обнаруженное подъ именемъ *Ховатъ Галвовотъ* (Долгъ Сердца) *.

Вышеизложенное самымъ естественнымъ образомъ приводитъ меня къ ученію о правѣ, такъ какъ у евреевъ понятія о нравственности и правѣ едва ли даже разграничены между собою **. Поэтому здѣсь достаточно будетъ сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ вышеприведеннымъ указаніямъ на этическое ученіе іудейства. Р. *Симлай* и Р. *Самуилъ* упомянуты уже въ другомъ мѣстѣ. Р. *Гай* написалъ на арабскомъ языкѣ сочиненіе о талмудическомъ торговомъ правѣ, которое впоследствии было переведено и на языкъ еврейскій. Въ XII столѣтіи р. *Исаакъ Гилели* отличался на попривѣ гражданскаго права. Въ южной Франціи повсюду признавали, что еврейскіе законы лучше христіанскихъ †, возрѣніе, которое не было опровергнуто, но тѣмъ не менѣе осуждено какъ еретическое ††. Но самое важное, чѣмъ евреи существенно воздѣйствовали на сухое и ограниченное римское право — было изобрѣтеніе ими векселей и кредитныхъ писемъ, при помощи которыхъ вся ошюная торговля приняла весьма широкіе размѣры и гораздо большее оживленіе. Когда въ правленіе Филиппа II Августа возобновились гнусное грабительство и безчеловѣчныя

* Говоря объ этикѣ и въ особенности о Маймонидѣ, я былъ по возможности кратокъ, такъ какъ и по этому предмету могу указать на превосходный трудъ д-ра Давида Розина: Die Ethik des Maimonides, вь Jahresbericht des jüd-theolog. Seminars Fränkelscher Stiftung. Breslau, 1876.

** Dr. Rosin, тамъ же, стр. 1—2.

† Vaissette, Hist. génér. de Languedoc III, Preuves, p. 372.

†† „Если еретка называютъ собакой, то безъ сомнѣнія подь этимъ подразумеваютъ, что собаки созданы для того, чтобы вести слѣдныхъ“. (Jean Paul's Werke Bd. 64, S. 150, bei Reimers).

истребленія евреевъ, то послѣдніе при помощи векселей въ состояніи были спасти хоть часть своего имущества отъ христіанскихъ разбойниковъ.

Предохраненіе здоровья, выражающееся какъ въ соблюденіи цѣлесообразной діеты для сохраненія нормальнаго состоянія своего собственнаго тѣла, такъ и въ ухаживаніи за больными и въ восстановленіи ихъ силъ—у евреевъ также считается нравственнымъ долгомъ *. Вотъ почему еврейскіе учителя большею частью были знакомы и съ медициной и посвящали себя медицинскому званію. Съ какою совѣтливостію они относились къ этому занятію, можно судить по сохранившейся прекрасной молитвѣ, сочиненной *Маймонидомъ* для врача, отправляющагося навѣстить больного **. Можно смѣло указать, что до начала процвѣтанія основанныхъ при дѣятельномъ участіи евреевъ школъ въ *Монпелье* и *Салерно* †, евреи были почти единственными медиками во всемъ известномъ тогда свѣтѣ, и къ нимъ уже впоследствии въ Испаніи присоединились арабы ††; когда же послѣдніе впоследствии были изгнаны изъ Испаніи, евреи опять остались единственными представителями медицинской науки. Крайне невѣжественные христіане того времени дошли даже до нелѣпо-судебнаго заключенія, что одни лишь евреи по природѣ своей имѣютъ способность къ медицинѣ. Монархи и духовные, которые самымъ гнуснымъ образомъ грабили и изгоняли евреевъ, все таки ни за что не соглашались, — какъ напримѣръ Францискъ I—имѣть своимъ лейбъ-медикомъ христіанина или даже крещенаго еврея. Было время, когда еврей, въ качествѣ лейбъ-

* Dr. Rosin, тамъ же, стр. 124.

** Молитва эта переведена Моисеемъ Мендельсономъ на нѣмецкій языкъ: она въ извлеченіи приводится также Беддариомъ въ упомянутомъ выше сочиненіи его, стр. 459.

† Astruc, Hist. de la faculté de Médic. à Montpellier p. 14; Prunelle, Discours sur l'influence de la Médic. sur la renaissance des lettres p. 44—60

†† Хотя также въ ограниченномъ размѣрѣ, такъ какъ арабы крайне необходимо оставляли свою родину.

медиковъ, держали въ своихъ рукахъ жизнь всѣхъ князей и прелатовъ. Еще въ XVI столѣтїи самыми знаменитыми врачами большему частію были евреи.

Достаточно будетъ привести здѣсь только нѣсколько выдающихся именъ прославившихся еврейскихъ медиковъ, такъ какъ общее значеніе евреевъ для медицины едва-ли къмъ либо оспаривается. Уже въ III столѣтїи мы встрѣчаемся съ р. *Маръ Самуиломъ* (ум. 257), который большую часть болѣзней считаетъ происходящими отъ испорченнаго воздуха и значительную смертность среди раненыхъ во время войны приписываетъ продолжительному воздѣйствію воздуха на раны. *Фаррагутъ* приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ качествѣ переводчика и лейбъ-медика Карла Великаго *. Въ концѣ IX столѣтїа *Исаакъ* бей *Сулейманъ Израели* написалъ на арабскомъ языкѣ книгу о лихорадкѣ, которая тотчасъ же была переведена на еврейскій, испанскій и латинскій языки. Въ эту же эпоху на востокѣ при халифѣ Альманунѣ пользовались громадною извѣстностью еврейскіе медики р. *Машалла* и р. *Абуль Баркатъ*. Въ XIII столѣтїи *Абраамъ Кабритъ* составилъ комментарій къ Иппократу. Около 1300 ознаменовалъ себя своею дѣятельностью въ Монпелье ученый р. *Профатіусъ*. Я упомяну здѣсь еще, что *Маймонидъ* занимался обработкою Галена и что Ричардъ Левинное Сердце приглашалъ его къ себѣ лейбъ-медикомъ, на что тотъ не согласился.

До конца XVII столѣтїа собственно не знали строгаго разграниченія и отдѣленія медицины отъ естественныхъ наукъ. Только математика и астрономія уже рано выдѣлились и сдѣлались самостоятельными науками. Поэтому всѣ медики само собою должны быть причислены и къ естествоиспытателямъ, и едва-ли нужно привести здѣсь поименно лицъ, приобрѣвшихъ извѣстность на этомъ поприщѣ. Я ограничусь замѣчаніемъ, что въ литературѣ сохранились имена

* Bedarride, p. 72 и p. 459.

нѣкоторыхъ знаменитыхъ еврейскихъ путешественниковъ, какъ на примѣръ *Петахїи* изъ *Регенсбурга*, *Элдода* (Данита), сочиненія которыхъ переведены на латинскій языкъ, и въ особенности *Веньямина* изъ *Туделлы* (1165—1173, время путешествія), который объѣздилъ почти весь извѣстный тогда свѣтъ. Его сочиненіе „Масеотъ Веньяминъ“ (Iter Benjaminum) было нѣсколько разъ переведено не только на языкъ латинскій, но и на всѣ почти другіе европейскіе языки. И въ открытіи Остъ-Индіи также участвовали евреи, именно *Абраамъ де-Велія* и *Иосифъ Цанатеро* де *Ламего*, которые были посланы Жуаномъ II для изслѣдованія береговъ Чермнаго моря и острова Ормуза въ Персидскомъ заливѣ *.

Я присоединяю сюда указанія на заслуги евреевъ на поприщѣ астрономіи. Евреи уже очень рано имѣли свое собственное времячисленіе и свой собственный календарь. Чтобы держать въ порядкѣ этотъ календарь и вѣрно опредѣлять время своихъ праздниковъ, они должны были заниматься астрономіей **. Знаніе небесныхъ тѣлъ уже очень рано считалось благотворнымъ средствомъ къ познанію и созерцанію Божества, какъ это можно заключить по многимъ мѣстамъ Талмуда и Маймонида †. Уже между преиминиками *Биллеля Гамлиель* славился какъ математикъ и астрономъ и чуть-ли не пользовался даже подозрною трубою, но разумѣется безъ стеколъ. *Тегоица* въ 89 г. послѣ Р. X. зналъ уже о 70 (73) лѣтнемъ вращеніи маленькой (галлейской) кометы. †† *Маръ Самуилъ*, въ одной изъ его „Борайтъ“, *†† говоритъ объ устройствѣ неба, о солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ и созвѣздіяхъ, о причинахъ

* Basnage, Histoire de juifs, livre VII, chap. 21.

** Eriphanus, Opp. pag. 1822 ff.; Jdeler, Lehrbuch der Chronologie S. 198—205. Berlin 1881.

† Dr. J. Fürst, Cultur-und Literaturgeschichte der Juden in Asien, Theil I. S. 45.

†† Fürst, тамъ же, S. 43.

*† „Борайтъ“ апокрифическія мишны. *Идат.*

перемены время года и проч. Онъ написалъ особое сочиненіе о временахъ года, которое еще въ настоящее время въ рукописи находится въ библиотекѣ Ватикана *. При этомъ онъ былъ рѣшительный противникъ астрологіи и презиралъ ее. *Синедрионъ* долгое время держалъ въ тайнѣ способъ календарнаго исчисления, связанный съ нѣкоторыми издревле установленными формальностями, но патриархъ *Гилгелль II* сдѣлалъ его общезвѣстнымъ. Способъ этотъ до такой степени сходится съ *Метонскими* цикломъ **, что оказывается вѣрнымъ еще и въ настоящее время. Какое участіе принялъ самъ Гилгелль въ установленіи его — это теперь уже доказать трудно. Еще до *Могамета* этотъ способъ исчисления перешелъ къ арабамъ отъ еврейской академіи въ *Ямрибъ*. Въ 800 г. р. *Сагалъ* аль *Табари* (называемый *Раббанъ*) приобрѣлъ себѣ громкое имя какъ математикъ и астрономъ. Онъ перевелъ *Птоломея* на арабскій языкъ и открылъ проломленіе лучей свѣта †. Р. *Абусагалъ Дунашъ* бенъ *Тамимъ*, отличившійся какъ врачъ (онъ былъ лейбъ-медикомъ третьяго халифа изъ династіи Фатимидовъ) и прославившійся какъ астрономъ, былъ одинъ изъ первыхъ, считавшихъ по только что введенной тогда арабской цифровой системѣ. Написанныя около этой же эпохи астрономическія сочиненія р. *Абрагамъ б. Хія Ашбарцелони* были переведены на латинскій языкъ и ими часто пользовались. *Маймонидъ* также оставилъ подробное и основательное опроверженіе астрологическаго суевѣрія, которое однако мало содѣйствовало вразумленію христіанскихъ князей и духовенства. *Іоаннъ Севильскій* или *де-Луна* былъ одинъ изъ весьма значительныхъ математиковъ XII столѣтія. Онъ сочинилъ практическую ариеме-

* Fürst, тамъ же, S. 47.

** О Метонскомъ циклѣ см. Jdeleg въ вышеприведенномъ его соч. S. 182 ff.

† Wüstenfeld, Gesch. der arabischen Aerzte u. Naturforscher, S. 20.

тику, въ которой впервые являются дѣйствія съ десятичными дробями, вѣроятно имъ самимъ изобрѣтенными. Изъ XIII столѣтія я долженъ указать только на упомянутую уже выше книгу „Загаръ“, въ которой, за долго до Коперника, на вращеніе земли около своей оси указывается какъ на причину дня и ночи. Въ половинѣ XIII столѣтія *Альфонсъ*, названный „Мудрый“, вступилъ на кастильскій престолъ. Свою страсть къ астрономіи онъ обнаружилъ тѣмъ, что велѣлъ изготовить новыя астрономическія таблицы, которыми долгое время пользовались астрономы подъ именемъ „Альфонсовыхъ таблицъ“. Руководить этимъ предпріятіемъ онъ поручилъ еврейскому астроному *Исааку бенъ Сиду*. Въ то же время *Гуда бенъ Гакогенъ* перевелъ для этого короля на испанскій языкъ астрономическія сочиненія *Авиценны*. Этому переводчику приписываютъ также раздѣленіе всѣхъ звѣздъ на 48 созвѣздій. Въ правленіе *Альфонса XI* изготовленіемъ астрономическихъ таблицъ отличался р. *Давидъ Аудраганъ*, *Исаакъ бенъ Самуилъ бенъ Израилъ* и *Яковъ бенъ Меуръ ибнъ Тиббонъ*. *Профатіусъ* одинъ изъ извѣстнѣйшихъ учителей медицинской академіи въ Монпелье, отличался также какъ астрономъ *. Но въ особенности я долженъ указать здѣсь на *Леви бенъ Герсона (Раббанъ)*, болѣе извѣстнаго подъ именемъ магистра *Лео де Баньоласа*, который на поприщѣ астрономіи достигъ громкой славы. По именному желанію папы Кlementia VI, сдѣланное Баньолосомъ описаніе имъ же изобрѣтеннаго астрономическаго инструмента переведено было на латинскій языкъ, и *Кеплеръ* приложилъ большія старанія, чтобы достать себѣ это сочиненіе **.

Сказаннаго уже достаточно, чтобы убѣдиться, что евреи до

* Montucla, Histoire d. Mathémat. T. I. p. 419.

** Mank, Melanges etc. pag. 497, not. 2; Kepler, Epistol. ad Johannem Remum.

XII столѣтія въ умственномъ отношеніи, равно какъ и во всякой важной для жизни наукѣ, далеко превосходили своихъ христіанскихъ современниковъ. Практическій результатъ этого превосходства для жизни неопровержимо доказывается тѣмъ, что современники признавали за ними это превосходство. Они не только, въ качествѣ лейбъ-медиковъ, держали въ своихъ рукахъ жизнь всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ властелиновъ, но большею частью, отчасти благодаря своему громадному вліянію, отчасти также и по занимаемому ими официальному положенію въ качествѣ сановниковъ, руководили судьбами государствъ. Ихъ моральная честность, ихъ умственные способности и богатія познанія очень часто доставляли имъ бразды правленія въ языческихъ, магометанскихъ и христіанскихъ государствахъ. Уже при *Птолѣмѣяхъ* представители египетскихъ школъ, *Оній* и *Досисей*, были важными лицами при дворѣ. *Филонъ* былъ посланъ въ Римъ въ качествѣ посланника. При первыхъ римскихъ императорахъ евреи были въ большомъ почетѣ и пользовались значительнымъ вліяніемъ, какъ это слѣдуетъ заключить изъ многихъ, обнародованныхъ въ ихъ пользу, декретовъ. Такъ р. *Ионна* пользовалась большимъ почетомъ у *Траяна*, а р. *Аббагу* у *Діоклетіана*. 144-ая новелла римскаго кодекса показываетъ, что евреи при *Юстиніанѣ* обращали на себя вниманіе также въ качествѣ сельскихъ хозяевъ. Представители еврейскихъ школъ въ Вавилонѣ большею частью пользовались также и политическимъ вліяніемъ, въ особенности при лучшихъ персидскихъ правителяхъ. Громадное вліяніе евреи имѣли также у арабовъ до появленія Магомета, который началъ ихъ преслѣдовать, когда считалъ себя уже на столько могущественнымъ, что больше въ нихъ не нуждался. Два ученыхъ еврея *Абдаллахъ* бенъ *Саламъ* и *Мухайиръ* были дѣятельными участниками при составленіи *Корана*.—Завоеваніе *Туарика* освободило испанскихъ евреевъ отъ одичавшихъ варварскихъ вестготовъ. *Суваиръ* сдѣлался юнцей-

стеромъ при *Абдуль Маликѣ*. Еврей *Фаррагутъ* былъ лейбъ-медикомъ Карла Великаго, и р. *Исаакъ* пользовался у него такимъ уваженіемъ, что онъ отправилъ его въ качествѣ своего посланника къ *Гаруну Аль Рашиду*. Ученое семейство *Балонимосъ* подъ вліяніемъ *Карла* переселилось въ *Майнцъ*. *Цедекіасъ* былъ лейбъ-медикомъ *Карла Лыскаго* и р. *Иуда* пользовался его особеннымъ расположеніемъ. *Исаакъ* бенъ *Сулейманъ Израели* былъ любимцемъ испанскаго князя *Ціодетъ Алла*, основателя династіи Фатмидовъ. *Саббатай Домоло* былъ лейбъ-медикомъ византійскаго вице-короля *Евтраксія*. Значительную роль игралъ (915—970) р. *Абу Иссуфъ Хасдай* ибнъ *Шапрутъ* правитель дѣлъ и впоследствии министръ иностранныхъ дѣлъ при халифѣ *Абдульраманѣ III*. *Текумель* ибнъ *Гассанъ* пользовался большимъ вліяніемъ въ *Сарагоссѣ* и былъ защитникомъ *Гебирыля*. *Самуилъ Галеви* ибнъ *Негрелла* былъ визиремъ при гранадскомъ халифѣ *Габусѣ*, и это достоинство перешло впоследствии къ его сыну *Абу Гассайнъ Гусифу* ибнъ *Негрелла*. *Гусифъ* ибнъ *Миганъ I* занималъ весьма высокой почетный постъ при *Алмутадидѣ* въ Севиллѣ, а *Абу Фадль Хасдай* былъ визиремъ при царѣ *Алмутадирѣ* въ Сарагоссѣ. Прихѣромъ арабовъ увлеклись въ Испаніи и христіане; вездѣ евреи занимали высокія почетныя должности, какъ напримѣръ знаменитый *Соломонъ бенъ Вирго*. *Амрамъ бенъ Исаакъ* ибнъ *Шалгивъ* находился въ большемъ почетѣ у *Альфонса VI* кастильскаго за его искусную государственную дѣятельность, и рядомъ съ нимъ у того же монарха не меньшимъ уваженіемъ пользовался *Циделлусъ*. *Абраамъ бенъ Хіа Абарцелони* былъ въ XII столѣтіи министромъ при кастильскомъ дворѣ. Точно также евреи пользовались большимъ вліяніемъ у *Альфонса VIII* въ *Толедо* и *Альфонса II* въ *Арагоніи*, особенно часто евреи занимали высшія финансовыя должности. Такъ какъ они были искусны въ дѣ-

лахъ и отличались честностью, то великіе міра сего предпочитали пользоваться ихъ услугами, чѣмъ быть обманутыми и обворованными правовѣрными глупцами. Даже у папы *Александра III* министромъ финансовъ былъ еврей *p. Исхиль бенъ Абрагамъ*. Еще въ XII столѣтіи ученый *p. Абрабанель* былъ министромъ при *Алфонсъ V* въ Португаліи. Изгнанный затѣмъ по смерти короля при общемъ преслѣдованіи евреевъ, Абрабанель былъ принятъ *Фердинандомъ Кастильскимъ* и назначенъ при дворѣ министромъ финансовъ. Здѣсь ему въ теченіе восьми лѣтъ, пока негодая Фердинандъ изъ за войны съ маврами находился въ денежномъ затрудненіи, оказывали всевозможныя почести; но лишь только боязнъ мавровъ исчезла, Фердинандъ и его фанатическая супруга съ истинно-христіанскою благодарностью и католическою честностью * напустились на евреевъ и изгнали ихъ изъ ихъ владѣній. Однако изъ за 34,000 червонцевъ эти вѣдические рабы католическихъ поповъ забыли свой христіанскій долгъ относительно своего Молоха и снова допустили въ свою страну евреевъ. Но верховный жрецъ Молоха, *Торкесмада*, тѣмъ не менѣе добился, чтобы не смотря на заключенный договоръ, евреи были ограблены, умерщвлены и изгнаны, и все это за то только, что они имѣли несчастіе быть благочестивѣе и лучше своихъ гнусныхъ преслѣдователей. Абрабанелю удалось спастись въ *Неаполь*, гдѣ онъ тотчасъ-же сдѣлался любимцемъ *Алфонса V*. Но такъ какъ послѣдній въ скоромъ времени изгнанъ былъ Карломъ VIII, то Абрабанель съ непоколебимою вѣрностью сопровождалъ своего покровителя въ Венецію. И здѣсь онъ въ скоромъ времени приобрѣлъ большое вліяніе и нашелъ возможнымъ, въ качествѣ представителя республики, заключить съ Португальскимъ правительствомъ выгод-

* „Относительно еретиковъ не нужно держать слово“ — каноническій законъ.

ный для обѣихъ сторонъ договоръ о торговлѣ принятиями, и такимъ образомъ блистательно и съ большимъ почетомъ закончилъ свою государственную дѣятельность *. Абрабанель извѣстенъ также какъ писатель. Его экзегетическія и философскія сочиненія обнаруживаютъ въ немъ большія познанія, остроуміе и большую свободу мысли. Еще значительнѣе, можетъ быть, были его политическія статьи, которыя онъ всегда объяснялъ примѣрами изъ древней и новой исторіи. Ибо и исторія, со времени сочиненія *Книги Маккавеевъ* и *Иосифа Флавія* серьезно изучалась евреями, и въ эпоху, когда вся Европа, за исключеніемъ византійскихъ ребяческихъ придворныхъ исторій, не имѣла почти ничего, кромѣ нелѣпыхъ монастырскихъ сказокъ или нѣкоторыхъ безвизныхъ языческихъ воспоминаній,—еврей *p. Абраамъ* ибнъ *Даудъ* довелъ исторію своего народа до эпохи своей собственной жизни (1150) и написалъ исторію *Рима* отъ *Ромула* до вѣстъ-гота *Рекареда*.—Приведенныя мною имена государственныхъ дѣятелей составляютъ собою лишь нѣкоторые примѣры выдающихся личностей; но евреевъ искали вездѣ и искали потому, что они были лучшіе люди своего времени.

Всѣ тѣ стороны умственной жизни евреевъ, которыхъ я до сихъ поръ касался, принадлежать преимущественно научному поприщу; только религіозная сторона открываетъ намъ жизнь вѣры, и мы видѣли, что евреи и въ этомъ отношеніи стоятъ высоко и отличаются чистотою своихъ религіозныхъ воззрѣній. Такимъ образомъ остается только еще разсмотрѣть область поэтическаго вдохновенія, которая непосредственно граничитъ съ областью вѣры и какъ бы представляетъ собою осуществленіе въ дѣйствительности идей ея посредствомъ эстетическаго ихъ воспроизведенія. Правда,

* Bayle, Diction. hist. et crit. Art. Abrabanel; Boissi, Dissertation sur le juifs, p. 2.

евреямъ часто отказывали въ художественномъ дарованіи, но весьма и весьма несправедливо. Безспорно, что первоначально всякое искусство и художество развивалось изъ религіозныхъ идей и ихъ символизаций, или въ связи съ ними; потому-то евреямъ, при чисто духовномъ религіозномъ воззрѣніи ихъ, исключаемъ всякое чувственно-видимое представленіе божественнаго *, одна художественная форма, форма нагляднаго изображенія,—область пластическаго представленія и живописи—осталась чуждою. Но какъ высоко у нихъ уже въ самой глубокой древности стояла религіозная поэзія, это знаетъ всякій христіанинъ, который хоть разъ заглянулъ въ Псалмы, или разъ прослушалъ какую нибудь метету, кантату или ораторію, болшею частью замѣтованныя изъ поэтическихъ твореній евреевъ. Едва-ли во всей литературѣ всѣхъ народовъ, отъ начала христіанскаго лѣтоисчисленія, найдется какое либо произведеніе, которое можно было бы поставить на ряду съ еврейской религіозной поэзіей, какъ по своему величію, возвышенности мысли, такъ и по торжественности и трогательности языка. Даже любовныя пѣсни евреевъ (Пѣсьи Пѣсней) написаны такимъ возвышеннымъ языкомъ, что христіанская церковь приписываетъ имъ значеніе религіозной поэзіи.

Не долго евреи довольствовались древними поэтическими твореніями, собранными *Эзрою*, и уже очень рано встрѣчаются попытки создать что нибудь новое. Изгнаніе евреевъ въ Аравію познакомило ихъ съ тонкостью и изяществомъ арабскаго языка, что произвело свое вліяніе и на языкъ еврейскій, который съ этого времени сталъ усваивать болѣе благородныя формы и боль-

* „Не дѣлай себѣ истукановъ и никакого изображенія того, что въ воздухѣ, сверху, или что на землѣ, снизу, или что въ водѣ, ниже земли; не поклоняйся имъ и не служи имъ“ (II кн. Моисей 20, 4—5). „Литыхъ идоловъ не дѣлай себѣ“ (3 кн. Моисей 34, 17).

шую гибкость. Еще далѣе пошло это развитіе поэзіи у особенно выдававшихся своимъ умственнымъ превосходствомъ испанскихъ евреевъ. Число поэтовъ, которыхъ слѣдовало бы назвать здѣсь, слишкомъ велико, и потому я упомяну имена лишь самыхъ выдающихся. *Негрелла*, *Гебриолъ*, *Хасдай*, *Моисей ибнъ Эзра*, *Иегуда Галеви*, *Харизи* и пр. суть личности, къ которымъ всегда слѣдуетъ относиться съ большимъ почетомъ. Въ особенности высоко стоитъ возвышенная поэзія *Иегуды Галеви*, и во всей религіозной поэзіи (не исключая *Милтона* и *Клопштока*) нѣтъ ничего такого, что можно было поставить выше „Сіонской Элегіи“ Галеви. Но еврейская поэзія нисколько не ограничивалась одной религіозною областью. Переходъ отъ религіозной поэзіи къ свѣтской составляютъ гномическія творенія; въ этомъ родѣ особенно отличался *Негрелла* въ XI столѣтіи. Но уже помѣщенная въ Коранѣ прелестная еврейская пѣсь о *Гусубѣ* и *Сулейкѣ* собственно принадлежитъ также этой переходной ступени отъ религіозной поэзіи къ свѣтской. Одинъ изъ превосходѣйшихъ филологовъ XII столѣтія *Алхаризи* перевелъ „Макамы“ *Гарири*, съ которыми мы познакомились ближе въ обработкѣ *Рюккерта*. Этотъ переводъ побудилъ его сочинить что нибудь подобное на еврейскомъ языкѣ подъ именемъ „*Ташкемони*“ *. Въ свѣтской поэзіи отличались *Моисей ибнъ Эзра*,

* Алхаризи ставитъ переводчику слѣдующія три требованія, которымъ онъ неизбѣжно долженъ удовлетворять: 1) онъ долженъ основательно знать языкъ, съ котораго онъ переводитъ; 2) онъ долженъ знать основательно языкъ, на который онъ переводитъ; и 3) онъ долженъ владѣть предметомъ, составляющимъ содержаніе переводимаго произведенія. Что скажутъ объ этомъ наши современныя переводчики?... О Макамахъ Алхаризи ср. Каемпф, Die erste Makame des Charisi. Berlin, 1848; Beugnot, Les juifs d'Occident. Послѣдній передаетъ часть Макамовъ въ французскомъ переводѣ, и ихъ приводитъ также Беддариъ въ своемъ вышеупомянутомъ сочиненіи, стр. 510 и слѣд.

Алхарици и *Мануэло*. Последняго не безъ основанія называютъ первымъ Гейнрихомъ Гейне. Въ особенности еврейская поэзія богата баснями—родъ поучительныхъ произведеній, особенно свѣтскихъ Востоку. Уже во II столѣтіи р. *Меиръ* обработалъ триста басенъ о лисницѣ, а въ XIII столѣтіи особенно плодотворенъ въ этомъ родѣ поэзіи былъ р. *Натронай*. Отъ него много басенъ замѣстовать *Лафонтенъ* *. И между нѣмецкими миннезенерами мы находимъ въ XII столѣтіи еврея *Зискинда* изъ Тримберга **. Два нѣмецкихъ поэта хотѣли продолжать „Парцивала“ Вольфрама фонъ-Эшенбаха по французскому тексту *Манессе*, но не знали французскаго языка, и имъ помогъ еврей, владѣвшій этимъ языкомъ. Они сами въ концѣ своего труда говорятъ:

„Ein Jude Samson Pnie

Verwandte Zeit und Müh'

An diesen Abenteuer

Und thät uns viel beisteuern.

Er hat sie deutsch uns übersetzt,

Wir haben's dann in Reim gesetzt*.

Весьма замѣчательный поэтъ былъ также вышеупомянутый *Мануэло* (Иммануилъ бенъ Саломонъ), котораго можно назвать предтечей *Воккачио* и который принадлежалъ къ избранному кругу интимныхъ друзей Данте.

* Основательно перевода еврейскихъ поэтическихъ произведеній древняго періода, я указываю на Dr. E. Meier, Geschichte der poetischen Nationalliteratur der Hebraeer. Leipzig, 1856; и относительно позднѣйшаго времени на Dr. M. Sachs, Die religiöse Poesie der Juden in Spanien. Berlin, 1845. Zunz, Synagogale Poesie des Mittelalters. Berlin, 1855—1867; равно какъ и на различные сборники восточныхъ поэтическихъ произведеній, какъ напримѣръ, Dr. H. Jolowitz, Polyglotte der orientalischen Poesie. Leipzig 1853 и проч.

** Von der Hagen, Deutsche Minensänger, Bd. 2, S. 258 ff; Bd. 4. s. 536 ff. Leipzig, 1836.

Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ еврей не жаловался на ученыхъ и знаменитыхъ женщинъ, какъ это дѣлаетъ Шиллеръ. Но во всякомъ случаѣ въ сюжетѣ для подобныхъ жалобъ не было бы недостатка. Такъ напримѣръ въ эпоху Танаимовъ жила весьма извѣстная своею ученостію еврейка *Верурия*. Въ XII столѣтіи одна чрезвычайно красивая еврейка читала на Востокѣ лекціи о Талмудѣ, а *Ревекка*, дочь р. Меира, (вдучка знаменитаго Раши) написала нѣсколько научныхъ сочиненій.

Такъ какъ прекрасныя свадебныя пѣсни переложены были на музыку, и такъ какъ молитвы въ синагогахъ также сопровождалась пѣніемъ, то евреи вѣроятно сохранили у себя музыкальныя знанія, о которыхъ часто упоминается въ Ветхомъ Заветѣ. Въ XI столѣтіи *Яковъ бенъ Гаккаръ* былъ извѣстенъ какъ музыкальный писатель, а въ XV столѣтіи еврей *Архсоломте* написалъ остроумную книгу о музыкѣ, которая своими возрѣвѣніями живо напоминаетъ Thiebaut «Reinheit der Tonkunst».

Все, до сихъ поръ мною приведенное, показываетъ, какъ въ продолженіи среднихъ вѣковъ, въ то время когда въ европейскіе народы находились въ застоѣ или даже пошли назадъ, или, какъ германцы, едва подвинулись на одинъ шагъ, евреи энергически подвигались впередъ по пути умственнаго развитія и усовершенствованія всякую отрасль научной жизни, и сколько изъ достигнутыхъ ими результатовъ и приобрѣтенной досталося народамъ, пробудившимся въ концѣ среднихъ вѣковъ къ новой умственной жизни. Но за евреями слѣдуетъ признать еще одну великую заслугу. Когда западные народы съ жадностію стали протягивать руки за драгоценными плодами древней культуры, то на помощь имъ должны были явиться евреи, чтобы сдѣлать имъ доступными эти плоды,—такъ какъ христіане, при ихъ тогдашнемъ страшномъ невѣжествѣ, не знали тѣхъ языковъ, въ которыхъ собраны были духъ древней умственной жизни. Если бы евреи не трудились въ качествѣ

ствѣ переводчиковъ, то мы еще долго коснѣли бы во мракѣ средних вѣковъ. Первый народъ, который, послѣ страшной ночи переселенія народовъ и ея опустошительныхъ оргій, развилъ новую умственную жизнь, были мавританскіе арабы, а для нихъ одни только евреи сдѣлали доступными сочиненія греческихъ философовъ.

Уже при переводѣ Ветхаго Завѣта на греческій языкъ (при составленіи такъ называемой Септуагинты) главную роль игралъ еврей *Аристовулъ*, влукъ котораго впоследствии перевелъ на греческій языкъ *Иосифа Сираха*.

Во II столѣтіи къ этому присоединились еще греческій переводчикъ пятнадцати книгъ, сдѣланный *Акиломъ*, а въ IV столѣтіи переводъ халдейскій (такъ называемый „Таргумъ Ункелосъ“) и еще ранѣе переводъ сирійскій, такъ называемая „Пешита“.

Въ половинѣ VII столѣтія *Мессеръ-Гаваннъ* перевелъ написанное на сирійскомъ языкѣ медицинское сочиненіе пресвитеріанца *Аарона* на языкъ арабскій*.

Въ IX столѣтіи *Рабанъ* (Сагалъ аль Табари) перевелъ Птоломея на арабскій языкъ; *Саадія* бенъ *Иосифъ* въ томъ же столѣтіи перевелъ на тотъ-же языкъ Ветхій Завѣтъ. Къ концу X столѣтія р. *Иосифъ* ибнъ *Абитуръ* окончилъ свой громадный трудъ — переводъ Талмуда на арабскій языкъ, предпринятый имъ по желанію халифа Алгакема II. При посредствѣ знаменитаго *Хасдая* въ Испанію впервые привезенъ былъ *Дioskоридъ*, подаренный византійскимъ царемъ Константиномъ VIII, и это сочиненіе *Хасдай*, при помощи греческаго монаха, перевелъ чрезъ латинскій на арабскій языкъ. Въ XI столѣтіи *Исаакъ* бенъ *Хананъ* перевелъ нѣсколько сочиненій *Аристотеля* на еврейскій языкъ, — трудъ, который очень высоко цѣнилъ Маймонидъ.

* Haller, Biblioth. medico-pract. L. II., p. 338; K. Sprengel. Gesch. der Arzneik. Theil 2, S. 312 2. Aufl. 1800.

Но начиная съ I столѣтія, переводные труды евреевъ являлись въ такомъ изобиліи, что едва-ли стоить указывать еще на имена отдѣльных личностей, дѣйствовавшихъ на этомъ поприщѣ. Цѣлыя семейства, изъ поколѣнія въ поколѣніе, стали исключительно заниматься переводами, какъ напримѣръ фамилія *Тиббонидовъ* при помощи которыхъ преимущественно переведены были на латинскій языкъ сочиненія *Аверроа** и *Аристотеля*, сдѣланныя такимъ образомъ доступными западной Европѣ. *Моисей* ибнъ *Тиббонъ* сдѣлалъ превосходившій переводъ *Евклида*. — Рядомъ съ ними такое же почетное мѣсто занимаютъ *Калонимиды***.

Они въ качествѣ переводчиковъ пользовались особеннымъ почетомъ и милостію у императора Фридриха II, точно также отличавшаго и еврея *Якова Анатоли* †. Въ заключеніе здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть о французскомъ семействѣ *Кимсидовъ*, также прославившихся на этомъ поприщѣ.

Если мы еще разъ оглянемся назадъ, то найдемъ, что впродолженіи мрачнаго періода среднихъ вѣковъ, отличавшихся умственною пустотою и духовнымъ растлвѣніемъ, евреи поддерживали рациональное сельское хозяйство, всѣ болѣе значительные промыслы, шелководство, красильное и ткацкое ремесло, и развивали и усовершенствовали общепольную благосостояніе народовъ мировую торговлю.

Мы видѣли, что они, своей безпрерывною умственною работою, культивировали всякую область науки, развивали ее и въ концѣ среднихъ вѣковъ передали пробудившимся къ новой жизни европейскимъ народамъ. Они суть онователи научнаго языкознанія, они единственные, которые при грубости и невѣжествѣ католическаго

* Renan, Averroës et l'Averroïsme, pag. 186 f. 3 édit. Paris 1866.

** Renan, тамъ же, стр. 168.

† Кроме упомянутыхъ, длинный рядъ переводчиковъ исчисляетъ еще Бедаридъ въ своемъ сочиненіи Histoire de Juifs, p. 546.

духовенства, поддерживали и развивали основательное и плодотворное знание Св. Писания, так как они в течение многих веков были единственными, которые одновременно соединяли в себя знание языков восточных (отчасти даже и греческого) и западных; они были единственными, среди которых возможно было свободное развитие мысли на поприще философии вообще и философии религии в особенности, и они же развили область этики в таком совершенстве, как это не удалось никакому другому народу. И они же в особенности занимались медициной, и исключительно у них она получила научную обработку и научное развитие*; они принимали плодотворное участие в развитии астрономии; они основали знаменитые школы в Монпелье и Салерно. Вскорь послѣ изобретения книгопечатанія, они в многих городах уже имели превосходно устроенныя типографіи. Справедливо замѣчает *Рибейра де Сантос*:

Мы преимущественно обязаны евреям первоначальнымъ знаніемъ философіи, ботаники, медицины, астрономіи и космографіи, равно какъ и знаніемъ первыхъ элементовъ грамматики и священныя писанія, а также всѣми почти изслѣдованіями на поприщѣ библейской литературы**.

* Если г. профессору Билроту, въ книгѣ „Lehren und Lernen der medicinischen Wissenschaften“, хочется вытряхивать старый хламъ своихъ предразсудковъ (мнѣ кажется, что Ауэрбахъ, — см. журналъ „Lindaу „Gegenwart“ 1876. стр. 17 и слѣд. — далъ ему хотя сильныя, однако далеко еще недостаточныя уроки) то это его дѣло. Но какими образомъ публичный преподаватель можетъ обнаружить такое безграничное невѣжество въ исторіи преподаваемой имъ самой науки — это рѣшительно непонятно. Онъ очевидно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о громадномъ значеніи евреевъ для медицинской науки и не подумалъ, видно, и о томъ, что, не будь евреевъ, никогда можетъ быть и не было-бы никакого профессора Билрота.

** Ribeyra de Santos, Memorias de litteratura portuguesa. Tom. II. Lissabon, 1792.

Этихъ я заключаю свой краткій обзоръ о значеніи евреевъ и, для болѣе подробнаго ознакомленія съ этимъ предметомъ, отсылаю любознательныхъ читателей къ приведеннымъ мною въ примѣчаніяхъ сочиненіямъ*.

* Кромѣ уже упомянутыхъ мною сочиненій д-ра Голя, я укажу здѣсь еще на его статью: Spinoza's theologisch-politicher Tractat auf seine Quellen geprüft. Breslau, 1870; E. Saisset в Revue de deux Mondes. Jan. 1862; Lebens- und Characterbild Baruch Spinoza's. Von H. Ginsberg. Leipzig. 1876.

БЕЗЪ НАДПИСИ.

Рассказъ К. Э. Францова.

Быль прекрасный, тихій осенній день, когда я вышел гулять. Дорога извивается довольно капризно по полямъ и огородамъ, и со мною не было никого, кромѣ солнечнаго свѣта и чуть вянлаго шелеста удающихся листьевъ. Но мнѣ никого и не нужно было чтобы спросить куда идти. Я знаю эту дорогу, я хожу по ней каждый разъ, когда посѣщаю свою родину, и съ каждымъ годомъ она становится мнѣ милѣе и милѣе. Потому что число знакомыхъ, къ которымъ она меня ведетъ, съ каждымъ разомъ все растетъ и растетъ, и придетъ конечно день, когда въ самомъ городкѣ уже мнѣ некого будетъ отискивать...

Я шелъ къ „доброму мѣсту“. И такъ какъ это единственное мѣсто, куда не достигаетъ ни внѣтъ поляковъ, ни жадная рука цадница-чудодѣя, то пусть это имя за нимъ и останется. Здѣсь бѣдная душа свободна отъ двойнаго проклятiя, которое гнететъ ее и — кто исчислять все жертвы? — наконецъ убиваетъ, — свободна отъ вѣшняго позора и внутренняго мрака. Эти бѣдные люди становятся счастливыми только тогда, когда умираютъ. Правда, сойдя въ могилу, они не сознаютъ своего счастья, но они предчувствуютъ его еще при жизни. Потому-то они дали своимъ кладбищамъ такое прекрасное названiе и стараются украшать ихъ, чѣмъ только мо-

гутъ. Восточнымъ евреямъ никогда въ голову не приходитъ посадить дерево или цвѣтокъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, и только среди могильныхъ памятниковъ пробивается зеленая трава, только надъ мертвыми носится запахъ цвѣтовъ. Ахъ! вѣдь это, впрочемъ, единственная недвижимость, которую вы, до самаго послѣдняго времени, предоставляли владѣть этимъ людямъ...

И „доброе мѣсто“ въ Барновѣ также уютный, милый уголокъ. И каково на немъ весною, я уже однажды рассказывалъ: бузина вездѣ и повсюду, у ногъ прохожаго и надъ его головой сине и красно — а въ воздухѣ аромать, отъ котораго даже сжимается грудь. Осенью, правда, все это развѣяно, завяло, но тогда другая, болѣе тихая, прелесть украшаетъ это мѣстечко. Сентябрь щедро приноситъ бѣдной мѣстности неописанную прозрачность свѣта и воздуха; тихо и безконечно разливается по небу и полю золотое море, точно волшебный принцъ, любовно склоняющiйся къ пастушкѣ и пурпуровымъ плащемъ покрывающiй ее загорѣвшее тѣло. Она не приходитъ въ бурный восторгъ; смиренно, съ яркою краскою въ лицѣ, отдается она подавляющему ее великому счастью. Степь никогда не смотритъ весело, а осенью у нея видъ особенно серьезный. Но это кака я свѣтлая серьезность. Великолѣпно блеститъ темнокрасная трава и посреди ея, въ болѣе мягкихъ краскахъ, умирающiе листья липъ. Здѣсь и тамъ, точно тихiй задумчивый глазъ, сверкаетъ ясный прудъ. Кто такимъ образомъ медленно поднимается къ кладбищу, тотъ, мнѣ кажется, непременно долженъ чувствовать, что и тутъ есть трогательная красота. Впрочемъ, можетъ быть, это испытываетъ только тотъ, кто самъ рожденъ въ степи...

„Доброе мѣсто“ лежитъ на холмѣ, съ котораго открывается широкiй видъ кругомъ. Взору наблюдателя представляются здѣсь около десяти зеркальных прудовъ, нѣсколько деревень, которыя со своими почернѣвшими соломенными крышами кажутся какою то беспорядочною кучей ульевъ, и наконецъ у подножiя холма самый

городокъ, который отсюда смотритъ съдѣмъ, почтеннымъ, великолѣпнымъ, а на самомъ дѣлѣ такое грязное, жалкое гнѣздо! Какъ то легче, свободнѣе становится на душѣ, когда взоръ безпрепятственно устремляется далеко, далеко, пока не утонетъ въ синихъ волнахъ воздуха. Вѣдь на востокъ, сѣверъ и югъ глазъ не видитъ другой границы, кромѣ свода небеснаго. Въ менѣе свѣтлые дни тоже самое и на западѣ. Но когда воздухъ ясенъ до прозрачности, тамъ замѣчается сѣро-синяя группа облаковъ странной формы. Кто ее видитъ въ первый разъ, можетъ думать, что это собирается и тихо подвигается гроза. Но облака не спускаются и не разбѣгаются, очертанія ихъ, правда, какъ будто тихо колеблются, но они вѣчно стоятъ на одномъ мѣстѣ: это Карпатскія горы...

Впрочемъ и въ окрестностяхъ видъ прекрасный. Сукватыя, странныя вѣтви бузины, правда, не имѣютъ уже ни цвѣтовъ, ни листьевъ, но онѣ все-таки не совсемъ голыя. Осень обвила ихъ тысячами и тысячами нитей, блестящихъ и освѣщающихъ сѣрыя вѣтви. Могилы покрыты темнокрасными листьями, и между ними цвѣтеть вѣздочникъ. Могилы содержатся хорошо. Величье смерти внушаетъ этому народу безконечное благоговѣнне.

Смерть для евреевъ — немовѣрно грозный, немовѣрно строгій властитель, но который въ сущности благоволяетъ къ нимъ и сочувственно къ нимъ склоняется. И евреи тоже не умираютъ охотно, но они умираютъ легче, спокойнѣе; ни въ какомъ другомъ народѣ вѣра въ будущій мѣръ не коренится, такъ глубоко и непоколебимо какъ въ нихъ. И это не вълѣдствіе одной только любви къ самому себѣ, но и изъ любви къ Богу! Вѣдь Онъ Всеправедный, а куда-же дѣвалась бы Его справедливость, еслибы Онъ не вознаграждалъ ихъ на томъ свѣтѣ за всѣ страшныя испытанія въ земной жизни? И тѣмъ не менѣе они сильно привязаны къ землѣ, и всѣ блага небесныя составляютъ для нихъ лишь переходную степенъ къ полному блаженству земному, когда придетъ Мессія. Поэтому хоро-

нить мертвыхъ считается дѣломъ богоугоднымъ. Поэтому и ходить за могилами также дѣло богоугодное. Даже самый вывѣтрившійся надгробный камень подпирается и охраняется, можетъ быть, рукою правнука, а можетъ быть и людьми, которые ничего не знаютъ о покойномъ, кромѣ развѣ того, что и онъ былъ человѣкъ, душа котораго испитывала тѣ же радости и тоже горе, что ихъ собственная. Онъ былъ еврей, поэтому да найдеть онъ свое вѣчное жилище въ порядкѣ въ ту минуту, когда раздастся трубный звукъ. Эта твердая, непоколебимая вѣра можетъ, пожалуй, показаться инымъ комичною, но мнѣ никогда ни удавалось находить ее такою...

Разныя думы и чувства овладѣваютъ человѣкомъ, когда поднимашься такимъ образомъ по холму, среди рядовъ могилъ. Я подразумеваю здѣсь не тѣ вѣчные вопросы, которые одно поколѣніе передаетъ въ мучительное наслѣдство другому и на которые только глупцы ожидаютъ отвѣта. Правда, этого отвѣта ожидаемъ всѣ мы, потому что всѣ мы глупцы, бѣдные глупцы съ вѣчной повязкой на глазахъ, съ вѣчной жаждой въ душѣ... Нѣтъ! къ чему напрасно касаться недосягаемой глубины!.. Я разумію здѣсь другіе вопросы. Кто, напримѣръ, такъ какъ я въ то время, прохаживается по кладбищу тамъ, гдѣ возвышенность мало по малу переходитъ въ долину, тотъ непремѣнно задумается надъ вопросомъ, какія послѣдствія простираются иногда оттого, что два польскихіхъ магната въ одно и то же время желаютъ быть гуманными? На четырехстахъ надгробныхъ камняхъ обозначенъ одинъ и тотъ же часъ; да, одинъ и тотъ же годъ, одинъ и тотъ же день, одинъ и тотъ же часъ—это страшная, немовѣрная исторія—оросень, вѣтъ! залитъ кровью и слезами! И все это лишь благодаря одновременному припадку гуманности! Дѣло было вотъ какое. Пока существовало польское королевство, Ягелоны защищали евреевъ и получали за то известную дань. Но когда эта власть была разрушена и превратилась въ жалкій призракъ, который не могъ ни

жить, ни умереть, тогда воеводы, а за городом старосты стали присвоивать себѣ защиту евреевъ, ибо эти люди были воодушевлены горячею любовью къ человечеству. Въ Барновѣ жила значительная и богатая община, поэтому было великою заслугою предъ Богомъ оказывать защиту столь многимъ и притомъ богатымъ людямъ. И вотъ двое старостъ, староста тлузскій и староста старо-барновскій, одновременно приблизились къ городу и одновременно заявили еврейскимъ представителямъ его: „Или я буду вашимъ защитникомъ, или же истреблю васъ до одинока!“ Несчастные евреи оказались въ положеніи, которое не допускало долгаго размышленія: они въ тотъ же день глубоко залѣзли въ свои карманы и обезпечили себѣ защиту обоимъ старостъ. Но именно это повело ихъ къ гибели. И тотъ и другой староста были истинные друзья человечества, и каждый изъ нихъ серьезно смотрѣлъ на принятую имъ на себя обязанность. Но ни одинъ изъ нихъ не доверялъ другому, и оба хотѣли испытать другъ друга. Поэтому староста старо-барновскій сталъ убивать и грабить въ одномъ концѣ города, чтобы убѣдиться, исполнитъ ли его соперникъ свою обязанность и станетъ ли защищать евреевъ. Но, къ несчастію, этотъ соперникъ предпринялъ тотъ же самый опытъ, въ другомъ концѣ, и вслѣдствіе этого несчастнаго стеченія обстоятельствъ ни одинъ изъ двоихъ не достигъ своей цѣли. Добрые люди рѣдко достигаютъ того, къ чему стремятся. И три дня и три ночи продолжались эти странныя неспоконства...

И надъ этимъ, тѣсно жмуцимися другъ къ другу могилами, свѣтитъ кроткое осеннее солнце, и здѣсь цвѣтутъ незабудки, — цвѣтутъ роскошнѣе и изобильнѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому что почва лучше удобрена; сверчки мирно трещатъ въ травѣ и осеннія нити паутины тянутся по тихо колеблющемуся воздуху. И здѣсь мнуръ и тишина, невозмутимѣйшая тишина. А между тѣмъ у меня на душѣ было такъ, какъ будто вотъ-вотъ услышу а внезапно

раздавшійся крикъ, крикъ рѣзкій, страшный, который дико нарушить эту тишину и смутить эту кроткую улыбку лазурнаго неба, крикъ — не горя, не скорби, но обвиненія, и притомъ направленного не только противъ старо-барновскаго и тлузскаго владыкъ...

И въ другихъ мѣстахъ есть много могилъ, на которыхъ начертанъ одинъ и тотъ же годъ смерти... Такъ наприхѣръ того времени, когда Чарторійскій охотился на евреевъ, потому что мало было въ лѣсахъ другой дичи. Или тѣхъ страшныхъ лѣтъ нанѣшнанаго вѣка, въ которыхъ гнѣвъ божій, холера, свирѣпствовала въ громадной равнинѣ. Вылинка сильнѣе сопротивляется кося, чѣмъ могли бороться въ ту пору со страшною язвой эти люди въ ихъ тѣсныхъ, зачумленныхъ городкахъ. Нѣтъ счета могиламъ, и кладбище представляетъ собою необозримое поле, хотя сама община совсѣмъ не такъ велика. Но кому достаются здѣсь ложе и надгробный камень, тотъ, будь онъ даже нищій, удерживаетъ ихъ за собою навѣки, до тѣхъ поръ, пока, какъ сказано въ Писаніи, не зазвучитъ труба послѣдняго суда...

И у всѣхъ одинаковыя надгробные памятники, по крайней мѣрѣ относительно формы. Нигдѣ своеобразнаго памятника, нигдѣ художественнаго изображенія — это запрещаетъ религія. Разница только та, что камень у бѣднаго малъ, у богатаго великъ, что бѣдный называется въ надгробной надписи хорошимъ человѣкомъ, а богатый — благороднѣйшимъ, какой когда либо жилъ на свѣтѣ. Но этимъ все и ограничивается, потому что самая форма надписи строго опредѣлена талмудистами: сперва идетъ фамильный знакъ, потомъ имя умершаго и его родителей, и наконецъ обозначеніе сословія, въ которому покойный принадлежалъ, его профессія. Объ этой послѣдней иногда умалчивается, потому что слово: „растовщикъ“ или „агентъ“ — не говоря уже о еще худшемъ — звучало бы не совсѣмъ хорошо. Въ такомъ случаѣ значитъ просто: „онъ

углублялся въ учене и любилъ своихъ дѣтей“, — и обыкновенно какъ то, такъ и другое—правда.

Кто читаетъ эти надписи, тотъ не станеть долге разныскивать „островъ блаженныхъ“ и Эдемъ, гдѣ живутъ ангелы въ образѣ человѣковъ, — не станеть, то есть, въ томъ случаѣ, если будетъ вѣрить надписямъ. Семитическое племя превосходитъ благоговѣніемъ къ мертвымъ все остальные. Римлянинъ довольствовался известнымъ: „de mortuis nil nisi bene“; онъ требовалъ, чтобы о мертвомъ говорили только хорошо, съ достоинствомъ, какъ подобаеть величію смерти и безпомощности умершаго. Семитъ идетъ дальше. А кто былъ на столько грѣшнень, что въ немъ нельзя при всемъ желаніи найти ни одного хорошаго качества, — о томъ совѣтъ умалчиваютъ...

О немъ умалчиваютъ. Самое страшное проклятіе этого народа гласитъ: „Да не воспоминаеть никто его имени“. Потому-то и на надгробномъ камнѣ не начертывается это имя. Много такихъ чистыхъ, безмянннхъ камней стоятъ на кладбищахъ Подолія. Это кара, это возмездіе за грѣхъ.

И въ тоже время это—дѣло милосердія. Ибо въ тотъ день, когда начнется на землѣ царство Бога, покоившихся въ гробѣхъ будетъ пробуждать не только трубный звукъ, но и ангелъ вѣчной жизни. Онъ будетъ переходить отъ камня къ камню и провозглашать имя, написанное на каждомъ изъ нихъ, призывая добродѣтельныхъ къ неслезанному блаженству, грѣшниковъ къ неслезанному мукамъ. А когда онъ встрѣтитъ камень безъ имени, то, можетъ быть, пройдетъ мимо и не нарушитъ спокойствія спящаго. Можетъ быть... Милосердіе позволяетъ питать такую надежду!

И въ „доброемъ мѣстѣ“ Барнова тамъ и сямъ блѣдуютъ камни безъ надписи, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе нельзя не признать вполне заслуженнымъ. Нерѣдко оно самое сильное, какое когда либо постигало виновнаго. Темное дѣло было совершено, тѣмъ

гетто прикрыла его. Эти люди боялся свѣта; притомъ въ императорско-королевскомъ судѣ засѣдаетъ христіанинъ. Отъ того они избѣгаютъ выдавать правительству даже самаго преступнаго изъ своихъ. Они наказываютъ его сами, какъ могутъ: заставляютъ давать деньги на богоугодныя дѣла, или идти пилигримомъ въ Иерусалимъ, или въ теченіи многихъ лѣтъ поститься чрезъ день. Но за тѣмъ же уже во всю жизнь не беспокоють, и лишь послѣ смерти обнаруживается *чѣмъ* онъ былъ.

Но иногда точно такими же средствами наказывались очень странныя преступленія. И всякій, кто подумаетъ объ этомъ, едвали будетъ въ состояніи воздержаться отъ горькаго вопроса, — старая, мучительнаго вопроса, который не перестанеть существовать до тѣхъ поръ, пока на землѣ не вымрутъ все люди...

Былъ напрямѣръ въ общинѣ старый нищій, — отставной солдатъ, вернувшійся на родину голякомъ и изувѣченнымъ. Но никто не пріютилъ его. Христіане отвернулись отъ него оттого, что онъ былъ еврей, евреи оттого, что онъ такъ долго ѣлъ христіанскую пищу и страшно богохульно ругался. Можетъ быть, ни въ томъ ни въ другомъ онъ не былъ виноватъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ Маккавей ушли на вѣчный покой, шѣтъ на свѣтѣ такой арміи, въ которой клещи приготавлились бы подъ надзоромъ раввина, а что касается ругательства, то они въ старомъ солдатѣ также естественны, какъ на вѣтвяхъ дуба желуди. Но въ общинѣ на него смотрѣли очень косо какъ за то, такъ и за другое, — и онъ получалъ ежедневно только кусокъ заплеснѣвшаго хлѣба, а по пятницамъ—семь копѣекъ. Этими не можетъ достойно существовать даже старый нищій въ Барновѣ; бѣдный инвалидъ голодалъ какъ собака. И когда наступалъ день покаянія, — самый строгій постъ въ году, — то для него это воздержаніе отъ пищи не представляло ничего привлекательнаго, не имѣло даже интереса новизны. И вотъ однажды въ этотъ день старика поймали полъ

местомъ съ кускомъ колбасы въ рукѣ. Его не тронули, даже доходы его не потеряли никакого ограниченія. А между тѣмъ будь судьба милосердна, она послала бы ему смерть въ ту же самую минуту. Да, — потому что расказжи я вамъ, какъ стало житься послѣ этого старику, и самый крутой человекъ заплакалъ бы. Но судьба рѣдко бываетъ милосердна, — онъ прожилъ еще долго. Послѣ смерти, богатые родственники поставили надъ его могилою камень, но безъ надписи. Я полагаю, я даже почти не сомнѣваюсь, что это обстоятельство мучить мертвого далеко не такъ, какъ терзало его то, что дѣлали съ нимъ при жизни...

Рядомъ со старымъ солдатомъ поются человекъ, котораго постигла такая же судьба. Очень это диковинный человекъ — по имени Хаимъ Липшиеръ, по ремеслу сапожникъ. Люди этой профессіи сильно склонны къ философіи вслѣдствіе сидячей жизни. И нашъ Хаимъ былъ тоже философъ, я совсѣмъ своеобразнаго покрою. За предѣлы сомнѣнія, этой основной почвы всякаго изслѣдованія, онъ собственно никогда не выходилъ, и любимымъ изреченіемъ его было: „Кто знаетъ истину?“ Спекулятивнымъ путемъ маленькой, блѣдный человекъ справиться съ этимъ вопросомъ не могъ, и потому пытался разрѣшить его эмпирически. Онъ перешелъ изъ одной секты въ другую, изъ „хасидовъ“ — мечтателей въ „ашеназимовъ“ — ихъ противниковъ, потомъ снова сдѣлался хасидомъ, входилъ въ сношенія съ варантами, становился подъ знамя чудотворнаго раввина изъ Садагоры, продержался цѣлый годъ въ кругу „ашеназимовъ“ — приверженцевъ нѣмецкаго образованія, и наконецъ обратился въ кабалиста. Кабалистомъ оставался онъ долго, и такъ какъ, несмотря на это, изготовлявшіеся имъ сапоги вели себя разумно и прочно, то никто не обращалъ особеннаго вниманія на его уединенныя ночныя занятія и глубокомысленна, мистическія рѣчи. Но вотъ въ одну холодную, лунную ночь, нѣсколько запоздалыхъ гулякъ увидѣли передъ большимъ распя-

тіемъ, прибитымъ на стѣнѣ доминиканскаго монастыря, человекъ, стоявшаго на колѣняхъ въ снѣгу и съ мольбою простиравшаго руки къ этому изображенію. Въ изумленіи остановились они, но это чувство перешло въ ужасъ, когда въ молящемся человекѣ узнали набожнаго Хаима. Наконецъ компанія подкралась поближе, но онъ такъ былъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ, что ничего не замѣчалъ и не слышалъ; потомъ вдругъ раскрылъ онъ ротъ и дрожащимъ, рыдающимъ голосомъ заговорилъ молитву на священномъ языкѣ — ту молитву, которую путнику предписано произносить въ ту минуту, когда онъ видитъ въ дорогѣ восходящее солнце. Тутъ очевидцами овладѣлъ набожный гнѣвъ, они кинулись на убогаго философа, страшно исколотили его и погнали домой. На слѣдующее утро въ мѣстечкѣ происходило необыкновенное волненіе, въ синагогу сошлись на молитву даже самые лѣндивые — частью изъ набожности, потому что надо было соединенными силами вымолить у Бога, чтобы Онъ не наказывалъ всѣхъ за преступленіе одного, частью изъ любопытства, потому что каждому хотѣлось узнать, какую эпитемію наложить раввинъ и его совѣтъ на грѣшника. По окончаніи богослуженія начался судъ въ присутствіи всей общины. Но виновнаго не оказалось на лицѣ. Волненіе и побои уложили слабога человека въ постель. По закону однако онъ долженъ былъ непремѣнно присутствовать, — и вотъ за нимъ отравили нѣсколькихъ слугъ, которые и принесли его на подушкахъ. Начался страшный шумъ, когда его проносили среди толпы присутствовавшихъ, и кто стоялъ поближе, тотъ облегчалъ свое сердце тѣмъ, что плевалъ несчастному въ лице. Затѣмъ раввинъ приказалъ всѣмъ замолчать и произнесъ длинную рѣчь, въ которой не малую роль играло вѣчно холодное, вѣчно темное пространство, служащее по понятіямъ еврейскаго народа, пріютомъ умершихъ грѣшниковъ. Окончивъ, раввинъ спросилъ обвиненнаго, что имѣеть онъ сказать въ свое оправданіе. Но потому ли, что большой не могъ говорить или оттого, что ему нечего было

сказать—только онъ не произнесъ ни слова и ограничился тихимъ покачиваніемъ головы. Это еще болѣе усилило общее негодованіе; раввинъ требовалъ отвѣта, а остальные плевали. Наконецъ маленький человѣчекъ приподнялся на своихъ подушкахъ, окинулъ вѣхъ присутствующихъ спокойнымъ, кроткимъ взлядомъ и сказалъ очень, очень коротенькую рѣчь—состоявшую не больше какъ изъ обычнаго его изреченія: „Кто знаетъ истину?“ Можно себѣ представить, что за этимъ послѣдовало. Благоразумнымъ людямъ пришлось защищать философа своимъ собственнымъ тѣломъ, иначе дальнѣйшее судебное разбирательство оказалось бы совершенно излишнимъ. Наконецъ раввинъ произнесъ приговоръ. Къ какому денежному штрафу былъ присужденъ виновный,—этого я теперь въ точности не помню, но знаю что состоялось рѣшеніе — Хаиму Линпинуру оставить жену и дѣтей и отправиться въ Иерусалимъ и никогда больше не возвратиться оттуда; по дорогѣ же рассказывать въ каждой общинѣ о своемъ преступленіи и просить людей, чтобы они топтали его ногами и плевали ему въ лице.

Это пріятное путешествіе однако не состоялось. Вѣдний сапожникъ сталъ съ этого дня таять какъ снѣгъ отъ солнца. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ не переставалъ молиться, и община была въ убѣжденіи, что онъ обратился на путь истины. Я единственный человѣкъ, которому дѣло извѣстно лучше, чѣмъ кому либо, и такъ какъ мое разоблаченіе уже не можетъ повредить моему философу, то я не считаю нужнымъ хранить тайну. Когда я пріѣхалъ на каникулы домой, ко мнѣ пришла жена Хаима и просила навѣстить его, но только вечеромъ, чтобы никто не замѣтилъ. Я исполнилъ это желаніе: больной былъ уже очень слабъ, но все такъ держалъ на кобляхъ громадный фольантъ и усердно читалъ его. Послѣ длинныхъ, несвязныхъ извиненій, онъ объяснилъ мнѣ, что желалъ видѣть меня для того, чтобы спросить: правда-ли, что и у христіанъ есть священное писаніе? Получивъ утвердитель-

ный отвѣтъ, онъ просилъ—не могу-ли я добыть ему эту книгу? Меня это поразило, даже нѣсколько покоробило, но я обещалъ исполнить эту просьбу—просьбу умирающаго и... „кто знаетъ истину?“ Но тутъ встрѣтилось затрудненіе: мой сапожникъ умѣлъ читать только по еврейски, и мнѣ пришлось выписывать изъ Вѣды евангеліе въ переводѣ на еврейскій языкъ, сдѣланное англичанами съ миссіонерскими цѣлями для Палестины. Книга получила только черезъ двѣ недѣли, но уже не могла быть вручена по принадлежности, да это и было излишне, такъ какъ человѣкъ, желавшій ознакомиться съ нею, зналъ вѣроятно въ то время больше, чѣмъ могъ бы узнать какъ изъ этой книги, такъ и изъ вѣхъ книгъ земнаго шара.

Ахъ, да, странныя, очень странныя преступленія! И когда я въ этотъ осенній день стоялъ передъ этими обѣими могилами, у меня на душѣ было какъ, какъ будто мнѣ слѣдовало наклониться къ моимъ мертвецамъ и сказать имъ: „Простите вашимъ бѣднымъ братьямъ, не гнѣвайтесь на нихъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ!“

Ахъ, какая особенная судьба этихъ евреевъ! Ихъ чистая, непоколебимая какъ каменный утесъ, вѣра служила нѣкогда для ихъ бѣдной головы защитою отъ непріятельскихъ ударовъ пальцами и топорами. Эта голова разбилась бы безъ такого прикрытія, потому что то были страшные удары. Но именно вслѣдствіе этого все ниже и ниже нахлобучивалась на ихъ лице эта своего рода шляпа, и наконецъ закрыла глаза такъ, что они стали ничего не видѣть. Въ былое время объ этомъ нечего было особенно сильно скорбѣть, потому что и безъ того повсюду господствовала тьма, и безъ того нечего было видѣть, даже при отсутствіи шляпы на глазахъ. Но вотъ на западъ разсвѣло, свѣтаетъ также и на востокъ, а они все не подымаютъ шляпы повыше. Советѣмъ снять ее не зачѣмъ, а кинуть было бы крайне вредно, но не менѣе вредно и закрывать ею глаза.

Подвинуть ее повыше необходимо; необходимо, чтобы эти несчастные люди мало по малу привыкли смотреть юному дню прямо въ прекрасное лице...

Это *должно* совершиться. И потому совершится. Необходимость—единственное божество, въ которое можно вѣрить, не сомняваясь или не отчаиваясь.

Это совершится. Но никому неизвѣстно, сколько времени продолжится тьма, и никто не можетъ счесть, сколькокихъ жертвъ стоила и стоитъ она.

Только случайно узнаемъ мы о нихъ. Живущіе молчатъ, а надгробные камни въ нихъ, — особенно тѣ, которые снабжены надписями. На тѣхъ, гдѣ ничего не написано, изображенъ по крайней мѣрѣ вопросительный знакъ, и иногда можно добиться и разгадки его.

Это испытать я съ самымъ крайнимъ изъ такихъ камней, поставленнымъ въ „доброе мѣсто“ Барнова. Я наткнулся на него только при моемъ послѣднемъ посѣщеніи, именно въ тотъ свѣтлый сентябрьскій день.

То была одинокая, совѣмъ одинокая могила. Въ низменномъ мѣстѣ лежала она, у самой рѣчки. Уже это обстоятельство выдалось въ глаза, потому что обыкновенно покойники хоронятся здѣсь въ томъ порядкѣ, въ которомъ прибываютъ. Только иногда семейство приобретаетъ себѣ отдѣльное мѣсто. Но это случается очень рѣдко, всѣ почилище здѣсь составляютъ одну большую семью.

Могила, о которой я говорю, представляла собою исключеніе. На далекомъ разстояніи вокругъ нея не было ни одного надгробнаго камня; только въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, справа и слева, помѣщались двѣ могилы, — маленькія, убогія могилы безъ камней. Ихъ можно было увидѣть только подойдя очень близко, до такой степени онѣ поросли дикими травами и цвѣтами.

Легко было догадаться, кто схороненъ въ нихъ: дѣти, умер-

шія раньше осьми дней отъ роду, когда имъ не успѣли еще дать имя. А посрединѣ между ними покоилась конечно ихъ мать, — потому что то былъ надгробный камень женщины, судя по его формѣ.

Обыкновенно камни безъ надписей ставятся только надъ мужчинами, такъ какъ только мужчины совершаютъ преступленія—дѣйствительныя или воображаемыя. Женщина же у евреевъ добродѣтельна и побожна. Подобный камень надъ могилой женщины мнѣ пришлось теперь увидѣть въ первый разъ.

Какое же преступленіе совершила эта мать?

Долго я раздумывалъ объ этомъ въ глубокой, лучезарной тишинѣ осенняго дня. Я сочинялъ себѣ одну исторію за другою, одну страннѣе другой. Но и на этотъ разъ оказалось, что судьба изобрѣтательнѣе человѣка.

Между тѣмъ какъ я задумчиво сидѣлъ тутъ и смотрѣлъ то на одинокую могилу, то вверхъ, на свѣтлый, свѣтлый воздухъ, по которому проносилось безчисленное множество мошекъ, походившихъ иногда своими, отражавшимися въ солнечномъ цвѣтѣ блестящими крылышками на золотой дождь, — вдругъ донесся до меня однообразный медленный звукъ глухихъ голосовъ. Я поднялъ голову и увидѣлъ двухъ стариковъ, медленно направлявшихся ко мнѣ вдоль изгороди.

Они исполняли набожный обрядъ, котораго я не видѣлъ такъ давно, что онъ съ перваго взгляда показался мнѣ чѣмъ-то совершенно незнакомымъ. У каждаго изъ нихъ была въ правой рукѣ желтая, деревянная палочка, и обѣ палочки были связаны между собою веревочкою. Когда старики останавливались вмѣстѣ, то они прикладывали палочки одну къ другой и пѣли глухо и въ унисонъ свой странный дуэтъ. Но затѣмъ одинъ изъ нихъ умолкалъ, подымалъ свою палочку въ перпендикулярномъ положеніи и стоялъ какъ прикованный, а другой въ это время медленно и величе-

ственно шель вперед вдоль плетня, пѣлъ въ носъ и разматывать веревочку на своей палочкѣ въ такомъ размѣрѣ, какой соотвѣтствовалъ пройденному имъ разстоянію, такъ что она постоянно оставалась натянутою. Пройдя шаговъ тридцать, онъ оставался и умолкалъ; тогда другой принимался за тотъ же маневръ и при этомъ наматывалъ на свою палочку ту часть веревочки, которую первый спустил съ своей. Затѣмъ снова дуетъ и опять странное сою того и другаго.

Этотъ обрядъ называется „измѣненіе поля“, и если въ толю что описанномъ видѣ онъ совершается въ немногихъ мѣстностяхъ Подолии, то въ другихъ видахъ вы встрѣтите его вездѣ, гдѣ только живутъ евреи. Въ годовщину смерти близкихъ сердцу измѣняютъ веревочкой объемъ кладбища, гдѣ они покоятся, и потому употребляютъ ее съ какою нибудь набожной цѣлью—фитилемъ для жертвенной свѣчи или для шитья молитвеннаго плаща. Это—произведеніе мрачной, тяжелой символики, и мы зашли бы слишкомъ далеко, еслибъ стали объяснять здѣсь его значеніе.

Я нѣсколько времени смотрѣлъ на этихъ стариковъ, потомъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, кто лежитъ въ этой могилѣ.

Они боязливо взглянули на меня.
— Отчего вы спрашиваете это? наконецъ сказалъ, запинаясь, одинъ изъ нихъ.

— Оттого что хочу знать.
— А для чего вамъ хочется знать?

Давать прямой отвѣтъ было бы слишкомъ долго, и поэтому я избралъ косвенный, болѣе короткий.

На лицѣ одного изъ этихъ почтенныхъ, но невообразимо грязныхъ старцевъ помѣчалась чрезмѣрно красный носъ. Это явленіе всегда доказываетъ жажду и веселость права. А кого томитъ жажда и кто человѣкъ веселый, съ тѣмъ легко поладить.

Поэтому я посмотрѣлъ на старика съ краснымъ носомъ очень

дружески, какъ на стараго пріятеля, и въ тоже время протянулъ руку къ карману.—Ну... такъ кто-же?

Онъ съ видимымъ интересомъ прослѣдилъ мое движеніе, но еще не рѣшался сдаться.

— Написано это на камнѣ? спросилъ онъ.

— Будь написано, я не сталъ бы васъ спрашивать.

— А отчего это тамъ не написано?

Рука моя снова совершила маневръ, но почтенный старецъ все еще не сдавался.

— Отчего?—повторилъ онъ.—Оттого, что вспоминать это имя было бы грѣшно! Съ какой-же стати мнѣ произносить его и грѣшить? Къ чему и вамъ грѣшить, слушая его? Къ чему будетъ брать грѣхъ на свою душу и ребѣ Натанъ, присутствуя при нашемъ разговорѣ?

— Жертва, приносимая для бѣдныхъ, смягчаетъ грѣхъ, успокоительно замѣтилъ я и горячо пожалъ руку моего собесѣдника.

Но почтенный старецъ какъ видно очень дорожилъ спасеніемъ своей души и поэтому сталъ въ полголоса соображать, достаточно ли оно гарантировано. Наконецъ онъ рѣшился исполнить мое желаніе, но ребѣ Натаномъ овладѣло безпокойство. Правда, ему можно было безъ всякаго труда отстранить отъ себя грѣхъ присутстванія при такой бесѣдѣ, такъ какъ мѣста у насъ было для троихъ очень не мало, — однакоже онъ предпочелъ другое средство, хотя и не обладалъ краснымъ носомъ.

И вотъ, когда это средство было пушено въ ходъ, одинъ произнесъ: „Кто тутъ лежитъ?“ а другой: „Дѣя рендара лежитъ тутъ“.

Эти послѣднія слова означаютъ въ переводѣ: „Дѣя, дочь кормиаря“. Тѣмъ не менѣе я продолжалъ оставаться въ невѣдѣніи и вопросительно глядѣлъ на моихъ собесѣдниковъ.

— Кто не знает ея? — съ изумленіем воскликнули они оба вмѣстѣ. — Лею изъ Желтой Корчмы! Жену длиннаго Рувима, Рувима, что живетъ около ратуши! Лею съ длинными волосами!

Теперь я знаю, о комъ они говорили. И то, что было до сихъ поръ простымъ любопытствомъ, обратилось теперь въ самое теплое, самое задушевное участіе.

— И эта женщина была грѣшница? съ изумленіемъ спросилъ я.

— Была-ли она грѣшница? — воскликнулъ ребъ Авраамъ, красноносый. — Да вы спросите лучше, существовалъ ли когданибудь человѣкъ грѣшнѣе ея? Никогда не было на свѣтѣ такой великой грѣшницы! Все, что у насъ законъ, она топтала ногами. А кто будетъ проклятъ за то? Она же будетъ проклята! Она и ея мужъ, длинный Рувимъ! Да, и ея мужъ, потому что не допусти онъ, преступленію никогда бы не бывалъ!

— И еще одинъ человѣкъ будетъ проклятъ изъ-за ея грѣха! — воскликнулъ ребъ Натанъ; — ея отецъ, Гавриилъ рендаръ! Потому что, воспитай онъ ее иначе, ей бы и въ голову не пришло совершить такое преступленіе!

— Вѣрно! Онъ тоже! — подтвердилъ Авраамъ. Но тутъ почувствовалъ онъ тихое состраданіе къ человѣку, въ заведеніи котораго его носъ украсился такимъ чудеснымъ блескомъ, и прибавилъ болѣе кроткимъ тономъ: — Ну, ему-то Всемогущій, можетъ быть, проститъ. Развѣ онъ могъ предвидѣть такія страшныя вещи? Ни одинъ еврей не могъ бы это предвидѣть! Но Рувимъ — это совсѣмъ другое дѣло; онъ-то ужъ навѣрно проклятъ!

— Стало быть, преступленіе дѣйствительно страшное?

— Страшное? Ужъ на что страшнѣе! Волосы дыбомъ становятся! Да неужели вы и въ правду ничего о немъ не слышали? Непомѣрная исторія! Безпримѣрная исторія!

И они рассказали мнѣ эту непомѣрную, безпримѣрную исторію.

И она дѣйствительно такова, только конечно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее почтенные старцы.

Странно становится у меня на душѣ теперь, когда я собираюсь пересказать ее. Во первыхъ — очень ужъ она невѣроятна. И у насъ на западѣ не многіе способны понимать этотъ чуждый, мрачный міръ. Всѣ остальные съ сомнѣніемъ покачаютъ головой. Я же могу сказать одно: тутъ все правда, ничего не выдуманно, такъ все было на самомъ дѣлѣ!

А во вторыхъ — печальна, слишкомъ печальна эта исторія. Припомнилъ я ее, — и у меня заняло, заболѣло сердце...

Лея была очень красивая дѣвушка. Красота эта не досталась ей по наслѣдству, потому что мать была маленькая, толстая, красная баба, а „Гавриилъ рендаръ“, хозяинъ большой „желтой“ корчмы на дорогѣ въ Старый Барновъ, представлялъ свою фигурую неуклюжаго великана съ грязнымъ, изрытымъ осною, лицомъ. Оба сына, шпавшіеся взадъ и впередъ по дому, тоже не могли назваться украшеніемъ челоѣчества. То была вообще мрачная, сердитая, жестокая семья, пріютившаяся въ непріятномъ, зловѣщемъ домѣ и вѣчно занимавшаяся только однимъ дѣломъ — ошпаиваніемъ жаждущихъ и выкидываніемъ за дверь ужъ черезъ чуръ пьяныхъ. И въ этой-то трущобѣ выросло самое веселое, самое милое дитя, въ этой семьѣ расцвѣла самая прелестная дѣвушка, какую можетъ быть когда либо видѣли мои глаза. Лея Берггеймеръ была точно солнечный лучъ.

И гордая головка ея дѣйствительно окружалась золотымъ сіяніемъ: такихъ богатыхъ, такихъ чудесныхъ золотыхъ кудрей я съ тѣхъ поръ не видѣлъ никогда въ жизни. Еврейка рѣдко блонкура, и вообще между женщинами этого народа вы не найдете блондурыхъ красавиць. Еврейскія красавицы — бижетки или съ каштановыми волосами. Но Лея составляла исключеніе, какъ и вообще въ ней было мало еврейскаго типа, если не считать при-

надлежащимъ къ нему ея великолѣпную, стройную и въ тоже время роскошную фигуру.

Лице имѣло совершенно германскій характеръ: тонкія, розовыя черты и глубокіе синіе глаза. Правда, выраженіе этого лица не напоминало черты Гретхенъ, но было веселое и страстное. Въ одной изъ боковыхъ залъ вѣнскаго Бельведера виситъ картина семнадцатаго столѣтія, нарисованная однимъ испанцемъ и изображающая вѣнскую дѣвushку изъ бюргерскаго сословія. Живописецъ писалъ ее съ нѣмки, но добавилъ къ оригиналу черты, подсказанныя ему его южной фантазіей. Эта картина могла бы считаться портретомъ Лей,—сходство поразительное.

Куда проникаетъ солнечный свѣтъ, тамъ и непроглядная тьма проясняется; красавица Лей вносила свѣтъ и радость въ мрачную корчму. Трудно выразить словами, какъ были привязаны къ ней родители и братья, какою трепещущею любовью они окружали ее, съ какою безумною гордостью чувствовали, какою трогательною преданностью украшали и охраняли ея жизнь. Старикъ Гавріиль былъ человѣкъ зажиточный, потому что корчма стояла на бойкомъ мѣстѣ, а разводилъ горьлку водою и записывать даваемое въ долгъ двойнымъ мѣломъ не умѣлъ лучше его ни одинъ подольскій ворчмарь. И все таки нельзя не считать чудомъ, что онъ съюнилъ себя нѣкоторое состояніе, — до такой степени тратился онъ на Лей. Тратился конечно по своему: дѣвushка не училась ничему, кромѣ самыхъ общеупотребительныхъ молитвъ, но за то чудесное тѣло ея украшалось самыми тяжелыми матеріями и золотыми цѣпями, и въ будни она одѣвалась такъ, какъ не наряжались даже въ день новаго года дочери самыхъ богатыхъ людей!

Такимъ образомъ, уже семейныхъ отношеній было бы достаточно для того, чтобы сдѣлать дѣвushку тщеславною, даже надменною. Но о томъ же усердно заботились и другіе, посторонніе: женщины посредствомъ зависти, мужчины — вѣчнаго поклоненія.

Лей пробуждала въ барновской еврейской молодежи такія чувства и ощущенія, какія вообще рѣдко находятъ мѣсто въ подобныхъ сердцахъ; обыкновенно такой вѣноша съ длинными пейсами и не думаетъ ни о какой дѣвushкѣ въ мірѣ до тѣхъ поръ, пока отецъ не объявитъ ему наконецъ, что онъ женихъ. Невѣсту видитъ онъ впервые при обрученіи, а иногда даже только подъ вѣнцомъ, и нравятся ли она ему или нѣтъ, онъ рѣшается привыкнуть къ ней, что въ большей части случается ему и удается. Но о Лей думали многіе, и не разъ, когда она проходила по улицѣ, совершалось несмысленное дѣло — какой нибудь смѣлый юноша смотрѣлъ ей въ слѣдъ. Мало того: даже въ „клаузѣ“, гдѣ скромные, набожные, очень мечтательные и очень боязливые талмудисты склонялись надъ огромными фолыантами, произносилось иногда ея имя и слышались глубокие вздохи, относившіеся къ ней одной.

Все это оставалось конечно неизвѣстнымъ красавицѣ Лей. Но другіе хлопотали, чтобы въ ней не оставалось сомнѣнія на счетъ того, нравятся она или нѣтъ. Старались объ этомъ смѣлые барновскіе гимназисты, которые на канигулахъ всегда смертельно влюблялись въ нее и еще въ „Эстерку Регину“, другую еврейскую красавицу, тоже покончившую печально. Старались еще болѣе смѣлые дворяне, часто останавливавшіеся передъ корчмой выпить рюмку водки и поболтать съ полчасика. Старались уже до послѣдней степени смѣлые гусарскіе офицеры, проводившіе въ пропитанной сивухою комнатѣ все свое время, которое впрочемъ и безъ того врядъ-ли употреблялось бы ими съ болѣею пользою.

Здѣсь это преспровожденіе времени пользы не приносило никакой. Лей если была тщеславна, то при этомъ все таки оставалась славною, доброй и цѣломудренною дѣвushкой. Сердце у нея было такое мягкое и сострадательное, какія рѣдко встрѣчаются даже у вообще положительно добрыхъ женщинъ этого народа, и каждый бѣднякъ произносилъ ея имя не иначе какъ съ глубочайшимъ ува-

женіемъ. Одинъ недостатокъ ея заключался въ томъ, что она была влюблена въ собственную красоту и особенно въ свои волосы, которые дѣйствительно поражали великолѣпіемъ. Когда она распускала тяжелыя, артистически заплетенныя косы, онѣ падали внизъ точно мощная золотая волна и облегали колѣни и стаянъ, образуя блестящую, шелковую массу, красивѣе которой едва-ли носила когда нибудь какая-либо королева. Отъ этого украшенія получила она и свое прозвище: „Лея съ длинными волосами.“

Барновскіе евреи были твердо убѣждены, что Лея никогда не выйдетъ замужъ; женщины надѣялись на это, мужчины боялись. И дѣйствительно: она все болѣе и болѣе соарѣвала, стукнуло ей семнадцать лѣтъ, минуло и девятнадцать, а еще ни одного изъ своихъ поклонниковъ не признала она достойнымъ сдѣлаться ея мужемъ. Такое событіе было неслыханно между жителями этой мѣстности, гдѣ свадьбы устраиваются обыкновенно между едва-едва начинающими развиваться дѣтьми. Но за то же въ этой семьѣ дѣло и шло совсѣмъ не такъ какъ въ другихъ. Старый Гавриэль всегда спрашивалъ мнѣнія своей дочери.

И Лея каждый разъ коротко и рѣшительно отвѣчала: „Нѣтъ!“ Наконецъ искали руки гордой красавицы совсѣмъ перестали появляться, особенно послѣ того какъ она отказала даже Иосифу Пурцельбауму, сыну богатѣйшаго человѣка въ округѣ, и маленькому Хайму Махширдасу, родственнику въ третьемъ колѣнѣ садагорскаго раввина. Какъ можно было отвергнуть человѣка изъ такого святаго семейства, это оставалось непостижимымъ для всѣхъ и признавалось почти равнымъ святотатству. Но Лея не убоялась этого преступленія и продолжала доводить до полнаго отчаянія всѣхъ сватовъ и свахъ. Наконецъ эти господа и госпожи уже почти не рѣшались переступить порогъ корчмы, хотя вообще на свѣтѣ мало людей болѣе настойчивыхъ, болѣе нахальныхъ и безцеремонныхъ, чѣмъ еврейскіе сваты Подолія. И одинъ изъ нихъ,

Ицигъ Тюркингельбъ, обыкновенно говорилъ: „Я старый человѣкъ, но все таки надѣюсь еще дожить до свадьбы Лея и пришествія Мессіи,—последняго конечно раньше чѣмъ первой“. Ицигъ Тюркингельбъ былъ вѣдь большой весельчакъ!

Случилось однако не такъ какъ онъ рассчитывалъ. И когда сдѣлалось извѣстнымъ имя счастливаго избранника, то общее изумленіе предмету выбора превзошло даже изумленіе, вызванное самимъ фактомъ рѣшенія Лея выйти замужъ. И въ самомъ дѣлѣ: Рувимъ Розенманъ, или—Рувимъ „ратушникъ“, какъ его называли потому, что лавка его помещалась у самой ратуши—не отличался богатствомъ, не принадлежалъ къ набожной семьѣ и, въ добавокъ ко всему, былъ вдовецъ. Но за то мужчина красивый, высокий и статный, а при этомъ серьезный и скромный. Онъ обращалъ нѣкоторое вниманіе на свою наружность и носилъ кафтанъ на нѣсколько пальцевъ короче, чѣмъ другіе евреи. Не даромъ же прожилъ онъ два года въ большомъ городѣ, въ Бродяхъ, и умѣлъ читать, писать и говорить по нѣмецки. Вѣроятно вслѣдствіе этого онъ пользовался репутаціею либерала, которой нисколько не заслуживалъ, потому что рабаки исполняли всѣ постановленія не только религіи, но и суетврія.

Почему Лея избрала именно его, это она объясняла каждому, желавшему узнать причину, такъ: „Потому что онъ мнѣ понравился“. Причина, совершенно неслыханная у еврейской дѣвушки въ Подоліи. Въ слѣдствіе этого распривали свахъ, но и отъ нихъ не могли добиться болѣе обстоятельныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Даже господинъ Тюркингельбъ долженъ былъ созваться, что эту свадьбу нельзя приписать его дарованію. Правда, Рувимъ посылалъ въ качествѣ свата именно его но Лея отвѣчала: „Если онъ имѣетъ что нибудь сказать мнѣ, пусть придетъ самъ.“

И Рувимъ пришелъ. Молодые люди бесѣдовали долго, часа два сряду. О чемъ именно они говорили—не узналъ никто, даже

родители дѣвушки. Только старикъ Гаврииль подслушалъ, какъ Рувимъ произнесъ громко, съ волненіемъ, почти торжественно: „Ну, коли ты этого желаешь непремѣнно — изволь, и тебѣ не препятствую. Передъ Богомъ конечно это не грѣхъ, но въ глазахъ здѣшнихъ людей это грѣхъ. Поэтому береги хорошенько свою тайну; не то они, если хоть когда нибудь узнаютъ, уничтожатъ и тебя и меня“! Но старикъ напрасно спрашивалъ дочь: она отказывалась отъкрыть секретъ и ему.

Скоро послѣ того сыграли свадьбу. Лея подѣвичальнымъ багдахиномъ была красивѣе, чѣмъ когда либо. А между тѣмъ ей не доставало ея лучшаго украшенія — золотыхъ волосъ. Замужняя еврейка не имѣетъ права ходить въ собственныхъ волосахъ; передъ вѣчаніемъ ее стригутъ совѣтъ коротко, а въ вѣкоторыхъ мѣстахъ головы даже брѣютъ. Образовавшуюся лысину прикрываютъ высокими шерстянымъ или шелковымъ уборомъ. Такъ приказываетъ поступать старая, закоснѣлая вѣра, и такъ дѣйствительно поступаютъ. Носить собственные волосы значило бы, по мнѣнію этихъ людей, не только поступать безстыдно, но и совершать страшный грѣхъ относительно Бога. Лея однако не позволила прикоснуться къ ея волосамъ; она остригла ихъ собственноручно, запершись безъ свидѣтелей въ своей комнатѣ...

Бракъ оказался вполнѣ счастливымъ. И сопровождался онъ еще однимъ, самымъ чудеснымъ явленіемъ: Лея смиренно и съ послушаніемъ относилась къ своему мужу. Даже зависть должна была сознаться, что у долговязаго Рувима отличная жена. Это чувствовалъ и онъ самъ, и когда скоро послѣ того блеснула ему сладкая надежда сдѣлаться отцемъ, счастію его не было предѣловъ. Но эта надежда не осуществилась: дитя родилось преждевременно и мертвымъ. Докторъ приписалъ это обстоятельство простудѣ матери. Но барновскій раввинъ былъ совѣтъ инаго мнѣнія. Онъ послалъ за Леей и спросилъ ее, не навлекла ли она на себя эту кару

Бога тѣмъ, что тайно нарушила какую нибудь изъ Его заповѣдей. Лея поблѣднѣла какъ смерть, но твердо отвѣчала: „Нѣтъ, раввинъ“!

Это случилось весной. Черезъ годъ осенью Лея родила сына, но онъ тоже умеръ черезъ шесть дней. Врачъ нашелъ, что смерть послѣдовала отъ воспаления въ мозгу, какъ это часто бываетъ съ поворожденными. Лея рыдала, но когда раввинъ пришелъ къ ней лично и повторилъ прежній вопросъ, она снова отвѣчала коротко и твердо: „Нѣтъ, раввинъ“!

Слѣдующимъ лѣтомъ Лея въ третій разъ почувствовала себя матерью. Воспоминаніе о двухъ утрахахъ не переставало болѣзненно тревожить ее и обратилось въ злобѣешее предчувствіе. Старательно берегла она себя, и Рувимъ почти ни на шагъ не отходилъ отъ нея. Но когда наступилъ „судный день“, она, вопреки совѣтамъ мужа и запрещенію врача, рѣшилась провести весь этотъ день въ старой синагогѣ, въ постѣ и молитвѣ.

Это-то и погубило ее.

Въ судный день старая синагога, въ которой вообще воздухъ никогда не пропитанъ ароматами Аравія, полна страшной, зачумленной духоты, производимой присутствіемъ безчисленнаго количества восковыхъ свѣчей и испареніями множества людей, которые въ теченіе столькихъ часовъ молятся здѣсь, плачутъ и, къ сожалѣнію, тоже потѣютъ. И такимъ образомъ образовалась атмосфера, отъ которой могъ бы упасть въ обморокъ и самый здоровый человѣкъ, не то что нѣжная женщина въ такомъ положеніи, въ какомъ была Лея. И она дѣйствительно лишилась чувствъ и съ легкимъ крикомъ упала со скамеечки на полъ.

Женщины кинулись къ ней и начали ухаживать. Онѣ распустили ея платье и одновременно поднесли къ носу ея два десятка склянокъ съ нюхательнымъ спиртомъ.

Но вдругъ всѣ отскочили съ быстротою молніи, — раздался

пронзительный крикъ сотни голосовъ,—и затѣмъ снова тишина, тишина самаго глубокаго ужаса...

Головной уборъ Леи сдвинулся съ мѣста, и золотистые волосы, разомъ вырвавшись изъ подъ него, разсыпались по плечамъ и легли точно свѣтлое облако на блѣдное, какъ смерть, прекрасное лице.

Такъ вотъ въ чемъ заключалась тайна Леи.

Что послѣдовало за этимъ—невозможно описать, трудно даже себѣ представить. Тишина уступила мѣсто дикимъ крикамъ, ругательствамъ, проклятіямъ. Страшная вѣсть мгновенно долетѣла и туда, гдѣ молились мужчины, и тамъ произвела такое же дѣйствіе. Сперва все стояли какъ пришибленные несказаннымъ преступленіемъ. Затѣмъ общее бѣшенство прорвалось наружу, и неистовые люди устремились въ женское отдѣленіе съ свирѣпыми проклятіями. Еслибъ Лея созналась даже, что она собственноручно убила дѣтей своихъ,—а дѣтубійство считается у евреевъ величайшимъ преступленіемъ, страшнѣе отцеубійства,—бѣшенство врядъ ли могло быть сильнѣе. Но вѣдь по мѣтлѣю ослѣвленныхъ безумцевъ волосы Леи действительно совершили это нѣмое, страшное признаніе!..

Вся эта сцена происходила въ самый священный день года, и та, противъ которой неистовствовала толпа, была слабая женщина, въ томъ положеніи, которое должно обуздывать и самаго грубаго дикаря. Тѣмъ не менѣе, нельзя сообразить, какія послѣдствія имѣла бы набожная горячка ослѣвленныхъ. Но въ самую критическую минуту Рувимъ стремительно прорвался сквозь толпу; отчаяніе и гнѣвъ удесятерили его силы, онъ поднялъ жену, точно дитя, на лѣвую руку, а правую сталъ пролагать себѣ дорогу такъ, что все, пытавшіеся загородить ее, разлетались какъ щепки въ ту и другую сторону. И вотъ онъ спустился съ стѣтницы и побѣжалъ по улицамъ домой, сопровождаемый ругательствами и проклятіями; волосы жены, развѣваемые октябрьскимъ вѣтромъ, хлестали по его блѣд-

ному какъ смерть лицу, на которомъ горѣли, точно у сумасшедшаго, дико устремленные впередъ глаза.

Ему скоро удалось привести Лею въ чувство, но когда она посмотрѣла вокругъ себя и увидѣла свои распущенные волосы, то пронзительно вскрикнула и снова упала въ сильные судорогахъ. Поспѣшно призванный докторъ успѣлъ спасти только жизнь матери, но не ту молодую жизнь, которая зачиналась въ ней. И на слѣдующее утро барновскіе евреи могли рассказывать другъ другу, что судъ божій въ третій разъ совершился надъ грѣшницей.

Рувимъ какъ будто окаменѣлъ отъ гори. Въ этотъ же день его потребовали на судъ къ раввину, но онъ отправился такъ механически, точно дѣло вовсе его не касалось. Проклятія, которыми оспинали его, онъ оставалъ безъ вниманія, а на допросѣ далъ короткий и неслышанно дерзкій отвѣтъ. Его спросили, зналъ ли онъ о преступленіи своей жены. Зналъ, отвѣчалъ онъ. Отчего же допустить такой грѣхъ? Оттого что въ его глазахъ это нѣсколько не грѣхъ. Признаетъ ли онъ несчастіе своей жены за справедливую кару божью? Нѣтъ, потому что Богъ премудръ и всеблагъ. Срѣжетъ ли онъ по крайней мѣрѣ теперь грѣховное украшеніе жены. Нѣтъ, потому что это значило бы нарушить обѣщаніе, данное Леѣ—невѣстою. Извѣстно ли ему ожидающее его наказаніе? Извѣстно, и онъ съумѣетъ отвратить его.

Это наказаніе—„великій херемъ“, полное отлученіе, строжайшая кара, какой только можетъ подвергаться община своихъ членовъ. Кого постигнулъ „херемъ“, тотъ становится вѣкъ закона; причинять ущербъ его имуществу и жизни—не только не грѣхъ, но даже заслуга; прикасаться къ его тѣлу или принадлежащимъ ему вещамъ позволительно не иначе какъ съ самыми враждебными цѣлями: дышать однимъ воздухомъ съ проклятымъ имѣетъ право только тотъ, кто хочетъ вредить ему. „Херемъ“ расторгаетъ священнѣйшія узы, и то, что во вѣсхъ другихъ случаяхъ признава-

лось бы сильвѣйшимъ грѣхомъ, тутъ принимается за богоугодное дѣло: жена можетъ покинуть мужа, сынъ поднять руку на отца. Это война всѣхъ противъ одного, война безъ пощады, въ которой всѣ средства хороши. Никакая любовь, никакая дружба не отваживаются прорвать ту цѣпь страшнѣйшаго одиночества, позора и поруганій, которая протянута вокругъ несчастнаго. На кого обрушился „херемъ“, тотъ обыкновенно старается какъ можно скорее и какою бы то ни было цѣною, даже собственнаго достоинства, примириться съ равниномъ.

Рувиму эта цѣпа показалась слишкомъ дорогою. Правда, наказание обратилось на него вдвойнѣ, потому что погубило его и въ денежномъ отношеніи. Лавва опустѣла, ее стали обѣгать какъ чуму. Но онъ не покорился и обратился съ просьбою о защитѣ туда, гдѣ оказать ее обязаны были по закону, — именно въ окружной судъ. „Херемъ“, какъ средство вымогательное, признается дѣломъ противозаконнымъ и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда причины, вызвавшія его, довольно вѣски, считается дерзкимъ вторженіемъ въ юрисдикцію государства. Барновскій окружной судья, Юлько фонъ Негруцъ, конечно принялся за разбирательство съ большимъ усердіемъ и сдѣлалъ все, что могъ. Но по самой сути вещей много сдѣлать онъ былъ не въ состояніи. Онъ отдалъ подъ судъ раввина и сталъ наказывать всякого, на кого Рувимъ могъ указывать какъ на виновника причиненнаго ему оскорбленія и вреда. Но въ большей части случаевъ, коварство и злоба прятались во мракѣ и тѣмъ ночи и судебное преслѣдованіе раввина только усиливали набожную ярость. А что касается до лавки, то въѣдъ и окружной судья не могъ заставить никого покупать сахаръ и кофе именно у Рувима.

Война длилась всю зиму и перевалила на весну. Въ апрѣлѣ раввина посадили на шесть недѣль въ тюрьму. Когда его выпустили, община отпраздновала радостное событіе иллюминаціе мѣстеч-

ка и выбитіемъ оконъ у Рувима. Этими все измѣненіе и ограничилось. Рувимъ остался непреклоннымъ. Онъ видимо обѣдѣлъ; тестъ умолялъ и заклиналъ его смириться, подчиниться, — ничто не помогало. Мало того: Лея, свѣжесть и красота которой сильно пострадали въ эту страшную зиму, весною снова почувствовала себя матерью и теперь уже сама просила мужа позволить ей уничтожить роковое украшеніе головы; можетъ быть — думала бѣдная женщина — оно дѣйствительно можетъ повредить молодой жизни ребенка! Но Рувимъ мрачно покачалъ головой и сказалъ: „Нѣтъ, ты сохранишь твои волосы. И коли есть въ небѣ Богъ, онъ не покинетъ насъ, и мы побѣдимъ!“

Они однако не побѣдили. А что послѣдовало за этимъ — мы какъ-то тяжело продолжать рассказывать подробно...

Въ полбѣрѣ Лея снова родила сына. Ребенокъ былъ свѣжъ и здоровъ, мать тоже чувствовала себя довольно хорошо. Прошло шесть дней. Тогда равнинъ собралъ своихъ ближайшихъ приверженцевъ и сказалъ: „На отцѣ лежитъ херемъ, мать не стригла своихъ волосъ. Но дитя не виновато. Если мы будемъ оставаться въ бездѣйствіи, мальчикъ умретъ, какъ умеръ его братъ, — потому что грѣхъ матери все еще существуетъ.“

Такъ говорилъ равнинъ. То есть надо предполагать, что эту рѣчь говорилъ именно онъ; на самомъ же дѣлѣ, виновникъ страшнаго дѣла навсегда остался неизвѣстнымъ. Фактъ только тотъ, что преступленіе свершилось.

Въ полночь шестаго дня замаскированные люди пробрались въ домъ Рувима, связали мужа и жену, стащили родильницу съ постели и остригли ей волосы.

Черезъ два дня послѣ того Лея умерла. Испугъ убилъ ее. Ребенокъ опередилъ ее на кладбище нѣсколькими часами.

Рувимъ оставался въ городѣ до окончанія судебного слѣдствія. Процессъ скоро пришлось прекратить. Когда эти люди рѣ-

нились молчать, никакая человеческая сила не заставит их заговорить.

Послѣ этого Рувимъ ушелъ. Съ тѣхъ поръ, протекли многіе годы. Вѣроятно, и онъ наконецъ успокоился и укрылся въ какомъ нибудь темномъ уголкѣ земли свои глубокія страданія.

О могилѣ Лея я уже говорилъ. Больше ничего не остается рассказать мнѣ. Прибавлю всего нѣсколько словъ, выливающихъ изъ самой сокровенной глубины моей души:

Простите имъ, не гнѣвайтесь на нихъ, ибо не вѣдаютъ они, что творять!

ДИТЯ ИСКУПЛЕНІЯ.

О ребенкѣ идетъ рѣчь въ этомъ разсказѣ. Это была четырехлѣтняя дѣвочка, звалась она Лея и имѣла черные блестящіе волосы и большіе темные глаза. Но эти глаза не блестяли; точно покрывало лежало на нихъ и на всемъ блѣдномъ, нѣжномъ личикѣ дитяти. Родители ея были очень бѣдные люди и весь гардеробъ ея составляло единственное, сильно заштопанное и запла-танное платьице, — одно и то же и для будничныхъ дней, и для праздничныхъ. Тагъ подишло оно, что едва-едва можно было догадаться о первобытномъ желтомъ цвѣтѣ ситца.

Но не отъ этого образовалось покрывало на ея глазахъ и лицѣ. Какое было Леѣ дѣло до бѣдности? Каждый день ее кормили, если и не совсѣмъ до сыта, то всетаки и не въ проголодь; каждый день позволяли ей играть на свѣжемъ, яркомъ воздухѣ сколько душѣ угодно. А для игръ было у нея восхитительнѣйшее мѣсто, какого только можетъ желать человекъ, — большое, и зеленое, и тихое, и наполненное миллионами цвѣтовъ, и богатое чудесными дерновыми скамейками, надъ которыми багрянишия склоняли отягченные цвѣтомъ вѣтви. Это мѣсто—было еврейское кладбище въ Барновѣ. Удивительно своеобразную картину представлялъ этотъ серьезный ребенокъ въ тѣ минуты, когда онъ молчаливо прохо-

ходилъ между могилами, или сидѣлъ на какомъ нибудь изъ надгробныхъ камней и слѣдилъ глазами за веселыми золотыми жучками, обгавшими по весело подымавшейся вверху травѣ. Но и не отъ этого образовалось покрывало. Какое было Леѣ дѣло до смерти? Отецъ ея уже умеръ, это она знала, а быть мертвымъ значить спать и никогда, никогда не голодать. Да и вообще какъ могъ печалить ее видъ могилъ, которыя ежедневно были у нея передъ глазами?.. Нѣтъ, не тутъ заключалась причина, и барновскіе евреи тоже говорили неправду, когда объясняли: „Вѣдь этотъ ребенокъ—„дита искупленія“,—какъ же ему имѣть другое выраженіе лица?“ Нѣтъ, это выраженіе страданія на блѣдномъ личикѣ было послѣдственное. Бѣдная Мириамъ Гольдштейнъ носила это дитя подъ сердцемъ, которое мучила тяжелая печаль, несказанное горе. И въ то время, когда младенецъ лежалъ на груди у матери, кровавыя слезы ея падали на личико крошечнаго существа. И такія слезы тоже высыхаютъ, какъ всякія другія, но онѣ оставляютъ неизгладимый слѣдъ. Маленькая Лея носила на своемъ лицѣ слѣдъ тѣхъ слезъ, которыя нѣкогда падали на нее изъ глазъ ея матери.

Да, нѣкогда,—потому что когда дѣвочка начала подростать, мать перестала плакать. У бѣдной вдовы почти не было времени для этого. Днемъ, съ утра до вечера, ей приходилось работать и хлопотать, а ночью она падала на постель совсемъ изнеможенная отъ усталости. Впрочемъ, даже и въ тѣ минуты, когда ей не спалось и она принималась раздумывать о своей жалкой, тяжелой долѣ, —даже и въ эти минуты она не плакала, —потому что въ концѣ концовъ могла все-таки сказать себѣ: „Слава Богу! Ни мнѣ, ни моему ребенку не приходится ни просить милостыню, ни умирать съ голоду. Слава Богу! Мое дитя здорово!“

„Дитя здорова!“ Эта Мириамъ Гольдштейнъ, вдова барновскаго могильщика, получавшая отъ общины въ видѣ вдовьяго пан-

сіона компанку въ кладбищенской сторожкѣ, по цѣлымъ днямъ стиральная и шившая на чужихъ людей, —эта бѣдная женщина не плакала и ночью, въ безсонные часы. Ея дитя было здорово! Я спрашиваю всѣхъ матерей—изъ-за чего послѣ этого было плакать Мириамъ Гольдштейнъ.

Такъ проходили дни. Маленькой Леѣ было уже четыре года, и лѣтомъ она съ утра до вечера играла на могилахъ или молчаливо, но весело пробиралась подъ вѣтвями черемухи и подъ бѣльемъ, которое развѣшивала сушиться на солнцѣ ея мать.

Но наступила осень, а съ нею холодные, сырые вечера. Темнѣть начинало рано, бѣдная женщина возвращалась домой уже совсѣмъ въ сумерки, и Леѣ приходилось ждать одной въ комнаткѣ долго, долго. Но она ждала терпѣливо, потому что знала, что наконецъ раздадутся на дворѣ хорошо знакомые шаги. И тогда она растворила дверь, мать звала: „Лея!“ и дѣвочка кидалась въ широко раскрытыя объятія. Послѣ этого мать зажгала свѣчу и разводила огонь, и варила для себя и дочурки своей славный горячій супъ...

Но однажды, въ мрачный и холодный сентябрьскій вечеръ, дѣло обошлось не такъ. Прачка по обыкновенію вернулась домой и по обыкновенію крикнула „Лея!“ но дитя не выбѣжало къ ней на встрѣчу.

Мать дрожащими руками засвѣтила свѣчу. Комната была пуста.

„Лея!“ окликнула Мириамъ еще разъ и очень громко. Отвѣта не было. Руки бѣдной женщины безжизненно опустелись. Но черезъ минуту она пришла въ себя и винулась въ комнатку своего сосѣда, могильщика, который былъ нѣкогда помощникомъ ея мужа, а теперь исполнять эту должность самостоятельно. „Дитя мое!—за кричала Мириамъ—гдѣ мое дитя?“ Могильщикъ и его жена посмотрѣли на нее такъ, какъ будто передъ ними стояла помѣшанная

„Откуда же намъ знать, гдѣ она?“ наконецъ сказали они перфитительно. — „Пропала, помогите, помогите!“ завопила мать въ отчаяніи и стремглавъ побѣжала на кладбище.

Жена могильщика пошла искать по дорогѣ, которая вела къ городку, самъ-же оцъ послѣдовалъ за бѣдной женщиной. Путь между могилами и надгробными камнями былъ хорошо знакомъ ему, но нагнать Мириамъ онъ не могъ. Точно травленное животное мчалась она куда глаза глядятъ, то спотыкаясь о камень, то зацѣпляясь за корень дерева, но не останавливаясь ни на минуту и не переставая съ раздражающими воплями призывать имя своей дочери. Могильщикъ зналъ это мѣсто какъ собственную комнату, и ужасы кладбища для него ровно ничего не значили, но теперь волосы вставали у него дыбомъ, — до такой степени страшно ему было бѣжать по могиламъ въ непроглядной ночи и слушать пезумолкшіе крики отчаянія несчастной матери. Наконецъ достигли они оба мѣста, гдѣ кладбище граничитъ съ рѣкой, глубоко и дѣлнво катящимъ свои струи Середомъ. „Забуръ тутъ не совсѣмъ надежный“ — прошепталъ про себя могильщикъ и побоялся дать дальнѣйшій ходъ промелькнувшей у него мысли.

Но судьба оказалась милосердною. Въ то время какъ оба бѣжали вдоль забора и Мириамъ уже почти беззвучнымъ голосомъ произносила имя своей дечери, вдругъ изъ за одного могильнаго камня тоненькій, дрожащій голосокъ крикнулъ „мама“. Дѣвочка набѣгалась днемъ до сильной усталости и была застигнута сумерками въ отдаленномъ углу кладбища. Тутъ она съѣла на могилу и заснула. Бѣдняжка едва могла понять, почему мать такъ порывисто схватила ее въ объятія, почему она покрывала маленькое личико тысячами поцѣлуевъ, орнала его слезами. Медленно понесла Мириамъ ребенка обратно домой. Могильщикъ слѣдовалъ за нею; онъ тоже радовался, что дѣло окончилось такимъ образомъ, но тѣмъ не менѣе качать головой и бормоталъ: „Меня нисколько

не удивило бы, если бы мы нашли ребенка мертвымъ или совсѣмъ не отыскали. „Большая смерть“ должна же снова вернуться сюда; готорать, она уже у турокъ“...

Но Мириамъ не слышала этихъ странныхъ словъ. Она снесла дѣвочку въ комнату и уложила ее мягче обыкновеннаго, и гладила ей волосы, и цѣловала безъ счета. Послѣ того пошла она къ сосѣдямъ и благодарила ихъ, по женскому обыкновенію, очень многорѣчиво. А въ слѣдъ за тѣмъ опять вернулась къ себѣ и поблагодарила Бога, — но на этотъ разъ не слезами, а глубокимъ, глубокимъ вздохомъ, обращеннымъ къ небу.

Спать она не могла, и поэтому сидѣла около маленькой кровати и не спускала глазъ со своего спящаго ребенка. Но, Господи Боже, что это такое? Кровь снова застыла въ жилахъ бѣдной женщины. Лице дѣвочки, обыкновенно блѣдное, покрывало лихорадочныи румянцемъ, дыханіе обратилось въ какое-то тяжелое хрипѣніе, руки и ноги были холодны, а голова горяча какъ огонь. „Лея! — закричала мать, — ты больна. Отвѣчай, моя голубка!“ При звукѣ хорошо знакомаго голоса дитя открыло глаза; они не были по обыкновенію безъ блеска, новый, зловѣщій огонь свѣтился въ нихъ. „Мнѣ очень холодно!“ прошептала дѣвочка, потомъ снова закрыла глаза и судорожно хватилась ручонками за одѣяло.

„Она умираетъ!“ Вдова не проговорила вслухъ этихъ словъ, но она чувствовала, какъ эта мысль, принявъ исполненіе разжѣры, вдругъ сковала ей душу и тѣло, такъ что она нѣкоторое время не могла пошевелить ни однимъ членомъ. Но скоро это оцѣпенѣніе прошло, она сорвала у себя съ плечъ худенькій платокъ, вытащила изъ ящика свое праздничное платье и тѣмъ и другимъ укрыла ребенка. Ей было очень холодно, зубы ея стучали какъ въ лихорадкѣ, но могла ли она обращать на это хоть малѣйшее вниманіе? Бѣдная снова кинулась къ сосѣдямъ и поступалась въ запертую дверь; ей хотѣлось попросить сосѣда пойти

къ ней и посмотреть, что сдѣлалось съ ребенкомъ, потому что могильщикъ у евреевъ той мѣстности исполняетъ, сверхъ своей специальной должности, еще одну: сидѣлки у больныхъ. Кто не можетъ позвать доктора, зоветъ по крайней мѣрѣ могильщика. Но по несчастію сесѣдъ ушелъ въ городъ—для ночного дѣвня надъ трупомъ только что умершаго богача Моисея Фрейденталя. Къ Миріамъ отправилась поэтому только жена его. „Это не больше какъ лихорадка — утѣшала она вдову, — дѣвочка простудилась. Обыкновенная лихорадка, ничего больше... Посмотрите сами, вотъ въ слѣдъ за ознобомъ сдѣлалась жаръ“. Дѣйствительно, все тѣло ребенка стало ужасно горѣть, такъ что пришлось снять съ него все одѣяла. Обѣ женщины сварили настой изъ цѣлительныхъ травъ, но больная не могла проглотить ни капли. Медленно, медленно тинулась страшная ночь...

На разсвѣтъ вернулся домой могильщикъ. Онъ подошелъ къ постели ребенка и покачалъ головой. Увидя это движеніе, мать въ отчаяніи заломила руки, и изъ груди ея вырвался стонъ. Сосѣду стало жаль ея. „Это не опасно, — дерзновенно сказалъ онъ; надо надѣяться, что дитя выздоровѣетъ“.

— Скажите мнѣ всю правду, просила Миріамъ, я во всякомъ случаѣ позову доктора.

Могильщикъ пожалъ плечами.

— Докторъ уже восемь дней какъ уѣхалъ въ Залецики. Но будь онъ и здѣсь, *этому* ребенку не можетъ помочь никакой докторъ!

— Стало быть, она должна умереть! чуть слышно прошептала Миріамъ, чувствуя, что ноги отказываются служить ей.

— Я говорю, — медленно объяснилъ могильщикъ, что докторъ не поможетъ; потому здѣсь въ состояніи только набожный человѣкъ, раввинъ. Сегодня въ десять часовъ хоронить старика Моисея Фрейденталя; сюда придетъ по этому случаю и нашъ рав-

винъ. Попросите его взглянуть на вашу дочь и благословить ее. Онъ очень набожный человѣкъ, можетъ быть, его собственной силы хватить на то, чтобы спасти дитя, а можетъ быть онъ дастъ вамъ добрый совѣтъ.

И могильщикъ вышелъ готовить мѣсто для новаго гостя. Жена его послѣдовала за нимъ.

— Мнѣ собственно слѣдовало бы теперь вырыть двѣ могилы, сказала онъ, принимаясь работать лопатой.

— Ты думаешь, что ребенокъ?... спросила жена, бѣдная Миріамъ! Сохрани Богъ...

— Да, отвѣчалъ онъ, мнѣ и самому крѣпко жаль. Но тутъ не помочь ни одному человѣку. Говорятъ, скоро опять придетъ „большая смерть“. Насъ Богъ пощадитъ. Онъ возьметъ только „дитя искупленія“, которое мы назначили Ему въ жертву.

— Бога ради, что ты говоришь! вскричала жена; — и *изъ-за этого* должна погибнуть невинная жизнь?

Могильщикъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Ты вѣрно хочешь быть набожнѣе нашихъ набожнѣйшихъ раввиновъ? Хочешь быть справедливѣ великаго раввина Срольце, чудотворнаго раввина Садогорскаго, который распорядился такимъ образомъ.

Жена замолчала.

Какъ же это распорядился чудотворный раввинъ? Отчего они назвали этого ребенка „дитя искупленія“?

...Опустошая все на своемъ пути, точно истинный бичъ Божій, пришла по всемъ странамъ въ злополучномъ тысячѣ восьмьсотъ тридцать первомъ году невѣдомая до тѣхъ поръ моровая язва. Ее называли холерой. Изъ отдаленнѣйшаго востока появилась она, въ отдаленнѣйшій западъ проникла и опустошила множество городовъ и населила нечетное число кладбищъ. Страшнымъ сѣдтвиемъ лежала она на грязныхъ, жалкихъ городкахъ Подольской равнины,

какъ мухи падали жители ихъ безчеленными количествами, и не хватало человѣческихъ рукъ для погребенія мертвецовъ. Никакія лекарства не спасали, никакой образъ жизни не предохранялъ. Одними овладѣла апатическая покорность судьбѣ, другими дикое, злобное отчаяніе. И Богъ допускалъ все это, и отъ Бога не приходило никакой помощи! Люди взывали къ Нему, но онъ не слышалъ ихъ!...

Почему-же? Почему?

Вѣдь это своего Бога простили они сжалиться. Бога ихъ отецъ, Всемогущаго, Всеправеднаго, Единаго! Неужели же онъ закрылъ Свои уши для того, чтобъ слышать, неужели у Него не было уже десницъ для того, чтобъ помогать? Почему такъ гнѣвно возсталъ Онъ противъ своего собственного народа, почему не давалъ пощады даже добрымъ и праведнымъ?

Несчастные совѣмъ терялись въ такихъ разсужденіяхъ и соображеніяхъ; разумъ у нихъ начиналъ мутиться. Вѣдь для этихъ людей въ жизни существовалъ только *одинъ* свѣтъ — свѣтъ ихъ вѣры, и вотъ эта вѣра обманывала ихъ!... Непостижимо

И возникло въ ихъ головахъ новое соображеніе — страшное, подавляющее, но въ то же время относительно утѣшительное. Вѣдь ихъ Богъ былъ тоже Богомъ мести! Вѣдь Онъ жестоко, неизменно наказывалъ за каждое преступленіе! И если теперь карающая десница Его съ одинаковою силою обрушивалась какъ на злыхъ, такъ и на добрыхъ, то не происходило ли это отъ того, что злые грѣшили, а добрые оставляли эти грѣхи безнаказанными и некупленными?

„Очистимъ себя!“ завопилъ вдругъ несчастный, ослѣпленный, подавленный горемъ и страхомъ народъ. „Отыщемъ преступника въ нашей средѣ и наказаніемъ его смягчимъ гнѣвъ нашего Господа“...

И они стали очищаться... Образовалось народное судилище,

судилище мрачное, которое въ тайнѣ развѣдывало, въ тайнѣ рѣшало, въ тайнѣ наказывало, и наказывала жестоко, злобно, отымая у всякаго возможность избѣжать этой кары. У него была тысяча глазъ и тысяча рукъ, а между тѣмъ оно оставалось невидимымъ и неослаемымъ. Они „отомщали за святое имя Господа Бога“, и дѣйствительно въ это время часть возмездія пробилъ можетъ быть для многихъ преступниковъ, успѣвшихъ ускользнуть отъ вѣры государственнаго правосудія. Но за то и сколькихъ невинныхъ кровью обогрились эти безумные! Такія ужасныя дѣла совершились въ эти мрачныя дни, что сердце холодѣетъ, когда только подумаешь о какомъ нибудь изъ нихъ, что перо отказывается писать...

Тѣмъ не менѣе холера становилась все страшнѣе и злокачественнѣе. Наконецъ и у докторовъ, а ихъ было немного, совѣмъ опустились руки. Они хорошо поняли, что не имѣютъ возможности даже облегчать страданія, не говоря уже о спасеніи...

Тогда эти люди перестали неистовствовать другъ противъ друга. Постоянно возрастающее бѣдствіе дѣлало ихъ малодушными, даже до послѣдней степени трусливыми. Они уже не дерзали даже молиться Богу. Для исполненія этого долга имъ надо было имѣть посторонняго человѣка, посредника.

Такимъ посредникомъ избрали они раввина Садогоры, маленькаго городка въ Вуковинѣ. Этотъ человѣкъ и безъ того уже, благодаря своимъ мнимымъ чудесамъ, подучилъ всюду прозвище „чудотворнаго“. Стало быть, разсуждали они, именно онъ поможетъ и спасетъ—спасетъ молитвами къ Богу, своими собственными подвигами. Не даромъ же онъ являлся въ ихъ убѣжденіи существомъ, изъ рода котораго долженъ былъ нѣкогда выйти спаситель міра, не даромъ было въ большомъ ходу сказаніе, что у него на одной ладони было отпечатано отъ рожденія изображеніе льва, указаніе на происхожденіе отъ племени Давида, вѣнчаніе доказательство

божественнаго призванія. Вотъ почему они собрали всѣ свои деньги и драгоцѣнности, при чемъ даже нищета пожертвовала свою ленту, и снесли все это къ раввину, чтобы получить его согласіе.

Безкорыстный старикъ обѣщалъ помочь. „Вы всѣ оскорбили Бога — увѣрялъ онъ, и поэтому всѣ вы должны искупать вашъ грѣхъ“. И онъ установилъ покаянные дни, а они принялись поститься и истязать себя съ величайшею аккуратностью, даже жестокостью, до того была велика у каждаго боязнь умереть. Не вѣроятно, а между тѣмъ буквально вѣрно, что въ продолженіе трехъ недѣль сразу все еврейское населеніе этихъ мѣстностей ѣло и пило только черезъ день.

Послѣдствія понятны: ослабленные, измученные организмы болѣзнъ уносила еще быстрѣе.

Репутація раввина, а слѣдовательно и доходности его промысла, грозила опасностью. Тогда онъ придумалъ другое средство.

— Богу наиболѣе угодно — провозгласилъ ученый мужъ — размноженіе вѣрующихъ въ Него. Поэтому пусть каждая община снарядитъ по одной или по нѣскольку паръ и обвиняемъ ихъ на кладбищѣ; это будутъ жертвы разгнѣванному Богу.

Предложенное средство имѣло различныя послѣдствія. Въ однихъ мѣстностяхъ болѣзнъ еще болѣе усилилась отъ скопленія народа на кладбищахъ и кутежей на свадебныхъ пирахъ; въ другихъ же это нелѣзность не причинила никакого вреда, потому что „большая смерть“ и безъ того стало тамъ уменьшаться, а скоро и совсѣмъ прекратилась.

Изобрѣтеніе раввина осталось въ памяти у всѣхъ. И потому, когда 1848-й годъ пришелъ со всѣми своими ликованіями свободы и страшными кризисами, а съ ними вмѣстѣ снова прокралась изъ восточныхъ стѣнъ „большая смерть“, тогда испуганные евреи опять прибѣгнули къ старому средству и повсюду опять начались брачныя пиры на кладбищахъ.

Такъ было и въ Барновѣ. Несчастною четою, избранною тамъ по рѣшенію общины, безъ всякаго взаимнаго влеченія со стороны жениха и невѣсты, снабженную скуднымъ приданымъ и обвиняемую между свѣжими могилами, оказались могильщикъ Натанъ Гольдштейнъ и Мириамъ Ротъ, бѣдная сирота, служившая горничной въ домѣ представителя общины. Впервые увидѣли они другъ друга какъ слѣдуетъ въ ту минуту, когда очутились подъ брачнымъ балдахинномъ.

Однакожь бракъ, заключенный такъ внезапно, въ такой зловѣщей обстановкѣ, съ такой печальной цѣлью, обратился въ мирный и дружескій союзъ. И мужъ и жена до сихъ поръ служили чужимъ людямъ; кто же могъ лучше ихъ оцѣнить значеніе собственного крова?

Такимъ образомъ Натанъ и Мириамъ жили счастливо и у нихъ родилось уже двое дѣтей. Но оба ребенка вдругъ умерли, одинъ вслѣдъ за другимъ, и то было первое горе, обрушившееся на бѣдныхъ родителей. Это случилось въ 1859 г. Но Богъ вознаградилъ ихъ за потерю: весною того же года Мириамъ снова почувствовала себя матерью.

Но когда наступило въ этомъ году лѣто, то съ нимъ снова пришелъ съ востока страшный бичъ божій, и опять началъ онъ творить неумолимый судъ и расправу надъ беззащитными еврейско-польскими городками широкой равнины.

Барновѣ судьба пощадилась. Тамъ жертвою холеры палъ только одинъ человѣкъ — могильщикъ Натанъ. Безгранична была скорбь вдовы, которая теперь, вслѣдствіе своей беременности, очутилась въ еще болѣе безпомощномъ положеніи. Но община ликовала, глядя на благопріятный ходъ страшной болѣзни, и когда холера прекратилась также во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ, барновцы послали увѣдомленіе объ этомъ, вмѣстѣ съ глубочайшими благодарностями, сыну чудотворнаго Садогорскаго раввина, унаслѣдовав-

сему ремесло своего родителя. Подарки раввинъ удостоились принять, изъявления благодарности благосклонно выслушалъ, а когда депутация сообщила ему, что въ Барновѣ былъ единственный смертный случай, онъ изрекъ: „Вы были угодны Богу, и за то Онъ одинадцать лѣтъ назадъ, прекратилъ моровую язву, какъ только вы принесли жертву. Но люди, которыхъ вы избрали для этого, не были угодны Господу, и поэтому онъ послалъ смерть сперва ихъ дѣтямъ, а затѣмъ мужу, какъ искупительной жертвѣ за всѣхъ васъ. Если же жена родитъ снова дитя, то и это дитя останется нѣкоторое время въ живыхъ только для того, чтобы послужить нѣкогда жертвою искупления для всей вашей общины.“

Такъ рѣшилъ раввинъ, потому что вдова могильщика не въ состоянн дѣлать подарки. Депутация вернулась домой и слова раввина быстро распространились повсюду.

Миріамъ тоже прослышала объ этомъ и выплакала много кровавыхъ слезъ. Но долго плакать у нея не было времени, — приходилось работать, чтобы не умереть съ голоду вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и вотъ наступила осень — мрачная осень 1863 года. Поляки возстали противъ великаго восточнаго народа, и пронесся повсюду злобннй слухъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ опять проснулся все тотъ же бичъ божій — отвратительный братъ и спутникъ всякой войны.

И вотъ почему могильщику не вѣрилось что бѣдное „дитя искупленія“, маленькая Лея, можетъ быть спасена.

Старика Моисея Фрейдентала похоронили. То былъ человѣкъ уже очень старый, жившій совершенно одиокомъ; надъ гробомъ его мало кто плакалъ, и тѣ немногіе, которые проводили его до могилы, быстро разошлись по домамъ. Старый раввинъ тоже на-

правился домой. Этой минуты издалека и смиренно ожидала вдова. Она подошла къ раввину и попросила его взглянуть на ея дитя. Ни одного слова молбѣ не произнесла она при этомъ, но въ ея голосѣ и взглядѣ было нѣчто такое, что задѣло старика за сердце помимо его воли. Тѣмъ не менѣе, онъ колебался. Эта женщина неприятно дѣйствовало на него, — вѣдь она не была угодна Богу! А что касается до дитяти, такъ это еще хуже: подумайте только „дитя искупленія!“

Въ концѣ концовъ онъ однако пошелъ. И вошелъ въ комнату, старикъ склонился къ изголовью больной дѣвочки и долго смотрѣлъ на нее. Когда онъ поднялъ голову, лицо его имѣло строгое и жесткое выраженіе.

Въ смертельномъ страхѣ ожидала мать его приговора. Но раввинъ молчалъ и пошелъ къ выходу.

— Вы не хотите благословить дитя? спросила вдова.

— Женщина, — глухо отвѣчалъ онъ, — этому дитяти не пожелеть никакое благословеніе. Притомъ... я не могу благословить, это было бы покушеніемъ на десницу Всемогущаго.

Съ воплемъ кинулась мать къ постелькѣ и порывисто обняла металнагося въ лихорадкѣ ребенка, какъ будто хотѣла защититъ его отъ всякой руки, даже божьей.

— Да отчего же рабби, отчего же? съ отчаяніемъ крикнула она.

Старикъ сумрачно посмотрѣлъ на нее и затѣмъ какъ будто въ смущенн опустилъ глаза къ землѣ.

— Тебѣ извѣстно, — нерѣшительно отвѣчалъ онъ — почему тебя выдали за твоего покойнаго мужа. Ты знаешь, почему онъ умеръ, и какія были послѣдствія его смерти. Ты знаешь, какія слова произнесъ на счетъ тебя и твоего ребенка великій раввинъ Садогорскій... Ну... ну... а теперь великая смерть снова идетъ!...

Вѣдная женщина поцѣла его. Изъ ея груди вырвался невы-

разнымъ словами крикъ скорби и гнѣва. Съ сверкающими глазами, съ горящимъ лицомъ медленно отошла она отъ постели дочери и остановилась передъ самымъ раввиномъ. И стоя такимъ образомъ, прошипѣла ему прямо въ лице:

— Ты лжешь, раввинъ, ты лжешь! Мое дитя не умереть!... Богъ мудръ, кротокъ, справедливъ, — а ты, ты и всё вы — ни то, ни другое, ни третье! Вы называете себя справедливыми и хотите, чтобы невинное дитя пострадало за ваши грѣхи!... Вы называете себя кроткими, и желаете вашему ближнему смерть? называете себя мудрыми и способны вѣрять, что Богъ допуститъ это, нашъ благой, всемогущий, праведный Богъ?

Она дико схватила себя за волосы, зашаталась и безъ чувствъ упала на полъ.

— Богъ пусть рѣшитъ, кто изъ насъ двоихъ правъ, пробормоталъ старикъ и вышелъ изъ комнаты.

Прошли одинъ день и одна ночь, и казалось, что Богъ скоро постановитъ свое рѣшеніе. Казалось, что Онъ рѣшилъ дѣло въ пользу раввина, — въ пользу чудодѣя и жесткихъ, безумныхъ людей. Когда на второй день сѣрое утро глянуло въ окно комнаты и огонь ночника закачался подъ дуновѣніемъ холоднаго осенняго вѣтра, эта дѣтская жизнь тоже стала всхлывать какъ погасающая свѣча подъ ледянымъ дыханьемъ смерти.

Мать не плакала больше.

Она не плакала больше. Утѣнительный источникъ слезъ иссякъ въ ней. Безпредѣльное горе не можетъ плакать. Съ неподвижными, сухими глазами сидѣла она передъ постелью дитяти, и только по временамъ, когда лихорадка заставляла дѣвочку вздрагивать, тихо вздыхала.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, ком-

ната стала наполняться посѣтителями. Большинство ихъ составляли женщины, но были и мужчины. Въ числѣ приходившихъ находились можетъ быть и такіе, которыми руководило чувство состраданія; но большую часть влекло сюда особое чувство, страннымъ образомъ смѣшанное изъ сострадательнаго ужаса и гонима.

Апатически смотрѣла Мириамъ на эту постоянно входившую и выходившую толпу. Только разъ поднялась она съ своего мѣста и дико крикнула: „Ступайте! Ступайте! Тутъ вамъ не на что еще смотрѣть! Дитя еще не умираетъ!“ И посѣтители начали безмолвно выбираться изъ комнаты...

Послѣ обѣда передъ кладбищенскою сторожкой остановился экипажъ. То была бричка старшини, и въ ней сидѣла очень дряхлая старуха. Ее осторожно высадили, и такъ какъ она не могла ходить безъ посторонней помощи, то понесли въ комнату на рукахъ. Это пріѣхала Хая Гринъ, вдова одного изъ прежнихъ старшинъ общины и мать теperшняго. Всѣ въ городѣ звали ее „бабелъ“ (бабушка), и такъ велики были ужъ, благочестіе и благотворительность этой женщины, что каждый относился къ ней съ глубочайшимъ уваженіемъ. Мириамъ нѣкогда служила горничной въ ея домѣ, и старуха очень полюбила ее; вотъ почему она и пріѣхала теперь лично, вопреки противодѣйствию ея домашнихъ.

Бабушку внесли въ комнату и посадили на стулъ. Вдова сперва посмотрѣла съ прежнею апатичностью, но черезъ минуту взгляды ея оживились.

— Бабелъ! — крикнула она и упала къ ногамъ старухи; — бабелъ!.. Богъ наградитъ васъ...

Она не договорила; рыдающа заглушила голосъ, теперь она снова могла плакать. Тихо провела старуха дрожащею рукою по лицу несчастной матери и сказала:

— Не говори ничего... Я знаю о твоёмъ горѣ, они живъ все сказали. Не говори ничего! Выслушай меня, выслушай спокойно...

Но тут и она сама не могла удержаться от слезъ, и онѣ обильно текли по ея блѣдному, почтенному лицу въ то время какъ она продолжала:

— Я право не знаю... и ничего больше какъ старуха, ноги мои уже отказываются служить мнѣ... голова тоже очень ослабѣла... но мнѣ кажется, что будетъ большой грѣхъ, если мы дадимъ твоему ребенку умереть... Да, большой грѣхъ! И потому-то я думаю такъ, что это не можетъ быть воля божья, и не можетъ быть воля великаго раввина Садогорскаго, потому что онъ освѣненъ божьимъ духомъ...

Старуха на минуту замолчала и качнула головой, какъ будто хотѣла страхнуть мысль, которая тайно пробралась въ ея мозгъ. Потомъ она снова заговорила:

— Да... конечно... онъ совершилъ много чудесъ... Божій духъ говоритъ въ немъ. И такъ какъ онъ произнесъ слово на счетъ тебя и твоего ребенка, то мы должны держаться этого слова... Слышишь, *должны*—хотимъ или не хотимъ мы этого... Потому что усумниться въ одномъ значить начать сомнѣваться во всемъ... Вотъ отчего тоже нашъ раввинъ не заслужилъ тѣхъ жесткихъ словъ, которыми ты вчера сказала ему...

— О бабелъ, еслибъ вы знали!..

— Не говори!—крикнула старуха,—крикнула такъ, какъ будто каждое слово вдовы наносило ей ударъ прямо въ сердце,—не говори, не оправдывайся, тебѣ нѣтъ надобности оправдываться! Господи, да кто же рѣшится тебя обвинять,—вѣдь это твое дитя! Боже мой и вѣдь тоже мать!.. Но слушай. То, что раввинъ сказалъ, можетъ взять назадъ только онъ... понимаешь?.. Я долго ломала мою бѣдную голову и не нашла никакого другаго исхода... Поѣзжай въ Садогору и вымоли себѣ тамъ жизнь твоей дочери!

— Оставить мою дочь, когда она такъ больна? воскликнула Миріамъ.

— Я позабочусь о ней, успокоила старуха, а жена могильщика прибавила:—Я буду ухаживать за нею какъ за своимъ собственнымъ ребенкомъ.

— И неужели иначе нельзя? сказала несчастная мать.

— Иначе нельзя,—твердо отвѣчала Хая, но тутъ же прибавила тихо и нерѣшительнымъ тономъ:—По крайней мѣрѣ, такъ всемъ кажется. Ахъ, только Господу извѣстно истинная правда!.. Миріамъ, Миріамъ, еслибъ ты знала, какъ много я думала о тебѣ и твоей дочери, какъ много я выстрадала изъ-за васъ! Восемьдесятъ лѣтъ прожила я на свѣтѣ и до этого времени ни на минуту не усумнилась въ Богѣ или словахъ Его мудрецовъ. И вотъ *теперь* въ первый разъ зашевелился во мнѣ вопросъ: справедливо-ли это?

Но тутъ старуха снова величественно подняла голову и сказала твердо, почти повелительно:

— Миріамъ, ты *должна* ѣхать въ Садогору. Завтра на разсвѣтѣ извоицкъ Симонъ отправляется съ двумя женщинами въ Черновицы. Онъ высадитъ тебя въ Садогору. Я заплачу за твое мѣсто въ экипажѣ, а вотъ тебѣ и деньги на ѣду и обратный путь. Черезъ три дня ты можешь уже быть дома, и я увѣрена, что найдешь свое дитя выздоравливающимъ. Ну, что же Миріамъ, ты согласна? Тутъ дѣло идетъ о спокойствіи всей общины,—по положимъ, тебя это несколько не интересуетъ,—дѣло идетъ однако и о спасеніи твоей дочери... Согласна ты, Миріамъ?

Въ бѣдной женщинѣ происходила страшная борьба. Но утѣшитель хватается и за остріе меча, чтобъ удержаться на водѣ; точно также и Миріамъ рѣшилась молить о пощадѣ того самаго человѣка, котораго она проклинала.

— Я поѣду! сказала она наконецъ. И слова эти прозвучали какъ скорбный вопль.

И она побжала.

На слѣдующее утро извозчикъ Симонъ вывезъ ее и еще двухъ женщинъ изъ города и направилъ по столбовой дорогѣ, ведущей въ Буковину. Какъ Миріамъ простилась со своимъ ребенкомъ, что происходило въ эту минуту у нея въ душѣ — этого мы не станемъ описывать здѣсь; и безъ того въ нашемъ разсказѣ довольно разрывающаго сердце.

Солнце взошло. То было холодное, матовое сентябрьское солнце, сурово смотрѣвшее сверху на пустую плоскую равнину и на жалкую телегу, съ трудомъ тащившуюся по глубокой грязи дороги. Но вотъ ступились тучи, надъ печальною, бурю землею нависъ печальный сѣрый покровъ исполненныхъ разгнѣвъ, и сталъ онъ опускаться все ниже и ниже, и наконецъ пошелъ дождь. Вало и слабо, точно болѣзненный вздохъ, но не прекращаясь ни на минуту, проносился по равнинѣ осенній вѣтеръ. Только по временамъ онъ немного усиливался и билъ въ полотно, обтягивавшее покрывку телеги.

Медленно ползли лошади по широкой, открытой дорогѣ, мимо обгаженныхъ деревьевъ, укутанныхъ въ осенній туманъ прудовъ, жалкихъ деревень, которыя казались вдвое плачевнѣе при этомъ плачевномъ освѣщеніи. Мѣстами грязь была такъ глубока, что колеса совершенно вязли. Тогда Симонъ и три женщины слѣзали и общими силами снова цукали свой экипажъ въ ходъ. Миріамъ была конечно слабѣе всѣхъ своихъ спутниковъ, но она работала въ этихъ случаяхъ усиленнѣе всѣхъ. Только въ эти минуты видно было, что она еще не потеряла сознанья. Все остальное время несчастная лежала съ закрытыми глазами какъ во снѣ и охваченная лихорадочною дрожью...

О, какъ она страдала! Глаза ея были закрыты, но явственно, страшно явственно и мучительно проходили передъ ними потрясающія картины. Она видѣла постель своей дочери, видѣла какъ

бѣдная малютка простирала къ ней свои ручки... Но вотъ къ изголовью ребенка склонилась какая то фигура... Это жена мильчицка... Нѣтъ, нѣтъ, это прозрачное существо въ бѣлой, развѣвающейся одеждѣ, съ беззвоннымъ, безконечно строгимъ лицомъ, — это ангелъ смерти!...

И потомъ казалось ей, что она стоитъ передъ великимъ равниномъ Садогоры, передъ этимъ мрачнымъ, крутымъ человѣкомъ и умоляетъ его, о, умоляетъ такъ, какъ можетъ молить только мать за свое дитя, но онъ прогоняетъ ее жесткими словами, а она возвращается домой и находитъ дочь уже въ могилѣ!.. а черезъ минуту представлялось ей, что равнинъ благосклонно выслушавъ ея мольбу, и сказалъ: „Я позволяю твоему ребенку жить!“ — и она вернулась, но все таки застала дочь, мертвою, мертвою...

О, какъ она страдала!.. валый осенній вѣтеръ по прежнему безпрерывно бродилъ взадъ и впередъ по пустыни степи. Но дѣйствительно ли это только вѣтеръ издавалъ эти жалкіе звуки, Вѣла минута, когда Миріамъ послышалась въ нихъ голосъ ея дитяти, кричавшій: „Мама!... Мама!...“ Да, то былъ голосъ Леи, а мать оставила ее одну, въ предсмертныхъ страданіяхъ, на рукахъ чужихъ людей! „Мама!... Мама!...“ — „Слышите?“ дико крикнула несчастная и схватила за руку сидѣвшую рядомъ съ нею женщину...

Часу во второмъ дня телега остановилась передъ большою, одинокой корчмой на дорогѣ между Глухой и Залещикъ. Тутъ кучеръ собирался накормить лошадей. У воротъ стояла изящная, но доверху забрызганная грязью коляска, въ которую какъ разъ въ эту минуту снова выгнали отдохнувшихъ красивыхъ коней.

— Миріамъ, мы пробудемъ здѣсь часа два, сказалъ извозчикъ. А женщины сострадательно прибавили: — Выходите Миріамъ;

вамъ надо непременно съѣсть теплаго супу, иначе вы серьезно заболѣте.

— Она повиновалась и вошла съ остальными въ комнату. „Я не имѣю права быть больною“ сказала бѣдная женщина волну самой себя.

Большая комната съ сѣрыми отсырѣвшими стѣнами и грязнымъ, скользкимъ глинянымъ поломъ, была пуста. Только у одного столика около окна сидѣла молодая, красивая парочка въ изычномъ дорожномъ платьѣ, — блочурый мужчина лѣтъ тридцати съ кроткими, но энергическими чертами, и красавица-женщина съ темными волосами и сверкающими на свѣжѣмъ, умномъ личикѣ глазами. То были очевидно повобращные, судя по взглядамъ, которыми они обмѣнивались между собою, и по нѣжной шаловливости обоихъ во все время обѣда, — обѣда очень скуднаго, состоявшаго только изъ хлѣба и яицъ. Знатные путешественники конечно отказались отъ сквернаго стола корчмы на большой дорогѣ.

— Три женщины помѣстились въ уголкѣ.

— Это главный лѣсничій нашей графини — шепнула одна изъ нихъ своей соседкѣ; — онъ только что женился въ Черновицахъ и теперь ѣдетъ назадъ въ Барновъ.

— Въ Барновъ? быстро повторила Мириамъ. Но тутъ же тяжело опустила на стулъ, — вѣдь ей путь лежалъ въ Садогоръ!

Путешественницы заказали себя супъ, и Мириамъ тоже проглотила нѣсколько ложекъ. Но черезъ секунду оттолкнула отъ себя тарелку. Тутъ въ комнату вошелъ извозчикъ Симонъ; она быстро подошла къ нему и спросила:

— Скажите пожалуйста, мы долго простоямъ здѣсь?

— Да, — отвѣчалъ онъ, — часомъ до четырехъ; надо же лошадамъ поѣсть.

— Такъ долго? — простонала Мириамъ. — Какъ далеко отъ хлѣба мы отъ Барнова?

— Три мили, — дорога видите кака скверная.

— Три мили! — съ испугомъ воскликнула она. — Когда же стало быть мы будемъ въ Садогоръ?

— Послѣ завтра въ обѣденное время.

— Послѣ завтра!... Значить, я не вернусь раньше какъ черезъ шесть дней! А тутъ еще будетъ суббота! Стало быть семь дней, дѣлая недѣля!... О Господи, Господи!...

Она снова усѣлась въ своемъ углу и закрыла лице руками. Но напрасно прижимала бѣдная пальцы къ глазамъ, стараясь ничего не видѣть: страшные образы, терзавшіе ее на дорогѣ, теперь снова стали проходить передъ нею. И снова зазвучать въ ея ухахъ доносившійся издалека и проникавшій сквозь стѣны дома жалобный вопль: „Мама! Мама!“...

Молодая парочка слышала разговоръ Мириамъ съ извозчикомъ и подозвала къ себя Симона.

— Что съ этой женщиной? спросилъ лѣсничій.

Симонъ почтительно снялъ шляпу и доложилъ все, что зналъ. Когда онъ окончилъ разсказъ, мужъ и жена долго смотрѣли въ молчаніи другъ на друга.

— Это ужасно, Людмила! — сказала наконецъ лѣсничій; — такое севѣріе!...

— Это ужасно, Карлъ! повторила молодая женщина. Шаловливое выраженіе исчезло съ ея прѣтущаго лица, и она смотрѣла съ глубокимъ состраданіемъ на бѣдную Мириамъ.

А она продолжала сидѣть неподвижно, твердо прижавъ пальцы къ глазамъ. Лихорадочная дрожь пробѣжала по ея тѣлу, но душа ея ощущала болѣе сильный трепеть.

Лѣсничій заплатилъ по счету, а въ эту минуту вошелъ ихъ кучеръ съ докладомъ, что лошади заложены. Молодые встали и надѣли верхнее платье. Но они не рѣшились выходить и какъ то переминались на мѣстѣ.

— Карль! начала запиналась жена.

— Что, Людмила?...

— Карль... Это бѣдная, бѣдная женщина...

— Да, Людмила, такое страшное несчастье...

И они снова остановились въ нерѣшительности. Миріамъ отняла руки отъ лица. Медленно, точно проснувшись, провела она ими по лицу. Потомъ, въ ту самую минуту, когда молодые путешественники собирались выходить, она быстро встала, направилась къ нимъ и остановилась передъ женой лѣсничаго.

Безпредѣльная молиба свѣтилась въ ея глазахъ, руки были сложены какъ на молитву, но губы не могли произнести ни слова...

Глаза молодой красавицы наполнились слезами, увидѣвъ это блѣдное какъ смерть, омраченное глубочайшею скорбью лице.

— Не могу ли я помочь вамъ? спросила она.

— Въ Барновъ! — Чуть слышно проговорила Миріамъ — возьмите въ Барновъ!

— Охотно, — отвѣчала молодая женщина, — мы съ удовольствіемъ доведемъ васъ. Правда, Карль?

— О, конечно! отвѣчалъ онъ.

— А равнину? — вскричали спутницы Миріамъ; — вы не поѣдете къ равнину?

— Что скажете община? съ укоромъ замѣтилъ Симонъ.

Миріамъ энергически подняла голову.

— Пусть говорятъ, что хотятъ! — воскликнула она, — это мое дитя! Я должна вернуться къ моему дитяти!

Но тутъ силы снова оставили ее, и лѣсничему, съ помощью его кучера, пришлось почти на рукахъ нести ее въ коляску. Они усадили бѣдную женщину въ глубинѣ рядомъ съ молодой красавицей, а мужъ помѣстился на переди. Несчастная Миріамъ даже не замѣтила этой любезности и не поблагодарила. Только когда лѣ-

ничій крикнулъ кучеру: „Ступай какъ только можно скорѣй!“ она посмотрѣла на него съ нѣмой и смиренной признательностью.

И вотъ сидитъ она въ экипажѣ вмѣстѣ съ чужими господами и только по временамъ нетерпѣливо приподымается, какъ будто находя, что они ѣдутъ слишкомъ медленно.

А между тѣмъ лошади скакали во всю прыть, и было еще довольно свѣтло, когда экипажъ въѣзжалъ въ городокъ. Жители съ изумленіемъ останавливались на улицѣ при видѣ странной компаніи въ коляскѣ и указывали на нее другъ другу.

Молодая женщина покраснѣла. Но мужъ покачалъ головой и сказалъ: „Что вамъ за дѣло до нихъ?“... Въ сумерки они остановились передъ кладбищенскою сторожкой.

Миріамъ быстро выпрыгнула изъ экипажа.

— Богъ наградитъ васъ! едва могла произнести она.

— Имѣете вы доктора? спросилъ лѣсничій.

— Нѣтъ. Городовой докторъ ѣзжалъ....

— Такъ я вамъ пришлю графскаго изъ замка! крикнулъ онъ ей въ слѣдъ.

Но она уже не слышала этихъ словъ. Въ эту минуту она была уже въ комнатѣ.

Большая дѣвочка лежала одна. Ночникъ бросалъ слабый свѣтъ на ея сильно покраснѣвшее, покрытое обильнымъ потомъ личико. Она была однако прикрыта только самымъ тоненькимъ одѣяломъ.

Миріамъ быстро вытащила изъ сундука кое что изъ своего платья и бережно окутала ребенка.

— Потъ! съ восторгомъ подумала она, — это признакъ спасенія.

Черезъ минуту послѣ этого пришла жена могильщика. Она сильно изумилась, увидѣвъ Миріамъ, но не посмѣла сдѣлать ей ни малѣйшаго упрека.

— Дѣвочки было слишкомъ жарко, — только замѣтила она, — оттого я и сняла съ нея все.

— Этого не слѣдовало дѣлать, — сказала Мириамъ, — ночь нельзя оставивать.

Съ этими словами она присѣла у постели. Теперь ей казалось что все пойдет хорошо.

Часъ спутя передъ сторожкой остановился экипажъ. Въ комнату вошелъ незнакомый человѣкъ; это былъ графскій докторъ.

Онъ осмотрѣлъ ребенка, пощупалъ пульсъ и снова тщательно укрывъ; затѣмъ спросилъ обѣихъ женщинъ о причинахъ и всѣхъ признакахъ болѣзни.

— Опасность была очень велика, — замѣтилъ онъ, когда онѣ кончили, — теперь она миновалась. Большое счастье, что вы поняли какъ спасителенъ этотъ потъ, и укутали больную.

Глаза Мириамъ засверкали.

— А еслибы это не было сдѣлано? спросила она.

Докторъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Какой странный тонъ!... проговорилъ онъ.

— Отвѣчайте! — крикнула Мириамъ, — умоляю васъ, отвѣчайте, г. докторъ.

— Ну, еслибы это не было сдѣлано, — отвѣчалъ онъ съ увѣренностью, — дитя непременно бы умерло.

— Господи! благодарю Тебя! воскликнула мать и съ гордымъ радостнымъ выраженіемъ въ глазахъ продолжала, обратясь къ своей сосѣдкѣ: — Что же, вы станете по прежнему утверждать, что я проклята Богомъ, когда Онъ только что совершилъ на мнѣ такое великое чудо? Развѣ не чудо въ самомъ дѣлѣ, что добрые господа пріѣхали въ корчму какъ разъ въ эту минуту? Вѣдь иначе моего ребенка не было бы въ живыхъ?

Дѣвочка выздоровѣла.

А барновцы?

О, знай они, что здѣсь все сдѣлала только любовь, материнская любовь, вступившая въ борьбу съ ненавистью и обнаружив-

шая свою цѣлительную силу, ни одинъ изъ нихъ не пересталъ бы враждебно относиться къ бѣдной вдовѣ и ея ребенку. Но вѣдь тутъ очевидно совершилось одно изъ „божскихъ чудесъ!“ И такое чудо, которое совершилъ самъ Богъ и которое могущественнѣе всякихъ изреченій — даже чудодѣя раввина!....

К. Э. Французъ.

КАРЛЬ ЭМИЛЬ ФРАНЦОЗЪ.

Карль Эмиль *Французъ*, которому принадлежатъ помѣщенные выше два разсказа: „Безъ надписи“ и „Дитя искупленія“ есть еще очень молодой, но уже успѣвшій приобрести извѣстность этнографъ-беллетристъ, специальность котораго составляютъ культурные очерки изъ южнославянскихъ земель. Въ 1876 году онъ выпустилъ въ свѣтъ первое свое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изъ полу-Азіи“ (Aus Halb-Asien), въ двухъ томахъ, посвященныхъ культурнымъ очеркамъ Галиціи, Буковины, Южной Россіи и Румыніи. Уже въ этомъ сочиненіи есть нѣсколько вещей, взятыхъ изъ еврейской жизни означенныхъ мѣстностей. Таковы очерки: „Еврейскіе Поляки“, „Шиллеръ въ Варновѣ“, „Еврейскій народный судъ“, „Черный Абрамъ“, „Только изъ за яйца“ и др. Но за тѣмъ, подъ общимъ названіемъ: „Евреи въ Варновѣ“, вышла цѣлая книжка, посвященная очеркамъ изъ жизни польскихъ и подольскихъ евреевъ, изъ которой мы и замѣтывали упомянутые выше разсказы.

Въ послѣдніе годы въ иностранныхъ литературахъ, чаще чѣмъ когда либо прежде, стали появляться беллетристическія произведенія съ болѣе или менѣе еврейскимъ содержаніемъ. Особенно богата таковыми германская литература. Въ Англіи также появилось одно весьма крупное и надѣлавшее много шуму замѣчательное произведеніе из-

вѣстной писательницы Джоржа Эллиота „Даниэль Деронда“ въ которомъ героемъ является еврей и главный идея романа — это возрожденіе еврейской національности*.

Но изъ всѣхъ произведеній иностранной беллетристики мы выбрали для нашего изданія очерки Францоza потому, что они не только ближе подходятъ къ жизни нашихъ русскихъ евреевъ, но даже по большей части составляютъ цѣликомъ выхваченную картину этой жизни. Измѣните въ очеркахъ Францоza географическіе имена, и они, очерки эти, точно также могутъ быть названы вѣрными картинами еврейскаго быта Литвы и Польши, какъ и Буковины и Галиціи.

Когда мы читали очерки Францоza, то намъ казалось, что выводимыя имъ лица—это все люди намъ знакомые, люди которыхъ мы могли бы называть по имени, до того они типичны, до до того они вѣрно подходятъ къ нашей дѣйствительности. Всѣхъ этихъ купцовъ и раввиновъ, всѣхъ этихъ докторовъ-автодидактовъ и философовъ-самоучекъ, всѣхъ этихъ мужицъ и женщинъ, всѣ эти свадьбы и похороны, всѣ эти праздники и трауры, всѣ эти собранія и разсужденія—вы словно вчера еще видѣли и слышали ихъ въ Кіевской или Ковенской губерніи. Ступайте въ Юсуповъ садъ и взгляните хорошенько въ какого нибудь длинноногого еврея—и уже вы непременно въ немъ узнаете какое нибудь лице въ очеркахъ Францоza.

Но кромѣ типичности и мастерской рисовки, которымъ отличаются очерки Францоza, они имѣютъ еще неоцѣненное достоинство: это то глубокое неподдѣльное чувство, которымъ они проникнуты. Французъ рисуетъ еврейскій бытъ такъ какъ онъ есть; онъ не скрываетъ его язвъ; онъ раскрываетъ предъ вами суевѣріе и фанатизмъ, ханжество и другія непривлекательныя стороны восточнаго еврейства, но какъ онъ это дѣлаетъ — въ этомъ вся сила. Это

* Мы впоследствии можемъ быть остановимся болѣе подробно на этомъ романѣ.

не врагъ, издѣвающийся надъ вашими недостатками, это не злорадство, которое откапываетъ малѣйшій поводъ и всякій вздоръ, чтобы выставить васъ извергомъ;—это любящій другъ, страдающій вмѣстѣ съ вами и стремящійся разсѣять тотъ мракъ, который васъ окружаетъ, и разорвать тѣ оковы, которыя держатъ васъ въ своихъ тискахъ. Кроме того, выставляя непривлекательныя стороны еврейскаго быта тѣхъ странъ, которыя Французъ называетъ „Полу-Азіей“, онъ въ тоже время умѣетъ тутъ же указывать и на причины, вызвавшія эти темныя стороны. „Всякая страна — говоритъ Французъ въ предисловіи къ своей книгѣ „Евреи въ Барновѣ“—имѣетъ тѣхъ евреевъ, которыхъ она заслуживаетъ, и эта не вина польскихъ евреевъ, если они стоятъ на другой культурной ступени, чѣмъ ихъ единовѣрцы въ Англии, Германіи и Франціи. Во всякомъ случаѣ это вина не ихъ однихъ“.

Не смотря однако на эти крупныя достоинства очерковъ Франца, послѣдній не избѣгнулъ сильныхъ нападокъ какъ со стороны юдофобовъ, такъ и со стороны самихъ евреевъ. Одни бранили его за то, что онъ „защищаетъ и возбуждаетъ еврейскую гадюку“, а вторые увидѣли въ немъ врага евреевъ. Нельзя было бы защищать произведенія Францова противъ подобныхъ нападокъ. Если въ одномъ и томъ же произведеніи одни видятъ ярую защиту, а другіе пaskвиль, то понятно, что ни тѣ ни другіе сами не знаютъ чего хотятъ. „Я представляю польскихъ евреевъ — говоритъ Французъ—не лучше и не хуже, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ, а именно точно такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Не для осмѣянія и не для возвеличенія восточнаго еврейства писаны эти рассказы, а они имѣютъ въ виду—конечно между прочимъ—указать на мракъ и помогать разсѣвовать его, на сколько хватитъ силъ“.

Таковы истинное значеніе и смыслъ очерковъ Францова, въ чьемъ читатели сами убѣдятся изъ помѣщенныхъ выше двухъ рассказовъ.

А. Л.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА.

(Письмо изъ Северо-Западнаго края).

Тишь и гладь. — Виблейская идиллія. — Соломенная атмосфера. — Прежде и нынѣ. — Предполагаемыя причины затпня. — Картина не веселая, но вѣрная. — Нѣчто о религиозномъ чувствіи евреевъ. — Причина ослабленія общественной инициативы среди евреевъ. — Интелекты. — Учрежденіе „маленькихъ мальчиковъ“. — Наме разочарованіе по поводу этого учрежденія. — Новый спеціально еврейскій налогъ. — Защита еврейскихъ становыхъ и шакость этой защиты. — Счастливая мысль одного благотворительнаго комитета. — Фотографическая картинка одного „маленькаго мальчика“. — Замѣчательныя индифферентныя ильготнаго общества. — Долголѣтній фарсъ. — Слово фарсерамъ.

Если тишь и гладь есть несомнѣнный признакъ божьей благодати, то мы, еврейскія общины Северо-Западнаго края, уже давно не сподобились такой благодати, какъ въ послѣднее время, потому что царствующія у насъ теперь тишь и гладь могутъ считаться образцовыми. Тишь—какъ въ Аравійской пустынѣ, гладь—какъ на хорошо содержимомъ каткѣ. Надъ нами какъ будто оправдываются слова пророка: „И жить будетъ волкъ съ овцой, и леопардъ возлѣ козы ляжетъ, теленокъ и левенокъ и бычекъ будутъ вмѣстѣ... И корова, и медвѣдь будутъ пастись, вмѣстѣ лежать будутъ ихъ дѣтенныи, а левъ, какъ свотъ, будетъ ѣсть солому“. Что можетъ быть идилличіе этой трогательной картины мира, тишины и незлобности? Ну вотъ эту идиллію наслаждаемся мы уже цѣлымъ десятокъ лѣтъ въ вѣдрахъ нашихъ богоспасемыхъ общинъ на всемъ пространствѣ нашего обширнаго края и, надо полагать, будемъ наслаждаться ею еще долго. Мало того, въ этой идилліи съ трудомъ распознаешь теперь, кто волкъ и кто овца,

8

кто лев и кто теленок: все так смѣшалось и переиѣшалось, что мы изображаем теперь собою одно сплошное стадо, добродѣтельно жуящее и пережевывающее солому. Да, солому, и только солому: это теперь наша единственная духовная и нравственная пища,—вот что иногда застривает челоуѣка на эгегической тонѣ, при всей его сивнатии къ идиллии. Конечно, мы против соломы вообще, какъ продукта, ничега не ѣдимъ: это даже очень полезный продукт. Изъ соломы, напримѣръ, въ особенностии-же итальянской, можно приготовить шляпу, которую можно надѣть на голову, если таковая ѣдется, или подразумевается, но ѣмъ солому не только на головѣ, но и въ головѣ, въ груди, въ мысляхъ, чувствахъ и убѣжденіяхъ—это, воли ваша, уже слишкомъ, нахвистъ навозомъ и распозагаетъ къ иппохондрии, а по временамъ даже и къ мизантропии. А иначе характеризовать нынѣшнее настроеніе, направленіе, стремленіе и чашки нашихъ общинъ мы не можемъ. Солома—и все тутъ. Солома сверху и до низу, въ длину и въ ширину, такъ что челоуѣкъ, еще не совсѣмъ оставившійся подъ вліяніемъ вышеупомянутой мирной идиллии, можетъ буквально задохнуться въ этой навозо-соломенной атмосферѣ.

Вотъ почему невольно присоединяемся къ тѣмъ немногимъ скептикамъ, не приставшимъ къ стаду, которые находятъ, что прежде, въ до-соломенное время, было лучше. Тогда, правда, не было идиллии, но была жизнь съ обязательною для нея борьбою элементовъ, безъ которой органическое бытіе невозможно, не мыслимо. Тогда каждый мыслящій челоуѣкъ знаетъ, кто онъ, что онъ, къ какой партіи принадлежитъ, какому знамени служить, какой лозунгъ осуществлять. Благодаря этому сознанию, онъ жилъ двойнѣ: для себя, какъ отдѣльный индивидъ, и для общества, какъ членъ этого общества, партіи или котерии, съ известнымъ пѣвотомъ, направлениемъ и стремлениемъ къ намѣченной себѣ цѣли. Онъ знаетъ, что онъ: консерваторъ или прогрессистъ, умѣренный либералъ или крайній радикалъ, т. е. требовалъ отъ жизни больше одного хлѣба насущнаго и былъ убѣжденъ, что и жизнь требуетъ отъ него больше одной физиологической переработки этого насущнаго хлѣба, а потому былъ дѣятельнѣе и старался быть дѣльнѣе, дабы обезпечить торжество за своюю партію, за исповѣдуемые ею принципами. Тогда въ обществахъ преобладала благотворная центростремительная сила, каждый призывалъ къ какой нибудь определенной группѣ, внѣ которой онъ чувствовалъ себя одинокимъ, слабымъ, оторваннымъ локтемъ. Тогда что нибудъ дѣлалось въ каждой отдѣльной

группѣ и изъ сложения дѣяностей группъ, по одиночкѣ, получался коллективный итогъ грандіозной общественной дѣятельности, съ осязательными результатами для настоящаго и будущаго. Давались генеральныя сраженія, ломались копья и щиты, развѣвались значки и знамена, въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ вѣсковъ побѣдителей и проклятій побѣжденных, словомъ, была борьба, была жизнь, дѣлалась исторія. А теперь... теперь тишь и гладь, вѣтъ побѣдителей и вѣтъ побѣжденных, враждебные лагери подали себѣ другъ другу руины—ва гнилой миръ, для мирнаго прозябанія на гниломъ болотѣ. Консерваторъ и прогрессистъ, либералъ и радикалъ сложили съ себя свои бранные доспѣхи и валились культивировать—рѣпу, назидки на своей грядкѣ, въ одиночку, даже вдвое отъ всѣхъ,—и когда Богъ благословитъ ихъ труды, то мы получимъ много рѣпы, столько рѣпы, что и со свиньями намъ возможно будетъ подѣлиться ею. Другихъ результатовъ нашего нынѣшняго мирнаго прозябанія не предвидится.

Если вы спросите откуда взялась эта тишь, гладь и замирненіе въ то время, когда борьба, какъ извѣстно, еще далеко не была доведена до конца, когда на очереди еще стояло много, очень много вопросовъ, настоятельно требовавшихъ разрѣшенія? На это мы можемъ сказать, что положительнаго отвѣта странно теперь и требовать: дѣло еще такъ свѣжо и неопредѣленно, что говорить о немъ можно только гадательно. Одни напримѣръ, объясняютъ нынѣшній застой въ свреискихъ обществахъ нашего края пресѣивающею въ немъ русификацію, предъ которой должно насовать все инородчески-племенное, индивидуальное, на которое нельзя, съ известной точки зрѣнія, не смотрѣть какъ на вѣчто противоположное государственной задачѣ, которую задалось правительству относительно нашего края. И хотя о ярмомъ, систематическомъ давленіи этого инородчески-племеннаго, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ намъ, свреямъ, грѣшно и говорить, такъ какъ этого давленія не существуетъ ни de-jure, ни de facto, однакожь *косвенно* это давленіе все таки чувствуется по самой силѣ вещей. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ государственное не можетъ не бросать болѣе или менѣе густого рефлекса на всѣ предметы, лежащіе въ районѣ его окружности.—Другіе хотягъ видѣть главную причину—въ прогрессирующей дороговизнѣ, дѣлающей удовлетвореніе материальныхъ потребностей съ каждымъ годомъ затруднительнѣе, а потому духовныя интересы, какъ роскошь, безъ которой легче обойтись, чѣмъ безъ хлѣба насущнаго, должны по необходимости отойти на второй и даже

последний планъ, что очень грустно, но противъ чего ничего не подѣлать. — Третье сваливаютъ всю вину на всесоюзную воинскую повинность, вследствие которой все, изъ-за чего еврейские прогрессисты боролись съ своими единофранными антагонистами, получили свое практическое разрѣшеніе въ аттестаціи зрѣлости или другомъ училищномъ свидѣтельствѣ, дающемъ право на известныя льготы по отбыванію натуральнѣйшей изъ государственныхъ повинностей. Противъ пріобрѣтенія образовательнаго ценза, дающаго известныя и нешуточныя права, ничего теперь не имѣютъ даже самыя крайніе изъ еврейскихъ консерваторовъ, которые неукоснительно посылаютъ своихъ дѣтей въ школу и, не жалѣя расходовъ, готовы провести ихъ чрезъ среднія, высшія и даже высочайшія учебныя заведенія, еслибы послѣднія существовали. Стало быть, споры и препирательства о пользѣ европейскаго образованія, просвѣщенія и т. п., которыми до сихъ поръ главнѣе и поддерживалась „борьба партій“ среди евреевъ, потеряли теперь всякій смыслъ, такъ-какъ „польза“ образованія для всѣхъ теперь очевидна и никѣмъ не оспаривается; а потому «борьба», за упраздненіемъ casus belli, прекратилась сама собою естественнѣйшимъ образомъ, и волку нѣтъ теперь ни малѣйшей причины враждовать съ овцою или съ козломъ. Почему-же имъ не жить теперь въ согласіи и не дѣлать мирно своей соломленной трапезы?—И, наконецъ, четвертые объясняютъ все это дѣло гораздо проще, а именно, духомъ времени, вѣяніемъ вѣка, возведшаго матеріальное благосостояніе, въ самою тѣсную смыслъ этого понятія,—въ непреложнѣйшій принципъ, разумнѣйшій культъ, достойнѣйшій человѣка идеаль, предъ которымъ должно блѣднѣть и ступеньваться все, что не пахнетъ чистоганомъ, орудіемъ мѣны. Стало быть, обдѣлывая свои дѣлшки, кто во что гораздъ, держась лозунга: «всякъ за себя» и отчурываясь отъ всего, что не касается насъ лично, мы только и дѣлаемъ, что идемъ за вѣкомъ, не отстаемъ отъ современнаго намъ просвѣщеннаго общества, что съ нашей стороны не только благоразумно, но и похвально...

Не будемъ входить въ разборъ, какое изъ приведенныхъ объясненій констатируемаго нами явленія основательнѣе или правдоподобнѣе — фактъ тотъ, что въ средѣ миллионнаго еврейскаго населенія нашего края съ нѣкотораго времени замѣчается такой духовный и нравственный застой, такое феноменальное затѣнье во всемъ, что не задѣваетъ личныхъ интересовъ каждаго въ отдѣльности, что можно было-бы ужаснуться, придти въ отчаяніе, если-бы мы не знали, что все на свѣтѣ—преходяще.

А ужаснуться есть отчего, потому что картина—куда какая не веселая. Наша хваленая солидарность, которая столько вѣковъ служила намъ нападѣюмъ отъ внѣшнихъ напастей, внутреннихъ извѣт и нравственнаго падленія, наша хваленая солидарность, которая многихъ злила, по которой многие завидовали, — рухнула окончательно, не принося этимъ пользы даже тѣмъ, которые, по близорукости своей, считали долгомъ нападать на нее, какъ въ начало, по ихъ мнѣнію, противно-общественное или противно-государственное, хотя оно далѣе истиннѣе самосохраненія и соблюденія нравственной чистотности никогда не шла. Мы дѣйствуемъ теперь въ разсыпную, каждый на свой собственный рискъ и страхъ. Лучшее это для общества или государства — мы не знаемъ, хотя уже есть признаки, что не совсѣкъ-то лучше... Принципъ: «всякъ за себя» практикуется нами весьма прилежно и довольно усильно, и нѣтъ сомнѣнія, что мы возведемъ этотъ принципъ въ нѣрль созданія, такъ что уже не будетъ ни малѣйшаго повода заподозрить насъ въ солидарности, „капальной замкнутости“. Во всѣхъ нашихъ помыслахъ и чувствахъ — жажда легкой, быстрой и грандіозной наживы, жажда миллиономъ, такая жажда, которая на врьдъ-ли можетъ быть утолена и миллиономъ.—Оторвавшись отъ нашей народной, исторической почвы, въ которой, какъ во всякой почвѣ, было и хорошее и дурное, мы кружимся въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, въ которомъ мы не знаемъ, какъ ориентироваться, гдѣ найти точку опоры, а потому мы ко всему хорошему пристаемъ всего рѣже, а во всему дурному—всего чаще. Въ перспективѣ-же имѣется, что въ концѣ концовъ мы очутимся между небомъ и землею, или, говоря прозаичнѣе, между двухъ стульевъ, очутимся съ зияющими пастинами, съ ненасытными желудками, со всепожирающими зубами, всѣми ненавидимые, всѣми проклинаемые и отталкиваемые, даже своими-же братьями, не замученными, такъ какъ у насъ, надо полагать, не останется ничего святаго, дорогаго, завѣтнаго, ибо—что можетъ быть святаго, завѣтнаго у разнузданной массы, спустившейся со всѣхъ ногъ въ погоню за золотымъ тельцомъ и видящей въ поимкѣ и стрижкѣ этого тельца самый высшій идеаль человѣческаго благополучія? Другихъ идеаловъ у насъ теперь нѣтъ: мы ихъ упразднили и сдали въ архивъ, какъ нѣчто устарѣлое и не пригодное для текущей жизни съ ея ультра-реальными задачами.

Замѣчательно, что даже религіозное чувство, не смотря на то, что евреи суть, повидимому, народъ религіозный, ни въ комъ такъ не шатно и условно, какъ именно въ еврей, по крайней мѣрѣ, нашего „про-

свѣщеннаго* времени. Религіозное чувство въ немъ обратно пропорціонально степени его матеріальнаго благосостоянія: чѣмъ онъ бѣднѣе, тѣмъ онъ религіознѣе, и чѣмъ онъ матеріально обезпеченнѣе, тѣмъ онъ независимѣе отъ традиціонныхъ вѣрованій, если только публичное исповѣданіе послѣднихъ не входитъ въ расчетъ его коммерческихъ предпріятій. И доходить онъ до этой „просвѣщенной“ независимости со всѣмъ не путемъ разносторонняго умственнаго развитія, глубокихъ размысленій или мучительныхъ сомнѣній, а такъ, собственнымъ умомъ, практически. Вчера, въ качествѣ мелочнаго торговца или шинкаря, онъ раздѣлялъ со своими собратьями всѣ ихъ вѣрованія и даже предразсудки и, кажется, совершенно искренно, а сегодня, какъ только очутился въ капиталахъ, онъ уже стоитъ выше этихъ вѣрованій и предразсудковъ, изображая изъ себя какого-то самороднаго *esprit fort*, не преклоняющагося ни предъ кѣмъ, ни предъ чѣмъ, развѣ только предъ капиталистомъ по крупнѣ его. Но самородная „просвѣщенность“ — еще куда ни шло, бѣда только въ томъ, что этотъ просвѣщенный самородокъ, освободивъ себя отъ религіознаго, тѣмъ самымъ считаетъ себя освобожденнымъ и отъ филантропическаго чувства, ибо уже такъ искони заведено, что благотворительность идетъ обѣ руку съ вѣрою: нѣтъ вѣры въ Бога, — нѣтъ благотворенія и людямъ; самостоятельное же человѣколюбіе возможно только при глубокомъ умственномъ и нравственномъ развитіи, а этого развитія вы, конечно, не будете искать во вчерашнемъ темномъ торгашѣ. И действительно, вотъ уже сорокъ двадцать лѣтъ, какъ между русскими евреями появились и появляются очень крупныя капиталысты, — а что они сдѣлали и дѣлаютъ для своей меньшей братіи, положеніе которой ставится съ каждымъ годомъ хуже и отчаяннѣе? Почти ровню ничего. Есе, что существуетъ между евреями по части общественной благотворительности, есть наследіе отъ временъ давно минувшихъ, когда у евреевъ было мало денегъ, но много религіознаго чувства и искренняго человѣколюбія. Новаго не прибавилось ничего, да и старое влачить независимо существованіе, еле держится и готово рухнуть каждый день, за недостаткомъ сочувствія, поддержки и инициативы. Правда, богачи, для очистки совѣсти, какъ будто что-то даютъ, какъ будто что-то жертвуютъ; но что это за даяніе, что это за жертвы! Все это — вымолвленное, вылазанное, вынужденное, клендами вырванное. Доброй воли, любви нѣтъ тутъ ни на волосъ. А шуму, тиеславнаго — то шуму

сколько! Дастъ грошъ, а напугитъ или желаетъ, чтобы напугали, въ набатъ били на полтинникъ, а то и на весь цѣлковый.

Оскуднѣніе даяній и общественной инициативы въ еврейской средѣ, которая всегда славилась своею самою широкою благотворительностью и неутомимѣйшею общественною инициативою, имѣетъ, кромя выше приведенной, еще множество причинъ, изъ которыхъ приведемъ только еще одну, можетъ быть, самую главную. А именно: изъ всѣхъ крупныхъ еврейскихъ богачей, которыми изобилуютъ теперь нѣкоторые центральные пункты Россійской имперіи, едва одинъ процентъ имѣетъ нѣкоторое право претендовать на такъ называемую родовитость, знатность происхожденія: дваносто-же девять процентовъ суть прямые и достойные потомки бѣдныхъ лавочниковъ, шинкарей, мещинеровъ, извозчиковъ, факторовъ и цирюльниковъ, словомъ выскочки. Чего же требовать отъ выскочекъ? Про нихъ не скажемъ: „noblesse oblige“: это скоростипжное благородство ни въ чему ихъ не обязываетъ. Они это инстинктивно чувствуютъ и согласно этому поступаютъ. У этихъ выскочекъ все уже есть: и дворцы, и экипажи, и швейцары, и лакеи, и метрессы и даже блудные сынки, а они все таки до мозга костей — потомки своихъ предковъ, только въ дубочно-иллюстрированномъ изданіи; наследственности въ крови не вытравить ни акціями, ни облигациями, ни даже слитками золота. Нужды нѣтъ, что они шинкаряютъ, не останавливаясь ни предъ какими расходами, дѣлаютъ безумныя траты, кочагъ изъ себя баръ и чуть не вельможи: на дѣй души сидятъ у нихъ бѣдный шинкарь Янкель, дрожащій надъ каждою копейкою. Они будутъ кормить васъ трюфелями, пить шампанскимъ, дабы вы чувствовали и на всѣхъ перекресткахъ кричали, что они какъ есть бары, но изъ поджилки при этомъ все таки будутъ выбавать дробь, а ланиты — вытягиваться и блѣднѣть. Вы этого, можетъ быть, и не замѣтите, но это такъ, потому — Янкелевичи. Отъ Янкелевичей-же даже странно требовать душевной теплоты, ирокихъ взглядовъ на обязанности обласканныхъ судьбою, благотворительности не для шку только и общественной инициативы.

Ну, и не будемъ этого отъ нихъ требовать. „Свобода и избавленіе прійдетъ для Иудеевъ изъ другаго мѣста“...

И маленький мальчикъ будетъ водить ихъ*, т. е. членовъ вышеупомянутаго идиллическаго звѣрища. Этотъ стихъ мы какъ-то пропустили въ

вышприведенной библейской цитатѣ; теперь восстанавливаемъ его, тѣмъ болѣе, что и онъ осуществлялся чуть не буквально смѣслѣ. Во главѣ нашихъ обществъ поставлены и стоятъ „маленькіе мальчишки“, болѣе вѣстные подъ именемъ „молодыхъ“, „образованныхъ“, „казенныхъ“ раввиновъ.

Казенные раввины! Вы помните, сколько крови испорчено было, сколько чернилъ пролито было лучшими людьми нашего народа въ защиту этого учрежденія, на которое мы, молодое поколѣніе, возлагали столько розовыхъ надеждъ, и отъ котораго *они*, злоты, отбились и руками и ногами, какъ отъ злой напасти? Борьба была жаркая, отчаянная, не на животъ, а на смерть. Съ обѣихъ сторонъ были выдвинуты и употреблены въ дѣло всѣ наличныя боевыя силы: и газетныя статьи, и представленія начальству, и интриги, доносы, инсинуаціи, памфлеты и подкулы, словомъ, всѣ средства были хороши, потому что и дѣло было не шуточная. Мы, дѣти, видѣли въ этомъ учрежденіи вѣрнѣйшій залогъ нашего религіознаго, умственнаго и нравственнаго перерожденія, а они, отцы наши, видѣли въ немъ совершенно противоположное. Понятно, что компромисса, соглашенія быть не могло, — была война. Побѣда осталась за нами: за насъ былъ духъ времени, законъ правительства. Раввинскія каедры взяты были штурмомъ, на нихъ водружено было новое знамя, знамя прогресса и развитія, такъ назъ, по крайней мѣрѣ, казалось; стагнація и мракобѣіе сложили, повидимому, оружіе, признавая свое полное пораженіе, нашу совершенную побѣду. И что же!.. Мы скоро, слишкомъ скоро, должны были краснѣть за нашу побѣду, стыдиться нашихъ подвиговъ храбрости. За кого мы ратовали? За кого мы ломали копыя? Молодые раввины, за всѣмъ не иногми исключеніями, не только не отступили на высотѣ своей задачи, своего званія, но оказались ниже всякой критики. Мы не говоримъ о ничтожности ихъ научной подготовки: съ этимъ еще можно было-бы помириться, такъ какъ ученость пріобрѣтается временемъ, трудомъ, стало быть, этотъ пробѣлъ, при доброй волѣ, могъ-бы быть или восполненъ; но они оказались не состоятельными въ нравственномъ отношеніи, стало быть, зло было болѣе серьезнаго свойства. Выходя изъ старо-чиновничьяго принципа, что мѣсто существуетъ для чиновника, а не чиновникъ для мѣста, они къ тому только и устремились, чтобы сдѣлать свои раввинскія мѣста наиболее доходными, хоть-бы съ грѣхомъ по полагъ. На это уходила вся ихъ энергія, вся изворотливость ихъ ума, вся эластичность ихъ нравственнаго существа,

и они болѣе или менѣе успѣвали въ своихъ стремленіяхъ: нѣкоторымъ удалось сдѣлать изъ своихъ раввинскихъ должностей такія хорошія синекюры, которыя не только доставляли имъ роскошное существованіе, но и возможность откладывать — на приращеніе изъ процентовъ. О пріобрѣтеніи-же нравственнаго вліянія на общества, о духовной связи съ ними, или просто о снисканіи себѣ обыкновеннаго уваженія со стороны своихъ паствъ, ограничившихъ свои требованія до того, что хотѣли имѣть въ своихъ раввинахъ, по крайней мѣрѣ, людей честныхъ и добрыхъ, хотя сколько ни будь интересующихся внутренними дѣлами общинъ, они мало или вовсе не заботились, будучи всецѣло заняты изобрѣтеніемъ все новыхъ и новыхъ источниковъ доходовъ и беззабѣчивымъ эксплуатированіемъ этихъ источниковъ. Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ прібыльныхъ источниковъ оказались метрическія свидетельства. Благодаря государственнымъ реформамъ послѣдняго пятнадцатилѣтія, спросъ на документы о происхожденіи появился и на еврейскомъ рынкѣ, смотрѣнемъ до сихъ поръ на этотъ товаръ съ патріархальнымъ пренебреженіемъ. Этимъ молодые раввины и воспользовались и, какъ монополисты, держали свой товаръ крѣпко. Метрическія свидетельства стали продаваться чуть не на вѣсъ золота. Вывали случаи, что за метрическое свидетельство запрашивали 25 и даже 50 рублей и дешевле не уступали. Нормальная рыночная цѣна этихъ свидетельствамъ колеблется между 3 и 10 рублями; эта цѣна все равно, что санкціонирована закономъ, и еврей съ нею уже помирился. Временемъ-же, непосредственно предшествовавшимъ введенію новаго воинскаго устава, молодые раввины воспользовались какъ нельзя лучше: нѣкоторые изъ нихъ нажили себѣ состоянія. Говорятъ, что дѣло лучше: нѣкоторые изъ нихъ нажили себѣ состоянія. Говорятъ, что дѣло не всегда обходилось безъ фабрикаціи; мы этого положительно не знаемъ, но мы это допускаемъ, зная беззавѣстную жадность многихъ изъ этихъ господъ. Такимъ образомъ, къ старымъ, уже известнымъ спеціально-еврейскимъ налогамъ, прибавился въ послѣднее время еще одинъ налогъ, метрическій, установленный и взимаемый лицами, считающими себя для этого компетентными развѣ только потому, что они называются *казенными*. Этимъ новымъ налогомъ и ограничиваются пока всѣ новшества, введенныя въ еврейскія общества новыми раввинами, отъ которыхъ почти всѣ еврейскія партіи ожидали чуть не религіознаго или, по крайней мѣрѣ, кагалнаго переворота. Гора родила мышь. Одни ожидали реформы, какъ янны небесной, другіе опасались ея, какъ чумы, а кончилось дѣло цитатомъ

мѣднѣмъ. Это и помирало послѣднихъ съ новымъ учрежденіемъ, которое оказалось совсѣмъ не такимъ страшнымъ, какъ его малевали. Лишній-же пятакъ ничего не составляетъ: гдѣ наше не пропадало? Ну, а намъ, намъ то каково отъ взимателей лишнѣхъ пятаковъ съ нашего бѣднаго народа, буквально задыхающагося подъ бременемъ общихъ и специальныхъ, положенныхъ и не положенныхъ, явныхъ и тайныхъ палатовъ, сборовъ и поборовъ? Таковыми-ли мы представляли себѣ дѣателей изъ нашего лагеря?...

Кромѣ того, полагая свою миссію, между прочимъ, и въ томъ, чтобы быть посредниками между правительствомъ и евреями, между христіанскимъ и еврейскимъ обществомъ, въ которые изъ молодыхъ раввиновъ попали это посредничество въ томъ смыслѣ, что надо у начальства быть въ большой милости, а общество—держать въ большомъ страхѣ, дабы можно было съ паствою сдѣлать все, что угодно, въ смыслѣ ее усиленной стрижки и т. д. Одинъ изъ такихъ посредниковъ такъ широко толковалъ свою благородную миссію, что сталъ неистовствовать, какъ залопустный становой доброго стараго времени, драть съ праваго и съ виноватаго, съ живаго и съ мертваго, словомъ, грабить, и дограбился, наконецъ, до того, что чуть не угодилъ подъ судъ, такъ что его покровители и милостивцы ничего не могли для него сдѣлать, и онъ, какъ шаршивая овца, былъ выгнанъ изъ стада mit grossem Skandal und Trompeten и накосить теперь благополучно на другомъ поприщѣ, мѣстѣ общественномъ.

Многіе приводятъ въ оправданіе страннаго поведения большинства молодыхъ раввиновъ необезпеченность ихъ положенія во время нахождения ихъ на службѣ и шаткость этого положенія вообще, обусловливаемую выборнымъ началомъ, благодаря которому, имъ въ концѣ каждаго трехлѣтія грозитъ опасность быть забаллотированными. Но, во 1-хъ, обществомъ и большинствомъ криминалистовъ далеко еще не принято оправдывать вора, взятчика, казнокрада или грабителя необезпеченностью или шаткостью его матеріальнаго положенія: преступленіе остается преступленіемъ даже при смягчающихъ вѣну обстоятельствахъ, и для общественной безопасности имѣть ничего опаснѣе такого уже чрезъ чуръ либеральнаго примѣненія принципа невмѣяемости. Во 2-хъ, кто этихъ господъ принуждаетъ ставить себя въ шаткое положеніе? Вольному воля. Есть-же много другихъ свободныхъ профессій, къ которымъ они прибѣгаютъ-же, когда ихъ забаллотировываютъ. Зачѣмъ-же они избираютъ себѣ раввинское поприще, къ которому, какъ оказывается на дѣлѣ, они не имѣютъ ни призванія, ни подготовки? Взяв-

шись за гужъ, не говори что не дюжъ. Въ 3-хъ, мы знаемъ припрѣн, что даже въ обществахъ, гдѣ равнины были достаточно обезпечены опредѣленными жалованьями и равнинскими доходами по кондиціи, ихъ склонность къ не штатнымъ поборамъ отъ этого несколько не уменьшалась. И, наконецъ, въ 4-хъ, въ шаткости своего положенія равнины, по большой части, сами виноваты: умѣй они поставить себя въ надлежащія отношенія къ разъ избравшимъ ихъ обществамъ, они не должны-бы были бояться конкуренціи и забаллотировки, существующей только для лицъ, дающихъ поводъ своимъ избирателямъ быть ими недовольными. Стало быть, доводы, приводимые въ оправданіе страннаго поведения молодыхъ раввиновъ, не выдерживаютъ критики по своей явной нелогичности.

А потому, при всемъ глубокое сожалѣніи, съ которымъ встрѣчено было со стороны передоваго класса еврейскаго населенія закрытіе равнинскихъ училищъ въ Вильнѣ и Йитомирѣ, училищъ, сослужившихъ еще не вполнѣ оцѣненную службу еврейскому образованію вообще, нельзя было въ тоже время не радоваться, что эти расадники... еврейскихъ становыхъ наконецъ упразднились, тѣмъ болѣе, что произведенія этихъ питомниковъ, съ каждымъ годомъ становились все хуже и хуже, такъ что о поправленіи дѣла уже не возможно было и думать. Кромѣ того, закрытіе равнинскихъ училищъ, приготовлявшихъ все, что угодно, только не раввиновъ, имѣетъ еще ту выгоду, что очистило поле для другихъ комбинацій относительно снабженія еврейскихъ обществъ раввинами, комбинацій, которыя, можетъ быть, окажутся болѣе рациональными и дѣлесообразными. Какъ на одну изъ этихъ комбинацій, мы можемъ указать на прекрасную мысль комитета „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“—кандидировать достойныхъ молодыхъ людей за границу, для усовершенствованія себя въ наукахъ какъ еврейскихъ, такъ и общихъ, дабы потомъ съ достоинствомъ занимать настыркія мѣста въ средѣ еврейскихъ обществъ. Отъ души приветствуемъ эту прекрасную мысль, какъ попытку къ удовлетворительному разрѣшенію равнинскаго вопроса, который гораздо важнѣе, чѣмъ иные полагаютъ. Эта попытка уже тѣмъ хороша, что открываетъ намъ надежду—освободиться когда нибудь отъ торчащихъ во главѣ нашихъ обществъ „маленькихъ мальчишковъ“, отъ большинства которыхъ становится тошно всякому порядочному еврею, желающему имѣть въ своемъ раввинѣ больше, чѣмъ мало образованнаго и низкопробнаго чиновника. *

* Мысль действительно прекрасная. Но, къ сожалѣнію, осуществленіе ея

На одною изъ „маленькихъ мальчиковъ“ позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться, потому что онъ замѣчательный экземпляръ, почти типъ, который кажется и родился для того, чтобы вѣчно оставаться маленькимъ мальчикомъ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ этого слова. Все въ этомъ „мальчикѣ“, всѣ его умственные и нравственные качества, стремленія и цѣли обрѣтаются въ мальчишечьихъ размѣрахъ, уменьшительномъ видѣ, и это служить къ вышнему его благополучію.

Онъ не то что добрый, а добренькій: запроситъ за метрическое свидѣтельство 10 или 15 рублей, а удовольствуется 8-ью и даже 5-ью рублями. Онъ смиренный, жуки не обидятъ, дабы жука его не обидѣла. Онъ остроумный: ходитъ задними крыльцами, окольными путями и на цыпочкахъ, дабы не дѣлать шума. Онъ хитренькій, умѣетъ прикидываться дурачкомъ, хотя онъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ кажется: онъ гораздо глубже. Тѣмъ не менее однакоже онъ умный: знаетъ когда покупать, когда вистовать, когда играть въ тенную и когда въ открытую. И какой онъ рачительный къ службѣ на пользу общую! Съ ранняго утра и до поздняго вечера стоитъ онъ на своемъ посту — пишетъ метрическія свидѣтельства. И какой онъ, слава Богу, здоровенькій! Всю ночь на пролетъ просидитъ за преферансомъ или стучелочкой, а на завтра — ничего, сидитъ себѣ и парашаетъ метрическія свидѣтельства. А откровенный какой! Когда ему говорить: отчего ты, паньшка, въ картинки играешь, ты вѣдь, съ позволенія сказать, равнинъ отъ казны, стало быть, нѣкоторые образы особа духовная? Онъ отвѣчаетъ: „знаете, что я вамъ скажу? Я ужасно люблю забавляться картинками“. — Отчего у тебя, паньшка, нѣтъ никакихъ книжекъ, ну хоть-бы миниатюрной „Исторія еврейскаго народа“ Еммануила Гехта. — „Не знаю гдѣ такія книжечки покупаются“. — Отчего ты, паньшка, вообще ничего не читаешь? — „А оттого, извольте видѣть, что когда только возьму книжку въ руки, мери тотчасъ начинаетъ клонить ко сну“. И патриотизма, патриотизма-то у него сколок! Не пропустить ни

производителъ такъ туго и въ такихъ, если можно такъ выразиться, микроэкономическихъ размѣрахъ, что едва-ли отъ этой мѣры можно ожидать какихъ либо существенныхъ результатовъ. По послѣднему отчету „Общества для расширенія между евреями“ за 1876 г., такихъ воспитанниковъ за-границей всего теперь два — и это на всю-то Россію! — Притомъ, выбрать эти питомцы для посылки за-границу приходится, такъ сказать, издалека, такъ что выборъ можетъ быть иногда и неудачный.

Идалька.

одного смотра, ни одного ученія, ни одного церковнаго парада. Чуть только зазвучитъ труба, захочетъ барабанъ, онъ все бросаетъ, даже сочиненіе метрическихъ свидѣтельствъ, и летитъ на площадь, дабы показать своей паствѣ примѣръ, какъ слѣдуетъ гражданину и истинному сыну отечества интересоваться — усиліями отечественной шагистики. Должно быть, что въ воздаяніе столь самоотверженно манифестируемого имъ патриотическаго чувства, онъ и имѣетъ счастье пользоваться благожелательностью со стороны начальства — въ лицѣ лу чотъ бы исправляющаго должность помощника участковаго пристава. Сей сановникъ, не рѣдко удостоиваетъ его своего рукопожатія и говоритъ съ нимъ — ну.. почти какъ равный съ равнымъ. При всемъ томъ, онъ, не въ примѣръ другимъ раввинамъ, находящимся въ подобныхъ-же благоприятныхъ отношеніяхъ къ администраціи, и не думаетъ держать своего общества въ страхѣ. Онъ только требуетъ, чтобы оно плодилось и множилося, брачилось, разводилось и умирало, и — брало метрическія свидѣтельства, такъ какъ въ томъ и состоитъ, по его мнѣнію, главное назначеніе всякаго еврейскаго общества и ради чего и существуетъ, опять-же по его мнѣнію, учрежденіе казенныхъ раввиновъ. Отъ времени же до времени, т. е. разъ въ годъ, или разъ въ два года, онъ, сдѣлавъ надъ собою почти сверхчеловѣческое усиліе, произноситъ въ синагогѣ рѣчь, въ доказательство справедливости афоризма, что говоритъ — серебро, а молчатъ — золото. Къ этой рѣчи онъ полгода готовится, а послѣ нея полгода отдыхаетъ, чтобы собраться съ новыми силами и новыми мыслями для слѣдующей рѣчи, все въ защиту вышеупомянутаго же афоризма, въ который онъ вѣруетъ, какъ въ спасительную силу метрическихъ свидѣтельствъ.

Но замѣчательнѣе всего то, что этотъ „маленькій мальчикъ“ благополучно мальчишествоуетъ въ своемъ обществѣ, если не ошибаемся, уже пятое трехлѣтіе, такъ что онъ уже считаетъ себя пожизненнымъ мальчикомъ въ этомъ обществѣ. И это общество, надобно вамъ знать, не какое нибудь, а громадное, сорокатысячное, съ интеллигенціею, съ богатымъ прошлымъ и съ претензіями на богатое будущее. Но видиферентизмъ, благодушіе или, можетъ быть, тупоуміе этого общества такъ велико, что никому изъ членовъ его и въ голову не приходитъ подумать, что шутка шуткой, а имѣть своимъ представителемъ „маленькаго мальчика“, который только и дѣлаетъ, что дѣмъ торгуетъ метрическими свидѣтельствами или бѣгаетъ на разводы, а ночью играетъ въ карты — есть скандальнѣйшій скандалъ, котораго не потерпѣло-бы у себя хоть сколько нибудь уважающее себя

общество. За средства, во что этому обществу обходится кормление этого „маленького мальчика“, можно иметь не только одного, но даже двух равнинов, достойных, образованных, дѣльных, въ которыхъ это большое общество, съ его разнообразными интересами, уже давно сильно нуждается. Это общество, стоявшее столько вѣковъ во главѣ всего русскаго еврейства, не унало-бы такъ глубоко въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ младшихъ обществъ и мѣстной администраціи, если-бы оно имѣло достойнаго представителя, руководителя, предстателя, защитника, инициатора и организатора, — должности, для которыхъ совсѣмъ не нужно быть гениемъ или героемъ, а только человѣкомъ честнымъ, умнымъ, дѣятельнымъ и преданнымъ дѣлу, которому онъ посвятитъ себя, т. е. совершенно обыкновеннымъ человѣкомъ. Неужели въ трехмилліонномъ еврейскомъ населеніи Россійской имперіи такъ трудно найти этого требуемаго обыкновеннаго человѣка даже за пять — шесть тысячъ рублей годоваго содержанія?

Но дѣло въ томъ, что общество о которомъ идетъ рѣчь, такъ глубоко пало, что когда дѣло идетъ о выборѣ требуемаго закономъ представителя, оно меньше всего интересуется этимъ дѣломъ, какъ будто оно его вовсе и не касается, предоставляя орудовать „маленькому-же мальчику“ какъ будто онъ тутъ сторона и въ исходѣ выборовъ нисколько самъ не заинтересованъ.

И онъ орудуетъ. Начинаетъ онъ обыкновенно съ того, что, за нѣсколько мѣсяцевъ до выборовъ, онъ вдругъ дѣлается большимъ хлѣбосоломъ, начинаетъ жить открытымъ домомъ, давать вечера съ преферансомъ и слухалкой, на которыхъ собирается большая толпа цыбулязованныхъ блудолизомъ, долженствующихъ „обработать“ въ его пользу мѣстную „интеллигенцію“, что они и дѣлаютъ. Для обработки-же „массы“ высылаются съ „народомъ“ ходяки, подкрѣпляемые съ одной стороны какимъ-то лекаремъ а съ другой — какимъ то аптекаремъ, почему-то особенно интересующимся преуспѣваніемъ этого „маленького мальчика“. Прописывая микстуру, зотъ лекарь въ тоже время рекомендуетъ окружающимъ пациента бѣлый шарикъ для „маленькаго добренькаго мальчика“. Отпуская unguentum для tineae capitis, аптекаръ объясняетъ неизрѣченныя достоинства „маленькаго добренькаго мальчика“; такимъ образомъ народъ дѣлается мягокъ, какъ помада. Когда это сдѣлано, устраняются, такъ или иначе, опасные конкуренты, для чего уже имѣются испробованныя средства, составляются избирательный списокъ изъ „своихъ“, назначается день выбора — и изъ урны выскакиваетъ из-

любленный „маленький мальчикъ“ — ко всеобщему хототу почтеннѣйшей публики. Именно хототу, а не удовольствію, потому что даже блудолизы, при всей черствости ихъ чувствъ и неизменности побужденій, не на столько однако бесовѣсты, чтобы еще радоваться этому событію: имъ оно только смѣшно, какъ уморительный анекдотъ, возбуждающій веселье.

Да ну его, говорятъ

Вотъ, говорятъ, потѣха!

Потѣха-то, потѣха, но, господа, когда-же будетъ конецъ этой потѣхѣ? Не продолжится-ли она уже слишкомъ долго? Неужели она вамъ еще не надоѣла, или жизнь вамъ такъ легка, что вамъ только бы и фарсить? И неужели вы такъ ужестено убоги, что уже никогда не поймете, что отъ этого глупого и безконечнаго фарса страдаютъ самые кровные интересы вашего, нѣкогда славнаго общества, стало быть, и ваши собственные? Неужели вамъ такъ трудно сообразить, что постоянно избирая своимъ представителемъ какого-то недоумка, вы зарекомендовываете себя съ весьма невыгодной стороны, такъ какъ по представителю какой нибудь корпорациі судятъ о самой корпорациі?

Чтобы вы ни думали о рѣзкости нѣкоторыхъ нашихъ выраженій, рѣзкости, вызываемой самымъ положеніемъ вещей, возмутительнымъ во многихъ отношеніяхъ, мы однакоже слишкомъ хорошаго о васъ мнѣнія, чтобы не задѣяться, что наши слова найдутъ хоть нѣкоторый отголосокъ въ вашихъ сердцахъ, не совсѣмъ-же вѣдь очерствѣлыхъ. Въ этой надеждѣ мы и кладемъ пока перо и ставимъ точку, предоставляя себѣ поговорить о нашихъ другихъ общественныхъ дѣлахъ когда нибудь въ другое время или въ другомъ мѣстѣ.

Декабрь, 1877 г.

IV.

ХРИСТИАНЕ ВЪ ЗАЩИТУ ЕВРЕЕВЪ.

Объ употребленіи Евреями христіанской крови и нѣсколько словъ о нашихъ отношеніяхъ къ Евреямъ вообще. Н. Д. Шгарина. Спб. 1877.

Объ употребленіи Евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей. Профессоръ В. И. Протопопова. Спб. 1877.

Die Bedeutung der Juden für Erhaltung und Wiederbelebung der Wissenschaften im Mittelalter. Von M. I. Schleiden. Leipzig. 1877. (Значеніе евреевъ для сохраненія и возрожденія наукъ въ средніе вѣка. М. I. Шлейдена.)

Въ одномъ еврейско-нѣмецкомъ періодическомъ изданіи, въ корреспонденціи изъ Россіи, мы недавно прочли горькій упрекъ нашей пишущей братіи за ея якобы равнодушное отношеніе къ нападкамъ отечественной прессы на евреевъ, нападкажъ, сдѣлавшихся въ послѣднее время и болѣе частыми, и болѣе ярыми. Что защитники изъ нашей среды въ самомъ дѣлѣ замолкли въ послѣдніе годы — это фактъ, котораго мы оспаривать не можемъ; но что бы это молчаніе происходило отъ равнодушія, индиферентизма, — можетъ утверждать только тотъ, кто не привыкъ глубже вникать въ дѣло, доискиваться причины замѣчаемаго изъ явленія. Если собрать все то, что написано было еврейскими литераторами въ защиту нашего племени и въ опроверженіе ссылающихся на него со всѣхъ сторонъ нападокъ, обвиненій и инсинуацій, то можно было-бы составить довольно-порядочную бібліотеку. Изъ безсмертнаго обвинительнаго акта, читаемаго намъ на всѣхъ перекресткахъ разными призванными и непризванными прокурорами и просто повятчиками, кажется, не осталось ни одного отдѣла, ни одного пункта, ни одной запятой безъ надлежащаго освѣщенія, разъясненія и опроверженія. Стало быть, жаловаться на индиферентизмъ и перадѣіе еврейскихъ адвокатовъ — грустно: они свое дѣло всегда дѣлали

по мѣрѣ¹ силъ и возможности; замолкли-же они теперь, потому... потому, что вѣдь и для нихъ не можетъ быть обязательнымъ — сражаться съ вѣтринными мельницами или толочь воду въ ступѣ. А защита евреевъ именно принадлежитъ къ дон-кихотскимъ подвигамъ и толченію воды въ ступѣ. Если бы у нашихъ антагонистовъ дѣло шло только объ отысканіи правды, выясненіи истины, то правда уже давно была-бы отыскана и истина выяснена, такъ-какъ имъ стоило-бы только выслушивать дѣлаемые имъ реплики и взвѣшивать, на сколько послѣднія основательны или нѣтъ. Но что дѣлать, когда прешипательства за и противъ евреевъ невыходятъ и на врьдъ-ли когда набудъ выйдутъ изъ заколдованнаго круга извѣстнаго алекдота о кожкухъ? — Мы съ тобою шли? — Шли. — На мифъ кожкухъ былъ? — Былъ. — Я тебѣ его отдалъ? — Отдалъ. — Гдѣ-жъ онъ? — Да кто? — Да кожкухъ! — Какой кожкухъ? — Да вѣдь мы съ тобою шли?! — Шли — и т. д. до безконечности, до тошноты. Тутъ хоть у кого опустятся руки, и онъ предоставитъ дѣло волѣ Божией. Да что говорить о нападкажъ, болѣе или менѣе обидныхъ, когда намъ до сихъ поръ еще не удалось очистить себя отъ страшнаго и нелѣпаго подозрѣнія въ томъ, что мы *людоуды*, *про-волоніи* въ буквальномъ смыслѣ этого слова? Казалось, послѣ появленія ученой монографіи профессора Хвольсона: «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ», постыдное для нашего просвѣщеннаго времени подозрѣніе разбѣяно, какъ туманъ, надвинувшійся съ болота, такъ-какъ профессоръ Хвольсонъ добрался до самого корня этого подозрѣнія и раскрылъ всю его гнилость. А вѣдь выпала-же недавно нелѣпная книга какого-то безграмотнаго ех-ксензда, нашедшаго возможнымъ начать дѣло о *крови* опять съ начала съ совершеннымъ игнорированіемъ всего того, что уже говорено было въ разъясненіе этого дѣла. И эта книга, неаключающая въ себѣ ничего новаго или оригинальнаго, а составляющая только трудолюбиво списанную копію съ обвинительнаго акта, который у добрыхъ людей уже давно сданъ въ архивъ, какъ дѣло окончательно рѣшенное, и эта книга, говоримъ, не только не встрѣтила со стороны нашей отечественной прессы ни малѣйшаго замѣчанія, но крайней мѣрѣ въ бесполезности ея появленія, но даже подала ей поводъ къ ехиднымъ инсинуаціямъ и къ *сочиненію* уже слишкомъ топорныхъ небыллицъ, которыя, впрочемъ, были официально опровергнуты нѣкоторыми административными властями! При чемъ-же тутъ защита? Къ чему она ведетъ? Пока русское общество будетъ находить удовольствіе въ чтеніи безвкусныхъ и бесдарныхъ сказокъ

таких скоропостижных писателей и глашатаев правды, как неопиты Брафманы и Лютостанские, еврейские адвокаты должны отложить всякое попечение о защите своих клиентов, и они очень хорошо делают, что молчат, так-как их речь все равно не поможет делу. За тем-же понапрасну надирать грудь?

Однако, к чести нашего времени следует сказать, что уже слишком грубые предрассудки относительно нашего племени начинают повидному поменному разбавляться, так-как для их опровержения выступают сами христиане, которые, может быть, будут счастливы наших защитников из нашей-же среды. Предь нами—три, появившиеся в нынешнем году, апологическая брошюра, заглавия которых выставлены выше, которые мы с удовольствием приветствуем, как плод пробудившегося у христианского общества чувства справедливости къ нашему человеческому достоинству, нердко попраемому без всякой видимой причины и основания. Этими брошюрами считаем нужным посвятить только несколько строк, так как подробный разбор их увлек-бы нас далеко за предель нашей статьи.

Брошюра г-на Шигарина хороша по своему благому намерению—очистить евреев от взводимого на них обвинения въ употреблении ими христианской крови для религиозных цѣлей, но неудачна по исполнению этого благого намерения: защита ведена не совсемъ ловко. Въместо того, чтобы прорезюмировать въ короткихъ словахъ всемъ известные главные пункты обвинения, прямо приступать къ доводамъ, подканывающимъ это обвинение въ самый корень, автор почему-то счелъ нужнымъ посвятить цѣлую первую половину брошюры скопированію длиннаго и скучнаго обвинительнаго акта, всемъ хорошо знакомаго по весьма обширной книгѣ о. Лютостанскаго, — вторую-же половину... но для кого обязательно читать вторую половину брошюры, темъ болѣе, что изъ манеры, какъ авторъ цитируетъ обвинительный актъ—безъ всякихъ оговорокъ и малѣйшей тѣни сомнѣнія въ справедливости цитируемаго—читатель-христианинъ (евреямъ-же нѣтъ надобности читать эту брошюру) вправѣ заключить, что далѣе будетъ все одно и тоже, т. е. исчисления еще дюжины или двухъ *неотровержимыхъ* фактовъ, свидѣтельствующихъ, что евреямъ ужасно какъ нужна христианская кровь для ихъ паскальныхъ опрѣсоковокъ, о чемъ ему уже достаточно известно изъ предыдущихъ двухъ дюжinekъ? За темъ-же ему новыя доказательства въ подтвержденіе того, въ чемъ онъ

нисколько не сомнѣвается? Такимъ образомъ вторая половина брошюры, посвященная опроверженію нагроможденныхъ фактовъ обвинения, рискуетъ остаться не разрѣзанною — и благое намереніе автора не только не достигнетъ предполагаемой цѣли, но можетъ даже очутиться у цѣли, совершенно противоположной, что г. Шигаринъ, безъ сомнѣнія, меньше всего имѣлъ въ виду. Но неудачнѣе всего — переходъ автора отъ обвинения евреевъ къ ихъ защитѣ: переходъ такъ случаенъ и слабо мотивированъ, что бросятъ весьма невыгодную тѣнь на всю брошюру, теряющую отъ этого весь свой кредитъ. Изъ блѣдыхъ нитокъ, которыми у автора сшиты вмѣстѣ обвинительный актъ и защитительная рѣчь, видно, что вчера авторъ искренно вѣрилъ въ употребленіе евреями христианской крови для религиозныхъ цѣлей, а сегодня искренно разуверился въ этомъ. И случилось съ нимъ это превращеніе по слѣдующему случайно случившемуся случаю. Какой-то молодой образованной еврей попросилъ его, чтобы онъ прочиталъ книгу профессора Хвольсона. «И я читалъ книгу профессора Хвольсона» — торжественно заявляетъ авторъ, который, какъ видно, отъ этой книги и прозрѣлъ. Стало быть, авторъ принадлежитъ къ темъ *серьезнымъ* мыслителямъ, которые черпаютъ свои идеи, воззрѣнія и убѣжденія изъ послѣдніе прочитанной книжки, а потому позволяемъ себѣ задавать вопросъ: ну что-бы было, если-бы порядокъ чтенія были-бы другой, т. е. если-бы г. Шигаринъ читалъ книгу проф. Хвольсона прежде, а—о. Лютостанскаго послѣ?... Но... спасибо г-ну Шигарину хоть-бы за его доброе намереніе: требовать отъ человѣка больше, чѣмъ онъ въ состояніи дать, есть претензія не совсемъ благоразумная, а потому—ячуже не предъявлять ее.

Гораздо дѣльнѣе и основательнѣе—брошюра о томъ-же предметѣ о. протоіерея В. И. Протопопова. Она гораздо меньше предыдущей брошюры по своему объему, но весьма вѣска по своему содержанию. Видно, что почтенный авторъ не ограничился усвоеніемъ себѣ идей изъ чужой головы, а самъ вникать въ предметъ, изучалъ его, размышлялъ о немъ, а потому онъ и приходитъ, путемъ логическихъ наведеній и выводовъ, къ заключеніямъ яснымъ и убѣдительнымъ для всякаго умѣющаго правильно мыслить. По спокойному и въ высшей степени безпристрастному тону всей брошюры видно, что авторъ меньше всего задавался мыслью взять евреевъ подъ свою защиту: дѣло у него шло только о томъ, чтобы уяснить себѣ, на сколько правды въ ужасахъ, взводимыхъ на евреевъ *знаменитую* книгу о. Лютостанскаго, и, объективно разсматривая каждый пунктъ обви-

нения отдѣльно, тутъ-же опровергаетъ его силою здраваго ума и никакъ не оспариваемыхъ историческихъ фактовъ, при чемъ онъ обнаруживаетъ довольно основательное знакомство съ духомъ еврейскаго религіознаго ученія вообще, исторією и направлениемъ раввинской письменности въ отдѣльности. Распространяться больше въ похвалу этой коротенькой, но дѣльной брошюры—считаемъ совершенно лишнимъ: каждый, кто будетъ читать ее, самъ убѣдится, что мы автору нисколько не польстили. Позволяемъ себѣ процитировать слѣдующія заключительныя слова его, которыя столько-же просты, сколько и убѣдительны. „Если—говорить о Протопоповъ — всакий человѣкъ обязанъ быть справедливымъ по отношенію къ ближнему, то тѣмъ болѣе обязанъ къ тому христіанинъ, которому божественный Основатель его религіи внушаетъ судить ближняго *судомъ праведнымъ* (Іоан. 7, 24) и подъ ближними разумѣть не однихъ только *единоверцевъ* (Лук. 10, 29 - 37). Чтобы облегчить еврею въ такомъ возмутительномъ преступленіи, каково употребленіе христіанской крови, необходимо представить болѣе твердыя доказательства, чѣмъ тѣ, какія представилъ авторъ разсмотрѣнной нами книги“ (о. Лютостанскаго). Въ такомъ-же пастырскомъ, примирительномъ тонѣ написана вся брошюра, которая приобручается для насъ, евреювъ, тѣмъ болѣею цѣну, что принадлежитъ перу христіанскаго духовнаго лица. Въ русской духовной литературѣ мы впервые встречаемся съ этимъ явленіемъ, которое мы, поэтому, приветствуемъ отъ глубины сердца.

Чтоже касается Шлейдена, профессора Шлейдена, знаменитаго ботаника Шлейдена, то его брошюра * меньше всего занимается разрѣшеніемъ вопроса, нуждаются-ли евреи или не нуждаются въ христіанской крови для своихъ религіозныхъ цѣлей. Еще бы недоставало, чтобы и въ западной Европѣ надобно было возиться съ этою, архаическою нелѣпностью! Нѣтъ, брошюра Шлейдена есть ни больше, ни меньше, какъ ученое изслѣдованіе о томъ, какое значеніе имѣютъ евреи въ сохраненіи и возрожденіи наукъ въ эпоху среднихъ вѣковъ, лежащихъ темнымъ пятномъ на страницахъ исторіи человѣчества. За это изслѣдованіе ученый ботаникъ взялся совершенно случайнымъ образомъ. Но что значить трудолюбіе, любознательность и добросовѣстность нѣмецкаго ученаго! Для того, чтобы прослѣдить какое нибудь положеніе по своей специальности, онъ недовольтуется поугайнымъ повтореніемъ словъ съ чужого голоса, а самъ пробирается къ источ-

* Читателя знакомы съ нѣско по помѣщенному выше переводу оа.

нику и къ источнику этого источника,—и вотъ, ботаникъ Шлейденъ, для того, чтобы уяснить себѣ взглядъ на Альбрехта Великаго, схоластика 13-го столѣтія, имѣющаго нѣкоторое значеніе и какъ естественнспитатель, погружается въ средневѣковую литературу, натаккивается въ этомъ чтеніи на еврейскихъ ученыхъ, изучаетъ по этому случаю исторію еврейской письменности во всѣхъ ея родахъ и, находя живую связь между возрожденіемъ въ Европѣ наукъ и этою богатомъ восточною письменностью, снѣбитъ познакомить ученой мнръ съ своею находкою. Ботаникъ Шлейдена именно находить, что евреи не только прилежно и съ уснѣхомъ культивировали всѣ отрасли человѣческихъ знаній, какъ умозрительныхъ, такъ и реальныхъ, внося въ нихъ значительные вклады, но сохранили ихъ во всей чистотѣ и преемственномъ развитіи въ то глухое время, когда наука, казалось, умерла для человѣчества на всегда, и только благодаря этимъ ревностнымъ хранителямъ свѣточъ науки, потомъ возможно было или, по крайней мѣрѣ, значительно облегчено было возрожденіе человѣчества къ прежней умственной жизни и дѣятельности. „Вся Европа—говоритъ Шлейденъ—имѣетъ свой средневѣковой періодъ, суровое время духовнаго и нравственнаго упадка, печальнѣе котораго невозможно вообразить себѣ,—только евреи составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Вопреки своей разбѣйности и гнету, который часто лишалъ ихъ самыхъ простыхъ чело-вѣческихъ правъ, даже права на жизнь, они до самаго конца среднихъ вѣковъ непрерывно продолжали свое духовное развитіе, сохраняли и передавъ прочимъ народамъ основы нравственности и умственной жизни“.

И ихъ то обвиняютъ въ употребленіи чело-вѣческой крови!...

Свои тезисы Шлейденъ не произноситъ голосомъ, а предпосылаетъ имъ или сопровождаетъ ихъ историческими фактами, основанными на документальныхъ источникахъ, къ которымъ онъ и отсылаетъ любознательнаго читателя, указывая ему въ выносахъ на литературу предмета.

Л. Л.

Декабрь. 1877.

ПАМЯТНИКЪ И. Г. ОРШАНСКОМУ.

Скоро послѣ смерти Оршанскаго, нѣкоторые изъ его почитателей—а ихъ, къ чести его соплеменниковъ, было всегда много—собрались и рѣшили поставить ему надгробный памятникъ на Екатеринославскомъ еврейскомъ кладбищѣ. Но родственники его не пожелали совершенно отказаться отъ этой чести и заявили, что, не смотря на свои небольшія средства, желаютъ внести свою лепту на дѣло, которое считаютъ своею обязанностью. Отъ ихъ имени мнѣ было передано ихъ желаніе и просьба попросить извѣстнаго ихъ соплеменника, талантливаго скульптора *М. Антокольскаго*, сочинить проэктъ памятника. Я зналъ, что Антокольскій, находившійся въ то время въ Римѣ, сильно занятъ заказами и собственными работами; однако мнѣ казалось, что для такого талантливаго и многозначительнаго въ новѣйшей еврейской культурной исторіи еврея, какъ И. Г. Оршанскій, никто не долженъ сочинять памятника, кромѣ талантливаго его-же соплеменника, и по этому-то я ни минуты не побоялся оторвать Антокольскаго отъ его работъ, и всѣми силами старался убѣдить его заняться созданіемъ памятника для высокочаровитаго товарища. Антокольскій легко сдался на мои доводы и въ очень короткое время сочинилъ и выдѣлилъ изъ глины проэктъ памятника, фотографію съ котораго и прислалъ мнѣ изъ Рима въ Мартѣ настоящаго (1877) года. По просьбѣ издателя „Еврейской Библіотеки“, прилагаю при настоящей книгѣ награвированный на деревѣ съ нея снимокъ.

Мнѣ кажется, наврядъ-ли кто-нибудь не признаетъ этотъ

проектъ столько-же оригинальнымъ, сколько и художественнымъ. Памятникъ представляет, по мысли Антокольскаго, вѣчто въ родѣ алтара или жертвенника, стоящаго на верху нѣсколькихъ ступеней, и сложеннаго изъ груды наваленныхъ, поставленныхъ и лежащихъ книгъ, самаго разнообразнаго вида и величины. Не правда-ли, какая чудесная и оригинальная идея? вмѣсто кирпичей явились книги — что могло быть лучше и счастливѣе придумано для памятника: того человѣка, чья цѣлая жизнь прошла въ изученіи чужихъ твореній, чтобъ обрѣсти въ нихъ знаніе и силу мысли, нужныя ему для собственныхъ созданій, гдѣ онъ являлся то пламеннымъ трибуномъ и адвокатомъ, то талантливымъ историкомъ и истолкователемъ еврейскаго племени. Надъ этимъ чуднымъ алтаремъ или жертвенникомъ лежитъ полуоткрытая большая книга, на страницахъ которой красными буквами „словно кровью“ (говоритъ Антокольскій въ своемъ объяснительномъ письмѣ), начертаны слова изъ пѣсни „Плачь Іудеевъ“: „Если я забуду тебя Іерусалимъ, пусть обнѣмѣтъ правая рука моя“.

אם אשכחך ירושלם השכח ימיני

На одной изъ страницъ этой развернутой книги лежитъ покynнутое, осиротѣлое перо рано погибшаго еврейскаго писателя, лавровый позолоченный вѣнокъ придерживаетъ перо на своемъ мѣстѣ и завершается самъ, вверху, возвышающагося надъ нимъ эмблемою, носящею имя „Защита евреевъ“ и имѣющей видъ звѣзды.

Антокольскій желалъ наблюдать самъ лично, въ Римѣ, за производствомъ этого памятника изъ мрамора; онъ устроилъ даже эту работу необыкновенно дешево, за 2000 лиръ (франковъ), не считая впрочемъ въ этомъ числѣ гранитныхъ ступеней и металлической рѣшетки вокругъ. Къ сожалѣнію, это предположеніе не осуществилось — по крайней мѣрѣ въ настоящее время: необходимая сумма не оказалась свободною, и въ то же время Антокольскій покинулъ Италію и перенесъ свою мастерскую въ Парижъ.

Остается желать, чтобъ когда-нибудь лучшія обстоятельства дозволяли выполнять въ натурѣ памятникъ, сочиненный однимъ

талантливымъ евреемъ въ память и въ честь другаго. Подобные случаи рѣдки.

Одинъ изъ гениальнѣйшихъ евреевъ нашего столѣтїа, Лассаль, говорить въ своей великолѣпной „Исповѣди“, недавно напечатанной („Вѣстникъ Европы“, ноябрь 1877 г.): „Я вовсе не люблю евреевъ, а даже вообще ненавижу ихъ. Я вижу въ нихъ лишь весьма переродившихся сыновъ великаго, но давно-давно исчезнувшаго прошлаго. Эти люди приняли отъ вѣковъ, проведенныхъ въ рабствѣ, свойства рабовъ; вотъ почему я имъ сильно враждебенъ. И поэтому я не имѣю съ ними никакихъ сношеній. Между моими друзьями, въ обществѣ, окружающемъ меня въ Берлинѣ, нѣтъ почти ни одного еврея“.—Это было писано въ 1860 году. Но Лассаль не зналъ, что не далеко отъ его Берлина, въ ту самую минуту уже росли и крѣпли евреи новаго склада, приваждящіе новому еврейскому племени, которые ничего уже не имѣютъ общаго съ гнуснымъ вѣковымъ рабствомъ мысли, чувства, понятїи: люди, которые соединяютъ силу и талантливость предковъ своихъ со свѣтлою мыслью новой Европы. И отъ этихъ людей Лассаль не отвернулся бы, и поспѣшилъ-бы протянуть имъ руку, и считалъ-бы счастьемъ быть съ ними скорѣе въ сношенїяхъ самыхъ близкихъ и сердечныхъ.

В. Стасовъ.

ЗАМѢТКИ.

1. Берлинскій конгрессъ.

Представители Европы—великихъ европейскихъ державъ—собрались въ Берлинѣ, чтобы установить новый государственный строй на Балканскомъ полуостровѣ и въ придунайскихъ княжествахъ Сербїи и Румынїи, т. е. въ странахъ, гдѣ еврейство находится въ самомъ печальномъ и безправномъ положенїи и гдѣ періодически повторяются самыя возмутительныя противъ нихъ преслѣдованїа и насилїа. Можно было поэтому ожидать, что болѣе вліятельныя личности изъ евреевъ въ Европѣ не пропустятъ этого случая и воспользуются имъ, чтобы обратить вниманіе европейскаго ареопага на эти грустныя обстоятельства, еще усилившіяся въ последнее время тѣми печальными эпизодами, которые имѣли мѣсто въ Болгарїи, во время послѣдней войны, и послѣдствїа которыхъ до сихъ поръ еще не окончательно уничтожены.

И, дѣйствительно, оно такъ и случилось. По извѣстїямъ иностранныхъ газетъ, венеціанское еврейское общество обратилось къ итальянскому министру-президенту съ просьбою, чтобы онъ поручилъ итальянскому уполномоченному на Берлинскомъ конгрессѣ, графу Кюрти, настаивать на провозглашенїи равноправности евреевъ въ придунайскихъ княжествахъ. Сэръ *Лионель Ротшильдъ* обратился съ письмами такого же содержанїа къ великобританскимъ уполномоченнымъ, графу Виконфильду и маркизу Салибери, и получилъ

ответъ, въ которомъ между прочимъ сообщается, что на дѣло евреевъ на Востокъ будетъ обращено надлежащее вниманіе.

Но, кромѣ того, „Alliance Israélite Universelle“ отрядила своихъ спеціальныхъ делегатовъ въ Берлинъ, куда представителямъ этого союза явились гг. Ш. Неттеръ и I. Кайшъ изъ Парижа и г. Венсциани изъ Константинополя. Не безъ труда имъ удалось добиться аудіенціи у представителей великихъ державъ, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно было, согласится ли конгрессъ, созданный только для обсужденія Санъ-Стефанскаго договора, поднять рѣчь о предметѣ, не затронуемомъ этимъ договоромъ.

Но уже послѣ первыхъ аудіенціи, которыя делегаты „Всеобщаго Еврейскаго Союза“ имѣли у европейскихъ дипломатовъ, можно было сказать съ достовѣрностью, что успѣли ихъ во всякомъ случаѣ не пропадутъ даромъ. Одинъ изъ европейскихъ представителей на конгрессѣ, при первомъ же свиданіи съ еврейскими делегатами, заявилъ: „Ваши требованія вполне естественны, и повѣрьте мнѣ, что этотъ важный вопросъ никогда не переставалъ живо интересоваться насъ. Турція не могла предоставить райямъ (не-мусульманамъ) полной равноправности, потому что это не допускается кораномъ; теперь же рѣчь идетъ о томъ, чтобы предоставить христіанамъ независимость, и потому прежде всего надо озаботиться, чтобы копь не обратилось въ другую сторону, т. е., чтобы христіане не угнетали евреевъ и мусульманъ. Въ этомъ смыслѣ мы, согласно съ нашими традиціями, будемъ дѣйствовать на конгрессѣ, гдѣ этотъ вопросъ непременно будетъ разбираться.“

Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ Германіи, фонъ Бюловъ, когда делегаты въ бесѣдѣ съ нимъ сослались на принципы терпимости, сказалъ имъ между прочимъ слѣдующее: „*Терпимость*, г. г., это не настоящее слово: не *терпимости*, а *безпрятнаго пользованія осьми правами* мы будемъ

требовать на конгрессѣ для вашихъ единоувѣрцевъ.“ Въ этомъ духѣ высказались уполномоченные почти всѣхъ великихъ державъ въ ихъ бесѣдахъ съ делегатами „Alliance“, которые представили конгрессу нижеслѣдующій меморандумъ.

„Почтеннѣйшій г. президентъ и почтенные члены европейскаго конгресса!

„Шестнадцать мѣсяцевъ тому назадъ еврейскіе делегаты всѣхъ странъ обратились съ просьбою къ европейской конференціи въ Константинополѣ—положить конецъ тому гнету, которому подвергаются евреи въ Румыніи и Сербіи, и обезпечить за ними въ турецкихъ провинціяхъ, судьба которыхъ подлежала рѣшенію Константинопольской конференціи, гражданскія и политическія права, которыя будутъ потребованы для всѣхъ другихъ немусульманъ.“

„Вы теперь вновь собрались, чтобы продолжать дѣло Константинопольской конференціи.“

„Представители европейскихъ великихъ державъ! Вы созданы для того, чтобы установить въ восточной Европѣ такой режимъ, при которомъ населенія различныхъ расъ и исповѣданій жили бы между собою въ мирѣ и согласіи. Но Европа не повяла бы такого мира, который не былъ бы основанъ на уваженіи къ великимъ принципамъ всеобщаго права, равенства людей между собою, свободы религіознаго культа. Принципы цивилизаціи необходимо требуютъ, чтобы въ конституціи восточныхъ земель Европы было установлено, что религіозный культъ ни для кого не можетъ быть предметомъ социальнаго или политическаго ограниченія. Установленіе этого положенія требуется еще болѣе необходимою устраненіемъ опасенія продолжительныхъ столетней между народностями различныхъ расъ и различныхъ исповѣданій.“

„Договоры 1856 и 1858 гг. имѣли цѣлью гарантировать примѣненіе этихъ принциповъ въ Румыніи и Сербіи. Однако недостаточно ясное изложеніе этихъ договоровъ дало возможность исказить ихъ духъ и обнародовать противъ евреевъ обидныхъ названий странъ цѣлый рядъ ограничительныхъ постановленій. Въ Сербіи они мало по малу были вытѣснены изъ селеній и большей части

городовъ, лишены права занимать какія бы то ни были должности и ввергнуты въ нищету. Но лишеніе самыхъ драгоценныхъ правъ не освободило ихъ однако ни отъ одной обязанности. Они уплачивали подати, какъ всѣ сербы, и подобно имъ были принуждаемы отправлять военную службу. Въ послѣднюю войну они своимъ патриотизмомъ думали восторжествовать надъ несправедливостью, причиняемой имъ ихъ родиной. Они сражались храбро и на поляхъ битвъ смѣшивали свою кровь съ кровью своихъ согражданъ. Если эти жертвы и снискали имъ нѣсколько благосклонныхъ словъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ въ Великой Скупщинѣ 1877 г., то положеніе ихъ однако нисколько не улучшилось. Во время заключенія въ 1877 г. конвенціи между Турціей и Сербіей, первая напрасно добивалась у послѣдней устранения упорно отстаиваемаго ограниченія правъ евреевъ.

При такомъ порядкѣ вещей, число евреевъ въ теченіе извѣстнаго времени сократилось на половину. Они живутъ въ нѣсколькихъ городахъ подъ постояннымъ опасеніемъ и страхомъ изгнанія. Въ Румыніи положеніе многочисленнаго еврейскаго населенія еще ужаснѣе. Уже десять лѣтъ какъ они тамъ подвергаются самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Почти каждый годъ Европа бываетъ потрясена извѣстіями о возмущеніяхъ, о грабежахъ и убійствахъ, или изгнаніяхъ en masse, жертва которыхъ — румынскіе евреи. Къ этимъ жестокостямъ прибавились еще такъ сказать законное преслѣдованіе, рядъ законовъ, исключяющихъ евреевъ изъ великихъ почетныхъ, государственныхъ и публичныхъ должностей, изъ всякихъ либеральныхъ профессій, изъ нѣкоторыхъ отраслей торговли и промышленности и, наконецъ, стѣсняющихъ ихъ даже въ отправленіи ихъ религіознаго культа и стремящихся всевозможнымъ образомъ ввергнуть ихъ въ нищету и унижить.

„Напрасно державы - поручительницы, ссылаясь на 46 ст. Парижскаго трактата, обещающую за румынскими евреями по крайней мѣрѣ ихъ гражданскія права, протестовали противъ этой неблагоприятной, варварской политики. Ни ихъ предостереженія, ни ихъ протесты не привлекали къ себѣ никакого вниманія. Румыніи тѣмъ не менѣе имѣть въ своихъ евреяхъ, не

смотря на то, что относится къ нимъ съ такою жестокостью, поданныхъ, преданныхъ труду, полезныхъ для развитія торговли и промышленности, способныхъ доставить своей странѣ честь на всякой свободной карьерѣ. Въ послѣднюю войну услуги, оказанныя ими на перевозочныхъ пунктахъ, въ госпиталѣхъ, и ихъ поведение на поляхъ сраженія доставили имъ публичный почетъ со стороны ихъ государя, и, тѣмъ не менѣе, еще недавно изданные законы и приговоры судебныхъ мѣстъ всенародно заявляютъ, что эти евреи, пролившіе свою кровь за славу отечества, не принадлежать ни къ какой національности, не имѣютъ никакого отечества.

„Если же таково отношеніе къ евреямъ Сербіи и Румыніи, то чего же нельзя опасаться со стороны другихъ освобожденныхъ турецкихъ провинцій? Надо-ли еще напоминать о недавнихъ эпизодахъ въ Эски-Загрѣ и Казанлыкѣ, чтобы показать опасности, угрожающія евреямъ въ Болгаріи и извѣстной части Румыніи? Тысячи безпомощныхъ и понинѣ скитаются безъ крова, вдали отъ своей родины.

„Именемъ евреевъ, именемъ человѣколюбія почтительно ходатайствуемъ мы предъ Европой въ пользу нашихъ несчастныхъ единоверцевъ въ Болгаріи, Румелии и Румыніи. Мы ожидаемъ отъ нея конца ихъ страданіямъ. Ея защита необходима имъ въ настоящемъ и будущемъ. Пусть Европа возвыситъ свой могучій голосъ, пусть она провозгласитъ равенство людей, свободу всякаго религіознаго культа и пусть она потребуетъ включенія этого принципа въ конституціи этихъ государствъ! И пусть она, наконецъ, будетъ зоркою охранительницей этого принципа!

„Вотъ дѣло, котораго мѣръ ожидаетъ отъ конгресса, заседающаго въ 1878 году. Это соотвѣтствуетъ традиціямъ европейской политики, желаніямъ просвѣщенныхъ людей всѣхъ націй. Оно дастъ миръ Европѣ и благоденствіе странамъ, нынѣ раззореннымъ войною. Оно будетъ обильнымъ источникомъ благъ для всѣхъ націй, оно будетъ славой нашего вѣка, и память этого конгресса не изгладится изъ умовъ грядущихъ поколѣній“.

По приведеннымъ выше заявленіямъ нѣкоторыхъ уполномоченныхъ уже можно было заключить, что этотъ меморандумъ не

будет отложен *ad acta*. Это предположение получило еще болѣе твердую почву, когда въ органѣ князя Бисмарка, въ высокоофициозной „Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ“, появилась статья, специально посвященная этому меморандуму и не только весьма сочувственно относившаяся къ изложеннымъ въ немъ требованіямъ, но и требовавшая осуществленія послѣднихъ еще по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что исключительные законы относительно евреевъ въ приданайскихъ княжествахъ, распространяющіеся и на иностранныхъ евреевъ, уже не разъ затрудняли германское правительство при заключеніи договоровъ съ этими княжествами, въ особенности что касается торговыхъ конвенцій, такъ какъ германское правительство не можетъ допустить, чтобы избѣтная часть гражданъ была исключена изъ пользованія правами, предоставляемыми этими договорами. На этихъ основаніяхъ, означенный офиціозный органъ требовалъ полной эманципаціи евреевъ въ приданайскихъ земляхъ.

Затѣмъ, уже въ пятомъ засѣданіи конгресса, происходившемъ 12/24 іюля, первый уполномоченный Франціи, министръ иностранныхъ дѣлъ *Ваддингтонъ*, во время преній объ учрежденіи болгарскаго княжества, внесъ между прочимъ слѣдующее предложеніе:

„Всѣ болгарскіе подданные, какова бы ни была ихъ религія, будутъ пользоваться полнымъ равенствомъ правъ. Они могутъ участвовать во всѣхъ общественныхъ занятіяхъ, должностяхъ, и почестяхъ и различіе религіи не можетъ быть поводомъ къ ихъ исключенію.

„Богослуженіе и внѣшніе обряды всѣхъ исповѣданій будутъ вполнѣ свободны, и никакое препятствіе не должно быть полагаемо ни іерархической организаціи различныхъ общинъ, ни ихъ отношеніямъ съ ихъ духовными главами“.

Предложеніе это было затѣмъ единогласно принято въ VI засѣданіи конгресса (13/25 іюня), и лишь въ редакціи его сдѣлана предложенная вторымъ уполномоченнымъ Франціи, г. *Денрзъ*,

замѣна словъ: „болгарскіе подданные“—словами: „жители Болгаріи“. Такимъ образомъ, въ общемъ постановленіи, безъ всякихъ особыхъ регламентацій, установлена была полная равноправность евреевъ въ Болгаріи.

Не такъ просто обошлось дѣло, когда рѣчь зашла объ этомъ же предметѣ относительно Сербіи. Тутъ уже завязались пренія, и повидимому довольно оживленные. Къ сожалѣнію, въ протоколахъ берлинскаго конгресса они переданы въ чрезвычайно сжатомъ и почти даже довольно неясномъ изложеніи.

Дѣло происходило 16/28 іюня въ VIII засѣданіи конгресса, при собраніи президентомъ, княземъ Бисмаркомъ, голосовъ о признаніи независимости Сербіи, и вотъ, что мы находимъ объ этомъ предметѣ въ протоколахъ берлинскаго конгресса:

Лордъ Сэлмсбери (второй уполномоченный Великобританіи) признаетъ независимость Сербіи, но полагаетъ, что было бы своевременнымъ примѣнить къ княжеству великій принципъ религіозной свободы.

Г. Ваддингтонъ (первый уполномоченный Франціи), равнымъ образомъ, признаетъ независимость Сербіи, но подъ условіемъ принятія слѣдующаго предложенія, тождественнаго съ тѣмъ, которое конгрессъ принялъ для Болгаріи:

„Жители княжества Сербіи, какова бы ни была ихъ религія, будутъ пользоваться полнымъ равенствомъ правъ. Они могутъ участвовать во всѣхъ общественныхъ занятіяхъ, должностяхъ и почестяхъ, и практиковать всѣ професіи, и различіе религіи не можетъ быть поводомъ къ ихъ исключенію.

„Богослуженіе и внѣшніе обряды всѣхъ исповѣданій будутъ вполнѣ свободны и никакое препятствіе не должно быть полагаемо ни іерархической организаціи различныхъ общинъ, ни ихъ отношеніямъ съ ихъ духовными главами“.

Князь Горчаковъ (государственный канцлеръ, первый уполномоченный Россіи) опасается, чтобы эта редакція не примѣнилась бы специально къ евреямъ, и, не противясь выраженнымъ въ ней общимъ принципамъ, его свѣтлость не желаетъ, чтобы еврей-

ский вопрос, о котором будет рѣчь впоследствии*, былъ предрѣшаемъ предварительною декларацией. Если рѣчь идетъ только о религиозной свободѣ, князь Горчаковъ объявляетъ, что она всегда прихвѣлялась въ Россіи; съ своей стороны, онъ выражаетъ полнѣйшее согласіе съ этимъ принципомъ и готовъ распространить его въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но такъ какъ дѣло идетъ о гражданскихъ и политическихъ правахъ, то его свѣтлость проситъ не смѣшивать евреевъ Берлина, Парижа, Лондона или Вѣны, которымъ, конечно, нельзя отказать ни въ какомъ гражданскомъ и политическомъ правѣ, съ евреями Сербіи, Румыніи и нѣкоторыхъ русскихъ губерній, которые, по его мнѣнію, составляютъ истинный бичъ туземныхъ населеній.

На замѣчаніе князя Бисмарка, президента конгресса, перваго уполномоченнаго Германіи, что можетъ быть, это прискорбное положеніе евреевъ слѣдуетъ приписать именно ограниченію гражданскихъ и политическихъ правъ, князь Горчаковъ припоминаетъ, что въ Россіи правительство должно было, подъ вліяніемъ абсолютной необходимости, оправданной опытами, подчинить евреевъ нѣкоторыхъ губерній исключительному режиму, чтобы оградить интересы населеній.

Г. Ваддингтонъ думаетъ, что весьма важно воспользоваться этимъ торжественнымъ случаемъ, чтобы утвердить принципы религиозной свободы представителями Европы. Его превосходительство прибавляетъ, что Сербія, требующая вступленія въ европейскую семью на одинаковой ногѣ съ прочими государствами, должна предварительно принять принципы, служащіе основаніемъ соціальной организаціи во всѣхъ государствахъ Европы, и принять ихъ, какъ необходимое условіе той прерогативы, о которой она ходатайствуетъ.

Князь Горчаковъ продолжаетъ думать, что евреямъ нельзя предоставить исполнѣ гражданскія и политическія права въ Сербіи.

Графъ Шуваловъ (второй уполномоченный Россіи) замѣчаетъ, что эти заявленія не составляютъ въ принципѣ оппозиціи французскому предложенію: еврейскій элементъ, слишкомъ значительный въ нѣкоторыхъ русскихъ губерніяхъ, долженъ былъ сдѣлаться

* Впоследствии, однако, соціально о сферахъ рѣчи болѣе на конгрессѣ не было.

предметомъ специальной регламентаціи, но его превосходительство надѣется, что въ будущемъ можно будетъ предупредить неопровержимыя неудобства, указанныя княземъ Горчаковымъ, не касаясь свободы исповѣданій, развитія которой желаетъ Россія.

Князь Бисмаркъ присоединяется къ французскому предложенію, заявляя, что Германія всегда на сторонѣ всякаго предложенія, благоприятнаго религиозной свободѣ.

Графъ Лонэ (второй уполномоченный Италіи) говоритъ, что отъ имени Италіи онъ съищитъ присоединиться къ принципу религиозной свободы, составляющему одну изъ существенныхъ основъ его родины, и что онъ присоединяется къ заявленіямъ, сдѣланнымъ по этому поводу Германіей, Франціей и Великобританіей.

Графъ Андраши (первый уполномоченный Австро-Венгрии) высказывается въ томъ же смыслѣ, и отоманскіе уполномоченные не представляютъ никакого возраженія.

Князь Бисмаркъ, заявивъ о результатѣ голосованія, объявляетъ, что конгрессъ принимаетъ независимость Сербіи, но подъ условіемъ, чтобы религиозная свобода была признана въ княжествѣ. Его свѣтлость прибавляетъ, что редакціонная коммиссія, формулируя это рѣшеніе, должна будетъ констатировать установленную конгрессомъ связь между объявленіемъ сербской независимости и признаніемъ религиозной свободы.

Въ такомъ-то видѣ разбирали такъ называемый еврейскій вопросъ европейскимъ ареопагомъ. Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробную оцѣнку высказанныхъ уполномоченными мнѣній и взглядовъ. Но—если даже держаться мнѣнія уполномоченныхъ, высказавшихъ, что не слѣдуетъ смѣшивать евреевъ Берлина, Парижа, Лондона или Вѣны, „которымъ, конечно, нельзя отказать ни въ какомъ гражданскомъ и политическомъ правѣ“, съ евреями Сербіи, Румыніи и нѣкоторыхъ русскихъ губерній, которые составляютъ истинный бичъ туземныхъ населеній—то все таки какъ то невольно бросается въ глаза тотъ фактъ, та странная случайность, что именно тамъ, въ тѣхъ немногихъ странахъ, гдѣ они находятся въ стѣсненномъ

и безправномъ положеніи, евреи составляютъ бичъ населенія, между тѣмъ, какъ во всѣхъ прочихъ, гдѣ они не подлежатъ исключительнымъ законамъ, имъ нельзя отказать ни въ какомъ гражданскомъ или политическомъ правѣ.

Въ десятожь засѣданіи конгресса, при обсужденіи вопроса о признаніи независимости Румыніи, по этому предмету снова происходили пренія, но уже не столь оживленные, и въ протоколѣ этого засѣданія они переданы въ слѣдующемъ видѣ:

Г. Ваддингтонъ объявляетъ, что, вѣрные принципамъ, одушевлявшимъ ихъ до сихъ поръ, французскіе уполномоченные требуютъ, чтобы конгрессъ назначилъ для румынской независимости тѣ же условія, что и для независимости сербской. Его превосходительство не скрываетъ отъ себя мѣстныхъ затрудненій, существующихъ въ Румыніи, но, по тщательномъ разсмотрѣніи аргументовъ, представляющихся въ томъ и другомъ смыслѣ, французскіе уполномоченные сочли за лучшее не отступать отъ великаго принципа равенства правъ и свободы вѣроисповѣданій. Трудно впрочемъ, чтобы румынское правительство отвергло на своей территоріи принципъ, принятый въ Турціи для ея собственныхъ подданныхъ. Его превосходительство думаетъ, что нельзя колебаться, что Румынія, требующая вступленія въ великую европейскую семью, должна принять на себя повинности и даже непріятности положенія, преимуществъ котораго она требуетъ, и что долго не встрѣтится столь торжественный и рѣшительный случай утвердить снова принципъ, составляющіе честь и безопасность цивилизованныхъ націй. Что же касается мѣстныхъ затрудненій, то первый французскій уполномоченный полагаетъ, что оныя легче будутъ устранены, когда эти принципы будутъ признаны въ Румыніи и когда еврейское племя узнаетъ, что можно возлагать надежду только на свои собственные усилія и на солидарность своихъ интересовъ съ интересами туземныхъ населеній. Въ заключеніе *г. Ваддингтонъ* настаиваетъ, чтобы одинаковыя условія общественнаго и религіознаго порядка, назначенныя для Сербіи, были бы, равнымъ образомъ, возложены и на румынское государство.

Князь Бисмаркъ, ссылаясь на принципъ публичнаго права,

дѣйствующіе на основаніи конституціи Германской Имперіи, и на интересъ, принимаемый общественнымъ мнѣніемъ въ томъ, чтобы тѣ же принципы, которымъ слѣдуютъ во внутренней политикѣ, примѣнялись и къ политикѣ внѣшней, объявляетъ, отъ имени Германіи, что оныя присоединяется къ французскому предложенію.

Графъ Андраши присоединяется къ французскому предложенію.

Лордъ Биконсфильдъ говоритъ, что даетъ полное согласіе, отъ имени англійскаго правительства, на французское предложеніе. Его превосходительство ни на минуту даже не предполагаетъ, чтобы конгрессъ призналъ независимость Румыніи внѣ этого условія.

Уполномоченные Италіи дѣлаютъ ту же декларацію.

Князь Горчаковъ, ссылаясь на выраженія, которыми было мотивировано французское предложеніе и которыя даютъ самое широкое распространеніе религіозной свободѣ, вполне присоединяется къ этому предложенію.

Такимъ образомъ полная равноправность евреевъ установлена была и для Румыніи.

Довольно характеристично, какъ эти постановленія конгресса были приняты въ Румыніи и Сербіи. Румынское правительство, устами своего органа «*Romanul*», съ благороднымъ гнѣвомъ заявило, что европейскіе уполномоченные совершаютъ насилие надъ румынскимъ народомъ, внѣшиваются въ его чисто внутренній дѣла, посягаютъ на румынскую конституцію и т. д. Сербское же правительство поспѣшило, что называется, *faire bonne mine aux mauvais jeux*, и чрезъ своего министра Ристича извѣстило конгрессъ, что оныя тотчасъ по заключеніи мира воспользуется первымъ случаемъ, чтобы законнымъ путемъ уничтожить послѣднее ограниченіе относительно евреевъ. Но ни крики негодованія румынскаго правительства, ни податливость сербскаго ни къ чему не повели, и конгрессъ ни на іоту не измѣнилъ въ этомъ отношеніи своихъ рѣшеній.

Объ упомянутомъ сообщеніи сербскаго правительства мы нахо-

димъ слѣдующее въ протоколѣ XII-го засѣданія конгресса, происходившаго 22-го юня (2-го юля):

Президентъ упоминаетъ о списокѣ петицій № 9-й и особенно о сообщеніи, адресованномъ конгрессу г. Ристичемъ, съ извѣщеніемъ конгресса, что князь Миланъ уполномочилъ его заявить, что сербское правительство воспользуется первымъ случаемъ послѣ заключенія мира, чтобы законнымъ путемъ уничтожить послѣднее ограниченіе, существующее въ Сербіи относительно положенія евреевъ.—Его свѣдѣность, не входя въ разборъ вопроса, замѣчаетъ, что слова „законнымъ путемъ“ кажутся ограниченіемъ, на которое онъ обращаетъ вниманіе высокаго собранія. Князь Висмаркъ считаетъ долгомъ констатировать, что это ограниченіе ни въ какомъ случаѣ не ослабитъ силы рѣшеній конгресса.

Очевидно прежніе опыты и эксперименты, которые Румыніа и Сербія дѣлали надъ евреями, не пропали даромъ, и князь Висмаркъ приять ихъ во вниманіе.

Согласно съ этимъ и тѣ статьи Берлинскаго трактата, которые относятся къ религіозной свободѣ и гражданской и политической равноправности людей всякаго происхожденія и всякаго исповѣданія въ Болгаріи, Сербіи и Румыніи, редактированы съ такою ясностью, которая уже не допускаетъ никакого ложнаго толкованія и никакихъ натяжекъ. Статьи эти, именно ст. V, XXXV и XLIV—суть почти дословное повтореніе, вышеприведеннаго, относящагося къ этому предмету, предложенія перваго французскаго уполномоченнаго, г. Ваддингтона, и гласить такъ:

„Въ Болгаріи—ст. V (Сербіи—ст. XXXV, Румыніи—ст. XLIV). различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія

различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы ни было мѣстности.

„Свобода и въпншее отравленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всеми уроженцами Болгарскаго, (Сербскаго, Румынскаго) государства, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.“

Но къ статьѣ XLVI, кромѣ того, вѣроятно во вниманіе къ той особенной ловкости и изворотливости, которая румынскіе судьи и администрація постоянно обнаруживали по отношенію къ евреямъ, сдѣлано еще слѣдующее прибавленіе:

“Подданные всякъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ“.

Такимъ образомъ русско-турецкая война имѣла свои благотельныя послѣдствія и для евреевъ, и полная гражданская и политическая равноправность ихъ теперь уже установлена во всѣхъ почти странахъ Европы.

Ближайшимъ результатомъ вышеприведенныхъ постановленій Берлинскаго конгресса было измѣненіе тѣхъ статей Сербской конституціи, которые направлены противъ равноправности евреевъ. Въ одной изъ иностранныхъ газетъ мы находимъ телеграмму изъ Бѣлграда отъ 16/28 юля, извѣщающую, что, вслѣдствіе предложенія правительства Скупщина, въ своемъ засѣданіи (15/27 юля) въ Крагуевацѣ, постановило: отмѣнить статьи Сербской конституціи, направленныя противъ равноправности евреевъ и провозгласить эманципацію евреевъ и право повсемѣстнаго жительства ихъ во всѣхъ областяхъ и мѣстностяхъ страны.

Сербское правительство во всякомъ случаѣ очень умно поступило, показавъ такимъ образомъ Европѣ, что сообщеніе, сдѣланное

конгресу его министромъ Ристичемъ, не были пустяга слова. Авось Европа впередъ окажетъ ему больше довѣрія.

Для полноты нашего очерка мы нѣсколько остановимся здѣсь на отзывахъ нѣкоторыхъ выдающихся иностранныхъ органовъ по поводу интересующихъ насъ теперь постановленийъ Берлинскаго конгресса.

На германской печати намъ нечего останавливаться, такъ какъ мы уже раньше привели ея отзывы о необходимости полной эманципации евреевъ на Востокѣ. Известная французская влиятельная газета „Journal des Débats“, упоминаю о вышеупомянутыхъ постановленіяхъ конгресса и объ условіи признанія независимости Румыніи и Сербіи лишь подъ непремѣннымъ условіемъ установленія въ этихъ странахъ полной, неограниченной равноправности всѣхъ исповѣданій, замѣчаетъ: „это, безъ сомнѣнія, самая утѣшительная, самая похвальная и заслуживающая самого высокаго одобренія сторона конгресса“. — Лондонскій „Times“, устами своего Берлинскаго корреспондента, между прочимъ, говоритъ, что какъ бы кто ни смотрѣлъ на дѣятельность Берлинскаго конгресса, все таки нельзя не признать за послѣднимъ той заслуги, „что онъ въ теченіе одной недѣли три раза прокламировалъ принципъ свободной совѣсти, который едва-ли по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній сдѣлается бы достояніемъ тѣхъ фанатическихъ странъ, гдѣ онъ теперь введенъ безапелляціонной волей Европы. Это и есть великое твореніе конгресса, которое доставить ему въ исторіи названіе „конгресса свободы совѣсти“.

Читатели, можетъ быть, полюбознѣтствуютъ узнать, какъ отнеслася къ этому предмету наша, русская, печать? На этотъ вопросъ мы можемъ имъ отвѣтить только, что она, печать наша, объ этомъ предметѣ... молчала.

А. Л.

1 августа 1878 г.

II. Отзывы нашей печати объ иностранныхъ евреяхъ.

Великая вещь, скажу я вамъ, любезные читатели, переѣмна климата. Не только освобождаешься отъ разныхъ, тяготившихъ надъ тобою физическихъ болѣстей и недуговъ, но иногда и все твоё нравственное міросозерцаніе совершенно измѣняется. Все, что тебѣ на родинѣ почему-то казалось негоднымъ, сквернымъ и гадкимъ, тамъ является въ твоихъ глазахъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, и ты готовъ отказаться отъ самыхъ сокровенныхъ твоихъ мнѣній, отъ съ дѣтства привитыхъ теорій и взглядовъ—и все лишь потому, что ты находишься въ другомъ климатѣ, подъ другими градусами широты и долготы, чѣмъ въ твоей родинѣ или въ твоёмъ обыкновенномъ мѣстопребываніи.

Читатели, можетъ быть, найдутъ высказанныя нами положенія нѣсколько парадоксальными, но мы увѣрены, что если они прочтутъ приводимыя ниже корреспонденціи изъ Берлина и Лондона, помѣщенные недавно въ газетахъ „Голосъ“ и „Новое Время“, то непремѣнно придутъ къ такому же заключенію относительно рѣшительнаго вліянія климатическихъ условій.

Ибо какъ же иначе вы объясните тотъ необычайный фактъ, что въ цѣломъ фельетонѣ „Голоса“, изъ котораго шесть столбцевъ посвящены евреямъ, послѣдніе ни разу не удостоиваются названія жидовъ-эксплуаторовъ, шлюбокъ, язвъ и т. п. лестныхъ эпитетовъ. Какими другими причинами, спрашиваю я васъ, объясните вы то необычайное явленіе, что сотрудникъ „Новаго Времени“—нигѣшнато, самоновѣйшаго, издѣлія г. А. С. Суворина—въ своей лондонской корреспонденціи, посвященной исключительно англійскимъ евреямъ, иѣтъ и помину о томъ литературномъ башибузукствѣ, о той площадной ругани, которымъ такъ часто и съ такимъ апломбомъ украшаются страницы суворинской газеты, лишь

только рѣчь заходить о чемъ либо, касающемся евреевъ или еврейства, кетати и не кетати, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.— Сотрудникъ „Голоса“ прямо выступаетъ въ защиту германскихъ евреевъ, которымъ, говоря его словами, „Германія столькимъ обязана,“ и которые „кромя добра ничего въ сущности имъ (нѣмцамъ) не одѣляли,“ но на которыхъ тѣмъ не менѣе, по случаю выборной агитации, посыпались самыя нелѣпыя нападки.— Корреспондентъ „Новаго Времени“ хвалитъ английскихъ евреевъ, и даже многое у нихъ находитъ лучшимъ чѣмъ у природныхъ англичанъ.— Вотъ, любезный читатель, какія иногда бываютъ чудныя метаморфозы, ничѣмъ, по нашему мнѣнью, необъяснимыя, кромя перемѣны климатическихъ условий.

Но послушаемъ самихъ гг. корреспондентовъ.

Спеціальный корреспондентъ „Голоса“ пишетъ изъ Берлина отъ 28 июля:

„Думалъ ли кто въ Европѣ, думалъ ли г. Ваддингтонъ въ то время, когда такъ горячо ратовалъ на конгрессѣ за свободу совѣсти и гражданскую равноправность евреевъ въ Турціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи, что всѣ эти прекрасныя рѣчи весьма нехудо бы повторить и самой Германіи, ея «культуртрегерскому» народу? А между тѣмъ, это такъ. Нѣмцамъ, дѣйствительно, не мѣшало бы самимъ проникнуться хоть немного тѣми великими и благородными принципами философіи, разработкою которой они такъ справедливо гордятся и которую, къ сожалѣнью, сами же первые забываютъ или, лучше сказать, не хотятъ знать больше.»

Приписывая это нравственной порчѣ, начинающей вкрадываться въ тѣло еще столь молодой Германіи, авторъ приподитъ доказательства своего положенія изъ разныхъ общественныхъ сферъ и затѣмъ продолжаетъ:

„Кому могло бы придти въ голову, пятнадцать лѣтъ назадъ, что въ просвѣщенной Германіи можетъ возникнуть и разгорѣться нетолько социальная—это понятно—но и религіозная вражда? Теперь это совершается на глазахъ всѣхъ. Прислушиваясь къ стран-

нѣмъ рѣчамъ, произносимымъ на сходкахъ избирателей, читая еще болѣе странныя статьи, переходящія здѣсь изъ руки въ руку, въ видѣ летучихъ уличныхъ листовъ, я нисколько не удивляюсь, если услышу, въ одинъ прекрасный день, объ избіеніи евреевъ въ Берлинѣ или Мюнхенѣ, въ родѣ того, какъ это дѣлалось не разъ въ Румыніи, въ Одессѣ, а недавно, если не ошибаюсь, въ Калишѣ. Въ Германіи, просвѣщенной, призванной внести настоящую культуру во весь божій міръ, въ Германіи, гдѣ евреи столько лѣтъ уже пользуются всѣми гражданскими правами и гдѣ они, болѣею частью, отмѣчаются до того, что со второго же поколения теряютъ всякій слѣдъ своего еврейскаго происхожденія, въ Германіи, которая столькимъ обязана евреямъ, слово еврей сдѣлалось теперь самымъ оскорбительнымъ изъ всѣхъ бранныхъ словъ, словомъ, которое вызываетъ въ почтенныхъ, чистокровныхъ нѣмцахъ бурю негодованія, потоки исполненныхъ яда бранныхъ рѣчей! Трудно представить себѣ, что за вздорную и что за возмутительную чепуху несутъ «культуртрегеры» всѣхъ партій, говоря объ этихъ несчастныхъ евреяхъ, ничего, въ сущности, кромя добра, имъ несдѣлавшихъ.

И добро бы они говорили такъ дома, между собою, въ интимномъ кружкѣ—тогда, Христосъ съ ними, пусть бы ввали себѣ что хотять. Но вѣтъ: они гремятъ вселескими, ни съ чѣмъ несообразными обвиненіями противъ евреевъ, говоря къ народу, къ толпѣ, на избирательныхъ сходкахъ, гдѣ присутствуетъ масса простаго, грамотнаго, но все же необразованнаго въ полномъ значеніи этого слова и неразвитаго люда. Они въ этомъ народѣ, въ этой толпѣ разжигаютъ ненависть къ евреямъ и рѣчамъ своимъ, и статьями въ народныхъ газеткахъ и брошюркахъ. И что всего замѣчательнѣе—обинность дѣйствій всѣхъ партій въ этомъ непохвальномъ отношеніи. Ненавидя другъ друга съ самою отчаянною яростью, осмылая другъ друга обвиненіями въ самыхъ неслыханныхъ преступленіяхъ и еще болѣе преступныхъ замыслахъ, социаль-демократы и юнкеры, либералы и консерваторы, ультрамонтаны и прогрессисты сходятся въ самомъ трогательномъ единодушіи, какъ скоро рѣчь коснется евреевъ. Даже такъ называемые социалист-христиане (здѣсь и такая партія есть!), издающіе съ недавняго

времени народную газету и поставившие на ней эпитафией предельнейший девиз: «возлюбите ближнего своего, как самого себя», даже эти социалисты-псевдохристиане нападают на евреев с чисто языческим остервенением! Называя себя последователями Христа по преимуществу, Христа, страдавшего и умершего, чтобы даровать человечеству божественный закон любви и всепрощения, эти люди проповедают религиозную вражду и социальную ненависть, указывая толпы на евреев, как на первую и главную причину всех бед...

«Послушать ораторов различных партий, так всё пугды, всё бедствия и все, что есть дурного в Германии, происходит не от кого иного, как от евреев. Подите к социаль-демократам—вы услышите, что, если экономическое состояние Германии плачевно, если торговля ухудшилась и рабочие классы нуждаются, то исключительно по вине евреев: они захватили всё богатства, всю промышленность, всю торговлю в свои руки. Подите к юнкерам и к консерваторам—они скажут вам, что, если язва социализма разъедает Германию и анархия грозит опрокинуть в ней весь существующий порядок, в этом виноваты евреи: будучи совершенно заслуженно париями общества, паразитами и пиявками народов, достаточно слабым и легковерным, чтобы терпеть их среди себя, они стремятся к разрушению и разложению всего доброго и справедливого. Либералы, с своей стороны, не остаются в долгу. По их убеждению, если общественное мнение год от года становится слабее в Германии, если оно терпит и подчас одобряет злоупотребления власти, в этом, опять-таки, виноваты евреи, которые пролезли в печать, овладели ею и заразили ее своею природною мерзостью, развратили ее, сдѣлали ее пресмыкающеюся и продажною. Суды перестают, мало-по-малу, быть честными представителями беспристрастного закона—опять евреи виноваты; все, вездѣ евреи! Они наводнили суды своимъ, по натурѣ, безчестнымъ отродьемъ, они наполнили нетолько скамьи адвокатовъ, гдѣ грабятъ истинныхъ и отвѣтчиковъ, но и судейскія и прокурорскія кресла, и, разумеется, судъ не можетъ быть независимымъ и неподкупнымъ тамъ, гдѣ онъ отправляется трусливыми и продажными, жадными къ на-

живѣ субъектами семитическаго племени. Честь, родина, благо народа, благо общества, что все это для евреев? Пустые звуки. Ubi bene ibi patria—вотъ нравственный идеалъ немѣющаго отечества еврей; талеръ, марка, пфенингъ—вотъ его еврейская тропка. Объ ультрамонтанахъ и говорить нечего. Естественно, двигатели чудовищной борьбы противъ святаго отца и святаго римской церкви, борьбы, такъ несправедливо называемой культуркампфомъ, суть не кто иные, какъ евреи. Культуркампфъ потому и заявлялся именно въ Германіи, что въ ней, несчастной, кромѣ ереси протестантизма, расплодился еще эти исконные ненавистники Христа, предки которыхъ расплали Божественнаго Учителя, а потомки порываютъ теперь искоренить и самое учение его, преслѣдуя върныхъ сыновъ истинной церкви! Это гражданскій обрядъ бракосочетанія, дозволяющій заключеніе браковъ между нехристианами-иудеями и христианами, вносить разлагающее въ общество, смѣшивая чистую кровь тевтоновъ съ проклятою Богомъ кровью мучителей Христа!..

«И толпа бѣдныхъ темныхъ, невѣждъ слушаетъ всю эту чудовищную дичь и проникается ненавистью къ евреямъ! Если же кто-нибудь вздумаетъ сказать разумное, безпристрастное слово, предостережетъ народъ отъ навязываемаго ему насильно безобразнаго чувства сдѣланной вражды, тому кричатъ: «ты самъ жидъ, должно быть! прочь жидъ! долой жидовское отродье!»

«Все это совершается открыто, совершается въ то самое время, когда въ Берлинѣ же, подъ руководствомъ германскаго канцлера, провозглашена свобода совѣсти и равноправность гражданъ передъ закономъ въ полудикой Турціи, въ полудивилизованныхъ Румыніи, Сербіи и Болгаріи! Но что же дѣлаетъ князь Бисмаркъ? Какъ онъ относится къ этому новому и столь замѣтельному явленію въ его возлюбленной единой Германіи? А князь Бисмаркъ ничего не дѣлаетъ, никакъ не относится—онъ только улыбается и потираетъ себѣ руки.

«Оно и естественно; иначе и быть не можетъ. «Евреи такой неприятный народъ; между ними встрѣчаются заурядъ такіе истинно противныя и опасныя для благоустроеннаго общества личности. Напримеръ, Ласкеръ—что можетъ быть хуже этого человѣка? А, вѣдь, онъ еврей! Да и онъ ли одинъ? Боже мой, сколько такихъ!

Уж и то довольно оскорбительно для самолюбия истинного германца, что из 20-ти великих и знаменитых людей Германии на попроще науки, литературы, искусств, 15 непременно евреи по происхождению, а тут еще самые выдающиеся корифеи социализма тоже евреи, не Гёдели и Нобилинги—вѣтъ, эти, къ несчастью, несомнѣнные нѣмци; именно корифеи, предводители партій, провозвѣстники идеи! Нехудо побить немножко спиѣс этому черезчуръ ужъ талаптливому племени, которое слишкомъ что-то акклиматизовалось въ Германиѣ, такъ что и въ самомъ дѣлѣ вообразило себя полноправнымъ по праву, а не по милости только. Ово трусливо; пусть же увидитъ, пусть убѣдится, какъ еще далеко отъ народнаго сознанія то равенство, которое постепенно введено въ законъ—это сдѣлаетъ подавленное его нектати влиятельныхъ представителей! И вотъ такимъ-то образомъ проповѣдывается въ культурной Германиѣ гопение на евреевъ...

„Знаете ли, кто первый началъ его проповѣдывать? Это почти невѣроятно, до того это кажется нелѣпо, но это такъ. Первымъ ненавистникомъ евреевъ въ Германиѣ, первымъ агитаторомъ противъ нихъ явился гениальный, по мнѣнью однихъ, сумасшедшій, по мнѣнью другихъ, композиторъ Рихардъ Вагнеръ! Ненависть отца «музыки будущаго» понятна: Мейерберъ, Мендельсонъ, Галевн—всѣ эти великие композиторы, имя которыхъ онъ не можетъ слышать безъ перваго содроганія, были евреи! Но не смѣшно ли, что эта ненависть несомнѣнно не въ нормальномъ состояннн находится музыканта можетъ имѣть влннне на дѣлн и, притомъ, такой просвѣщенннй, такой сильннй народъ, какъ германскнй. Вагнеръ издаетъ, какъ известно, «Бафрейтскнй Листокъ» и въ немъ мечетъ ежедневно громы и молннн противъ евреевъ. Нѣтъ что подобное дѣлаютъ и ультрамонтаны. Они, въ своемъ органѣ «Германия», печатаютъ, время отъ времени, злыя и ядовитыя статьи противъ евреевъ и, не довольствуясь обычными читателями, дѣлаютъ отдѣльные оттиски враждебныхъ еврейскихъ статей, которыя распространяютъ всюду, въ видѣ летучихъ уличныхъ листовокъ.

„Такъ вотъ какія мнлня явленнн кроются подъ сѣнью культуры у нашихъ сосѣдей и какне вкусные плоды приноснт имъ

древо побѣдъ. Богъ съ ними, съ побѣдами, если ихъ надо покупать такую цѣною!..

Конечно, все мною написанное представляетъ далеко не полную картину выборнаго движенія въ Берлинѣ, которое, понятно, не ограничивается исключительно однимъ выраженіемъ ненависти къ еврейамъ, и самая ненависть эта не составляетъ единственной выдающейся черты среди современныхъ нѣмцовъ и не поглощаетъ собою общаго вниманія. Но она одна изъ выдающихся чертъ и настолько характерная, что я не стою возможнымъ умолчать о ней. Меня она поразила до крайности и я, по правдѣ сказать, крайне удивленъ, что о ней такъ мало говорятъ, не въ здѣшнихъ газетахъ—это понятно, а въ иностранныхъ. Здѣшнія газеты раздѣляются на два лагеря: однѣ постоянно дѣлаютъ вылазки противъ евреевъ, хотя и избѣгая черезчуръ рѣзкой формы въ печати, другія издаются или редижируются евреями и молчатъ, боясь навлечь на себя потокъ всяческихъ, болѣе или менѣе неблагоприятныхъ писнуацій и обвиненіе въ пристрастнн, вслѣдствіе еврейскаго происхожденія. Онѣ не отвѣчаютъ даже тогда, когда враги ихъ печатаютъ такой, напримѣръ, вздоръ, какой появился вадняхъ въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ газетахъ, объявившихъ, будто прусаки потому были разбиты Наполеономъ I-мъ подъ Іеною, что евреи измѣнили и выдали ихъ французамъ...

Такое заступничество сотрудника „Голоса“ за германскихъ евреевъ.—Корреспондентъ же „Новаго Времени“ пишетъ слѣдующее изъ Лондона, отъ 2/14 августа, объ евреяхъ англійскихъ:

„За все время борьбы здѣшнихъ партій по поводу восточной политики огромное большинство англійскихъ евреевъ было постояннымъ и надежнымъ союзникомъ правительства. Даже такіе либеральные члены парламента, какъ недавно умершій Гольдсмитъ и Самуда (послѣдній подобно лорду Биконсфилду крещеный еврей), вотровали постоянно съ министерствомъ. Численность евреевъ въ Англии гораздо значительнѣе, чѣмъ она показывается въ официальныхъ отчетахъ. Въ одномъ Лондонѣ ихъ вѣроятно наберется не менѣе того числа, которое официальная статистика даетъ для всей Англнн. Это несоответствіе между официальными и не-

ниями и действительностью происходит, впрочем, главным образом от присущаго евреям нерасположенія къ перемѣнамъ и отъ постояннаго значительнаго притока сюда еврейскаго элемента изъ восточной Пруссіи и русскихъ западныхъ губерній. Ежегодно переселяющіеся сюда прусскіе и русскіе или польскіе евреи составляютъ собою весьма значительную часть населенія одного изъ обширѣйшихъ и вмѣстѣ бѣднѣйшихъ еврейскихъ кварталовъ Лондона, находящагося по сосѣдству съ Сити. Они на первое время удерживаютъ свойственный имъ покроя платья и даже свои классическіе пейсы, чѣмъ рѣзко выдѣляются отъ своихъ англійскихъ единовѣрцевъ. Общая картина, представляемая населяемыми ими кварталами, особенно по субботамъ и воскресеньямъ, удивительно напоминаетъ собою еврейскіе кварталы польскихъ и западно-русскихъ городовъ. Натурализованные англійскіе евреи съ нѣкотораго времени подраздѣляются на два лагеря: евреевъ-ортодоксовъ и евреевъ реформированныхъ. И тѣхъ, и другихъ по наружности можно только съ трудомъ отличить отъ истыхъ англичанъ. Тѣ и другіе отбросили всѣ тѣ отличія, которыя могли бы обращать на нихъ вниманіе толпы. Но въ своей домашней, семейной жизни, и вообще въ своей средѣ, евреи-ортодоксы продолжаютъ строго держаться, часто крайне стѣснительныхъ, формальныхъ предписаній талмуда. Это наблюденіе обрядовой стороны вмѣстѣ съ воспрещеніемъ браковъ съ иновѣрцами является весьма серьезнымъ препятствіемъ къ ихъ болѣе тѣсному сближенію съ христіанами. Совершенно другое должно сказать о реформированныхъ евреяхъ. Они отбрасываютъ совершенно всю обрядовую сторону своего ученія и держатся только духа Библии. Ихъ религіозное ученіе въ сущности мало чѣмъ отличается отъ ученія крайнихъ нѣмецкихъ богослововъ. Вся ихъ церковная служба состоитъ въ чтеніи Библии, сопровождаемомъ музыкой и пѣніемъ, мотивы которыхъ заимствованы у протестантовъ. Самыя синагоги ихъ по своему устройству очень походятъ на англійскія церкви, отличающіяся отъ нихъ только болѣе большимъ вкусомъ въ своихъ деталяхъ и положительно болѣею чистотою и опрятностью. Реформированные евреи существуютъ не въ одной Англій, и появленіе ихъ всюду происходитъ почти одновременно съ распрост-

равненіемъ на евреевъ политической равноправности. Если между этими евреями и христіанами въ англійскомъ обществѣ можно еще иногда подмѣтить кой-какіе остатки старинной вражды, то это только со стороны англичанъ-христіанъ. Миѣ доводилось сталкиваться съ весьма развитыми англичанами, предубѣжденіе которыхъ противъ евреевъ, какъ цѣлой народности, не знаетъ границъ. Вліаніе бѣднѣйшихъ евреевъ на социально-политическую жизнь Англій, принимаемая во вниманіе крайне небольшой процентъ ихъ въ общемъ населеніи Великобританіи, громадно. Ихъ значеніе на здѣшнихъ денежныхъ рынкахъ вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію ихъ одноплеменниковъ на континентальныхъ рынкахъ. Они играютъ весьма видную роль въ англійской періодической прессѣ. Въ ихъ рукахъ находится чуть ли не самая распространенная въ Англій газета, оказавшая за послѣдніе два года бесспорно огромное вліаніе на направленіе англійскаго общественнаго мнѣнія. Враждебная ей въ началѣ „Times“ въ концѣ концовъ признала за болѣе выгодное для себя смиренно преклониться предъ ней, и радикально измѣнивъ свое направленіе, зашла съ ней въ союзъ. Въ англійскомъ парламентѣ, судѣ, администраціи, евреи, относительно, очень многочисленны и занимаютъ самыя выдающіяся мѣста. Такая выдающаяся роль ихъ въ англійской социально-политической жизни объясняется настолько же ихъ природными способностями, насколько духомъ удивительнаго общенія, товарищества и взаимной поддержки. Они сильны тою связью, которая существуетъ между ними. Еврей, откуда бы онъ ни явился въ Лондонъ, встрѣтитъ здѣсь готовый совѣтъ, а при случаѣ и матеріальную помощь. Въ этомъ отношеніи, намъ русскимъ, слѣдовало бы особенно поучиться у нихъ. Гдѣ и какіе русскіе кружки существуютъ за границей? И однакоже начала обязательности и взаимной солидарности лежатъ, кажется, въ самой основѣ русскаго народнаго характера. На это указываетъ быть нашихъ крестьянъ и самый характеръ ихъ поселеній, такъ рѣзко отличающійся, напримѣръ, отъ нѣмецкой ровни и разбросанности. Къ сожалѣнію, это приращенное русскимъ чувствомъ общительности при данныхъ обстоятельствахъ русской жизни не находитъ достаточно почвы для своего примѣненія и развитія. Въ самой школѣ, ко-

торая должна бы поддерживать и развивать это чувство, школьное начальство не жалеть никаких усилий для его искоренения. Но возвратимся къ нашему предмету настоящаго письма. Я сказалъ уже, что английскіе евреи распадаются на два противоположные лагера. Но при всей розни, существующей между этими лагерями, между ними нѣтъ и тѣни вражды. „Англо-еврейская ассоціація“, обнимающая собою цѣлую Англію, включаетъ въ себя совершенно безъ всякаго различія представителей того и другого лагеря. Дѣятельность этой ассоціаціи весьма обширна и плодотворна. Подобно дѣятельности парижскаго „Alliance Israélite“ она простирается всюду, гдѣ только есть нуждающіеся евреи; гдѣ только крайняя бѣдность и невѣжество ихъ нуждаются въ сторонней помощи. Одновременно съ опубликованіемъ англо-турецкой конвенціи, „Англо-еврейская ассоціація“ немедленно послѣдила снарядить своего агента въ Палестину для скупки земель и распредѣленія ихъ между тамошними бѣдными евреями. Огромнѣйшій капиталъ, завѣщанный престарѣлымъ Моисеемъ Монтефиоре, назначается для этой цѣли. Здѣшнія газеты, издающіяся специально для евреевъ, всматриваютъ въ этоиъ событіи чуть ли не начало возстановленія іерусалимскаго царства.

Прочитавъ обѣ эти корреспонденціи и сравнивъ ихъ духъ и направленіе съ духомъ и направленіемъ, столь рѣзко характеризующими все прочія статьи, письма и замѣтки о евреяхъ, появляющіяся въ означенныхъ выше органахъ печати, приходится только поневолѣ вспомнить старую поговорку: „Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“, или, парадиромъ извѣстное нѣмецкое стихотвореніе, воскликнуть:

Andere Länder, andre Vögel,

Andere Vögel, andre Lieder...

10 Августа 1878 г.

А. Л.

Ш. Одному изъ нашихъ судей.

Не судите,

Да не судимы будете.

Среди сочувственныхъ отзывовъ большей части русской журналистики *, которыми сопровождался V томъ „Еврейской Библиотеки“, въ виду заявленія о возможности ея прекращенія, нашелся лишь одинъ голосъ, нарушившій общую гармонію Нѣкто г. Р. И. обрушился на насъ съ такою яростію, съ такою пѣною у рта и такою злобой, точно его, годознаго, долго держали на цѣпи и нарочно потомъ спустили на нашу злополучную „Евр. Библи.“ или върѣе на насъ лично. Но извѣстно, что человекъ въ злобѣ всегда наворитъ глупостей. То же самое случилось и съ г. Р. И. (нынче время раскрытія всякихъ инцидентовъ и псевдонимовъ, а потому г. Р. И. простить насъ, если мы прямо будемъ называть его г. Робертомъ Ильишемъ). Весьма жаль, что г. Ильишъ, выдающій себя за глубокого знатока еврейства **, не вспомнилъ о талмудическомъ изрѣченіи, гласящемъ: въ трехъ моментахъ узнается человекъ: въ дѣлахъ денежныхъ, при стаканѣ вина и въ гнѣвѣ (векисау, векаусау у векайсау), иначе онъ навѣрно выпилъ бы стаканъ холодной воды и постарался бы успокоиться прежде, чѣмъ съестъ писать свою статью. Кстати и фантазія его нѣсколько-бы отъ этого поубавилась, а то она у него разыгралась уже черезъ чуръ. Но обратимся къ самой рецензії, озаглавленной: „Русскіе евреи и ихъ органы гласности“.

Вѣсто вступленія г. Ильишъ приводитъ выписку изъ романа Дизраэли, гдѣ авторъ говоритъ объ евреяхъ, что „это племя людей то же самое, что лошади арабской породы“, это чистая раса, такъ какъ они „во всемъ остались кровными семитами“, а

* Въ томъ числѣ даже и „Голоса“, какъ извѣстно, не сослѣзая отношеніемъ къ евреямъ и къ литературнымъ проважденіямъ.

** Въ своей книгѣ „Еврейскія мелодіи“, (стр. 170) г. Ильишъ, приводя слова одной еврейской молитвы, дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующее примѣчаніе: „Мы искренно дерзнемъ поправить здѣсь ошибку великаго Жана-Поля, который приводитъ эти слова молитвы, какъ курьезъ, приписывая ихъ даже забытому нидерландскому племеню. Мы полагаемъ—гордо своею великою ученостію, прибавляетъ г. Ильишъ—что знаемъ этотъ предметъ лучше великаго юмориста...“

раса вліяєть на качества (въ оригиналѣ: достоинства), но также и на недостатки*—и прибавляеть, что идеализирує еврея. Дразнил причинилъ иудазму болѣе вреда, чѣмъ всѣ сочиненія, писанныя противъ евреевъ*. Почему въ заявленіи, что евреи не сближались съ другими племенами, а потому сохранили весь расовый достоинства и недостатки, заключается идеализація евреевъ, мы рѣшительно въ толкъ не возьмемъ. Точно также весьма трудно себѣ представить, чтобъ эта идеализація причинила такой страшный вредъ евреямъ, какъ говоритъ г. Ильишъ, въ особенности, если принять въ расчетъ тотъ фактъ, что въ странѣ, гдѣ появлялись эти идеализаціи, евреи давнымъ давно уже обладаютъ всѣми правами политическими, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ, вмѣсто этихъ идеализацій, явились сочиненія въ родѣ „Ивановъ Выжигинныхъ“, у нихъ до сихъ поръ оспариваются еще даже самыя примитивныя права, гражданскія и человѣческія.

Но г. Ильишъ этимъ нисколько не стѣсняется. Для него высказанныя имъ положенія остаются неопровержимыми и онъ на нихъ строить дѣлую теорію зловредности всякихъ еврейскихъ органовъ и всякихъ специальныхъ сочиненій, посвященныхъ евреямъ. И разъ задавшись этой мыслью, г. Ильишъ уже ни предъ чѣмъ не останавливается: гдѣ ему нужно, онъ присочиняеть одинъ, извращаетъ другіе факты и, когда ему нужно, навязываетъ разнымъ лицамъ заявленія, о которыхъ гдѣ иногда и не думали. Такъ, по словамъ г. Ильиша, у насъ издавались еврейскіе органы еженедѣльные, ежемѣсячныя и ежегодныя*, между тѣмъ какъ никакихъ ни ежемѣсячныхъ, ни ежегодныхъ органовъ никогда у насъ не издавалось, и это плодъ фантазіи г. Ильиша, у котораго всѣ издатели еврейскихъ органовъ фигурируютъ подъ именемъ „самозванныхъ литераторовъ и реформаторовъ изъ евреевъ“, и такъ какъ они— „самозванцы“, то вѣроятно г. Ильишъ полагаетъ, что имъ можно навязывать все, что угодно, и даже то, что производить его собственная одичалая фантазія. Никогда эти „самозванные литераторы“ не думали утверждать, что единственно вслѣдствіе прекращенія ихъ органовъ евреи страдаютъ до сихъ поръ*, что потому то „они до сихъ поръ пользуются общими правами въ такихъ микроскопическихъ дозахъ“ и дѣло эманципаціи евреевъ такъ

туту итеть впередъ*. Никогда, ничего подобнаго ни одинъ изъ редакторовъ или издателей еврейско-русскихъ органовъ не говорилъ и не думалъ говорить, и нужно быть совершенно свободнымъ отъ всякаго дупства нравственной щепетливости, чтобъ послѣ этой выдумки прибавить еще слѣдующее: „Словомъ если вѣрить такъ называемымъ, черевымъ евреямъ, еслибъ имъ дали только возможность и средства издавать въ свѣтъ продукты ихъ головъ, то они разомъ порѣшили бы еврейскій вопросъ, въ мигъ осуществили бы эманципацію евреевъ.“

Разъ вступивши на этотъ прекрасный путь, г. Ильишъ никакъ не хочетъ своротить съ него, и его фантазія рисуетъ ему никогда оный такъ не бывающій „на русскомъ языкѣ дѣлую литературу по еврейскому вопросу... литературу громадную, обънимающую тысячи томовъ“. Нужно обладать фантазіей истинно „восточнаго челоуѣка“, чтобъ увлечься до такого абсурда, и г. Ильишу въ этомъ отношеніи кажется позавидовать бы самъ классической баронъ Мюнхгаузенъ. Самый добросовѣтный библиографъ едва ли насчитаетъ на русскомъ языкѣ 50 сочиненій, посвященныхъ еврейскому вопросу, и случись даже семь такихъ урожайныхъ годовъ, какъ фараловскіе, все таки на русско-еврейской почвѣ не произрасти столько произведеній, сколько уже видитъ существующими г. Ильишъ.

Но весьма можетъ быть, что г. Ильишъ, по свойственной ему скромности, полагаетъ, что ужъ одна его тощая книжонка „Еврейскія мелодіи“ стонть тысячи томовъ?—Тогда, конечно, другое дѣло. Тогда, конечно, легко объясняется и дальѣйшее его увѣреніе, что по еврейскому вопросу въ Россіи „все, что только можно было написать, написано и начечатано, все, что можно было сказать, высказано и пересказано.“—Но, помилуйте, г. Ильишъ, вѣдь вы же не въ веселой компаніи находитесь, которую можно потѣшать всякими сказками, баснями и небялицами. Разсудите: въ Англіи, Германіи, Франціи, словомъ во всей Европѣ, во всѣхъ странахъ, гдѣ законодательство относительно евреевъ не оставляетъ уже желать ничего, гдѣ внутренняя жизнь еврейскаго культа и еврейскихъ общинъ вполне организована, гдѣ литература еврейскаго вопроса, выросшая на почвѣ свободной печати, имѣетъ уже за

собой столбятую историю, тамъ все еще существуетъ множество специальныхъ еврейскихъ изданій, тамъ все еще находятъ сказать что нибудь новое по этому предмету, а у насъ, гдѣ законодательство о евреяхъ страдаетъ еще множествомъ пробѣловъ, гдѣ внутренняя организація еврейскихъ общинъ представляетъ собою еще совершеннѣйшій хаосъ—у насъ, гдѣ еврейско-русская литература, въ тѣсныхъ рамкахъ цензурныхъ отношеній, еле еле дотягиваетъ второй десятокъ, у насъ, видите ли, по безапелляционному приговору премудраго г. Ильина, все уже написано, все уже высказано и пересказано. Впрочемъ, можетъ и г. Ильинъ правъ: вѣдь ничто уже, въ самомъ дѣлѣ, не ново подъ луною!

И такъ—по этой причинѣ писать уже болѣе не зачѣмъ,—еще и потому, по мнѣнію г. Ильина, писать не зачѣмъ, что это, видите-ли, совсѣмъ напрасно, такъ какъ „люди, власть имѣющіе, не руководятся въ своей внутренней политикѣ указами отдѣльныхъ лицъ, или протестами отдѣльныхъ племенъ.“ Какъ вамъ правится эта строго логическая аргументація нашего современнаго гегельянца, для котораго все существующее разумно? Люди, власть имѣющіе, не обращаютъ вниманія на ваши протесты, ну и молчите, и не суйтесь! Какая великолѣпная мысль, какая, подумаешь, глубокомысленная теорія!

Построивъ такую замѣчательную теорію, г. Ильинъ столь же основательно продолжаетъ: „Спрашивается—говорить онъ—какую пользу приносятъ евреямъ всѣ эти такъ называемые, специальные органы ихъ, сдѣлавшіеся обыкновенною меркантильною спекуляціею, рассчитывающею на великодушіе и патриотизмъ состоятельныхъ евреевъ?“ И такъ, всѣ эти авторы и издатели специальныхъ органовъ и сочиненій, покойные О. А. Рабиновичъ, Е. М. Соловейчикъ и И. Р. Орманскій, гг. Верштетинъ и Пинскеръ—все это, видите-ли, простые спекулянты. Ну ужъ не всѣ же, въ самомъ дѣлѣ, еврейскіе авторы и издатели простые спекулянты, скажете, можетъ быть, читатель. Конечно не всѣ, есть и исключения, и первое представляетъ собою самъ г. Ильинъ, который, изъ одного безкорыстія, разумеется, посвятилъ свои „Еврейскія Мелодіи“—кому вы бы думали?—извѣстному... *Банкиру* I. Е. Гиндбургу.

Но всѣхъ доказательствъ безпользности еврейскихъ изданій, до

сихъ поръ приведенныхъ г. Ильинымъ, показалось ему недостаточнымъ, и онъ сугубо хочетъ погубить ихъ еще однимъ. Доказательство это заключается въ томъ, будто бы при существованіи еврейскихъ органовъ „русская печать почти совершенно игнорировала еврейскія дѣла, предоставляя разработку ихъ тѣмъ органамъ, специальную задачу которыхъ она составляетъ...“ когда же эти эфемерныя изданія прекратились, русскія газеты опять стали заниматься еврейскимъ вопросомъ, когда къ тому представлялся случай. Правда—продолжаетъ г. Ильинъ—это не дѣлалось всегда въ благоприятномъ для евреевъ смыслѣ—но русская печать наша возможнымъ и заступится за нихъ, когда извѣстная пермская корреспонденція одной московской газеты, возведшая на нихъ чудовищное обвиненіе, оказалась празднымъ вымысломъ.—Съ виду вся эта трагедія какъ будто въ самомъ дѣлѣ имѣетъ какую-то логическую подкладку. Но, мы полагаемъ, что и безъ нашихъ замѣчаній, читатели знаютъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ни одного слова правды, за исключениемъ развѣ того, что послѣ официального опроверженія пермской видумки, нѣкоторыя газеты—замѣтите далеко не всѣ—рѣшились сообщить своимъ читателямъ это опроверженіе съ кое-какими замѣчаніями о легковѣрности и т. п. ничего незначащими фразами. Кто только мало-мальски интересовался и слѣдилъ за еврейско-русскою литературою, тотъ очень хорошо помнитъ и знаетъ, что такъ называемый еврейскій вопросъ въ Россіи былъ настоящимъ образомъ возбужденъ въ русской журналистикѣ именно только съ появленіемъ перваго органа русскихъ евреевъ „Разсвѣтъ“, который, если и не читался русскою публикою, то по крайней мѣрѣ читался въ редакціяхъ русскихъ газетъ и обращалъ такимъ образомъ ихъ вниманіе на еврейскія дѣла, которыми они поэтому и сами стали заниматься. Кто не помнитъ многочисленныхъ статей въ русской журналистикѣ по поводу „дѣла Ципки Мендакъ“ и „Шавлянского дѣла“, обнародованныхъ „Разсвѣтомъ“? или кто забылъ тотъ шумъ, который поднятъ былъ въ русской печати по поводу спора „Сіона“ (второго органа русскихъ евреевъ) съ „Основой“?—Кто забылъ также тѣ многочисленные разсужденія русской печати, возбужденныя полемикой между тѣмъ же „Сіономъ“ и „Днемъ“ (Аскаковскимъ)? И появ-

ялись тогда эти статьи не въ однихъ только газетахъ, но и въ нашихъ толстыхъ журналахъ („Время“, „Современникъ“, „Отечественныя записки“, „Русское Слово“), и писались они совсѣмъ въ иномъ духѣ, чѣмъ теперь, когда органовъ еврейскихъ не существуетъ.—Во время существованія третьяго органа русскихъ евреевъ, одесскаго „Дня“, пишущій эти строки помѣстилъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, издававшихся тогда подъ редакціей В. О. Корша, цѣлый рядъ передовыхъ статей, нѣсколько фельетоновъ и много разныхъ замѣтокъ, касающихся евреевъ. Но все это для г. Ильиша, видите ли, называется совершеннымъ игнорированіемъ; помѣщеніе же двумя-тремя газетами оффиціального опроверженія гнусной клеветы какого то пермскаго негодяя возводится въ „защиту евреевъ“.

Но таковъ уже логическій ходъ мыслей, или вѣрнѣе необузданный полетъ фантазіи у г. Ильиша. А съ человѣкомъ необузданной фантазіи, что прикажете дѣлать? Тутъ нечего удивляться, если черное покажется бѣлымъ. Нашелъ же наставникъ, въ извѣстномъ анекдотѣ о принцѣ и его учителѣ, что *corvus albus* совершенно вѣрно переведено принцемъ словами: черный воронъ—и доказалъ это, переходя постепенно отъ одного оттѣнка цвѣта къ другому, пока онъ не дошелъ и до бѣлага. При необузданной фантазіи можетъ случиться, что, напримѣръ, безправный парій, человѣкъ, не имѣющій права жить въ извѣстной странѣ, все таки воображаетъ себя въ этой же странѣ „свободнымъ гражданиномъ свободнаго государства“ („Еврейскія Мелодіи“ Роберта Ильиша, стр. 13—14), или, чтобъ взять примѣръ изъ гораздо болѣе прозаическихъ сферъ, что какой нибудь биржевой спекулянтъ, какъ намъ недавно передавали, принималъ билеты внутренняго займа за акціи рибилской желѣзной дороги.

Въ виду всего этого нечего удивляться, что г. Ильишъ дѣлаетъ горькіе упреки издателямъ спеціальныхъ еврейскихъ изданій за ихъ жалобы на индиферентизмъ еврейской публики, въ то время, какъ онъ, самъ, г. Ильишъ, между прочимъ такъ обращается къ своимъ единовѣрцамъ, обнаружившимъ неудовольствіе по поводу его „Еврейскихъ Мелодій“.

„Правду говорить пословица: нѣтъ у человѣка врага злѣе его самого! И на-

ши единовѣрцы, коихъ защиту мы (т. е. г. Ильишъ) предприняли изменить всѣхъ благомыслящихъ (вѣроятно по коллективной отъ нихъ формальной довѣренности), хотѣтъ отратить насъ отъ цѣли, намъ предположенной! Но это ли не уместно!..“

Можетъ показаться страннымъ, что г. Ильишъ, прежде чѣмъ упрекнуть своихъ единовѣрцевъ, не подумалъ и не примѣнилъ къ себѣ свое собственное обращеніе къ издателямъ еврейскихъ органовъ, именно, что, можетъ быть его защита такъ плоха, что она имъ не нравится, или же, положимъ, и хороша, да никто въ ней не нуждается. Но возбудить такой вопросъ значить нанести кровное оскорбленіе г. Ильишу. Неужели вы хотите поставить его на одну доску съ другими еврейскими авторами и издателями, его, г. Ильиша, съ его „Еврейскими Мелодіями“, въ которыхъ „раздается грозный хохотъ насмѣшки“ (стр. 43), гдѣ требуется, чтобы „вину *недѣльмишъ* не вваливали на все общество“ (стр. 54), гдѣ фигурируютъ „вѣковне болре“ (стр. 63), и „парламентскія палаты“ (стр. 88), гдѣ „животное выраженіе“ принимается болѣе гуманный обликъ“ (стр. 74), гдѣ являются „лица, въ которыхъ выражается сознаніе своего личнаго безоаснаго положенія въ государствѣ“ (стр. 76), гдѣ раздается „старо-печатный восклицаніе“ (стр. 84) и встрѣчаются „плавающие угли“ (стр. 94), люди „цѣлующіе вась въ самыхъ шумныхъ объятіяхъ“ (стр. 90), предразсудки, воссаницы „материнимъ молокомъ“ (стр. 108), „грубоватая выступка русскихъ“ (стр. 120), гдѣ „прекрасная надежда вѣрится съ религиознымъ убѣжденіемъ“ (стр. 131), гдѣ встрѣчаются „существованіе евреевъ какъ религіозной пропаганды“ (стр. 145), страна, гдѣ „браки заключаются при обоюднорѣльномъ разсудкѣ“ (стр. 165) и тому подобная прелесть.—И это то гениальное „созданіе“ — г. Ильишъ все говоритъ очень высокоимъ слогомъ, а потому называетъ сочиненіе не твореніемъ, а уже созданіемъ—гдѣ, выражаясь опять словами г. Ильиша „животное выраженіе“ русскаго языка „приняло такой гуманный обликъ“, вы хотите сравнить съ „неудавшимися сознаніями“ другихъ еврейскихъ писателей? Да помните, между ними и г. Ильишемъ цѣлая пропасть; что не позволено другимъ еврейскимъ писателямъ, то можетъ быть однако позволено г. Ильишу, этому „свободному гражданину свободнаго государства“, тѣмъ болѣе,

что г. Ильишъ иначе никакъ поступать не можетъ. „Сидеть-статьея“ всемогущимъ Богомъ—со слезами на глазахъ восклицаетъ г. Ильишъ—, что мнѣ больно высказать вамъ это, но Богу известно, что я не могу поступать иначе! вы не милосерды къ себѣ и къ намъ, и мы невольно должны вамъ подражать.“ (Ев. Мел., стр. 54) И неужели послѣ этихъ клятвъ вы не позволите г. Ильишу наполнять жалобами на своихъ единоплеменнъхъ не только десять страницъ его „Мелодій“, но хоть еще двѣнадцать книгъ? Помилуйте, да вѣдь и Богу известно, что онъ иначе поступать не можетъ...

Но пора бросить и прелестьныя „Мелодіи“ г. Ильиша,—въ которыхъ если разобрать—только и хорошаго, что ихъ заглавіе, похищенное у Байрона, да цитаты изъ него же; — пора бросать и вступленіе къ его рецензій о „Еврейской Библиотекѣ“ и обратиться къ самой этой рецензій. Но прежде мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Если-бъ у насъ дѣло теперь шло о томъ, чтобы доказать необходимость существованія спеціальнаго еврейскаго органа: то для этого достаточно было бы одного указанія на возможность появленія такого безшабашнаго литературнаго вранья, такого завѣдомо ложнаго искаженія всѣхъ извѣстныхъ фактовъ, какіе представляеть собою предисловіе г. Ильиша, стремящаяся во что бы то ни стало доказать безпозорность и даже вредность спеціальнаго еврейскаго органа. Какъ ни беззащитны г. Ильишъ, но все таки, при существованіи хоть какого либо еврейскаго органа, онъ никогда бы не осмѣлился вымацывать подобныя небылицы и наглую клевету, ибо, если-бъ по своей нравственной чистотности онъ и не устыдился бы самого себя, то во всякомъ случаѣ устыдился бы той редакціи, которая дала гостеприимный пріютъ его литературной белибердѣ, такъ какъ спеціальныя еврейскія органы не преминутъ бы разоблачить истинное значеніе этихъ беззащитныхъ измышленій и завѣдомо-ложныхъ увѣреній и указать-бы г. Ильишу его надлежащее мѣсто. Но теперь, когда еврейскаго органа нѣтъ, а другіе журналы не станутъ заниматься разоблаченіемъ литературныхъ сплетенъ г. Ильиша, послѣдній преспокойно валаетъ себѣ во всю и выдаетъ за непреложные факты всѣ гнилыя продукты своей фантазій.

„На эти (вышеприведенныя) мысли — преклонитесь любезные читатели, предъ этими высокими и благоюдными мыслями —, навела насъ вышедшая недавно въ Петербургѣ книга подъ нѣсколькими загадочнымъ заглавіемъ, „Еврейская Библиотека“ — начинается г. Ильишъ. Четыре тома вышло этой самой „Библиотеки“ — и ничего, а на патомъ г. Ильишу вдругъ показалось это заглавіе „загадочнымъ“. И въ самомъ дѣлѣ, что такое „Еврейская Библиотека“, развѣ это не загадочное заглавіе? Развѣ слѣдующее затѣмъ названіе „Историко-Литературный Сборникъ“ не дѣлаетъ это заглавіе еще болѣе загадочнымъ—въ особенности для такого необыкновеннаго ума, какъ г. Ильишъ? Впрочемъ г. Ильишъ на столько великодушенъ, что старается проникнуть въ тайну этого заглавія и разрѣшить читателямъ эту загадку объясненіемъ, что „Еврейская Библиотека“ потому такъ называется, что она назначена „спеціально для евреевъ“. Почему г. Ильишъ додумался до разгадки, что это изданіе назначено „спеціально для евреевъ“, когда самъ же дальше говорить, что его „слѣло можно рекомендовать каждому—христіанину, еврею, мусульманину“ и что „кто только знаетъ русскій языкъ, прочтеть эту книгу не безъ удовольствія и не безъ пользы“, и когда въ дѣйствительности, какъ мы уже объяснили въ предисловіяхъ къ I-му и II-му томамъ нашего изданія, послѣднее преимущественно назначено для русской публики, для ознакомленія ея съ еврействомъ—этого мы не знаемъ. Привелъ ли его къ такому заключенію его логическій умъ, или же его желаніе представить „Еврейскую Библиотеку“ непосредно спеціальнымъ еврейскимъ органомъ, къ которому можно было бы примѣнить вышеприведенныя, принадлежащія г. Ильишу „мысли“—это знаетъ г. Ильишъ, да развѣ еще одинъ только Богъ, которымъ г. Ильишъ такъ часто свидѣтельствуется. А резюме этихъ мыслей, на которыя навела г. Ильиша „Еврейская Библиотека“, какъ уже извѣстно читателямъ, заключается въ слѣдующемъ:

1) „Писатели изъ евреевъ и обь еврейяхъ, выставляющие все, что касается иуданзма, въ самомъ розовомъ свѣтѣ, положительно торжозли въ эмашинацію евреевъ“.

2) Спеціальныя еврейскія органы сдѣлались „обыкновенною

меркантильную спекуляцію, рассчитывающую на великодушие и патриотизм состоятельных евреев." —

В) Специальные еврейские органы не только не приносят русским еврейям пользы, но причиняют им положительный вред. Так как на эти „мысли“ навела г. Ильиша „Еврейская Библиотека“, т. е. пятый том ей, то читатель, конечно, вправе думать, что г. Ильиш, подробным разбором помбиденных в ней статей, докажет, что пятый т. „Еврейской Библиотеки“ заключает в себя огульное восхваление евреев; что эта книга — пустая фразеология, что ее читать совершенно не стоит, так как она не заключает в себя ничего серьезного и издана то она не для того, чтобы ее читать, а лишь, как простая спекуляция и что, наконец, эта книга своим содержанием или направлением принесла евреям положительный вред. Кажется, что таков должен бы быть логический вывод из приведенных „мыслей“ г. Ильиша, на которых навел его V т. „Еврейской Библиотеки“. Посмотрим же, что говорят г. Ильиш о самом содержании рецензируемого им пятого тома „Еврейской Библиотеки“. А вот что:

„Еврейская Библиотека“, говорит он, которой уже появилось пять томов,дается хорошо, добросовестно. Содержание ее разнообразно и интересно; выбор статей весьма удачный, язык литературный, свободный от недостатков, свойственных, обыкновенно, русско-еврейским изданиям. Словом, книга, хотя и невдающаяся, хотя и не выступающая из ряда обыкновенного (что же дѣлать! не всем дано свыше сочинять такіа гениальна „создания“, каковы, напр. хоть „Еврейскій Мелодій“ г. Ильиша!), но все таки приятная и полезная для чтенія и которую смѣло можно рекомендовать каждому — христіанину, еврею, мусульману. Кто только знает русскій языкъ, прочтеть эту книгу не безъ удовольствія, не безъ пользы.“

Если-бъ г. Ильиш, хоть на минуту отстранился от злости, которая внушила ему его статью о „Еврейской Библиотеке“, то онъ бы понялъ какую несетъ непроходимую чушь, какъ онъ самъ себя бьетъ по ланитамъ, когда говоритъ, что книга, которая по его же словамъ „дается хорошо, добросовѣстно“, навела его на мысль, что подобныя изданія предпринимаются лишь съ спекулятивною цѣлю; что книга, содержание которой, по его же словамъ, „разнообразно и интересно, выборъ статей весьма удачный“

что такая книга, опять таки по его же словамъ, „приятна и полезна для чтенія“, которую смѣло можно рекомендовать каждому — и которую всякій „кто только знаетъ русскій языкъ прочтеть не безъ удовольствія и не безъ пользы“ — что такая книга навела на мысль, что подобныя изданія приносятъ положительный вред. Но г. Ильиш, въ чадѣ озлобленія, и самъ не зная, что говоритъ. Очень можетъ быть, что если-бъ г. Ильиш порылся въ статьяхъ „Еврейской Библиотеки“, то могъ бы найти кое-что, что можно было бы „раскритиковать“, что конечно доставило-бъ ему большое наслажденіе. Но дѣло въ томъ, что г. Ильиш, по своей трусливой натурѣ, не осмѣлился это сдѣлать, не осмѣлился противъ статьи статьями „Библиотеки“ фигурировать имена болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ писателей — и г. Ильиш сказалъ себе: цыцъ, не тронь! — а вотъ „предисловіе“ другое дѣло! оно написано уже не извѣстнымъ русскимъ писателемъ. Тутъ можно написать, благо г. Ильиш точить зубы не противъ „Еврейской Библиотеки“, содержание которой ему собственно безразлично, а противъ личности ея издателя. А тутъ, кстати, въ предисловіи говорится еще о такихъ щекотливыхъ вещахъ, какъ пособіе и субсидія — тема всегда очень благодарная для желающихъ эксплуатировать ее, и кетайтъ также издатель еще до такой степени наивенъ, что самъ сознается въ невозможности продолжать свое изданіе безъ искусственной поддержки. Чего же еще лучше: тутъ можно пофиркать и кое что подтасовывать. И вотъ г. Ильиш накинулся на предисловіе „Предисловіе“ — видите ли — уничижаетъ весь ароматъ книги, это и считать, поданный послѣ дукулловскаго обѣда... это — пагубное требованіе денегъ за изыщную улыбку прекрасной балерины“ — все это вещи весьма неприятныя для г. Ильиша, который, вѣроятно, привыкъ къ даровымъ обѣдамъ, и къ даровымъ мѣстамъ въ спектакляхъ. Впрочемъ, мы глубоко раскаиваемся, что поступили такъ опрометчиво, подавъ счетъ послѣ дукулловскаго обѣда, т. е. послѣ выпуска пяти томовъ „Еврейской Библиотеки“, а не поступили такъ, какъ напр. г. Ильиш, который, еще до изданія первой своей книжки о евреяхъ преподнесъ кому слѣдуетъ счетъ въ видѣ „посвященія“ (см. выше). Пусть г. Ильиш не посягаетъ на насъ, что мы не послѣ-

доваи его примѣру — что же дѣлать, мы не такъ воспитаны. Но пусть въ тоже время оны угнѣтятся: оны нашь другіихъ подражателей, въ лицѣ, на примѣръ, нѣкоего г. Хашкеса, который также посвящаетъ свои, якобы литературныя, издѣлія *комерческимъ* со- вѣтникамъ и т. д. Г. Ильишъ недоумѣваетъ, къ чему это намъ понадо- билось написать предисловіе и приходитъ къ заключенію, что предис- ловіе написано между прочимъ потому, что намъ „захотѣлось по- рисоваться *шегольнуть* цитатой изъ Гейне.“ — Какъ вамъ правится такого рода упреки въ устахъ литератора, публициста и критика? Не напоминаетъ ли это вамъ, любезный читатель, дѣтскіе годы въ еврейскомъ хедерѣ, гдѣ мальчичи перебранивались ничего не означающими безмысленными ключками въ родѣ: Цикль-цимциль, Йосель-босель, Лейзеръ-капейзеръ и т. п. Впрочемъ, г. Ильишъ, можетъ быть, и считаетъ очень важнымъ достоинствомъ, которымъ можно порисоваться, шегольнуть, если кто нибудь въ состояніи привести какую нибудь цитату или эпиграфъ изъ иностраннаго поэта, — и этому то именно мы обязаны, что не только каждая глава его гениальныхъ „Еврейскихъ Мелодій“, но и титулъ и шуц- титулъ начинаются цитатой изъ Байрона, причежъ г. Ильишъ не удовольствовался однимъ оригиналомъ, но приводитъ и переводъ то Козлова, то Лермонтова, а то и оба перевода вмѣстѣ, какъ на- пр. на шмуцтитулѣ. (И это въ хвастунишка дерзаетъ упрекать дру- гихъ желаніемъ „порисоваться, шегольнуть цитатой“!). Лишь одно *посвященіе* осталось у него безъ эпиграфа. И это очень жаль, тѣмъ болѣе, что если бы г. Ильишъ поискалъ, то нашелъ бы очень подходящій. Стоило только измѣнить одно слово въ извѣстномъ „Посвященіи“ Пушкина, и читать его такъ: *„Для васъ, души моей парни, и вышло бы и очень красиво, и добавокъ очень правдою для посвященія богачу-банкиру.“* Вросивъ въ насъ этотъ мальчишескій упрекъ, г. Ильишъ начинаетъ подтасовывать фразы въ нашемъ предисловіи, и приписываетъ намъ то, чего мы никогда и не думали говорить. Нигдѣ мы и не думали го- ворить, будто наше изданіе „встрѣчено было съ восторгомъ“ или, что съ пріостановленіемъ „Еврейской Библиотеки“ евреи приговорены

будуть къ вѣчному молчанію и не въ состояніи будутъ заявить о своихъ нуждахъ и потребностяхъ. Такое предположеніе — про- должаетъ г. Ильишъ —, совершенно ложно“. Мы бы попросили правдолюбиваго г. Ильиша указать намъ одну, только одну, строчку во всемъ нашемъ изданіи, въ которой заключался хотя бы намекъ на то, что приведенную фразу. Иначе ложь окажется не на нашей сторонѣ, а на сторонѣ правдолюбца-рецензента, который не стѣсняется даже прибѣгать къ литературной поддѣлкѣ, лишь бы выместить на насъ свою злобу.

Всѣ остальные адувбраціи г. Ильиша вращаются около од- нихъ и тѣхъ жевшиприведенныхъ и только разбавленныхъ водою „мыслей“, которыя также идутъ къ „Еврейской Библиотекѣ“, какъ — по еврейскому народному выраженію, горохъ къ стѣбѣ. Во первыхъ „Еврейская Библиотека“ не есть такой специаль- ный еврейскій органъ, по поводу котораго можно было бы раз- суждать — нуждаются ли не нуждаются въ немъ евреи, или о которомъ можно было бы сказать, что „въ нихъ говорятъ все то, что имъ (евреямъ) уже давно извѣстно“. Доказывать это здѣсь намъ нѣтъ надобности, такъ какъ читатели знакомы съ со- держаніемъ нашего изданія. Во вторыхъ, никакого восхваленія евреевъ и юдаизма въ „Еврейской Библиотекѣ“ нѣтъ, а въ воз- будившемъ гнѣвъ г. Ильиша пятомъ томѣ нѣтъ даже ни одной статьи, которая хоть отдаленнѣйшимъ образомъ занималась бы вопросомъ: хороши-ли евреи или нѣтъ. Да и въ прежде суще- ствовавшихъ еврейскихъ органахъ не было никакого огульнаго восхваленія евреевъ, а журналъ „Разсвѣтъ“ даже навлекъ на себя самыя ярныя нападки со стороны евреевъ за его, облича- тельный характеръ. Слѣдовательно всѣ эти двадцать разъ по- торяющіяся разсужденія г. Ильиша о полезности и вредности специальныхъ еврейскихъ органовъ, вообще совершенно ложныя въ примѣненіи даже къ существовавшимъ еврейскимъ органамъ — къ „Еврейской Библиотекѣ“ не имѣютъ уже рѣшительно ни малѣйшаго отношенія. А если къ тому еще наша „Еврейская Библиотека“ — какъ заявляетъ самъ г. Ильишъ — „издается хорошо и добросо- вѣстно“, если ея содержаніе „разнообразно и интересно“, если ее всякій прочтетъ „не безъ удовольствія и не безъ пользы“, то, ка-

жеть, желание наше, чтобы она имѣла большее распространѣніе, вполнѣ законно, и если это желаніе не осуществляется, то мы опять таки вполнѣ имѣемъ право сѣтовать на индиферентизмъ тѣхъ, кого ваше изданіе больше всего должно бы интересовало. Что же касается искусственной поддержки, на которой г. Ильинъ такъ часто останавливается въ своей рецензии, думая этимъ уколоть и поразить насъ въ самое сердце, то весь зарядъ этого остроумія пропалъ совершенно даромъ. Мы первые сами же объ этомъ заявили гласно, какъ въ нашемъ предисловіи къ пятому тому, такъ и раньше, печатавъ списокъ подписчиковъ, изъ котораго каждый могъ видѣть — кто именно и въ какой мѣрѣ поддерживаетъ наше изданіе. Мы не дѣлали изъ этого никакой тайны, ибо мы пользовались этой поддержкой для дѣла и за дѣло, а не за угодность и «посвященіе».

Послѣ всего этого читатель, можетъ быть, спроситъ, почему это г. Ильинъ такъ озлился на издателя «Евр. Библ.», что для того, чтобы насолить ему, придумалъ дѣлать рядъ несуществующихъ, несуществовавшихъ фактовъ и наговорилъ цѣлый коробъ всевозможныхъ вздорныхъ «мыслей», на каждомъ шагу противорѣчащихъ одна другой? Что, выраженъ языкомъ г. Ильина такъ сильно, огорчало его неразумное самолюбіе? На это, любезный читатель, была причина. Дѣло въ томъ, что по поводу смерти одного занимавшаго общественный постъ лица, шло подъ пинцетомъ Р. И. помѣщеніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью, въ которой съ тою же любовью къ истинѣ, какой отличается статья г. Ильина о «Еврейской Библиотекѣ», рассказали цѣлый рядъ небывалыхъ фактовъ, вложившихся къ совершенно незаслуженному восхваленію однихъ и совершенно незаслуженному ослепленію другихъ. Но другой авторъ, въ другой газетѣ, счелъ долгомъ разъяснить истинное значеніе этого разсказа г. Р. И. и въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ разоблачилъ настоящимъ образомъ истинный ходъ событій, каково разоблаченіе осталось со стороны г. Р. И. безъ опроверженія. И вотъ, такимъ-то образомъ, вышелъ случай, подобный тому, о которомъ Пушкинъ «сказалъ»:

Онъ по когтямъ узналъ меня въ вынугу,
И по ушамъ узналъ его какъ разъ.

А. Л.

JUDAICA.

(Библиографическое сообщеніе А. Я. Гаркави.)

Въ концѣ 1873 года вышелъ въ свѣтъ каталогъ сочиненій, писанныхъ на иностранныхъ языкахъ объ Россіи, находящихся въ отдѣленіи Russica въ Императорской Публичной Библиотекѣ, подъ заглавіемъ „Catalogue de la Section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères“. Изъ этого каталога г. Гаркави извлекъ названія всѣхъ тѣхъ сочиненій и брошюръ, которыя писаны евреями или объ евреяхъ въ Россіи на иностранныхъ языкахъ. Изъ сочиненій, писанныхъ на еврейскомъ или другомъ восточномъ языкѣ въ означенный „Каталогъ“ вошли лишь тѣ, которыя имѣютъ заглавіе и на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Въ упомянутомъ „Каталогѣ“ помѣщены пока только тѣ сочиненія, которыя появились до 1869 года включительно. Въ настоящей перечень, снабженный г. Гаркави дословнымъ русскимъ переводомъ, не вошли сочиненія, касающіяся медицины и другихъ естественныхъ наукъ, равно какъ и юриспруденціи, но въ немъ перечислены заглавія такихъ брошюръ, стихотвореній, отчетовъ и т. д. которые, очевидно, сами по себѣ не могутъ имѣть особеннаго значенія, но которые тѣмъ не менѣе бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія и характеръ эпохи, въ которую они появились. Въ невольнѣ останавливаетесь на этомъ изобиліи всевозможныхъ „стихотвореній“, „гим-

новъ“ и „радостныхъ возгласовъ“, невольно поражаетесь этимъ по-
видимому пресвятымъ настроеніемъ нашихъ предковъ въ доброе
старое время, и опять таки невольно, зная событія еврейской жизни
этого добраго стараго времени, навертывается мысль: не скрывается-
ли за этимъ наружнымъ ликованіемъ какое нибудь глубокое вну-
треннее горе, и за этимъ „пбніемъ веселымъ“ не скрываются-ли „слезы
горючіе“... Впрочемъ, къ чему вдаваться въ подобныя размышленія
и испортить расположение духа нашихъ почтенныхъ читателей.

Aaron, Moses, Die Bücher der Maccabäer, welche handeln von
den Kriegen so geföhret hat Friedrich der Grosse mit Theresia Kö-
nigin der Bohemaken und Elisabeth Kaiserin der Russen. II. Buch.
s. 1. 1760. 4°.

(Ааронъ, Моисей, Книги Маккавеевъ, которая трактуютъ о
войнахъ Фридриха Великаго съ (Маріей) Терезою, Королевою Бо-
гемаковъ (Чеховъ), и Елисаветой, императрицей Русскихъ. II кн.
1760. 4°) (По мнѣнію нѣкоторыхъ, авторъ не еврей).

Ahronstamm, Saul. Lob an den Schöpfer für die Erretung uns'res
Kaisers Alexander Nikolajewitsch II. am 4. April 1866. Mittau
1866. 8°.

(Аронштамъ, Саулъ, Хвала Творцу за спасеніе нашего импера-
тора Александра Николаевича II 4-го апрѣля 1866. Митава 1866. 8°)

Anklagen der Juden in Russland wegen Kindermordes, Gebrachs
von Christenblut und Gotteslästerung. Aus den Criminalacten wort-
getreu ausgezogen. Leipzig 1846. 8°.

(Обвиненіе русскихъ евреевъ въ дѣтубійствѣ, употребленіи
христіанской крови и богохульствѣ. Извлечено дословно изъ уго-
ловныхъ актовъ. Лейпцигъ 1846. 8°)

Beleuchtung eines ministeriellen Gutachtens über die Lage der
Juden im Königreich Polen. Hamburg 1859. 8°.

(Анализъ министерскаго отзыва о положеніи евреевъ въ
Царствѣ Польскомъ. Гамбургъ 1859. 8°)

Bemerkungen über die Duldung der Juden in Kurland. Vergl. Braun,
Christian David. 1787. 4°.

Замѣтки о допущеніи евреевъ въ Курляндію. См. Брауна
1787. 4°)

Benjamin, Israel Ios. Les Schobatniks en Russie, v. Messoula,
Lavan 1855.

(Беніаминъ, Израиль Іос., Субботники въ Россіи, см. Мессула
Яванъ 1855)

Ben-Israel, Ephraim, Voix d'un Polonais Israélite en faveur de l'indépendance de la Pologne. Bruxelles 1863. 8°.

(Бень-Израиль, Ефремъ. Голосъ польскаго еврея въ пользу независимости Польши. Брюссель 1863. 8°) (Псевдонимъ и авторъ, м. б., не еврей).

Berg, E. v. Kilka słów wyrzeczonych przy otwarciu Hebrajskiej elementarnej szkoły w Łodzi, dnia 15 (27). Kwietnia 1865 г. Tłumaczenie z Niemieckiego. Warszawa 1867. 8°.*

(Бергъ Э. ф., Нѣсколько словъ, произнесенныхъ при открытіи элементарной еврейской школы въ Лодзи, 15/27 апрѣля 1865 г. Переводъ съ нѣмецкаго. Варшава 1867. 8°).

*Bergesonn (анонимныя книги, авторы коихъ извѣстны въ Имп. Пуб. Библиотекѣ, обозначены звѣздочкой). Fr. Wilhelm Reinh. Beantwortung der Bemerkungen über die Duldung der Juden in Kurland, Semegallen von *** ann. Mitl au (1787). 4°.

(Бергезонъ, Фр. Вильгельмъ Рейнх., Отвѣтъ на замѣчанія по поводу допущенія евреевъ въ Курляндію и Жмуль *** анна. Миттава (1787). 4°)

— Predigt auf das Friedensfest (еврейская?). Gehalten 1814. Mittau 1815. 8°.

(Проповѣдь по случаю заключенія мира. Произнесена 1814. Миттава 1815. 8°)

Berlin, M(oses), Ein Wort über die Familie Günzburg. St. Petersburg 1858. 8°.

(Берлинъ, Моисей, Слово о семействѣ Гюнцбургъ. С. П. Б. 1858. 8°)

Braun, v. Bemerkungen. (Braunъ см. Замѣчанія).

Brief, belangrijke, van een' Amsterdamschen Iood (L. M. Zadok), vrijwilliger in het fransche leger, voor Sebastopol, aan zijne moeder. 3-de druk. Amsterdam (1854). 4°; id. 4—13-de druk, ib. (1854). 4°.

(Важное письмо амстердамскаго еврея (Л. М. Цадокъ), волонтера во французскомъ лагерѣ предъ Севастополемъ, къ своей матери, 3-е изд. Амстердамъ (1854). 4° Тоже 4—13-е изд. 1854 4°)

— tweede belangrijke, van een' Amsterdamschen Iood vrijwilliger in het fransche leger voor Sebastopol an zijne moeder. Amsterdam (1855). 4°. id. 2—8de druk. ib. (1855). 4°.

(Второе важное письмо амстердамскаго еврея, волонтера во французскомъ лагерѣ предъ Севастополемъ, къ своей матери. Амстердамъ (1855). 4°. Тоже 2—8-е изд. 1855. 4°)

* При транскрипціи польскихъ словъ надбуквенные польскіе знаки, за невѣдѣніемъ ихъ въ типографіи, опущены.

—berijmde, van moeder Zadok, ter beantwoording der beide belangrijke brieven van haren zoon, Levie Mozes, korporaal bij het fransche leger voor Sebastopol. Amsterdam (1855). 8°. id. 2de druk. ib. (1855) 8°.

(Письмо матери Цадокъ въ отвѣтъ на два письма ея сына, Леви Моюза, корпорала во французскомъ лагерѣ предъ Севастополемъ. Амстердамъ (1855). 8°) Тоже 2-е изд. 1855. 8°)

—geschreven uit Moskau door L. M. Zadok aan zijn minimele in de Batavierstaat te Amsterdam. Amsterdam (1855). 8°. id. 2de druk. ib. (1855) 8°.

(Письмо, писано изъ Москвы Л. М. Цадокъмъ къ своей теткѣ на Батавской улицѣ въ Амстердамѣ. Амстердамъ (1855) 8°. Тоже 2-е изд. 1855. 8°)

—belangrijke, van den Amsterdamschen Iood, Levie Mozes Zadok vrijwilliger in het fransche leger voor Sebastopol, aan zijnen vriend Abraham Izaac Langjas. Amsterdam 1855. 8°.

(Письмо амстердамскаго еврея, Леви Моюза Цадокъ, волонтера во французскомъ лагерѣ предъ Севастополемъ, къ своему другу Абраму Исааку Лангясу. Амстердамъ 1855. 8°)

— originele, van een poolschen Iood, uit de gevangenis te Warschau v. *Glasslijper, Levie 1863. 8°.

(Оригинальное письмо польскаго еврея изъ плѣна въ Варшавѣ, см. Гласлайперъ, Леви. 1863)

Bronikowski, Mysli wzgledem reformy zydow w królestwie polskiem. Warszawa 1819. 12°.

(Брониковскій, Мысли относительно реформы евреевъ въ Царствѣ Польскомъ. Варшава 1819. 12°)

*Calmanson, Jac., Essai sur l'état des Juifs en Pologne et leur perfectibilité. Varsovie 1796. 4°.

(Кальмансонъ, Ян., Взглядъ на евреевъ въ Польшѣ и ихъ способность усовершенствоваться. Варшава 1796. 5°)

Co wstrzymuje reforme zydow w kraju naszym, i co ja przyspieszy powinno? Warszawa 1820 8°.

(Что задерживаетъ реформу евреевъ въ нашемъ краю, и что должно ей способствовать? Варшава 1820. 8°)

Czynski, Jan. Question des Juifs polonais envisagée comme question européenne. Paris 1833. 8°.

(Чинскій, Ян., Вопросъ о польскихъ евреяхъ, разсматриваемый какъ европейскій вопросъ. Парижъ. 1833. 8°).

— Israel en Pologne. Extrait des Archives Israélites. Paris. 1861. 8° (Израиль въ Польшѣ. Извлечение изъ (журнала) Archives Israélites. Парижъ. 1861. 8°).

Dank und Lobgesang am Tage der Ankunft des Kaisers Alexan-

der Paulowitsch 1. Gesungen von der jüdischen Gemeinde der lithuanischen Gouvernementsstadt Wilna. (Wilna.) 1802. fol.

(Благодарственная и хвалебная пѣсь въ день прибытія императора Александра Павловича I. Прошѣта еврейской общиной въ литовскомъ губернскомъ городѣ Вильнѣ. (Вильна.) 1802. въ листъ.)

Dzwonkowski, Wladysl., Uwagi w kwestyi wloscianskiej, ruskiej i zydowskiej Paryz. 1862. 8°.

(Дзвонковскій, Владисл. Размышления по крестьянскому, русскому и еврейскому вопросу. Париж. 1862. 8°.)

Elkan, Moïse, Hymne adressée à S. M. l'Empereur Alexandre. (Hébreu et français). Munich. 1811. fol.

(Элканъ, Моисей. Хвалебная пѣсь его величеству Императора Александру I, на еврейскомъ и французскомъ языкахъ. Мюнхень. 1811, въ л.)

Emancypacya izraelow w krolewstwie polskim. Lipsk. 1861. 8°.

(Эманципация евреевъ въ царствѣ Польскомъ. Лейпцигъ. 1861. 8°.)

Epitomy, An. of History. Wherein is shewn how severall Princes and Nations, cam to their particular Countries and dominions; also many great affaires in Judea, Tartaria, Russia. London. 1661. 8°.

(Сокращеніе исторіи, гдѣ излагается, каковымъ образомъ различными монархамъ и народамъ достались ихъ земли и владѣнія, также (излагается) о многихъ дѣлахъ въ Иудеѣ, Татаріи и Россіи Лондонъ. 1661. 8°.)

Feilchenfeld, Loevy S., Elegia na zgon wickopomnéy ramieci Alexandra I. (Pièce de vers). Warszawa. 1826. 4°.

(Фейлхенфельдъ, Левъ С., Elegia на кончину вѣковѣчной памяти Александра I, стихотвореніе. Варшава. 1826. 4°.)

Freudegesang S. E. dem Hrn. Generalgouverneur Peter v. d. Pahlen, dargebracht von den Vorstehern der jüdischen Gemeinde zu Mitau. Mitau 1795. 4°.

(Радостное пѣніе его превосход. генералъ-губернатору Петру ф. д. Палену, поднесенное представителями еврейской общины въ Митавѣ. Митавъ 1795. 4°.)

Freudengesang der Jüdenschaft zu Sclow beym Durchzuge J. K. M. Katharina II. (Hébreu et allemand) S. 1. 1780. fol.

(Радостное пѣніе шкловскихъ евреевъ при проѣздѣ ея Имп. Вел. Екатерины II. на евр. и нѣмецк. языкахъ. 1780, въ л.)

Friedländer, Dav., Ueber die Verbesserung der Israeliten im Königreich Polen. Ein von der Regierung daselbst im Jahr 1816 abgefordertes Gutachten. Berlin 1819. 8°.

(Фридендлеръ, Дав., Обь улучшеніи евреевъ въ Царствѣ Польскомъ. Отзывъ, потребованный тамошнимъ правительствомъ въ 1816 году. Берлинъ 1819. 8°.)

Gespräch zweier Israeliten über Kotzebues Ermordung. S. I et a. 8°.

(Разговоръ двухъ евреевъ обь умерщвленіи Коцебу. 8°)

(Glassliper, v. Brief (Гласслайперъ, см. письмо.)

Goldenblum, A. J., Meinem Freunde Abraham B. Gottlobler und seiner lieben Frau zu ihrer 25 jährigen Hochzeitsfeier am... August 1859. (Pièce de vers). Odessa 1859. fol.

(Гольденблумъ, А. И., Моему другу Аврааму Б (еру) Готтлоберу и его любезной супругѣ къ 25-лѣтнему юбилею ихъ свадьбы, въ августѣ 1859, стихотвореніе. Одесса 1859, въ л.)

— Jahresbericht, über die erste Sabbathschule für israelitische Handwerks- und Handlungslehrlinge zu Odessa. 1—5. Odessa 1861—64. 8°.

(— Годовой отчетъ о первой субботней школѣ для еврейскихъ ремесленныхъ учениковъ и прикащиковъ въ Одессѣ. 1—5. Одесса 1861—1864. 8°)

— Sr. Hochwohlgeboren Herrn Jos. Peter v. Cischini, zu seinem Geburtstage, am 15. 26 Mai 1862. (Pièce de vers) Odessa 1862. 4°.

(— Его высокоблагородію г-ну Иос. Петру ф. Чискини, ко дню его рожденія, 15/27 мая 1862, стихотвореніе. Одесса 1862. 4°)

— Sr. Wohlgeboren Herrn Simon Horowitz, zu seinem Geburtstage, am 27. Thammus 5622 (13. Juli 1862). (Pièce de vers). Odessa 1862. 4°.

(— Его благородію г-ну Симону Горовицѣ, ко дню его рожденія, 27 таммуза 5622 (13 іюля 1862), стихотвореніе. Одесса 1862. 4°)

— Philippine, Meinen vielgeliebten Grosseitern Herrn Alex. Zederbaum und Frau Sophie Zederbaum, geb. Cellniker, zu ihrer 25 jährigen Hochzeitsfeier am 8. Elul (26. August—7. September 1859). (Pièce de vers). Odessa 1859. fol.

(— Филиппина, моимъ любезнѣйшимъ прародителямъ, г-ну Алек. Цедербауму и г-жѣ Софіи Цедербаумъ, урожд. Целникеръ, къ 25-лѣтнему юбилею ихъ свадьбы 8 зула 26 августа 1859 (7 сентябрю), стихотвореніе. Одесса 1859, въ л.)

— Rosalie und A. J., Unsern vielgeliebten Eltern Herrn Alex. Zederbaum und Frau Sophie, geb. Cellniker, zu ihrer, 25 jährigen Hochzeitsfeier am 8. Ehl 5619 (26. August—7. September 1859). (Pièce de vers). Odessa. 1859. fol.

(— Розалія и А. И., Нашимъ любезнѣйшимъ родителямъ, г-ну Алек. Цедербауму и г-жѣ Софіи, урожд. Целникеръ, къ 25-лѣтнему юбилею ихъ свадьбы 8 зула 26 августа 1859, (7 сентябрю) стихотвореніе. Одесса 1859, въ л.)

Goldmann, Izaak, Elegia i oda na zgon niezapomnianego Najjasniejszego Mikolaja Pawlowicza, Cesarza wszech Rossyj, napisana po hebrajsku, przetłomaczona na jezyk polski przez Izraela Goldmann. Warszawa 1855. 4°.

(Гольдманъ, Исаакъ, Элегія и ода на кончину незабвеннаго наисвѣтлѣйшаго Николая Павловича, Императора Всероссийскаго; написана по еврейски, переведена на польскій языкъ Израилемъ Гольдманомъ. Варшава 1855. 4^о)

— Hymn spiewany w dniu swietej koronacyi Najjasniejszego Cesarza Alexandra II., w jezuku hebrajskiej z przekladem polskim. Warszawa 1856. 8^о.

(—Гимнь, пропѣтый въ день священной коронаціи наисвѣтлѣйшаго Императора Александра II. на еврейскомъ языкѣ съ польскимъ переводомъ. Варшава. 1856. 8^о).

Goldschmidt, Joz., Córka handlarza, obrazek z czasow ostatniej epidemii w Warszawie. Warszawa 1868. 8^о.

(Гольдшмидтъ, Иос., Дочь торговца, картинка изъ временъ послѣдней эпидеміи въ Варшавѣ. 1868. 8^о).

Gurland, Jonas. Neue Denkmäler der jüdischen Literatur in St. Petersburg. Heft 1. Lyck 1865. Heft 2—4. St. Petersburg 1866—1867. 8^о.

(Гурляндъ, Иона, новые памятники еврейской литературы въ С.-Петербургѣ. Выпускъ 1. Лыкъ 1865. Выпускъ 2—4. СПб. 1866—1867 8^о (частью по еврейски).

Härzberg—Fränkel, Leo. Polnische Juden. Wien 1867. 8^о.

(Герцбергъ-Френкель, Леонъ. Польскіе евреи. Вѣна. 1867. 8^о)
Narkavy, Alb. Die Juden und die slawischen Sprachen. Wilna 1867. 8^о.

(Гаркави, Альб., Евреи и славянскіе языки. Вильна. 1867. 8^о. (по еврейски).

Hinrichtungsgeschichte, eine seltsame, oder Schurkenstreich eines polnischen Juden und die demselben vom Grossfürst Constantin zuerkannte Strafe. Cahla. 1823. 8^о.

(Странная казнь, или продѣлка польскаго еврея и присужденное ему великимъ княземъ Константиномъ наказаніе. Каля. 1823. 8^о)

Hirt, Dan. praes., Gadolin, Iac. Fr., Observations quaedam in versionem sacrorum librorum finnicam, exemplis ex propheta Iesaia illustratae. Aboae. 1774. 4^о.

(Гиртъ, Дан. през. Гадолинъ, Як. Фр., Нѣкоторыя замѣчанія на финскій переводъ священныхъ книгъ, подтверждаемая примѣрами изъ кн. пророка Исаія. Або. 1774. 4^о).

Hollaenders, L., Moschek. Moeurs polonaises. Paris. 1859. 12^о.

(Голлендерсъ, Л., Мошекъ. Польскіе нравы. Парижъ. 1859. 12^о)

Hollaendersky, Léon, Les Israélites de Pologne. Paris 1846. 8^о.

(Голлендерскій, Леонъ, Польскіе евреи. Парижъ. 1846. 8^о).

— Méditation d'un proselit polonais. Poésies. Paris 1861. 8^о.

(—Размышленія польскаго эмигранта. Стихотворенія. Парижъ. 1861. 8^о).

Hymn w czasie szczesliwego przybycia Cesarza Alexandra I. przez starszych Israelitow Miasta Warszawy odpiewany.

Hymne à l'occasion de l'heureuse arrivée de l'Empereur Alexandre I. entonnée par des Représentants de la commune Israélites des Varsovie.

Freudenruf bei der glücklichen Ankunft unseres Kaisers Alexander I. Angestimmt von den Vortsehern der Israelitischen Gemeinde. Warszawa. 1815. fol.

(Радостный возгласъ представителей еврейской общины. при счастливомъ прибытіи нашего Императора Александра I. Варшава. 1815, въ л.)

Jahresbericht über die Einnahmen und Ausgaben der Synagoge № 1. im Jahre 1862—1865. Odessa 1863—1866. 8^о.

(Годовой отчетъ о приходахъ и расходахъ суммъ синагоги № 1. въ 1862—1865. Одесса 1863—1866. 8^о)

Jankielowicz, Mowza. O srodkach aby reforma zydow w Polsce mogla byc skuteczna. Warszawa 1819. 8^о.

(Янкеловичъ, Моисей, о средствахъ къ тому, чтобы реформа евреевъ въ Польшѣ могла быть дѣйствительною. Варшава. 1819. 8^о)

Jastrow, Sprawozdanie z czynnosci Komitetu synagogi. Warszawa. 1859. 4^о.

(Ястровъ, Отчетъ о дѣятельности комитета синагоги. Варшава. 1859. 4^о).

— M., Kazania miane podczas ostatnich wypadkow w Warszawie r. 1861. Poznan 1862. 8^о.

(—М., Рѣчи, произнесенныя во время послѣднихъ событій въ Варшавѣ въ 1861 г. Познань. 1862. 8^о).

In occasione della festa della nozze d'oro, (occorrente nel giorno del Purim 5619) d'Isacco El. e Benedetta Wahluch. (Pièce de vers). Odessa 1859. 8^о.

(По случаю празднованія золотой свадьбы (въ день Пуримъ 5619) Исаака Эл. и Бенедетты Вальтуховъ, стихотвореніе. Одесса. 1859. 8^о).

Israel Joseph—Benjamin, Les schobatniks en Russie, v. Messoula, Iavan 1855.

(Израиль-Иосифъ Беніаминъ. Субботники въ Россіи, см. Месула, Яванъ. 1855).

Israélites, Les, devant la loi ou la situation politique des Israélites en Pologne et en Russie. Turin 1861. 8^о.

(Евреи предъ закономъ или политическое положеніе евреевъ въ Польшѣ и Россіи, Туринъ. 1861. 8^о).

Juden, Die, in Russland. Hamburg 1844. 12^о.

(Евреи въ Россіи, Гамбургъ. 1844. 12^о).

Intrzenka, Tygodnik dla izraelitow polskich. Pod redakcyą Dan. Neufelda. Warszawa 1861—1862. 4°.

(Разсвѣтъ, еженедѣльник для польскихъ евреевъ. Подъ редакціей Дан. Нейфельда. Варшава. 1861—1862. 4°).

Izraelici polscy i ich do kraju stosunek. Lwow. 1863. 8°.

(Польскіе евреи и ихъ отношеніе къ краю. Львовъ. 1863. 8°)
Israelita. Pismo tygodniowe poswiecone interesom judaizmu redagowane przez S. H. Peltyna. Warszawa, 1866—1875. 4°.

(Израилтянинъ. Еженедѣльная газета, посвященная интересамъ юдаизма, издаваемая С. Г. Пелтиномъ. Варшава. 1866—1875. 4°)

Kalendarz polski, ruski, yzowski i astronomiczno-gospodarski, na rok 1825. Lublin. 1825. 4°.

(Календарь польскій, русскій, еврейскій и астрономическо-хозяйственный. на 1825 годъ. Люблинъ. 1825. 4°).

Kramstück, Izaak. Przemowy w czasie składania przysięgi na wierność Najjasniejszemu Panu Alexandrowi II. oraz mowa z okazji adprawienia zalobnego nabozenstwa dla uczczenia pamieci Najjasniejszego Mikolaja I. Warszawa. 1856. 8°.

(Крамштюкъ, Исаакъ, Рѣчь при принесеніи присяги на вѣрность высвѣтлѣйшему Государю Александру II, вѣсть съ рѣчью по случаю отравленія траурнаго богослуженія въ память высвѣтлѣйшаго Николая I. Варшава 1856. 8°)

Krasinski, Vinc. Corvin C-te, Aperçu sur les juifs de Pologne. Paris 1818. 8°.

(Красинскій, Винц. Корвинъ Графъ, Записка о польскихъ евреяхъ. Парижъ. 1818. 8°).

— id. s. l. 1818. 8° (Тоже самое s. l. 1818. 8°).

Kraushar, Alex., Historia zydow w Polsce. Vols. 1—2. Warszawa 1865—1866. 8°.

(Крауцгаръ, Алекс., Исторія евреевъ въ Польшѣ, ч. 1—2. Варшава. 1865—1866. 8°).

Lebenssohn; A. V. und Tugendhold, W., Stmimen der feiernden Menge. Deutsch und Hebräisch. (Pièce de vers à l'occasion du mariage de S. A. J. le Grand-Duc Heritier Alexandre) Wilna 1841. fol.

(Лейбсонъ, А. В. и Тugendholdъ В., Голоса празднующей толпы, по нѣмецки и по еврейски, стихотвореніе по случаю бракосочетанія Его Имп. Выс. Великаго Князя наследника Александра. Вильна. 1841, въ л.)

Lelewel, Ioach., Sprawa yzowska (en Pologne) w r. 1859, w listce do Ludw. Merzbacha. Pzonan. 1862. 8°.

(Лелевель, Иоах. Дѣло еврейское (въ Польшѣ) въ 1859 г., въ письмѣ къ Людв. Мерцбаху. Познань. 1862. 8°).

Letowski, O zydach w Polsce. Warszawa. 1816. 8°.

(Летовскій, Объ евреяхъ въ Польшѣ. Варшава. 1816. 8°).

Levin, Ahron Samson, Als der Allerdurchlauchtigste Monarch Peter III. den angestammten Kaiser-Thron erwünscht und glücklich bekront... (Pièce de vers.) Kiel 1762. fol.

(Левинъ, Аронъ Самсонъ, Какъ высвѣтлѣйшій монархъ Петръ III. пожелалъ (получить) наследственный престолъ и благополучно коронованъ, стихотвореніе. Киль. 1762, въ л.)

Lilienthal, Max. E., Rede bei der feierlichen Eröffnung der israelitischen Schule zu Riga den 15. Januar 1840. Riga und Leipzig. 1840. 8°.

(Лиленталь, Максъ Е., Рѣчь при торжественномъ открытіи еврейской школы въ Ригѣ 15. Января 1840. Рига и Лейпцигъ. 1840. 8°).

— Rede am Namensfeste J. M. unserer Kaiserin Alexandra Feodrowna, den 21. April 1840. Riga. 1840. 8°.

(— Рѣчь въ день тезоименитства Ея Вел. нашей Императрицы Александры Феодоровны 21 апрѣля. 1840. Рига. 1840. 8°).

— Rede am Dankfeste für die von S. K. M. den nach dem Chersonschen Gouvernement aus Kurland wandernden hebräischen Colonisten-Familien erwiesenen Wohlthaten. Riga. 1840. 8°.

(— Рѣчь на благодарственномъ праздникѣ за оказанныя его Имп. Величествомъ выселившимся изъ Курляндіи въ Херсонскую губернію семействамъ евреевъ-колонистовъ благодѣянія. Рига. 1840 8°)

Lindström, Gust. Israel. In fennicam codicis sacri versionem hypomnemata, 1847.

(Линдстремъ, Густ. Израиль, Записки на финскій переводъ св. писанія. 1847).

Lobgesang bey S. K. H. des Grossfürten Paul Petrowitz Ankunft zu Berlin, von der Judengemeinde daselbst. (Allemand et hébreu.) Berlin. 1776. fol.

(Хвалебная пѣснь, по случаю прибытія Его Имп. Высоч. Вел. Князя Павла Петровича въ Берлинъ, тамошней еврейской общины, по нѣмецки и по еврейски, Берлинъ 1776. въ л.)

— am Krönungs-Tage des Kayzers Alexander I. Gesungen von der jüdischen Colonie in Weiss-Russland. (Allemand et hébreu.) s. l. 1801. fol.

(Хвалебная пѣснь въ день коронованія Императора Александра I. Пропѣта еврейской колоніей въ Вѣлоруссіи, по нѣмецки и еврейски, s. l. 1801, въ л.)

Loblied bey der Thron-Besteigung des Kayzers Paul Petrowitsch. Gesungen von der Judenschaft zu Sklof. (Allemand et hébreu.) s. l. 1797. fol.

(Гимнъ по случаю востествія на престолъ Императора Павла Петровича. Пропѣтъ еврейскимъ обществомъ города Шклова, по нѣмецки и еврейски. s. l. 1797, въ л.)

Loth-und Danklied der Judengemeinde zu Mohilow beym Einzuge I. K. M. Katharina II. (Allemand et hébreu) s. l. 1780 fol.

(Хвалобная и благодарственная пѣснь еврейской общины въ Могилевѣ при въздѣ Ея Имп. Вел. Екатерины II, по нѣмецки и еврейски. s. l. 1780, вл. л.)

Löwenthal, D., Elegie auf den Hintritt S. K. M. Nicolaus des Ersten. (Allemand et hébreu). Warschau, 1856. 8°.

(Левенталь, Д., Элегія на кончину Его Имп. Вел. Николая I, по нѣмецки и еврейски. Варшава. 1856. 4°).

Lubliner, Louis, Des Juifs en Pologne. Bruxelles. 1839. 8.

(Люблинеръ, Луи. О евреяхъ въ Польшѣ. Брюссель. 1839. 8°) — Obrona zydow zamieszkalych w krajach polskich. Bruxelles. 1858. 8°.

(— Защита евреевъ, живущихъ въ польскихъ краяхъ. Брюссель. 1858. 8°).

— De la condition politique et civile des Juifs dans le royaume de Pologne. Bruxelles. 1860. 8°.

(— О политическомъ и гражданскомъ положеніи евреевъ въ Царствѣ Польскомъ. Брюссель. 1860. 8°).

Messoula, Iavan (sic), Quatre années de guerre des Polonais contre les Russes et les Tartares (1648—1652). Traduit de l'hébreu par Dan. Lévy. Suivi de Les schobatniks en Russie par Israel Joseph Benjamin. Tlemcen. 1856. 8°.

(Месула, Яванъ *. Четыре года войны поляковъ противъ русскихъ и татаръ (1648—1652). Переводъ съ еврейскаго Дан. Левы; съ прибавленіемъ сою Субботники въ Россіи Израїля Юсифа Беніаміана. Тлемсень. 1856. 8°).

— (Mezula), Schilderung des polnisch kosakischen Krieges und der Leiden der Juden in Polen während der Jahre 1648—1653. Nach einer von J. Lelewell durchgesehenen französischen Uebersetzung, herausgegeben von I. J. Benjamin II. Hannover 1863. 8°.

(Мецула. Описаніе польско-казацкой войны и страданій польскихъ евреевъ въ продолженіе 1648—1653 годовъ. По французскому переводу, просмотрѣнному И. Лелевелемъ издано И. И. Беніаміаномъ II. Ганноверъ. 1863. 8°).

Moses ben Abraham. Glos ludu izraelskiego do prawdziwych chrzescian polskich, przeciw falszywym ich politykom, z okazji projektow ku zgubie tegoz ludu rozrzucionych miedzy stany seymniace w Warszawie. s. l. 1818. 8°.

(Моисей бень Авраамъ, Голось еврейскаго народа къ справед-

* Въ каталогѣ эти слова, служащія заглавіемъ книги, приняты за имя и фамилію автора. Последній назывался Наталь Ната Ганноверовъ.

ливымъ христіанамъ польскимъ, противъ фальшивыхъ политиковъ, по случаю распространія прозвоткъ объ уничтоженіи этого народа на сеймъ въ Варшавѣ. s. l. 1818. 8°).

Moszczenski, T., Rozmowa Roznieckiego z zydem we wsi Koblanca nad Bugiem. No. 1—3 Warszawa. (1831.) 8°.

Мощенскій, Т., Разговоръ Рожницкаго съ евреемъ въ деревнѣ Коблянецъ на Бугѣ. № 1—3. Варшава. (1831.) 8°.

Muralt, Ed. v., Merkwürdigkeiten aus der Karaitischen Literatur (Aus der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek). St Petersburg. (1858.) 8°

(Муральтъ. Эд. ф., Достопримѣчательности Карайской литературы (изъ Императорской публичной бібліотеки). (Спб. 1858) 8°)

— Notiz über die ältesten polnischen Bibeln der Kaiserlichen öffentlichen Bibliothek (St. Petersburg. 1856.) 8°.

(— Замѣтка о древнѣйшихъ польскихъ бібліяхъ въ Имп. публ. бібліотекѣ. Спб. 1856. 8°).

— La Bible du mont Sinaï (à St Pétersbourg. 1863). fol.

(— Библия горы Синая (въ С.Петербургѣ) (Спб. 1863). вл. л.)

Mylich, Goffr. Geo., Meine Gedanken bei der Frage: ob man in unserm Vaterlande Juden dulden solle, oder nicht? Mitau. (1788) 4.

(Милыхъ, Готтфр. Гео. Мои мысли по вопросу: слѣдуетъ ли допустить пребываніе евреевъ въ нашемъ отечествѣ или не слѣдуетъ? Митава. 1788. 4°).

Nabi, P. Anti-Russ, Destruction totale de la Russie en 1864 et rappel des Juifs en 1860. Paris. 1854. 16°.

(Наби, Анти—русскій, Полное уничтоженіе Россіи (?) въ 1864 и воззваніе (избавленіе) евреевъ въ 1860. Парижъ. 1854. 16°).

Nachricht. Historische, von dem Ewigen Juden, welcher ehedessen in Armenien, Liefeland, Pohlen, Moscau, Spanien und andern Orten soll seyn gesehen worden Franckfurt und Leipzig. 1723. 4°.

(Извѣстіе, историческое, о вѣчномъ жидѣ, котораго когда-то видѣли въ Арменіи, Лифляндіи, Польшѣ, Москвѣ, Испаніи и др. мѣстахъ. Франкфуртъ и Лейпцигъ. 1723. 4°).

Neufeld, Dan., Urzadzenie konsystorza zydowskiego w Polsce. Warszawa. 1863. 8°.

(Нейфельдъ, Дан., Учрежденіе еврейской консисторіи въ Польшѣ. Варшава. 1863. 8°).

* Ostrowski, Tom., Pomystly o potrzebie reformy towarzyskiej w ogolnosci, a mianowicie co do izraelitow w Polsce, przez zalozyciela miasta Tomaszowa Mazowieckiego. Paryz. 1834. 8°.

(Островскій, Том., Размышленія о необходимости общественной реформы вообще, а польскихъ евреевъ въ особенности, основателя города Томашова въ Мазовіи. Парижъ. 1834. 8°).

Petachia, Rabbi, Travels in the latter end of the twelfth cen-

turyin Poland, Russia, little Tartary, the Crimea, Armenia... Translated from the Hebrew by A. Benisch, with explanatory notes, by the translator and Will. F. Ainsworth, London. 1856. 8°.

(Петакія. Равви, Путешествія въ концу XII столѣтія по Польшѣ, Россіи, малой Татаріи, Крыму, Арменіи... Переведено съ еврейскаго А. Бенишемъ, съ объяснительными примѣчаніями переводчика и Уил. Ф. Эйнворта. Лондонъ. 1856. 8°).

Pinner, Prospectus der der Odessaer Gesellschaft für Geschichte und Alterthümer gehörenden ältesten hebräischen und rabbinischen Manuscripte. Odessa. 1845. 4.

(Пиннеръ, Проспектъ принадлежащихъ Одесскому обществу исторія и древностей древнѣйшихъ еврейскихъ и раввинскихъ рукописей. Одесса. 1845. 4°).

Pirgoff, Nic., Die Odessaer Talmud-Thora (Uebersetz). Odessa. 1858. 8°.

(Пироговъ, Ник., Одесская Талмудъ-Тора (переведено). Одесса. 1858. 8°).

Programme zum Lehrereexamen in den ebräischen Unterrichtsgegenständen für die jüdischen Lehrer erster und zweiter Klasse. St. Petersburg. 1846. 8°.

(Программы учительскаго экзамена въ еврейскихъ учебныхъ предметахъ для еврейскихъ учителей перваго и втораго классовъ. Спб. 1846. 8°).

Prośba czytu usprawiedliwienie się ludu wyznania starego testamentu w krolestwie polskiem zamieszkalogo. Warszawa. 1820. 8°.

(Просьба или самооправданіе народа ветхозавѣтнаго исповѣданія, въ Царствѣ Польскомъ живущаго. Варшава. 1820. 8°).

Pucher, S., Betrachtung über die am 23. Oct. 1857 stattgefundene Feierlichkeit in der Rabbinenschule, in Folge ihrer 10 jährigen Existenz. Wilna. 1857. 8°.

(Пухеръ, С., Размышленіе о торжествованіи 23 окт. 1857 въ раввинскомъ училищѣ, по поводу 10-лѣтняго его существованія. Вильна. 1857. 8°).

— Leichenrede, an der Bahre des Herrn Ruben Wunderbar, am 6. Aug. 1868. Mitau. 1868. 8°.

(—Надгробная рѣчь, при смертномъ одрѣ г-на Рубена Вундербара, 6 авг. 1868. Митавы. 1868. 8°).

R. Gurland, ein bekehrter Rabbiner, jetzt evangelischer Pastor zu Kischeneu. Erlangen. 1869. 8°.

(Р. Гурляндъ, обращенный раввинъ, нынѣ евангелическій пасторъ въ Кишеневѣ. Эрлангенъ. 1869. 8°).

Rechenschafts-Bericht der Synagoge der Brodaer Gemeinde in Odessa über die Jahre 1854—1858. Odessa. 1858. 8°.

(Отчетъ синагоги Бродской общины въ Одессѣ. 1858. 8°).

Renner, Fr. Rob., Rebecca oder die Jüdin von Moskau. Roman. Vols. 1.—2. Zwickau. 1853. 8°.

(Реннеръ, фр. Роб., Ревекка или московская еврейка, романъ, ч. 1—2. Цвиккау. 1853. 8°).

— Rebecca de jodin van Moskou, nit het Hogduitsch. Amsterdam. 1853. 8°.

(—Тотже, въ голландскомъ переводѣ. Амстердамъ. 1853. 8°).

Riwin, J. E., Zum Krönungsfeste S. M. der Kaisers Alexander Nikolajewitsch und I. M. der Kaiserin Maria Alexandrowna vom 26. bis 28. Aug. 1858. (Traduit de l'hébreu). Riga. 1856. 8°.

(Ривинъ, Й. Э., Къ торжеству коронаціи Его Имп. Вели. Александра Николаевича и Ея Имп. Вели. Маріи Александровны отъ 26 по 28 авг. 1856, переводъ съ еврейскаго. Рига. 1856. 8°).

Rys, Krotki, historyi ludu zydowskiego w Europie, jako wstep do dziejow ludu tegoz na ziemi polskiej. Krakow. 1834. 8°.

(Краткій очеркъ исторіи еврейскаго народа въ Европѣ, какъ введеіе въ исторію того же народа въ польской странѣ. Краковъ. 1834. 8°).

Rzut oka na s'an izraelitow w Polsce. Warszawa. 1831. 8°.

(Взглядъ на положеніе евреевъ въ Польшѣ. Варшава. 1831. 8°).

Samuel, Jac., The remnant found; or, the place of Israel's hiding discovered. Being a summary of proofs, shewing that the Jews of Daghistan on the Caspian sea are the remnant of the ten tribes. The result of personal investigation during a missionary tour in Georgia, by permission of the russian government in the years 1837 and 1838. London. 1841. 8°.

(Самуэль, Яв., Остатки найдены, или скрытое мѣсто Израіля найдено. Собраніе доказательствъ, что Дагестанскіе евреи при Каспійскомъ морѣ составляютъ остатки десяти коленъ. Результатъ личныхъ изысканій во время мисіонерскаго путешествія по Грузіи, съ позволенія русскаго правительства, въ 1837 и 1838 годахъ. Лондонъ. 1841. 8°).

Sawicki, M. P., Zydzi, ich dzieje z względu na stan obecny polski mieszkancow wyznania mojeszowego. Warszawa. 1865. 8°.

(Савицкій, М. П., Евреи, ихъ дѣйствія по отношенію къ настоящему положенію польскихъ гражданъ Моисеева вѣроисповѣданія. Варшава. 1865. 8°).

Schwabacher, Sim. Leon, «Das Andenken der Gerechten ist Segen» Ein Wort der Erinnerung bei der Einweihung der Raffalowich'schen Spitals-Abtheilung. Odessa. 1861. 8°.

(Швабахеръ, Сим. Леонъ, „Память праведниковъ благословіе!“ Слово воспоминанія при освященіи Рафаловичскаго отдѣленія госпиталя. Одесса. 1861. 8°).

— Festrede zur Feier der Thronbesteigung S. K. M. Alexander Nikolajewitsch an 19. Febr. 1863. Odessa. 1863. 8°.

(—Рѣчь по случаю востесствія на престолъ Его Имп. Вел. Александра Николаевича. 19 февр. 1863. Одесса. 1863. 8°).

— Festrede zur Feier der Thronbesteigung S. K. M. Alexander Nikolajewitsch am 19 Febr. 1864. Odessa. 1864. 8°.

(—Тоже самое 19 февр. 1864. Одесса. 1 64. 8°).

— Todtenfeier S. K. H. des Grossfürsten Thronfolgers Nicolai Alexandrowicz. Odessa. 1865. 8°.

(—Панихида по случаю кончинѣ Е. И. Выс. Вел. Князя Наслѣдника Николая Александровича. Одесса. 1865. 8°).

— Fest-Predigt zur Doppelfeier des Geburtstages S. K. M. Alexander Nikolajewitsch und der «silbernen» Hochzeit I. K. M. am 15 April 1866. Odessa. 1866. 8°.

(—Торжественная проповѣдь при двойномъ торжествѣ ддя рождения Е. И. В. Александра Николаевича и „серебряной“ свадьбы ихъ И. В. 15 апрѣля 1866. Одесса. 1866. 8°).

— Denk- und Dank Predigt zur Feier der Lebensrettung S. K. M. Alexander Nikolajewitsch. Odessa. 1866. 8.

(—Размышления и благодарственная проповѣдь по случаю спасенія жизни Е. И. В. Александра Николаевича. Одесса. 1866 8°).

— Fest - Predigt bei der Uebergabe der zur Rettungsfeier S. K. M. von der israelitischen Jugend geweihten Thora-Rolle. Odessa. 1866. 8°.

(—Торжественная проповѣдь при передачѣ свята пятикнижя, посвященнаго еврейскою молодежю по случаю празднованія спасенія Е. И. В. Одесса. 1866. 8°).

— Festrede zur Feier der Thronbesteigung S. K. M. Alexander Nikolajewitsch am 19. Apr. 1868. 8°.

(—Рѣчь по случаю торжества востесствія на престолъ Е. И. В. Александра Николаевича 19 апр. 1868. Одесса. 1868. 8°).

— Lorbeer, Palme, Myrthe und Cypressen. Der Kaiserpark. Festpredigten bei Allerhöchsten Veranlassungen. Odessa. 1869. 8°.

(—Лавровое дерево, пальма, миртъ и кипарисъ. Императорскій паркъ. Проповѣди при высочайшихъ торжествахъ. Одесса. 1869. 8°).

Seiner Erl. dem Herrn Generalgouverneur von Pleskau, Lief-Esth-und Kurland Marquis Paulucci dargebracht von den Kahaln und Vorstehern der israelitischen Gemeinde zu Mitau. (Pièce de vers). Mitau. 1825. 4°.

(Его сят. г-ну генераль-губернатору Пскова, Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи маркизу Паулуччи, поднесено кагалами и представителями еврейской общины въ Митавѣ; стихотвореніе. Митава. 1825. 4°).

S. Exc. dem Herrn Baron von Hahn bei Hochdesselben Abreise von Mitau nach Grusien, gewidmet von den Kahaln der Ebräer-Gemeinde zu Mitau den 13. Juni 1837. (Pièce de vers.) Mitau 1837 4°.

(Его превосход. г-ну барону г. Гану при его отъѣздѣ изъ Митавы въ Грузію, посвящено кагалами еврейской общины въ Митавѣ 13 юніа 1837; стихотвореніе. Митава. 1837. 8°).

S. M. unserem Kaiser Alexander II bei Seinem Einzuge in Mitau im Jahre 1856 geweiht von der Ebräer-Gemeinde. (Pièce de vers.) Riga. 1856. 4°.

(Его Вел. нашему Императору Александру II при его вѣздѣ въ Митаву въ 1856 году, посвящено еврейской общиною; стихотвореніе. Рига. 1856. 4°).

— K. H. dem Grossfürsten Thronfolger Cesarewitsch Nikolai Alexandrowitsch bei seinem Einzuge in Mitau im Jahre 1860 allerunterthänigst geweiht von der Ebräer-Gemeinde. (Pièce de vers.) Riga. 1860. 4°.

(Его И. Выс. Вел. Кн. наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу при его вѣздѣ въ Митаву въ 1860 году всеняижайше посвящено еврейской общиною; стихотвореніе. Рига. 1860. 4°).

S. Erl. dem Herrn Grafen Schuwalow, bei seinem Einzuge in die Ostseeprovinzen, im Namen der Ebräer-Gemeinde in Mitau (Pièce de vers.) Riga. 1865. 4°.

(Его сят. графу Шувалову, при его вѣздѣ въ остзейскія губерніи, отъ имени еврейской общины въ Митавѣ; стихотвореніе. Рига. 1865. 4°).

Stostmann, Wilhelmine, Der polnische Jude. Historischer Roman. Vols. 1—2. Braunschweig. 1833. 8°.

Зостманнъ, Вильгельмина, Польскій еврей. Историческій романъ; ч. 1—2. Брауншвейгъ. 1833. 8°).

Sposob na zydow czyli srodki niezawodne zbrojenia z nich ludzi uczciwych i dobrych obywateli. Wilna. 1818. 8°.

(Способъ къ еврейямъ или средство непременно сдѣлать изъ нихъ людей честныхъ и добрыхъ гражданъ. Вильно. 1818. 8°).

Statut des Geselligkeits-Verein der Hebräer in Riga. (Riga. 1866) 8°.

(Статутъ еврейскаго кружка въ Ригѣ. Рига. 1866. 8°).

Statuten der ebräischen Kaufmanns-Versammlung in Mitau. Mitau. 1862. 8°.

(Статуты еврейскаго купеческаго собранія въ Митавѣ. Митава. 1862. 8°).

Sternberg, Herrn., Versuch einer Geschichte der Juden in Polen seit deren Einwanderung in dieses Land. Wien. 1860. 8°.

(Штернбергеръ, Германъ, Опытъ исторіи евреевъ въ Польшѣ со времени ихъ переселенія въ эту страну. Вѣна. 1860. 8°).

- Tarnopol, Ioach, Notices historiques sur et caracteristiques sur les israélites d'Odessa. Odessa. 1855. 8°.
- (Тарнополь, Иоак., Историческія и характеристическія замѣтки объ Одесскихъ евреяхъ. Одесса. 1855. 8°).
- Thomas, Iohn, „Elpis Israel“. England, Russia and the East. (London. 1850). 8°.
- (Томась, Джонъ, „Надежда Израіля“. Англія, Россія и Востокъ. Лондонъ. 1850. 8°).
- Tugendhold, Iak., Dumama izraelity na warcie. Warszawa. 1831. 8°.
- (Тугендгольдъ, Як., Мысли еврея на сражѣ. Варшава. 1831. 8°).
- Słowo w swoim czasie, czyli rzecz na uczczenie dnia, w którym założony został węgiewski kamień nowej budowli rozprzestrzeniającej dom przytulku sierot i ubogich wznania mojeszowego w Warszawie. Warszawa. 1847. 8°.
- (— Слово кстати, или рѣчь въ честь дня, въ который былъ заложенъ краугольный камень новаго зданія для расширенія пріюта сиротъ и бѣдныхъ Моисеева исповѣданія въ Варшавѣ. Варшава. 1847. 8°).
- Rys myśli powaznych poswiecony pamieci osob zgaslych, zasłużonych zakładem dobroczynnym i szpitalom a między niemi I. S. Rosena. Warszawa. 1848. 8°.
- (— Очеркъ серьезныхъ мыслей, посвященный памяти усопшихъ заслуженныхъ благотворительныхъ учрежденіемъ и госпиталемъ, а между ними И. С. Розена. Варшава. 1848. 8°).
- Tugendhold, Wolf., Freuden—Hymne nach Erscheinung S. K. M. Nikolais I. in der Stadt Wilna. Von den edelsten Israeliten dieser Gemeinde. Wilna. 1829. 4°.
- (Тугендгольдъ, Вольфъ., Радостный гимнъ послѣ появленія Е. И. В. Николая I въ городъ Вильнѣ, отъ благороднѣйшихъ евреевъ. Вильна. 1829. 4°).
- Stimmung und Herzensergiessung der Hebräer bei Erscheinung S. K. M. Nikolais I in der Stadt Wilna im Jahre 1837. (Pièce de vers). Wilna. 1837. 4°).
- (— Настроеніе и изліаніе сердца евреевъ при появленіи Е. И. В. Николая I въ городъ Вильнѣ въ 1837 году; стихотвореніе. Вильна. 1837. 4°).
- Stimmen der feiernden Menge. s. Lebensohn, A. B. 1841.
- (— Голоса празднующей толпы. См. Лебенсона. А. В. 1841).
- Einige Worte am Gründungstage des israelitischen Armen-Instituts in Warschau nach Verlauf des ersten Jahres seiner wohlthätigen Wirkung. Warschau 1842. 8°.
- (— Нѣсколько словъ въ день основанія еврейскаго пріюта для бѣдныхъ въ Варшавѣ по истеченіи перваго года его благотворной

- дѣтельности. Варшава. 1842. 8°) (это не Якова ли Тургендгольда?).
- Die Sprache der Bibel im phonetischen Sprachstamme. Th. I. Semitische Nachklänge in den slavischen Sprachen. Wilna. 1848. 8°, 4°.
- (— Библейскій языкъ въ фонетической расѣ языковъ. Ч. I. Семитическіе отголоски въ славянскихъ языкахъ. Вильна. 1848. 4°, 8°).
- Die Rabbinen-Schule zu Wilna. Wilna. 1849. 8°.
- (— Раввинское училище въ Вильнѣ. Вильна. 1849. 8°).
- Uwagi nad pytaniami: Czyli żydzi polscy maja bydz, lub nie, przupuszczeni do praw obywatelskich i politycznych? Krakow. 1816. 8°.
- (Расужденія по вопросу: Должны ли польскіе евреи быть допущены до гражданскихъ и политическихъ правъ? Краковъ. 1816. 8°).
- * Voltaire, Le Vieillard du mont Caucase aux juifs portugais, allemands et polonais. Rotterdam. 1777. 12°.
- (* Вольтеръ, старецъ горы Кавказъ къ португальскимъ, нѣмецкимъ и польскимъ евреямъ. Роттердамъ. 1777. 12°).
- Von der Gesellschaft christlicher Israeliten, und der für dieselbe errichteten Tutel-Comität. Befehl an einem Dirigirenden Senat. (St. Petersburg. 1817). 8°.
- (Объ обществѣ христіанскихъ израїльтянъ и основанномъ для нихъ почетномъ комитетѣ. Указъ правительствующему Сенату. Спб. 1817. 8°).
- Walther, Christoph Fr., Mademoiselle Rachel à St. Pétersbourg. Vers latins composés à l'occasion de sa visite à la Bibliothèque Impériale Publique. Traduits en vers français par Aug. Lepas. St. Pétersbourg. 1854. 8°.
- (Вальтеръ, Христофъ Фр., Дѣвица Рашель въ Спб-ѣ. Латинскіе стихи, составленные по случаю посѣщенія ею Имп. Пуб. Библиотеки и переведенные французскими стихами Авг. Лепса. Спб. 1854. 8°).
- Walton, Brianus, Dissertatio in qua de linguis orientalibus hebraica, chaldaica, samaritana, syriaca, arabica, persica, aethiopia, armena disseritur. Daventriae. 1658. 12°.
- (Вальтонъ, Бріанъ, Диссертація, въ которой расуждается о восточныхъ языкахъ: еврейскомъ, халдейскомъ, самаританскомъ, арабскомъ, персидскомъ, эіонскомъ и армянскомъ. Девентеръ. 1658. 12°).
- * Wittenheim, Geo. Fr. v., Ueber die Duldung der Juden in den Herzogthümern Kurland und Semgallen. Mitau. (1786). 8°.
- (Виттенгеймъ, Гео. Фр. ф., О дозволеніи евреямъ жительствоваъ въ герцогствахъ Курляндіи и Жмудни. Митава. 1786. 8°).
- Wunderbar, R. I., Betrachtungen über die aus Kurland nach dem chersonschen Govv. wandernden israelitischen Colonisten-Familien. Mitau. 1840. 8°.

(Вундербаръ, Р. Н., Размышления объ еврейскихъ колонистахъ, переселяющихся изъ Курляндіи въ Херсонскую губернію. Митава. 1840. 8°).

— Gottesdienstlicher Vortrag zur Feier des Krönungsfestes I. K. M., gehalten in der grossen Synagoge zu Mitau. Riga. 1853. 8.

(—Проповѣдь при богослуженіи по поводу празднованія для коронаціи ихъ Имп. Вел. въ Митавской большой синагогѣ. Рига. 1853. 8°).

— Geschichte der Juden in den Provinzen Liv- und Kurland. Mitau. 1853. 8°.

(—Исторія евреевъ въ провинціяхъ Лявляндіи и Курляндіи. Митава. 1853. 8°).

Zadig, Abrah. An das rigische Publicum (appel à l'établissement d'un hospital). Riga. 1790. 8°.

(Цадигъ, Авр., Къ Рижской публикѣ; воззваніе объ основаніи госпиталя. Рига. 1790. 8°).

— An den Kaiser Alexander I. (Pièce de vers.) s. 1. 1802. 4°.

(—Императору Александру I; стихотвореніе. 1802. 4°).

Zbiór ustaw i obrzedow wymagajacych reformy izraelitow osiadlych w prowincjach do Polski nalezacych, przez W. G. Pa-guz. 1835. 8°.

(Собраніе законовъ и обрядовъ, требующихъ преобразованія евреевъ, живущихъ въ областяхъ, принадлежащихъ къ Польшѣ. В. Г. Парижъ. 1835. 8°).

Zdanie, sprawy z dzialan komitetu synagogi przy ulicy Danilowiczowskiej za rok 1859—60—1868. Warszawa. 1860—1869. 4°.

(Отчетъ о дѣятельности комитета синагоги на Дониловичевской улицѣ за 1859—1869. Варшава. 1860—1869. 4°).

— sprawy z dzialan komitetu synagogi za rok 1859. 60—1863, 1866—1869. Warszawa. 1860—1869. 4°.

(—О дѣятельности комитета синагоги за 1859—1863, 1866—1869 Варшава. 1860—1869. 4°).

Zederbaum, A., Antrittsrede, gehalten am Sonnabend den 30. Januar (11. Februar) 1865 in der Odessaer Kreisschule. Odessa. 1865. 8°.

(Цедербаумъ, А., Вступительная рѣчь, произнесенная въ субботу 30 Янв. (11 фев. 1865 въ Одесскомъ уѣздномъ училищѣ. Одесса. 1865. 8°).

Zusatz zu den Vorschlägen und Mitteln über die bürgerliche Cultur und Religionsaufklärung der jüdischen Nation, mit einigen

Nachrichten von den Juden in Polen und den russischen Provinzen. Königsberg. 1785. 8°.

(Прибавленіе къ предложеніямъ и проектамъ о гражданской культурѣ и религіозномъ просвѣщеніи еврейскаго народа, съ которыми извѣстными объ евреяхъ въ Польшѣ и въ русскихъ областяхъ. Кенигсбергъ. 1785. 8°).

Zustand, verbesserter, der Ebräer in Russland. Breslau, 1805. 8°.
(Улучшенное состояніе евреевъ въ Россіи. Бреславль. 1805. 8°).

ЕВРЕЙСКИЙ МАНУСКРИПТЪ

Г. И. Фогрова.

Содержаніе: Предисловіе. — I. Историческій кварталъ. — II. Необыкновенный подарокъ. — III. Три Коршуна. — IV. Смѣлый наѣздникъ. — V. Панская расправа. — VI. Старая рана. — VII. Вой Паукъовъ. — VIII. Исторія Мухи. — IX. Услуга за услугу. — X. За дгненкомъ волки. — XI. Катастрофа.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

ПОВѢСТИ

А. Фернштейна.

Содержаніе: I. Мендель Гибборъ. — II. Фейгеле Маггидъ.
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Цѣна 1 руб.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

РАЗСКАЗЫ

Л. О. Леванлы.

Содержаніе: I Пѣшка. — II. Переполохъ въ Н-ской общинѣ. — III. Пейсы моего мелама. — IV. Школовъ-боязнъ. — V. Еврейскій Вертеръ. — VII. За границей.

Цѣна 1 руб.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу

сочиненія И. Г. Оршанскаго.

I. РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ

Содержаніе: Русское законодательство о евреяхъ; Исключительность юридическаго положенія евреевъ въ Россіи. — Борьба съ еврейскимъ прозелитизмомъ. — Характеръ вѣротерпимости русскаго законодательства. — Охраненіе христіанства отъ вліянія еврейской религіи. — Организациа еврейскаго религиознаго быта. — Еврейская семья. — Изолированность евреевъ. — Необходимость реформъ нашего гражданскаго права по отношенію къ еврейской семьѣ. — Заботы государства о спасеніи евреевъ. — Христіанская буржуазія и еврейская конкурренція. — Казенный интересъ и евреи. — Царствованіе Екатерины. — Мотивы русскаго законодательства о евреяхъ. — Изъ исторіи „положенія для евреевъ“ 1804 г. — Намѣтки о юридическомъ бытѣ евреевъ: Очеркъ законодательныхъ мѣръ относительно евреевъ въ послѣдніе годы. — О предполагаемой реформѣ законодательства о евреяхъ. — Юридическій бытъ евреевъ земледѣльцевъ — О положеніи евреевъ-ремесленниковъ во внутреннихъ губерніяхъ. — Евреи на Бессарабской границѣ. — Евреи въ Прибалтійскомъ краѣ. — Сто лѣтъ тому назадъ. — Евреи крѣпостные. — Къ вопросу о положеніи евреевъ въ чести ихъ осѣдлости. — По поводу новаго королевскаго положенія. — Несколько словъ о рекрутской повинности у евреевъ. — Протоанархическое положеніе еврейской религіи въ Россіи. — Политія и меламады. — О еврейской присягѣ свидѣтелей. — О значеніи еврейской подписи на актахъ.

Цѣна 2 руб.

II. ЕВРЕИ ВЪ РОССІИ

ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО БЫТА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Очерки экономическаго быта русскихъ евреевъ: Вліяніе на экономическій бытъ русскихъ евреевъ. — Что такое еврейская торговля и промышленность. — Еврейская торговля и внутреннія губерніи. — Евреи и торговля пштыями. — Земледѣльческій трудъ у евреевъ. — Благоусостояніе евреевъ въ Западномъ краѣ. — Къ характеристикѣ одесскаго погрома.

Отдѣлъ II: Очерки общественнаго быта русскихъ евреевъ. — Обрушеніе евреевъ. — Политическое значеніе евреевъ въ Польшѣ. — Еврейское земледѣліе въ Западномъ краѣ — Мысли о хасидизмѣ. — О книгѣ кагала. — Раввинскій судъ. — О замѣнѣности евреевъ. — Протоанархическія вѣсны русскихъ евреевъ. — Исторія выключки. — Томаудическія сказанія объ Александрѣ Македонскомъ.

Цѣна 2 руб.

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО РУССКОМУ ПРАВУ

СЕМЕЙНОМУ И НАСЛѢДСТВЕННОМУ.

Содержаніе: Личныя и имущественныя отношенія супруговъ. — О приданомъ. — По вопросу о бракѣ и раскольничьихъ. — Наслѣдственныя права русской женщины. — О судебномъ утвержденіи въ правахъ наслѣдствія.

Цѣна 2 р. 50 к.

Главные склады при типографіи А. Е. Ландау, Площ. больш. Театра № 2,
и при книжномъ магазинѣ О. И. Бакета, Б. Итальянская № 2.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

ГИГИЕНА ВОЛОСЪ

И СРЕДСТВА
ПРОТИВЪ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОГО СЪДНІЯ
И ВЫПАДЕНІЯ ИХЪ.

Д-ра Лингуса,

ПРОФЕССОРА БЕРЛИНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Цена 40 коп.

Выпсывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

ЕВРЕИ

И ИХЪ

УЧЕНІЕ ОБЪ ИНОВѢРЦАХЪ.

Д. И. Флисселера.

Содержаніе: **Часть первая.**—Взглядъ на отношеніе нашей прессы къ еврейскому вопросу.—Еврейская эксплуатация съ экономической точки зрѣнія.—О солидарности и замкнутости евреевъ.—О распаиваніи евреями крестьянъ.—Объ арендованіи и покушкѣ евреями земли въ югозападномъ краѣ.

Часть вторая.—Еврейская эксплуатация съ религиозной точки зрѣнія:—I. Моисеевы законы объ иновѣрцахъ.—II. Талмудъ и позднѣйшій раввинизмъ объ иновѣрцахъ.—III. „Бесиднъ“ или судъ у евреевъ.—IV. Нѣсколько словъ о Мессии.

Цена 1 р. 50 коп.

Выпсывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

ЕВРОПЕЙСКІЕ КЛАССИКИ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

ПЕТРА ВЕЙНБЕРГА.

Вышли ВОСЕМЬ выпусковъ.

Содержаніе ихъ слѣдующее:

- Выпускъ I. Гете „Ифигенія въ Тавридѣ“, переводъ А. Н. Яхонтова.
” II. Шекспиръ „Корюланъ“, переводъ А. В. Дружинина.
” III. Мольеръ „Скупой“, переводъ Ф. Н. Устрялова.
” IV. Данте „Адъ“, переводъ фанъ-Дима.
” V. Шиллеръ „Лирическія Стихотворенія и „Лагерь Валленштейна“, переводъ разныхъ писателей.
” VI. Шериданъ „Школа Злословія“, переводъ П. И. Вейнберга.
” VII. Сафозель „Эдипъ-Царь“, переводъ С. Шестакова.
” VIII. Байронъ „Мазепа“, „Шильонскій узникъ“, Мелкія стихотворенія. „Сарданапалъ“, переводъ разныхъ писателей.

Каждый выпускъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: 1) полнаго текста произведенія; 2) подробныхъ примѣчаній; 3) объяснительной статьи исторически-критическаго характера; 4) биографіи того автора, чье произведеніе напечатано.—Цена каждому выпуску 50 к.

ЗАРНИЦА

СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ПОВѢСТЬ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

А. Л. Корвинъ-Круковской.

Содержаніе: I. Ожиданіе.—II. Чужакъ.—III. Найденная пропажа.—IV. Братъ и сестра.—V. На турецкой почвѣ.—VI. Болгарское мѣстечко.—VII. Новые личности.—VIII. Что оказывается.—IX. Программа и школа.—X. Опасныя открытія.—XI. Различныя перемены.—XII. Сеферъ-Паша.—XIII. Чиновничій разумъ.—XIV. Ошибки и недоразумѣнія.—XV. Подозрительная личность.—XVI. Неудавшійся планъ.—XVII. Мужъ и жена.—XVIII. Подъ надзоромъ.—XIX. Трущоба.—XX. Английское покровительство.

Цѣна 1 руб.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

ТАЛМУДЪ

ЭТОГЪ

Эм. Дейтша.

БИБЛИОТЕКАРЯ БРИТАНСКАГО МУЗЕЯ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Переводъ съ седьмого изданія.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 50 коп.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

НА-ВСТРѢЧУ.

ОЧЕРКИ И СТИХОТВОРЕНІЯ

Василія Маркова.

Содержаніе: Отъ автора.—I. Стихотворенія: а) оригинальныя: На-встрѣчу.—Пророкъ (на мотивъ изъ библии).—Мѣдная лира. Памяти А. Н. Некрасова.—б) Переводныя и передѣлки: Пѣсни Мирзы-Шаффи (Прологъ и 23 пѣсы).—Пѣсь къ западному вѣтру (П. Б. Шелли).—Къ жаворонку (его же).—Прометей (Байрона).—Euthanasia (его же).—Спокойствіе (Гете).—Изъ романа Фр. Рабле „Дѣянія Гаргантюа и Пантагрюэля“: 1) Къ читателямъ романа.—2) Надпись надъ воротами Телемскаго аббатства.—На о. Кипръ (Шатена).—Сказка объ одуроченномъ браминѣ (изъ санскритскихъ сказокъ Сомадевы).—Умирающій цвѣтокъ (Фр. Тюкерт).—Изъ Лучезарнаго края (мѣдизмическая пѣса, съ англійскаго).—II. Проза: а) Публицистика: Отрицатели-прогрессисты.—По восточному вопросу.—Англійскіе интересы и Россія.—Братъ ли намъ Константинополь?—Освободительная идея.—Грядущія задачи.—Какая будетъ война.—Политическія бесѣды. б) Критическіе очерки.—Попытка новаторства.—Хищная гениальность.—Задавленная раса.—Васни Лафонтена.—Охранительная мораль.—Мишурная филантропія.—Личная воля.—Подвижничество Гоголя.—Новѣйшая поэзія.—Человѣческая личность въ искусствѣ.—Итогъ.—Поэты идеалисты.—Органическая критика.—Деревенскій романъ.—Теорія общественной дремоты.—Исканіе идеаловъ и „деревня“.—Художественно-консервативный романъ.—Поэзія Некрасова.—Реалистическая школа.—Спиритизмъ.—в) Протестъ противъ заключеній комиссіи по изслѣдованію мѣдизма—г. Заключеніе.

Цѣна 3 руб.

Выписывающіе изъ главнаго склада за пересылку не платятъ.

Съ 18-го іюня 1878 г. издающаяся въ **Одессѣ** ежедневная политическая, литературная, коммерческая и справочная газета.

„ПРАВДА“

Будетъ выходить въ увеличенномъ объемѣ и въ форматѣ большаго газетнаго листа.

Общественное вниманіе, поглощенное до сихъ поръ ходомъ военныхъ событий, теперь, съ окончаніемъ войны, должно обратиться на другой предметъ, — на вопросы, касающіеся внутренней жизни родной страны, касающіеся народнаго хозяйства, его развитія и преуспеянія. Вотъ почему въ настоящее время каждое современное издание, если только оно желаетъ удовлетворить насущнымъ требованіямъ времени, должно обратить всѣ свои силы на разработку этихъ вопросовъ, чтобы оказать посильную помощь обществу при разрываніи тѣхъ историческихъ и сложныхъ задачъ, которыя остались въ наследіе странѣ, постѣ страшною напряженіемъ снѣвъ, вызваннаго войною.

Редаціи „Правды“, проникшись глубокимъ сознаніемъ той серьезной обязанности, которая въ настоящую минуту лежитъ на каждомъ печатномъ органѣ, и согласуясь съ требованіями времени, сочла необходимымъ расширить въ газетѣ отдѣлы *сельскохозяйственной и железнодорожной*. Съ этою цѣлью она приглашаетъ къ себѣ новыхъ сотрудниковъ и надеется, что при дѣятельной помощи ихъ — издательскій отдѣлъ получитъ то развитіе, котораго теперь вправе ожидать и требовать вѣ читателѣ. Отдѣлы корреспонденцій изъ края также обогатятся пріобрѣтеніемъ новыхъ корреспондентовъ во всѣхъ значительныхъ городахъ юга Россіи.

Не желая, чтобы такое расширеніе внутренняго отдѣла сужило рамки политическаго и иностраннаго, редація вынуждена увеличатъ настолько форматъ изданія, чтобы всѣ отдѣлы газеты, получивъ надлежащее развитіе, были въ состояніи удовлетворить современнымъ требованіямъ публики.

Подписная цѣна на полученіе газеты „Правды“ въ большомъ форматѣ.

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На годъ	8 р. — к.	10 р. — к.	11 р. — к.
На полгода	5 „ — „	6 „ — „	6 „ 50 „
„ 3 мѣс.	2 „ 75 „	3 „ 25 „	3 „ 50 „
„ 1 „	1 „ — „	1 „ 15 „	1 „ 25 „

Зарубежные подписчики прибавляютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 80 коп. за каждый мѣсяць, за годъ же 7 р., для франкнрнанной пересылки газеты.

Подписка для иногороднихъ считается съ 1-го или 15-го числа мѣсяца. При и рѣшеніи адреса они присылаютъ въ контору газеты 20 коп. деньгами или почтовыми марками. Для вѣрныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій допускается выписка газеты *огрѣдно* по письменнымъ официальнымъ заявленіямъ, а равно принимается и *розрѣчно* по своему съ раздѣленію.

Подписчики, пользующіеся *при отпускѣ* *восточной* *платой* за годовой экземпляръ съ пересылкою, доставляютъ: при подпискѣ въ 1-му января—3 р., 1-му марта—3 р., 1-му іюня—3 р. и 1-му сентября остальные—2 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ **ОДЕССѢ**, въ главной конторѣ газеты „ПРАВДА“.

Редакторъ-издатель Юс. Флор. Доливо-Добровольскій.

О ПОДПИСКѢ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

РУССКІЙ МІРЪ

съ еженедѣльнымъ „Литературнымъ Прибавленіемъ“.

„Русскій Міръ“, какъ по составу сотрудниковъ и по полнотѣ программы, такъ и по значительному кругу подписчиковъ и читателей, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ежедневныхъ русскихъ изданій.

Своими твердымъ политическимъ направленіемъ, своими статьями и корреспонденціями, равно какъ и обиліемъ полюбимыхъ свидѣній, „Русскій Міръ“ пріобрѣлъ широкую извѣстность не только въ Россіи, но и за границей.

„Русскій Міръ“, при сравнительно доступной цѣнѣ, даетъ читателямъ гораздо болѣе матеріала, чѣмъ другія большія ежедневныя изданія.

Редація предлагаетъ всѣмъ странямъ и не жалеть средствъ, чтобы сдѣлать „Русскій Міръ“ самою полною, разнообразною и интересною по оодержанію изъ всѣхъ существующихъ газетъ.

Подписчики „Русскаго Мира“ получаютъ, сверхъ ежедневной газеты въ форматѣ большаго печатнаго листа, еще особое бесплатное „Литературное Прибавленіе“, выходящее разъ въ недѣлю, но воскреснымъ, и составляющее въ концѣ года обиліеиый томъ въ форматѣ нашихъ еженедѣльныхъ журналовъ: „Нива“, „Недѣля“ и другихъ.

Въ „Литературномъ Прибавленіи“, номера котораго составляются съ особю тщательностью, находятся слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Романы, оригинальные и переводные;
- 2) Повѣсти и разказы, преимущественно изъ русской жизни;
- 3) Путешествія, этнографическіе и бытовые очерки;
- 4) Критика и библиографія, русская и иностранная;
- 5) Стихотворенія, и 6) Смѣсь.

Въ наст. ишемѣ 1878 года печатается, между прочимъ, обширный романъ изъ русской жизни въ трехъ частяхъ, подъ заглавіемъ „На нашихъ глазахъ“, — **Вячеслава Раппа**. Новые годовые и полугодовые подписчики получатъ этотъ романъ или недостающее его листы, въ видѣ бесплатной преміи.

„Русскій Міръ“ имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Россіи, а также за границей въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Вухарестѣ, Вилградѣ, Тырновѣ, Константинополѣ и Эрзерумѣ. Въ случаѣ какихъ-либо политическихъ или военныхъ событий, редація отправляетъ спеціальныхъ корреспондентовъ на мѣсто дѣяній.

Особенное вниманіе обращено редакцію на полноту и содержательность отдѣловъ внутренняго, политическаго и литературнаго. Постоянныхъ фельетоновъ

полагается три в неделю, воскресный (г. Никто), носовский (по четвергам) и литературный (по пятницам). В остальные дни фельетоны бывають или случайные, или беллетристические. Между прочим в настоящее время печатается в фельетонном отделе новый роман К. Дебана — «Мона мертвеца».

Провинциальные и петербургскія известія доставляются ежедневно особыми репортерами и корреспондентами; текущая административная новости сообщаются также аккуратно из источников вполне достоверных.

Торговые известія помѣщаются два раза в неделю, а курсы — ежедневно.

В «Литературном Прибавленіи», съ конца 1877 года, помѣщены, между прочимъ, сверхъ многочисленныхъ рассказовъ и очерковъ, романы: «Святая женщина», Эрнста Додэ, Миллионное наследство, Ф. Фридриха, «Вампиръ», (изъ болгарской жизни) «Наполеоновское время», Фрица Рейтера (еще не окончено), а также рассказы Альфонса Додэ, Альфреда де-Виньи, Эрмана Шатриана Эмиля Золя, Бретъ-Гарта, Биара и многихъ другихъ.

Изъ стихотвореній помѣщены: А. Майнова (Знаменіе времени), В. Головина, Н. Минскаго, Крутова, Бекетовой и др.

Въ скоромъ времени будетъ напечатана новая повесть Н. Н. Каравина, «Варвара Лыко и ея семья».

Въ настоящее время печатается также рассказъ известнаго путешественника по Востоку, г. П. Огородникова: «съ богомольцами въ пустыни».

Цѣна «Русскаго Мира» съ «Литературнымъ Прибавленіемъ» (съ доставкой и пересылкою въ Россіи):

НА ГОДЪ	14 р. — к.	НА ПОЛГОДА	8 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ	13	» 5 мѣсяцевъ	7
» 10 "	12	» 4 "	5
» 9 "	11	» 3 "	5
» 8 "	10	» 2 "	4
» 7 "	9	» 1 "	3

Разрочны в платеніи подписныхъ денегъ доускаются по желанію подписчиковъ и по соглашенію съ редакціею (для служащихъ — черезъ казначеивъ).

ПОД ПИС К А П Р И Н И М А Е Т С Я :

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ газеты, Большая Морская, д. 11.
 « МОСКВѢ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страсноиъ бульварѣ и у другихъ книгопродавцевъ, у А. П. Мейера (Маросейка, д. Леонова).

ВЪ ОРЛѢ: у А. А. Брачаннинова, въ обществѣ взаимнаго кредита.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ главную контору газеты «Русскій Миръ», въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 11.

Подписываться можно на всѣ сроки не платя, какъ 1 числа каждаго мѣсяца.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ НОВОЙ ГАЗЕТЫ „РУССКАЯ ПРАВДА“.

АНДІИ КАНОНИДОН

Съ 1-го Октября настоящаго года будетъ издаваться, въ С.-Петербургѣ, подъ редакціей нижеподписавшагося, безъ предварительной цензуры, большая ежедневная политико-литературная газета.

„РУССКАЯ ПРАВДА“.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- I. Правительственные распоряженія.
- II. Передовыя статьи политическаго, общественнаго и литературнаго содержания.
- III. Телеграммы.
- IV. Хроника.
- V. Внутреннія извѣстія, въ извлеченіяхъ изъ газетъ, собственныхъ корреспонденціяхъ и сообщеніяхъ.
- VI. Иностранная политика.
- VII. Ежедневный обзоръ русскихъ газетъ и журналовъ.
- VIII. Литературныя, ученые и общественныя новости изъ-за границы.
- IX. Оригинальные и переводные романы, повѣсти, драматическія сочиненія и стихотворенія. Путешествія и открытія. Научныя статьи.
- X. Журналистика.
- XI. Искусства.
- XII. Библиографія.
- XIII. Фельетоны общественнаго, политическаго и литературнаго содержания.
- XIV. Анекдоты и курьезы.
- XV. Боржа, финансы и курсы.
- XVI. Судебныя дѣла.
- XVII. Обозрѣніе модъ.
- XVIII. Справочныя свѣдѣнія: театры, желѣзныя дороги, засѣданія обществъ, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ.
- XIX. Объявленія.

Администрація: Редакція — Спб., Колокольная, 6. — Главная Контора — Спб., Невскій проспектъ, 44, при «Книжномъ магазинѣ для иногороднихъ».

Подписка принимается нынѣ лишь до конца 1878 года, въ конторахъ «РУССКОЙ ПРАВДЫ»: Главной—(Невскій, 44). Отдѣленіи конторы—(В. О., 2 лин. 7, при книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича); въ Москвѣ—въ конторѣ газеты, при «Центральному книжномъ магазинѣ» (Николевская улица—д. Славянскаго Базара), равно у всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книгопродавцевъ.—Отдѣльныя и абонементныя объявленія, для напечатанія въ газетѣ, принимаются по дешевой цѣнѣ, обозначенной въ особой конторской таксѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ достав.	Съ пер.	За- гран.
На 1 мѣс. (Октябрь).	1 р.	50 к.	1 р.	80 к.
„ 2 „ (Октябрь и Ноябрь).	3 „	— „	3 „	50 „
„ 3 „ (Окт. Ноябрь, Дек.).	4 „	50 „	5 „	— „
				6 „ 8 „

Иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться **исключительно** по адресу:

Сиб., въ контору газеты РУССКАЯ ПРАВДА.

Подписчики прекратившихъ газетъ „Собесѣдникъ“ и „Сѣверный Вѣстникъ“ получать бездѣлатно нашу газету, по слѣдующему расчету: не допущившиа одного мѣсяца—получать ее въ теченіи Октября; двухъ—въ теченіи Октября и Ноября; трехъ и болѣе—въ теченіи Октября, Ноября и Декабря. Подписчики на обѣ газеты разомъ—все равно получаютъ одинъ экземпляръ. Къ 1-му Января 1879 года доставка газеты всѣмъ подобнымъ подписчикамъ прекратится, если они ни будутъ состоять въ числѣ платныхъ подписчиковъ „Русской Правды“ на будущій годъ. Желательно, дабы тѣ изъ подписчиковъ названныхъ газетъ, которые, послѣ прекращенія послѣднихъ, перемѣнили мѣстожителство—немедля прислали новый адресъ въ контору „Русской Правды“, съ обозначеніемъ № квантитаціи или бандероля, а равно предупредили почтоваго мѣста прежняго ихъ мѣстожителства о предстоящей имъ высылкѣ „Русской Правды“, съ просьбой направить ее по новому ихъ адресу. Въ особенности это необходимо скорѣе сдѣлать лицамъ, состоявшимъ въ Дунайской и Азіатской арміяхъ, нынѣ упрядненіихъ. Но лучше прислать конторѣ новый адресъ. Никакихъ иныхъ удовлетвореній и справокъ газета „Русская Правда“ не даетъ, будучи совершенно новымъ изданіемъ, никакихъ иныхъ обязательствъ на себя не принявшимъ.

Быстро нынѣ движется передъ глазами публики вадейскопомъ ежедневныхъ событій. Задача серьезной газеты должна состоять не только въ сообщеніи фактовъ и новостей, но и въ томъ, чтобы помочь читателю разобраться въ этомъ хаосѣ ежедневно приносимыхъ слуховъ и извѣстій, пропустивъ ихъ сквозь призму трез-

вой критической оцѣнки по отношенію къ ихъ достовѣрности, возможности, полезности или вредности для общества. Знать правду въ такомъ дѣлѣ—значитъ имѣть въ рукахъ залогъ предвидѣнія послѣдствій; а въ этомъ-то и вся задача политической мудрости, въ этомъ-то и разумная цѣль чтенія газетъ. Мы, русскіе, въ особенности мало знаемъ дѣйствительность; мы нерѣдко готовы жить обольстительною самообманомъ, и здѣсь то лежить объясненіе того обстоятельства, что событія послѣднихъ лѣтъ такъ часто ставали насъ врасплохъ.

Редакція потчится оправдать названіе своей газеты; она старається, въ предѣлахъ возможности, сдѣлать газету въ самомъ дѣлѣ отраженіемъ правды—русской. Да поможетъ намъ въ этомъ само общество, на добрыя симпатіи, инстинкты и силы котораго мы рассчитываемъ, принимаясь за дѣло. „Русская Правда“ будетъ отзывчива на всѣ новости дня; но, не гоняясь за одною новизною и эффектностью,—она выше всего будетъ ставить правдивость сообщеній, не пытаясь улаживать истину на прокустово ложе личныхъ симпатій, вусовъ и мнѣній. Только вѣрное всестороннее знаніе дѣйствительности можетъ быть полезно русскому обществу и всѣмъ намъ, русскимъ, въ отчужденности. Газета старається всегда широко поддерживать принципъ терпимости ко всѣмъ независимымъ мнѣніямъ, лишь бы они ни отбрасывали другіе, мнѣнія побужденій; и какою бы мѣрою намъ ни отбрасывали другіе, мы будемъ всегда имѣть одинъ аршинъ и для себя, и для противниковъ, разумно-правдивое замѣчаніе послѣднихъ всегда въ состояніи будетъ заставить насъ взять публично назадъ ошибкой оброченное слово, мнѣніе. Въ этомъ отношеніи мы, вѣроятно, не будемъ знать мелочнаго самолюбія. Такъ мы понимаемъ любовь къ правдѣ.

По своему содержанію, „Русская Правда“ будетъ газетой фактической, разнообразною, возможно полною и живою. Литературныя силы есть и это увидитъ публика на дѣлѣ, хотя мы пока никого не называемъ.

Редакторъ-Издатель Дмитрій Гиревъ.

ТИПОГРАФІЯ и ЛИТОГРАФІЯ

А. Е. ЛАНДАУ

Площадь Большаго Театра, 2—32.

Печатает газеты, журналы, книги и всякаго рода бланки, счета, извѣщенія, конторскія книги и т. п.

Принимаетъ всякаго рода литографскія работы, какъ-то: записки, визитныя и приглашенныя карточки, билеты, шрейсь-курранты и т. п.

Принятые заказы выполняются быстро и скоро.

Иногородныя работы исполняются безотлагательно.

ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.

Содержаніе первыхъ ПЯТИ томовъ

„ЕВРЕЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА

- I. Отъ издателя
- II. Горячее время. Романъ. Часть первая. Л. Леванды.
- III. Кольбельная пѣсня Гиттели. Стихотвореніе. Л. Мандельштамма.
- IV. Еврей о христіанствѣ. Стихотвореніе П. Вейнберга.
- V. Мысли о хасидизмѣ. И. Оршанскаго.
- VI. Библейское государство Л. Мандельштамма.
- VII. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Периодъ первый М. Моргулиса.
- VIII. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. Очеркъ быта польско-русскихъ евреевъ во второй половинѣ XVIII вѣка
- IX. Рейхлихъ и Пресфергорнъ. Борба изъ-за Таммуда. Страница изъ исторіи евреевъ По Гретцу.
- X. Молодая Палестина. Изъ книги „Лиза и сочеченія Гейне“ А. Штротзмана.
- XI. Подсудимное. Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне П. Вейнберга.
- XII. Что такое Еврей? М. Гузмана.
- XIII. Обзоръ современной еврейской литературы Л. Гордона.
- XIV. Русскій переводъ Ветхаго Завета Р. Кулишера.
- XV. Газанинъ. Предсмертная пѣсня Моисея Л. Мандельштамма.

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА.

- I. Отъ издателя
- II. Горячее время. Романъ. Часть 2-ая. Жидыя народныя и еврей. Часть 3-ья. Панаъ Теувинский. Л. Леванды.
- III. Евреи и юдаизмъ. Временъ возникновенія Таммуда Альберта Ревиля.
- IV. Изъ новейшей исторіи евреевъ въ Россіи И. Оршанскаго.
- V. Изъ автобіографіи Соломона Маймона.
- VI. Къ вопросу о земледѣльцѣ и еврей въ Россіи В. Леванды.
- VII. Еврейская пѣсня (Изъ Барри Корнуалъ). Стихотвореніе Д. Минаева.
- VIII. Пѣсня Гудель. (Изъ Франкель). Стихотвореніе. Д. Минаева.
- IX. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Периодъ второй М. Моргулиса.
- X. По поводу острожной синагоги въ Петербургѣ. В. Стасова.
- XI. Обзоръ еврейской литературы Л. Гордона.
- XII. Списокъ поднесенныхъ на I томъ „Еврейской Библиотеки“

СОДЕРЖАНІЕ III-го ТОМА.

- I. Моисей. Восточная поэма Альфреда де-Виньи. Д. Минаева.
- II. Горячее время. Романъ. (Окончаніе). Л. Леванды.
- III. Братьямъ. Изъ народныхъ стихотвореній Л. Оу Гортона. Д. М.
- IV. Субботняя пѣсня. Изъ Франкель Д. Минаева.
- V. Русское законодательство о евреяхъ. И. Оршанскаго.
- VI. Мордех Кизовичъ. Разсказъ. М. Врандштетера.

- VII. Прозвѣднѣмъ съ точки зрѣнія гудейства. . . . Д. Слонимскаго.
 VIII. Геръ Педекъ. Выд. А. Крашевскаго.
 IX. Высшее берлинское общество и евреи А. Гильбрандта.
 X. Еврейское племя въ созданихъ европейскаго искусства В. Стасова.
 XI. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ (обочаніе). . . . М. Моргулиса.
 XII. По поводу статьи М. Г. Моргулиса. . . . Л. Леванды.
 XIII. Браманскіе виды еврейской эксплуатаціи . . . Г. Рабиновича.
 XIV. Вѣчно-новый вопросъ. . . . А. Л.
 XV. Связьъ подсѣчанкамъ на II томъ Еврейской Библиотеки

СОДЕРЖАНІЕ IV-го ТОМА.

- I. Помянникъ. Выд. . . . Г. Богрова.
 II. Нахумъ Итъ-Гаму. Талмудическая легенда. Д. Мишлева.
 III. Къ исторіи западно-русскихъ евреевъ. (Назв. соч. Сол. Беннета) А. Л.
 IV. Русское законодательство о евреяхъ И. Оршанскаго.
 V. Кто виноватъ? (Назв. явленіи одной еврейской колоніи 1833—1845). . . . М. Кулишера.
 VI. Представленія и резолюціи о курманджскихъ евреяхъ при Пашѣ I (Историческая записка). З. Минора.
 VII. Дочь Исфова. Восточная поэма Алфреда де-Винья Д. Мишлева.
 VIII. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки Л. Леванды.
 IX. Вѣкъ пережить — не поле перейти. (Назв. рассказовъ отставнаго солдата) В. Никитина.
 X. Вольтеръ и евреи. (По Грегю). . . . И. Вейлина.
 XI. Современная еврейская беллетристика. . . . А. Ковнера.
 XII. Статистика евреевъ въ Австріи. . . . И. Кауфмана.
 XIII. По-новому западнѣйшій отзывъ газетъ Голосъ . . . Л. Гордона.
 XIV. Своеобразное возмуженіе европейскаго вопроса въ русской журналистикѣ. . . . А. Л.
 XV. Библиографія еврейскаго вопроса. . . . В. Межова.

СОДЕРЖАНІЕ V-го ТОМА.

- I. Отъ издателя.
 II. Гуда Макнаей. Драма Лонгфелло Петра Вейнберга.
 III. Еврейское племя въ созданихъ европейскаго искусства. . . . В. Стасова.
 IV. Искатель счастья. Рассказъ В. Никитина.
 V. Еврейскій вопросъ и интересы Россіи. . . .
 VI. Пичтъ. Съ вѣмецкаго. Стихотвореніе Петра Вейнберга.
 VII. Русское законодательство о евреяхъ И. Оршанскаго.
 VIII. Школовбавъ. Очеркъ прошлаго Л. Леванды.
 IX. Планъ реформъ польскихъ евреевъ В. Павловича.
 X. Присяга и ея разширеніе И. Шершевскаго.
 XI. Национальность. Рабство. Подожженіе женщинъ. А. Гейгера.
 XII. Авраамъ Гейгеръ Вертольда Ауэрбаха.
 XIII. Къ предыдущей статьѣ. . . . А. Л.
 XIV. По поводу перевода Пѣтана Муарато В. Стасова.
 XV. Значеніе Десяти для евреевъ А. Л.
 XVI. Евреи въ Вѣнѣ
 XVII. Л. И. Липкинъ. Некрологъ. . . . X.
 XVIII. Циркуляръ Кіевского генералъ-губернатора
 XIX. Библиографія еврейскаго вопроса. . . . В. Межова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Пяль Григорьевичъ Оршанскій. Биографическій очеркъ ***	1— 48
II. Къ предыдущей статьѣ А. Л.	48
III. Еврейское племя въ созданихъ европейскаго искусства В. В. Стасова	49— 64
IV. Римское Гетто. Изъ воспоминаній Э. Кастелляра Петра Вейнберга	1— 14
V. Исторія высылки И. Г. Оршанскаго	15— 36
VI. Евреи въ средніе вѣка съ точки зрѣнія торговой политикѣ В. Рошера	37— 60
VII. Коробочный сборъ М. Г. Моргулиса	61—113
VIII. Мордаехъ Иерусалими Г. И. Богрова	114—134
IX. Взглядъ на юридическое положеніе евреевъ въ Россіи и заграничій Л. З. С—скій	135—159
X. Значеніе евреевъ въ дѣлѣ сохраненія и возрожденія наукъ М. I. Шлейдена	1— 55
XI. Безъ надписи. Рассказъ. К. Э. Францова	56— 84
XII. Дети искушенія. Рассказъ К. Э. Францова	85—109
XIII. Карлъ Эмвель Французъ А. Л.	110—112
XIV. Наши домашнія дѣла. Письмо изъ сѣверозападнаго края Г. Г.	113—127
XV. Христиане въ защиту евреевъ Л. Л.	128—133
XVI. Помянникъ И. Г. Оршанскому В. В. Стасова	134—138
XVII. Забѣтки 1) Берлинскій конгрессъ. 2) Отзыви нашей печати объ иностранныхъ евреяхъ. 3) Одному изъ нашихъ судей А. Л.	139—176
XVIII. Indaica. Библиографическое сообщеніе А. Я. Гуркави	1— 21
XIX. Объявленія.	

При этомъ томѣ прилагается портретъ и факсимиле покойнаго И. Г. Оршанскаго.